

ISSN 2076-7684

ученые записки

Забайкальского государственного
гуманитарно-педагогического университета
им. Н.Г. Чернышевского

2012/2(43)

серия
Филология, история, востоковедение

Ученые записки

Забайкальского государственного
гуманитарно-педагогического
университета им. Н. Г. Чернышевского

Серия
Филология, история, востоковедение
2012/2 (43)

Научный журнал

Основан в 1957 г.

Выходит шесть раз в год

Учредитель

ФГБОУ ВПО «Забайкальский государственный
гуманитарно-педагогический
университет им. Н. Г. Чернышевского»

Журнал зарегистрирован

Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС77–36625

Журнал входит

в Перечень ведущих рецензируемых научных
журналов и изданий, в которых должны быть
опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание учёных степеней
доктора и кандидата наук

Авторы несут полную ответственность
за подбор и изложение фактов, содержащихся
в статьях; высказываемые ими взгляды
могут не отражать точку зрения редакции

Перепечатка материалов журнала допускается
только по согласованию с редакцией

Рукописи, присланные в журнал,
не возвращаются

Адрес редакции:

672007, г. Чита, ул. Бабушкина, 129
Телефон: 8 (3022) 44-04-25,
факс: 8 (3022) 26-73-17.
E-mail: gumvector@zabspu.ru

Сайт журнала в Интернете

<http://www.zabvector.zabspu.ru>

Подписной индекс журнала
в ОАО «Роспечать» **33190**

Электронная версия журнала
Размещена на платформе
Российской универсальной
научной электронной библиотеки

© Забайкальский государственный
гуманитарно-педагогический университет
им. Н. Г. Чернышевского, 2012

Председатель редакционного совета

И. И. Катанаев,
канд. физ.-мат. наук, доцент, ректор ЗабГГПУ

Главный редактор объединённой редакционной коллегии

И. В. Ерофеева, д-р филол. наук, доцент

Редакторы серии:

Г. Д. Ахметова, д-р филол. наук, проф.
Ц. П. Ванчикова, д-р историч. наук, проф.

Редакционная коллегия выпуска:

Т. В. Воронченко, д-р филол. наук, проф.;
А. В. Константинов, д-р ист. наук, проф.;
Н. В. Эйльбарт, д-р ист. наук, доцент;
Т. М. Дугаржапова, д-р филол. наук, доцент;
А. Е. Горковенко, канд. филол. наук, доцент;
Чжен Шулу, д-р филол. наук, проф.

Редактор англ. версии журнала

Е. В. Наказная, канд. филол. наук, доцент

Ответственный секретарь

Ю. В. Гаврилова

Uchenye zapiski

of Zabaikalsky State
Humanitarian Pedagogical University
named after N. G. Chernyshevsky

Series
Philology, History, Oriental Studies
2012/2 (43)

Scientific Journal

Founded in 1957 г.

Bimonthly

Founder

FSBEI HPE "Zabaikalsky State
Humanitarian Pedagogical University
named after N.G. Chernyshevsky"

The journal is registered

by the Federal Supervision Service in the Field
of Communications, Information Technology
and Mass Communications (Roskomnadzor)

Registration certificate

ПН № ФС77-36625

The journal

is in the list of the leading refereed scientific journals
and editions which publish the main results
of dissertations for academic degrees
of doctors and candidates of sciences

The authors are fully responsible for the selection
and presentation of the facts contained in
their articles; the views expressed by them do not
necessarily reflect the views of the editorial board

Reproduction of any materials from the journal
is allowed only in coordination
with the editorial board

The manuscripts submitted to the journal
are not returned

Address:

672007, Chita, 129 Babushkin St.
Phone: 8 (3022) 44-04-25
Fax: 8 (3022) 26-73-17
E-mail: gumvector@zabspu.ru

Journal web site

<http://www.zabvector.zabspu.ru>

Subscription index of the journal
in OAO "Rospechat" 33190

The electronic version of the journal is placed
on the platform of the Russian Universal
Scientific Electronic Library: www.elibrary.ru

© Zabaikalsky State Humanitarian
Pedagogical University
named after N.G. Chernyshevsky, 2012

Chairman of the Editorial Board

I. I. Katanaev,
Candidate of Physics and Mathematics,
associate professor, ZabSHPU Rector

Editor-in-chief of the Unified Editorial Board

I. V. Erofeeva,
Doctor of Philology, associate professor

Series Editors:

G. D. Akhmetova,
Doctor of Philology, professor;
Ts. P. Vanchikova,
Doctor of History, professor

Editorial Board of the Volume:

T. V. Voronchenko,
Doctor of Philology, professor;
A. V. Konstantinov,
Doctor of History, professor;
N. V. Eylbart,
Doctor of History, associate professor;
T. M. Dugarzhapova,
Doctor of Philology, associate professor;
A. E. Gorkovenko,
Candidate of Philology, associate Professor;
Zhen Shupu, Doctor of Philology, professor

English Version Journal Editor

E. V. Nakaznaya,
Candidate of Philology, associate professor

Executive Secretary

Yu. V. Gavrilova

СОДЕРЖАНИЕ

Угол зрения: научный комментарий

Алефиренко Н. Ф. Теория языка и культуры: в поисках методологии 7

Русская филология

<i>Анциферова Н. Б.</i> Языковая структура образа рассказчика в «Дневнике актрисы» Татьяны Дорониной	9
<i>Ахметова Г. Д.</i> Повесть Александра Рекемчука «Молодо-зелено»: живые традиции реализма в современной прозе.	13
<i>Бухаева О. Д.</i> К сегментации речевого потока в русском языке в аспекте порождения речи.	19
<i>Золхоев В. И.</i> Классификация фонем: применение цифрового кода.	24
<i>Лю Гопин.</i> О композиционном развёртывании текста традиции в современной русской прозе.	30
<i>Мальшиева Е. В.</i> Кинестетическое сопровождение вербальных единиц в русском диалоге	34
<i>Никандрова А. В.</i> Опыт издания дневников писателей в России XIX–XX веков	39
<i>Олзоева Я. В.</i> Описательные глагольно-именные обороты как средство выражения внутрисинтаксической модальности возможности в современном русском языке	44
<i>Рабданова Л. Р.</i> Субъективированное повествование как компонент языковой композиции текста (на материале прозы В. Маканина)	49
<i>Сапожникова Ю. Л.</i> Жанр автобиографии: понятие и особенности	54
<i>Судоплатова Г. А.</i> Стилистические функции оксюморона в поэзии Марины Цветаевой	57
<i>Троитски-Шефер М.</i> Живые языковые процессы в романе Р. Сенчина «Елтышевы» (на фоне немецкого языка).	61
<i>Труфанова И. В.</i> О нескольких мультиязычных каламбурах в романе В. В. Набокова «Отчаяние».	66
<i>Уланов А. В.</i> Источники русского военного дискурса XIX в.: прагматилистический аспект.	73
<i>Хамаганова В. М.</i> Онтологическая основа текста типа «описание»	77
<i>Чжоу Чжунчэн.</i> Интертекстуальность в языковой композиции (на материале современной русской прозы).	83

Зарубежная филология

<i>Долгополая М. С.</i> Англоязычное литературоведение в России второй половины XX – начала XXI века: переводные и оригинальные издания	87
<i>Макарова Е. Н.</i> Интонационные характеристики эмфатической речи: к проблеме испано-английской интерференции	95
<i>Мишина Л. А.</i> Аббревиатуры и иероглифы сна в романе Э. Т. А. Гофмана «Эликсиры сатаны».	99
<i>Разумова Л. В.</i> Квебекская лексикографическая традиция XVIII–XIX веков	103
<i>Рогозная Н. Н., Козлов М. А.</i> Фоноференты англо-русского и русско-английского интерязыка	106

Востоковедение

<i>Бадмаева Л. Б.</i> Бурятские летописи как источники для изучения бурятского языка	114
<i>Бураева С. В., Костров А. В.</i> «Сия богодухновенная книшка писана в городе Осаки в плену»: рукописные молитвы и обережные тексты в военном быту забайкальских старообрядцев (нач. XX в.).	120
<i>Ванчикова Ц. П.</i> Тибетцы в Бурятии: новый феномен в этническом и культурном многообразии республики	128
<i>Васютин С. А.</i> Трансформация элит Уйгурского каганата и империи Ляо: сравнительный анализ	136
<i>Жамбалова С. Г.</i> Кочевой образ жизни в современном мире: проблемы традиционализма и модернизации.	142
<i>Малзурова Л. Ц.</i> Функции бурятских легенд и преданий.	150
<i>Ринчинов О. С.</i> Буддизм на Тайване: предпосылки модернизации и её основные результаты.	155
<i>Суворова А. С.</i> Представления о душе в погребальной обрядности бурят	162
<i>Харанутова Д. Ш.</i> Внутренняя форма слова как источник национально-культурной информации (на материале бурятского языка).	167
<i>Шагдаров Л. Д., Бадмаева Л. Б.</i> Изучение языка письменных памятников в Бурятии	171

Язык и культура

<i>Ахметова М. Н.</i> Системно-образная функция метафоры как способа объединения понятийных сфер, принцип миромоделирования	175
<i>Бакина О. В.</i> Трансформация концепта «духовность»: от кризиса культурной идентификации к интериоризации ценностей национальной культуры	179
<i>Бакланова И. И.</i> Образ адресата рекламного текста с точки зрения постулатов речевого общения Г. П. Грайса (категория качества).	182
<i>Бакула В. Б.</i> Лексика крестильного обряда кильдинского диалекта саамского языка	186
<i>Бойчук А. С.</i> Гастрономическая метафора как показатель социокультурных отношений в среде носителей русского языка	190
<i>Бушев А. Б.</i> Проблема экфрасиса	194
<i>Егдурова В. М.</i> И всё-таки русский язык ... (факторы выбора языка коммуникации в полиэтнической Бурятии).	199
<i>Рычкова Т. А.</i> Культурно-коннотированные словосочетания, называющие ритуальные действия.	202
<i>Санжина Д. Д.</i> Язык и культура	208
<i>Эйльбарт Н. В.</i> Нерчинские купцы Бутины в воспоминаниях Б. Дыбовского	213

Журналистика

<i>Антонов-Овсеенко А. А.</i> Периодическая печать и июльское восстание 1917 г. в Петрограде.	217
<i>Ван Сюй.</i> Народ и культура Китая в российской прессе	222
<i>Ерофеева И. В.</i> Современный медиатекст в когнитивных пространствах «творчества» и «креатива»: аксиология конфликта	228
<i>Корконосенко С. Г.</i> Журналистика сетевых СМИ: смена исследовательских парадигм или продолжение традиций?	234
<i>Наумова Е. В.</i> Ленотделение издательства «Советский писатель» накануне и в первые месяцы Великой Отечественной войны	240
<i>Романовская Н. В.</i> «Когда телевизор во благо»: опыт формирования общественного православного телевидения в России	243

Профессиональное образование

<i>Бабушкин С. М.</i> Уровень владения русской речью учащихся старших классов бурятской школы	251
<i>Балыхин М. Г.</i> Подготовка бакалавров-магистров в системе непрерывного профессионального образования как социально-историческая и педагогическая проблема	256
<i>Балыхина Т. М.</i> Профессионально-риторическая компетенция преподавателя РКИ: дискурс-анализ с позиций инноваций в университетском образовании	261
<i>Иванова Т. М.</i> К вопросу о системном подходе в методике преподавания русского языка как иностранного (на примере русской лексики)	266
<i>Кузнецова Н. С.</i> Транскультурное обучение как способ формирования толерантности иностранных студентов, изучающих русский язык.	272
<i>Чжао Юйцзян.</i> Пути преодоления лексических ошибок в речи китайских учащихся	275

CONTENTS

Point of View

<i>Alefirenko N. F.</i> The Theory of Language and Culture: in Search of Methodology	7
--	---

Russian Philology

<i>Antsiferova N. B.</i> Language Structure of the Image of the Story-teller in Tatyana Doronina's <i>The Diary of An Actress</i>	9
<i>Akhmetova G. D.</i> Alexander Rekemchuk's Story Young-Green: Living Traditions of Realism in Modern Fiction	13
<i>Bukhaeva O. D.</i> Segmenting the Speech Stream in Russian in the Aspect of Generating Speech	19
<i>Zolkhoev V. I.</i> The Classification of Phonemes: Digital Code Application	24
<i>Liu Guo Ping.</i> Compositional Development of the Tradition Text in Modern Russian Prose.	30
<i>Malysheva E. V.</i> Kinesthetic Support of Verbal Units in Russian Dialogue	34
<i>Nikandrova A. V.</i> Some Experience in Publishing Writers' Diaries in Russia in the 19th–20th Centuries	39
<i>Olzoyeva Ya. V.</i> Descriptive Verbal-Nominal Structures as a Means to Express Internal Syntactic Modality of Possibility in Modern Russian	44
<i>Rabdanova L. R.</i> Subjectivized Narration as a Component of Linguistic Composition of the Text (Based on V. Makanin's Prose).	49
<i>Sapozhnikova Yu. L.</i> The Genre of Autobiography: Notion and Peculiarities.	54
<i>Sudoplatova G. A.</i> Stylistic Functions of Oxymoron in Marina Tsvetaeva's Poetry	57
<i>Troitski-Schaefer M.</i> Living Language Processes in R. Senchin's Novel <i>The Yeltsychevs</i> (in the background of the German Language)	61
<i>Trufanova I. V.</i> Some Multilingual Puns in V. V. Nabokov's Novel <i>Despair</i>	66
<i>Ulanov A. V.</i> Sources of Russian Military Discourse of the 19th Century: Pragmatic and Stylistic Aspects	73
<i>Khamaganova V. M.</i> Ontological Basis of Descriptive Texts	77
<i>Zhou Zhongcheng.</i> Intertextuality in the Language Composition (Based on Modern Russian Prose)	83

World Philology

<i>Dolgopolaya M. S.</i> English Literary Criticism in Russia in the Second Half of the 20th and the Beginning of the 21st Century: Translated and Original Publications	87
<i>Makarova E. N.</i> Intonation Characteristics of Emphatic Speech: the Problem of Spanish and English Language Interference	95
<i>Mishina L. A.</i> Dream Abbreviations and Hieroglyphs in E. T. A. Hoffmann's Novel <i>The Devil's Elixir</i>	99
<i>Razumova L. V.</i> Quebec Lexicographical Tradition of the 18th–19th Centuries.	103
<i>Rogoznaya N. N., Kozlov M. A.</i> English-Russian and Russian-English Interlanguages Phonofereents.	106

Oriental Studies

<i>Badmayeva L. B.</i> Buryat Chronicles as Sources for Buryat Language Studies	114
<i>Buraeva S. V., Kostrov A. V.</i> Handwritten Prayers and Protective Texts in the Military Life of Transbaikalian Old Believers (the Beginning of the 20th century)	120
<i>Vanchikova Ts. P.</i> Tibetans in Buryatia: a New Phenomenon in Ethnic and Cultural Diversity of the Republic	128
<i>Vasyutin S. A.</i> Transformation of the Uyghur Khaganate Elite and the Liao Empire: A Comparative Analysis	136
<i>Zhambalova S. G.</i> Nomadism in the Contemporary World: Problems of Traditionalism and Modernization	142
<i>Malzurova L. Ts.</i> Functions of Buryat Legends and Traditions	150
<i>Rinchinov O. S.</i> Buddhism in Taiwan: Preconditions for Modernization and Its Main Results	155
<i>Suvorova A. S.</i> Representations of the Soul in Buryat Funeral Rituals	162
<i>Kharanutova D. S.</i> The Internal Form of the Word as a Source of National and Cultural Information (on the Materials of the Buryat Language).	167
<i>Shagdarov L. D., Badmaeva L. B.</i> The Study of the Language of Written Monuments in Buryatia	171

Language and Culture

<i>Akhmetova M. N.</i> The System and Image Function of Metaphor as a Means to Associate Conceptual Spheres: World-Modelling Principle	175
<i>Bakina O. V.</i> “Spirituality” Concept Transformation: From Cultural Identification Crisis to National Culture Values Interiorization	179
<i>Baklanova I. I.</i> Advertising Text Addressee’s Image from a Perspective of Gricean Maxims (Maxim of Quality)	182
<i>Bakula V. B.</i> Christening Ceremony Vocabulary in Kildin Dialect of the Sámi Language	186
<i>Boychuk A. S.</i> Gastronomic Metaphor as Socio-Cultural Relations Indicator Among Russian Speakers	190
<i>Bushev A. B.</i> The Problem of Ecphrasis	194
<i>Egodurova V. M.</i> And yet the Russian Language . . . (Language Choice Factors to Communicate in Multiethnic Buryatia)	199
<i>Rychkova T. A.</i> Cultural Connotative Phrases Naming Ritual Acts	202
<i>Sanzhina D. D.</i> Language and Culture	208
<i>Eylbart N. V.</i> Nerchynsk Merchants Butins in B. Dybowski’s Memories	213

Journalism

<i>Antonov-Ovseenko A. A.</i> Periodical Press and the July 1917 Uprising in Petrograd	217
<i>Wang Xu.</i> The People and Culture of China in the Russian Press	222
<i>Erofeeva I. V.</i> Modern Mediatext in Cognitive Spheres of «Creation» and «Creativity»: Axiology of Conflict	228
<i>Korkonosenko S. G.</i> Journalism in Net Media: Changing Research Paradigms or Maintaining Traditions? . . .	234
<i>Naumova E. V.</i> Leningrad Publishing House Soviet Writer on the Eve and During the First Months of the Great Patriotic War	240
<i>Romanovskaya N. V.</i> “When TV is for Good”: the Experience of Forming Public Orthodox Television in Russia	243

Professional Education

<i>Babushkin S. M.</i> Buryat High School Students’ Proficiency in the Russian Language	251
<i>Balykhin M. G.</i> The Bachelor-Master System of Continuing Vocational Training as a Socio-historical and Pedagogical Problem	256
<i>Balykhina T. M.</i> Professional and Rhetorical Competence of a Teacher of Russian as a Foreign Language: a Discourse Analysis in Terms of Innovations in University Education	261
<i>Ivanova T. M.</i> System Approach to the Methods of Teaching Russian as a Foreign Language (on the Example of the Russian Language Lexis)	266
<i>Kuznetsova N. S.</i> Transcultural Teaching as a Method of Tolerance Formation of Foreign Students Studying the Russian Language	272
<i>Zhao Yujiang.</i> Ways to Avoid Lexical Mistakes in the Speech of Chinese Students	275

УГОЛ ЗРЕНИЯ: НАУЧНЫЙ КОММЕНТАРИЙ

УДК 81'1
ББК Ш10

Н. Ф. Алефиренко

*доктор филологических наук, профессор,
Белгородский государственный университет (г. Белгород, Россия),
e-mail: n-alefirenko@rambler.ru*

Теория языка и культуры: в поисках методологии¹

Проводится мысль, что в основе лингвокультурологической методологии лежат обыденные понятия особого рода: «концепты-словообразы», которые не превращаются в абстрактные понятия, а обогащаются (благодаря живому, не «теоретизированному» повествованию) поиском в фактах культуры смысла жизни.

Ключевые слова: язык, культура, лингвокультурология, лингвокультурологическая методология, концептология, концепт.

N. F. Alefirenko

*Doctor of Philology, professor,
Belgorod State University (Belgorod, Russia),
e-mail: n-alefirenko@rambler.ru*

The Theory of Language and Culture: in Search of Methodology

The paper argues that lingvoculturological methodology is based on ordinary notions of special kinds, i.e. “concepts-wordimages” which are not transformed into abstract concepts, but are enriched (thanks to the living, not “theorized” narrative) by the search for the meaning of life in the facts of culture.

Keywords: language, culture, lingvoculturology, lingvoculturological methodology, conceptology, concept.

Возвращение к проблеме взаимоотношения языка и культуры будет актуальным, пока не завершится обоснование методологического фундамента лингвокультурологии. Пока положены лишь первые краеугольные камни. Возможно, поэтому современное видение объекта лингвокультурологии недостаточно рельефно отличает ее от смежных научных дисциплин. Отсутствие в лингвокультурологии чётких собственных методологических установок приводит к тому, что её предмет нередко «растворяется» в смежной научной дисциплине – когнитивной лингвисти-

ке, в основу которой кладётся аналитическая объективность «научности». И всё же, несмотря на их очевидное «родство», когнитивную лингвокультурологию следует отличать от когнитивной лингвистики. В отличие от «чистой» когнитивистики, культурология, как и другие науки, изучающие гуманитарное знание, «не может развиваться под сенью идеалов «научности» и объективности естественно-научного и тем более формализованного знания». Однако лингвокультурология – это наука! И как таковая, не может обходиться без принципов научного

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания НИУ «БелГУ» № 633662011.

познания мира. Видимо, есть иные, не формализованные критерии научности, где методология и аналитизм успешно сочетается с нарративностью как свободным размышлением на пересечении различных срезов культуры, науки и искусства (Л. А. Микешина).

Необходимость комбинаторного подхода к объектам культуры, при котором органически соплагается нарративность, художественное мышление и элементы глубокого методологического анализа, обуславливается потребностью лингвокультурологии в неопределённом дискурсивно-мыслительном пространстве: между строгой научностью и вольной фантазией. Первая неприемлема по своей отвлечённости и по причине заключённого в ней методологического насилия над продуктами дискурсивного познания, вторая, как абсолютно ничем неограниченное воображение, в чистом виде так же неприемлема (А. В. Михайлов). Последним образцом гармоничного сочетания названных подходов считается знаменитая «Осень средневековья» Й. Хейзинги, содержащая в себе не только стилистику «рассказа», поэзии, но и элементы глубокого методологического анализа. При этом сам Хейзинга не приветствовал «беллетризованные исторические труды». И всё же его стремление к свободному и творческому мышлению может служить для лингвокультурологии неким образцом взаимодополнительности науки и нарратива. Сама природа гуманитарного знания предполагает особого рода «культурологическую» методологию, включающую многообразие «языковых игр» с обязательным наличием нарративных элементов. Примечательно, что в такой методологии не совсем обычны и сами понятийные средства. Это не логические понятия, а своего рода «понятия-ключи» (термин Э. Ауэрбаха), не абстрактные или взятые по аналогии, а скорее конкретно-образные и точно не определяющие, но схватывающие своеобразие предмета или события. Такие обыденные понятия близки к современным культурным «концептам», способным актуализироваться в различных «контекстах».

В основании лингвокультурологической методологии лежат обыденные понятия особого рода: «концепты-словообразы», которые не превращаются в абстрактные понятия, а обогащаются (благодаря живому, не «теоретизирован-

ному» повествованию) поиском в фактах культуры смысла жизни. Поиск методологических оснований лингвокультурологии должен, на наш взгляд, осуществляться путём гармонического использования идей концептологии, герменевтики и общей филологии. В соответствии с таким методологическим вектором на современном этапе развития лингвокультурологии предпринимается попытка интегрировать в лингвистические методы приёмы и методики культурологии: общефилософские, идеографические (описывающие) – метод В. Виндельбанда; интуитивистские (М. Шелер, Н. Гартман); феноменологические (Э. Гуссерль); герменевтические (Г. Г. Гадамер); структурно-функциональный анализ (К. Леви-Строс и др.).

В последнее время по способам репрезентации концептов разрабатываются и собственно лингвокультурологические методы. При этом исходят из того, что способы объективации концептов, протекающей по герменевтическому кругу, обеспечивают лингвокультурологу возможность создания речемыслительного «портрета предмета познания» (Е. Бартминский). В процессе создания такого «портрета», когда прорисовываются отдельные фрагменты (элементы) образа предмета, происходит лингвокогнитивный отбор и интерпретация отдельных культурно значимых смыслов. Отобранные таким образом признаки Е. Бартминский называет профилем, а само профилирование оказывается «сечением», поиском граней общественного сознания. В этом главное отличие его подхода от концепции Р. Лангакера. Если для первого основания профилирования служит общественное, этнокультурное сознание, то для второго – сознание субъективное, индивидуальное. В отличие от Р. Лангакера, ограничивающего профилирование рамками наблюдения, Е. Бартминский считает, что опытную рамку формируют различные коды (вербальный, поведенческий, мифолого-идеологический, предметно-символический).

На наш взгляд, имеет смысл говорить не столько о разных приёмах концептуального анализа, сколько о целесообразности их комплексного использования. Без сведения разновекторных методик к единому знаменателю объект и предмет теории взаимоотношения языка и культуры так и останутся размытыми.

УДК 882
ББК Ш 5(2=Р)7-09

Н. Б. Анциферова

*кандидат филологических наук, доцент,
Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический
университет им. Н. Г. Чернышевского (г. Чита, Россия),
e-mail: Lera_anz@mail.ru*

Языковая структура образа рассказчика в «Дневнике актрисы» Татьяны Дорониной

В статье на материале дневниковой прозы Татьяны Дорониной рассматривается один из важнейших компонентов языковой композиции текста – образ рассказчика. Языковая структура данной категории исследуется двумя методами: для вычленения и классификации словесных рядов используется контекстологический анализ; при распределении языковых единиц по ярусам с последующим перераспределением в организующие образ рассказчика словесные ряды применяется челночный метод. Исследование образа рассказчика позволяет сделать вывод о двухкомпонентности этой категории: языковая структура образа рассказчика представлена взаимодействием двух речевых сфер – я-повествуемого и я-повествующего. Двухкомпонентность образа рассказчика обусловлена сосуществованием в тексте текущих дневниковых и ретроспективных записей. В статье также выявляются и анализируются основные способы создания структуры образа дневникового рассказчика, в частности взаимодействие словесных рядов и мена точек видения.

Ключевые слова: словесный ряд, точка видения, языковая композиция, языковая структура образа рассказчика, я-повествуемое, я-повествующее.

N. B. Antsiferova

*Candidate of Philology, associate professor,
Zabaikalsky State Humanitarian Pedagogical University
named after N. G. Chernyshevsky (Chita, Russia),
e-mail: Lera_anz@mail.ru*

Language Structure of the Image of the Story-teller in Tatyana Doronina's *The Diary of An Actress*

The paper analyses one of the most essential components of the language composition of the text, the image of the story-teller in Tatyana Doronina's diary prose. The language structure of the given category is investigated by two methods: the contextual analysis is used to distinguish and classify verbal series; the shuttle method is applied to divide language units into circles with their subsequent redistribution among verbal series that organize the image of the story-teller. The analysis of the image of the story-teller allows drawing a conclusion about the two-component structure of this category: the language structure of the image of the story-teller is presented by the interaction of two speech spheres – I-narrated and I-narrating. The two-component structure of the image of the story-teller is determined by the coexistence of current diary and retrospective records in the analyzed text. The author identifies and analyzes the main ways of creating the structure of the diary story-teller, the interaction of verbal series and changes in the points of view, in particular.

Keywords: verbal series, point of view, language composition, language structure of the image of the story-teller, I-narrated, I-narrating.

Своеобразие языковой структуры рассказчика в «Дневнике актрисы» Т. Дорониной обусловлено одновременной экспликацией памяти

как индивидуальной когнитивной структуры и как культурно-исторического феномена, что определяет гибридность жанра исследуемого

текста – синкретизм дневника и беллетризованной биографии. Выбор авторского жанрового определения (дневник) есть проявление усиления личностного начала и формирования игровых тенденций в осовремененной литературе. Так, форма «рассказ в рассказе» традиционно используется в заведомо фикциональных произведениях словесности для имитации ориентированной на ретроспекцию неподготовленной устной речи, носящей оттенок доверительности. Однако введение в заглавие текста определения «дневник», наряду с присутствием абсолютных временных операторов в обрамляющих ретроспективное повествование записях, актуализирует в сознании читателя установку на достоверность, минимальность вымысла, относительную синхронность протекания событий и их фиксации. В связи с обозначенной выше жанровой спецификой контексты, в которых языковой материал представлен с установкой на ретроспекцию, условно назовём *мемуарными*, а композиционные отрезки, соотносённые с осью реального календарного времени, – *дневниковыми*. Графически эти формы повествования дифференцированы: датированные записи выделены курсивом и отграничены от ретроспективных пробелом.

Л. М. Ньюбина, исследуя автобиографию «Луковица памяти» Г. Грасса, пишет: «В процессе саморефлексии в автобиографическом модуле возникает достаточно сложное взаимодействие нескольких «Я». «Я» – это субъект; «Я» – это объект повествования; «Я» – это монологическое, самовыражающееся авторское «Я»» [4, с. 42]. Показательна, на наш взгляд, мысль Н. А. Бердяева: «Моя личность не есть готовая реальность, я созидаю свою личность, созидаю ее и тогда, когда познаю себя; «я» есть, прежде всего, акт» [1, с. 297].

Существование в структуре «Дневника актрисы» двух повествовательных форм определяет характер языковой организации образа рассказчика: субъектное расслоение по отношению к ситуации говорения позволяет выделить *я-повествуемое*, по степени художественности и функционально сходное с персонажем, и *я-повествующее*, максимально близкое автору. При этом, на наш взгляд, интерпретируя мемуарные композиционные отрезки, следует говорить о наличии в тексте неявного рассказчика, а не о прямом появлении автора. «Объект «прочтения» в повествовании – даже если это собственное прошлое человека – никогда не остаётся равным себе. Очевидно, что личный опыт

не есть фиксированная совокупность событий, их участников, мест и дат; все они существуют в сознании не как «гербарий» из «памятных листов», а как puzzle, в котором каждый элемент сам по себе не имеет значения – и лишь сложенные вместе «случайные» фрагменты образуют связную и понятную картину» [2, с. 15].

Образы я-повествуемого и я-повествующего эволюционируют: мемуарный рассказчик-персонаж «взрослеет», проходит трудный жизненный путь; «взрослый» рассказчик постепенно раскрывает свой внутренний мир, доверительная тональность его повествования переходит в исповедальность. Это эксплицируется в языковой структуре каждого образа не только через постепенную смену спектра словесных рядов, но и через характер соотношения речевых сфер я-повествуемого и я-повествующего.

В записях, посвящённых периоду детства и отрочества, передача «голоса» от одного образа к другому осуществляется через столкновение или наложение друг на друга речевых сфер рассказчика-девочки и «взрослого» рассказчика. Обратимся к тексту:

«П. П. 84.

Как долго мы ждали тогда Васю.

Мама с Галей ушли в Данилов, мама – устраиваться на работу, Галя – в школу. Я осталась с Лизаветой. Лизавета встаёт, когда на улице ещё темно, хозяйство у неё маленькое – один огород, но она привыкла вставать рано. Я лежу на печке вместе с кошкой и тремя котятками. Эта кошка окотилась летом, когда мы спали в холодном чулане, окотилась прямо на сенном матраце, на котором спали мы: мама, Галя, я. Нюра не отдала котят топить. То, что кошка окотилась рядом с нами, показалось Нюре хорошим знаком. И вот теперь три живых котёнка, кошка и я спим на печке и ждём, когда Лизавета принесёт от соседей парного молока. Лизавета не спешит. <...> Потом за мной пришла мама. Она устроилась на комбинат – шить солдатские шинели. <...> Помимо работы на комбинате, мама ходила подрабатывать – убирать капусту. Галя тоже ходила. Потом они обе простудились и ноги у той и у другой покрылись какими-то струпами. Фельдшер Михаил Петрович сказал, что это от какого-то обмена веществ» [5, с. 37–38].

В данном примере я-повествующее и я-повествуемое значительно дистанцированы: запись датирована 1984 г., при этом в повествовании взрослого рассказчика (выделено полужирным курсивом) дано косвенное указание на

время (через ретроспективное использование указательного местоимения «тогда») – период Отечественной войны (семья ждёт отца с фронта). Кроме того, дискурс рассказчика-девочки маркирован:

1) тавтологическими повторами (выделены подчёркиванием), характерными для речи ребёнка;

2) номинацией Лизавета (родная бабушка), поскольку детям младшего возраста свойственно называть близких родственников только по имени;

3) использованием слов с неопределённой семантикой (*какими-то, какого-то*), указывающих на незнание девочкой сущности некоторых описываемых явлений;

4) характерным синтаксическим строем: простые предложения с последовательным присоединением, сложные предложения с придаточными причины отражают специфику детского сознания – быстрая смена объектов внимания и стремление мгновенно объяснить, понять происходящее вокруг.

Переключение речевых сфер происходит через слово «*Вася*», которое, присутствуя в графически выделенном дискурсе я-повествующего, одновременно включено в мемуарный контекст я-повествующего, поскольку подобная номинация родного отца есть языковая экспликация точки видения рассказчика-девочки. Обозначенные особенности в сочетании с пассивностью «взросло-го» рассказчика, создают впечатление объективированного повествования от третьего лица, однако присутствие в тексте перволичных форм глаголов и местоимений сохраняет дневниковость письма.

Приведём ещё один пример.

«15.11.84.

Я ничего не репетирую. Я так мало играю. Злой правитель моей судьбы распорядился именно так: «Не давать ей ничего!» И я вспоминаю опять сегодня то, что окрестило меня на эту вечную, неутоленную жажду. Называется эта жажда – «театр».

... Ах, какое было солнце, оно бежало передо мною, превращало грязные стёкла окон в чистый хрусталь, лужи под ногами становились синими, а чистый воздух с залива переполнял меня. Так пахнет в Ленинграде только ранней весной – лёд только начинает таять, а солнечный свет вездесущ и всеобъемлющ.

<...> Мы – в Ленинграде, мы приехали, наконец, домой после долгого и тяжёлого отсутствия и тоски по дому. Мы дождались вызова, который нам прислал из Ленинграда отец. Я за-

ходила по три раза на почту и говорила: «Нет Дорониным драгоценного письма?» Усталая женщина в платке брала каждый раз тоненькую пачку писем и говорила: «Нет! Нет никакого – ни ценного, ни драгоценного» [5, с. 54–55].

Дискурс я-повествующего представлен книжно-патетическим словесным рядом (злой правитель моей судьбы распорядился именно так – что окрестило меня на эту вечную, неутоленную жажду – называется эта жажда – «театр»), который, при переключении на речевую сферу я-повествующего, лишь преобразуется в книжно-романный (ах, какое было солнце, оно бежало передо мною, превращало грязные стекла окон в чистый хрусталь, лужи под ногами становились синими, а чистый воздух с залива переполнял меня – солнечный свет вездесущ и всеобъемлющ), а потому дистанцирование рассказчиков происходит на уровне временной организации их дискурсов. Д. С. Лихачев отмечал: «Время в художественном произведении – это не только и не столько календарные отсчеты, сколько соотносительность событий» [3, с. 213]. Чёткое расслоение речевых сфер наблюдается при включении в языковую структуру я-повествующего повседневно-разговорного словесного ряда (*мы – в Ленинграде; мы дождались вызова; я заходила по три раза на почту и говорила: «Нет Дорониным драгоценного письма?»; брала каждый раз тоненькую пачку писем и говорила: «Нет! Нет никакого – ни ценного, ни драгоценного»*).

В последующих мемуарных записях, посвящённых «театральной жизни» (начиная с обучения в школе-студии МХАТ), спектр словесных рядов, организующих речевую сферу я-повествующего, практически совпадает с набором словесных рядов, представленных в дискурсе я-повествующего. Обратимся к тексту.

«23.12.84.

<...> Я перебирала сегодня свои «ежедневники» и мне казалось, что нелепая и неумелая моя жизнь упрекает меня за неразумность, за вечное детство, за лень, за отсутствие терпимости, за гордыню. Дневники – письменное свидетельство моих недостатков и моей слабости.

<...> Но зачем ещё эта мука воспоминаний? Больно так, будто всё, что было со мной двадцать, тридцать лет назад, происходило вчера. И сегодня мне больно писать о последнем курсе в студии.

У меня хватило сил – «потом» да и «тогда» – сделать вид, что я ничего не знаю, ничего не понимаю. Но остался «счёт» в сердце,

и боль от несправедливости, и остался рассказ Вершилова, и его дрожащие руки, и слезы его, которые он так старался скрыть.

<...> На меня были заявки из Александринки, из театра Охлопкова. Но это было слишком близко. Распределили меня в Волгоградский областной драматический театр со ставкой 69 рублей» [5, с. 128–129].

В данном композиционном отрезке речевые сферы обоих рассказчиков пронизаны книжно-романным словесным рядом (нелепая и неумелая моя жизнь упрекает меня за неразумность, за вечное детство, за лень, за отсутствие терпимости, за гордыню – но зачем ещё эта мука воспоминаний? – остался «счёт» в сердце, и боль от несправедливости – и слезы его, которые он так старался скрыть), плотность которого на протяжении всего композиционного отрезка остаётся достаточно высокой. И вновь основным критерием разграничения рассказчиков становится соотнесённость повествования с осью времени.

В заключительных записях образы я-повествуемого, на протяжении динамического развития текста «росшего» и «тянувшегося» к «взрослому» рассказчику, и собственно я-повествующего становятся тождественными, уже не дифференцируются графически, происходит слияние двух речевых сфер.

«30.11.97.

«Напишите о «сегодня». Трудно. Трудно писать. И я не понимаю – почему «сегодня» не порождает поэтов, почему нет настоящих пьес, почему оскудела проза. Не пишут. Слишком больно. Душе больно. Она полна только болью – наша душа. За землю, на которой мы живем, за людей, которые живут в муке, за стариков, которых толпами гонят в огромную общую могилу, за детей, которых продают, калечат, убивают, бросают в мусорные баки. Статистика, опубликованная в печати, должна бы привести в чувство наших правителей. Но азарт, с которым рвут на части нашу кроткую и безответную Родину, не имеет аналогов в истории человечества. Безумие разрушения. Сыновья раздирают тело своей

матери. Оставлены далеко позади татарские набеги, вражды нашествия, гражданские войны. Статистика потерь «тогда» и «сейчас» несопоставима. Нарушены все нравственные принципы, законы совести, законы естества. Все противоестественно, как на картинах Босха. Потеря лиц. Чудовища в пророческом «сне Татьяны» у Пушкина явили свои, скрывавшиеся донны, уродства и хохочут, глядя на лик Богородицы. <...>» [5, с. 272].

Для данного композиционного отрезка характерно интенсивное взаимодействие ораторско-публицистического (за землю, на которой мы живем, за людей, которые живут в муке, за стариков, которых толпами гонят в огромную общую могилу, за детей, которых продают, калечат, убивают, бросают в мусорные баки – статистика, опубликованная в печати, должна бы привести в чувство наших правителей – азарт, с которым рвут на части нашу кроткую и безответную Родину, не имеет аналогов в истории человечества – статистика потерь «тогда» и «сейчас» несопоставима – нарушены все нравственные принципы, законы совести, законы естества) и книжно-патетического (выделен полужирным курсивом) словесных рядов, которые чередуются и накладываются друг на друга не только на лексико-фразеологическом, но и на грамматическом уровне. Так, транспозиция наречия «сегодня», с одной стороны, может быть рассмотрена как средство создания образности; с другой стороны, частая субстантивация характерна для публицистических текстов. Парцелированные конструкции, неполные предложения, телеграфный стиль письма служат одновременно для создания эффекта взволнованной речи и для перераспределения внимания адресата (читателя), что актуально для дискурса современных СМИ.

Таким образом, в «Дневнике актрисы» Т. Дорониной двухкомпонентность языковой структуры образа обусловлена сосуществованием элементов беллетризованной автобиографии и собственно дневника, что, в свою очередь, мотивировано особенностями экспликации индивидуально-авторской мира в языковой картине текста.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Самопознание (опыт философской автобиографии). М. : Междунар. Отношения, 1990. 336 с.
 2. Кучина Т. Г. «Я»-повествователь как «ненадежный читатель» автобиографического претекста в русской прозе конца XX – начала XXI вв. // Филологические науки. 2007. № 2. С. 14–21.
 3. Лихачёв Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд. М. : Наука, 1979. 360 с.
 4. Нюбина Л. М. Метафоры времени – метафоры судьбы (Об автобиографии Г. Грасса) «Луковица памяти» // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2008. Том 67. № 1. С. 38–48.
- Источники:
5. Доронина Т. В. Дневник актрисы. М.: Молодая гвардия, 2005. 335 с.

Статья поступила в редакцию 30 ноября 2011 г.

УДК 882.09
ББК 83.3 (2Рос=Рус)

Г. Д. Ахметова¹

*доктор филологических наук, профессор,
Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический
университет им. Н. Г. Чернышевского (г. Чита, Россия),
e-mail: galia.akhmetova@gmail.com*

Повесть Александра Рекемчука «Молодо-зелено»: живые традиции реализма в современной прозе

В статье анализируются живые традиции реализма, «прорастающие» в современной прозе. Традиции проявляются при сопоставлении с произведениями русской прозы прошлых лет. В повести А. Рекемчука «Молодо-зелено» наблюдаются те языковые процессы, которые стали активно проявляться в современной русской прозе. Для языка прозы А. Рекемчука характерны живые языковые процессы, среди которых метафоризация (антропоцентризм метафор), семантико-грамматические сдвиги. Наибольший интерес вызывает употребление фразеологизмов и поговорок. Языковая игра с устойчивыми сочетаниями становится основой юмористического повествования, что является основой индивидуального стиля писателя. Принципы их употребления разнообразны. В содержательном плане реалистическая проза А. Рекемчука характеризуется поисками смысла жизни, становлением личности. В его произведениях всегда есть герой, которого так не хватает современной прозе.

Ключевые слова: герой в литературе, традиция, художественный образ, сравнение, метафора, повторы.

G. D. Akhmetova

*Doctor of Philology, professor, Zabaikalsky State Humanitarian Pedagogical
University named after N. G. Chernyshevsky (Chita, Russia),
e-mail: galia.akhmetova@gmail.com*

Alexander Rekemchuk's Story *Young-Green*: Living Traditions of Realism in Modern Fiction

The article analyzes the living traditions of realism, "sprouting" in modern prose. Traditions are manifested in the comparison with the works of Russian prose of the past. A. Rekemchuk's story *Young-Green* reflects the linguistic processes that have become active in modern Russian prose. The language of A. Rekemchuk's prose is characterized by living language processes, including metaphoricization (anthropocentrism of metaphors), semantic and grammatical shifts. The use of phraseological units and sayings is of particular interest. Linguistic game with set expressions becomes the basis of a humorous narration, which is the basis of the writer's individual style. The principles of their use vary. In terms of content, A. Rekemchuk's realistic prose is characterized by the search for the meaning in life and the formation of the individual. In his works there is always a hero, whom modern prose lacks.

Keywords: hero in literature, tradition, artistic image, simile, metaphor, repetitions.

«Один только Север, куда ни глянь»

А. Рекемчук

В 1961 г. выходит повесть «Молодо-зелено» [6], посвящённая молодым современникам. Это опять о крайнем Севере, о Печоре. Но главное в повести – люди, становление молодого человека. Само выражение «молодо-зелено», ставшее названием произведения, появляется лишь в середине повествования и относится не только к

главному герою – Коле Бабушкине, но и ко всем молодым людям, которые строят новые города на Крайнем Севере: «Он ведь и сам вышел от Каюрова в настроении кислом, подавленном. Будто он в чём-то провинился, но его простили из жалости: ступай, дескать, что с тебя взять? Молодо-зелено».

¹ Работа выполнена при финансировании темы в рамках государственного задания вузу (№ 6. 3652. 2011).

Это устойчивое выражение используется в повести лишь один раз. Но это словно бы чужая точка зрения. Вся повесть направлена на опровержение снисходительной оценки молодых людей.

Как и все произведения А. Рекемчука, повесть устремлена в будущее как в языковом плане (многие языковые процессы, намеченные здесь, уверенно развернутся позже, в современной прозе), так и в содержательном. Поиски героя в современной литературе затянулись. Героиня романа Анны Козловой «Всё, что вы хотели, но боялись поджечь» утверждает: «В тот вечер, когда Петя играл, а папа варил нам сосиски, я поняла, что жизнь – это поток, поток совершенно разных вещей: позитива и мерзости, красоты и уродства, лжи и правды, и я просто должна его принять» [2]. В повествовании А. Козловой больше мерзости и уродства, однако хорошо хотя бы то, что героиня не отрицает позитива и красоты. Примерно та же мысль звучит в романе В. Галактионовой «Спящие от печали»: «В поверхностной дурной дрёме, нахохлившись по-птичьи, давно не понимают оборванцы ночи и дня, тепла и холода, зла и добра. Умирают потихоньку в привычных грёзах, истаивают в темноте, меркнут их судьбы, задавленные нуждой взрослых» [1].

Современные героини-рассказчицы ищут свой путь и как будто находят его – но в то же время не решаются выбрать из жизненных альтернатив свой собственный путь. Они все время оглядываются на тех, кто идет рядом – а куда он свернёт? А не пойти ли следом?

Герои А. Рекемчука смело и отчаянно идут собственным путём. Они занимаются трудными делами. Они бросают тёплые места, удобные квартиры, чтобы строить новые города там, где до них никто и никогда не прокладывал новые кварталы, новые улицы.

Как и в других произведениях писателя, здесь тоже хорошо видны линии традиций, протянувшиеся к современной прозе. Вот, казалось бы, не такое уж яркое сравнение: «<...> а вокруг непроглядная темень, густая, как дёготь <...>». Но возникает невольная ассоциация с романом Захара Прилепина «Черная обезьяна» (2011 г.): «Открыл форточку, но сквозняк подтекал еле-еле, как мазут» [5].

Антропоцентризм, характерный для современных сравнений, не в полной мере проявляется в прозе А. Рекемчука. Да и сама увлечённость сравнениями у современных писателей носит отпечаток явного постмодернизма, уводит

в сторону от истинной образности. Сравнения в повести динамически разворачиваются: «Прораб Лютоев рывком, будто шашку из ножен – наголо, выхватил стальную ленту рулетки <...>». – «Тут прораб Лютоев окончательно затолкал стальную ленту в круглую коробочку, будто вложил клинок в ножны». Встречается сравнение и в описании портрета главного героя. Причём портрет описывается словно со стороны, т. е. не лицо настоящего человека, а его типографское изображение: «В итоге портрет получился не очень похожим. На портрете глаза черны и волосы черны. А в натуре глаза серые и чуть голубые, как тень на снегу». Художественный образ «прорастает» в повествовании, описание портрета появляется вновь (не в полном виде, конечно). Такое композиционное возвращение – это и свидетельство динамичности живого текста, и явление реалистического разворачивания образа: «Их глаза встретились в зеркале; Лешка Ведмедь увидел в зеркале испытующе-суровые и чуть насмешливые серые и чуть голубые (как тень на снегу) глаза Коли Бабушкина, а Коля Бабушкин увидел в зеркале слегка раскосые, слегка зеленоватые, слегка плутоватые глаза Лешки Ведмедя».

Сравнение становится образом, оно «прорастает» в тексте – как живой художественный образ. Сравнение, теряя структурный сравнительный компонент, преобразуется в метафорический словесный ряд, отражающий точку зрения персонажа: «Выходя, Коля бабушкин столкнулся в тамбуре с Ириной Ильиной. У неё из-под мышки, как пушечное жерло, торчал кусок ватмана. Николай прижался к стене, пропуская Ирину».

Но едва Ирина появилась в кабинете и едва Каюров увидел направленное на него бумажное жерло, он замахал обеими руками и взмолился <...>. И позже из этого образа рождается новый. Он подготовлен предшествующим повествованием: «– Смотри, – сказала Ирина, распластав шуршащий ватман. – Новый мост».

Голубая дуга переметнулась с берега на берег. Она была как прыжок: одна нога здесь, другая – там. Она была, как космическая траектория, – изящна и невесома. Частые ресницы перил вдоль изгиба. Прозрачные столбы-светильники. И больше ничего. Здорово».

Приведём ещё примеры сравнений: «У самого подножья крутизны протянулась узкая и белая, как стерильный бинт, полоска – там летом река»; «Водитель ещё раз выругался и с омерзением, будто давя гадюку, наступил на педаль»; «<...> лицо у него сморщилось, будто

проколотый мяч <...>»; «Из крана, отвернутого на полную силу, хлестала пеннистая струя воды, толстая и плотная, как топорщице»; «Сизый туман, неподвижный, плотный, колючий, как минеральная вата, закупорил, застлал небо».

Ироничность описания сочетается с лиричностью. Лиричность особенно ярко проявляется в метафорических контекстах: «Он вспугнул тишину: она суматошно захлопала крыльями, перелетела с одной сосны на другую; она хрустнула сучьями, юркнула в бурелом, оставив на снегу цепочку свежих следов; она бросилась в чащу, преследуемая грохочущим эхом».

Композиционная роль метафоры заключается и в совпадении метафорического словесного ряда с субъективацией повествования, например, с монтажностью: «Правда. Однажды вечером, когда Коля Бабушкин шёл по тёмной улице, он вдруг увидел впереди – шагов за сто – знакомую белую шубку. Он опрометью кинулся вдогон. Но белая шубка поплыла в сторону, бесплотно прошла сквозь железные прутья и рассеялась. Она оказалась облачком белого дыма, порхнувшим из-под отъезжающего автобуса».

Уход в метафору современных авторов даёт невольное сравнение – традиции ярко видны. С. Шаргунов в романе «Птичий грипп» пишет: «Хохот взлетел над костром, пробежал по воде, укололся в кустарниках, мягко стукнулся о холмы, колыхнул травинки и вернулся эхом» [8].

Антропоцентризм метафоры активнее разовьётся позже, уже в прозе Георгия Копытина, ученика А. Рекемчука, «живые» метафоры станут основой повествования: «Небо пока было ещё в раздумье» (рассказ «Двое у озера») [3]. В прозе А. Рекемчука метафоры, как и сравнения, не всегда антропоцентричны: «За ближним витком дороги – вон там, где уколол небо голый штык листовницы, – взыграли басы»; «Белоснежная манишка подтаяла, посерела». Но живые метафоры в повествовании всё же есть: «Сквозь густую пелену тумана едва просвечивает низкое солнце – скучное, нездорово красное, будто оно простудилось на этакой стуже и теперь у него жар, высокая температура».

С романом Захара Прилепина неожиданно переключаются эмоциональные ритмические повторы: «Бывает, что человеку очень тяжело и горько, и он даже плачет от горести, от тяжести. И нечего сказать ему в утешение. Тогда его просто называют по имени. Гладят его по голове, трогают за плечи и повторяют его имя, имя, имя... Как ни странно, это успокаивает человека, утешает его».

В «Чёрной обезьяне» Захара Прилепина пронзительные повторы, когда герой ищет ребёнка. Повторяются слова, словно длится одно долгое, бессмысленное действие. Здесь, в этом субъективированном повествовании, и монтаж, и внутренняя речь: «Двигался, трогая ладонями шершавый бетон, везде бетон, один бетон, бетон»; «Обошёл, глядя ладонями стену, стену, стену, стену, стену».

Повторы появляются и в прямой речи персонажей: «Что вы тут наделали? – испугалась Верочка, впервые переступив порог их комнаты. – Это просто возмутительно, что таким ненормальным людям доверяют жилую площадь... Что вы тут наделали?»

«А что?» – пожал плечами Лешка.

«Ерунда. Мы уберем», – улыбнулся Верочке Николай». И на следующей странице: «Она впервые переступила порог их комнаты. До этого она еще ни разу порога не переступала».

– Что вы тут наделали? – испугалась Верочка, поглядев вокруг. – Это просто возмутительно, что таким ненормальным людям доверяют жилую площадь... Что вы тут наделали?

– А что? – пожал плечами Лешка.

– Ерунда. Мы уберем, – улыбнулся Верочке Николай».

Обратимся вновь к повторам Захара Прилепина из романа «Чёрная обезьяна», чтобы сравнить, увидеть яркие традиции: «Это же мой. Это же мой плачет». – «Это же мой. Это же мой плачет». – «Это же мой. Это же мой плачет. Ему холодно, страшно». – «Это же мой там, выпустите, пожалуйста».

Интересен и композиционный приём, избранный писателем. Повесть написана от третьего лица. Но в языковой композиции происходит переход и к первому лицу, и ко второму. Переход к первому лишь происходит лишь один раз, очевидно, это можно считать внутренней речью героя, но в то же время это явная условность грамматического лица: «Коля Бабушкин взял верх».

Что, попалась?.. В моих руках не шелось. Я ведь осторожничать не стану... Я-то не стану держать тебя, как фарфоровую, как хрустальную... Никакая ты не фарфоровая, не хрустальная... Ты живая. Вон какая живая... Нет, лежи спокойно.

Его руки крепко сжимали её – не шелось.

Условность грамматического лица, проявляющаяся в переходе от третьего лица ко второму, усиливает субъективацию, высвечивает точку зрения главного героя: «Если ты, например, со-

бираешься установить рекорд по скоростному бегу, то тебе больше всего подойдут беговые лыжи». Второе лицо появляется на протяжении всей повести, написанной в целом от третьего лица: «У этих лыж, помимо остальных замечательных качеств, есть удивительное свойство: поднимаясь вверх по крутизне, ты можешь не опасаться, что сползёшь обратно. Не сползёшь». Усиливается условность грамматического лица вводом в повествование обобщённого, «духовного» «мы», без которого не обходится ни один роман и, пожалуй, ни одна крупная повесть: «Но мы не будем продолжать описание всех и всяких лыж, которые существуют на свете и продаются в большом спортивном магазине по улице Горького в Москве.

Мы не будем продолжать их подробное описание по той простой причине, что все эти лыжи никуда не годятся, если сравнить их с лыжами, на которых морозным январским утром шёл по тайге Николай Бабушкин – главный герой этой повести». Когда появляется характерный для автора композиционный повтор, обобщённое «мы» сменяется на такое же обобщённое «ты»: «Такие уж у него были лыжи, у Николая Бабушкина. Таких лыж ты не найдёшь в спортивном магазине на улице Горького. Ни за какие деньги ты их там не купишь». Обобщённое «ты» развертывается в лирическое описание: «если даже тебе не нужно воды, если в данный момент тебе она вовсе ни к чему, то и тогда ты не проходи мимо этого уличного чуда, а удержи шаг, постой рядом, ощутив на задубевшем от стужи лице зыбкие отсветы пламени, близкое тепло...»

«Ты» в повести не всегда носит обобщённый характер. В некоторых случаях «ты» появляется в тех композиционных отрезках, которые являются внутренней речью главного героя – они либо выделены графически (кавычками, скобками), либо нет. Композиционно и грамматически они отчетливо связаны с композиционными отрезками, написанными от третьего лица: «А Коля Бабушкин смотрел на главного инженера: “Это, что ли, к тебе? Она к тебе пришла? По каким таким неотложным делам она сюда заявила так поздно? Дня ей, видите ли, не хватило... Или она – не по делам? Погоди, погоди... Ты как на неё сегодня смотрел – там, на исполкоме? Из-под бровей, из-под кудрей – нежно эдак... Значит, вот у вас с ней какие дела! Ну, и дела... Да ты что – с ума спятил? Ведь ты старый. Вон у тебя в кудрях-то седые ниточки... А она?”»

Она стояла в дверях, прислонясь к дверному косяку. Она была с мороза – вся заиндевелая, как

Снегурка. Белые, густые, пушистые, хрупкие ресницы, а меж ресниц – будто речная вода в январской купели – влажные тёмно-серые глаза».

Образ Сольвейг таинственно рождается в повествовании. «Сольвейг прибегает на лыжах». Нет ни слова о Сольвейг – но образ рождается. И потом, дальше, Сольвейг всё же появится в повествовании – песню будет исполнять молодая певица: «Как снежинка, растаял последний звук –

– и капелькой повис на реснице у Ирины». «Прорастание» образа: влажные тёмно-серые глаза – капелька на ресницах. А графический приём – обрыв строки и перенос тире на другую строку – ещё повторится дальше.

Характерный для стиля А. Рекемчука повтор наблюдается уже в этих первых строках повести: «Но мы не будем продолжать описание». – «Мы не будем продолжать их подробное описание». Повтор как стилистическая доминанта повествования усиливает динамичность: «А по лёгкой печали, которая всё ещё заволакивала карие глаза, можно было догадаться, что она жалеет о том, что раньше не была в этом зале – раньше, когда она была ещё в полной силе, и в полной славе, и в полном голосе.

Наверное, она пожалела сейчас, что в ту пору, когда она была в полной силе и в полной славе, здесь ещё не было никакого города, не было Джегора, и она поэтому не могла сюда приехать...»

Одновременно повтор способствует появлению шуточного тона, свойственного писателю. В некоторых случаях повторы носят нарочито наивный характер, однако это тоже можно расценивать как шуточный авторский тон: «У окна на тумбочке стоит радиоприемник “Октава”, а на приемнике стоит бельмастый телевизор “Рекорд”. На “Рекорде” стоит стеклянная ваза, а в вазе стоит изящный цветок, сделанный из птичьих перьев – как живой».

Поддерживается шуточный тон игрой с фразеологизмами, например, они употребляются в прямом значении: «Конечно, учёные астрономы или сотрудники Планетария могут оспорить это утверждение. Они могут авторитетно доказать, что на Верхней Печоре, как и всюду, солнце восходит на востоке, а заходит на западе. Им, конечно, видней – через трубу»; «Конечно, люди на стройучастке не сидят без дела и не плюют в потолок – в тех домах, что они строят, ещё и потолков нету, одни стены»; «А где же им еще жить, строителям, если до них на Порогах ни кола ни двора не было, если до них тут было

пустое место?»; «Сперва, насытись окрестными снегами, вышла из себя Чуть. Потом разлилась Печора». Фразеологизм может быть продолжен: «Думал: на безрыбье и рак рыба... Ан рак-то оказался клешнятый». Фразеологизм может быть чуть изменён – рождается новое выражение: «Всё как на ладошке»; «Он по скромности об этом умолчал, чтобы ты о подарке не заболтался, чтобы тебя не вводит в расход...». Фразеологизм может быть и значительно изменён: «Просто сосуды подточил склероз, сердце стало проявлять недостаточность»; «И ты стоишь, молчишь, переминаешься с валенка на валенок». Кстати, последний фразеологизм повторяется в романе «Нежный возраст»: «Малыш смутился окончательно, опустил глаза, засопел пуше прежнего и стал переминыться с валенка на валенок».

Одновременно с созданием новых выражений на базе известных отмечается и создание новых слов – иногда также на базе известных выражений: «<...> неприятно щекочет и гусит кожу пупырышками».

Шутливый тон поддерживается ненавязчивой интертекстуальностью – текст автора и текст Пушкина взаимодействуют друг с другом: «Да, молодежь нынче пошла. Тут, рядом, человек умирает. А они вон чем занялись... Небось на Пушкина кивают: мол, пусть у гробового входа младая будет жизнь играть... Так не в футбол же!»

Графический словесный ряд, необыкновенно активно проявляющийся в современной прозе, у А. Рекемчука также композиционно и стилистически прорастает в тексте: «Когда ты очень сильно устал, когда тебе очень хочется есть, а ещё больше хочется спать, и ты вот так сидишь, вперив взгляд в чёрную точку на стене, и, сам того не замечая, впадаешь в дрему, впадаешь в сон, засыпа...»; «Так не смейся. Ты бы вот попробовала бежать по скользкому в оледенелых валенк... ах, чёрт!» Композиционные обрывы – характерное явление для русской прозы девяностых годов. Наиболее отчётливо он проявился в рассказе А. С. Шленского «Брь»: «Один из таких обрывков был очень коро... Всего три бу... ..Брь. ...сеннее настрое... Я почему-то подумал, что это последние три дня какого-то осеннего ме... Может сентя... или октя... ноя... Но я не думаю, что был дека... Вы спросите, как я могу знать, что это был... Ведь это всего ли... ..ывок! Но и у обрывка есть свой хара... Вот в чём секре... И когда ты понял этот секре... на ду... ..вится хорошо и гру...» [9]. В поэзии

подобные постмодернистские обрывы встречаются у Г. Сапгира [7] (например, «Фриз разрушенный»):

личаем кудри складки
и треснувшие крылья
Вдавились мощной длани отпечатки
поверх легли тончайшей пылью

стекло крыло автомобиля
закружились в беспорядке
взмыли
мраморные пятки

беззвучно развалились
лась половина
и на ощупь гладкий

странно наложилась
ангельский и львиный
нет разгадки!

Г. Сапгир написал и «Фриз восстановленный»:

На сером различаем кудри складки
Орлиный глаз и треснувшие крылья
Вдавились мощной длани отпечатки
Века поверх легли тончайшей пылью

Куст блеск стекло крыло автомобиля
Реальность закружилась в беспорядке
Сквозь этажи сквозь отраженья взмыли
Блеснув на солнце мраморные пятки

Вселенная беззвучно развалилась
Реальности осталась половина
Все тот же камень — и на ощупь гладкий

Но на другую странно наложилась
Все тот же профиль ангельский и львиный
нет разгадки!

Наконец, в стихах Александра Кормашова [4], опубликованных в Живом журнале:

Он был угрюмый домашний мыш,
она – бездомная кошь.
Он ей с порога шептал: «Кыш-кыш!
Голодная ты, небось...»

Он ей кидал мяшное филе,
она лишь: «Мерси, месье!»
Пока любовь царит на Земле,
никто никого не съе.

Композиционный обрыв реализуется и в графическом обрыве строки с использованием интонационного тире: «Да ведь это –

Поп. Из гостиницы. Из райисполкома». Тире иногда повторяется во второй строке, таким образом, усиливается пауза: «Он быстро пригнул голову, выхватил из сумки гранату, на ощупь определив, какая эта гранта, размахнулся и –

– вздрогнула земля, кольнуло барабанные перепонки». Пауза усиливается ещё больше, когда после первого тире пропущена строка: «Дремучая заросль ярусами взгромоздилась над рекой, подошла к воде –

– и до самых Порогов, за четыре часа пути, ни брешью, ни просекой не прерывалась стена тайги».

Повторы после интонационного тире способствуют динамичности: «Его очень просто рвут. Долбят во льду лунки, закладывают аммонит, поджигают шнур и –

Взрыв. Взрыв. Взрыв».

Привлекает внимание и ритм прозы А. Рекемчука, особенно ярко проявляющийся в некоторых контекстах: «То была русская песня. Задорная, как перестук сапожек. Лукавая, как взгляд из-за плетня.

Она притопывала в лад скороговорочке, проводила плечами и бедрами. Руки вспорхнули – платочек в одной. Брови взлетели, уголки глаз усмешливо приподнялись...»

Проза А. Рекемчука – живая, молодая, современная. Эту прозу хочется перечитывать. Эта проза запоминается, как и Север, о котором пишет А. Рекемчук: «И он не раз слыхивал: тот, кто однажды побывает на Севере и увидит его красоту, – навсегда прикипит сердцем к этому краю и вернётся сюда...»

Список литературы

1. Галактионова В. Г. Спящие от печали. М. : АСТ; Астрель, 2011. 607 с.
2. Козлова А. Всё, что вы хотели, но боялись поджечь. СПб. : Амфора, 2011. 191 с.
3. Копытин Г. Матушка-водица, светлая вода: Рассказы. Иркутск, 1981.
4. Кормашов Александр. Живой Журнал // <http://stern-seam.livejournal.com/>
5. Прилепин Захар. Чёрная обезьяна. М. : АСТ; Астрель, 2011. 285 с.
6. Рекемчук А. Е. Молодо-зелено // Рекемчук А. Е. Избранные произведения : в 2 т. Т. 2. М. : Худож. лит., 1977. С. 173–349.
7. Сапгир Г. Сонеты на рубашках. М. : Прометей; ЛХА «ТОЗА», 1989. 32 с.
8. Шаргунов С. А. Птичий грипп: роман. М.: АСТ: Астрель, 2008. 223 с.
9. Шленский А. С. Брь. Web-сайт: http://samlib.ru/s/shlenskij_a_s/brj.shtml

Статья поступила в редакцию 25 октября 2011 г.

УДК 81'34 + 811.161.1
ББК 81.01 + 81.2Рус

О. Д. Бухаева
доктор филологических наук, профессор,
Бурятский государственный университет (г. Улан-Удэ, Россия),
e-mail: galia.akhmetova@gmail.com

К сегментации речевого потока в русском языке в аспекте порождения речи

Речевая сегментация звучащего объекта рассматривается в плане общей проблемы порождения речи и механизма речепорождающего процесса. Этапы сегментации речевого потока: слог – слово – фраза – сверхфразовые единицы. Проблема речевой сегментации является актуальной, но её решение в науке неоднозначно. При оптимальной сегментации звучащего объекта необходим учёт фактора вариативности речевых сегментов и набора их ключевых признаков. В статье отмечается, что словесное ударение – это одно из фонетических типов ударения в широком понимании этого термина и является средством ритмической организации слова в отличие от других его типов, которые связаны с единицами более широкой пространственной протяжённости – синтагмой, фразой, текстом, выделяемыми на основе, прежде всего, семантического, смыслового критерия. Функция словесного ударения – кульминативная.

Ключевые слова: речевая сегментация, звучащий объект, микро- и макро- сегментация, речевой поток, коартикуляционный процесс, механизм озвучивания семантической информации, «контингент движений», речевой сигнал.

O. D. Bukhaeva
Doctor of Philology, professor,
Buryat State University (Ulan-Ude, Russia),
e-mail: galia.akhmetova@gmail.com

Segmenting the Speech Stream in Russian in the Aspect of Generating Speech

The paper considers speech segmentation of the sounding object in terms of the general problem of generating speech and the mechanism of the speech generating process. The stages of speech stream segmentation are the syllable, the word, the phrase and supra-phrasal units. The problem of speech segmentation is actual, but its solution in science is ambiguous. Optimum segmentation of the sounding object takes into consideration the factor of variability of speech segments and their key characteristics. The paper highlights that the verbal accent is one of the phonetic types of stress in the broadest sense of this term and is a means of the rhythmic organization of the word unlike its other types which are connected with the units of larger spatial extent – the syntagma, the phrase, the text, distinguished on the basis of, first of all, semantic and notional criteria. The function of the verbal accent is culminative.

Keywords: speech segmentation, sounding object, micro- and macro-segmentation, speech stream, co-articulation process, mechanism of sounding semantic information, "contingent of movements", speech signal.

Проблема речевой сегментации, несмотря на то, что находится в центре внимания современной лингвистики последние десятилетия, далека от однозначного решения в силу её исключительной сложности и многоплановости, и теория речевой деятельности, как было указано выше, находится в стадии первоначальных шагов. Тем не менее современные подходы к анализу языковых явлений, в том числе к фонетико-фонологическим описаниям, вызывают несо-

мненный интерес и являются актуальными в плане общей проблемы порождения речи, механизма речепорождающего процесса.

Недостаточная разработанность теории речевой деятельности, а главное – зачастую противоречивость в интерпретации самого процесса речепорождения и её структурных единиц, затрудняет обращение к проблеме на материале конкретного языка, его фонетико-фонологической системы.

Современное фонетическое описание, ориентированное на моделирование реальных процессов говорения и понимания, предполагает принципиальное изменение характера описания фонетической системы любого языка, решение вопроса об устройстве фонетического компонента в модели речевой деятельности человека. Существенными для описания внутренних механизмов речи и адекватного понимания того, что делает говорящий и какие стратегии используются им во время порождения речи, оказываются те аспекты процесса создания высказывания, которые в терминах современной науки называют когнитивными. С точки зрения когнитивного подхода порождение речи рассматривается на этапах её зарождения (предречевых и доречевых), т. е. зарождения замысла речи и формирования дальнейшей его (замысла) объективации в виде предложения.

Порождение речи, таким образом, – речемыслительный процесс, одновременно приводящий в движение и когнитивные (довербальный уровень), и языковые единицы, вовлекаемые в конструирование предложения (вербализация замысла), которые находятся в постоянном взаимодействии и переплетении [2, с. 7–8]. В связи с этим особое значение приобретает проблема сегментации звучащего речевого объекта, что предполагает и определение самих единиц, составляющих речевой объект, специфику их взаимодействия. Между тем при оптимальной сегментации звучащего объекта необходим учёт фактора вариативности речевых сегментов и набора их ключевых признаков. Процесс сегментации звучащего слова (или текста) не реализуется последовательно, сегмент за сегментом только в линейном плане, есть и нелинейные сегменты (по Плоткину, кинакемы), которые (линейные и нелинейные) вычленяются в разном порядке, но одновременно.

При проведении исследований по сегментации речевого потока «необходимо условно различать микро- и макросегментацию, что связано со спецификой вычленяемых речевых сегментов» [7, с. 10]. По мнению Р. К. Потаповой, к микросегментам могут быть отнесены интразвуковые сегменты (отдельные параметрические события, межзвуковые переходные процессы, смычка, фрикация, эксплозия, аспирация и т. д.), звуковые, интерзвуковые (сочетания звуков) и слоговые сегменты. Основным объектом макросегментации являются ритмические группы, фразы, сверхфразовые единства, фоноабзацы, тексты. Промежуточное положение между объ-

ектами микро-макросегментации занимает фонетическое слово. В данном случае можно было бы говорить о медиасегментации.

«Предлагаемая дифференциация, – считает Р. К. Потапова, – позволит упорядочить инвентарь условно выделенных сегментов, дифференцировать их с позиций говорящего, слушающего и наблюдателя (экспериментатора)» [7, с. 10]. Такое уточнение терминологии кажется вполне уместным и логичным: как известно, в традиционных терминах название «сегментные» выступает как номинация родового понятия и части этого понятия в оппозиции «сегментный – суперсегментный».

Сопоставление типов сегментов речевого сигнала, описываемых в терминах микро-медиа-макросегментации в русском языке, даст возможность проследить особенности сегментации речевого потока. В первую очередь необходимо выделить и надлежащим образом идентифицировать микросегменты, проявляющие те или иные свойства в конкретном языке, с учётом того, что степень проявления этих свойств может быть по языкам различной.

Сегментация речевого потока предполагает следующие этапы: слог – слово – фраза (высказывание) – сверхфразовые единицы. Начинается речевой поток, как известно, с сегментации слога – мельчайшей, далее не членимой единицы: слог можно расчленить на его составляющие, но тогда исчезает звуковой поток.

Звуковые оболочки всех знаковых единиц (морфем, слов, высказываний) – это участки звукового потока, который подвергается сегментации и модулированию с учётом семантических факторов – слиянием плана содержания и плана выражения. На фонологическом уровне звуковой поток организуется собственными фонологическими средствами без участия семантики. Элементарное модулирование речевого потока осуществляется особой фонологической единицей – слогом – мельчайшим, далее не членимым сегментом.

Слог – это фонетико-фонологическая единица, с точки зрения речедвигательного управления являющаяся минимальной цепочкой звуков, не как последовательность её составляющих, а как цельный артикуляционный комплекс, в котором действуют определённые правила коартикуляции. В речевой цепи слог – это минимальный звуковой отрезок речевого потока.

Однако обзор работ по экспериментальному исследованию коартикуляции (см: Сорокин) сегментов показал, что область действия коар-

тикуляционных процессов не ограничивается рамками слога; это, как пишет В. Б. Кузнецов, «делает проблематичным использование коартикуляции в качестве критерия для слоγοотделения» [3, с. 84].

В результате экспериментального исследования -vc – переходов (коартикуляции гласного с мягким согласным) в структурах $\sim v_1c v_2$ – В. Б. Кузнецов приходит к следующим выводам:

1) артикуляция мягкого согласного начинается гораздо раньше, чем это принято понимать по «традиционной» стратегии;

2) дополнительная артикуляция мягкого согласного опережает его основную;

3) конкретная реализация этой общей схемы зависит от характеристик гласного v_1 , его ударности и места образования согласного;

4) нет состыковки артикуляторных жестов гласного и последующего мягкого согласного путём взаимного согласовывания и приспособления: один артикуляционный жест постепенно или дискретно вытесняется другим [3, с. 93].

Каждый язык характеризуется специфическим способом сегментации слова: в русском языке этим способом является словесное ударение.

Итак, как происходит моделирование речевых процессов, каков «механизм» озвучивания семантической информации, что приводит в движение весь сложный артикулирующий аппарат при звукопроизводстве и звуковосприятии в языке – вот тот круг вопросов, который вызывает интерес и находится в русле общей проблемы механизма порождения речи.

За отправную точку возьмём следующие положения [6, с. 9, 20]:

1) звуковой строй языка звуками не исчерпывается;

2) функция звука как продукта артикуляции и объекта аудиоперцепции – экстернализация речевого сигнала и перенос его от человека к человеку;

3) путь сигнала начинается не во рту и завершается не в ухе – и отправителем, и получателем сигнала является мозг;

4) путь этот состоит из трёх этапов: а) от мозга к артикулирующим органам; б) от них к органу слуха; в) от него к мозгу;

5) на первом этапе сигнал реализуется в нервных импульсах, на втором – в звуках и на третьем – снова в нервных импульсах;

6) к языковому плану выражения принадлежат обе субстантные реализации сигнала – как звуки, так и нервные импульсы;

7) и звуки, и нервные импульсы равноправны, ни одно из них не подчинено другому;

8) каждая из этих ипостасей – самостоятельное средство для звукопроизводства и звуковосприятия;

9) первичной в этом процессе является нервная импульсация, звук вторичен;

10) сегментация универсальной субстанции импульсации речевого плана выражения заключается в том, что несколько субстантных импульсов обычно группируется в один блок, «контингент движений»;

11) такие «контингенты» запускаются одной командой, которая в свою очередь автоматически активирует всю цепочку команд для отдельных, сведённых в «контингент» движений, автоматических подкоманд.

На основании описанных выше артикуляционно-акустических и функциональных характеристик отдельных сегментов фонетической системы языка, закономерностей их сочетаемости, особенностей структурализации слога и можно свести их в определённую систему речепроизводящего процесса на уровне слова, поскольку цель говорящего не звуки и не слоги, а знаковые единицы.

В рамках когнитивного подхода речевой процесс начинается с появления замысла (интенции, намерения) говорящего, с его желания выдать определённую семантическую информацию, на следующем этапе этот замысел формируется в определённые фреймы, сценарии, результатом которых становится «образ результата», т. е. говорящий, прежде чем подключать «физиологию речи», уже имеет в мозгу фонемнооформленный образ того, что подлежит «озвучиванию» для переноса этого «образа результата» к слушателю, что в конечном счёте и является целью говорящего. Этот довербальный уровень речепроизводящего процесса универсален, находится в «компетенции» мозга. На основе «образа результата» мозг на следующем этапе даёт стартовую команду к звукопроизводящим органам.

Схематично речепорождающий и речевоспринимающий процесс, весь его путь в рамках когнитивного подхода можно, вероятно, представить в следующем виде: замысел – фреймы, сценарии – «образ результата» – стартовая команда к органам речи – речевой сигнал – физиология речи – озвучивание – озвученный «образ результата» – восприятие слушателем. Таким образом, отправителем и получателем речево-

го сигнала является мозг: от мозга говорящего к артикулирующим органам, от них к органам слуха, от него к мозгу слушателя.

Процесс вербализации, «материализации» замысла говорящего, «образа результата» приходится уже на долю механизма озвучивания, собственно физиологии речи, и каждый язык, его фонетико-фонологическая система делает это по-своему, по-своему строит свои «кубики», организуя их в специфические, только ей (системе) свойственные парадигматические и синтагматические цепочки, отношения.

Собственно механизм звукопорождения начинается с того, что речевой сигнал – стартовая команда – приводит в движение весь речедвигательный аппарат. Первый этап – это нервно-мышечная импульсация: начало движения воздушного потока в гортани, подключение или неподключение голосовых связок, определённая настройка резонирующей полости рта, наличие или отсутствие преграды на пути движения воздушного потока, способ преодоления преграды при её наличии; следующий этап – звук, образованный в результате этой нервно-мышечной импульсации, а затем уже вступает в действие звуковоспринимающий процесс тоже в нервно-мышечной импульсации – таким в общем виде представляется путь речевого сигнала от начала его зарождения до его завершения в мозгу слушателя.

Таким образом, функция звука – быть переносчиком сигнала. Звук может быть произведён лишь совокупностью артикуляционных действий и воспринят как совокупность их перцептивных коррелятов.

В традиционных терминах компоненты таких совокупностей называются «различительными признаками», который (термин), по мнению В. Я. Плоткина, не соответствует статусу данной языковой единицы, определяемой как самостоятельная фонологическая единица в обеих своих частях [6, с. 17].

Предлагается ввести термин «кинакема», который, как было указано выше, был предложен ещё Бодуэном де Куртене в 30-х гг. XX в. Нельзя с этим не согласиться, но тем не менее в этой работе используется традиционный термин «различительный (дифференциальный) признак» с полным осознанием того, что, по сути своей, эти два термина – не одно и то же, но объект у них один – «продукты» нервно-мышечной импульсации артикулирующих органов. Нельзя не согласиться и с тем, что, как видно из описания механизма звукопроизводства в указанной рабо-

те В. Я. Плоткина, стадия нервно-мышечной импульсации первична, звук вторичен, хотя и реализуются они одновременно.

Ещё одно положение в этой теории заслуживает, на наш взгляд, особого внимания и берётся на «вооружение», а именно, блочный принцип импульсации речевого плана выражения при сегментации универсальной субстанции. Суть его заключается в том, что несколько субстантных импульсов группируется в один блок, «контингент движений», запускаемый одной командой, которая, в свою очередь, автоматически активирует всю цепочку команд для отдельных, сведённых в «контингент» движений.

Русская фонетико-фонологическая система, если от артикуляционно-акустического, перцептивного и функциональных аспектов переключиться на речепорождающий процесс, на наш взгляд, очень хорошо укладывается на предложенный выше механизм озвучивания и восприятия семантической информации. Возникающий на определённом этапе объект «образ результата», предназначенный для вербализации, отправляет команду артикулирующим органам, которые соответственно настраиваются на озвучивание именно этого объекта, и этот настрой (уклад) обеспечивает звучание всего слова.

Отправной точкой в этой стартовой команде становится доминирующий компонент, автоматически вызывающий совокупность подкоманд для сегментации всего слова. Но слово состоит из слогов как единого артикуляционного процесса, который в языке характеризуется особой спаянностью его консонантных и вокальных элементов (см. выше), а в этом едином комплексе, где артикуляция одного сегмента налагается на артикуляцию «соседа», «тон задает» в русском языке согласный.

В звуковом потоке два уровня языка – линейный (сегментный) и нелинейный (суперсегментный) – выступают совместно, одновременно, при этом суперсегментные единицы «как бы накладываются на линейные отрезки: линейный отрезок можно обособить, произнести отдельно, а суперсегментные – только вместе с ним» [5, с. 15]. К суперсегментным средствам относят все единицы, превышающие сегментные звуки, начиная от слога и кончая текстом.

Закономерности дистрибуции и сочетаемости фонем привязаны к слогу и слову как целостной синтагматической единице, и изменение напряжённости артикуляции на протяжении слова во многом предопределяет его динамическую структуру – построение слога и

слова в основном по восходящей звучности, что создаётся за счёт преобладания консонантного начала и вокалического конца и за счёт закреплённости отдельных классов фонем за определёнными позициями.

На суперсегментном уровне «вступают в силу» уже другие, просодические средства, по другим параметрам, наряду с сегментными организующие звуковой поток, звучащую речь. К ним в первую очередь относится ударение во всех его видах, в том числе словесное ударение в языках, где оно есть.

Ударение (акцент) – это «выделение в речи той или иной единицы в последовательности однородных единиц с помощью фонетических средств», это «факт суперсегментного фонологического уровня». В зависимости от того, с какой сегментной единицей функционально соотносится ударение, различают словесное, синтагматическое (тактовое) и фразовое ударение. Выделяют ещё и логическое ударение (см. ниже). Словесное ударение, таким образом, – одно из фонетических типов ударения в широком понимании этого термина и является средством ритмической организации слова в отличие от других его типов, которые связаны с

единицами более широкой пространственной протяжённости – синтагмой, фразой, текстом, выделяемыми на основе, прежде всего, семантического, смыслового критерия.

Так, словесное ударение «характеризуется качеством, длительностью и силой, а высота тона не играет роли; в синтагматическом ударении на первом месте стоит сила и тон, а затем качество и длительность; в логическом ударении на первом месте стоит сила, качество и интервал по высоте тона между логическим и словесным (или же синтагматическим) ударением, а длительность уже значительно менее важна» [5, с. 238].

В каждом языке есть необходимость фонетической организации слова, и каждый язык (или группа языков) «осуществляет» эту задачу по-своему, специфическими для него средствами. В русском языке, как и во всех языках, имеющих ударение, этим средством является словесное ударение. Функция словесного ударения – кульминативная – обеспечение «цельности и отдельности слова (словоформы) путём просодической централизации его слово-звуковой структуры (выделение просодического центра слова)» [4, с. 630–631].

Список литературы

1. Бодуэн де Куртене И. А. Избранные труды по языкознанию. М. : Изд-во АН СССР, 1963. Т. 1. 142 с.
2. Кубрякова Е. С. Модели порождения речи и главные отличительные особенности речепорождающего процесса // Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. М. : Наука, 1992. С. 4–20.
3. Кузнецов В. Б. Эффекты коартикуляции при переходе от гласного к мягкому согласному в русской речи // Проблемы фонетики. М. : Наука, 1995. С. 84–99.
4. Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1990. 686 с.
5. Матусевич М. И. Современный русский язык. Фонетика. М. : Просвещение, 1976. 288 с.
6. Плоткин В. Я. Фонологические кванты. Новосибирск : Наука, 1993. 180 с.
7. Потапова Р. Г. Теоретические и прикладные аспекты речевой сегментологии // Проблемы фонетики. М. : Институт русского языка РАН, 1995. С. 7–20.
8. Сорокин В. Н. Теория речеобразования. М. : Радио и связь, 1995. 128 с.

Статья поступила в редакцию 1 декабря 2011 г.

В. И. Золхоев

*доктор филологических наук, профессор,
Бурятский государственный университет (г. Улан-Удэ, Россия),
e-mail: boriszolkhoev@gmail.com*

Классификация фонем: применение цифрового кода

Традиционные классификации фонем всех языков, существующих ныне, имеют два недостатка: 1) их слишком много; 2) каждый тип классификаций рассматривается изолированно; не выявлены их внутренние связи и отношения. В статье предложен новый подход к классификации фонем: на основании выявленных наборов фонологически существенных признаков (ФСП) каждой фонемы, не повторяющихся внутри системы этого языка. Таким образом, определяется фонологическое содержание (ФС) фонем любого языка. ФС фонемы обозначается цифровыми символами, формирующими цифровой код фонемы. Система оппозиций ведущего теоретика «Пражского лингвистического кружка» Н. С. Трубецкого показывает различные отношения между фонемами. Однако оппозиция предполагает не только те признаки, которыми отличаются друг от друга члены оппозиции, но и признаки, которые являются общими для обоих членов оппозиции. Такие признаки можно считать «основанием для сравнения». Поэтому звуковой строй разных языков отличается не только количеством фонем, но и составом и количеством ФСП. Все типы бинарных оппозиций фонем разделены на три группы: а) корреляции по вертикали. Члены этих оппозиций противопоставлены друг другу по номеру ФСП по вертикали, но зато имеют общие ФСП по горизонтали; б) корреляции по горизонтали. Они противопоставлены друг другу по горизонтали; в) дизъюнкции. У них нет общих ФСП. Для описания системы фонем посредством цифрового кода были пронумерованы наборы ФСП каждой фонемы каждого языка. Цифровой код показал, что звуковые строи разных языков различаются друг от друга не только по количеству фонем, но и по составу и количеству ФСП. Такой подход даёт единое основание для классификации фонем разных языков и выявляет их внутренние связи.

Ключевые слова: классификация фонем, набор фонологически существенных признаков, фонологическое содержание фонемы, цифровой код, основные и дополнительные классификации фонем.

V. I. Zolkhoev

*Doctor of Philology, professor,
Buryat State University (Ulan-Ude, Russia),
e-mail: boriszolkhoev@gmail.com*

The Classification of Phonemes: Digital Code Application

In all existing languages traditional classifications of phonemes have two disadvantages: 1) there are too many of them; 2) each type of classification is studied separately; their internal connections and relationships have not been revealed yet. This paper offers a new approach to the classification of phonemes based on the identified sets of phonologically significant features (PSF) of each phoneme which are not repeated within a system of this language. This defines the phonological content (PC) of phonemes in any language. PC is determined by the phoneme numerical symbols which form the digital code of the phoneme. The system of oppositions suggested by the leading theoretician of the Prague Linguistic Circle N. S. Trubetsky shows different relationships between the phonemes. However, the opposition includes not only the features that distinguish the members of the opposition from each other, but the features that are common to both members of the opposition. Such features may be considered as a "basis for comparison." Therefore, sound systems of different languages differ not only in the number of phonemes, but also in composition and number of PSF. All types of binary oppositions of phonemes are divided into three groups: a) vertical correlations (Members of these oppositions are opposed to each other by the number of PSF vertically, but they have common PSF if considered horizontally); b) horizontal correlations (They are opposed to each other horizontally); c) disjunctions. (They have no common PSF.) To describe the system of phonemes using the digital code PSF sets of each phoneme in each language were numbered. The digital code indicated that the phonological structures of different languages differ from each other not only by the number of phonemes, but also by the composition and quantity of PSF. Such an approach provides a unified basis to classify phonemes of different languages and reveals their internal relations.

Keywords: classification of phonemes, phonological set of essential features, phoneme phonological content, digital code, basic and additional classifications of phonemes.

Работа посвящена реализации двух концепций ведущего теоретика «Пражского лингвистического кружка» Н. С. Трубецкого, изложенных им в работе «Основы фонологии» [7]: 1) о фонологическом содержании фонем; 2) о бинарных оппозициях фонем. Как известно, Н. С. Трубецкой не применил эти теоретические положения на практике, на материале конкретных языков.

По нашему мнению, у традиционных классификаций фонем всех языков, существующих ныне, имеются два недостатка:

1) их слишком много;

2) каждый тип классификаций рассматривается изолированно; не выявлены их внутренние связи и отношения.

Для преодоления первого недостатка необходимо найти единый критерий для классификации всех фонем в языке.

Для преодоления второго недостатка необходимо выявить внутренние связи и отношения между всеми типами классификаций фонем во всех рассматриваемых языках.

Если мы критикуем традиционную классификацию, это не значит, что мы нигилистически относимся к ней, мы хотим только улучшить её.

Прежде чем перейти к изложению материала, необходимо уточнить терминологию. Во-первых, в работе встречается три термина, которые являются синонимами:

1) классификационные признаки (КП);

2) фонологически существенные признаки (ФСП);

3) дифференциальные признаки (ДП).

Первый термин (КП) встречается в традиционной классификации и является наиболее точным, ибо он связан именно с классификацией фонем. Как указывает проф. В. Б. Касевич: «При любом истолковании природы различительных признаков они являются классификационными, т. е. отражающими классификацию фонем, т. е. служащими основанием для разбиения фонем на классы» [6, с. 81].

Второй термин (ФСП) принадлежит Н. С. Трубецкому, одному из ведущих теоретиков Пражской школы [7, с. 71].

Третий термин – дифференциальный признак (ДП), связан с авторами универсальной диатомической классификации» [8, с. 231–276].

Во-вторых, мы отказались от терминов: шумный – сонорный. Причина – группы т. н. сонорных согласных мы переименовали: «свободно-проходные», противопоставив их смычным и щелевым согласным по степени открытости артикуляции.

Если мы предлагаем новую классификацию фонем, то это совсем не значит, что мы опираемся на какие-то новые ФСП. Мы опираемся на те же ФСП, что и в ныне существующей классификации фонем. Более того, других ФСП нет и не может быть.

Так в чём же разница между двумя классификациями – предлагаемой нами и существующей? В традиционной классификации фонем мы рассматриваем систему ФСП отдельного языка изнутри. Нам кажется, все типы классификаций фонем данного языка равнозначны, нет их различий зависимости от статуса внутри системы.

Классификация фонем в каждом языке индивидуальна, но когда рассматриваешь систему типов классификаций на материале многих языков, то становится очевидным, что какие-то типы классификаций встречаются во всех рассматриваемых языках, а какие-то из них встречаются только в отдельных языках или в группах языков. Так, мы назвали первые типы классификаций основными, а все остальные дополнительными. Оказалось, основные типы классификаций, в свою очередь, делятся на две группы: по вертикали и по горизонтали.

Под вертикалью имеется в виду классификация фонем по вертикальному движению нижней челюсти по направлению «вверх-вниз», а под горизонталью имеется в виду образование фонем в различных местах ротовой полости вдоль речевого тракта по направлению «вперёд-назад».

Как известно, мы живём в трёхмерном мире, т. е. наше пространство измеряется в трёх направлениях: вверх-вниз (вертикаль), вперёд-назад (горизонталь), направо-налево (тоже горизонталь, но в противоположном сечении). Однако органы речи человека могут артикулировать только в двух направлениях: вверх-вниз, вперёд-назад. Артикуляция в направлении направо-налево блокируется боковыми стенками ротовой полости.

Гласные фонемы по вертикали делятся на группы: верхнего подъёма – нижнего подъёма, а по горизонтали на группы: переднего ряда – заднего ряда. Гласные среднего подъёма и среднего ряда допускаются в фонетической классификации, а в фонологической нет, ибо смысловые противопоставления должны быть предельно контрастными.

Согласные фонемы по вертикали (по способу образования) делятся на три группы: смычные (закрытые); щелевые (полуоткрытые); свободно-проходные (открытые).

По горизонтали (по месту образования) согласные так же делятся на три группы: губные, переднеязычные, заднеязычные.

В некоторых языках согласные фонемы в виде исключения могут образоваться в заязычных полостях: увулярные, фарингальные, ларингальные. Мы их относим к числу дополнительных классификаций. (Выявление типов фонем по основной классификации осуществлено в [5; 4]).

Как указывалось выше, к числу т. н. дополнительных классификаций относятся все типы классификаций фонем, которые не входят в число основных типов, здесь мы их не перечисляем, так как состав и количество этих классифи-

каций в разных языках различно. Они дополняют те или иные разделы по основной классификации и образуют с ними единый **набор ФСП**, который может состоять либо из одного ФСП по основной классификации, либо из совокупности нескольких ФСП. Все ФСП, входящие в один **набор ФСП**, находятся по отношению друг к другу в положении последовательного членения.

Например, в английском языке гласные делятся на две группы: верхнего подъёма – нижнего подъёма; гласные верхнего подъёма делятся на монофтонги и дифтонги; монофтонги делятся на краткие и долгие и т. д.

Классификация английских гласных по номеру набора ФСП

Вертикаль			Горизонталь					
			основ. класс.	передний ряд			задний ряд	
				допол. класс.	продвинутые		отодвинутые	неогубленные
неогубленные	огубленные							
основн. классиф.	Дополнительная классификация		№ набора ФСП	1	2	3	4	5
верхний подъём	монофтонги	краткие	1	<i>i</i> -11				<i>u</i> -15
		долгие	2	<i>ī</i> -21				<i>ū</i> -25
	дифтонги		3	<i>iā</i> -31				<i>ua</i> -35
нижний подъём	монофтонги	краткие	4			<i>ā</i> -43	<i>a</i> -44	<i>o</i> -45
		долгие	5	<i>ē</i> -51	<i>oĀ</i> -52	<i>aĀ</i> -53	<i>ā</i> -54	<i>ō</i> -55
	дифтонги	с неогубленным глайдом	6	<i>ei</i> -61		<i>eā</i> -63	<i>ai</i> -64	<i>oi</i> -65
		с огубленным глайдом	7				<i>au</i> -74	<i>ou</i> -75

Комментарии к таблице

Классификация состоит из трех частей.

1. Набор ФСП по вертикали (их 7). Она находится слева от центра.

2. Набор ФСП по горизонтали (их 5). Она находится над центром.

3. Центр обведён тёмной каймой, состоит из 7 продольных линий ячеек по числу наборов ФСП по вертикали и 5 поперечных линий ячеек по числу наборов ФСП по горизонтали. На пересечении этих линий располагаются все гласные фонемы английского языка с двумя цифрами после них:

а) первая цифра обозначает номер набора ФСП данной фонемы по вертикали;

б) вторая цифра обозначает номер набора ФСП данной фонемы по горизонтали.

Эти цифры и составляют цифровые обозначения фонологического содержания данной фонемы.

По вертикали имеется 7 наборов ФСП:

№ 1: верхнего подъёма, монофтонги, краткие (*i*, *u*);

№ 2: верхнего подъёма, монофтонги, долгие (*ī*, *ū*);

№ 3: верхнего подъёма, дифтонги (*iā*, *ua*);

№ 4: нижнего подъёма, монофтонги, краткие (*ā*, *a*, *o*);

№ 5: нижнего подъёма, монофтонги, долгие (*ē*, *oĀ*, *aĀ*, *ā*, *ō*);

№ 6: нижнего подъёма, дифтонги, с неогубленным глайдом (*ei, eä, ai, oi*);

№ 7: нижнего подъёма, дифтонги, с огубленным глайдом (*au, ou*).

По горизонтали имеется 5 наборов ФСП:

№ 1: переднего ряда, продвинутые, неогубленные (*i, ī, iä, ē, ei*);

№ 2: переднего ряда, продвинутые, огубленные (*oÄ*);

№ 3: переднего ряда, отодвинутые (*ä, aÄ, eä*);

№ 4: заднего ряда, неогубленные (*a, ā, ai, au*);

№ 5: заднего ряда, огубленные (*u, ū, ua, o, ö, oi, ou*).

Ниже приводим фонологическое содержание (ФС) каждой фонемы по двум наборам ФСП этой фонемы:

- 1) *i*-11: верхнего подъёма, монофтонг, краткая, переднего ряда, продвинутая, неогубленная;
- 2) *u*-15: верхнего подъёма, монофтонг, краткая, заднего ряда, огубленная;
- 3) *ī*-21: верхнего подъёма, монофтонг, долгая, переднего ряда, продвинутая, неогубленная;
- 4) *ū*-25: верхнего подъёма, монофтонг, долгая, заднего ряда, огубленная;
- 5) *iä*-31: верхнего подъёма, дифтонг, переднего ряда, продвинутая, неогубленная;
- 6) *ua*-35: верхнего подъёма, дифтонг, заднего ряда, огубленная;
- 7) *ä*-43: нижнего подъёма, монофтонг, краткая, переднего ряда, отодвинутая;
- 8) *a*-44: нижнего подъёма, монофтонг, краткая, заднего ряда, неогубленная;
- 9) *o*-45: нижнего подъёма, монофтонг, краткая, заднего ряда, огубленная;
- 10) *ē*-51: нижнего подъёма, монофтонг, долгая, переднего ряда, продвинутая, неогубленная;
- 11) *oÄ*-52: нижнего подъёма, монофтонг, долгая, переднего ряда, продвинутая, огубленная;
- 12) *aÄ*-53: нижнего подъёма, монофтонг, долгая, переднего ряда, отодвинутая;
- 13) *ā*-54: нижнего подъёма, монофтонг, долгая, заднего ряда, неогубленная;
- 14) *ō*-55: нижнего подъёма, монофтонг, долгая, заднего ряда, огубленная;
- 15) *ei*-61: нижнего подъёма, дифтонг, с неогубленным глайдом, переднего ряда, продвинутая, неогубленная;
- 16) *eä*-63: нижнего подъёма, дифтонг, с неогубленным глайдом, переднего ряда, отодвинутая;
- 17) *ai*-64: нижнего подъёма, дифтонг, с неогубленным глайдом, заднего ряда, неогубленная;
- 18) *oi*-65: нижнего подъёма, дифтонг, с неогубленным глайдом, заднего ряда, огубленная;
- 19) *au*-74: нижнего подъёма, дифтонг, с огубленным глайдом, заднего ряда, неогубленная;
- 20) *ou*-75: нижнего подъёма, дифтонг, с огубленным глайдом, заднего ряда, огубленная.

Здесь мы вводим в фонологию новое понятие: **набор ФСП**.

Звуковой строй разных языков различается не только по количеству фонем, но и по составу и количеству ФСП.

Наборы ФСП этих языков по **составу** так же сильно различаются, например:

а) **по вертикали** английские гласные делятся на монофтонги – дифтонги; монофтонги делятся на краткие – долгие; дифтонги делятся по составу глайдов, а русские гласные все являются монофтонгами;

б) **по горизонтали** в английском языке имеются т. н. продвинутые и отодвинутые гласные, а в русском их нет.

Состав ФСП по согласным так же имеет различия: в английском имеются межзубные и зазубные согласные, а в русском их нет.

Под номером имеем в виду одну цифру (элемент цифрового кода).

Одним номером, т. е. одной цифрой, снабжается не каждый ФСП, а целый **набор ФСП**. Это связано с тем, что в разных языках имеется различный состав и разное количество ФСП, а чтобы создать единую классификацию фонем для каждого языка необходимо объединять несколько ФСП в **набор ФСП**. Количество ФСП внутри **набора** может быть разным (1–4, реже 5). Здесь необходимо остановиться на проблеме двух видов классификаций фонем: **фонетической** и **фонологической**.

Как известно, фонетика – это естественно-научная дисциплина. Она рассматривает фонемы с чисто акустических сторон, а фонология – социальная, чисто лингвистическая дисциплина, она посвящена изучению смысловых отношений фонем. Поэтому наряду с фонетической существует и фонологическая классификация фонем. Конечно, эта классификация опирается на основные положения фонетической классификации, но имеет свои отличия.

Соответственно существует два вида транскрипций фонем: *фонетическая* и *фонемная*. В каждом языке разработана своя система фонемной транскрипции, т. е. используются свои знаки для обозначения фонем, а нам было необходимо создать универсальную транскрипцию, пригодную для обозначения всех фонем 332 языков.

Помимо универсальной транскрипции, при описании системы *гласных* фонем мы вводим в научный оборот новое понятие «продвинутые и отодвинутые» гласные. В большинстве языков фонема «а» относится к заднему ряду, но во многих языках (например, в английском) имеется, наряду с заднерядной *a*, переднерядная фонема «ä». Однако, эту нишу занимает во всех языках фонема «e»; чтобы обеспечить особую нишу для «ä», не ущемляя фонему «e», мы вынуждены были ввести понятие «продвинутый» для «e» и «отодвинутый» – для «ä» (см. табл. по английскому языку).

Ученые Пражского лингвистического кружка, в том числе Н. С. Трубецкой, придавали огромное значение фонологическим оппозициям:

«Фонемный состав языка является, по существу, лишь коррелятом системы фонологических оппозиций. Никогда не следует забывать, что в фонологии основная роль принадлежит не фонемам, а смысловозначительным оппозициям. Любая фонема обладает определённым фонологическим содержанием лишь постольку, поскольку система фонологических оппозиций обнаруживает определённый порядок или структуру. Чтобы понять эту структуру, необходимо исследовать различные типы фонологических оппозиций» [7, с. 72].

Мысль Н. С. Трубецкого, что «фонемный состав языка является, по существу, лишь коррелятом системы фонологических оппозиций», мы считаем преувеличением роли оппозиций. По нашему мнению, фонема – это основная единица фонологии, а система оппозиций показывает различные отношения между фонемами.

Противоположение (оппозиция) предполагает не только признаки, которыми отличаются друг от друга члены оппозиции, но и признаки, которые являются общими для обоих членов оппозиции. Такие признаки можно считать «основанием для сравнения». Две вещи, не имеющие основания для сравнения, или, иными словами, не обладающие ни одним общим признаком (например, чернильница и свобода воли) никак не могут быть противопоставлены друг другу» [7, с. 72].

К сожалению, Н. С. Трубецкой не показал на примере конкретных языков типы оппозиций, которые «можно считать основанием для сравнения». Вместо этого он предложил т. н. «логическую классификацию смысловозначительных оппозиций» [7, с. 71–93].

Мы полностью отказались от «логической» классификации смысловозначительных оппозиций фонем, вместо неё предлагаем чисто «лингвистическую» классификацию бинарных оппозиций по их фонологическому содержанию (ФС).

Таким образом, каждая фонема всех языков обладает уникальным набором ФСП, не повторяющимся внутри системы. Этот набор состоит из двух ФСП, первый из них представляет номер набора ФСП по вертикали, второй – по горизонтали. Эти две цифры и составляют ФС этой фонемы.

Единым основанием для сравнения бинарных оппозиций фонем является противопоставление двух фонем, являющихся членами бинарной оппозиции по их номерам. Опираясь на ФС фонем, являющихся членами бинарной оппозиции, мы составили таблицы бинарных оппозиций всех фонем рассмотренных языков по их ФС. Количество оппозитивных пар фонем в каждом языке зависит от количества фонем внутри системы: например, в русском языке 37 согласных фонем, каждая из них противопоставлена всем остальным 36 фонемам, всего получается 1332 оппозиций ($37 \times 36 = 1332$). Но поскольку каждая оппозиция повторяется (б-п, п-б), то реальное количество их вдвое меньше – 666 ($37 \times 36 : 2 = 666$).

Фонологическое содержание каждой бинарной оппозиции зависит от соотношения ФС двух фонем, являющихся членами бинарной оппозиции. Поскольку ФС каждой фонемы обозначается номерами ФС этих фонем двумя цифрами, являющимися номерами их набора ФСП, то их отношения обозначаем соотношением этих цифр.

Так, ФС оппозиций русских гласных *a* – *o* обозначена цифрами *a* (2–2) – *o* (2–3), значит ФС этой пары может быть выражена цифрами: 2,2–3. По вертикали они имеют одинаковые ФСП – 2, но зато они противопоставлены по горизонтали: 2–3.

Рассмотрев все типы бинарных оппозиций фонем, мы составили таблицы бинарных оппозиций гласных и согласных фонем в отдельности. При этом выяснилось, все типы бинарных оппозиций фонем можно разделить на три группы:

а) корреляции по вертикали. Члены этих оппозиций противопоставлены друг другу по номеру ФСП по вертикали, но зато имеют общие ФСП по горизонтали;

б) корреляции по горизонтали. Члены этих оппозиций имеют общие номера ФСП по вертикали, но зато они противопоставлены друг другу по горизонтали;

в) дизъюнкции. Члены этих оппозиций противопоставлены друг другу как по вертикали, так и по горизонтали. У них нет общих ФСП.

Для описания системы фонем посредством цифрового кода мы пронумеровали наборы ФСП каждой фонемы каждого языка. После каждой фонемы располагаются две цифры, первая из них обозначает номер этой фонемы по вертикали, вторая – по горизонтали. Эти два цифровых символа и обозначают фонологическое содержание (ФС) этой фонемы.

При описании системы фонем каждого языка посредством цифрового кода мы составили матрицу, т. е. четырехугольную таблицу с размещением материала по вертикали и горизонтали. На пересечении этих линий располагаются все фонемы. Здесь после каждой фонемы располагаются две цифры: первая – обозначает номер ФСП этой фонемы по вертикали, вторая – по горизонтали.

Цифровой код был нами впервые применён в 2003 г. при описании системы фонем 100 языков [2], в 2004 г. – при описании системы фонем 262 языков [5], а в 2006 г. мы описали систему фонем 332 языков [2].

Ныне, в век компьютеризации, метод применения цифрового кода представляется актуальным, ибо память компьютера прекрасно приспособлена для усвоения и передачи цифровой информации.

Список литературы

1. Золхоев В. И. Дифференциальные признаки и оппозиции фонем : в 25 т. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2004. Т. 1. 206 с.
2. Золхоев В. И. Дифференциальные признаки фонем : в 10 т. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2003. Т. 1. 217 с.
3. Золхоев В. И. Классификация фонем посредством цифрового кода : в 12 т. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2006. Т. 1. 201 с.
4. Золхоев В. И. Проблемы фонологии и морфонологии агглютинативных языков : дис. ... д-ра филол. наук. Ленинград, 1987. 360 с.
5. Золхоев В. И. Фонология и морфонология агглютинативных языков. Новосибирск : Наука, 1980. 148 с.
6. Касевич В. Б.. Морфонология. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 162 с.
7. Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М. : Аспект-Пресс, 2000. 349 с.
8. Якобсон Р., Фант Г. М. и Халле М. Введение в анализ речи. Различительные признаки и их корреляты // Новое в лингвистике. Вып. II / пер. с англ. А. А. Зализняка и Е. В. Падучевой. М. , 1962. С. 173–231.

Статья поступила в редакцию 24 ноября 2011 г.

УДК 882
ББК Ш 5(2=Р)7-09

Лю Гопин¹
магистр филологии, аспирант,
Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический
университет им. Н. Г. Чернышевского (КНР),
e-mail: gop.liu2009@yandex.ru

О композиционном развёртывании текста традиции в современной русской прозе

В статье раскрываются традиции, наблюдающиеся в современной русской прозе. Автор сравнивает построение текста, языковую композицию 20–30-х гг. (на материале прозы Бориса Пильняка) и начала XXI века (на материале прозы Дениса Гуцко). Традиции в построении текста свидетельствуют о развитии литературы реализма. Автор рассматривает проблемы языковой композиции, а также явления её модификации, в том числе и компонентов языковой композиции. В статье анализируется межтекстовая связь, композиционные вставки, композиционные обрывы, графическая маркированность. Автор приходит к выводу о развитии в современной прозе традиций реалистического построения текста и об объединении традиций и новаций.

Ключевые слова: традиции, языковая композиция, Борис Пильняк, Денис Гуцко.

Liu Guo Ping
Master of Philology, graduate student, Zabaikalsky State Humanitarian
Pedagogical University named after N. G. Chernyshevsky
(People's Republic of China),
e-mail: gop.liu2009@yandex.ru

Compositional Development of the Tradition Text in Modern Russian Prose

The article observes modern Russian prose traditions. The author compares the textual composition and the linguistic composition of the 1920s-1930s (based on Boris Pilnyak's prose) with that of the beginning of the 21st century (based on Denis Gutsko's prose). Compositional traditions of the texts reflect the development of realism literature. The author considers some issues of the linguistic composition, including examples of its modifications and components. The paper analyzes intertextual relations, compositional inserts, compositional breaks and graphical means. The author concludes that modern prose develops realistic traditions in the textual composition and combines traditions and innovations.

Keywords: traditions, linguistic composition, Boris Pilnyak, Denis Gutsko.

Традиции в жизни и в литературе – это события или принципы организации текста, которые уже в той или иной мере существовали, имели место. Можно сказать, что традиции – это то, чем жили люди вчера, год назад, сто, тысячу лет назад; традиция – это то, что переходит от одного поколения к другому, то есть наследуется от предшествующего поколения. Это могут быть, например, идеи, взгляды, обычаи, воинские традиции, образы действий.

То же происходит в литературе. Как известно, литература – это искусство слова. Писатель отбирает такие слова и выражения, которые помогают ему создать художественный образ, донести свои мысли и чувства до читателя, ли-

тература делает человека интеллектуальным, развивает в нём не только чувство красоты, но и понимание жизни,

Всё развивается, всё изменяется, старое исчезает, новое появляется. Русская литература развивается, и в современной русской прозе появляются новые языковые явления. Происходит и модификация языковой композиции текста.

Г. Д. Ахметова пишет о языковой композиции, что это внутреннее движение и развёртывание словесных рядов, т. е. языкового материала, лежащего в основе повествования. Словесные ряды, организованные образом автора, распадаются на стилевые потоки, в основе которых лежит тот или иной «ли» авторского образа, т. е. либо рассказчик (близкий образу автора или да-

¹ Работа выполнена при финансировании темы в рамках государственного задания вузу (№ 6. 3652. 2011).

лёкий от него), персонажи. Именно их глазами, их точкой видения организованы в тексте композиционно и сюжетно значимые приёмы: деталь, интерьер, портрет, пейзаж [2, с. 51].

Г. Д. Ахметова рассматривает традиции на материале прозы 20–30-х гг. XX в., в частности на материале прозы Б. Пильняка. Но уже можно говорить и традициях 80–90-х гг., то есть о традициях прозы «новой волны». Г. Д. Ахметова пишет: «В прозе Б. Пильняка отмечаются следующие особенности, отражающие композиционное развёртывание текста: прямое включение «автора» в повествование, т. е. композиционный переход к такому композиционному центру, в котором происходит полное слияние образа автора с образом рассказчика; композиционные вставки, переключающие повествование на другую точку зрения; композиционный обрыв; повторы-рефрены, приостанавливающие течение повествования; включение в текст образа читателя» [1, с. 47]. Подобные композиционно-языковые явления отмечались в прозе 80–90-х гг., отмечаются они и в новейшей прозе начала XXI в. Нельзя, конечно, говорить о прямом наследовании языковых процессов. В современной прозе отмечаются многочисленные модификационные процессы, связанные с языковой композицией, в частности с явлением субъективации. Но именно это и отличает современную русскую прозу – объединение традиций и новаций, что даёт возможность называть современную прозу реалистической.

Обратимся к творчеству Д. Н. Гуцко. Писатель родился в г. Тбилиси в 1960 г., с 1987 г. живёт в Ростове-на-Дону. Рядовым Советской Армии служил в «горячих точках» – в Азербайджане и Абхазии. Окончил РГУ, работает в коммерческом банке. Д. Гуцко публиковался в журналах «Знамя», «Дружба народов», «Октябрь», в альманахе «Новые писатели». Писатель был участником форумов молодых писателей, ежегодно проходящих в подмосковных Липках.

В его романе «Русскоговорящий» наблюдаются языковые традиции. Например, в романе есть межтекстовые вставки, переключающие повествование на другую точку зрения. Разнообразие межтекстовых связей – это признак постмодернистского текста, но в то же время межтекстовые связи всегда были в литературе реализма. Одновременно с переключением точки зрения наблюдаются композиционные обрывы, графически маркированные с помощью многоточия. В тексте приведены только репли-

ки, авторских слов нет: «Митя решил сражаться за свои мозги, каждый день о чём-нибудь думать. О чём угодно. Хоть о павлинах. Или о страусах.

И перья страуса склоненные...
Упор лежа принять!
...в моём качаются...
Делай р-разз!
...Мозгу, и очи...
Делай д-дваа!
...синие без...» [3, с. 13].

Команды солдату перемежаются с внутренней речью главного героя – Мити. На протяжении романа Митя размышляет о жизни. Он решил сражаться за свою личность, каждый день о чём-нибудь, думать о чём угодно, чтобы отвлекаться от однообразности окружающей жизни.

В прозе Б. Пильняка часто встречаются композиционные обрывы. Они *используются*, по словам Г. Д. Ахметовой, «как такие приёмы повествования, когда словесный ряд, прерываясь, продолжается дальше, а предполагаемый словесный ряд, лишь намеченный писателем, остаётся незавершённым» [1, с. 50]. Приведём пример из прозы Б. Пильняка: «Мне сказали, что славу ему дал роман, где он описывает европейскую женщину.

Он выветрился бы из моей головы, как многие случайно встреченные, если бы...

В японском городе К., в консульском архиве я наткнулся на бумаги Софии Васильевны Гнедых-Тагаки, ходатайствующей о репатриации» [4, с. 460].

В романе Д. Гуцко часто встречаются композиционные вставки, в которых происходит смена стиля, иногда – смена точки зрения. Эти вставки графически маркированы – они напечатаны более мелким шрифтом и имеют значительный отступ слева. Вставки сочетаются с обрывами: «Пожар стихает. Наверное, надыхался – знобит и будто...

...мареву. Чьё-то незнакомое лицо совсем близко, всеми своими бровями-ресницами. Кто это? Непрерывное шипение – в здании ОВД шипят огнетушители. Время от времени там что-то падает. Дым ползет под деревьями, от дома до дома, замазывает чернильно-лунное небо. Деревья без крон. Звуки крошатся, отскакивая от плотной завесы. Эхо.

– Леха я! Леха!

Эхо. Эхо – колокольчики, сыплющиеся в уши. – Эй! что-то происходит вокруг. Так и есть, мир свора-

чивается до размеров этого уходящего в гору переул-ка – куска переулка, вырезанного, наверное, из чего-то большего, но неизвестно – из чего. А поэтому – есть ли оно, большее? было ли когда? Весь он здесь, так называемый мир, со слонами и черепахами, на которых стоит, с текущими к краям океанами – белый туман и суетливые тени <...>» [3, с. 44].

Подобных вставок в тексте много. Вставки довольно объёмные. В данной композиционной вставке описывается пожар и пейзаж: чернильно-лунное небо, деревья без крон и где-то эхом доносится треск пожара. Эхо – кусочки звуков падают в уши. Весь он здесь, так называемый мир, со слонами и черепахами, на которых стоит, белый туман и суетливые тени. В языковом плане можно отметить метафоричность, повторы, ритмичность. Это отличает вставки от остального текста.

Для прозы Б. Пильняка характерны композиционные вставки, т. е. можно говорить о традициях. Г. Д. Ахметова отмечает: «Композиционные вставки, переключющие повествование на другую точку видения, в некоторых случаях носят у Б. Пильняка композиционный характер, а в некоторых отражают архитектурное строение текста. Например, в романе «Голый год» отдельные главы имеют подзаголовки: «Глазами Андрея», «Глазами Натальи», «Глазами Ирины». Однако лишь в последнем случае можно говорить о композиционном движении повествования, потому что рассказчик проявляется стилистически (в первых же двух случаях выделение отрезков текста архитектурное, поскольку не происходит изменения отношений между автором и рассказчиком)» [1, с. 48]. Приведём пример из прозы Б. Пильняка: «Утром я валяюсь за усадьбой на пригорке, за старым ясенем, слежу за гусями и перебираю синие цветы, те, что от змеиного укуса. Среди дня я купаюсь в пруде под горячим солнцем, а возвращаюсь огородами и рву маки – белые с фиолетовыми пятнышками на дне и красные с чёрными тычинками. У пчельника меня обыкновенно ждёт Андрей; я не замечаю, как он подходит» [4, с. 104].

Обратимся вновь к роману Д. Гуцко: «Он хотел бы стать медузой...

...в солнечном море. В солнечном море плывут прозрачные медузы. Волны несут их к горизонту, на кремовато-желтое рассыпчатое облако, взгромоздившееся на полнеба. Медузы мягкие, мягкие, податливые и мягкие... солнечный пломбир, кисель счастья... великолепные, чудные медузы. Митя видел их в

детстве с борта прогулочного катера. Иван Андреич брал его с собой в санаторий. Всего лишь раз и было. Ничего не запомнил – только прошитых солнечными лучами медуз, покачивающихся в ленивых волнах. Стать бы медузой... и – ничего этого... и ничего не помнить... никогда <...>» [3, с. 55].

В этом случае вставка композиционно является продолжением авторского повествования, но графически маркирована совсем по-другому.

Вставки-воспоминания из романа Д. Гуцко включают в себя диалоги: «Сидя в том кресле с потертыми деревянными ручками, кусочек за кусочком оживил то, что осталось от деда...

– Пшла!

И телега двинулась, нудно скрипя, чвакая колесами в раскисшей колее. В телеге пахло мокрым сеном и добротной комиссарской шинелью. Сам комиссар сидел рядом и говорил, на него не глядя, так же нудно, как скрипела телега:

– Не робей, парень, не робей.

Вся семья стояла в ряд. Никто не плакал. Мать близоруко шурилась, сцепив руки на животе. Отец вертел в руках взятую зачем-то выходную фуражку. Брат и сёстры, ростом в отличие от Вани удавшиеся в отца, торчали прямые, как жерди. Бабка Антонина Архиповна вцепилась в свою клюку и согнулась, казалось, ниже обычного. Волкодав Раскат, любимец, отрывисто лаял и грузно подпрыгивал, вскидывая передние лапы. Но следом не бежал. Умный был не по-собачьи, понимал: прощание <...>» [3, с. 60–61].

Писатель здесь рисует самые сокровенные переживания всей семьи.

Иногда вставки являются диалогом с самим главным героем повествования – Митей: «*И это* казалось неприличней и ужасней самого Абашкина: «*где-то... иногда...*» И думалось: «Это потому, что они из России, Абашкин ведь приехал откуда-то. У них там и не такое бывает».

– «У них» – так, Митя? Именно – «у них, там». Кем же ты считал себя? А?

– Я не помню, не помню. Боже! Ну вот ведь, вот-вот чем питалось! Нельзя же было, нельзя было не отчеркнуть границу между собой и... всем этим. И что же теперь? Теперь-то, в новые-то времена? Кто я все-таки?

– Бабушка с дедушкой умерли, оборвалась ниточка... Отрезало истоки, как потечёт твоя река? Куда и по какому руслу? Наверное, пересохнет?

– Нет. Столько вложено ими. Сколько чувств, усилий. Радости, разочарования, тревоги, победы, утраты – всё в дело. Нелегкий был труд. Жизни, вбитые в пустоту, как сваи в болото. Как при строительстве Пе-

тербурга: казались ненасытными топи, бездонными – а город встал! Мне бы только понять, разобраться... Я ведь думаю по-русски, я... чувствую по-русски.

– Ой ли? Чувствуешь ты, как книжный русский. Сам знаешь. А с ними тебе ведь... не очень?

– Да, мне комфортней дома...

– Дома? То есть с грузинами?

– Я... мой дом в Тбилиси. Мой мир. Я знаю, как он устроен, вокруг чего вертится. И люди – я знаю, какие они, из чего вылеплены. Они ведь такие же, как я. С таким же акцентом. Мне с ними легче, привычней...

– Так, стало быть...

– Я не знаю... нет, но ведь я не грузин, нет... и никогда не считал себя... и грузины не считают меня...

– Не русский, не грузин, даже не метис. Кто?

– Я... не знаю. Я... такой вот – грузинский русский <...>» [3, с. 145].

Здесь ведётся разговор двух человек, выявляются стороны характеров и взаимоотношений.

Г. Д. Ахметова отмечает, что языковая композиция основана не только на сознательном стремлении автора отобразить действительность, но и на бессознательном, интуитивном. Следовательно, общенациональная картина мира субъективируется, преломляется в сознании писателя и находит отражение в нескончаемых приёмах композиционного построения текста. Известно, что чем глубже исследуется мир, тем больше остаётся непознанного. Аналогичным образом происходит и в тексте: чем дальше вглубь будет уходить исследователь, тем больше откроется ему непознаваемых явлений [1, с. 50].

Список литературы

1. Ахметова Г. Д. «Возвращение к пройденному» (о композиционных особенностях русской прозы 20–30-х и 80–90 годов XX века) // НДВШ. Филологические науки. 2003. № 1. С. 45–53.
2. Ахметова Г. Д. Языковые процессы в современной русской прозе (на рубеже XX–XXI вв.). Новосибирск : Наука, 2008. 168 с.
3. Гуцко Д. Н. Русскоговорящий. М. : Вагриус, 2005. 352 с.
4. Пильняк Б. А. Целая жизнь: Избр. проза. Минск : Маст. літ., 1988. 638 с.

Статья поступила в редакцию 24 ноября 2011 г.

УДК 482 (075.8)
ББК 81.2

Е. В. Малышева
аспирант, Тверской государственный университет
(г. Тверь, Россия),
e-mail: ekkmal@bk.ru

Кинестетическое сопровождение вербальных единиц в русском диалоге

Исследования в области коммуникации становятся крайне актуальными при изучении отражения поведенческих особенностей человека в его вербально-невербальных (в частности, кинестетических) проявлениях. Таким путём соотношение элементов комплексного семиозиса процесса коммуникативного обмена отражает наиболее полный характер диалогического общения и даёт возможность проанализировать соотношение двух систем – вербальной и невербальной, направленных на реализацию и достижение успешной, координированной деятельности самих участников диалогической интеракции. В свою очередь, взаимодействие вербальных и кинестетических единиц в структуре типового комплексного вербально-тактильного коммуникативного акта позволяет выявить некоторые особенности поведения кинестетических единиц в русском диалоге, а именно: кинестетические единицы способны сопровождать не только речевые акты различной иллокутивной направленности, но и конкретные вербальные/речевые проявления в структуре диалогической интеракции.

Ключевые слова: кинестема, кинестетическое действие, диалогическая интеракция, коммуникация, вербально-тактильный коммуникативный акт.

E. V. Malysheva
graduate student, Tver State University
(Tver, Russia),
e-mail: ekkmal@bk.ru

Kinesthetic Support of Verbal Units in Russian Dialogue

Research in the field of communication has become highly relevant in the study of man's behavioral characteristics in their verbal and nonverbal (e. g. , kinesthetic) manifestations. The ratio of the elements of a complex semiosis process of communicative exchange represents the most comprehensive character of dialogic communication and makes it possible to analyze the relationship between the two systems – verbal and nonverbal. These systems contribute to successful and coordinated activities of the participants in the process of their dialogue interaction. In turn, the interaction of verbal and kinesthetic units in the structure of a typical complex verbal and tactile communicative act reveals the specificity of kinesthetic units behavior in the Russian dialogue, namely kinesthetic units are able to maintain not only different illocutionary speech acts, but specific verbal/ vocal manifestations in the structure of dialogic interaction.

Keywords: kinestheme, kinesthetic action, dialogic interaction, communication, verbal and tactile communicative act.

В свете новых лингвистических направлений правомерно вести речь об интерактивном, деятельностном, целевом, воздействующем, информационном и культурно-обусловленном характере диалогической интеракции. В этой связи предлагается исследовать феномен типового комплексного коммуникативного акта вербально-авербального общения с позиций современного коммуникативного конструктивизма, рассматривающего процесс коммуникации в широком смысле как «технологии непрерывного взаимодействия человека с окружающим

его миром», требующую определённых средств диалогического выражения, направленных на реализацию успешной, согласованной и координированной деятельности участников интерактивного обмена и реализующуюся в виде особенной последовательности знакового поведения, вербально-невербальных средств, действий и состояний участников диалогической интеракции при получении, переработке и сохранении информации [14, с. 10].

В парадигме коммуникативного конструктивизма главная роль отводится человеку го-

ворящему, который общается не только с помощью слов, хотя в этом смысле вербальная коммуникация «носит главенствующий характер в любой области человеческой деятельности» [12, с. 319], но также использует жесты, мимику и различные тактильные ощущения, выстраивая необходимые отношения с партнёрами в «новой реальности коммуникативного пространства» [15]. Поэтому в процессе коммуникативной деятельности партнёры по диалогическому взаимодействию прибегают к использованию не только вербальных средств коммуникации, но и средств различных семиотических систем диалогического взаимодействия, благодаря которым достигается кооперативность, согласованность и взаимопонимание партнеров.

В этой связи особая роль принадлежит таким единицам диалогического взаимодействия, которые способны отражать комплексный характер семиотического ряда – как языкового, так и неязыкового плана – в диалогической интеракции и одновременно вплетаться друг в друга в ходе реализации конкретных коммуникативных целей, намерений и замыслов говорящего субъекта. К числу таких единиц относятся единицы жестовые, праксемиотические, кинестетические и др., включённые в контекст типового коммуникативного пространства диалогической интеракции и образующие вербально-авербальные комплексы, например: – *Долли, милая!- сказала она, – я не хочу ни говорить тебе за него, ни утешать; это нельзя. Но, душенька, мне просто жалко, жалко тебя всею душой! Из-за густых ресниц её блестящих глаз вдруг показались слёзы. Она пересела ближе к невестке и взяла её руку своею энергической маленькою рукой. Долли не отстранилась, но лицо её не изменяло своего сухого выражения. Она сказала: – Утешить меня нельзя. Всё потеряно после того, что было, всё пропало! – И как только она сказала это, выражение лица её вдруг смягчилось. Анна подняла сухую, худую руку Долли, поцеловала её и сказала: – Но, Долли, что же делать, что же делать? Как лучше поступить в этом ужасном положении? вот о чем надо подумать. – Всё кончено, и больше ничего, – сказала Долли [17, с. 71].*

Как показал исследуемый эмпирический материал (данные корпуса примеров диалогических фрагментов) русской лингвокультуры общим объёмом 1455 примеров: 2063 кинестетических единицы (также: кинестетические единицы, прикосновения, кинестемы) в диалогических фрагментах), в разновидности типо-

вых речевых актов фактически любой типовой комплексный вербально-телесный (вербально-авербальный) коммуникативный акт может сопровождаться набором различных действий тела или его частей в виде *прикосновения рук, ног, губ, головы*, а также в виде *поглаживания, похлопывания, поддерживания* и др., которые (действия, кинестемы) в силу двойственности коммуникативно-интенциональной и иллюкутивной природы таких комплексных актов уже не могут рассматриваться в отрыве от вербальной составляющей самого комплекса и органически вплетаются в её интенциональность (т. е. в «инструментальную» направленность на достижение результирующего коммуникативного эффекта с конкретным партнером) и содержательный объём её иллюкутивного потенциала как структурного элемента (типового и событийного) речевого акта.

В частности, в речевом акте «утешения» партнёры по диалогу чаще всего прибегают к использованию следующих кинестем – *обнять* (15 % от общего употребления кинестем) и *поцеловать* (10 % от общего употребления кинестем); в речевом акте «успокоения» партнёры по диалогу чаще всего прибегают к использованию следующих кинестем – *обнять* (11 % от общего употребления кинестем) и *взять за* (10 % от общего употребления кинестем); в речевом акте «порицания» партнёры по диалогу чаще всего прибегают к использованию следующих кинестем – *хватать* (14 % от общего употребления кинестем) и *ударить* (11 % от общего употребления кинестем); в речевом акте «прощения» партнёры по диалогу чаще всего прибегают к использованию следующих кинестем – *целовать* (20,4 % от общего употребления кинестем) и *обнять* (10,2 % от общего употребления кинестем); в речевом акте «упрёки» партнёры по диалогу чаще всего прибегают к использованию следующих кинестем – *хватать* (17 % от общего употребления кинестем) и *взять за* (10 % от общего употребления кинестем) и др.

В свою очередь, кинестетические действия способны не только вплетаться в структуру типового речевого акта и участвовать в формировании объёма его иллюкутивного потенциала и реализации его конкретной иллюкутивной силы, но и определённым образом маркировать конкретные вербальные единицы (как правило, представленные в текстах глаголами или сочетанием глагол + существительное; одиночными прилагательными и существительными) в процессе пошагового обмена репликами. Рассмотрим частотные

речевые акты в 3 частотных типах фреймового взаимодействия (*регламентивы, сатисфактивы, квеситивы*) (о подтипах фреймовых взаимодействий и классификации речевых актов см.: [9; 10; 11; 13; 16]), так как именно они представлены наибольшим набором фрагментов с кинестетическим материалом в русском диалоге (из 100 % встречаемости кинестетических действий в диалогических фрагментах 33,5 % приходится на регламентивы, 25,4 % – на сатисфактивы и 14 % – на квеситивы).

Проанализируем первый подтип фреймовых образований и выявим частотные кинестетические действия: в речевом акте «приветствия» участники диалогического общения используют чаще всего такие кинестемы, как: *целовать* (16 % от общего употребления кинестем) и *обнять* (15 % от общего употребления кинестем); в речевом акте «обращения» – *взять* (15,2 % от общего употребления кинестем); в речевом акте «прощания» – *целовать* (40,2 % от общего употребления кинестем), *обнять* (15 % от общего употребления кинестем) и *пожать руку* (13,4 % от общего употребления кинестем); в речевом акте «благодарность» – *целовать* (29 % от общего употребления кинестем); *обнять* (14,4 % от общего употребления кинестем); *пожать руку* (12 % от общего употребления кинестем) и др.

В рамках того же коммуникативно-прагматического типа на базе различных иллюкутивных функций выявим наиболее частотные кинестемы, сопровождающие конкретные вербальные единицы:

а) в речевом акте «приветствие»:

«*Левин / Штирлиц / Аня (называть по имени)* (24 % от общего употребления) в сопровождении следующих частотных кинестем: *обнять* (16,1 % от общего употребления кинестем), *целовать* (16,1 % от общего употребления кинестем), *пожать руку* (9 % от общего употребления кинестем), например: – *Костик!* – *Нюсенька, – кинулся целоваться с ней парнишка, – а кто это с тобой?* – *Костя!* – *Нюся кокетливо погрозила ему пальчиком, на котором сверкал крупный бриллиант. – Только не делай вид, что не узнал мою лучшую подругу, наимоднейшую писательницу Арину Виолу!* [1, с. 134];

– «*здравствуй(те) / добрый вечер / добрый день*» (14 % от общего употребления) в сопровождении следующих частотных кинестем: *пожать руку* (19 % от общего употребления кинестем), *целовать руку* (11 % от общего употребления кинестем), *обнять* (11 % от общего

употребления кинестем), например: – *Bonsoir, Lise, – сказал князь Андрей, вставая и учтиво, как у посторонней, целуя руку* [18, с. 39];

– «*рад видеть тебя / вас / душой рад(а)*» (10 % от общего употребления) в сопровождении следующих частотных кинестем: *обнять* (27 % от общего употребления кинестем), *поцеловать* (23 % от общего употребления кинестем), например: *Когда все, раздевшись и оправившись с дороги, пришли к чаю, Марья Дмитриевна по порядку перецеловала всех. – Душой рада, что приехали и что у меня остановились, – говорила она* [18, с. 320];

б) в речевом акте «обращение»:

– «*Левин / Вронский / Леша / Аня (обращение по имени / фамилии)*» (14 % от общего употребления) в сопровождении следующих частотных кинестем: *взять за руку* (9 % от общего употребления кинестем), *обнимать* (9 % от общего употребления кинестем), например: *Он подошёл к ней и, взяв ее за руку, тихо сказал: – Анна, поедem послезавтра, если хочешь. Я на всё согласен. Она молчала. – Что же? – спросил он. – Ты сам знаешь, – сказала она* [17, с. 315];

в) в речевом акте «прощания»:

– «*говорить “прощай”*» (39 % от общего употребления) в сопровождении следующих частотных кинестем: *целовать* (24 % от общего употребления кинестем), *обнять* (15 % от общего употребления кинестем), *целовать руку* (11 % от общего употребления кинестем), например: *Ну, прощай, Верочка. Теперь я буду часто приезжать, – говорил он, целуя у Веры лоб и руки* [2, с. 253];

г) в речевом акте «благодарность»:

– «*говорить «спасибо»*» (30 % от общего употребления) в сопровождении следующих частотных кинестем: *обнимать* (17 % от общего употребления кинестем), *целовать в щеку* (12 % от общего употребления кинестем), например: – *Спасибо, милый! – Лера поцеловала Юру в щеку. – Ты спас меня. Дальше я сама* [6, с. 335];

– «*говорить «благодарю»*» (29 % от общего употребления) в сопровождении следующих частотных кинестем: *пожать руку* (30 % от общего употребления кинестем), например: *Он крепко пожал мне руку и сказал трагическим голосом: – Благодарю тебя, Печорин...* [3, с. 535].

Рассмотрим следующий подтип фреймовых взаимодействий (сатисфактивы) и выявим выживим наиболее частотные кинестемы, сопровождающие конкретные вербальные единицы:

а) в речевом акте «утешения»:

– «голубушка милая / колосочек мой и др. (ласково)» (19 % от общего употребления) в сопровождении следующих частотных кинестем: взять за руку (11 % от общего употребления кинестем), прижаться к (7 % от общего употребления кинестем), целовать руку (7 % от общего употребления кинестем), целовать голову (7 % от общего употребления кинестем), например: *Около десяти часов вечера она пришла в себя; мы сидели у постели; только что она открыла глаза, начала звать Печорина. – Я здесь, подле тебя, моя джанечка (то есть, по-нашему, душенька), – отвечал он, **взяв её за руку**. «Я умру!» – сказала она. Мы начали её утешать, говорили, что лекарь обещал её вылечить непременно; она покачала головой и отвернулась к стене: ей не хотелось умирать! [3, с. 486];*

– «не расстраивайся / не горюй» (6,4 % от общего употребления) в сопровождении следующих частотных кинестем: обнять (33 % от общего употребления кинестем), например: ***Обни-мая Устина**, Давыдов рассмеялся: – Не горюй, рубаха, – дело наживное, а синяк до свадьбы заживет. – До твоей свадьбы? – ехидно вставил Устин. – До первой в хуторе. Я-то пока еще ни за кого не сватался [19, с. 398];*

– «ну полно / всё пройдет» (5,1 % от общего употребления) в сопровождении следующих частотных кинестем: обнять (30 % от общего употребления кинестем), например: *– Ну полно, полно! – сказал Печорин, **обняв его** дружески, – неужели я не тот же?... Что делать?... всякому своя дорога... Удастся ли ещё встретиться, – бог знает!.. – Говоря это, он уже сидел в коляске, и ямщик уже начал подбирать вожжи [3, с. 487];*

б) в речевом акте «успокоения»:

– «не бойся / не волнуйся / забудь / не беспокойся» (15 % от общего употребления) в сопровождении следующих частотных кинестем: взять за руку (12 % от общего употребления кинестем), например: *Зарплата у меня почти смешная, я никогда... – Забудь об этом, – сказал Серёжа, **взяв меня за руку**. – Просто забудь и ни о чём не беспокойся. Я тихо спросила: – Циркач – это ты, да? Он нахмурился. – Возможно, и что? – Ничего. Просто начинаю многое понимать [8, с. 320];*

– «успокойся» (11 % от общего употребления) в сопровождении следующих частотных кинестем: обнять (20 % от общего употребления кинестем), например: *– Андрей, как мне жаль! – кинулась к нему на шею Яна, сотрясаясь в рыданиях, понимая теперь, откуда у него*

*на спине взялся этот большой шрам. – Ну, ну, ну, успокойся! Я ещё не сейчас умираю! – **обнял её Андрей** [4, с. 198];*

в) в речевом акте «порицания»:

– «безбожник / каменюка / разбойник / поганец и др. (с негативной окраской)» (48 % от общего употребления) в сопровождении следующих частотных кинестем: хватать за предмет одежды (11 % от общего употребления кинестем), например: *– Какая ты дрянь, Лерка! – **Настя схватила подругу за рукав** и развернула к себе лицом. – Какая же ты дрянь, я до сих пор в это не верю! Ты же не такая была! – Ну, знаешь, – без запинки ответила Лера, – ты тоже не была убийцей, когда мы дружили [5, с. 186];*

г) в речевом акте «прощения»:

– «простите» (72 % от общего употребления) в сопровождении следующих частотных кинестем: целовать руку (7 % от общего употребления кинестем), хватать руку (7 % от общего употребления кинестем), например: *– Простите... – Что простить? – спросил князь Андрей. – Простите меня за то, что я сделала, – чуть слышным, прерывным шепотом проговорила Наташа и чаще стала, чуть **дотрогиваясь губами, целовать руку** [18, с. 393];*

д) в речевом акте «упрёки»:

– «балда / дура / чёрт бессовестный и др. (с негативной окраской)» (39 % от общего употребления) в сопровождении следующих частотных кинестем: целовать руку (7 % от общего употребления кинестем), хватать руку (12 % от общего употребления кинестем), например: *Рука Наташки была холодной и жесткой. **Я поцеловала её руку** и сказала, глядя в потолок: – Дура несчастная, чего тебе дома не сиделось? Сколько раз тебя учила: страсть к чужим тряпкам до добра не доводит [9, с. 19].*

Интересно, что в типовом комплексном вербально-тактильном коммуникативном акте коммуникативно-прагматического фрейма – квеситивов участники диалогической интеракции чаще всего прибегают к использованию следующих кинестем: хватать за (9 % от общего употребления кинестем), взять за руку (6,1 % от общего употребления кинестем).

Частотные кинестемы, сопровождающие конкретные вербальные единицы, будут следующие:

– «чего ты» (9,6 % от общего употребления) в сопровождении следующих частотных кинестем: толкнуть, ударить по губам, трясти, схватить, коснуться рукой колена и др. (3,8 % от общего употребления кинестем (в равной сте-

пени на каждую кинестему)), например: – *Чего ты выёживаешься? – нараспев сказал он и неожиданно ударил меня по губам, ударил вроде бы легко, но я едва удержалась в кресле. – Ты сама сказала, между супругами такое бывает, – засмеялся он – Так что если немного походишь с разбитой рожей, ничего страшного. – А ты нетерпелив, – усмехнулась я. – Не очень хорошее качество для человека твоей профессии* [8, с. 53].

– «ты куда?» (4,3 % от общего употребления) в сопровождении следующих частотных кинестем: толкнуть, ударить по губам, трясти, схватить, коснуться рукой колена и др. (25 % от общего употребления кинестем (в равной степени на каждую кинестему)), например: – *Ты куда? – схватила я его за руку. – Хочу взглянуть, – пожал он плечами* [7, с. 187].

Таким образом, на основании приведённых данных о кинестетическом сопровождении вербальных единиц в русском диалоге можно сделать следующие выводы:

– включаясь в контекст общих действий, в целом кинестетические действия сопровождают отдельные речевые акты, а в частности, отдельные вербальные единицы в процессе языковой манифестации высказывания;

– представители русской лингвокультуры чаще всего используют следующие кинестемы (без конкретизации / уточнения направленности кинестетического действия: рука, нога, щека др., т. е., любая часть тела): целовать (15 % от общего употребления кинестем в диалогах), обнимать (12 % от общего употребления кинестем в диалогах), брать (взять) (9 % от общего употребления кинестем в диалогах), хватать (7 % от общего употребления кинестем в диалогах);

– употребление кинестем в типовом комплексном вербально-тактильном коммуникативном акте определённым образом позволяет прогнозировать использование того или иного кинестетического действия в конкретном речевом проявлении.

Список литературы

1. Донцова Д. А. Скелет из пробирки. М. : Эксмо, 2004. 416 с.
2. Куприн А. И. Гранатовый браслет // Повести и рассказы. Махачкала : Дагестанское кн. изд-во, 1976. С. 222–267.
3. Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени // Сочинения в двух томах. М. : Правда, 1990. Т. 2. С. 455–589.
4. Луганцева Т. И. Корона вампирской империи. М. : Эксмо, 2009. 320 с.
5. Малышева А. В. Требуется жертвы. М. : Центрполиграф, 1999. 424 с.
6. Мареева М. Е. Наследницы. М. : Вагриус, 2006. 368 с.
7. Полякова Т. В. Барышня и хулиган. М. : ЭКСМО-Пресс, 2000. 352 с.
8. Полякова Т. В. Та, что правит балом. М. : Эксмо, 2006. 352 с.
9. Почепцов Г. Г. Прагматический аспект изучения предложения // Иностранные языки в школе. 1975. № 6. С. 15–25.
10. Почепцов Г. Г. Прагматика и залог // Проблемы теории грамматического залога. Л. : Наука, 1978. С. 98–102.
11. Почепцов Г. Г. Предложение // Иванова И. П. , Бурлакова В. В. , Почепцов Г. Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. М.: Высшая школа, 1981. С. 164–281.
12. Почепцов Г. Г. Теория коммуникации. М. : Ваклер, 2001. 651 с.
13. Романов А. А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. М. : ИЯ АН СССР, 1988. 183 с.
14. Романов А. А. Психосемиотика визуальной коммуникации в соматографическом пространстве // Романов А. А., Сорокин Ю. А. Соматикон: аспекты невербальной семиотики. М. : ИЯ РАН, 2004. 253 с.
15. Романов А. А., Романова Л. А. Притяжение перформатива. Очерки по теории перформативности от Дж. Л. Остина до наших дней. М. : ИЯ РАН, 2009. 156 с.
16. Романов А. А., Ходырев А. А. Управленческая риторика. М. : Лилия, 2001. 216 с.
17. Толстой Л. Н. Анна Каренина. Роман в восьми частях. Л. : Ленинградское отделение. Ч. I–VIII, 1982.
18. Толстой Л. Н. Война и мир. М. : Молодая гвардия. Т. I–IV, 1978.
19. Шолохов М. А. Поднятая целина. М. : Советская Россия, 1977. 544 с.

Статья поступила в редакцию 25 ноября 2011 г.

УДК 002
ББК 76.17

А. В. Никандрова
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
технологии и дизайна (г. Санкт-Петербург, Россия),
e-mail: nikaalla@yandex.ru

Опыт издания дневников писателей в России XIX–XX веков

В статье на примере публикаций дневников русских писателей XIX–XX вв. исследуется опыт редакционно-издательской подготовки. Рассказывается о первых журнальных и книжных изданиях дневников писателей с подробным анализом элементов справочного аппарата (предисловия, комментарии и др.) и особенностей редакторской работы над основным текстом рукописи. Рассмотрены публикации дневников Н. Полевого, В. Жуковского, М. Башкирцевой, В. Короленко, А. Суворина, Л. Толстого.

Ключевые слова: дневник, дневник писателя, справочный аппарат, предисловие, комментирование.

A. V. Nikandrova
graduate student, St. Petersburg State University
of Technology and Design (St. Petersburg, Russia),
e-mail: nikaalla@yandex.ru

Some Experience in Publishing Writers' Diaries in Russia in the 19th–20th Centuries

The paper examines some experience of editing and publishing Russian writers' diaries of the 19th–20th centuries, describes the first journal and book editions of the writers' diaries with a detailed analysis of the elements of the reference system (preface, comments, etc.) and features of editorial work on the text of the manuscript. The paper analyzes N. Polevoi's, V. Zhukovsky's, M. Bashkirtseva's, V. Korolenko's, A. Suvorin's and L. Tolstoy's diaries.

Keywords: diary, writer's diary, reference data, preface, commenting.

Дневниковый жанр принципиально отличается от обычных художественных произведений (романов, повестей). Дневники по содержанию сопоставимы с мемуарами и также требуют особой редакторской подготовки. Издания дневников писателей имеют свою историю. В данной работе ставится задача проследить, как складывался опыт подготовки дневников к изданию, как представлялись читателям эти тексты, какие уточнения и дополнения включались в справочный аппарат.

Издания текстов с подневными записями разных типов появляются на Руси начиная с X в.: хождения, путешествия, путевые очерки, автобиографические записи. Многие из них ещё трудно отделить от публицистических заметок и летописного повествования. К примеру, «Хождение Даниила, игумена Русской земли», написанное в начале XII в., предположительно в 1104–1107 гг.

В «Хождении за три моря Афанасия Никитина», путевых записях, сделанных купцом

из Твери Афанасием Никитиным во время его путешествия в индийское государство Бахмани в 1468–1474 годах, появляется более-менее ясная датировка описываемых событий, пока без указания конкретных дат, но с точным обозначением проведённого в том или ином городе времени, поэтому примерные даты можно рассчитывать, исходя из исторических реалий. Кроме того, автор путешествий высказывает личные ощущения, эмоции, живя среди иноверцев, в чужой для православного среде. Таким образом, можно говорить о том, что впоследствии жанр хождений послужил основой не только для путевого очерка, но и для дневника, благодаря идее постоянной и повременной записи новых впечатлений.

Как о предшественниках дневника пишет о хрониках и путевых заметках и историк К. Кобрин. Он отмечает как значимую веху для развития данного жанра эпоху Возрождения с её отношением к человеку и внедрением в повседневную жизнь календарей: «...однако первые

роли в литературном спектакле „дневник“ начинает играть лишь в романтическую эпоху с её интересом к частной жизни, ко всему неожиданному, партикулярному, частному» [7, с. 289].

Современное понятие дневника сформировалось уже в XIX столетии, когда многие художники, писатели, исторические деятели стали вести регулярные записи. Дневники писателей выделяются среди дневников представителей других профессий художественной яркостью, образностью; их можно рассматривать как творческую лабораторию автора. Эти особенности и стали основанием для выделения дневников писателей как объекта исследования.

Первые публикации дневников появились в журналах исторической направленности, таких как «Русский архив», «Исторический вестник», «Русская старина» и др.

Одними из первых публикаций именно дневников писателей является фрагментарное воспроизведение подённых записок видного литератора Н. А. Полевого (Исторический вестник. 1888. Т. 31. № 3. С. 654–674; Т. 32. № 4. С. 163–183) и дневников В. А. Жуковского (Русский вестник. 1889. № 8. С. 356–371; 1890. № 1. С. 291–298).

Публикацию дневника Полевого предваряет предисловие, написанное его сыном Петром Николаевичем. Оно содержит информацию об истории создания дневника, о сохранившихся трёх памятных книжках 1837, 1839 и 1844 гг., о содержании основного текста («Минуты чрезвычайно любопытные краткие записи памятной книжки на 1837 год, мы прямо перейдем к дневнику 1838 года...» [3, с. 657]), о фактах биографии, связанных с материалами дневников. Предисловие составлено грамотно с точки зрения подготовки к изданию дневниковых записей и содержит как исторический комментарий, так и необходимую для понимания публикации издательскую информацию.

Кроме предисловия, анализируемая журнальная публикация дополнена постраничными примечаниями, разъясняющими такие элементы дневника, как встречающиеся имена, факты биографии и др. Также существует внутренняя навигация (отсылки к другим примечаниям). Комментарии минимальны, что объясняется объёмом журнальной публикации, однако их достаточно для понимания текста.

В XIX в. дневники писателей иногда публиковались рядом с произведениями других жанров. Например, подённые записи В. К. Кюхельбекера 1831–1845 гг. были напечатаны в

«Русской старине» вместе со стихотворениями (Дневник В. К. Кюхельбекера // Русская старина. 1875. Т. 13. № 8. С. 490–531; Т. 14. № 9. С. 75–91). Кроме того, само оформление основного текста схоже с публикацией художественного произведения: дневники предваряют эпиграф и краткое содержание записей.

В середине XIX в. появляются и первые книжные издания дневников. В первую очередь, это были записи политиков, государственных служащих, например, «Записки о пребывании императрицы Екатерины Второй в Киеве в 1787 г. и о свидании её с Станиславом-Августом, королем польским» (А. А. Полетика, [U. Mnischowa, с примеч. П. Савельева]. Санктпетербург: в тип. Ильи. Глазунова и комп., 1843); «Охотничий дневник царя Алексея Михайловича 1657 года» (Москва: в тип. В. Готье, 1858), «Журнал дежурных генерал-адъютантов. Царствование императрицы Елисаветы Петровны» (сообщил Л. В. Евдокимов. СПб., 1897. 306 с. [Приложение к «Русской старине» за 1897–1898 гг.]) и др.

Первые из указанных выше изданий не представляют интереса для анализа, так как просто воспроизводят текст дневников без каких-либо составительских помет и т. п. В «Записках о пребывании императрицы Екатерины Второй в Киеве в 1787 году» единственным элементом справочного аппарата является примечание, написанное публикатором П. Савельевым и размещённое в начале издания. Оно содержит информацию о характере публикации и о её вероятном авторе-составителе.

В контексте данной статьи опыт подготовки подобных дневников всё же интересен: как публиковались эти тексты, с каким предисловием, с какими пояснениями от редакции.

Для примера обратимся к «Журналу дежурных генерал-адъютантов». Это служебный дневник с 26 мая 1745 года по конец декабря 1752 года. Перед нами поденная запись придворных событий. Среди дежурных генералов — князь Репнин, Василий Салтыков, А. Бутурлин, граф А. Шувалов и др. Записки составлены по материалам, собранным во время пребывания в России, собственным наблюдениям и рассказам современников.

Издание предваряется небольшим предисловием, которое можно назвать издательским: оно принадлежит Л. В. Евдокимову, собравшему материал. В данном предисловии сделан акцент на новизне публикуемых материалов со ссылкой на источник информации («Архив В. И. М.»).

Кроме этого предисловия, в издании присутствует ещё один элемент справочного аппарата – постраничные примечания. Они графически разделены на два типа: в виде сносок арабскими цифрами и астериска. Постраничные примечания содержат информацию о сокращениях основного текста, об исторических реалиях, авторских исправлениях.

Можно говорить о том, что в данном издании намечены основы научного подхода к подготовке дневниковых текстов: сверка фактических материалов, современные комментарии, объясняющие реалии времени написания дневников, стремление к точности основного текста.

Опыта отдельных книжных изданий дневников писателей в XIX в. крайне мало. Дневник М. Башкирцевой в России был издан как приложение к «Иллюстрированной России» в 1892 г. без примечаний и каких-либо биографических и литературных справок. Единственный элемент справочного аппарата – статья У. Э. Гладстона, предваряющая публикацию. Это перевод статьи, рассказывающей о французском издании дневника и напечатанной в журнале «Nineteenth Century» в октябре 1889 года (№ 152). Гладстон включил в свою работу информацию о писательнице, об особенностях её повествования, привёл некоторые факты биографии, отмеченные в дневнике (занятия танцами, пением, рисованием и др.).

В начале XX в. в Санкт-Петербурге был опубликован дневник В. А. Жуковского – в 1901 и 1903 (переиздание) гг. Издание содержало тексты дневников за 1804–1846 гг., правда, с пробелами и пропусками. Так, не были опубликованы записи за 1807–1815, 1822–1825, 1828, 1830, 1834–1836 гг. Эта книга стала результатом расшифровки нескольких тетрадей с дневниками, подаренных Императорской Публичной библиотеке сыном поэта П. В. Жуковским. В отчете библиотеки за 1884 год появилось описание этих бумаг, подготовленное И. А. Бычковым с подробным изложением содержания тетрадей и их характеристикой: «...без обращения к ним немислимы ни составление биографии Жуковского, ни издание полного собрания его сочинений» [2, с. 3].

Примечания в данном издании были составлены библиографом И. А. Бычковым и носили прикладной характер (аннотация основных имен, театральные постановки и др.): «...я счёл не бесполезным, – пишет Бычков, – сопроводить их [дневники] некоторыми, лишь самыми необходимыми, объяснительными примечаниями» [4, с. 4].

Интересен принцип отбора дневников для издания и подготовки аппарата к ним в 20-е гг. XX в. К примеру, дневник 1881–1893 гг. В. Г. Короленко (Полтава, 1923–1925) и дневник 1893–1909 гг. А. С. Суворина (Москва; Петроград, 1923). Оба писателя к моменту выпуска дневников уже ушли из жизни (Суворин в 1912, Короленко в 1921). Оба были не только писателями, но и известными на всю Россию общественными деятелями.

Дневник Короленко охватывал период его увлечения и разочарования в народничестве, поэтому публикация этих записей вполне вписывалась в советскую идеологию. Ни в тексте, ни в справочном аппарате издания, естественно, не шёл разговор о послереволюционном периоде, о встречах Короленко с Луначарским и письмах писателя к нему. Всё это смогли опубликовать только в постсоветское время, как и дневник Короленко 1917–1921 гг.

Дневник Суворина, одного из выдающихся деятелей отечественной словесности и журналистики, публициста, драматурга, театрального деятеля, впервые был издан в 1923 г. (Издательство Л. Д. Френкель, Москва – Петроград). В советские годы акцент делался на том, что Суворин – издатель самой влиятельной и, конечно, самой «реакционной», с точки зрения марксистов, газеты – «Новое время». Издание этого дневника, позволявшего войти во внутренний мир крайне противоречивого и закрытого для большинства человека, не могло не привлечь внимания. Многие знали о дружбе Суворина с А. П. Чеховым.

Предваряя публикацию 1923 г., М. Кричевский писал о сокращениях, касавшихся семейных дел, сугубо личных настроений: «большое место в “Дневнике” отведено чисто семейным делам, которые были очень запутаны и очень часто выводили старика из равновесия, когда он впадал в брюзжанье. Эти записи мы по мере возможности выпускали совершенно <...> Отдельные выражения, слишком “вольные”, заменены либо другими, либо точками» [9, с. 246].

Издатели 20-х гг., видимо, рассчитывали, что публикация дневников станет своего рода «саморазоблачением», дополнительным аргументом к данной Суворину характеристике В. Ленина: «Либеральный журналист Суворин во время второго демократического подъема в России (конец 70-х гг. XIX в.) повернул к национализму, к шовинизму, к беспардонному лакейству перед властью имущими» (газета «Правда», 1912 г., статья «Карьера») [6].

На долгие годы этот дневник был забыт. Как и дневник Короленко, дневник Суворина будет вновь опубликован лишь в постсоветский период, в 1992 г. С сожалением, правда, будут констатировать исследователи, что в новом издании недостаточно разработан и обновлен аппарат, повторены ошибки первого издания: «Но никто не попытался сверить текст и устранить пробелы по рукописи “Дневника”, хранящейся в ЦГАЛИ. Между тем уже известны вопиющие искажения авторского текста в издании 1923 года. Вот одно из них, исправленное Н. А. Роскиной в полном собрании сочинений А. П. Чехова (т. 8; М.: Наука, 1986). А. П. Чехов, рассуждая о смерти, говорил Суворину: “Я не могу утешаться тем, что сольюсь с козявками и мухами в мировой жизни, которая имеет цель”. В “Дневнике” издания 1923 г. напечатано “сольюсь с вздохами и муками”. <...> И вот, несмотря на то, что это искажение несколько лет как обнаружено и исправлено, новые поколения читателей опять вынуждены читать “с вздохами и муками”» [9, с. 246].

Несмотря на то что дневники писателей как отдельные издания почти не выходили, накапливался опыт их публикации в составе собраний сочинений. Можно отметить ещё в дореволюционный период несколько изданий дневников А. С. Пушкина и Ф. М. Достоевского. Так, в рамках десятитомного (СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1891) и шеститомного собрания сочинений были опубликованы дневники Пушкина (Библиотека великих писателей: Пушкин: в 6 т. / под ред. С. А. Венгерова. С-Петербург: Издание Брокгауза и Эфрона, 1911). Дневники писателя вошли в состав соответственно 9 и 5 томов.

«Дневник писателя» Достоевского впервые в рамках Полного собрания сочинений был опубликован в 1876–1877 гг. (Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 10–12. СПб.: Тип. П. Ф. Пантелеева). В 1911 вышло второе Полное собрание сочинений Достоевского в 21 томе (С-Петербург: Типо-литография Акц. О-ва «Самообразование», 1911). «Дневник писателя» был опубликован в последних трех томах (Т. 19–21).

Данные собрания дополняют общую издательскую картину по выпуску дневников писателей, однако с точки зрения редакционного анализа не представляют интереса из-за отсутствия работы с основным текстом и составом справочного аппарата. Эти издания важны только как факт публикации дневниковых текстов.

Для изучения опыта издания дневников писателей в советские годы особенно важно учи-

тывать практику вмешательства цензуры. Это касалось, естественно, и современных авторов и классиков. Например, в 1928 г. было издано постановление Советского правительства в связи с 100-летней годовщиной рождения Л. Н. Толстого издать полное собрание сочинений писателя в 90 томах, в том числе его дневники и записные книжки. К томам собрания Толстого, включающим публицистические и теоретические произведения писателя, а также к томам с дневниками и письмами Толстого к разным лицам должны были быть предпосланы вступительные статьи с марксистско-ленинским анализом произведений писателя.

Главлит решил «урезать» объем собрания сочинений А. П. Чехова. Современный исследователь насчитал около 500 купюр в письмах Чехова, опубликованных в 20-томном «Собрании сочинений», выходявшем в 1948–1952 гг. [10].

Из 10-томного «Собрания сочинений» И. А. Бунина (Берлин: Петрополис, 1933–1935) был возвращен в библиотечные фонды в 1969 г. Т. 10, включивший наиболее опасные «Воспоминания». Он выдавался с ограничением – «Только для научной работы» (помета на карте РНБ). Они же в известном 9-томнике Бунина, выходявшем в 60-е гг., печатались с большими купюрами [1, с. 682–693].

Для более подробного анализа целесообразно взять 46-й том Собрания сочинений Л. Н. Толстого, открывающий публикацию дневников в собрании сочинений и содержащий только тексты дневниковых записей (М.: Художественная литература, 1937).

Основной текст предваряет несколько предисловий: 1) «От главного редактора», написанное В. Чертковым и содержащее объяснения о значении дневника для писателя, о характере публикации; 2) отдельное предисловие для 46-го тома; 3) «Редакционные пояснения», в которых очень подробно раскрыты правила воспроизведения текста: «Текст воспроизводится по старой орфографии <...>»; «Слова, не написанные по рассеянности, дополняются в прямых скобках <...>» [8, с. XVIII] и т. п. В издании четко разделены по характеру содержащейся в них информации постраничные и затекстовые комментарии: постраничные примечания разъясняют авторские пометы и исправления в тексте: зачеркнуто, переправлено и др. Кроме затекстовых комментариев, в издании присутствует «Краткая хронологическая канва за 1840–1854»; «Описание рукописей дневников» с подробной

характеристикой тетрадей («Наблюдения»: 2 листа, частью вырванные <...>» [8, с. 311]); «Публикации отдельных мест из дневников».

Очень удобен в этом издании аппарат ориентировки, колонтитулы помогают в поиске нужной информации – не просто по годам записей, а по датам. Идеологические «добавки» не отменяли строго научного подхода к авторскому тексту, и многие принципы редакторской подготовки такого рода изданий могут быть использованы и сегодня.

Очевидно, самой существенной из опыта прошлых десятилетий можно считать подготовку дневников писателей в составе собраний сочинений. Так как многие дневники публиковались через много лет после их создания, то явной была необходимость в комментировании таких текстов. Сначала это были минимальные исторические пояснения (например, при публикации дневников Жуковского), потом стали появляться и другие элементы справочного аппарата, такие как, например, указатели в издании дневников Суворина. Каким бы интересным ни был текст дневника, важно было его правильно подать читателю, подготовить восприятие.

Многие публикации предваряет хотя бы минимальное предисловие (дневники Полевого) или полноценный рассказ о жизни и судьбе автора (дневник Башкирцевой).

Принципиально значим оказался опыт издания «Дневника писателя» Достоевского. Он нашел продолжение не только в отдельных книжных изданиях, но и в периодике. Это касается в первую очередь «толстых» литературно-художественных журналов («Новый мир», «Знамя» и др.), на страницах которых стала вводиться постоянная рубрика «Дневник писателя». Кроме того, этот опыт в дальнейшем будет использован и в радиопередачах, осуществляющих постоянные встречи радиослушателей с профессиональными читателями, рассказывающими о литературе (например, цикл передач профессоров Б. В. Аверина, В. М. Акимова).

Несмотря на то что отдельных книжных изданий дневников в советские годы было выпущено довольно мало, они крайне поучительны и выбором интересных авторов, и вниманием к наиболее противоречивым историческим периодам, к которым относятся дневниковые записи.

Список литературы

1. Блюм А. В. «Под серпом и молотом»: Бунин в советской цензуре // И. А. Бунин: Pro et contra: антология. СПб. : Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 2001. С. 682–693.
2. Бычков И. А. Бумаги В. А. Жуковского, поступившие в Имп. публичную библиотеку в 1884 г. // Отчет Имп. публичной библиотеки за 1884 г. СПб., 1887. С. 3–4.
3. Дневник Н. А. Полевого (1838–1845) // Исторический вестник, 1888. Т. 31. № 3. С. 654–674.
4. Дневники В. А. Жуковского / с прим. И. А. Бычкова. СПб. : Тип. т-ва «Обществ. польза», 1903. 536 с.
5. Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. / гл. ред. А. С. Янушкевич. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 13. 608 с.
6. Иванов С. Возвращение Суворина // Русская народная линия. URL : http://www.ruskline.ru/monitoring_smi/2010/iyun/28/vozvrazenie_suvorina/ (дата обращения : 28.06.2010).
7. Кобрин К. Похвала дневнику // Новое литературное обозрение. 2003. № 61. С. 288–295.
8. Толстой Л. Н. Собрание сочинений : в 90 т. М. : Художественная литература, 1937. Т. 46. 582 с.
9. Трофимов Р. Перечитывая «Дневник» Суворина // Новый мир. 1994. № 1. С. 242–246.
10. Чудаков А. «Неприличные слова» и облик классика // Литературное обозрение. 1991. № 11. С. 54–56.

Статья поступила в редакцию 22 ноября 2011 г.

УДК 81.367
ББК (Ш)81.2Рус-2

Я. В. Олзоева

*доктор филологических наук, доцент,
Бурятский государственный университет, (г. Улан-Удэ, Россия),
e-mail: bb2005@yandex.ru*

Описательные глагольно-именные обороты как средство выражения внутрисинтаксической модальности возможности в современном русском языке

В статье рассматриваются описательно-именные обороты в функциональном аспекте как одно из возможных средств экспликации модальных значений предиката, настраивающих на значение объективной модальности предложения. ОГИО представляют собой способ развертывания предиката. Между модальными глаголами и ОГИО устанавливаются сложные семантические отношения семантической эквивалентности и семантического расхождения, что соответствует отношениям синонимии. Модальные глаголы и ОГИО образуют функционально-семантическое микрополе, в котором глаголы выступают как ядерное средство выражения модальных значений, а ОГИО – как периферийное. ОГИО выражают значения желательности, возможности, намерения совершить действие, а также привычности действия; ОГИО с модальным значением возможности принимают активное участие в выражении онтологической возможности. Результаты работы могут использоваться при функционально-семантическом описании синтаксиса русского языка.

Ключевые слова: описательные глагольно-именные обороты, предикат, модальность, внешняя возможность, внутренняя возможность, имя качества, синтаксическая синонимия.

Ya. V. Olzoyeva

*Doctor of Philology, associate professor,
Buryat State University (Ulan-Ude, Russia),
e-mail: bb2005@yandex.ru*

Descriptive Verbal-Nominal Structures as a Means to Express Internal Syntactic Modality of Possibility in Modern Russian

The article deals with the functional aspect of descriptive and nominal phrases as a means of explicating modal meanings of the predicate in addition to the objective modality meaning of the sentence. Descriptive Verbal-Nominal Structures (DVNS) is a way to develop the predicate. Modal verbs and DVNS are in complex semantic relations of semantic equivalence and semantic divergence which can be compared to synonymic relations. Modal verbs and DVNS form a functional-semantic micro-field where verbs appear as a means of expressing nuclear modal meanings whereas DVNS express peripheral meanings. DVNS express the meanings of desirability, possibility, intention to perform an action, as well as that of a habitual action. DVNS with the modal meaning of possibility are widely used to express ontological possibility. The results of this study can be used in the functional and semantic description of Russian syntax.

Keywords: descriptive verbal-nominal structures, predicate, modality, external possibility, internal possibility, name of quality, syntactic synonymy.

Объект исследования в данной статье – описательные глагольно-именные обороты (далее ОГИО), построенные по модели «иметь + субстантив», в которых правую валентность глагола занимает абстрактное имя.

В функциональном аспекте ОГИО предстают как средство развертывания предиката, как один из способов «трансформации и перехода от глубинной структуры (прямая номинация) к поверхностной структуре (косвенные номина-

ции)» [4, с. 288]: они изосемичны модальным глаголам в структуре сказуемого и эксплицируют отдельные модальные значения, как, например, ОГИО «иметь + имя качества».

Глагол *иметь* образует субъектно-объектную структуру. Синтаксическая валентность *иметь* – это результат его семантической валентности, которая, как известно, непосредственно определяется лексическим значением слова, поэтому *иметь* облигаторно двухвалентен: левую ва-

лентность заполняет имя посессора, правую – имя объекта обладания. *Иметь* является наиболее общей формой выражения отношений между объектами действительности [4, с. 253]. Как ожидалось бы, *иметь* должен быть наиболее регулярным в предложениях, сообщающих о принадлежности, обладании чем-, кем-либо. Однако в русском языке конструкции с *иметь* являются нерегулярными, малоупотребительными, уступая в востребованности конструкциям с глаголом *быть*: «Хотя в русском языке и есть глагол “tohave” (иметь), но он не имеет широкого распространения» [7, с. 418]. Регулярной моделью, выражающей значение посессивности, выступает другая – с глаголом *быть*. Так, в парадигме *Он имеет дом, У него есть дом, Он владеет домом, Ему принадлежит дом*, каждый член которой по-своему интерпретирует общий смысл обладания, модель с *иметь* испытывает значительные стилистические ограничения – по-русски предпочтительнее сказать *У него есть дом*, чем *Он имеет дом*. По мнению А. В. Бондарко, выбор между моделями с *иметь* и *есть* связан с лексическим значением глаголов (посессивность и наличие) и определяется тем, что за исходный пункт берётся либо субъект-обладатель, распространяющий отношение обладания на объект обладания (*Он имеет дом*), либо объект обладания, существующий в сфере посессора (*У него есть дом*) [2, с. 54–55].

По признанию исследователей, *иметь*, вообще, функционирует в узком кругу грамматических и семантических контекстов [9, с. 159]. К таким контекстам относятся предложения типа *Он имел наглость прийти сюда*. Правую валентность *иметь* занимает имя качества, называющее свойство (качество) человека: *дерзость, подлость, глупость, наивность, неосторожность, наглость, жестокость, смелость* и т. п. В данной группе преобладают имена на -ость, которые обозначают также действие.

Глагол *иметь* в сочетании с абстрактным существительным типа *любовь, радость, жалость, труд, старание* и т. п. уже в древнерусском языке характеризуется синсемантической [8, с. 344], а в современном русском языке относится к глаголам, в наибольшей степени ослабившим своё лексическое значение. Он только обозначает связь между объектами и потому не может сочетаться с наречиями, модифицирующими характер процесса, действия, ср.: *Я с удовольствием (охотно) с ним говорил*, но **Я с удовольствием (охотно) имел с ним беседу*.

Описательные глагольно-именные обороты «иметь + имя качества» типа *иметь подлость* характеризуются синсемантической: они употребляются, как свидетельствует языковой материал, с инфинитивом. Н. Д. Арутюнова и Е. Н. Ширяев подчёркивают регулярный характер употребления этих описательных глагольно-именных оборотов с инфинитивом [1, с. 183]. Для современного русского языка невозможны предложения типа *Он имел жестокость*.

Структурно-семантическое варьирование на уровне предиката позволяет представить положение вещей как возможное, желательное или должностное быть: «Выражая значение времени и модальности, предикатный компонент способен усложнять эти значения, представляя процесс... в аспекте модально-волевого отношения между предикативным признаком и его носителем» [6, с. 111]. Этот аспект выражается модальными модификаторами: глаголами *хотеть, мочь, уметь, суметь* и др., краткими прилагательными *должен, рад, обязан*, предикативами на -о *нужно, надо, можно* и др., включаемыми в структуру предиката. По отношению к ним ОГИО занимают периферийное положение.

Между модальными глаголами и ОГИО устанавливаются сложные семантические отношения: 1) отношения семантической эквивалентности, при которых ОГИО не выражает каких-либо дополнительных оттенков и различается с глаголом только стилистической окрашенностью: *иметь намерение – намереваться, иметь желание – желать, иметь привычку – привыкнуть*; 2) отношения семантического несоответствия и расхождения, при которых ОГИО различаются с глаголом выражением дополнительных значений: *гореть желанием* (высокая степень интенсивности в сравнении с глаголом), *выразить желание* (обнаружение желания); 3) отношения семантического несоответствия и расхождения, при которых значения ОГИО и соотносительных глаголов существенно различаются.

ОГИО «иметь + имя существительное» соотносятся с модальными глаголами не только по семантике, но и по словообразовательным связям: имя существительное является производным от модального глагола: *намереваться – иметь намерение, желать – иметь желание, привыкнуть – иметь привычку, порываться – иметь порыв* и т. д.

Семантическая и словообразовательная соотносительность ОГИО «иметь + субстантив» с модальным глаголом обеспечивает их взаимоза-

меняемость, ограничиваемую стилистической маркированностью оборота, закреплённого за книжным стилем (*иметь желание – желать*).

Особую группу ОГИО «иметь + субстантив» образуют обороты, которые включают имя существительное, производное от глагола (*право, манера, страсть, обычай* и др.) либо представляющее собой деадъектив – имя качества (*глупость, жестокость, подлость, возможность* и др.). Такие ОГИО, исключая деривационные связи с модальными глаголами, объединены с ними функционально, в сочетании с инфинитивом выражая оценку действия. Имена существительные, входящие в состав оборота, обладают оценочной семой и реализуют знак «+» или «-» («хорошо»/ «плохо») либо приобретают способность выражать модальные значения в результате включения их в структуру ОГИО (*власть, искусство, право, время* и др.)

В русском языке возможность подразделяется на онтологическую (в терминах модальной логики – алетическую), или объективную, и эпистемическую (проблематическую), или субъективную. Онтологическая возможность связывается с наличием альтернатив или их отсутствием в объективной действительности. Эпистемическая модальность – факт сознания субъекта, проистекающий из ограниченности знаний. Для выражения разных типов возможности в русском языке существуют специальные средства. Так, слово *можно* всегда указывает на онтологическую модальность, а вводные слова со значением возможности (*возможно, может быть* и др.) – на эпистемическую [3, с. 209–231]. Глагол *мочь* выражает оба типа модальности: *Он может сделать это = Он способен сделать это, Он может сделать это = Возможно, он сделает это*. В модальной логике глагол *мочь* формализует возможность и сигнализирует о возможных мирах, понимаемых как альтернативные состояния мира.

Отображая возможность предиката как существенное свойство высказывания, модальные глаголы приобретают статус модального оператора. В естественном языке значение модального оператора *мочь* может быть описано следующим образом: «Предложение вида “*X* может *P* (во временном интервале *t*)” употребляется в такой ситуации, когда говорящий, деля совокупность условий для наступления события *P*(*X*) на существенные и несущественные, утверждает, что все существенные условия для наступления события *P*(*X*) выполняются в *t*» [5, с. 139–140]. Существенные условия – это и есть возмож-

ности, необходимые для выполнения действия либо благоприятствующие его реализации. Они подразделяются на внутренние и внешние, или эндогенные и экзогенные факторы [6, с. 318]. Деонтическая возможность, детерминируемая нормами социума, относится к внешней модальности.

ОГИО с модальным значением возможности принимают активное участие в выражении онтологической возможности и вместе с модальными глаголами образуют одну группу средств выражения семантики возможности/ невозможности действия на основе функциональной близости, и передают значения как внешней, так и внутренней возможности, непосредственно называя (эксплицируя) те факторы, которые обеспечивают реализацию действия.

Модальное значение возможности в наиболее общем виде выражает оборот *иметь возможность*, не дифференцирующий эндогенный и экзогенный фактор (внешние обстоятельства или внутренние качества и способности) и являющийся ядерным: *Вряд ли все старшеклассники имеют возможность завтракать и обедать дома и вовремя* (Газ.); – *Не имею возможности отказаться* (В. Шишков).

На **внешние возможности** указывают ОГИО *иметь шанс, иметь право, иметь привилегию, иметь случай, иметь вероятность, иметь власть, иметь время/ досуг/ час/ минуту*: *Электростанция – военный объект! А монтер просто шукура – имел шанс взорвать и струсил!* (К. Симонов); *Скоро мы будем иметь случай поговорить подробнее о всей поэтической деятельности Гоголя, как об одном целом, и обзреть все его творения в их постепенном развитии* (В. Белинский); *Мы уже имели случай возразить на это обвинение и доказать всю его неосновательность и неблагоприятность* (В. Белинский); – *Я имею право высказывать любые мысли* (К. Паустовский); *Всякий имеет право жить с кем угодно и как угодно* (А. Чехов); *Порицать, бранить имеет право только тот, кто любит* (И. Тургенев); *Обращаясь к воспоминаниям прожитых лет, вы отыскиваете в них образцы усачей, употребляющих лисий хвост лишь ввиду материальной, грубой силы, которая одна имела привилегию смирать их беишенство* (М. Салтыков-Щедрин); *Очевидно, эти господа слишком усердно заняты молотбой пустой соломой, чтобы иметь досуг подумать о том, что одно важно и нужно* (Л. Толстой); – *Я не имею досуга прислушиваться к слухам* (О. Форш); *Я имел время в подробности*

рассмотреть безобразную живопись на кресте и на евангелии, пока поп разглагольствовал (М. Михайлов); **Я не имел времени узнать и прочитать** проект отца Амвросия (Г. Успенский); **Из всех мыслей только две не раздражали его; одна – что он каждую минуту имеет власть убить себя** (А. Чехов); – **Я ещё имею власть умереть** (Ф. Достоевский).

Тонкие смысловые оттенки внешней возможности действия различаются благодаря переменному компоненту ОГИО. Так, *иметь привилегию* выражает преимущественное, иногда исключительное, право того или иного лица на совершение действия, это право может быть подчеркнуто лексически словами со значением исключительности: *единственный, один* и т. п. *Княгиня готовилась привстать и подать Рогожину, который имел привилегию один водить бабушку к столу* (Н. Лесков).

Иметь шанс выражает значение вероятной, допустимой возможности, связанной с реализацией единичного действия. Подобная семантика ограничивает сочетаемость оборота, употребляемого с СВ инфинитива, ср.: *Хоккеисты Канады имели шансы завоевать золотые медали* (Газ.) – *Имели шансы завоевывать*.

Оборот *иметь случай* характеризует действие как эвентуальное, возможное при удачно сложившихся обстоятельствах – реализация действия осознается зависимой от благоприятствующей этому ситуации.

Высокой степенью частотности обладает ОГИО *иметь право*, помимо инвариантного значения возможности выражающий «разрешение», основание, причину поступать тем или иным образом. Основание объективируется нормами и правилами, которые закреплены в нормативных документах (законах, актах, уставах, инструкциях и т. п.) и регулируют поведение человека: *Согласно шведской конституции, Густав не имел права самовольно начинать войну* (О. Форш); *По университетскому уставу, студенты не имели права собираться, устраивать какие-либо общества, кружки* (Газ.). Субъект действия часто номинирован словом, называющим профессию, должность, социальный статус и т. п., предоставляющие определённые полномочия, в рамках которых возможно совершение тех или иных действий: *Солдат имеет право стрелять в арестанта, если тот вздумает бежать от него* (Ф. Достоевский); *Конкурсант имеет право использовать вместо аккомпанемента магнитофонные пленки* (Газ.);

Ответственный арендатор, бригадир будет иметь право уволить не угодившего ему работника (Газ.).

Близок по значению к *иметь право* оборот *иметь власть*, реализующий значение «право и возможность распоряжаться» (Словарь русского языка 1981–1984, т. 1, с. 184): *Мы всегда помнили нашу непростительную шалость и благословляющую руку последнего привидения Инженерного замка, которое одно имело власть простить нас по святому праву любви* (Н. Лесков); *Нужно провести дискуссию с теми людьми, которые имеют власть ввести в издательства, газеты и журналы полный хозрасчет* (Газ.).

ОГИО с темпоральным значением *иметь время* и т. п. указывают, что осуществление действия возможно в том случае, если имеется достаточное для этого время.

Значение *внутренней возможности* реализации действия выражают ОГИО *иметь дар, иметь искусство, иметь способность, иметь талант* с инвариантным значением `способность`: *Через год нужный человек был в долгу как в шелку перед Николаем Ивановичем, а такой человек имел, по наблюдениям Николая Ивановича, способность работать день и ночь* (Ю. Тынянов); *Г-н имел искусство вступить с нею в дальнейший разговор* (А. Пушкин); *Есть люди, которые имеют искусство все охаять* (Н. Гоголь); *Ты имеешь дар смотреть на вещи бог знает с какой стороны* (А. Пушкин).

Данные конструкции различаются между собой сочетаемостью: *иметь способность* может сочетаться как с одушевленными существительными, так и неодушевленными, остальные ОГИО, входящие в данную группу, – только с одушевленными, ср.: *Пока Орво переводил, Токо разглядывал раненого. Ему не понравились его льдистые, холодные глаза. Они имели способность смотреть как бы сквозь человека, словно он пустое место* (Ю. Рытхэу) – *Глаза имели дар / талант / искусство смотреть сквозь человека*.

ОГИО *иметь искусство* выражает значение приобретенных знаний, умений и навыков, необходимых для реализации действия.

Способность выполнить то или иное действие может интерпретироваться как отличительное, уникальное свойство субъекта, что выражается с помощью прилагательных *редкий, исключительный, особенный, счастливый* и т. п. *В этом надобно отдать справедливость означенным господам. Они имеют особенный дар заставлять смеяться и слушать этих бесцвет-*

ных красавиц (Н. Гоголь); *Имел он счастливый талант без принуждения в разговоре Коснуться до всего слегка, С учёным видом знатока хранить молчанье в важном споре И возбуждать улыбку дам Огнем нежданных эпиграмм* (А. Пушкин); *Он имел особенное искусство пускать из трубки дым кольцами так удачно, что вдруг мог нанизать их около десяти одно на другое* (Н. Гоголь).

Формирование синонимического потенциала предложения создаётся семантической целостностью и нечленимостью оборотов, которые могут заменяться синонимичными глаголами и краткими предикативными прилагатель-

ными с семантикой возможности, желательности, долженствования и обычности действия. Наличие в языке несвободных словосочетаний, сосуществующих параллельно с модальными модификаторами и подобно им формирующих частные модальные значения, свидетельствует о развитой и гибкой системе средств выражения конкретных смыслов модальности. Кроме стилистической закреплённости (ОГИО принадлежат к книжному стилю, в отличие от модальных глаголов) описательные обороты характеризуются тем, что располагают гораздо большими возможностями в выражении различных оттенков и нюансов в значении.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. Русское предложение. Бытийный тип. М. : Русский язык, 1983. 198 с.
2. Бондарко А. В. О стратификации семантики // Общее языкознание и теория грамматики. СПб. : Наука, 1998. С. 51–63.
3. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. 576 с.
4. Гак В. Г. Языковые преобразования. М. : Школа «Языки русской культуры», 1998. 976 с.
5. Зализняк А. А. Контролируемость ситуации в языке и в жизни // Логический анализ языка. Модели действия / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М. : Ин-т языкознания РАН, 1992. С. 138–145.
6. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М. : Ин-т русского языка РАН, 1998. 544 с.
7. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М. : Прогресс, 1978. 543 с.
8. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка. М. : Русский язык, 1999. Т. 1. 623 с.
9. Шатуновский И. Б. Семантика предложения и нерелевантные слова (значение, коммуникативная перспектива). М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. 400 с.

Статья поступила в редакцию 28 ноября 2011 г.

УДК 418.2 + 8.08
ББК 81.07 + 83.011.7

Л. Р. Рабданова

*аспирант, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского (п. Агинское, Россия),
e-mail: Lkhama@list.ru*

Субъективированное повествование как компонент языковой композиции текста (на материале прозы В. Маканина)

В статье рассматриваются особенности использования субъективации как компонента языковой композиции с точки зрения графической маркированности текста. Специфика данного явления рассматривается автором статьи на материале произведений В. Маканина «На первом дыхании» и «Испуг». Субъективация – это важнейший аспект в изучении языковой композиции. Анализ явлений графической маркированности (графические и пунктуационные средства) показал, что в тексте преобладает выделение слов и предложений курсивом. Графическая маркированность явлений субъективации способствует его лучшему пониманию и осмыслению, при этом видоизменяется традиционное повествование и отмечается новый процесс развития речевой коммуникации, т. е. можно говорить о модификации языковой композиции.

Ключевые слова: языковая композиция, субъективация, графическая маркированность текста, словесный ряд, образ автора, образ рассказчика.

L. R. Rabdanova

*graduate student, Zabaikalsky State Humanitarian Pedagogical University
named after N. G. Chernyshevsky (Aginskoye, Russia),
e-mail: Lkhama@list.ru*

Subjectivized Narration as a Component of Linguistic Composition of the Text (Based on V. Makanin's Prose)

This article discusses the features of subjectivation as a component of the linguistic composition in terms of graphic text marking and analyzes the specific character of the given phenomenon in Makanin's works *At First Breath* and *Fright*. Subjectivation is the most important aspect in the study of the language composition. The analysis of graphic text marking (graphic and punctuation means) shows that italicized words and sentences prevail in the texts under consideration. Graphic marking of subjectivation phenomena helps the reader to understand the texts better. The author points out that traditional narration techniques change and a new process in the development of speech communication takes place, i. e. one can speak about modifying the language composition.

Keywords: linguistic composition, subjectivation, graphical marking, verbal series, author's image, narrator's image.

Субъективация является важнейшим аспектом в изучении проблемы языковой композиции, исследованию которой посвящён ряд работ, среди которых для нас особое значение имеют труды В. В. Виноградова, В. В. Одинцова, А. И. Горшкова, Г. Д. Ахметовой. В работах этих ученых показана, прежде всего, актуальность проблемы субъективации, а также даётся классификация приёмов субъективации. Композиционную значимость субъективации определяет В. В. Одинцов, выделяя классификацию форм субъективации, в частности конструктивные (формы представления, изобразительные формы, монтаж) и речевые формы (прямая

речь, несобственно-прямая и внутренняя речь). Автором исследуется влияние субъективации на композицию произведения, эффект усложнения повествования за счёт конструктивных форм. А. И. Горшков под субъективацией понимает «передачу повествования рассказчику; смещение точки видения из «авторской» сферы в сферу персонажа» [6, с. 193]. Явление субъективации продолжает привлекать исследователей (Н. Н. Глухоедова, А. В. Иванова, Э. Н. Поляков, Г. Б. Попова, Ю. В. Цинковская). Авторы указывают, что субъективированное повествование является важным компонентом языковой композиции.

Г. Д. Ахметова в своём исследовании обращает внимание на композиционную особенность текста, которая связана с личностным началом самого литературного языка (и шире – реальной действительностью) [3, с. 102]. Рассматривая в своей работе явную и неявную субъективацию, автор связывает выявление данных видов с вопросом о явном и неявном рассказчике, поскольку считает, что явный рассказчик как организующий композиционный центр повествования является основой построения текста с открытой композицией, а неявный рассказчик – это, соответственно, основа построения текста с закрытой композицией. Необходимо отметить, что различие между явным и неявным рассказчиком заключается не в способе выражения (формальный способ выражения – грамматическое лицо), а в композиционном развёртывании словесных рядов. Примерами неявной субъективации могут выступать авторские отступления, рассуждения, так как являются отражением точки зрения того или иного образа. Кроме этого, виды явной и неявной субъективации как композиционная часть образа автора могут быть связаны с персонажами [3, с. 103].

О наличии субъективации можно судить по характеру авторского повествования, поскольку оно имеет возможность «смещаться в сферу сознания кого-либо из персонажей» [7, с. 204]. Являясь организующим началом текста и центром языковой композиции, категория «образ автора» способна реализовываться в разных проявлениях (образ рассказчика, диалогические формы, комментарии к речи и действиям персонажей). Автор-личность и образ автора могут быть близки друг другу, но их нельзя отождествлять. Образ автора взаимодействует со сферой героя (персонажа), характеризуясь своей «внеаходимостью» по отношению к последнему, что свидетельствует о его взаимодействии с явлением субъективации.

Важным в изучении субъективации повествования является понятие точки зрения, которая обуславливает композиционные особенности развёртывания и состав словесных рядов, образующих эти соотнесенные и взаимодействующие сферы [6, с. 193]. Мы считаем, что точка зрения определяет языковое сознание героя, его непосредственное языковое восприятие действительности к ней. Поэтому явления субъективации в тексте могут употребляться, сменяя друг друга, в то время как точки зрения могут перемещаться в сферу сознания персонажа.

Субъективация авторского повествования осуществляется с помощью определённых видов язы-

кового выражения, которые в некоторых случаях графически маркированы и определяются перемещением субъективированных точек зрения.

Графическая маркированность текста наблюдается при совпадении, наложении явлений субъективации и графического словесного ряда [4, с. 87]. Графическая маркированность художественного текста подчёркивает особенности творческого проявления писателя в отборе графических средств и композиции графических частей. При этом наблюдается усложнение графической организации современного художественного текста, которое связано с усилением визуализации в современной культуре за счёт изменения функций знаков препинания, расширения возможностей их варьирования. В составе языковой композиции текста наблюдается наличие графических словесных рядов и курсивное выделение слов, частей текста и т. д.

Благодаря авторскому выделению отдельных фрагментов текста с помощью особых шрифтов, закладывается однозначное авторское смысловое выделение тех или иных фрагментов текста; оригинальная графическая форма может быть заключена в отдельную строчку, в абзац или строфу, может охватывать главу произведения или весь его текст. В результате графической маркированности происходят грамматико-графические сдвиги, к которым можно отнести особенности шрифта (крупный, жирный, курсив и др.); специальные значки (звездочка и др.); квадратные скобки и др. Г. Д. Ахметова отмечает: «Сдвиги (или изменения), происходящие в языке современной прозы, представляют собой либо движение от ошибок к норме, либо нарушение норм» [2, с. 20]. Действительно, в текстах современной прозы наблюдаются, как пишет Г. Д. Ахметова, «живые процессы» [2, с. 25], которые обусловлены композиционными изменениями авторского повествования.

При исследовании особенностей графической маркированности текста представляется важным обратиться к креолизованным текстам, которые, по словам Е. Е. Анисимовой, «являют собой “сложное текстовое образование, в котором иконические элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, нацеленное на комплексное воздействие на адресата”» [1, с. 17]. Выразительные возможности компонентов креолизованных текстов (изображение, цвет, шрифт, надписи, ненормативное написание слов, ненормативное употребление пунктуационных знаков) усложняют языковую композицию, происходит её модификация. Наиболее часто употребляющимся приёмом грамматико-графических сдви-

гов является шрифт – необходимый элемент креолизованного текста, который выполняет смысловыделительную, экспрессивную и другие функции. Так, шрифт способен выделять наиболее важные по смыслу части вербального компонента (отдельные слова, словосочетания, предложения, абзацы) и акцентировать на них внимание адресата. Взаимодействуя друг с другом, вербальный и иконический тексты обеспечивают целостность и связность произведения, его коммуникативный эффект.

Проанализируем графическую маркированность явлений субъективации в произведениях В. Маканина «На первом дыхании» и «Испуг», где субъективированное повествование наблюдается в тех случаях, когда субъективность автора, индивидуальность авторского мышления отражаются в языковой структуре образа рассказчика.

Обратимся к повести «На первом дыхании», в которой субъективированный характер повествования передаётся от лица рассказчика, восприятие и оценка действительности подчёркивается с позиции конкретного лица – главного героя Олега Чагина: «Если брат эпитафия, я наверняка знал бы, что очень в данном случае подходит и очень мне нравится: КОГДА ЛЕГКОВЕРЕН И МОЛОД Я БЫЛ. Вот именно. Эта строка.

Легковерен. Такое вот удивляющее слово – и чем дольше в него вдумываешься, тем на душе лучше» [10, с. 159].

Данный эпизод подчёркивает авторское восприятие, его отношение и оценку «состояния» молодости. В авторском повествовании отметим маркировку, графически выделенное крупным шрифтом выражение «КОГДА ЛЕГКОВЕРЕН И МОЛОД Я БЫЛ». Приведём пример: «Легковерен. Такое вот удивляющее слово – и чем дольше в него вдумываешься, тем на душе лучше» – уже переводят точку видения на главного героя повести, и далее начинается повествование от лица рассказчика: «Вокруг была степь. Полынь, и цвет этой полыни если не совсем белый, то белёсый. А посерединке этой сплошной белёсости, как в молоке, плавало десятка полтора крохотных домишек. Полтора десятка домишек – не больше. И вот там я работал.

Мне было двадцать пять, и ни цыкать, ни шуметь на меня было нельзя; противопоказано. И потому, едва лишь Громышев начал шуметь, стало ясно, что я сбегу – именно сбегу.

– А ну не ори на меня!

Я мог бы, конечно, сказать Громышеву «не орите». Все-таки начальник» [10, с. 159].

В данном композиционном отрезке отмечается явная субъективация, формальным показателем которой является личное местоимение.

Здесь интерес представляет языковая организация рассказчика: плавало десятка полтора (не точное количество, а примерное, это речевой поток того, кто видит со стороны – видение рассказчика) крохотных (прилагательное со значением субъективности) домишек (суффикс субъективной оценки); ни цыкать (разговорное), ни шуметь (ни...ни – отрицательная конструкция) на меня было нельзя; противопоказано. И потому, едва лишь Громышев начал шуметь, стало ясно, что я сбегу – именно (уточнение: сбегу... именно сбегу и повтор) сбегу.

Следует отметить, что графическую маркированность явлений субъективации представляют приёмы, стилистически отличающиеся от остального повествования: «Я остался один. Был выбор. Заночевать в этой авосечной лаборатории. Или же ещё раз порадовать Бученкова и его тещу. Вот именно. Лечь на этом столе и спать, и чтоб в голову лезли всякие нехорошие сравнения.

Я лежал на спине, заложив руки за голову, – люблю эту позу. Темно и жутковато, даже уличная подсветка не чувствуется. И неясно, где я. В дороге? В кукуевских степях? Или просто в канаве? Однажды я замерз и спал в хлебе. Залез в зерно, в бурт, – только нос наружу. Господи, неужели ж я в Москве? Уже в Москве? Подумать только!» [10, с. 170].

Из приведённого контекста видно, что автором используется вид словесной субъективации – внутренняя речь, с помощью которой автор выделяет особый момент в жизни персонажа, раскрывая при этом чувства и ощущения героя. Вслед за Г. Д. Ахметовой отмечаем, что характерные для внутренней речи экспрессивность, эмоциональность выражают восклицания, вопросы, которые графически выделяются тире, восклицательными и вопросительными знаками.

Графически маркированы отдельные части текста, причем заглавная буква каждой части маркирована жирным шрифтом, что, по нашему мнению, является важным для раскрытия содержания произведения. В данном случае графическая маркировка явлений субъективации представлена невыделенной прямой речью, о чём свидетельствует ремарка (говорил). В то же время на субъективацию повествования указывает передача речи рассказчика с помощью разговорно-просторечных словесных рядов: «Я шёл ночными улицами, и на душе была какая-то собачья тоска. Ни фонари ночные не трогали. Ни небо. Ни высокие дома. Я шёл, выжатый, как лимон. И никому не нужный. Ну-ну, говорил я себе. Это на тебя не похоже» [10, с. 209].

Между тем, обращаясь к вышеприведённым примерам, отмечаем, что внешние знаки текста (не только буквенные и пунктуационные, но, к примеру, и пробелы между частями текста) в совокупности определяют графическую форму, созданию которой автор уделяет особое внимание, подчёркивая оригинальность использования графического приёма.

Таким образом, в повести описывается один из эпизодов жизни молодого героя-рассказчика, где все названные языковые признаки образа рассказчика организуют субъективированное повествование и графически маркированы.

Обратимся к роману «Испуг», где наблюдается усиление графической стороны повествования, характерной для прозы В. Маканина: «И беседа состоялась. Я был зван по-светски – к пяти. Намекалось, что у них на даче в это промежуточное время и провисающее время – чай. Вернее сказать, кофе. Мы пили кофе. Аня сразу и очень мило провела меня не к запахам кухни, а в гостиную... В этакую всю в спокойных обоях, салатovou гостиную. Мир во человецех.

За кофе я вполоборота мог видеть чуть приоткрытую дверь «лунной» спальни. (Днём это совсем другое, скучное место. Не узнать!) Мы беседовали. Аня заботливо, но и с улыбкой, с лукавинкой в голосе заливала мне про незадавшуюся любовь и что нас с ней развело само Время. (Старым психам наверняка же интересно время.) В принципе, я ей нравлюсь, очень нравлюсь, но уж так случилось... разный возраст! Вот и разошлись...

– Как корабли, – кивнул я.

Я поддакивал. Тоже улыбался. Мне главное, что такая красавица – и вот ведь рядом, беседует со мной. Как-кая! И голос, голос её! И кофе был со сливками.

Разок меж нашей (с Аней) гостиной и спальней (тоже ведь отчасти *нашей* на нейтральном пространстве возник муж. Шел на кухню. (Игорюнич, так она его окликнула ночью) [9, с. 18].

В данном композиционном отрезке отмечается графическое разнообразие проявления приёмов субъективации – скобочное оформление (композиционные вставки), курсив, многоточие. Повествование ведётся от первого лица – главного героя-рассказчика. Старик Алабин приглашён на беседу с молодой, понравившейся ему женщиной Анной. На субъективированность повествования указывают вводные конструкции (намекалось, вернее сказать). Между тем отмечается характер беседы, отношение рассказчика к данной встрече (по-светски, в гостиной); в то же время автор обращает внимание на цветовой фон гостиной и настроение героя-рассказчика, используя многоточие (Аня сразу и

очень мило провела меня не к запахам кухни, а в гостиную... В этакую всю в спокойных обоях, салатovou гостиную).

Здесь значение имеет лексико-семантический уровень текста, выраженный восприятием героя по отношению к концепту «Время». В тексте слово маркировано, обозначено с большой буквы. Это же восприятие героя маркируется оформлением в скобки (таким образом композиционно обозначена его внутреннюю речь): «Аня заботливо, но и с улыбкой, с лукавинкой в голосе заливала мне про незадавшуюся любовь и что нас с ней развело само Время. (Старым психам наверняка же интересно время). На приподнятость настроения героя-рассказчика указывает экспрессивная лексика (с улыбкой, с лукавинкой в голосе заливала).

Также наблюдаемые разговорные синтаксические конструкции «Я поддакивал. Тоже улыбался. Мне главное, что такая красавица – и вот ведь рядом, беседует со мной». Графическая маркированность проявляется следующим образом: вставка-уточнение (меж нашей (с Аней) гостиной и спальней); вставка и курсив (тоже ведь отчасти *нашей*); передача звучащей речи в слове «как-кая!», восклицание подчёркивают графическую маркированность явлений субъективации в повествовании рассказчика.

Композиционно-графическая маркировка словесного ряда позволяет также выделить настроение рассказчика во временном отношении через сравнение: «За кофе я вполоборота мог видеть чуть приоткрытую дверь «лунной» комнаты. (Днём это совсем другое, скучное место. Не узнать!)». Функция сравнения реализуется через заключение слова в кавычки и вставку-объяснение. Во вставной конструкции словосочетание «совсем другое» употребляется в значении отрицания («не такое, как...»). Кроме того, прилагательное «лунная» образовано от слова «луна», а луна – признак ночи. Таким образом, условно можно сказать, что в данных предложениях сравнение образовано с помощью «скрытых» антонимов «ночь-день»: (...«лунной» комнаты. Днём совсем другое...).

В произведении чаще всего отмечается курсивное выделение, которое участвует в создании интонационного рисунка высказывания; служит средством увеличения эмоциональной нагрузки речи и представлено в основном на протяжении произведения на лексическом уровне. В эпизоде «Ничуть он меня не достал – он мне понравился, этот их Башалаев. *Гений с пронзительным взглядом*, так они его меж собой называли. Ярлычок, как водится, льстив. Но что-то настоящее, похоже, там есть. И pokazалось (поверилось), что этот *с взглядом* не станет лгать или вредить старику (мне) за просто

так» [9, с. 30] выражено отношение персонажа к другому лицу. Несмотря на то, что герой положительно отзывается о Башалаеве, курсивное выделение усиливает иронический характер, подчёркивая недоверие к нему. Являясь основой смыслового выделения, важного с точки зрения высказывания рассказчика, слова, выделенные курсивом, способствуют акцентированию особенностей мыслительного процесса персонажа, отмечают важность этого процесса: «Я же, сдерживая улыбку, думал о заключении врачей. Я был здоров. Я был здоров!.. Я был совершенно здоров! Единственное, что в профессорских каракулях настораживало, так это каменное слово НЕАДЕКВАТЕН. Я раздумывал над ним, жуя котлету за котлетой. То есть как это теперь понимать?.. Психика в норме (записано!). Никакой патологии нет (записано!). Однако *временами неадекватен по отношению к реалиям жизни.*

А дальше для баланса ещё одно интересное слово. *Неадекватность воображения пациентом, впрочем, контролируется*» [9, с. 53].

В этом фрагменте графический словесный ряд передаёт внутреннюю речь героя-рассказчика, которая характеризуется усилением восклицательной конструкции (Я был здоров. Я был здоров!.. Я был совершенно здоров!). Маркировка слова крупным шрифтом, обозначая психическое состояние героя, раскрывает его отношение к событиям. Вставка со значением добавочной информации (записано!), выделенная с помощью скобок, усиливает субъективированность повествования восклицательной интонацией.

На синтаксическом уровне отмечается курсивное выделение явлений субъективации, которая обозначает внутреннюю речь. На наш взгляд, графической маркировкой определена невыде-

ленная прямая речь на разных уровнях (простая и сложная синтаксическая конструкции): «Чуть что бросал работу. Скучно ему. Отвратно ему. *Меня, дед, от них ломает!* – так он объясняет своё тотальное бездействие» [9, с. 97]; «Иваныч шёл со мной шаг в шаг. Всё нервничал. (Когда я открывал калитку, он глотал слюну). Но в саду я уже был один. *Обогнуть дом и войти внутрь со стороны веранды – там легко открывается дверь.* Мы много раз это прикидывали» [9, с. 148].

Итак, на примере произведений В. Маканина «На первом дыхании» и «Испуг» мы рассмотрели графические изменения явлений субъективации, которые, активно взаимодействуя друг с другом, усложняют его языковую композицию. Следовательно, анализ явлений графической маркированности (графические и пунктуационные средства) показал, что в тексте преобладают выделения слов и предложений курсивом; вставные слова и конструкции, которые представляют внутреннюю речь и невыделенно-прямую речь, ремарки и вместе с тем являются следствием грамматико-графических сдвигов в тексте. Подобная распространённость явлений в текстах характеризуется коммуникативной нормой креолизованного текста, в оформлении которого немалая роль принадлежит воображению, фантазии и эстетическому чутью автора.

Таким образом, графическая маркированность явлений субъективации, обозначая экспрессивность языковой картины художественного текста, способствует его лучшему пониманию и осмыслению, при этом видоизменяется традиционное повествование и отмечается новый процесс развития речевой коммуникации, т. е. можно говорить о модификации языковой композиции.

Список литературы

1. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) : учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов. М. : Academia, 2003. 128 с.
 2. Ахметова Г. Д. Живая графика. Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. Серия <<Филология, история, востоковедение>> / под общ. ред. Г. Д. Ахметовой. 2011. № 2 (37). Чита, 2011. С. 18–23.
 3. Ахметова Г. Д. Языковая композиция художественного текста (проблемы теоретической феноменализации, структурной модификации и эволюции на материале русской прозы 80–90-х гг. XX в.): монография. М. ; Чита : Изд-во ЗабГПУ, 2002. 264 с.
 4. Ахметова Г. Д. Языковые процессы в современной русской прозе: (на рубеже XX – начала XXI вв.). Новосибирск : Наука, 2008. 168 с.
 5. Виноградов В. В. О теории художественной речи : учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов и пед. ин-тов. М. : Высшая школа, 2005. 240 с.
 6. Горшков А. И. Русская стилистика и стилистический анализ произведений словесности. М. : Литературный институт им. А. М. Горького, 2008. 543 с.
 7. Одинцов В. В. Стилистика текста : монография. М., 1980. 264 с.
 8. Поляков Э. Н. Субъективация авторского повествования в прозе Валентина Распутина : дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 198 с.
- Источники :
9. Маканин В. С. Испуг: роман. М. : Гелеос, 2006. 416 с.
 10. Маканин В. С. Собрание сочинений. М. : Материк, 2002. Т. 1. 350 с.

Статья поступила в редакцию 30 ноября 2011 г.

УДК 82 – 312.6
ББК 83.014.4

Ю. Л. Сапожникова
кандидат филологических наук, доцент,
Смоленский государственный университет (г. Смоленск, Россия),
e-mail: sapojnikova@rambler.ru

Жанр автобиографии: понятие и особенности

Статья посвящена рассмотрению жанра автобиографии и его особенностей. Исследовав этот жанр, мы приходим к выводу, что автобиография имеет неоднозначный характер, совмещающая многие, подчас противоположные особенности. Можно сделать обобщение, касающееся лишь типовой структуры этого жанра: автобиографические произведения чаще всего являются повествованиями от первого лица и пишутся умудрёнными жизнью авторами, и уже в первых строках читатель узнаёт, что речь пойдёт о жизни автора.

Ключевые слова: жанр, литература воспоминаний, автобиография, триединство Я, ретроспектива, повествование от первого лица.

Yu. L. Sapozhnikova
Candidate of Philology, associate professor,
Smolensk State University (Smolensk, Russia),
e-mail: sapojnikova@rambler.ru

The Genre of Autobiography: Notion and Peculiarities

The article deals with the genre of autobiography and its peculiarities. The study of this genre reveals that autobiography is of ambiguous nature and combines many features that are often contradictory. The author concludes that generalizations concern only the typical structure of the genre: autobiographical works often adopt the form of the first-person narration and are written by authors with great life experience. The first lines of such works suggest that they are about the author's life story.

Keywords: genre, memoir, autobiography, trinity of Self, retrospect, first-person narration.

Категория жанра является одной из ключевых при анализе любого художественного текста. По мнению Ю. Н. Тынянова, «...отдельного произведения в литературе не существует», оно «входит в систему литературы, соотносится с нею по жанру и стилю...» [11, с. 227]. В современном литературоведении существует широкий круг понятий, которые используются для общего обозначения дневников, биографий и автобиографий, мемуаров и других родственных жанров. Некоторые исследователи используют единственный термин, принятый в науке, «документальная литература» (Е. Г. Местергази, Л. Я. Гаранин). Другие (Л. М. Ньюбина, А. Г. Тартаковский и О. В. Петрышева) пользуются понятием «литература воспоминаний», или «мемуаристика».

Несмотря на то, что упомянутые авторы предпочитают разные термины, они в целом приходят к единству при определении основных характеристик произведений, принадлежащих к литературе воспоминаний:

– наличие одного эгоцентрического сознания, которое составляет ментально-психологический и эмоциональный центр текста;

– единство в одном лице автора, рассказчика и протагониста;

– композиционно-сюжетная гетерогенность повествования, обусловленная прагматическими особенностями процессов запоминания и воспоминания;

– ретроспектива как принцип движения временного повествования от начала к концу, в основе которой лежит деятельность воспоминания субъекта речи [6, с. 13].

Наряду с этими чертами в качестве значимых называются установка на подлинность, принадлежность духовной культуре общества и открытость, неканонизированность этой литературы [8]. Е. Г. Местергази, останавливаясь на повествовательной структуре отдельных составляющих ее жанров, говорит о важности того, что «анализ действительности равен художественному образу этой действительности; субъективности мировосприятия соответствует предельная субъективность высказывания...» [3, с. 62].

Автобиография является одним из основных типов литературы воспоминаний. Ф. Лежен дает такое определение данному жанру: это «ретроспективное прозаическое повествование реального человека, рассказывающего о собственном существовании, делая особый акцент на истории своей личности» [2, с. 261–262].

Взяв за основу это определение, Ф. Лежен выделил четыре основные категории жанра:

1. Языковая форма:

а) рассказ;

б) в прозе

2. Рассматриваемая тема: индивидуальная жизнь, история личности.

3. Положение автора: тождество между автором (чьё имя указывает на некое реальное лицо) и рассказчиком

4. Позиция рассказчика:

а) тождество между рассказчиком и главным героем;

б) ретроспективное повествование [13, с. 14].

Основным содержанием автобиографической прозы становится освещение внутреннего развития личности; в сознании автора преломляется внешняя, событийная сторона жизни и превращается в факты его биографии, в его внутреннюю жизнь.

Одной из важнейших и наиболее чётко прослеживаемых характеристик автобиографии является триединство «я» (выявленное Ф. Леженом), объединяющего в себе автора, повествователя и главного героя. Л. М. Ньюбина формулирует это следующим образом: «создавая мнемонический текст, вспоминающее «я» выступает в трёх функциях одновременно – автора как исторической личности, субъекта, ведущего рассказ о собственной жизни, и героя или объекта рассказа, называемого также протагонистом. Это отличает данный вид литературы от других и определяет её абсолютный эгоцентризм и субъективную сложность» [7, с. 111]. С этим всепроникновением «я» связаны два парадокса, на которые обращает внимание Ф. Лежен. Первый парадокс – повествовательный, связан с тем, что автор рассказывает о себе от первого лица. Собственно возможность повествования от первого лица предполагает способность рассказывающего человека в воображении представлять себя другим, в мыслях посмотреть на себя глазами другого. Второй парадокс – жанровый, ведь, по сути, любой жанр – вещь *надличная*, но в автобиографии «я» неустранимо, поскольку лежит в самой основе – и как предмет рассказа, и как его способ» [1, с. 110]. Действительно, такие жанрообразующие признаки образа автора автобиографической прозы, как «его информированность об описываемых фактах, событиях и проявлениях не только внешней, но и внутренней жизни, максимальная заинтересованность в освещаемом, субъективность, своеобразная “презумпция правоты”» [4, с. 11], мешают текстам этого жанра оставаться надличными, так как они напрямую связаны с отношением автора к описываемым событиям.

Эти признаки реализуются в тексте благодаря повествованию от первого лица, в таком нарративном типе для образа повествователя харак-

терна наивысшая степень индивидуальности. Главная задача автора – поведать о самых значимых событиях в своей жизни, что подразумевает и необходимость оценки произошедшего. Таким образом, писатель не просто фиксирует какие-то события, но и ищет критерии для их оценивания, в качестве которых могут выступать не только его собственные ощущения и представления, но и точки зрения других людей, философские идеи и т. п., всё то, что можно назвать «взглядом со стороны». Пишущий одновременно является и субъектом повествования и его объектом, поэтому в автобиографии взаимодействуют два плана – «план “зрелого” повествователя в настоящем и план его “я” в прошлом» (в терминологии И. В. Соловьевой) или «“я” – сегодня и “я” – тогда» (в терминологии Л. М. Ньюбиной). Соответственно, в тексте автобиографии мы находим: «1) модели, в которых вербализован говорящий, одновременно являющийся авторизатором; 2) модели, вербализующие авторизатора, который не совпадает с говорящим, однако является его другой временной реализацией («я» в прошлом) [9, с. 143]. Это означает, что на протяжении всего повествования читатель сталкивается с двумя типами оценки: синхронной и ретроспективной. Лишь в конце автобиографии две разные реализации «я» соединяются. Чем больше величина дистанции между событием и созданием воспоминаний, тем выше вероятность её воздействия на то, как оно освещается. Под влиянием накопленного опыта, приобретённого положения в обществе пишущий воспринимает прошлые события не так, как в момент свершения, он уже зависит от нынешнего взгляда на них. Несовпадение этих отношений (одно – из прошлого, другое – из настоящего) вызывает столкновение двух пластов авторской субъективности. Но в настоящем автор обретает раскованность, в какой-то степени освобождается от прошлого, преодолевает свои ранние заблуждения, он может оценить события в свете их завершенности. Ретроспективное рассмотрение помогает писателю выбрать и закрепить в тексте нужную информацию, даёт ему возможность осветить известные факты в новом ракурсе, воскресить когда-то «засекреченные» обстоятельства [10].

Такое сосуществование двух планов «я» обуславливает специфическую временную организацию текста, для которой характерно следующее [4]:

1) время обратимо, так как в основе повествования лежит ретроспекция;

2) в тексте идёт соположение двух временных планов: времени, о котором пишут, и времени, в котором пишут;

3) важными чертами автобиографии становится открытость финала и незамкнутость жизнеописания, хотя первые временные границы (например, рождение) чётко установлены;

4) в повествовании описываются как единичные, так и повторяющиеся ситуации;

5) наблюдается сегментация времени по воле автора (сохраняется только часть фактов и событий прошлого, их последовательность может преобразовываться);

6) в качестве единиц времени служат не только ситуации, которые формируют линейную последовательность, но и картины воспоминаний, между которыми не всегда есть связь;

7) субъективность организации хронотопа проявляется и в зависимости точки отсчёта от воли автора;

8) личное биографическое время связано с историческим.

Казалось бы, что в повествовании от первого лица главной установкой является установка на достоверность. Ведь в самом начале своего произведения автор заключает с читателями «автобиографическое соглашение» (одно из важнейших условий жанра, которое в терминологии Ф. Лежена звучит как «автобиографический пакт»), в котором утверждает, что он будет писать правду [2]. Однако при этом заявленная установка на достоверность сопровождается субъективностью и неполнотой. Это объясняется в первую очередь ретроспективным способом рассмотрения своей жизни, а значит, особенностями человеческой памяти; ведь невозможно абсолютно точно вспомнить разговоры и события, которые имели место много лет (иногда и десятилетий) назад. По мнению В. В. Нурковой, «автобиографическая память не репродуктивна, а реконструктивна» [5, с. 23].

Таким образом, автобиография соединяет в себе документальность и фикциональность. Первая проявляется в использовании реальных фактов из жизни автора, определённых средств

документальности, таких как датирование, топонимы и другие. Вторая связана с тем, что «написание текста автобиографии – это не изложение на бумаге воспоминаний, а сам процесс создания автобиографического воспоминания. При написании автобиографии важно, **что** написано и **как** написано, что приближает автобиографию к художественным текстам» [9, с. 144]. Кроме того, человек не может познать себя до конца, понять себя как некую завершённую сущность, ведь уже сам процесс самопознания меняет его, перестраивает его «я».

Столь же проблематична и классификация видов автобиографической прозы. Как считают, например, И. Янская и В. Кардин, это «единственный жанр с амплитудой от высокохудожественных творений, не настаивающих на документальности... до произведений, насыщенных специальными сведениями, “почти научных”, и до интимных дневниковых записей» [12, с. 366]. Приведённое мнение даёт понять основные проблемы, с которыми сталкивается исследователь автобиографий: соотношение вымысла и факта, автор и формы его воплощения в тексте, документальные и художественные средства изображения.

Таким образом, автобиография как жанр имеет неоднозначный характер, совмещая многие, подчас противоположные особенности, что делает невозможным однозначную стандартизацию. Можно сделать обобщение, касающееся лишь типовой структуры этого жанра: автобиографические произведения чаще всего являются повествованием от первого лица и пишутся умудрёнными жизнью авторами (с целью самооправдания либо раскрытия истины), они начинаются с момента рождения, и уже в первых строках читатель узнает, что речь пойдет о жизни автора.

Список литературы

1. Лежен Ф. В защиту автобиографии. Эссе разных лет// Иностранная литература. 2000. № 4. С. 108–121.
2. Лежен Ф. Когда кончается литература?// Автобиографическая практика в России и во Франции / под ред. К. Вьолле, Е. Гречаной. М.: ИМЛИ РАН, 2006. С. 261–275.
3. Местергази Е. Г. Художественная словесность и реальность (документальное начало в отечественной литературе XX века): дис. ... д-ра филол. Наук: 10.01.08. М., 2008. 246 с.
4. Николина Н. А. Поэтика русской автобиографической прозы. М.: Флинта: Наука, 2002. 424 с.
5. Нуркова В. В. Свершенное продолжается: психология автобиографической памяти личности. М.: Изд-во УРАО, 2000. 320 с.
6. Нюбина Л. М. Воспоминание и текст. Смоленск: СГПУ, 2000. 161 с.
7. Нюбина Л. М. Человек вспоминающий// Человек. 2010. № 2. С. 107–114.
8. Петрышева О. В. Жанр портрета во французской мемуарной литературе XVII века: Т. де Рео, Рец, Сен-Симон: дис. ... канд. филол. Наук: 10.01.03. Нижний Новгород, 2008. 233 с.
9. Соловьёва И. В. Анализ автобиографии и биографии с точки зрения субъектной перспективы // Вопросы гуманитарных наук. 2009. № 6. С. 141–145.
10. Тартаковский А. Г. Мемуаристика как феномен культуры // Вопросы литературы. Январь-февраль 1999. С. 35–55.
11. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 574 с.
12. Янская И., Кардин В. Пределы достоверности: очерки документальной литературы. М.: Сов. писатель, 1981. 408 с.
13. Lejeune Ph. Der autobiographische Pakt. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1994. 431 с.

Статья поступила в редакцию 10 октября 2011 г.

УДК 821.161.1
ББК Ш5(2=Р)5

Г. А. Судоплатова
кандидат педагогических наук, доцент,
Бурятский государственный университет (г. Улан-Удэ, Россия),
e-mail: sudoplatovaga@gmail.com

Стилистические функции оксюморона в поэзии Марины Цветаевой

В статье автор останавливается на особенностях поэтического мировосприятия Марины Цветаевой, выделяя основное его свойство – противоречивость. Данное свойство определило особенность языка поэта – активное использование оксюморона, способного передать сложность мировосприятия поэта. В статье охарактеризована лингвистическая природа оксюморона, рассмотрены его стилистические функции в поэтических текстах М. Цветаевой: 1) оксюморон позволяет подчеркнуть необычность лирического героя, сложность его мироощущения; 2) передаёт противоречивое отношение к миру; 3) с помощью оксюморона поэт показывает сложность взаимоотношений героев; 4) оксюморон способен показать тончайшую душевную организацию лирического героя, выразить душевные терзания; 5) оксюморон – средство выражения мыслей поэта о мире, судьбе России, предназначении человека. Материалы статьи могут быть использованы на занятиях по стилистике русского языка, а также в спецкурсах, посвящённых изучению особенностей языка поэтических текстов.

Ключевые слова: оксюморон, Марина Цветаева, стилистика, поэтический текст.

G. A. Sudoplatova
Candidate of Pedagogy, associate professor,
Buryat State University (Ulan-Ude, Russia),
e-mail: sudoplatovaga@gmail.com

Stylistic Functions of Oxymoron in Marina Tsvetaeva's Poetry

The article is devoted to the characteristics of Marina Tsvetaeva's perception of the world, highlighting its main feature – inconsistency. This feature defines the poetess's language. She often uses oxymoron which conveys the complexity of her world view. The author characterizes the linguistic nature of oxymoron, its stylistic functions in Tsvetaeva's poetic texts: 1) oxymoron emphasizes the lyrical hero's individuality, the complexity of her perception; 2) oxymoron expresses inconsistent attitude to the world; 3) oxymoron shows tense relationships between the characters; 4) oxymoron can express the character's most subtle feelings and emotions; 5) oxymoron is the poet's way to express her thoughts about the world, the fate of Russia, man's mission. The materials of this article can be used at the lessons of Russian stylistics, as well as special courses devoted to the study of the language of poetic texts.

Keywords: oxymoron, Marina Tsvetaeva, stylistics, poetic text.

Наука о риторических фигурах восходит к древнегреческой риторике и насчитывает тысячелетия своего существования, однако и в XXI в. она не потеряла своей актуальности. Так, не решённым в лингвистике остаётся вопрос о разграничении понятий «риторический приём» и «риторическая фигура», нет единой, общепринятой классификации риторических фигур, не до конца изученными являются их стилистические функции, особенно в контексте авторской модели мира и др.

Стилистические функции риторической фигуры оксюморона, так часто используемого

в творчестве Мариной Цветаевой, отличаются своеобразием и как нельзя лучше передают тонкую поэтическую натуру поэта.

Известно, что Марина Цветаева – как все поэты своего времени, «своего» серебряного века – противопоставила себя миру, с одной стороны, затхлому и косному, изнывающему от скуки застою, а с другой – начинающему рушиться от всеобщего безумия. Исследователи её творчества отмечают, что поэтическая индивидуальность Марины Цветаевой многолика, мироощущение противоречиво, судьба глубоко трагична; она была романтиком-максималистом, человеком крайностей. Люди, подобные М. Цветае-

вой – это люди «с неприспособленной к миру психикой, вечно несчастные этой своей неприспособленностью; в их душе неистребимо живет сознательное или бессознательное представление о мире таком, каким он должен быть и каков он не есть; и чувства их улавливают в мире лишь те черты, которыми он уклоняется от этого идеального образа» [3, с. 30].

Илья Эренбург, хорошо знавший поэта в молодости, писал: «Марина Цветаева совмещала в себе старомодную устойчивость и бунтарство, пиетет перед гармонией и любовью к душевному косноязычию, предельную гордость и предельную простоту. Её жизнь была клубком «прозрений и ошибок» [6, с. 712].

Особенность мироощущения определила особенность языка поэтических текстов Марины Цветаевой: в них преобладают риторические фигуры контраста, прежде всего оксюморон.

Законченной и общепринятой теории оксюморона, как известно, не существует. В традиционном понимании – это фигура, «состоящая в соединении двух понятий, противоречащих друг другу, логически исключающих одно другое» [2, с. 175] и основанная на словосочетании. Оксюморон строится на всех видах подчинения:

а) согласовании: *Наступило вечное мгновение.* (Блок);

б) управлении: *Ты, меня любивший фальшью Истины – и правдой лжи.* (Цветаева);

в) примыкании: *Нагло скромн дикий взор!* (Блок).

Однако, по мнению ряда учёных, «оксюморонные отношения могут возникать и между словами или словосочетаниями а) сочиненными, б) соподчиненными, в) словами, входящими в предикативные отношения» [4, с. 196]. Например:

а) *Моя безбожная Россия,*

Священная моя страна! (И. Северянин);

б) *Виноваты ль мы, коль хрустнет ваш скелет*

В тяжёлых, нежных наших лапах? (А. Блок);

в) *Воистину этот мертвец более живой, чем тысячи людей...* (Д. Мережковский).

В таком понимании оксюморон часто отождествляется с антитезой (например, у Л. А. Матвиевской). Убедительные принципы разграничения оксюморона и антитезы были предложены В. П. Москвиным. Он выделил три критерия разграничения оксюморона и антитезы:

1. Смысловый критерий. Антитеза противопоставляет разные объекты. Сам *толст*, его ар-

тисты *тощи* (Грибоедов). Оксюморон же приписывает противоположные качества одному предмету или явлению.

2. Трансформационный критерий. В случае принадлежности анализируемого сочетания слов к разряду оксюморонных сочинительная связь легко может быть заменена подчинительной: *могучая и бессильная Русь – могучая в своём бессилии Русь, могучее бессилие Руси*. Возможность трансформации говорит о том, что перед нами не антитеза, а оксюморон.

3. Подстановочный критерий. Конструкции, содержащие оксюморон, имеют противительное-уступительное значение, отсюда – возможность подставки слов (частиц и устойчивых предложно-падежных сочетаний) с этим значением, таких, как: *тем не менее, вместе с тем, в то же время, при этом, все же, все-таки и др.*: *могучая и бессильная Русь – могучая и в то же время бессильная Русь* [1].

Таким образом, оксюморон представляет собой риторическую фигуру, основанную как на подчинительной, так и на сочинительной связи противоположенных по смыслу слов.

Интересными, не до конца исследованными являются основные стилистические функции оксюморона в поэтических текстах Марины Цветаевой:

1. **Оксюморон позволяет подчеркнуть необычность лирического героя, сложность его мироощущения:**

Мой день беспутен и нелеп:

У нищего прошу на хлеб,

Богатому даю на бедность,

В иголку продеваю луч,

Грабителю вручаю ключ,

Белилами румяню бледность...

Особенность данного примера состоит в том, что автор использует сразу 4 оксюморона, хотя в силу особой его выразительности поэты, как правило, используют в тексте не более одного:

1) *у нищего прошу на хлеб,*

2) *богатому даю на бедность,*

3) *грабителю вручаю ключ,*

4) *белилами румяню бледность.*

Такая конструкция позволила подчеркнуть особенность лирической героини, она – «белая ворона», её жизнь не укладывается в обычные рамки, но иначе жить она не может, поэтому её день «беспутен и нелеп».

В следующем примере перед нами сложный по структуре оксюморон-предложение, вызывающий у читателя определенные ассоциации: покойника с пятаками на глазах. Естественно,

что глаза у него должны быть окаменелые, неподвижные. А глаза героини, напротив, при этом остаются подвижными, как пламя, и значит, живыми, горячими. Это также позволяет передать необычность героини, ее избранность:

*Настанет день – печальный, говорят! –
Отцарствуют, оплачут, отгорят, –
Остужены чужими пятаками, –
Мои глаза, подвижные, как пламя.*

2. Оксюморон способен отразить противоречивое отношение лирического героя к миру, разлад с ним. Например:

*Мне и тогда на земле
Не было места,
Мне и тогда на земле
Всюду был дом.*

Цитируемый фрагмент полностью построен на оксюморе, который в сочетании с синтаксическим параллелизмом помогает понять сложность отношений героини с миром.

Уникальный случай использования Мариной Цветаевой оксюморонных конструкций видим в примере:

*Коли в землю солдаты всадили – штык,
Коли красною тряпкой затмили – Лик,
Коли Бог под ударами – глух и нем,
Коль на Пасху народ не пустили в Кремль –
Надо бражникам старым засесть на холст,
Рыбам – петь, бабам – умствовать, птицам – ползть,
Конь на всаднике должен скакать верхом,
Новорожденных надо поить вином,
Реки – жечь, мертвецов выносить в окно,
Солнце красное в полночь восходить должно,
Имя суженой должен забыть жених,
Государыням нужно любить – простых.*

Как видим, все оксюмороны построены по принципу разрушения:

а) логических связей в жизни (конь на всаднике должен скакать верхом);

б) существующих представлений людей о мире (новорожденных надо поить вином, бабам – умствовать, мёртвых выносить в окно, имя суженой должен забыть жених, государыням нужно любить – простых);

в) физических свойств окружающего мира (красное солнце в полночь восходить должно, рыбам – петь, птицам – ползть, реки – жечь).

Данное стихотворение написано в 1918 г., когда рушится привычная жизнь, все поставлено с ног на голову. И оксюмороны, разрушающие привычные представления о мире, как нельзя лучше передают чувства человека, который видит происходящее, – и увиденное пугает его.

3. С помощью оксюморонных конструкций поэт показывает сложность взаимоотношений героев:

*Это чувство сладчайшим недугом
Наши души терзало и жгло.
Оттого тебя чувствовать другом
Мне порою до слёз тяжело.
От тебя, утомленный анатом,
Я познала сладчайшее зло.
Оттого тебя чувствовать братом
Мне порою до слёз тяжело.*

В этом фрагменте оксюмороны «сладчайшим недугом», «сладчайшее зло» (традиционные по структуре) передают чувство, которое испытывает героиня к любимому человеку: любовь, как и сама героиня, полна противоречий. Эту же функцию выполняет оксюморон «мне сладко, что мы врозь» в тексте:

*Никто ничего не отнял –
Мне сладостно, что мы врозь!
Целую вас через сотни
Разъединяющих верст.*

В следующем примере оксюморон «руку, бьющую меня, целую» передаёт не только сложность взаимоотношений героев, но и выражает идею христианского смирения, любви как самопожертвования:

*Ты этого хотел. – Так. – Аллилуйя.
Я руку, бьющую меня, целую.
В грудь оттолкнувшую – к груди тяну,
Чтоб, удивясь, прослушал – тишину.*

4. Оксюморон способен показать тончайшую душевную организацию лирического героя, выразить его душевные терзания:

*Не от свеч, от ламп чернота зажглась, –
От бессонных глаз...
Крик разлук и встреч
Ты, окно в ночи!
Может, сотни свеч,
Может, три свечи...
Нет и нет уму
Моему покоя.
– И в моем доме
завелось такое.*

В основе данного фрагмента лежит оксюморон «чернота зажглась», который в сочетании с антитезой (разлук – встреч, сотни свеч – три свечи) и метафорой (крик разлук и встреч) позволяет передать состояние лирической героини в результате мучительных встреч и разлук, раздумий.

В приведённом ниже тексте Марина Цветаева использует оксюморон «никто тебе не пара, и бросайся каждому на грудь», чтобы сказать о

невозможности идеальной любви и трагической обреченности женщины на одиночество и вечные, но бесполезные поиски возлюбленного:

*Знай одно: что завтра будешь старой,
Пей вино, правь тройкой, пой у яра,
Синеокою цыганкой будь.
Знай одно: никто тебе не пара,
И бросайся каждому на грудь.*

5. Оксюморон – средство выражения мыслей поэта о мире, о судьбе России, о русском человеке, его предназначении:

*И вот, навьючив на верблюжий горб,
На добрый – стопудовую заботу,
Отправимся – верблюд смирен и горд –
Справлять неисправимую работу.
Под тёмной тяжестью верблюжьих тел
Мечтать о Ниле, радоваться луже,
Как господин и как господь велел –
Нести свой крест по-божьи, по-верблюжьи.*

Перед нами поэтический текст – метафора, где образ верблюда символизирует судьбу рус-

ского человека, его умение радоваться малому, смиренно принимать жизненные испытания. А оксюморон «справлять неисправимую работу» очень точно показывает такую национальную черту русского народа, как великое долготерпение и особую способность делать невозможное.

Предельная напряженность переживания своего «я», постижение мира во всех его проявлениях, одновременно и приятие, и неприятие его, соответственно, сложность её отношений с людьми – всё это предопределяет стремление Марины Цветаевой к переосмыслению традиционных жизненных ситуаций, к игре на контрастах. Как следствие этого, одной из особенностей изображения поэтом мира становится оксюморонность. Как поэт-романтик, Марина Цветаева постоянно находится в поисках новых возможностей языка и создает оригинальные, запоминающиеся оксюмороны, что позволяет ей решать сложные эстетические задачи.

Список литературы

1. Москвин В. П. Антитеза или оксюморон? // Русский язык в школе. 2000. № 2. С. 92–93.
2. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М. : Просвещение, 1985. 399 с.
3. Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в языке: язык и мышление. М. : Наука, 1988. 244 с.
4. Цветаева М. И. Стихотворения. Поэмы. Драматические произведения. М. : Художественная литература, 1990. 398 с.
5. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты / под ред. А. П. Сковородникова. М. : Флинта ; Наука, 2005. 480 с.
6. Эренбург И. Г. Поэзия Марины Цветаевой // Литературная Москва. 1956. № 2. С. 709–714.

Статья поступила в редакцию 30 ноября 2011 г.

УДК 800.1(082)
ББК 81.2

М. Троицки-Шефер

*аспирант, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского (г. Кассель, Германия),
e-mail: mtroitskiy@gmx.de*

**Живые языковые процессы в романе Р. Сенчина «Елтышевы»
(на фоне немецкого языка)**

В статье даётся описание средств живого языка писателя Р. Сенчина на примере романа «Елтышевы», указывается общая тенденция стилистики и языка современной художественной прозы, даются конкретные примеры из романа «Елтышевы», делается предположение о возможностях передачи этих языковых особенностей на фоне немецкого языка. Автор анализирует важнейшие языковые процессы, характерные для современной русской прозы, среди которых грамматические сдвиги (субстантивация, синтаксические сдвиги), графическая маркированность. Важное место в романе занимает употребление разговорной, а также детской речи. Автор статьи приходит к выводу, что главным для передачи авторского стиля является осознание переводчиком важности словесной материи романа. Языковые процессы, происходящие в языке современной русской прозы, не всегда можно точно перевести на другой язык, поэтому некоторые элементы индивидуально-авторской картины мира теряются.

Ключевые слова: современная русская проза, Р. Сенчин, стилистика текста, перевод, немецкий язык.

M. Troitski-Schaefer

*graduate student, Zabaikalsky State Humanitarian Pedagogical University
named after N. G. Chernyshevsky (Kassel, Germany),
e-mail: mtroitskiy@gmx.de*

**Living Language Processes in R. Senchin's Novel *The Yeltyshevs*
(in the background of the German Language)**

The paper describes the means of rendering the living language in R. Senchin's novel *The Yeltyshevs*, analyzes the general tendency of the stylistics and the language of modern prose illustrated by concrete examples from the novel *The Yeltyshevs*, and suggests possible ways to render these linguistic peculiarities in the German language. The author analyzes the major language processes of modern Russian prose, including grammatical shifts (substantivization, syntactical shifts), and graphic marking. The use of colloquial and children's speech plays an important role in the novel. The author concludes that the main translator's aim in rendering the author's style is his comprehension of the verbal matter of the novel. The language processes occurring in the language of modern Russian prose cannot be always precisely translated into another language; therefore, some elements of the author's individual world view are lost in translation.

Keywords: modern Russian prose, R. Senchin, text stylistics, translation, German language.

В данной статье мы попытаемся описать живой язык романа Сенчина «Елтышевы» с точки зрения стилистики текста, а также предположить, как и какие языковые изменения, сдвиги и особенности индивидуального стиля писателя возможно передать в переводе. Поскольку перевод «Елтышевых» ещё не осуществлён, мы будем опираться на лингвистические возможности современного немецкого языка.

Для начала обратимся к самому автору. Роман Валерьевич Сенчин – писатель, литературный критик, редактор газеты «Литературная

Россия» – знает не понаслышке о сложностях и проблемах современной русской деревни. Его жизненный путь начался в Туве, откуда семья вынуждена была уехать по национальным причинам в Красноярский край, где будущий литератор пытался стать фермером. В 1995 г. появляются первые рассказы Р. Сенчина. После окончания Литературного института им. А. М. Горького Р. Сенчин становится постоянным автором ведущих литературных журналов «Знамя», «Новый мир» и др. Появляются романы «Минус», «Елтышевы», «Нубук», повести,

сборники рассказов «Абсолютное соло», «День без числа», «Иджим». Роман «Елтышевы» вошёл в шорт-листы престижных литературных премий: «Большая книга», «Русский букер», «Ясная Поляна», «Национальный бестселлер». Р. Сенчина причисляют к направлению «новый реализм» [5].

Роман Р. Сенчина «Елтышевы», появившийся в 2009 г. и не переведенный пока на немецкий язык, вызывает живой интерес и соучастие к героям простой семьи милиционера и библиотекаря. Обращает на себя внимание язык автора, который можно назвать «живым». Сам автор в интервью З. Прилепину говорит в том числе и о том, что он пишет про маленьких людей, которые очень индивидуальны, особенны. С другой стороны, Р. Сенчин говорит о том, что важны не столько герои, сколько сам текст. Это можно напрямую связать с «живостью» этого романа, который, как и многие другие произведения словесности, документируют и передают оттенки эпохи начала нового тысячелетия, а следовательно, и новой языковой эпохи.

В. Бабицкая в своей рецензии причисляет роман к направлению «новый реализм», который, «надо отдать должное, действительно очищает текст от сознательных литературных штампов», и тут же критикует текст как не «литературное поле», называя его «хроникой», «домовой книгой», «журналом жертв кораблекрушения» [2].

Для анализа текста художественного произведения можно использовать термины, являющиеся актуальными в современной стилистике и используемые в диссертационных исследованиях. Например, в диссертационном исследовании А. В. Ивановой [3] используются понятия «языковая композиция», «ткань повествования». А. В. Иванова отмечает, что «своеобразие языка» писателя выражается в изменении содержания литературного произведения и особенностью использования языковых средств.

Художественные тексты постоянно развиваются, живут своей особой жизнью. Это же можно сказать и об анализируемом материале романа.

Слово художественного произведения живёт в мире, оно не ограничивается предложением или даже целым текстом. Кроме того, важны межтекстовые связи. Например, сюжет романа связан с его другим романом «Минус», а также с биографией самого писателя.

Очевидно, главной стилиевой особенностью романа «Елтышевы» является разговорный стиль. Автор часто обращается к разговорным

словам: «взяли «Москвич» (вместо «купили», «приобрели»). Можно привести много других примеров.

Если говорить о живости языка этого романа, нужно отметить, как верно определяют словари, то, что язык произведения живет, – это отличает его от языка мёртвого, как, например, латинского. В живом языке происходят живые процессы. Так, например, при описании жизненных позиций главного героя – отца семьи Елтышева – употребляется возвратная форма глагола «будешь вознаграждаться» [6, с. 1], как будто вознаграждение зависит только от самого человека и происходит пассивно. Сиди тихо – и дано будет: таково «жизненное кредо» главного героя. Его и героем назвать можно лишь с натяжкой. Пассивность отличает его жизненную позицию. В конце романа он становится сыноубийцей, продавцом спирта и, наконец, спивается и умирает.

Специальность Елтышева-старшего, «мента», отражается лексикой с разнообразной стилистической окраской. Так, будучи выпившим, как это часто водилось у дежурных сотрудников вытрезвителя, они находились «подшофе», то есть слегка навеселе. Данное слово использовал ещё М. Е. Салтыков-Щедрин как заимствование из французского языка, которое означает «разгоряченный», «возбужденный» [7]. «Обезьянник», в который попадали алкоголики или скорее перебравшие этого зелья, передаётся именно этим просторечным и жаргонным словом, а «врачиха» дополняет колорит заведения. Грубопросторечные слова и выражения «Быть в отрубе», «дежурка» поддерживаются грубыми, сниженными словами («подзаборник-обоссанец», «бичара») [6]. Приведём некоторые другие жаргонные слова и выражения: «реально пьяный вусмерть богатеи», «блатная должность», «нормал», «накатим трофейной», «в полном отрубе», «катать заявы», сокращение «старлей» вместо старшего лейтенанта.

Часто используется такой языковой процесс, как субстантивация: «Подвозили новых, новых. Грязных и чистеньких, невменяемых и на вид почти трезвых, агрессивных и тихих» [6, с. 5], как будто речь идёт не о личностях и людях, а об объектах для вытрезвления. Неважно, кто они – эти «новые», «грязные» и «чистенькие», а впоследствии – «недавние недовольные», субстантивация в этом случае приводит к обезличиванию.

По мнению Г. Д. Ахметовой [1], явление субстантивации можно рассматривать как ког-

нитивный сдвиг, чему в романе «Елтышевы» находятся подтверждения. Например, «свои» делят денежный куш, нелегально полученный в результате изъятия денежной наличности у вытрезвляемых. Субстантивированным словом «этот» показывается пренебрежительность мыслей Николая Елтышева о жертве, из которой «сделал клоуна» младший сын. «Уважаемый» в обращении сотрудника вытрезвителя к его подопечному ярко и колоритно передает тон миллицейского участка.

Графическая маркированность текста – это также один из языковых процессов. Графический словесный ряд, композиционно совмещаясь с другими словесными рядами, формирует языковую композицию. Так, в кавычки берутся некоторые разговорные штампы: «заняться делом», «вступить в долю». Как будто автор хочет показать неспособность отца семейства заниматься такими новыми на момент действия романа занятиями. Другое частое использование разделительного дефиса для передачи манеры говора говорившего, например: «с-слушай», «да-авай» и фонетическая передача вставок «э» – выражающее неуважительное отражение к «клиенту» вытрезвителя. «Здоро-ов ты» – передает удивление размерами тела Николая «Михалыча» Елтышева коллегами. «Во-ды! Во-ды!» точно передает скандирование заточённых в вытрезвитель людей.

Ещё одно графическое использование круглых скобок в тексте можно понять как размышление или отступление в рассказе от имени автора-рассказчика: «Сержант Ионов, звеня ключами на большом кольце, открывал двери, желающие выходили в коридор, и их отводили в крошечную – метра четыре квадратных – комнатушку с большой батареей-змеевиком, прутьями под потолком (сушилка, что ли, когда-то была)» [6, с. 6]. Тут же встречается и субстантивированное «желающие».

Искусно передаётся автором детская речь: так последний потомок рода Елтышевых, сын Артёма, которого видит в последней сцене Валентина, его бабушка, не выговаривает ещё многих звуков, в данном случае автор отображает особенность детской речи фонематически: «– Я – Одион Пегъунин, – твёрдо отвел мальчик. – Живу – улица Заецьная, дом семь...» [6, с. 102].

Повторы-рефрены – это тоже принцип построения текста. Частое повторение слов «раздражать», «раздражение» можно встретить в одном абзаце: они встречаются порядка семи

раз, одно за другим. Тут же оживает и квартира, «съезжившаяся от вещей и выросших сыновей и располневшей жены» [6, с. 12] и раздражающая героя, а мысль «прокалывает». Метафорическое «застарело уставший» как нельзя точно передаёт состояние героя. Для стиля Р. Сенчина не свойственно увлечение метафорами, но если они есть, то всегда очень точные.

Синтаксические сдвиги можно увидеть, например, в изменении порядка слова. Так, выражение «борьбой занимался без правил» [6, с. 5] передаёт разговорность, акцентирует смысловой подтекст.

Тяжела судьба Валентины, матери и жены. Неполными предложениями как будто чеканится её отмеренная, неуклюжая и несчастная жизнь: «Полвека позади. В общем-то, вся женская жизнь. Впереди – старость» [6, с. 6]. После смертей обоих сыновей и мужа Валентина как бы существует, а не живет, она больна, никому не нужна, ни с кем не общается, и никто ей не сможет помочь. Семантическая безличность предложений, с отсутствующим грамматическим субъектом подчёркивает монотонность и неинтересность её существования: «Утром выволакивает на улицу, вечером заволакивает обратно во двор» лавочку [6, с. 97].

Прошедшее время, внезапно перемежающееся с настоящим, помогает ощутить всю безысходность бытия этой немолодой женщины, причисленной автором уже как бы к старухам: «Спирт Валентина Викторовна не продает – ей, кажется, ничего уже не надо» [6, с. 98]. Здесь как бы передаётся смешение прошлого и будущего в сознании героини. Тем не менее судьба в лице автора дарит Валентине «жизнь», она, последняя, умирая, видит внука, которого не хотела признавать, продолжателя этого вымирающего рода Елтышевых.

То же происходит, как в унисон, и с деревней, она – «сонная, бедная, словно бы готовая вот-вот превратиться в горки трухи, исчезнуть, но каким-то чудом продолжающая существовать» [6, с. 98]. Как пишет один из читателей романа на сайте для читателей: в романе показывается не развал деревни, здесь показывается продукт деревни, продукт советской эпохи – Елтышевы. Они не представляют собой деревню, они видят только весь ужас этой деревни. Елтышевы – паразиты, бесцельные люди без морали, может быть, поэтому их никому не жаль. Многие критики, по мнению читателя, видят в романе гибель деревни, но это не так, потому что этот извращенный взгляд не может соответствовать

реальности ситуации: «Только вот не стОит распространять этот термин до масштабов национальных метафор. Это – не народ. Это – не деревня. Деревня рядом, но Елтышевы смотрят на неё сквозь призму ужаса и отчаяния брошенных пастухом овец. И видят только грязь, развалины, алкоголиков, нищету и беспросветность. И, разумеется, вся эта благодать тут же к ним пристаёт как банный лист» [8].

Делая выводы, нельзя не согласиться с мнением Г. Д. Ахметовой, что изменения и сдвиги – «это отражение и продолжение самых древних языковых традиций; с другой же стороны – это свидетельство дальнейшего развития языка, его динамичности, модификации, его живой жизни» [1, с. 49].

Наконец, обратимся к возможностям перевода данного романа на немецкий язык. В 2003 г. на немецкий язык переводчиком Ульрике Цемме был переведён другой роман Р. Сенчина – «Минус» [10]. Как пишет один из критиков, Г. Реллер, «дебютный роман Сенчина оставляет позади привычные формы постсоветской литературы (Сорокин, Пелевин, Ерофеев...) и рассказывает естественно и иронично, безжалостно, но и с пониманием о (лишних?) людях из суровой и убогой провинции. Минус – это сильно заставляющий задуматься отчёт о сибирском «потерянном поколении» – без денег, но с продуктовыми карточками (примерно 1996 г.), с призрачным будущим, но с большим количеством намерений...» [9] (перевод – М. Т. -Ш.). Таким образом, можно предположить, что роман «Минус» был воспринят критиками на должном уровне, что наверняка не в последнюю очередь заслуга переводчика и корректно переданного живого слова автора в переложении на немецкий язык.

В переводе романа «Елтышевы» на немецкий язык можно предположить сложности в переносе всех особенностей языка и стиля автора на другой язык, которые коренятся в различиях грамматических структур, стилистических средств и нюансах двух языков. Ещё В. Набоков в статье о переводе предостерегает от трёх «грехов» перевода: неглубокое знание языка, сознательное выпущение слов или абзацев переводчиком из оригинала и «полировка» или «приглаживание» текста переводчиком [4].

Думается, что перевод романа «Елтышевы» будет сопряжён с переносом стилистических особенностей разговорности романа. Так, например, возможно предположить перенятие графических средств на язык перевода, как наи-

более «простых» способов передачи живого языка оригинального текста. Безусловно, следует перенести послоговое или звуковое деление через дефисное написание слов в прямой речи («с-слушай», «да-авай») в соответствии с ритмом. По всему, возможна и передача скобок в авторской речи, а также кавычек.

Также несложной, с одной стороны, представляется передача субстантивации: немецкий язык с достаточной простотой переводит прилагательные в разряд существительных. Написание со строчной буквы и наличие артикля позволяют более просто, чем в русском языке, обратить внимание на то, что данная лексическая единица используется как существительное. Но, например, сокращённое и разговорное «старлей», скорее всего, не найдёт отражения в переводе.

Сложным можно предположить передачу «культурно-привязанных» слов, характерных и известных носителю русского языка или человеку, приобщённому к русской культуре. Так, сложно представить полноценный перевод лексики из жаргонно-разговорного словаря действующих лиц, например всего, что связано с вытрезвителем. Само понятие «вытрезвитель» как «заведение для вытрезвления», или «камера для вытрезвления» (нем. *Ausnüchterungsanstalt*, *Ausnüchterungszelle*) имеется только в полицейском участке и не может нести смысловой нагрузки, какая имеет место быть в обиходе россиянина. Ещё сложнее представляется перевод жаргонизмов и просторечных оборотов, например, «обезьянник», «врачиха», «бичара». Следует использовать приближённые значения в сниженной и жаргонной лексике немецкого языка. Прямые переводы или, тем более, аллитерации, не будут, на наш взгляд, нести смысла, заложенного автором. Возможно, оснащение текста сносками, где будет объясняться смысловая нагрузка, например, слова «обезьянник» или «вытрезвитель», компенсирует эти стилистические потери перевода.

Непростая задача будет стоять перед переводчиком при изменении порядка слов в предложении, поскольку, как известно, немецкий язык обладает особо строгим порядком слов и синтаксисом, где предикат закреплён на второй позиции, как в простом предложении. Кроме того, при предикате из более чем одного слова (временные формы, модальные глаголы с инфинитивом) необходимо соблюдать так называемую рамочную конструкцию: то есть если предикат, к примеру, закреплён на втором и послед-

нем месте в предложении. Здесь, в сравнении с русским языком, нарушение строя предложения может повлечь за собой непонимание смысла читателем, а следовательно, практически исключается. Тем не менее в случае «борьбой занимался без правил» [6, с. 5] возможно вынесение «без правил» за рамку предиката.

Неполные предложения с отсутствующим субъектом или предикатом возможно довольно просто передать и в немецком, однако беспредикатные предложения могут передаваться легче, в то время как безличные, бессубъектные предложения перевести сложнее. Это можно пояснить использованием безличного местоимения „es“, например, при передаче погодных условий. Таким образом, передача предложения в авторском стиле «Утром выволакивает на улицу, вечером заволакивает обратно во двор» [6, с. 97] сложнее передать в немецком эквиваленте. Здесь можно предположить использование инфини-

тива как безличной конструкции и подспудного смысла монотонности и безличности действий Валентины Елтышевой.

Однако же, если это прямая речь, а из контекста понятно, о ком идёт речь, то тогда передача бессубъектного варианта так же не представляется особой трудностью. Например: «Высохла вся, прям тростинка» [6, с. 99]. Речь идёт о женщине, сватье Елтышевых.

Резюмируя вышесказанное, хочется отметить, что трудности, с которыми по всей вероятности будет сталкиваться переводчик в ходе работы над переводом романа «Елтышевы», достаточно предсказуемы. Главным для передачи авторского стиля является осознание переводчиком важности словесной материи романа. Языковые процессы, происходящие в языке современной русской прозы, не всегда можно точно перевести на другой язык, следовательно, какие-то элементы индивидуально-авторской картины мира, конечно, теряются.

Список литературы

1. Ахметова Г. Д. Субстантивация как семантико-грамматический и когнитивный сдвиг // Образ мира в зеркале языка : сб. науч. ст. / отв. соред. В. В. Колесов, М. Влад. Пименова, В. И. Теркулов. М. : ФЛИНТА, 2011. 567 с. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 1). С. 48–56.
2. Бабицкая В. Рецензия. Роман Сенчин. Елтышевы. // OpenSpace.ru. URL : <http://www.openspace.ru/literature/events/details/13741/> (дата обращения : 20.11.2011).
3. Иванова А. В. Субъективация повествования (на материале прозы Владимира Маканина) : дис. ... канд. филол. наук. Чита : Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т, 2008. 185 с.
4. Набоков В. В. Искусство перевода // www.langust.ru. URL : <http://www.langust.ru/etc/transart.shtml> (дата обращения : 29.11.2011).
5. Сенчин Р. В. // Википедия. URL : http://ru.wikipedia.org/wiki/сенчин,_роман_валерьевич (дата обращения : 20.11.2011).
6. Сенчин Р. В. Елтышевы. 102 с. // www.livelib.ru URL : <http://www.livelib.ru/book/1000327279> (дата обращения : 20.08.2011).
7. Словарь Ушакова // Яндекс словари. URL : <http://slovari.yandex.ru/> (дата обращения : 10.11.2011).
8. Форум романа «Елтышевы». URL : <http://eliz-emelyanowa2012.narod2.ru/> (дата обращения 10.11.2011)
9. Gisela Reller. Belletristik // Rezensionen. URL : <http://www.reller-rezensionen.de/> (дата обращения : 29.11.2011).
10. Sencin, Roman. Minus. Aus dem Russischen von Ulrike Zemme. Koeln: DuMont. 2003. 318 S.

Статья поступила в редакцию 30 ноября 2011 г.

УДК [811.111(73):821.111(73)-31Набоков В. В.](045)
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8Набоков В. А. +2Рус-5

И. В. Труфанова

доктор филологических наук, доцент,
Московский институт открытого образования (г. Москва, Россия),
e-mail: illokucia1@rambler.ru

О нескольких мультиязычных каламбурах в романе В. В. Набокова «Отчаяние»

В романе В. В. Набокова «Отчаяние» находим отсылки к солярным мифам об Икаре, Фэ-тоне, Беллерофонте, Сизифе. Мифы не пересказываются в романе, а преподносятся через посредство мультиязычных каламбуров. В. В. Набоков обращается к ним в поисках ответа на вопрос о сущности искусства и утверждает, что оно призвано пробудить духовно спящего человека. Автор приходит к выводу, что химера олицетворяет у В. В. Набокова художественное творчество, понимание смысла которого было основной темой произведений писателя. Художник стремится к недостижимому совершенству и достигает его. Писатель раздвигает для читателей границы дозволенного и вновь, подобно Сизифу, катит в гору камень-солнце нового художественного произведения, чтобы пробудить духовно спящего человека, чтобы обрести самого себя.

Ключевые слова: анаграмма, мультиязычный каламбур, лабиринт, В. В. Набоков, «Отчаяние».

I. V. Trufanova

Doctor of Philology, associate professor,
Moscow Institute of Open Education (Moscow, Russia),
e-mail: illokucia1@rambler.ru

Some Multilingual Puns in V. V. Nabokov's Novel *Despair*

V. V. Nabokov's novel *Despair* includes some references to solar myths about Icarus, Phaethon, Bellerophon, and Sisyphus. The myths are not retold in the novel; they are referred to through multilingual puns. V. V. Nabokov addresses them to answer the question about the nature of art and asserts that its purpose is to awaken spiritually dormant people. The author concludes that according to V. V. Nabokov, chimera personifies artistic creativity, the understanding of which was the main theme in the writer's works. The artist strives for unattainable perfection and achieves it. The writer expands the boundaries beyond the limits for his readers and once again, like Sisyphus rolls uphill a stone-sun of a new work of art to awaken the sleeping spirit of man to find himself.

Keywords: anagram, multilingual pun, labyrinth, V. V. Nabokov, *Despair*.

Мы уже писали о мультиязычных каламбурах в романе В. В. Набокова «Отчаяние» [15; 16; 18], однако некоторые из них не стали объектом лингвистического исследования в наших предыдущих публикациях. Понятие мультиязычных каламбуров применительно к языку произведений В. В. Набокова введено в лингвистический обиход А. М. Люксембургом, Г. Ф. Рахимкуловой [10]. Мультиязычный каламбур предполагает языковую игру, основанную на языковых единицах нескольких (не менее двух) этнических языков, при которой слово одного языка становится внутренней формой слов другого и каждое из них приобретает в романе мотивацию, несущую с собой дополнительные пласты содержания. Объектом нашего исследования являются анаграмматические [14] мультиязычные каламбуры.

Ардалиона, отъезжающего в Рим, приводит на перрон художник Керн, приветствуя Германа фразой: «Имел счастье с Вами встречаться в притонах Каира» [11, с. 479]. Эта, на первый взгляд, непонятная фраза отсылает читателей к мифу о зерне [15; 16], у египтян известному как миф об Озирисе, у древних греков как миф о Коре, или Персефоне [20]. Сет бросил ящик с телом убитого им Озириса в Нил в том месте, где стоит сейчас Каир. С именем Каир анаграмматически связаны Ир, Икар, Ка Ир, аир. Ка в древнеегипетском языке обозначало двойник [2]. Ир называли реку, протекающую в раю, сам рай так и называли у древних славян. Ка Ир – двойник райской реки, в таком случае Герман – изгнанник из рая, В. В. Ерофеев считает, что во всех произведениях В. В. Набокова имеет место

тоска персонажей по райскому саду, из которого они изгнаны [5]. В греческой мифологии Ир – один из персонажей «Одиссеи», попрошайка, вступивший в драку с Одиссеем, когда тот под видом нищего вернулся в родной дом, в переносном смысле – бедняк [1]. Ка Ир – двойник бедняка, именно такую маску придумывает для себя Герман. Аир – название болотного растения. Древний человек осознал бессмертие человеческого рода, проведя аналогию между собой и растением: умирание растений осенью и их возрождение весной привело человека к созданию мифов о Коре (Персефоне) и Озирисе, в которых воплотилось обретенное знание. Аир болотный, он же гавиар, игир, ир, ирный корень, касатик, касатник, косатик, лепёха, лепёшник, пишалка, татарник, татарский сабельник, татарское зелье, явр, в Китае кладут пучками листьев около кровати ежегодно в пятый день пятого месяца, помещают ветки аира по сторонам дверей и окон, чтобы он отгонял всякое зло, могущее войти в дом.

Икар (машина Германа) в древнегреческой мифологии – сын Дедала и рабыни Навкраты, известный своей необычной смертью. Чтобы спастись с острова Крит от раздражённого Миноса, мастер Дедал сделал для себя и сына крылья и советовал сыну не подниматься при полёте слишком высоко. Икар не послушался и приблизился слишком близко к Солнцу, лучи которого растопили воск, и Икар упал и утонул недалеко от острова Самос в море, которое и получило в этой части название Икарийского моря. Согласно греческому мифу, у Икара были крылья из перьев, прикрепленных воском к деревянной раме. Действия с Феликсом – Икар Германа. Феликс подписывается псевдонимом Воробей (ср.: перья). Слово *восковой* упоминается в «Отчаянии» два раза, и оба раза в связи с Феликсом.

*Пишущая машинка открыта. Тишина. На страничке моей записной книжки – адрес. Малограмотный почерк. Сквозь него я вижу наклонённый **восковой лоб** (жирный шрифт – И. Т.), грязное ухо, из петлицы висит головой вниз фиалка, с чёрным ногтем палец нажимает на мой серебряный карандаш [11, с. 430].*

*Я вылез из автомобиля и со стуком сильнее всякого выстрела захлопнул за собой дверь. И вдруг я заметил, что из-за спутанных прутьев куста, росшего в канаве, глядит на меня уса- тенький, **восковой**, довольно весёлый – Поста- вив одну ногу на подножку автомобиля и, как разгневанный тенор, хлеца себя по руке снятой*

перчаткой, я неподвижным взглядом уставился на Феликса. Неуверенно ухмыляясь, он вышел из канавы [11, с. 496].

Взлетевший и разбившийся потом о землю русский Икар – персонаж картины художника И. Глазунова, тема которой навеяна произведениями Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского. У Ф. М. Достоевского многократно изображаются ситуации искушения желанием полететь с горы, с колокольни [19, с. 16]. В. В. Набоков дважды пересказывает этот прецедентный текст в «Отчаянии». Первый раз он появляется при описании встречи Германа с двойником. «Я глядел, – и всё во мне как-то срывалось, летало с каких-то десятых этажей» [11, с. 400]. «Летало с десятых этажей» – отсылка к комбинаторным приращениям смысла к фразам *лететь с горы, лететь с колокольни, с крыши, на санках, в яму* у Ф. М. Достоевского, обозначающим делать что-либо как перед пропастью, могущее погубить делателя [19, с. 16]. Второй раз прецедентный текст *лететь с горы* появляется при описании отправки Феликсу последнего письма.

Затем отправившись к себе в контору, я на- стукал письмо Феликсу с подробными указания- ми, куда и когда явиться, приложил двадцать марок и вышел опять. Мне всегда трудно раз- жать пальцы, держащие письмо над щелью, – это вроде того, как прыгнуть в холодную воду или в воздух с парашютом, – и теперь мне было особенно трудно выпустить письмо, – я, пом- нится, переглотнул, зарябило под ложечкой, – и, всё ещё держа письмо в руке, я пошёл по ули- це, остановился у следующего ящика, и повто- рилась та же история [11, с. 472].

Хотя легенду об Икаре трактовали по-разному, в ней всегда видели символику возвы- шенных человеческих устремлений: Икар со- жжён любовью к прекрасному. Для французско- го поэта XIX в. Детуша Икар ассоциировался с «духом славы»: *Стремился он к небу, но море стало могилой. Есть ли лучшая участь? Есть ли дороже гробница?* А. Жид в «Тезее» называ- ет Икара «символом человеческой неудовлетво- ренности» и считает его образом правдоискате- ля, погибающего от той самой правды, которую он ищет [6].

В древнегреческой мифологии есть ещё один персонаж, погибший от своего стремления к солнцу, – Фазтон. Нарастание роли солярных мифов происходит в обществах, имеющих раз- витый аппарат власти и достаточно продвину- тую технологию (обработку металлов, исполь- зование колёсных повозок, запряжённых коня-

ми). Это имя в «Отчаянии» не упоминается и не анаграммируется, но одиннадцать раз упоминаются кони или повозки. В колесницу Гелиоса, которой не смог управлять Фазтон, впряжены белые кони. Герман перед первой встречей с Феликсом дважды видит белую лошадь, вначале её вываживает солдат у подножия горы, на которой встреча произойдёт, затем он видит её крохотной со склона горы [11, с. 399]. Кроме того, в это же примерно время он обращает внимание на телегу, едущую навстречу грузовику [11, с. 399]. День первого знакомства ветренный: *продувной, голубой, в яблоках* [11, с. 399]; *вздрагивающий от ветра, как вздрагивает лошадиная кожа* [11, с. 402]. В яблоках бывают кони, а не дни. Отправив Феликсу письмо с приглашением встретиться, Герман смотрит, как лист, падающий на воду, встречается со своим отражением, своим двойником; его жена Лида при этом обращает внимание на верховых [11, с. 434]. Свидание с Феликсом назначено на пять вечера первого октября в Тарнице, у *бронзового всадника* [11, с. 432]. Эта встреча произошла через пять месяцев после первого знакомства в Праге. Феликс опоздал на встречу, он пришёл в начале шестого. На следующее утро у Германа остановились часы, он обнаружил это примерно в пять, в половине шестого утра. Рассказывая Феликсу выдуманную историю о своём детстве, Герман сообщает, что вырос в саду роз, и замечает, что *розам дают такие же звонкие названия, как скаковым лошадям* [11, с. 446]. Не только в связи с Германом и Феликсом появляются в «Отчаянии» упоминания о лошадях, один раз такое упоминание связано с Ардалионом: Лида загадывает шараду, отгадкой которой должно стать его имя, но при этом путает орду (множество людей) с арбой, на что Ардалион делает ей замечание [11, с. 460]. Герман долго не решается получить письмо, пришедшее от Феликса, даже на почте он медлит, делает вид, что ему нужно что-то написать на бланке, пока его *не отбросила ударом каракулевого крупа к окошку номер девять нетерпеливая толстая женщина* [11, с. 468]. В день преступления, девятого марта, Герман едет какое-то время за ломовым, везущим на телеге что-то длинное [11, с. 494]. Нагруженная лошадь символизирует человека, несущего ношу своей духовной составляющей [13]. На дороге от Кёнигсдорфа до участка Ардалиона, на протяжении этих десяти километров, Герману навстречу попала только таратайка, запряжённая гнедой лошастью [11, с. 496]. У греков белые кони несут солнечную колесницу Феба, символизируя как

жизнь, плодородие, так и смерть, а также бег времени, быстроту мысли, свет, мудрость [13]. Как может солярный символ быть связанным с культом смерти? Солнце совершает круговорот через дневную и ночную сторону мира, так и конь должен пронести своего всадника через смерть к новому перерождению, к новой жизни. Во многих обрядах лошадь служила символом непрерывности жизни [13]. Фазтон – сын бога солнца Гелиоса, в поздней античности Аполлона, или Феба, и Климены, в переводе с греческого – виноградной лозы – символа Озириса. Эпаф насмехается над ним, выражая сомнения, что Фазтон – сын бога солнца. Фазтон отправляется к отцу, тот клянётся рекой Стиксом (анаграммой её название связано с именем Феликс – И. Т.), протекающей в Аиде, что готов дать сыну любые доказательства его происхождения. Фазтон попросил у отца разрешения проехать на его колеснице по небу: тогда весь мир увидит, какое высокое положение он занимает. Фазтон не справился с управлением колесницей, отчего на Земле начались пожары и болезни, Зевс, спасая мир от гибели, пустил в Фазтона стрелу. Миф об Эпафе является отголоском древнеегипетских сказаний, Эпаф соответствует быку Апису, олицетворяющему бога Озириса. Смысл мифа о Фазтоне видят в стремлении последнего вернуть человеку внутреннее потерянное им солнце, просветить его внутреннюю тьму, пробудить духовно спящего человека, вернуть человеку его былое величие.

Общим, сближающим мифы об Икаре и Фазтоне является страстное стремление их главных персонажей к прекрасному, какой является в том числе художественная литература, живопись, составляющие занятия Германа и Ардалиона. Герман, отправляя Ардалиона в Италию, произносит фразы: *солнце – друг художников, Вам следовало бы пожить среди другой природы, в лучах солнца* [11, с. 474]. Имитируя свои похороны, Герман выбирает сожжение [11, с. 486]. Девятого марта он вспоминает спор, в котором участвовал несколько лет назад: *можно ли видеть во сне солнце* [11, с. 495].

Сестра Фазтона – Астрида (Астерия), их совокупное имя (имя детей Гелиоса) – Гелиады – заключает в себе начало имени Герман и имя его жены Лиды. Дочерью Гелиоса является Пасифая, родившая Минотавра, другое его имя Астериос (астры – самые нелюбимые цветы Германа; астра в переводе с греческого означает «звезда», она выросла из пылинки, упавшей со звезды; этот цветок считался подарком человеку

от богов, его оберег, амулет, частица его далекой звезды; символизируемая им грусть, это грусть по утраченному раю, по невозможности подняться в небо), для которого отец Икара Дедал построил лабиринт по образцу египетского лабиринта, посвящённого Озирису. Жёну Германа зовут Лида. Слово лабиринт из лидийского языка, в котором оно обозначало ритуальный топор с двумя лезвиями. Имена Лида и Дедал связаны анаграммой. Когда *Тесей* убил Минотавра и бежал, Минос запер Дедала и Икара в лабиринте. По другой версии, когда Тесей убил Минотавра, он вернул Дедала на родину. Третий лабиринт находился на острове Самос, рядом с которым утонул Икар, он построен архитектором Теодором в VI в. и назывался Герайоне (геранос); так же назывался журавлиный танец, или танец лабиринта; этот танец должны были танцевать приносимые в жертву Минотаврцу один раз в девять лет семь юношей и семь девушек [8]. В «Отчаянии» с именем танца анаграммой связано имя жаворонка, которого слышит Герман в день первой встречи с Феликсом. Впервые попытка проследить взаимосвязь между движением солнца и дорожкой в лабиринте была предпринята Г. Виртом: лабиринт он рассматривал в качестве метафорического изображения пути, который солнце проходит в течение дня и в течение года [по: 8]. Писатель М. Брион утверждает, что лабиринт – это «аллегорическое изображение жизни человека и трудностей, которые должна преодолеть душа в этом мире и в мире ином перед тем, как достичь благословенного состояния бессмертия» [по : 8]. М. Эртон, который предложил свою модель критского лабиринта, пишет: «Жизнь каждого человека – лабиринт, в центре которого находится смерть, и, может быть, даже после смерти, прежде чем окончательно перестать существовать, человек проходит последний лабиринт» [по: 8]. В свете такого понимания мифологическое избавление Тесея из лабиринта символизировало его второе рождение, избавление от смерти. Г. Керн полагает, что слово «лабиринт» первоначально обозначало танец, движения в котором подчинялись строгой графической схеме; затем танцевальное поле, сделанное Дедалом для Ариадны, дочери Пасифаи и Миноса (сцена, на которой имелись указатели, куда должны двигаться танцующие); затем сооружение, символизирующее фигуры ориентации, заключающие в себе указания на путь к цели, представляющие собой воплощение некоего мировоззрения; наконец, наиболее позднее значение, лабиринт-путаница, в кото-

ром дорожка является выражением недостатка ориентации. Причина развития у слова лабиринт новых значений, по Г. Керну, в том, что смысл танца лабиринта к тому времени был забыт [8]. Танец предполагал движение танцующих вначале в одну сторону, а затем в противоположную. Так солнце движется по небу, так весна сменяет зиму, в представлении древних греков. По Г. Керну, лабиринт является, прежде всего, воплощением (при этом совершенным) обряда инициации. Форма лабиринта – это внутреннее пространство, отделённое от остального мира. Это пространство окружено внешней стеной, в которой имеется лишь одно небольшое отверстие для входа. Внутреннее пространство кажется попавшему в лабиринт, на первый взгляд, ошеломляюще сложным. Чтобы понять форму лабиринта, а также чтобы решиться войти внутрь, требуется определённая степень зрелости. Если говорить о самой дорожке, то идущему человеку необходимо обладать хорошей физической координацией, а также социальной адаптивностью (что требуется и в хороводе). Когда вход остаётся позади, внутреннее пространство заполнено максимально возможным количеством поворотов. Несколько раз человек приближается к цели только затем, чтобы дорожка вновь отвела его в противоположную сторону, и это вызывает большое психологическое напряжение. А поскольку на пути к центру идущий лишён возможности выбора, тот, кто в состоянии вынести это психологическое напряжение, непременно достигнет цели. В этом – символическое отображение необходимости следовать законам природы, отрицающее роль субъективного, произвольного подхода. Достигнув центра, человек остаётся в полном одиночестве, наедине с самим собой, с божественным принципом, с Минотавром или же с чем-то другим, чем может быть наполнено содержание понятия «центр». В любом случае центр – это такое место, где человеку даётся возможность обнаружить нечто настолько важное и значительное, что это открытие требует кардинальной смены направления движения. Чтобы выйти из лабиринта, человек должен повернуться и возвращаться назад по своим же следам. Поворот на 180 градусов означает не что иное, как наибольшее возможное отступление от собственного прошлого. Не следует рассматривать возвращение как обычное отрицание, отмену уже совершённого похода к центру. Между этими двумя дорогами лежит ключевой, основополагающий опыт. И поэтому поворот в

противоположную сторону – это не просто отрицание предшествующего опыта, это ещё и новое начало. Человек, выходящий из лабиринта, совсем не тот, кто входил в этот лабиринт, – это человек, переродившийся для нового этапа, нового уровня существования. Именно в центре лабиринта происходит смерть и новое рождение. Смерть и возрождение символизируют переход от одной формы существования к другой, непременно более высокой, и одним из наиболее важных обрядов, символизирующих этот переход, является обряд инициации [8, с. 20]. Инициации означают символическую смерть и новое рождение. Однако физическая смерть тоже может рассматриваться как изменение, трансформация прежнего состояния и переход к новой жизни [8, с. 21]. Следуя к центру по извилистой, петляющей дорожке, которая огибает центр несколько раз, человек тем самым получает возможность ознакомиться с этим центром со всех сторон. Более того, идущий способен проникнуть в центр лишь после того, как обойдёт всё внутреннее пространство лабиринта, что следует понимать не только в количественном смысле (т. е. для достижения цели требуется приложить максимум усилий), но и как символ того, что человек способен открыть самого себя, лишь вложив в эти усилия всю свою энергию, осознав лабиринт во всей его целостности. Лабиринт, соответственно, являет собой символическое изображение процесса поиска себя, становления индивидуальности. Лабиринт является символом взросления, созревания, в процессе которого человек, существовавший ранее в одном измерении, развивается, превращаясь в цельную, многогранную личность, сумевшую отыскать свой смыслообразующий центр [8, с. 32].

Минотавр ждал жертвы в середине лабиринта. Роман «Отчаяние» построен как лабиринт [о лабиринте как признаке игровой поэтики см.: 9], распадается на две части с противоположно направленными, точнее, зеркально отражающими друг друга действиями, событиями, серединой приходится на пробуждение Германа после ночлега в гостинице с Феликсом, когда остановились его часы и почему-то стрелка его рассказа. Дорожка в лабиринте петляет, извивается, подобно раскачивающемуся маятнику часов [8]. Феликс – Минотавр Германа. Герман, создав роман, тоже переживает смерть и второе рождение. В символике лабиринта есть не только аспекты, сближающие его с символическими значениями коня, – перерождение, непрерывность жизни; но

и аспекты, общие у него с символическими значениями аира, – значение оберега. В Риме, Византии, Франции, Англии, Индии графическое изображение лабиринта у входа в дом, в церкви, в городе должно было защитить находящихся в нём от злых сил [8, с. 19, 24]. Встречи с Феликсом, вторая и третья, происходят в пять часов вечера, тоже выполняя функцию оберега.

Лабиринт иногда трактовали как символ рождения, плодородия [8]. Герман в конце романа сообщает о себе: *Деревня, где я скучаю, лежит в ложьке долины, среди высоких и тесных гор* [11, с. 525].

Третий персонаж солярных мифов, погибший из-за стремления достичь невозможного, Беллерофонт, внук Сизифа (по Я. Э. Голосовкеру, Сизиф ежедневно не камень вкатывает на гору, а солнце на небо [3]), сын Посейдона, имя Беллерофонт означает, что в юности он нечаянно убил родного брата Беллера и вынужден поэтому покинуть родные места и совершать героические поступки, один из которых – убийство Химеры. По Я. Э. Голосовкеру, смысл Химеры не в том, что фантастический образ Химеры можно свести к сочетанию трех кусков: льва, козы и змеи (Ардалиона, Феликса, Лиды, памятника в Тарнице [17]), или к разновидности восточного дракона; не в том, что она огнедышащий вулкан, ибо из пасти её вылетает огонь и дым, и не в том, что она грозовая туча и вихрь, ибо шерсть её сверкает, как молния, и она сама крылата, как вихрь, и мохната, как туча. Смысл этого крылатого, трехтелого, огнедышащего, всеми цветами радуги переливающегося дракона – в его невероятности и нелепости, которая нас одновременно и ужасает и восхищает. Но когда в мифе огненное дыхание этого дракона угастро, краски померкли, крылья бессильно распластались по земле – Химера исчезает: перед нами лежит холодеющее чудовище – красоту сменило уродство, и мы вместо Химеры видим только нелепость. В этой смене химерического нелепым, безумной фантазии отвратительной глупостью – смысл второго плана мифа о Химере. Для Германа его волшебный замысел сменился глупой ошибкой. Поразив Химеру, Беллерофонт сам подпал под власть Химеры: им овладела химерическая мечта взлететь на Пегасе на Олимп. Попытка осуществить эту мечту кончается безумием. Сброшенный Пегасом с облаков на землю Беллерофонт теряет разум. Победитель Химеры сам становится жертвой Химеры – таков смысл третьего плана этого мифа [3, с. 15–16]. С точки зрения современной

психологии, химера олицетворяет «тёмную», подсознательную сторону человеческого существа. Если подсознательное убивают или грубо подавляют, даже герой может потерять человеческое лицо; следует опасаться химеры, однако не нужно тешить себя мыслью, что её можно когда-нибудь окончательно победить [12].

В «Искушении святого Антония» Г. Флобера Химера – символ фантазии, зеленоглазое существо, которое не очень удачно ведёт беседу со Сфинксом – символом реальности. Характер их беседы символизирует разрыв между реальностью и мечтой [12], между миром художественного произведения и отражённой в нём действительностью.

Гробницу деда Беллерофонта Сизифа показывали на Истме, у источника Пирены, из которого пил воду крылатый конь Пегас. Сизиф дважды обманул смерть. В первый раз он хитростью заковал и держал несколько лет в плену бога смерти Танатоса, по другой версии – Аида, в отсутствие которого люди перестали умирать, тогда бог войны Арес освободил Танатоса (Аида). Второй раз Сизиф запретил жене совершать над ним погребальные обряды после его смерти. Аид и Персефона, не дождавшись погребальных жертв, разрешили Сизифу вернуться на землю – наказать жену за нарушение священных обычаев и велеть ей устроить подобающие похороны и жертвоприношения. Сизиф не вернулся в царство Аида. Он остался в пышном дворце пировать и радоваться тому, что единственный из всех смертных сумел вернуться из мрачного царства теней. Прошло несколько лет до тех пор, пока отсутствие Сизифа в царстве мёртвых не было обнаружено. За хитрецом пришлось послать Гермеса. Считается, что в лице Сизифа в связи с его посмертным наказанием (вкатыванием камня в гору) греческий миф изобразил бессилие человека в его тщетных попытках путём хитрости и тонкости

ума перейти границы познаваемого; наказание Сизифа есть наказание беспокойного ума, который, думая, что он вот-вот достиг предела своих стремлений, снова падает в бездну незнания. У А. Камю Сизиф – это человек, который поднялся над бессмысленностью своего существования, который обрёл в этой бессмысленности свой смысл и свою гордость: одной борьбы за вершину достаточно, чтобы заполнить сердце человека, Сизифа следует представлять себе счастливым [7]. В аду есть ещё персонажи, занятые бесконечным и бесполезным, напрасным трудом, решающие невыполнимую задачу; это Данаиды (имя Лиды анаграммой связано с их именем), наполняющие водой дырявую бочку. Одну из Данаид зовут Пирена, как и возлюбленную Посейдона, именем которой назван источник с необыкновенно прозрачной водой, у которого показывали гробницу Сизифа, из которого пил воду крылатый конь Пегас; как и другую Пирену – дочь иберийского царя Бебрика, в доме которого останавливался Геракл, когда перегонял коров Гериона, и которую обесчестил, отчего несчастная девушка убежала в горы и была там растерзана дикими зверями; горы получили в память о ней название Пиренеи. У этих гор заканчивается действие в романе «Отчаяние», глядя на них, пишет Герман свой роман.

Химера (в одном из значений – гора с вулканом) олицетворяет у В. В. Набокова художественное творчество, понимание смысла которого было основной темой произведений писателя. Художник стремится к недостижимому совершенству и достигает его, в отличие от персонажей солярных мифов. Достигнув совершенства, он раздвигает для человечества (читателей) границы дозволенного (к этому стремился Икар) и вновь, подобно Сизифу, катит в гору камень-солнце нового художественного произведения, чтобы пробудить духовно спящего человека, чтобы обрести самого себя.

Список литературы

1. Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова: Литературные цитаты. Образные выражения. М. : Худож. лит., 1987. 528 с.
2. Большаков А. О. Человек и его двойник: Изобразительность и мировоззрение в Египте эпохи Старого царства. СПб. : Наука, 2011. С. 103–108.
3. Голосовкер Я. Э. Логика мифа. М. : Главная ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1987. С. 15–16.
4. Голосовкер Я. Э. Сказания о титанах. М. : Нива России, 1993. 270 с.
5. Ерофеев В. В. В поисках потерянного рая (Русский метароман В. В. Набокова). URL : <http://samlib.ru/v/viktorve/vpoiskaxraya.shtm>.
6. Икар // Современный словарь-справочник: Античный мир / сост. М. И. Умнов. – М. : Олимп ; АСТ, 2000. URL : <http://www.antmir.ru/html/i/ikar.html>.

7. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде. URL : <http://humanities.edu.ru/db/msg/6628>.
8. Керн Г. Лабиринты мира. СПб. : Азбука-классика, 2007. С. 7–33.
9. Люксембург А. М. Лабиринт как свойство набоковской игровой поэтики // REGLA. 1999. № 16 (22).
10. Люксембург А. М., Рахимкулова Г. Ф. Магистр игры Вивиан Ван Бок: (Игра слов в прозе Владимира Набокова в свете теории каламбура). Ростов н/Д : Изд-во ин-та массовых коммуникаций, 1996. 202 с.
11. Набоков В. В. Отчаяние // Собр. соч. русского периода : в 5 т. 1930–1934. Соглядатай. Подвиг. Камера обскура. Отчаяние. Рассказы. Стихотворения. Эссе. Рецензии. СПб. : Симпозиум, 2001. С. 394–527.
12. Непомнящий Н. Химера. URL : [http://www.kosmopoisk.nm.ru/prioda15.html](http://www.kosmopoisk.nm.ru/priroda15.html).
13. Символика лошади // Литературный журнал геосимволистов «Мой берег». URL : <http://moy-bereg.ru/content/viem/230/71/>.
14. Топоров В. И. К исследованию анаграмматических структур // Исследования по структуре текста. М. : Наука, 1987. С. 193–238.
15. Труфанова И. В. Как мы понимаем литературу в жанре нонсенса: на материале типа повествования в романе В. В. Набокова «Отчаяние»? // IV Междунар. Севастопольские Кирилло-Мефодиевские чтения : сб. науч. тр. : в 2 т. : Т. II. Севастополь : Гит пак, 2010. С. 544–567.
16. Труфанова И. В. Символика зелёного и красного цвета в романе В. В. Набокова «Отчаяние» // Язык и культура : материалы междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. : Ч. 2. Борисоглебск : БГПИ, 2010. С. 199–208.
17. Труфанова И. В. Символика раковины и жемчужины в романе В. В. Набокова «Отчаяние» // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе : сб. науч. тр. / под ред. О. В. Загорской. Вып. 17. Воронеж : Научная книга, 2011. С. 138–152.
18. Труфанова И. В. Символика серого, чёрного и жёлтого цветов в романе В. В. Набокова «Отчаяние» // Образование. Книга. Чтение: текст и формирование читательской культуры в современной образовательной среде. М. : Русская книга, 2010. С. 137–146.
19. Труфанова И. В. Типология окказиональных фразеологизмов Ф. М. Достоевского : автореф. ... дис. канд. ... филол. наук. М., 1985. 21 с.
20. Юнг К. Г. Душа и миф. Шесть архетипов. М. ; К. : Совершенство ; Port-Royal, 1997. 208 с.

Статья поступила в редакцию 4 ноября 2011 г.

УДК 808.2
ББК 81.2Рус

А. В. Уланов

*кандидат филологических наук, Сибирский институт бизнеса
и информационных технологий (г. Омск, Россия),
e-mail: prorektorsibit@rambler.ru*

Источники русского военного дискурса XIX в.: прагмастилистический аспект

Статья, посвящённая русскому военному дискурсу и его реализации в языковой культуре XIX в., содержит характеристику жанрового и прагмастилистического своеобразия источников военного подъязыка. Обращение к эмпирической базе исследования позволяет структурировать особенности источников русского военного дискурса. Выводы автора свидетельствуют о том, что стилистика источников обусловлена прагматической стороной документов: выбор языковых средств связан с задачей и ведущей целью составителя документа.

Ключевые слова: дискурс, прагмастилистические особенности, диахрония, жанр, лингвистический источник, интенция.

A. V. Ulanov

*Candidate of Philology, Siberian Institute of Business
and Information Technologies (Omsk, Russia),
e-mail: prorektorsibit@rambler.ru*

Sources of Russian Military Discourse of the 19th Century: Pragmatic and Stylistic Aspects

The article addresses Russian military discourse and its realization in the linguistic culture of the 19th century and characterizes genre, pragmatic and stylistic features of the military sublanguage. The empirical basis of research makes it possible to classify the peculiarities of Russian military discourse sources. The conclusions made in the article show that the sources stylistics is organized according to pragmatic features of the documents: the choice of language means depends on the task and the main purpose of the author of the document.

Keywords: discourse, pragmastylistic peculiarities, diachrony, genre, linguistic source, intention.

Понятия дискурса, его дефиниции, функционирования – чрезвычайно актуальны в современном языкознании. В лингвистическом понимании дискурс – это текст, состоящий из коммуникативных единиц языка, находящихся между собой в тесной взаимосвязи, «связная последовательность речевых актов» [13, с. 10], а также текущая речевая деятельность в какой-либо сфере.

Дискурс как речевое образование – это и знаковая система, и «когнитивный процесс, рождающийся в процессах познания и восприятия мира» [13, с. 41]. «Дискурс может быть использован как один из методологических принципов рассмотрения в человеческой цивилизации тех явлений и форм, которые её образуют» [21, с. 106]. Таким образом, понятие «дискурс» имеет глубокое семиотическое, когнитивное и лингвокультурное содержание.

Дискурс обладает так называемыми универсальными чертами [13, с. 43]: интенциональностью (направленностью высказывания на достижение определённой цели); целостностью, связностью; хронотопностью (репрезентацией и восприятием пространственно-темпоральных отношений); информативностью (дискурс – обмен информацией); процессуальностью; интертекстуальностью; авторитетностью.

Одной из разновидностей дискурса является военный дискурс, для которого свойственны следующие специфические особенности:

– межвременной актуальный характер. Речь военнослужащих имела место во все времена, однако в каждый период она обладала свойственным тому времени колоритом;

– ярко выраженная маскулинность семантики – «служба в армии и участие в боевых

действиях традиционно считаются одними из основных средств формирования настоящей мужественности» [15, с. 10];

– тесная взаимосвязь с другими, смежными видами дискурса – военно-политическим [12], военно-патриотическим, а также с теми видами дискурса, с которыми военный дискурс связан на лингвистическом уровне (метафорическими моделями, метафоризацией – например, спортивным дискурсом [18]).

Универсальные черты дискурса находят в военном дискурсе особое выражение. Так, хромотопность военного дискурса проявляется в регулярной отнесённости языка военных (а отсюда и их реальности) к *месту* и *времени* военной службы.

В центре нашего исследования – прагматистическая оценка функционирования источников русского военного дискурса.

Коммуникативные единицы военного дискурса функционируют в военном подязыке национального языка всех периодов его истории, однако его формирование приходится на середину-вторую половину XIX в. О дискурсивности языка военных в тот период говорит объёмная база источников (официального [8; 2; 7; 9] и неофициального [3; 5] происхождения), подтверждающая наличие коммуникативных средств языка, являющихся способом передачи жизни военных XIX в.

М. Н. Кожина заключает: «Прагматистика изучает закономерности речевого воздействия на адресата в определённых ситуациях общения, вопросы определения истинных намерений говорящего (подтекст) и способов достижения ожидаемого (перлокутивного) эффекта» [16, с. 48]. Именно прагматистика изучает то содержание, которое скрыто в речевом акте: интенции – намерения говорящего, целенаправленность и целеполагание его речи.

Сложность применения прагматистического анализа к дискурсивным моделям другой эпохи состоит в отсутствии *текущей* ситуации общения, однако элементы коммуникации функционируют как в незафиксированном речевом акте, так и в зафиксированном – письменном речевом произведении, чем и является большинство источников русского военного дискурса. Цель исследователя состоит в фиксации интенций автора документа-источника, в определении его стилистической задачи. С позиции прагматистики важно определить стилистическое и прагматическое расхождение официальных и неофициальных источников военного дискурса.

Язык официальных источников русского военного дискурса – структурированный текст, оформленный в соответствии с нормами официально-делового стиля; язык неофициальных источников примыкает к публицистическому либо к художественному стилю. Основное намерение автора официального текста – *сообщить*, в то время как автора неофициального текста – *рассказывая, воздействовать*. Помимо этого, субъективность изложения делает публицистический текст неофициальных источников эмоционально-экспрессивным, что отличает его стиль от выдержанного стиля официальных источников.

Официальные источники русского военного дискурса XIX в. связывают язык военных с деловым дискурсом – военная концептосфера репрезентируется в официально-деловой речи, формируемой в рамках делопроизводственных операций.

Сравним в прагматистическом отношении «Историко-статистический очерк Оренбургскаго казачьяго войска съ приложениемъ статьи о домашнемъ бытъ (кириллический «ять» обозначаем знаком «Ъ» – А. В.) оренбургскихъ казаковъ» (далее *Очеркъ*) и «Положеніе о Тобольскомъ пешемъ казачьемъ баталіонѣ и Тобольскомъ конномъ полку» (далее *Положеніе*). Оба источника созданы в XIX в. Характеризуя одну предметную область – казачье военное подразделение, видим, что, отличаясь по признаку официальности/неофициальности, источники имеют стилистические сходства и различия.

В экстралингвистическом плане источники похожи – отражённые реалии однородны: и Очерк, и Положеніе фиксируют деятельность соответствующих военных подразделений. Однако Очеркъ не привязан к определённому времени – автор делает «блглый взглядъ на историческое развитіе восточныхъ и юго-восточныхъ окраинъ Московскаго государства», в частности на «*появленіе в [Оренбургскомъ] краѣ четырехъ группъ казаковъ и ихъ значеніе*» [4, оглавление]. К тому же автор очерка останавливается на сведениях, напрямую не относящихся к военной службе, однако связанных с ней, в частности, на географическом и топографическом описании земли Оренбургскаго казачьяго войска, домашнем быте, нравах казаков. Очерк имеет скорее энциклопедический, нежели собственно отчётно-статистический характер.

Автор очерка преследует цель всеобъемлюще *описать* положение войска, остановившись на положительных и отрицательных моментах

его развития. Кроме того, автор очерка в некоторых моментах склоняется к анализу полученных данных. Положение в строго выдержанной, предписательной форме кратко фиксирует правила управления военным подразделением. И очерку, и положению характерны общие особенности военного дискурса XIX в.:

1. Отражение военной концептосферы XIX в. Так, один из репрезентируемых концептов – ‘управление военным подразделением’ реализуется в схожих, однородно коммуникативно построенных контекстах:

Очеркъ: *В военно-административномъ отношеніи Оренбургское казачье войско подчиняется командующему войсками Казанскаго военнаго округа, но по войсковой хозяйственной части – непосредственно главному управленію казачьихъ войскъ* [4, с. 158].

Положеніе: *Управленіе баталіона и полка подразделяется на главное и мѣстное. Главное управленіе принадлежитъ Командирующаго Сибирскаго корпуса* [8, с. 21].

2. Экстралингвистическая закреплённость понятий – пространственная (географическая) и временная зависимость понятий – связана со спецификой военной службы – постоянным перемещением. Приведём примеры контекстов, отражающих временную закреплённость:

Очеркъ: *Все казаки по достиженіи 18-лѣтнего возраста, зачисляются в призывный составъ* [4, с. 185]. Положеніе: *Съ достиженія 19 лѣтъ всѣ малолѣтки зачисляются зачисляются въ казаки и приводятся к присяге* [8, с. 21].

Составители Очерка и Положения при коммуникативном и стилистическом построении текстов используют различный фонд языковых средств. Так, в Очерке доминирует общепотребительная, а не специальная лексика. Автор Положения в большей степени ориентируется на терминологическую лексику. В то же время в очерке активно применяется стилистически маркированная лексика, образные средства языка, стилистические фигуры, например перифрастические выражения, специфическая фразеология (*быть в боевой готовности*):

Данные эти показали, что общія боевые силы войска составляютъ 40792 всадника, или 25,2 всего населенія мужского пола [4, с. 189].

В тексте встречается высокая, торжественная лексика:

Оренбуржцы въ тяжелыя для отечества годины, съ безавѣтнымъ самоотверженіемъ товарищей посылали въ ряды арміи туда, гдѣ того требовали нужды Государства [4, с. 189–190].

Субъективность авторской позиции обнаруживается в намерении установить «пробелы» в деятельности войска предыдущих периодов: *Вообще нужно замѣтить, что казаки первое время учились гдѣ и какъ случится* [4, с. 170].

Изучив прагматические и стилистические особенности деловых источников военного дискурса XIX в., мы пришли к следующим выводам. С позиции прагматики текста указанные материалы обладают следующими признаками:

– дифференцированность интенциональности источников. Документы разных делопроизводственных жанров имеют разную делопроизводственную и коммуникативную функцию: цель составителя документа – сообщить (отчёт), доложить (рапорт), обязать (приказ, предписание, распоряжение), в некоторых случаях – предложить, рекомендовать.

– влияние интенциональности источника на стилистическое оформление источника: преобладание соответствующих ситуаций, коммуникативных средств. Например, спектр однородных языковых средств используется в распоряжении по войску:

1. Глаголы со значением волеизъявления (в форме инфинитива или повелительного наклонения): *поставлено в обязанность доставить Г. Шепелеву подробныя имянныя Арматы* [9, л. 176].

2. Наличие существительных со значением «волеизъявление», «повеление»: распоряжение, предписание.

Стилистика официальных источников обусловлена прагматической стороной документов: выбор языковых средств обусловлен задачей составителя документа и преобладанием цели информирования / воздействия / волеизъявления.

Список литературы

Источники

1. Всеподданый отчет о состояніи Сибирскаго казачьяго войска. За 1878 годъ. Омскъ: Типогр. окружн. штаба, 1879 (фонд ОГОНБ).
2. Дело канцелярии Наказнаго Атамана Сибирскаго Казачьяго Войска. Ф. 235. Оп. Д. 5 (фонд БУ ОО «ИсА Омской области»).

3. Дебу И. О кавказской линии. URL : <http://rufort.info/library/debu/debu.html> (дата обращения : 01.11.11).
4. Историко-статистический очерк Оренбургскаго казачьяго войска.... Оренбургъ, 1891. URL : <http://rufort.info/library/debu/debu.html> (дата обращения : 01.11.11).
5. История 22-го пѣхотнаго нижегородскаго полка 1700–1800. СПб., 1900. URL : runivers.ru/lib/book4613/ (дата обращения : 01.11.11).
6. Казачьи войска : хроники гвардейскихъ казачьихъ частей. СПб., 1912. С. 552. URL : pugoviza.ru/files/lit.shtml?d=1 (дата обращения : 01.11.11).
7. Об отъѣздѣ наряда внутреннеслужащихъ казаковъ... Ф. 235. Оп. 1. Д. 5 (фонд БУ ОО «Исторический архив Омской области»).
8. Положеніе о Тобольскомъ пешемъ казачьемъ баталіонѣ и Тобольскомъ конномъ полку. СПб., 1849. URL : files.mail.ru/25ZYMG (дата обращения : 01.11.11).
9. Разная переписка наказнаго атамана Сибирскаго казачьяго войска. Ф. 235. Оп. 1. Д. 1 (фонд БУ ОО «Иса Омской области»).
10. Русская армія въ вѣкъ императрицы Екатерины II М. Богдановича. СПб., 1873. С. 5. URL : militera.lib.ru/h/bogdanovich_mi01/index.html (дата обращения : 01.11.11).
11. Сибирское казачье войско. Спсикъ населенныхъ мѣсть по свѣдѣніямъ за 1876 годъ... Омскъ. Типографія Окружнаго Штаба, 1877 (фонд ОГОНБ).

Л и т е р а т у р а

12. Андреев Н. И. Особенности терминологии немецкого военно-политического дискурса в аспекте перевода на русский язык // Вестник Московского ун-та. Сер. 22. 2011. № 1. С. 117–126.
13. Григорьева В. С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспект : монография. Тамбо в: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. 288 с.
14. Даль В. И. Толковый словарь живаго великорусскаго языка. СПб.–М. : Изданіе товарищества М. О. Вольфъ, 1903.
15. Данилова Н. Ю. Срочники, пиджаки, профессионалы: мужественности участников постсоветских войн // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 8. № 2. С. 110–126.
16. Кожина М. Н. Стилистика русскаго языка: учебник / М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева, В. А. Салимовский. М. : Флинта ; Наука, 2008. 464 с.
17. Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения. М. : Институт языкознания РАН, 1997. 327 с.
18. Мальшева Е. Г. Метафорическая модель 'Спорт – это война' в журналистском спортивном дискурсе // Вестник ТГУ. 2009. № 328. С. 14–20.
19. Пихтовникова Л. С. Синергетический метод для исследования дискурса в прагматилистическом аспекте // Вісник ХНУ № 848. 2009. С. 48–52.
20. Шабурова О. Война, солдат и песня: национально-патриотический дискурс в конструировании российской маскулинности // Гендерные исследования. 2005. № 13. С. 85–101.
21. Ширяева Т. А. Общекультурные и институциональные особенности дискурса // Гуманитарные науки: теория и методология. 2007. № 4. С. 103–108.

Статья поступила в редакцию 15 октября 2011 г.

УДК 417.32
ББК 81»44

В. М. Хамаганова
доктор филологических наук, профессор,
Бурятский государственный университет (г. Улан-Удэ, Россия),
e-mail: vmh2003@inbox.ru

Онтологическая основа текста типа «описание»

Свойства физического пространства – предметность и трёхмерность – вербализуются текстом типа «описание», его актантным ядром. Вещность пространства выражается предметными актантами, параметры трёхмерности – актантами структуры пространства. Предметный ряд существует в одном времени (синхронность) и в едином пространстве (совпадение). Совпадение событий в едином пространстве создаёт вероятность образования причинной цепи существования событий, что подчёркивает единство бытия свойств описываемого фрагмента мира. Только такой предметный ряд может быть объектом описания, и его свойства попадают в поле зрения наблюдателя. Пространство созерцания может соответствовать физическим возможностям поля зрения человека, а может соответствовать полю «внутреннего» зрения, равному знанию воспринимающего. В этом случае одновременность осуществляется не в абсолютном, а в возможном пространственном единстве. Поэтому актуально понятие «точка отсчета» в осознании свойств пространства и времени существования предметного ряда, вербализованного описательным текстом.

Ключевые слова: пространство и время, вещьность и трёхмерность физического пространства, текст типа «описание», актантное ядро, одновременность и совпадение, поле зрения наблюдателя.

V. M. Khamaganova
Doctor of Philology, professor,
Buryat State University (Ulan-Ude, Russia),
e-mail: vmh2003@inbox.ru

Ontological Basis of Descriptive Texts

The characteristics of physical space (objectivity and three-dimensionality) are verbalized by the descriptive text type and its actantial nucleus. Materiality of the space is expressed by object actants, the parameters of three-dimensionality are represented by the actants of the spatial structure. Objects exist at a time (synchronism) and at a definite place (coincidence). The coincidence of events in a single space creates the possibility of a causal chain of events that emphasizes the existential unity of the described fragment of the world. Only this row of objects may be the subject of a number of descriptions, and its properties come to the attention of the observer. The space of contemplation may correspond to physical features of human visual range or to the range of “internal” view equal to the perceiver’s experience. In this case, simultaneity doesn’t occur in absolute space, but in possible spatial unity. That’s why the notion of “the starting point” does matter for space and time perception of the existing objects verbalized by descriptive texts.

Keywords: space and time, objectivity and three-dimensionality of physical space, descriptive text, actantial nucleus, simultaneity and coincidence, observer’s field of vision.

Для лингвистики как когнитивной науки, изучающей предметно-познавательную деятельность человека, представляет интерес выявление способов передачи языковыми единицами всеобщих категорий пространства и времени.

Восприятие и осознание человеком предметного мира – получение знаний о мире – осуществляется в системе пространственных и временных координат, ибо пространство и время есть глобальные формы существования

материи. Пространство и время определяют физическую реальность бытия и представляют фундамент «видения» окружающего мира.

В философской основе понимания важнейших атрибутов материи – пространства и времени – утверждаются следующие их симптоматические характеристики:

◆ пространство и время не существуют вне материи, так же как нет материи без пространственно-временных свойств;

- ◆ пространство есть форма протяженности бытия материи, ее структурности;

- ◆ время – форма длительности бытия материи, последовательность ее состояний в изменении и развитии;

- ◆ единство пространства и времени проявляется в движении материи.

Объединение пространства и времени в единую категорию (континуум) не означает, что эти сущности не имеют своих специфических различий. Их своеобразие проявляется уже в измерительных инструментах совершенно разных типов – измерительные стержни и часы.

Всеобщим свойством пространства является протяжённость, проявляющаяся в рядоположенности элементов, наполняющих его. Философией утверждается, что «протяжённой можно считать любую систему, в которой возможны изменения характера связей и взаимодействий составляющих её элементов, их числа, взаимного расположения и качеств, особенностей» [6, с. 542]. Протяжённость пространства измеряется метрическими параметрами, которые могут выражать «особенности связи пространственных элементов, порядок и количественные законы этих связей» [6, с. 542]. Пространство предметно и характеризуется параметрами размера, формы, местоположения, расстояния между телами, а также границами различных систем, наполняющих пространство – топологическими свойствами. Это наиболее общие свойства геометрических фигур, тел и объёмов.

Физическое пространство раскрывается через геометрические категории (точка, прямая линия, плоскость, расстояние, объём). Выражение пространственно-временного континуума бытия единицами словесного уровня и уровня предложения – грамматическими, лексическими и семантическими их свойствами – изучалось в русистике на протяжении многих десятилетий и получило всестороннее освещение (М. В. Всеволодова и Е. Ю. Владимирский, Е. С. Яковлева и др.), исследование же функциональных возможностей текстовых единиц для выражения пространства и его параметров нельзя признать достаточным. Онтологические свойства пространства и времени находят неперенное выражение в языке, а именно в тексте типа «описание». Типология функционально-смысловых типов речи, разновидностью которых является текст типа «описание», строится на утверждении синхронности существования признаков описываемого объекта действительности и диа-

хронности в повествовании [3]. Таким образом, тексты типа «описание» и «повествование» получили обоснование как темпоральные тексты.

Одной из задач настоящей статьи является выявление тех закономерных особенностей текста типа «описание», которые последовательно отражают свойства физического пространства.

Непространственное по природе языковое сознание создает эквивалент реального пространства в виде языковой модели, особенности которой мотивируются свойствами физического феномена – пространства. Непространственное сознание связано с пространством созерцания, и в этом заключена «связь внутреннего с внешним, непространственного с пространственным, неизменяющегося с изменяющимся, нетекстового с текстовым» [5, с. 227–228]. Сознание человека обретает содержание – познание материального, существующего в пространстве и имеющего топологические свойства мира.

Физическое пространство, представленное в сознании пространством созерцания, соответствует идеям Лейбница и рассматривается как нечто, определяемое находящимися в нём объектами, наличием, расположением, порядком сосуществования вещей. Существует другое понимание пространства, по-ньютоновски, как «нечто первичное, независимое от материи и не определяемое материальными объектами, в нем находящимися (пространство как “чувствилище бога”, как орган ощущения вещного мира)» [5, с. 228].

В статье исследуются способы вербализации физического пространства как формы существования материи; исходным является понимание пространства по Лейбницу, утверждающему, что пространство вечно, поддается созерцанию и осознаётся через наполняющие его предметы. Связь между пространством и вещами заключается в том, что пространство как бы выражает себя в вещах, оно реализуется в их наличии и соположении. Кроме того, через наличие и соположение вещей не только обозначаются границы пространства, но и совершается (воспользуемся определением В. Н. Топорова) «семантическое обживание» пространства, то есть порядок вещей содействует содержательной организации пространства.

Без вешности пространство представляет собой гипотетическую сущность, о чём писал ещё Платон: «<...> пространство само воспринимается вне ощущения, посредством некоего незаконного умозаключения, и поверить в него почти невозможно» [цит. по: 5, с 251]. Предмет-

ность пространства как непреложное его свойство воспринимается человеком посредством сенсорных модальностей – в первую очередь зрением и слухом – и имеет способ реализации языковыми средствами: в описательном тексте – актантным ядром. Предметный ряд вербализуется предметными актантами.

Другое имманентное свойство пространства – его трёхмерность – также осознаётся говорящим и находит воплощение в языковых средствах – в актантах структуры пространства [8].

[«Савин вошел в узкую, длинную комнату с высоким потолком.] *Против двери* находилось зашторенное окно. *Слева от него* возле тумбочки с зелёной лампой стояла узенькая кушетка, накрытая серым солдатским одеялом. *Справа* к стене притулился фанерный канцелярский столик, *на нём* – зачехленная машинка. Ещё было два стула один *перед столом*, другой *сбоку*, *а на стене* висела полочка с десятком книг. Спартанская обстановка комнаты по неуютности напоминала сокольническое общежитие.» (Ю. Нагибин. Машинистка живёт на шестом этаже).

В тексте предметные актанты: *окно, кушетка, столик, машинка, два стула, полочка с десятком книг*. Актанты структуры пространства: *против двери, слева от него, справа, на нём, перед столом, сбоку, на стене*.

Использование текста для передачи ориентации человека в пространстве и во времени имеет свои закономерности и выявляет специфику способа восприятия мира носителями языка. В этом случае язык диктует наличие тех обязательных параметров, которые должны передавать пространственно-временное представление. Этот тезис убедительно подтвержден данными о функциональных свойствах указательных слов в индоевропейских, японском и индийских языках в книге К. Бюлера «Теория языка» [2, с. 74–120].

Таким образом, вербализация посредством текста любого факта реальной действительности – это ментальное действие с ориентированным пространственно-временным представлением. Текст типа «описание» очерчивает контуры пространственного расположения участников события через передачу восприятия ими или повествователем пространства пейзажа или интерьера.

Поскольку объектом данной работы является текст типа «описание», используемый в художественном произведении, для выявления специфики художественного изложения, для сравнения роли описательного текста в верба-

лизации пространственных и временных ориентиров, а также присутствия воспринимающего необходимо сопоставить непосредственную (каноническую) речевую ситуацию и текст художественного произведения.

В канонической речевой ситуации, в обстановке непосредственного общения говорящего и слушающего, с целью ориентации в пространстве слушающего говорящий может использовать средства коммуникации, которые можно определить как «наглядные»: жест (роль указательного пальца, руки, взгляд, направление головы), «осозательный образ тела», а также ориентация на силу звука для определения пространственных характеристик [2, с. 74–120]. Эти средства функционируют в указательном поле, и более того, «указательное поле есть не что иное, как предпочтительная техника наглядного языка, самая его суть» [2, с. 76]. Так, по наблюдениям К. Бюлера, «механизмы восприятия громкости звуков аналогичны восприятию параметров предметов, т. е. мы почти правильно воспринимаем силу отправления (а не силу получения нашим ухом) звуков» [2, с. 91]. Этот факт определяет размеры указательного поля в канонической речевой ситуации.

Средства наглядного языка имеют эквивалентные по функции вербальные способы выражения – дейктические средства. Концепция дейктических средств русского языка развернута в работах Ю. Д. Апресяна, С. А. Крылова, Е. В. Падучевой и др. исследователей. Ю. Д. Апресян определяет понятийное начало дейктических средств как «наивную физику пространства и времени»; дейктические средства «обнаруживают некоторые универсальные черты и ряд особенностей, специфичных для каждого естественного языка» [1, с. 630–631], так как, являясь составной частью (и представляется, основополагающей) наивной модели мира, пространство и время не прямо связаны с языковыми значениями, а через представление об определенных деталях наивной модели мира.

Единство времени и места, характеризующее в первую очередь реальные события и факты, выражается в дейктических словах «сейчас» и «здесь» – начальный момент и место протекания событий в определенной ситуации. Очевидно, что начальная точка момента («сейчас») открывает перспективу временного дейксиса, а «здесь» – дейксиса пространства. Как подобие реальности, вымышленная ситуация также обязательно связана с единым пространственно-временным существованием.

Эгоцентричность дейктической лексики объясняется названной еще К. Бюлером системой координат для указательного поля языка, которая содержит в точке «origo», кроме слов «здесь» и «сейчас», личное местоимение «я» как начальную точку, «во власти которой находятся и будут находиться все участники общения» [2, с. 95]. Более того, толкование пространственного и временного положения в ситуации ориентируется на фигуру говорящего, на понятие «я».

Симптоматические признаки дейктических средств, отмеченные исследователями (указание на место, время и говорящего), находят воплощение не только в лексике, но и в текстовой единице – в описании.

Реальность бытия ситуации нормального, канонического общения, представлена в указательном поле, характеризующемся возможностью использования наглядных средств коммуникации. Такое указательное поле получает оформление в средствах первичного дейксиса. Вымышленные ситуации, присущие художественному изложению, представлены в поле вторичного дейксиса, где действует повествователь, а не автор-говорящий, где нет синхронно-го слушателя.

Таким образом, структурные и семантические свойства описательного текста эксплицируются теми пространственными параметрами реального мира, которые восприняты и осознаны человеком: актантное ядро в описательном тексте вербализует материальный предметный ряд и трехмерность вещного пространства, единство пространства и времени реализуется системой видо-временных форм предикатов со значением «существования». Эти свойства описательного текста позволяют ему выполнять функцию дейктического средства. Пространственно-временные параметры обозначаемого описанием объекта действительности восприняты отдельным человеком, осознаны им, поэтому выражают его мировидение и реализованы посредством текстовой модели – описательного текста. Как бы ни был разнообразен воспринимаемый человеком мир, как бы своеобразно ни видел его говорящий, способ передачи своего восприятия предметного ряда в статике один – описательный текст.

Все перечисленные и кратко охарактеризованные топологические и типологические свойства физического пространства не только находят воплощение в тексте типа «описание»;

более того, они определяют те структурные и семантические свойства этой текстовой единицы, которые составляют её организующее начало.

Онтологические категории «пространство» и «время» скрывают тайны бытия и способы их языкового выражения.

Значительным шагом в изучении названной проблемы явилась книга Г. Рейхенбаха «Философия пространства и времени», в которой изложена математическая концепция понимания основополагающих категорий бытия и, в частности, взгляд на явление одновременности, необходимый для понимания онтологической основы описательного текста.

Сравнение временных интервалов существования различных точек пространства составляет проблему одновременности. Мысль о том, что отношения одновременности имеют характер определения, была высказана А. Эйнштейном и получила обоснование в теории относительности времени.

Различается одновременность событий в одном и том же месте и одновременность пространственно-раздельных событий. «Стечение событий в одном и том же месте и в одно и то же время называется совпадением» [4, с. 144]. Представляется, что именно совпадение как результат временного и пространственного единства образует понятие «поле зрения» наблюдателя (говорящего) – то понятие, которое необходимо для осознания онтологической сущности предметного ряда, непосредственно воспринимаемого человеком.

Именно совпадение вербализуется текстовой единицей описанием. Поле зрения говорящего совпадает с понятием «указательное поле» в канонической речевой ситуации, и тогда поле зрения говорящего допускает использование наглядных средств коммуникации. В художественном же изложении поле зрения наблюдателя может иметь более значительные параметры, и это приводит к тому, что в такой перспективе пространства и в канонической речевой ситуации наглядные средства не могли бы иметь воплощения.

То, что попадает в поле зрения наблюдателя в определённый момент времени, представляет собой предметный ряд, связанный пространственно-временным единством бытия, и может быть вербализовано описательным текстом; причём в этом случае восприятие основывается на сенсорных ощущениях и вербализация их осуществляется посредством визуального описания. Описание кодирует визуальное

восприятие наблюдателя: в сознании метанаблюдателя – слушателя или читателя – возникают аналоги визуальных восприятий, которые вербализуются описательным текстом.

Одновременность удалённых событий, которые не могут попадать в поле зрения говорящего в канонической речевой ситуации, имеет свою специфику восприятия и вербализации в художественном произведении.

«<...> Временное сравнение удалённых событий возможно только потому, что сигнал, посланный из одного места в другое, представляет собой причинную цепь. Этот процесс ведёт к совпадению, т. е. к сравнению смежных событий» [4, с. 144]. В этом случае связывается в пространственно-временное единство событие и результат другого события, происшедшего раньше или в другом месте, или и раньше и в другом месте. Одновременность результата одного события с протеканием другого события в определённом пространстве, ограниченном полем зрения наблюдателя, имеет свой способ вербализации. В этом случае в описании используются перфектные формы глагольных предикатов для выражения результата и формы имперфекта для выражения основного события. Например: «В лесу стоял золотистый туман, кругом капало, звенело, булькало. Земля оголилась (перфект), сильно и резко пахла» (Ю. Казаков. Арктур – гончий пёс). Результат действия «оголилась» совпадает по времени существования с признаками леса, наблюдаемыми в определённый момент прошлого, «капало», «звенело», «булькало», «пахло».

Возможности сочетания перфектных форм с формами прошедшего имперфектного, а также настоящего и будущего времени для выражения синхронности изучены в ряде работ [3; 7; 9].

Для выявления онтологических свойств предметного ряда, вербализованного описанием, актуальным представляется совпадение, ибо познание окружающего мира происходит не только через сенсорное восприятие этого мира, но через язык – посредник гносеологического процесса. В любом визуальном описании перечисляются признаки объекта действительности, объединённые этим объектом, связанные причиной бытия.

Совпадение во времени пространственно разделённых событий, не имеющих сенсорной реализации в причинной цепи, не находит вербализации в одной текстовой единице. Такая одновременность может осознаваться только как теоретически возможный факт. Речь идёт о

событиях в разных точках пространства в одно время, но не связанных причинной связью. Это могут быть события из разных сущностей разных областей бытия, а главное – разделённых пространственно, поэтому исключающих возможность их одновременного восприятия наблюдателем. Такие события не попадают в «поле зрения» наблюдателя одновременно, поэтому и не имеют сенсорно обоснованной причинной связи.

Совпадение во времени пространственно разделённых событий не может быть выражено описательным текстом. Такие события не могут находиться в поле зрения наблюдателя не только в буквальном понимании «поля зрения» как возможности действия сенсорной модальности, но и в случае использования сознания говорящего в художественном изложении (в вымышленном мире), которое может объединять причинной связью существования пространственно отдалённые события. Так, в пушкинской «Сказке о мёртвой царевне» есть пример выражения одновременности, но не совпадения пространственно отдалённых событий: когда Чернавка докладывает царице о том, что она связала царевну и оставила одну в лесу, «<...> царевна молодая... между тем всё шла да шла...» Человек не может охватить зрением эти события, совершающиеся в разных, значительно отдалённых местах, хотя и в одно время (об этом свидетельствует – «между тем»), поэтому подобная ситуация не может быть вербализована описательным текстом. В этом случае нет одного объекта действительности, в пространстве которого могли бы одновременно существовать его признаки.

Совпадение событий в едином пространстве создаёт вероятность образования причинной цепи существования событий, что подчёркивает неприменность единства бытия свойств описываемого фрагмента мира, выраженного языковой формой. Здесь мы ведём речь о событиях в сенсорно воспринимаемом предметном ряду. Например: «Полыхали по горизонту зарницы... Звёзды были так яркие, так обильны, что всё было ими освещено: тонкие прозрачные облакаверху и – внизу, на земле – юксты, поля с редкими, узкими межами, стога сена, еловые лески близ дороги. Пахло на дороге землёй, сухим подорожником...» (Ю. Казаков. Ни стуку, ни гроку). Все события в этом тексте объединены восприятием единого пространства, они представляют собой один объект – тот предметный ряд, который попадает в поле зрения наблюдателя.

Итак, пространственное единство фрагментов мира ограничивается «полем зрения» воспринимающего, и в художественном тексте пространственная ориентация предполагает использование этого понятия в модели описательного текста.

«Поле зрения» – это предметный ряд, охватываемый возможностями сенсорных модальностей человека (зрением, слухом, обонянием и др.). Однако сознание может «раздвигать» границы пространственного единства, «расширять» поле зрения воспринимающего. Пространство созерцания может быть адекватно физическим возможностям поля зрения человека, а может соответствовать полю «внутреннего» зрения, равному знанию воспринимающего. Так, описание пейзажа, находящегося в поле зрения говорящего, может быть продолжено теми свойствами картины, которые не могут физически попадать в его поле зрения, но известны ему как результат наблюдений с другой точки пространства и в другой момент времени. Таким образом, для создания пейзажа предполагается использование знаний, полученных ранее, или передвижение наблюдателя, а значит изменение точки отсчёта. Из этого следует, что в речи может происходить объединение результатов восприятия пространственных фрагментов, произведённых в разные временные отрезки. В этом случае одновременность осуществляется не в абсолютном, а в возможном пространственном единстве, в относительном поле зрения наблюдателя.

1 – «И прохладную тишину утра нарушает только сытое квохтанье дроздов на коралловых рябинах в чаще сада, голоса да гулкий стук сыпаемых в меры и кадушки яблок. В поредевшем саду далеко видна дорога к большому шалашу,

усыпанная соломой, и самый шалаш, около которого мещане обзавелись за лето целым хозяйством. Всюду пахнет яблоками.

2 – «Тут особенно. В шалаше устроены постели, стоит одноствольное ружье, позеленевший самовар, в уголке – посуда. Около шалаша валяются рогожки, ящики, всякие истрепанные пожитки, вырыта земляная печка» (И. Бунин. Антоновские яблоки).

Приведённый текст представляет собой вербализацию результатов наблюдения фрагментов реального мира, произведённых с разных точек местности: (1) – позиция наблюдателя – у сада, через который виден шалаш; (2) – позиция наблюдателя такова, что виден внутренний объём шалаша и пространство вокруг него. Поскольку информация исходит от одного говорящего, то мы имеем дело с расширением его поля зрения за счёт использования его знаний о содержимом шалаша, полученных раньше, или со случаем изменения точки положения (передвижением наблюдателя), а следовательно, изменением его «поля зрения». Таким образом, расширение поля зрения наблюдателя, представленное в художественном тексте, вызвано относительным характером временных и пространственных параметров восприятия. Это проявление знаний наблюдателя, а не «репортаж» с места событий.

Предложенные рассуждения приводят к выводу об актуальности понятия «точка отсчёта» в осознании свойств пространства и времени существования предметного ряда, вербализованного описательным текстом. Точка отсчёта существует как начальная позиция восприятия предметного мира, она представлена в описательном тексте. Точка отсчёта определяет содержание и перспективу расположения воспринятых пространственных параметров объекта описания, их абсолютный или относительный характер.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография // Апресян Ю. Д. Избр. тр. Т. II. М. : Школа «Языки русской культуры», 1995. 767 с.
2. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка : пер. с нем. М. : Прогресс, 1993. 528 с.
3. Нечаева О. А. Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. : 10.02.01. М., 1975. 53 с.
4. Рейхенбах Г. Философия пространства и времени. М. : Прогресс, 1985. 344 с.
5. Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983. С. 227–284.
6. Философский энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1983. 836 с.
7. Хамаганова В. М. Глагольное видо-временное и лексическое выражение синхронности в описании как типе речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. М., 1979. 19 с.
8. Хамаганова В. М. Структурно-семантическая и лексическая модель текста типа «описание» (онтологический и семиотический аспект) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01. М., 2002. 43 с.
9. Хандархаева И. Ю. Глаголы совершенного вида прошедшего времени в перфектном и аористическом употреблении в темпоральных типах речи. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2005. 138 с.

Статья поступила в редакцию 17 декабря 2011 г.

УДК 882
ББК Ш 5 (2=Р) 7–09

Чжоу Чжунчэн¹

*магистр филологии, аспирант, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского (КНР),
e-mail: tchzhao.chunlu@yandex.ru*

Интертекстуальность в языковой композиции (на материале современной русской прозы)

В статье раскрываются понятия интертекстуальности и межтекстовых связей, а также соотношение этих понятий друг с другом. На материале современной русской прозы анализируется употребление межтекстовых связей в языковой композиции, приводятся примеры из прозы В. Дегтева, Д. Драгунского, Г. Садулаева. Автор подчёркивает мысль о реалистическом построении современного художественного текста.

Ключевые слова: интертекстуальность, межтекстовые связи, русская проза, языковая композиция.

Zhou Zhongcheng

*Master of Philology, graduate student, Zabaikalsky State Humanitarian Pedagogical University named after N. G. Chernyshevsky (People's Republic of China),
e-mail: tchzhao.chunlu@yandex.ru*

Intertextuality in the Language Composition (Based on Modern Russian Prose)

The paper describes the concept of intertextuality and intertextual relations, as well as the relationships of these concepts with each other. It examines the use of intertextual relations in the linguistic composition in modern Russian prose and gives examples from V. Degtev's, D. Dragunsky's and G. Sadulaev's works. The author emphasizes the idea of constructing a realistic modern literary text.

Keywords: intertextuality, intertextual relations, Russian prose, linguistic composition.

Современная русская проза, как и современная действительность, представляет собой объединение стилей, направлений, субкультур и семиотических систем. Это приводит к тому, чтоб бывает сложно отделить реализм от постмодернизма. Молодые авторы, преодолевая всеобщий нигилизм и депрессию, выходят на качественно новый уровень восприятия мира и себя в нём. На материале современной русской прозы можно рассмотреть особенности стиля, языковой композиции художественного текста.

Реализм повествовательной манеры характерен для многих современных писателей, среди которых можно назвать В. Маканина, Д. Драгунского, Г. Садулаева и др. Для прозы этих писателей свойственна глубокая, насыщенная реалистичность. Они одни из немногих русских писателей, кому удалось в условиях всевозможных изменений сохранить уровень художественности своей прозы. Они создают сюжеты, впечатляющие своей философской значительностью,

которые помогают реализовать наиболее глубокое ощущение современной обстановки. Необычна сама композиция произведений этих писателей. Композиция в самом общем плане – это построение, взаимное расположение и соотношение частей какого-либо произведения.

Языковая композиция, организованная образом автора, является такой категорией текста, которую можно считать не только его принадлежностью, но также и принципом построения, так как в языковой композиции отражаются особенности проявления языковой системы в системе художественного текста, поскольку текст не является строго изолированной структурой. В произведении современных прозаиков это чётко выражено.

Наверное, простой лингвистический анализ не поможет до самой глубины осмыслить всю оригинальность мотива изложения в современных произведениях. Языковая композиция и образ автора как важнейшие и ведущие явления

¹ Работа выполнена при финансировании темы в рамках государственного задания вузу (№ 6. 3652. 2011).

художественного текста, которые исторически и традиционно закрепились в русской прозе и, несколько видоизменившись, продолжают быть основой построения художественного текста. Всё более активное применение приёма интертекстуальности в произведениях делает их достаточно контрастными, интересными.

Интертекстуальность в целом играет большую роль в литературе исследуемого периода, так как практически ни одно современное произведение не обходит вкраплений из других художественных текстов. Это явление по-разному называлось исследователями, для нас важна его суть и причины широкого функционирования в прозе нашего времени. Понятно, что современный автор к ним обращается не случайно, а вполне с определённой целью. Исследователю предстоит определить роль обнаруженных межтекстовых связей, без чего невозможен глубокий анализ произведений. Другими словами, в прозе современных писателей отчётливо наблюдается композиционный и языковой контакт с каким-либо другим текстом, отличающимся либо временными характеристиками, либо жанровыми или смысловыми. Как известно, Ю. Кристева утверждает: «Любой текст строится как мозаика цитирований, любой текст есть продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста. Тем самым на место понятия интересубъективности (то есть диалогического контакта или межличностного общения) встает понятие интертекстуальности <...>, «<...> литературное слово» – это «место пересечения текстовых плоскостей, <...> диалог различных видов письма» [2, с. 50].

Например, чётким местом пересечения текстовых плоскостей в произведении Германа Садулаева «Я – чеченец!» является момент включения в текст произведения отрывка из научных источников, причём в произведении не указан источник. Есть только пометка – «из разных источников». В данном случае говорится о пояснении о строении вакуумных бомб, о которых Салауди (герой повествования) ещё не знает: «О вакуумных бомбах Салауди ещё не знал.

“...ОДАБ (объёмно-детонирующие авиационные бомбы, или FAE – fuel air explosive). В качестве основного заряда в них применяется жидкое топливо (окись этилена). При встрече с преградой взрывом небольшого заряда разрушается корпус бомбы. Сжиженный вакуум начинает интенсивно испаряться. При этом температура достигает, как правило, 25–30 (иногда и

ниже) градусов ниже нуля по Кельвину, а давление опускается до -2, -3 технических атмосфер. <...>» [6, с. 74].

Межтекстовые вставки графически маркированы – даются более мелким шрифтом и имеют большой отступ слева. Автор прибегает к этому приёму неоднократно.

В данном случае очевидно различие жанров текстовых пространств, наблюдается использование в художественной литературе элементов научного стиля, что придаёт произведению стилистическую контрастность.

Межтекстовые связи могут включаться и по-другому. Приведём пример из повести Г. Садулаева: «Или думали, что это не про нас, это не с нами? Ответьте, по ком звонит колокол? Ну? По ком звонит колокол?? А колокол не звонит. Даже колокольчики – тренькают, бубенцы на хомуте стройки. Куда мчишься, тройка? Семерка, туз. Никуда ты не мчишься, катаешь новых тузов с их бубновыми дамами в дорогих мехах, с их шестерками, по Невскому проспекту, по Дворцовой площади. Подайте лошадам на корм! Подайте лошадам тройки, да на пропой возникшему, вот и вся Русь, вот и вся» [6, с. 89]. В этом контексте хорошо видно, как переходят друг в друга межтекстовые словесные ряды, как Хемингуэй сменяется Гоголем, а потом Пушкиным.

В современной прозе на рубеже XX–XXI вв. наблюдаются различные виды интертекстуальности, которые по-иному воздействуют на художественные функции произведения, то есть помимо обычной повествовательной функции появляется ещё и поучающая, познавательная.

В постмодернистских текстах интертекстуальность имеет особую игровую природу. Интертекст во многом придаёт произведению довольно неординарный характер. Г. Д. Ахметова отмечает: «Причины использования межтекстовых словесных рядов разнообразны: 1) выраженные постмодернистские тенденции; 2) пародирование явлений постмодернизма; 3) признак индивидуального стиля. Названные причины не существуют раздельно друг от друга, напротив, они активно взаимодействуют, поскольку современная литература характеризуется как стилевым разнообразием, так и смешением постмодернистских влияний с реалистическими традициями» [1, с. 115]. Интертекстуальная перекличка воплощает многоголосие произведений и служит отражением взгляда на внетекстовую и текстовую реальность как самих героев книги, так и тех, кто эту книгу создавал.

В постмодернистской прозе категория авторского самовыражения преобразуется, происходит изменение функции интертекстуальности, которая теперь предстает не как черта мировосприятия художника, а как онтологическая характеристика эстетически познаваемой реальности. Достаточно интересными являются интертекстуальные смешения разных стилей в произведении, но не менее интересным является логический контакт с текстами произведений одного автора одного времени с другими авторами других времен. Подобное явление прослеживается в прозе Дениса Драгунского [5], где впечатляет звуковая организация текста. В рассказе «Дамочка с собачкой» проявляется прямое, совершенно некрытое, даже оголённое в своём названии, межтекстовое переплетение с известным чеховским произведением. Такое название носит наименование цитатного.

Подобный приём довольно часто используется в литературе. У Д. Драгунского есть ещё подобный пример. Рассказ называется «У высоких берегов Амура». Строка известной русской песни становится названием рассказа. Можно привести и другие цитатные заглавия рассказов писателя, в которых нашли отражение не только литературные произведения прошлого, но также устойчивые выражения, названия известных Интернет-сайтов и др.: «Ищите женщину», «Одноклассники.ru», «Ангелочек», «Жизнь после жизни», «Тщетная предосторожность», «Там, за поворотом», «Вечный город», «Имя-отчество», «Воробьевы горы» и т. д.

Конечно, рассказы, на первый взгляд, довольно агрессивны, жестоки, но под этой тактикой повествования кроется суровая реальность, жестокая реальность всех времён. Автор подразумевает диалог с чеховскими временами через переключки текстов, хочет показать, что, казалось бы, мир движется, цивилизация глобализуется, развитие не стоит на месте, но борьба с коварством, злом, похотью, грешностью не приводит к положительным результатам и жестокость и аморальность не планируют исчезать с фона людского мировоззрения.

Особенно много межтекстовых связей обнаруживается в прозе В. Дегтева. Для этого писателя интертекстуальность является принадлежностью индивидуального стиля. А. В. Курганская, посвятив анализу межтекстовых связей в прозе В. Дегтева много времени, пишет: «Межтекстовый словесный ряд может быть компонентом любой композиционной части целого текста. Он отмечается и в субъективированном

повествовании (в каждой из форм), и в авторском повествовании. Межтекстовый словесный ряд – полноценный компонент целого текста и одновременно – компонент языковой композиции. Межтекстовый словесный ряд в прозе В. Дегтева лежит в основе динамического развёртывания текста. В основе построения межтекстового словесного ряда лежат разнообразные языковые средства, как лексические, так и грамматические. Объём межтекстовых словесных рядов также разнообразен – от одного слова до обширного контекста» [3, с. 10]. Говоря о соотношении интертекстуальности и межтекстовых связей, А. В. Курганская отмечает: «Из определений видно, что межтекстовые связи и интертекстуальность в узком смысле можно считать синонимичными явлениями. Понятие интертекстуальности в широком значении значительно шире межтекстовых связей» [3, с. 11]. Многие рассказы В. Дегтева имеют цитатные заглавия: «Гладиатор», «Крёстный отец», «Аустерлиц», «Крылышка золотописьмом», «Кровавая Мери».

В научных публикациях последних лет общим местом стало утверждение для интертекстуальности как отражения мироощущения и самоощущения современного человека. Существуют разные виды интертекстуальности, разные типы языковых личностей – авторов и читателей, создающих и декодирующих интертекстуальные знаки медиатекстов. Но, в первую очередь, не стоит забыть, что и автор, и читатель – это элементы одной действительности, поэтому понимание и осмысление, а самое главное – двусторонняя связь, конечно же, существует.

Интертекстуальность – это глубина текста, определяющая его способность накапливать информацию не только за счёт отражения в действительности, но и опосредованно, при извлечении её из других текстов. Она связана с такими понятиями, как традиция, семиотическая память культуры. Интертекстуальность делает текст своего рода своеобразной структурой, сквозь которого просматривается с другим текстом. Именно интертекстуальность обеспечивает тексту такое качество, как смысловая многомерность.

Интертекстуальность обнаруживается в процессе взаимодействия двух творческих субъектов – автора и читателя. Умение пользоваться данным приёмом помогает автору передать ту мысль, которую он хочет донести до читателя, определённым образом закодировав её. А пере-

ключка рассматриваемой проблемы в разных произведениях доказывает, что проблема всё-таки есть и о ней стоит задуматься уже в серьёзно.

С другой стороны, говоря об интертекстуальности, необходимо учитывать и другое – творческую личность, а также тех, кто воспринимает новый текст, то есть читателя, зрителя. Восприятие любого языкового феномена регулируется прагматическим контекстом – речевой ситуацией, в которую включено высказывание. Проблема извечна, но восприятие её в чем-то схоже, а в чём-то и различно во все времена, так как мировоззрение людей с течением времени всё-таки меняется, как меняется и история и мир вокруг.

Значительно возросшая доступность произведения искусства и массовое образование, развитие средств массовой коммуникации и распространение массовой культуры (как бы к ней ни относиться) привели к тому, что можно выразить следующими словами: обо всём уже сказано, но не всё продумано.

В заключение целесообразно отметить, что теория интертекстуальности складывалась, главным образом, в ходе исследования интертекстуальных связей в художественной литературе, но в действительности масштабы её употребления гораздо шире. Интертекстуальные

связи устанавливаются между произведениями изобразительного искусства, архитектуры, музыки, театра, кинематографа. Например, известный фильм К. Тарантино «Криминальное чтиво» почти весь скомпонован из сюжетных, жанровых и изобразительных цитат. Другими словами, важно отметить, что употребление межтекстовых словесных рядов в языковой композиции является достаточно результативным приёмом. Можно говорить о визуальной и звуковой интертекстуальности (тексты, ориентированные на прочие органы чувств, встречаются достаточно редко, но, в принципе, и в них можно представить себе интертекстуальные связи).

Таким образом, функционирование интертекстуальных знаков в языковой композиции соотносится с одним из достаточно известных в обществе выражений, которое гласит: «Смысл сообщения – в реакции, которую оно вызывает». Используемые элементы интертекстуальности придают произведению определённую эмоциональную окраску, которая в паре с эффектом неожиданности оставляет неизгладимые впечатления от произведения. Интертекстуальность – важный компонент языковой композиции. Очевидно, можно сказать, что без интертекстуальности не может быть художественного текста. В современной прозе роль интертекстуальных элементов усиливается.

Список литературы

1. Ахметова Г. Д. Языковые процессы в современной русской прозе (на рубеже XX–XXI вв.). Новосибирск : Наука, 2008. 168 с.
2. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог, роман (1967) // Французская семиотика. От структурализма к постструктурализму. М. : Лабиринт, 2000.
3. Курганская А. В. Межтекстовые связи в языковой композиции (на материале прозы Вячеслава Дегтева) : автореф. ... дис. канд. филол. наук. Архангельск, 2011. 23 с.

Источники :

4. Дегтев В. И. Крест : книга рассказов. М. : Андреевский флаг, 2003. 448 с.
5. Драгунский Д. В. Господин с кошкой. 111 лучших и 53 новых рассказа. М. : РИПОЛ классик, 2010. 416 с.
6. Садулаев Герман. Я – чеченец! Екатеринбург : Ультра ; Культура, 2006. 288 с.

Статья поступила в редакцию 24 ноября 2011 г.

ЗАРУБЕЖНАЯ ФИЛОЛОГИЯ

УДК 82.091:81.111'255.6'06
ББК 83.3(4Вел) – 7*81.2 Анг

М. С. Долгополая
аспирант, Сахалинский государственный университет
(г. Южно-Сахалинск, Россия),
e-mail: m_dolgopolaya@mail.ru

Англоязычное литературоведение в России второй половины XX – начала XXI века: переводные и оригинальные издания

В статье рассматриваются переведенные в России работы западных учёных и фундаментальные исследования отечественных литературоведов. Все эти работы составляют единое понятийно-терминологическое пространство с англоязычной специальной лексикой, доминанта которой в современной науке над терминами и понятиями из других западных языков объясняется тем, что специалисты Великобритании и США занимают лидирующие позиции при открытии новых интерпретационных методов и обслуживающих их терминов и понятий.

Ключевые слова: теория литературы, западное литературоведение, англоязычная литературоведческая терминология, термин, понятие.

М. S. Dolgopolaya
graduate student, Sakhalin State University
(Yuzhno-Sakhalinsk, Russia),
e-mail: m_dolgopolaya@mail.ru

English Literary Criticism in Russia in the Second Half of the 20th and the Beginning of the 21st Century: Translated and Original Publications

The paper analyzes Western scientists' translated publications and Russian literary critics' fundamental investigations. These works constitute terms-and-notions corpus with special English vocabulary. The amount of English vocabulary in contemporary science prevails in comparison with the terms and notions borrowed from other Western languages. The fact can be explained by the leading positions of Great Britain's and the USA's specialists in discovering new interpretative methods and coining new terms and notions to describe them.

Keywords: literary criticism, Western literary criticism, English literary criticism terminology, term, notion.

Активное освоение западной терминологии в отечественной теории литературы приходится на вторую половину XX – начала XXI вв. Именно в этот период появляются различные переводные работы и оригинальные издания отечественных учёных, разрабатывающих проблемы теоретического литературоведения на Западе. Примечательно, что западная теория литерату-

ры, понятийно-терминологический аппарат которой имеет мультиязычную этимологию, представлена в России не только исследованиями из Великобритании или США (как, например, книгой «Теория литературы» Р. Уэллека и О. Уоррена (пер. 1978)), но и работами учёных из других европейских стран (Германия: «Общее литературоведение» М. Верли (пер. 1957); «Основные

понятия истории искусств: проблема эволюции стиля в новом искусстве» (пер. 2002); Польша: «Введение в литературоведение» Е. Фарино¹ (пер. 2004) и др.). Наиболее обстоятельные исследования отечественных учёных по западному литературоведению появились сравнительно недавно. Самыми заметными изданиями считается «Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины» (1999), а также коллективное издание «Западное литературоведение XX века: энциклопедия» (2004). В совокупности переводные работы зарубежных учёных и исследования отечественных специалистов в области западного литературоведения составляют единую картину, в составе которой каждой из книг отведена своя роль. Все эти работы, прежде воспринимаемые как обособленные, способствуют созданию единой цельной концепции мировой теории литературы (ориентированной всё же в большей степени на Западную Европу и США и одновременно с этим по преимуществу на англоязычную, франкоязычную и немецкую литературоведческую лексику).

Рассмотрим одно из первых исследований западной теории литературы в России. Так, в книге «Основные понятия истории искусств: проблема эволюции стиля в новом искусстве» («*Kunstgeschichtliche Grundbegriffe*», 1915) Г. Вёльфлин² (1864–1946) сумел лаконично сформулировать основные стили искусства (линейный, живописный, тектонический и др.), а также систематизировать необходимый терминологический аппарат для работы в области истории искусств. В целом книга Г. Вёльfliна посвящена понятийному глоссарию истории искусства (прежде всего – живописи, пластике и др.). Однако именно эта работа немецкого учёного имела максимально широкий резонанс на Западе и отчасти положила начало комплектованию литературоведческого словаря первой четверти XX в. Г. Вёльфлин, подробно рассказывая о различных полотнах западноевропейских художников, пишет об отсутствии специальной и необходимой для анализа произведений искусства терминологии, которую, по мнению учёного, необходимо обновлять. Так, в частности, говоря о Ренессансе, Г. Вёльфлин утверждает, что «старые термины классической эстетики больше непригодны» [2, с. 126]. Одновремен-

но с этим учёный замечает, что терминологические границы относительно разных понятий довольно часто бывают неточными, например, «в области терминологии история пластики наталкивается на те же затруднения, что и история живописи» [2, с. 65]. Относительно литературоведческого глоссария Г. Вёльфлин приводит иллюстрацию со «связным повествованием», разработанным ещё в XVI в., но только во время барокко возникла «напряжённость мгновения, и лишь с тех пор существует драматический рассказ» [2, с. 204].

В «Общем литературоведении» («*Allgemeine Literaturwissenschaft*», 1951) М. Верли³ (1909–1998) описываются разнообразные западноевропейские (по преимуществу немецкие и швейцарские) исследования, связанные с базовыми вопросами теории литературы в период начала второй мировой войны и вплоть до 1950 г. Работа М. Верли стала первым переводным в России трудом после продолжительного периода «холодной войны» и именно по этой причине в своё время представляла особый информационный интерес в научной среде, так как давала исключительно полное (на тот период развития научной мысли в России) понимание степени развития западной теории литературы.

Примечательно, что М. Верли под литературоведением подразумевает науку «о сущности, происхождении, формах выражения и жизненных связях художественной литературы» [3, с. 9], «о принципах и методах научного исследования» [3, с. 9]. В понимании М. Верли литературоведение – гуманитарная наука «о наиболее возвышенной форме человеческого бытия, проявляющего себя в поэтическом слове» [3, с. 13]. При этом учёный полагает, что литературоведение «не может считаться отдельной и специальной дисциплиной» и поэтому развитие теории литературы невозможно без смежных дисциплин [3, с. 13]. По мнению М. Верли, достаточно подробно изучившего работу Г. Вёльfliна «Основные принципы теории искусства», на литературоведение «особенно сильно повлияла <...> наука об изобразительных искусствах с её типологией стилей» [3, с. 61].

Большинство литературных произведений периода первой мировой войны отражали трагическую сущность эпохи, сопряжённой с гибелью человечества. В начале второй половины XIX в. прослеживается тенденция, ориентиру-

¹ Фамилия этого учёного в русской транскрипции может звучать не только как Ежи Фарино, но и Ежи Фарыно.

² Генрих Вёльфлин – известный немецкий искусствовед, воспринимавший искусство идеалистически.

³ Макс Верли – швейцарский литературовед, работал профессором Цюрихского университета.

ванная на раскрытие внутреннего мира человека. Следствием этого становится отражение новых тем «в лирике, в идее чистой поэзии (*poésie pure*), т. е. абсолютной поэзии, которая берёт на себя исключительно строгий труд по очищению и преобразованию поэтического языка, а вместе с ним и самого человека» [3, с. 17–18].

На взгляд М. Верли, литературоведение считается относительно молодой наукой, которая не обладает собственными традициями, так как большой процент терминологического оснащения был заимствован теоретиками литературы из наследия немецких философов (основателя «духовно-исторического» метода В. Дильтея (1833–1911); главы позитивистско-филологического метода В. Шерера (1841–1886) и др.). Учение К. Г. Юнга (1875–1961) «об архетипах и так называемом процессе индивидуализации» также способствовало развитию теории литературы и появлению в ней новой терминологии [3, с. 21]. Последующее развитие литературоведения связано с философскими движениями первой половины XX в. Благодаря М. Хайдеггеру (1889–1976) литературному творчеству стала отводиться главенствующая роль, «феноменологическое описание художественного произведения получает <...> новое обоснование, а традиционные литературоведческие термины, как например «стиль», «жанр», «настроение», приобретают уже другой подтекст, созвучный идеям экзистенциализма [3, с. 23]. М. Верли считает важной характеристикой современной теории литературы разработку поэтики всего произведения, поэтому учёный настаивает на том, что само художественное произведение и должно стать основным предметом исследования.

Кроме прочего, М. Верли в своей книге сделал детальное, упорядоченное описание самых последних теоретических работ на Западе (Г. Вёльфлина, К. Визтора, Э. Лундинга, Х. Опделя, Х. Понгса и др.), определил историческое становление и функции литературоведения, место теории литературы в системе других наук, проанализировал типологию литературного творчества и совершенствование жанровой иерархии.

Ещё одной интересной работой западноевропейской научной мысли, имеющей переводную версию в России, представляется исследование Р. Уэллека (1903–1995) и О. Уоррена (1899–1986) «Теория литературы» (*Theory of literature*), 1949), в которой даётся подробное представление о литературоведческой методологии и утверждается деятельность «новой

критики». Значительная часть «Теории литературы» написана Р. Уэллем¹, который специализировался на проблемах сравнительного литературоведения. Соавтором Р. Уэллека по книге «Теория литературы» стал О. Уоррен², в основном занимавшийся вопросами истории литературы. Р. Уэллек и О. Уоррен нацеливают читательскую аудиторию на необходимость «утвердить преимущественное значение анализа художественной формы» [8, с. 6], поэтому и концентрируются в своей «Теории литературы», прежде всего, на проблемах методологии литературоведения и поэтике.

Говоря о природе литературы, Р. Уэллек не углубляется на важном моменте отражения искусства в действительности, а только описывает языковые формы. По мнению Р. Уэллека, любой из родов (лирика, эпос или драма) возникает из мира «вымысла и воображения», не имеющего ничего общего с реальной действительностью [8, с. 42]. Далее Р. Уэллек продолжает свою мысль и приходит к выводу, что исключительно все писатели в своих произведениях опираются на вымысел. При рассуждении о различных формах слова, а также о литературных жанрах Р. Уэллемом не используются такие понятия, как человек и жизнь. О. Уоррен, приводя различные примеры об отсутствии связи между искусством и жизнью, полностью поддерживает позицию своего соавтора. Так, О. Уоррен пишет о том, что литература не должна нести общественную функцию; иными словами, писатель существует отдельно от общества и не отражает его настроения. Согласно Р. Уэллеку и О. Уоррену, в литературоведении можно усмотреть внешние и внутренние условия появления тех или иных художественных произведений. Также авторы «Теории литературы» полностью не разделяют мнения о том, что поэт в стихотворении выражает идейные цели, Р. Уэллек и О. Уоррен не считают искренность писателя возможной. Непреодолимая пропасть между творцом и реальностью – главная идея «Теории литературы» англоязычных авторов.

В книге Р. Уэллека и О. Уоррена рассматриваются разные аспекты: о разграничении понятий «литература» и «литературоведение», о ли-

¹ Рене Уэллек (чех по происхождению) известен как преподаватель, сотрудничавший с учебными заведениями Праги и Лондона, работавший в Принстонском, Йельском и других университетах Америки.

² Остин Уоррен преподавал историю литературы в Бостонском, Нью-Йоркском и других американских университетах.

тературной теории, истории и критике, о связи литературы и литературоведения с гуманитарными дисциплинами (психологией, социологией и др.) и различными искусствами (живопись, музыка и др.). Отдельная проблема исследования американских учёных состоит в представлении понятийно-терминологического статуса отдельных слов. Так, в частности, размышляя о термине «литература» («*literature*»), Р. Уэллек и О. Уоррен пишут следующее: «термин “литература” представляется наиболее пригодным, когда мы прилагаем его для обозначения словесного искусства, образной литературы» [8, с. 38]. Однако, по мнению авторов «Теории литературы», существуют определённые трудности, связанные с применением этого термина, так как англоязычные варианты слова «литература» «оказываются непригодными, поскольку в них вкладывается более узкое содержание («поэзия», «проза»), либо не подходят в силу своей громоздкости и неясности («образная литература», «беллетристика»)» [8, с. 38]. Говоря о недостатках термина «*literature*», авторы считают, что он охватывает исключительно «письменную либо печатную литературу», не распространяясь на «устную» [8, с. 39]. А для сравнения вместо «литературы» Р. Уэллек и О. Уоррен предлагают более уместные термины из других национальных культур (нем. «*wortkunst*», рус. «словесность»).

Кроме того, в «Теории литературы», акцентируется внимание на терминах «содержание» и «форма», «которые употребляются в слишком далеко расходящихся смыслах, поэтому их сопоставление не приносит плодов» [8, с. 45]. Например, в терминах «филология» и «пропаганда» авторы отмечают отсутствие семантической нагрузки и предлагают употреблять эти термины исключительно контекстуально.

Отдельно авторы учебника «Теория литературы» пишут и о терминах, введённых в мировое пространство теории литературы собственно английскими исследователями. Так, «в английский язык термин “сравнительный” ввёл Мэтью Арнольд, передав им в своём переводе (1848) термин Ампера “*histoire comparative*”» [8, с. 65]. Отметим, что в приведённой цитате речь идёт о французском литературоведе Ж. Ж. Ампере (1800–1864), активно использовавшем в своих работах французское выражение «*histoire comparative*», под которым подразумевается сравнительно-исторический метод (в английском варианте – *comparative historical method*).

Одновременно с уточнением использования в национальных теориях литературы (совокупность которых составляет мировое литературоведение) специфической лексики, калькируемой другими языками, Р. Уэллек и О. Уоррен говорят, что в США наблюдается «удивительное отсутствие контактов между изучающими английскую литературу, немецкую и французскую. Каждая группа наделена своими специфическими особенностями и использует свою специфическую методологию» [8, с. 71].

Р. Уэллек и О. Уоррен пишут о разных терминах теории литературы, называя отдельные из них «расплывчатыми», «требующими уточнений», «лишёнными ясных очертаний», «порождающими много неясностей», являющиеся «не слишком надёжными», «громоздкими», «широкими», «вводящими в заблуждение», «неудачными», имеющие «ограниченное приложение», «противоречивыми» и т. д. Примечательно, что в языковом пространстве «Теории литературы» Р. Уэллека и О. Уоррена слова «термин» и «понятие» достаточно активны и употребляются на протяжении всей книги более 100 раз. И это объясняется тем, что Р. Уэллек и О. Уоррен рассматривали в основном именно теоретические аспекты литературоведения, а также изучали терминологическое состояние западноевропейской науки о литературе.

В учебном пособии «Введение в литературоведение» («*Wstep do literaturoznawstwa*», 1991) Е. Фарино¹ (род. 1941) излагается ситуация, связанная с наукой о литературе в Польше, России и Чехии XX в. В своей книге Е. Фарино не опровергает опыт других западноевропейских литературоведов, но одновременно с этим предлагает своё представление на вопросы теории литературы. С. А. Гончаров справедливо отмечает, что «теоретические идеи Фарино и его метод обрели сторонников в разных странах, их развивают талантливые исследователи Анна Маймескулов и Роман Бобрик в Польше, не без влияния идеи автореферентности Фарино строит теорию литературного дискурса Арпад Ковач в Венгрии, заметно влияние его работ и в российских исследованиях» [4, с. 6]. То есть теоретические идеи Е. Фарино постепенно про-

¹ Ежи Фарино – польский литературовед, преподавал историю литературы и поэтику в Варшавском университете; известен как переводчик на польский язык работ Ю. Д. Апресяна, Ю. М. Лотмана, М. Л. Гаспарова и др.; автор исследований по семиотике и мифопоэтике русского авангарда, а также трудов о творчестве Б. Пастернака и М. Цветаевой.

никают в мир западного и отечественного литературоведения и тем самым наблюдается ситуация, когда и польские теоретики литературы включаются в пространство научного литературоведческого мышления, в большинстве своём имеющем англоязычную этимологию.

Во «Введении в литературоведение» Е. Фарино рассматривает собственно науку о литературе и её основные части – свойства и функции литературного произведения, литературных персонажей, предметный мир, речевые и литературные «упорядоченности текста». Автор намеривается посредством приведённых примеров из художественной литературы побудить читателя «подобрать аналогичные и, вероятнее всего, более удачные, обратить внимание на некие новые <...>, свойства литературного текста, а также поставить вопрос о весомости данного явления для произведения, автора, литературной формации и о его исторической эволюции» [9, с. 9].

Согласно Е. Фарино, «научная, пытающаяся сформулировать и упорядочить наличные и постулируемые понимания искусства, рефлексия развилась в самостоятельную науку – теорию искусства вообще и теорию литературы в частности» [9, с. 60]. По мнению Е. Фарино, теория литературы – «это сформулированные представления как о самом художественном произведении, так и об историческом художественном процессе» [9, с. 61]. Наблюдение и разбор художественного произведения учёным является базовым материалом для «сформулированных представлений». Внимание теоретиков литературы, согласно Е. Фарино, должно сосредотачиваться, прежде всего, на художественном произведении.

Е. Фарино в своей работе поднимает очень важную проблему, признавая существование в современной науке группы терминов и понятий, звучащих по-разному, но имеющих общий смысл. Так, Е. Фарино отмечает, что «термины “фабула” и особенно “сюжет” в русском литературоведении в разных концепциях заполняются разными смыслами (а в работах, терминологически менее строгих, одно и другое именуется чаще всего только “сюжетом”» [9, с. 605]. Термины «сюжет» и «фабула» учёный соотносит и с польскими вариантами, утверждая, что «русскому “фабула” соответствует термин “*schemat (układ) fabularny*”, а русскому “сюжет” – “*fabula*”, который иногда даже вообще отождествляется с конкретными нарративными текстами» [9, с. 605].

Одновременно с терминологической синонимией в литературоведении есть место и омонимии. «... в трудах теоретиков, принадлежащих к разным литературоведческим направлениям, – пишет Е. Фарино, – мы можем встретить даже одинаковые формулировки и одинаковые термины, но тем не менее это мнимая одинаковость – всегда следует помнить о том, что они объясняются неодинаково, имеют неодинаковый смысл и вес» [9, с. 61].

Расширению литературоведческого словаря способствует и введение новой терминологии. Сам Е. Фарино, «руководствуясь польской литературоведческой традицией (польск. “*genologia*”)» [9, с. 592], предлагает термин «генология». «В русском литературоведении, – замечает учёный, – этот термин отсутствует, и нет там также такого не описательного термина, под которым подразумевалась бы наука о родах и жанрах (хотя сама наука и существует)» [9, с. 592].

Примечательно, что в книге Е. Фарино не определяются лидирующие позиции англоязычной литературоведческой терминологии в пространстве мировой теории литературы. Но безусловно, что учёным отмечаются устойчивые термины и понятия из мирового литературоведения, пришедшие в терминологический глоссарий из Великобритании или США. Например, размышляя о литературном мире «героев у Достоевского или Белого», Е. Фарино пишет, что этот мир «современное литературоведение охотнее всего называет “мифопоэтическим”» [9, с. 91]. Напомним, что английское слово «мифопоэзия» (англ. *mythopoeia*) было введено американским учёным Г. Слокхвером (1900–1991) в его работе «Мифопоэзия» («*Mythopoesis*», 1970). Как пишет А. С. Козлов, термином «мифопоэзия» «обозначается большое количество художественных произведений различных эпох и жанров, в которых выявляется одна и та же, весьма жёсткая мифологическая структура или каркас» [7, с. 236]. В основном этот термин Г. Слокхвера употребляется в поэзии и продолжает наполняться расширительными понятийными формулировками.

Кроме того, автор «Введения в литературоведение» поднимает вопрос о расширении глоссария современной науки. Обобщая информацию об описательной поэтике, Е. Фарино отмечает, что «она может пополняться новыми терминами, называемыми не встречавшимися раньше или не отмечавшимися свойства художественных текстов. Во втором – она позволяет обнаружить в тексте соответствующие её категориям яв-

ния и этим самым описать его состояние, его свойства» [9, с. 67]. Учёный убежден, что «никакая структура не выдаст никакой информации о себе самой, если она будет описываться в её собственных терминах» [9, с. 109]. Однако, размышляя о проблемах глоссария в литературоведении, Е. Фарино ничего не пишет о предпочтительном в научном словаре языке – базовом языке международной литературоведческой терминологии.

В России в энциклопедическом справочнике под редакцией И. П. Ильина и Е. А. Цургановой «Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины» (1999) была сделана первая попытка представить все западноевропейские и американские существующие литературно-критические школы XX в. Композиционно книга делится на две части: в первой представлен «общий свод терминологии “новой критики”, структурализма, рецептивной эстетики, нарратологии, деконструктивизма» [10, с. 3], во второй – анализируется понятийный аппарат «герменевтики, феноменологических школ, мифологической критики и постмодернизма» [10, с. 11].

В энциклопедическом справочнике представлены общие термины и понятия, имеющие мультиязыковую направленность. Это, прежде всего, слова английского, французского и немецкого происхождения. Подобный отбор слов из трёх европейских языков неслучаен: именно английское, французское и немецкое литературоведение в XX в оказывают на другие национальные теории литературы максимально сильное воздействие и именно за счёт этих языков пополняется международный глоссарий мировой теории литературы. Однако доля терминов и понятий с английской этимологией несколько выше, чем литературоведческий словарь, имеющий французскую или немецкую этимологию. В контексте языковой неоднородности лидирующие позиции отводятся именно группе слов с английской этимологией (деконструктивизм, «новая критика» и др.). При этом, например, в книге «Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины» представлено только одно слово латинского происхождения – термин нарратологии «ауктор» [5, с. 19]. Кроме того, на страницах энциклопедического справочника в единичных случаях фиксируются и слова из других языков, чаще всего греческого. Так, в частности, английское слово «*myth*» произведено от греческого «древнейшее сказание» [7, с. 221], а

слово «*hermeneutics*» имеет греческое происхождение и означает «толкование», «объяснение» [10, с. 185].

Интересно, что из 96 слов энциклопедического справочника 45 слов имеют английскую этимологию (интенциональность, рефлексия, фьюджитивисты и др.). При этом отмечается и другая важная деталь: небольшая группа терминов и понятий одновременно связана с несколькими языками (например, «имплицитный автор» в английском варианте представлен как «*implied author*», во французском – как «*auteur implicite*», а в немецком – как «*impliziter autor*») [5, с. 46].

Коллективная энциклопедия «Западное литературоведение XX века» (2004) под редакцией Е. А. Цургановой включает в себя основные направления, школы и теории европейского литературоведения XX ст. Также в этом энциклопедическом издании подробно описывается возникновение и становление бытующих на Западе литературоведческих терминов и понятий, представлены биографии и подробно рассказано о деятельности теоретиков и критиков из 18 стран (Великобритании, Германии, Испании, Италии, Канады, США, Франции и др.). Примечательно, что в энциклопедии заявлены и сравнительно новые, всё ещё продолжающие развиваться направления теории литературы. В этом издании, как и в энциклопедическом справочнике под редакцией И. П. Ильина и Е. А. Цургановой, представлены общие термины и понятия английского, французского и немецкого происхождения, а также небольшая группа слов, относящихся к другим языкам (например, греч. «диахрония», лат. «ауктор», итал. «история языка», «герметическая критика», «критика вариантов» и др.).

Примечательно, что из 177 слов энциклопедии 88 имеют английскую этимологию. Все без исключения 45 англоязычных терминов и понятий, упомянутые в «Современном зарубежном литературоведении (стран Западной Европы и США)», также зафиксированы в «Западном литературоведении XX века». Однако в энциклопедическом издании по западному литературоведению 2004 г. практически в два раза превышен количественный состав англоязычных терминов и понятий, заявленных в справочнике под редакцией И. П. Ильина и Е. А. Цургановой в 1999 г.

Е. А. Цурганова во вступительной статье «Панорама западного литературоведения XX века» к энциклопедии отмечает, что в начале XX ст.

национальные науки о литературе в Англии, Франции и Германии не взаимодействовали и поэтому развитие мирового литературоведения было несколько проблематичным. Так, немецкие литературоведы изучали феноменологию и герменевтику, главные идеи которой нашли своё отражение во второй половине XX в. «в разновидности рецептивно-эстетических теорий» [11, с. 10]. Французские учёные занимались структурализмом, а англо-американские в начале XX ст. – «новой критикой», а во второй половине века – деконструктивизмом. В преддверии этого американский «литературный климат формировали писатели» [11, с. 11], хотя, по мнению Е. А. Цургановой, эта тенденция не способствовала развитию литературоведения в целом из-за разрозненности профессиональных интересов. Однако, как пишет Е. А. Цурганова, с 1910 г. писатели и литературные критики начинают объединяться, поэтому и сформировалась «школа академических “защитников идеального”» [11, с. 11], предтечей которой явились нью-йоркские поэты «группа пятерых» [11, с. 11]. Уже более профессиональным стало направление «нового гуманизма», образовавшегося благодаря деятельности Ирвинга Бэббита и Поля Элмера Мора. Вслед за «новым гуманизмом» появились такие направления, как: «литературные радикалы», «эстетическая критика», «новая критика», методика «пристального прочтения текста» и др.

Примечательно, что начало XX ст. стало трудным периодом развития западного литературоведения, а самая тяжёлая ситуация была в американской теории литературы: её «терминология и аргументация, разработанная в годы активной научной деятельности теоретиков литературы <...>, осталась неизменной» [11, с. 14]. И как следствие, американское литературоведение столкнулось с проблемой утраты лидирующих позиций на Западе, но со второй половины XX в. американские учёные начинают оформлять накопленные теоретические и практические знания (как, например, в книгах «За пределами формализма» («*Beyond formalism: literary essays*», 1970), «Критика в пустыне» («*Criticism in the wilderness: the study of literature today*», 1980) Дж. Хартмана (род. 1929)). Также в Америке «в русле культурных исследований ярко обозначился специфический аспект посткультурных исследований, вобравший в себя постколониальные исследования, проблемы культурного пограничья, культурной критики, чёрной эстетики» [11, с. 20]. Все эти литератур-

ные направления породили мультикультурное пространство, наиболее близкое американцам в их многонациональной среде.

В России в XX в. издавались переводные версии известных западных теоретиков литературы, а также отечественных литературоведов. Наибольшее развитие теория литературы получила именно на Западе, что видно по книгам, переведённым с английского, немецкого, французского и польского языков. Современное литературоведение находится в постоянном движении, в понятийно-терминологическом отношении оно открыто для воздействий со стороны разных национальных культур. Однако наибольшее воздействие на мировую теорию литературы XX в. имеет английская, французская и немецкая наука. При этом доля заимствований специальной научной лексики из английского языка находится в примерном соотношении 50 % (англоязычной лексики) на 50 % (французской, немецкой и др.).

В начале XXI в. мировое литературоведение расширяется не только за счёт активной научной мысли в Европе и Америке, но и благодаря начинающей формировать теорию литературе на Востоке и в Африке. Как отмечают Х. Исмаилов и Р. Султанова, «в литературе и искусстве средневекового Востока исходные послышки <...> закреплены в виде канонов и носят универсальный, мировоззренческий характер» [6, с. 82], поэтому очевидна необходимость соотнесения восточного художественного опыта с западной методологией. Одновременно с этим и Вл. Вавилов считает, что западная теория литературы может распространяться и на творчество писателей и поэтов Африки. «... в англоязычном регионе Тропической Африки, в отличие <...> от Вост-Индии, – пишет Вл. Вавилов, – писателей европейского происхождения просто нет» [1, с. 470]. В середине XX в. «западноевропейские критики, обратившись к творчеству <...> африканских литераторов, безоговорочно относили их произведения к английской литературе» [1, с. 471], в то время как сами «малочисленные африканские критики», не располагая достаточным количеством материала, не препятствовали проникновению в их научную культуру интерпретационного анализа с Запада. Формирование национального литературоведения Западной, а затем и Восточной Африки набирало «силу, вынося вопрос об аутентичности англоязычных африканских литератур в центр литературоведческой полемики» [1, с. 471].

Все рассмотренные книги зарубежных и отечественных учёных являют собой систематизированные, тщательные обзоры исследований в области западной теории литературы. В своих работах литературоведы представили собственные взгляды относительно вопросов комплектования литературоведческого словаря. Всё это происходит по причине определения авторами описанных изданий исторического становления и функций литературоведения, места теории литературы в системе других наук, методологии литературоведения, разграничения понятий «литература» и «литературоведение», литературной теории, истории и критике, представ-

ления понятийно-терминологического статуса отдельных слов, а также свойств и функций литературного произведения.

Несмотря на то, что западная теория литературы испытывала кризис в начале XX в., благодаря целой плеяде учёных, прежде всего относящихся к англоязычной среде (Америке, Великобритании, Австралии, Новой Зеландии и части Африки), в настоящее время понятийно-терминологический глоссарий литературоведения продолжает оснащаться. При этом англоязычная литературоведческая часть (уже сейчас составляющая примерно 50 % от общего количества терминов и понятий) в перспективе будет только увеличиваться.

Список литературы

1. Вавилов Вл. Понятийный аппарат в изучении литературного процесса африканских стран // Теория литературы. Том IV. Литературный процесс / глав. ред. Ю. Б. Боров. М.: ИМЛИ РАН ; Наследие, 2001. С. 470–471.
2. Вёльфлин Г. Основные понятия истории искусств / пер. с нем. А. А. Франковского. М. : Изд-во В. Шевчук, 2002. С. 65–204.
3. Верли М. Общее литературоведение / пер. с нем. В. Н. Иевлевой. М. : Изд-во иностранной литературы, 1957. С. 9–61.
4. Гончаров С. А. Западная славистика. Ежи Фарино // Фарино Е. Введение в литературоведение / пер. с польск. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. С. 6.
5. Ильин И. П. Ауктор // Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины. Энциклопедический справочник / под ред. И. П. Ильина и Е. А. Цургановой. М. : Интрада, 1999. С. 19–46.
6. Исмаилов Х., Султанова Р. Канон – инвариант восточного литературного процесса. Проблемы методологии ориенталистики // Теория литературы. Т. IV. Литературный процесс / глав. ред. Ю. Б. Боров. М., ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. С. 82.
7. Козлов А. С. Мифопоэзия // Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины. Энциклопедический справочник / под ред. И. П. Ильина и Е. А. Цургановой. М. : Интрада, 1999. С. 221–236.
8. Уэллек Р., Уоррен О. Теория литературы / пер. с англ. А. Зверева, В. Харитоновой и И. Ильина. М. : Прогресс, 1978. С. 6–71.
9. Фарино Е. Введение в литературоведение / пер. с польск. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. С. 9–605.
10. Цурганова Е. А. Введение // Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины. Энциклопедический справочник / под ред. И. П. Ильина и Е. А. Цургановой. М. : Интрада, 1999. С. 3–11.
11. Цурганова Е. А. Панорама западного литературоведения XX века // Западное литературоведение XX века: Энциклопедия / глав. науч. ред. Е. А. Цурганова. М. : Intrada, 2004. С. 9–21.

Статья поступила в редакцию 11 октября 2011 г.

УДК 81'34
ББК Ш143.21

Е. Н. Макарова
кандидат филологических наук, доцент,
Уральский государственный экономический университет
(г. Екатеринбург, Россия),
e-mail: makarovayn@mail.ru

Интонационные характеристики эмфатической речи: к проблеме испано-английской интерференции

Статья посвящена особенностям реализации эмфатического ударения в английском и испанском языке посредством сдвига интонационного центра с финальной фразовой позиции на наречия-интенсификаторы. Полученные экспериментальным путём данные подтверждают использование смещения интонационного центра в испанском языке для выражения эмфазы. Результаты экспериментально-фонетического исследования реализации идеи усиления в английской речи мексиканцев свидетельствуют об интерферирующем влиянии родного языка дикторов-мексиканцев на выбор ими интонационного центра в английской речи.

Ключевые слова: эмфатическое ударение, интонационный центр, межъязыковая интерференция, наречие-интенсификатор.

E. N. Makarova
Candidate of Philology, associate professor,
Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia),
e-mail: makarovayn@mail.ru

Intonation Characteristics of Emphatic Speech: the Problem of Spanish and English Language Interference

The article discusses the peculiarities of emphatic accent characteristics in Spanish and English through sentence nucleus shifts from the final position in the phrase to adverb-intensifiers. Experimental findings prove the use of sentence nucleus shifts to express emphasis in Spanish. The phonetic experiment results reveal the interference of Mexican speakers' mother tongue on the choice of their intonation nucleus in English emphatic speech.

Keywords: emphatic stress, intonation nucleus, cross-language interference, adverb-intensifier.

Для выражения эмоций в речи используются различные интонационные средства. В реализации выразительности устных произведений несомненна большая роль мелодики. Однако, как правило, мелодический компонент используется в обязательном сочетании с другими элементами интонации, в том числе с местом интонационного центра в высказывании. Сопоставительное изучение неэмфатической речи на материале разных языков представлено достаточно широко. Одной из наиболее значимых работ последних лет является диссертационное исследование А. А. Лебедевой, посвящённое нормативным случаям расхождения в положении интонационного центра в английских и русских фразах. Анализируя неэмфатическую речь, А. А. Лебедева замечает, что в эмфатической речи отличия подобного рода незначитель-

ны, поскольку тема-рема-ическая конфигурация предложений разных языков в этом случае, как правило, оказывается идентичной [2]. Анализ примеров из английского и русского языка действительно подтверждает это, поскольку в контекстно-зависимых высказываниях в обоих языках будет главноударно то, что ново, неизвестно, контрастно или несёт на себе оттенок эмфазы. Сопоставление других неблизкородственных языков, однако, позволяет предположить, что интонационные средства в эмфатической речи могут использоваться с разной степенью интенсивности. Предпосылки для таких различий можно выявить при контрастивном анализе интонационных систем английского и испанского языка.

Английская речь характеризуется главноударностью последнего лексического элемента

высказывания, принадлежащего к неэмфатической речи. Однако существует немало причин смещения интонационного центра с финальной фразовой позиции. Наряду с ударением контраста, одним из факторов, способных изменить нейтральный акцентный рисунок английской фразы в английском языке, является эмфатическое или, по Д. Болинджеру, «эмоциональное» ударение [3], которое, по мнению Я. М. Блоха является «безусловно связанным с выражением информативного центра сообщения» [1, с. 190]. По утверждению Р. Хогга и С. МакКалли: «если ударение эмфазы имеет место в высказывании, оно всегда «пересиливает» нейтральное фразовое ударение» [7, с. 4]. В английском языке, как правило, реализация эмфатического ударения соотносится с акцентным выделением различных интенсификаторов, целью которых является усиление значений других лексических единиц, присутствующих во фразе. В понимании А. Краттендена, использование в речи интенсификаторов усиливает вероятность изменения места интонационного центра и его смещения влево [5]. Это утверждение хорошо иллюстрирует высказывание «It won't make the *slightest* difference», приведённое в работе Д. Уэллса в качестве примера эмфатического ударения на прилагательном «*slightest*» [10, с. 181].

Испанский язык, как и некоторые другие языки романской группы, имеют особенности в локализации интонационного центра. По мнению О. Лиры, в испанском языке интонационный центр, как правило, находится на ударном слоге последней лексической единицы фразы вне связи её принадлежности к эмфатической или неэмфатической речи. Вместе с тем, экспериментальные исследования, проведённые автором, выявили нерегулярные случаи сдвига интонационного центра в испанском языке, которые, однако, не являются обязательными [8]. М. Гарсия Лекумберри также пишет о том, что некоторые работы, выполненные на материале латиноамериканских вариантов испанского языка, идут в разрез с мнением о невозможности использования сдвига интонационного центра для выражения информационной структуры предложения [6]. Исследование таких возможностей испанской языковой системы представляется чрезвычайно интересным, поскольку однозначного ответа на вопрос о самом существовании сдвига интонационного центра высказывания не существует, а литературные источники по данной проблеме изобилуют противоречивыми фактами.

М. Велиз в своём сопоставительном исследовании приводит данные о сдвиге интонационного центра в испанской интонационной группе с конечного элемента, зафиксированном в 50 примерах из 1000 (1,25%). Автор полагает, что в чилийском испанском существуют группы слов, чей семантический вес в предложении достаточно значим для того, чтобы именно они являлись главноударными, образуя в терминологии автора «лексический фокус»:

En *muchas cosas*.

Vengo a abler algo muy *importante* con Usted [9, с. 63].

Б. Чела Флорес также пишет о возможном, хотя и нешироко используемом сдвиге интонационного центра на эмфатический элемент [4].

Таким образом, природа и реализация эмфатического ударения в испанском языке не имеет однозначной трактовки, поскольку большинство исследователей ограничиваются констатацией существования возможного, но не обязательного сдвига интонационного центра с финальной фразовой позиции для реализации идеи усиления.

Для выяснения значимости позиционного фактора в испанской эмфатической речи, а также экспериментального подтверждения проявления испано-английской интерференции в английской речи испаноговорящих, был проведён фонетический эксперимент.

Исследуемый материал составили высказывания с маркированным эмфатическим фокусом на испанском и английском языке, являющиеся эквивалентными, с усилительными наречиями «*really*», «*much*», «*never*», «*awfully*», «*very*», «*too*», «*incredibly*» и «*extremely*» в их составе. В первом этапе фонетического эксперимента по записи исследуемого материала на английском языке приняли участие шесть дикторов-американцев. Все полученные реализации, записанные в рамках предложенного дикторам контекста, были прослушаны автором исследования. Результаты слухового анализа, целью которого явилось определение позиции главноударного слова, позволяют сделать вывод о том, что англоговорящие дикторы во всех случаях выбирают в качестве главноударного элемента нефинальную лексическую единицу, представленную наречием-интенсификатором, например:

– I am so *sorry* Mommy.

– Are you *really* sorry? (интонационный центр выделен в примерах курсивом).

Запись второго этапа фонетического эксперимента проходила в Техасском университете в г. Эль Пасо (США). Тридцати студентам-мексиканцам, изучающим английский язык, было предложено прочесть исследуемые микродиалоги, переведённые на испанский язык в парах. Результаты такого эксперимента были необходимы не только для выявления особенностей местоположения интонационного центра в испанском языке, но и последующего сопоставления английских высказываний и их испанских эквивалентов по позиции главноударного слова. Слуховой анализ выявил, что в 50 % исследуемых фраз дикторы продемонстрировали вариантность в постановке интонационного центра. К наиболее типичным случаям можно отнести следующие примеры:

- ¿Está ocupada?
- Está mucho muy *ocupada*.

ВВ (возможный вариант): – Está *mucho* muy ocupada.

Четырнадцать дикторов-мексиканцев в данном случае предпочли реализовать интонационный центр на лексической единице «mucho». Существование равнозначных вариантов подтверждают и следующие реализации дикторами-мексиканцами исследуемых фраз:

- ¿Está interesante?
- ¡Está muy *interesante!*
- ВВ: – ¡Está *muy* interesante!

Или:

- Él tiene suerte, ¿no crees?
- Él tuvo *muchísima* *suerte*.

ВВ: – Él tuvo *muchísima* *suerte*.

Важно отметить, что примеры, в которых в качестве интонационного центра большинством дикторов был выбран только финальный фразовый элемент, а не наречие-интенсификатор, не имеют значимых структурных и лексических отличий от диалогических единств, приведённых выше. Поскольку фразы, входящие в эту группу достаточно однородны, было решено не проводить аудиторского эксперимента по выявлению различий в их звучании. Однако они были представлены для детального анализа носителю испанского языка, профессору и практикующему преподавателю в Техасском университете г. Эль Пасо. Полученные комментарии позволяют сделать вывод о том, что выделение ядерным тоном наречия-интенсификатора делает высказывание более эмоциональным, не меняя ни её смысла, ни коммуникативного намерения говорящего.

На следующем этапе экспериментально-исследования, дикторам мексиканцам было

предложено реализовать английские высказывания. Аудиторский анализ, проведённый автором исследования, показал: несмотря на то, что испаноговорящие учащиеся знакомы с акцентным выделением наречий-интенсификаторов в родной речи, они избегают реализации на них интонационного центра в целях усиления в английских эквивалентах исследуемых фраз. Выбор наречия-интенсификатора в качестве главноударного слова был зафиксирован лишь в 7 % от общего числа исследуемого материала. Для определения нормативности-ненормативности звучания высказываний с интонационным центром в финальной позиции, было решено провести аудиторский эксперимент. В роли аудиторов выступили профессиональные лингвисты, 3 профессора Техасского университета в г. Эль Пасо, носители американского варианта английского языка. Все высказывания со смещёнными интонационными центрами, выявленные в речи дикторов-мексиканцев, были признаны аудиторами ненормативными. В качестве типичных примеров можно привести следующие микродиалоги:

– Have you ever heard of Dick and Bessie Baxter?

– No, I've *never* heard of them.

ОВ (ошибочный вариант): No, I've never heard of *them*.

По оценкам аудиторов, выделение местоимения «them» является необоснованным, поскольку предшествующий контекст делает абсолютно понятным, о ком идёт речь.

Ещё один типичный пример:

– Is Jennifer looking forward to the meeting?

– Yes, she's *awfully* excited.

– ОВ: Yes, she's *awfully* *excited*.

Вариант с интонационным центром на финальном лексическом элементе признан аудиторами ненормативным. По их оценке, значение фразового глагола «look forward to» (с нетерпением чего-либо ждать) предполагает эмоциональное состояние, выраженное причастием вторым в функции прлагательного «excited». В данном случае, считают аудиторы, важна степень взволнованности Дженнифер, поскольку сам факт её наличия известен обоим участникам диалога.

Сопоставление английских фраз и их испанских эквивалентов по позиции главноударного слова позволяет сделать заключение об интерферирующем влиянии родного языка дикторов-мексиканцев на выбор ими интонационного центра в английской речи:

- ¿Has sabido algo de Dick y Bessie Buxter?
 – Ne oído nada de ellos.

В варианте, признанном аудиторамии-американцами ненормативным, и его испанском эквиваленте, приведённом выше, позиции интонационных центров совпадают:

- ОВ: No, I've never heard of *them*.

Интересно, что даже при существовании двух возможных вариантов места интонационного центра в испанском языке (как например в случае:

- ¿Está emocionada Jennifer por la junta?
 – Sí, está muy *emocionada*.
 – ВВ: Sí, está *muy emocionada*)

дикторы-мексиканцы переносят из родного языка в английский лишь один из двух возможных вариантов, существующих в их родном языке:

- ОВ: Yes, she's awfully *excited*.

Итак, тот факт, что предложения с наречиями-интенсификаторами представили трудность для дикторов-мексиканцев, был довольно неожиданным. Возможность реализации эмфатического ударения на усилительных лексических элементах в их родном языке позволяла предпо-

ложить, что в качестве интонационного центра в английской речи мексиканцев могут выступать наречия-интенсификаторы. Однако в абсолютном большинстве случаев дикторы-мексиканцы выбирали в качестве интонационного финальный фразовый элемент. Такие реализации, однако, оказались недопустимыми с точки зрения нормы английского языка.

Результаты эксперимента также подтверждают немногочисленные данные о возможности использования интонационных средств в испанском языке для выражения эмфазы, пусть и не так широко, как в английском языке. Для дальнейшего подтверждения значимости локализации интонационного центра для выражения эмфазы в испанском языке, а также влияния испанского языка на выбор интонационного центра в английской эмфатической речи будет интересным проведение серии экспериментов с привлечением испаноговорящих дикторов, владеющих английским языком на разных уровнях. Это позволит выявить степень зависимости между сформированностью навыка расстановки фразовых акцентов со степенью владения неродным языком.

Список литературы

1. Блох М. Я. Актуальное членение предложения как фактор парадигматики // Проблемы грамматики и стилистики английского языка : сб.ст. / отв. ред. М. Я. Блох. М. : МГПИ им. Ленина, 1973. С. 171–194.
2. Лебедева А. А. Особенности фразовой акцентуации английского языка в сопоставлении с русским языком в синхронии и диахронии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2001. 52 с.
3. Bolinger D. Intonation across languages // J. P. Greenberg C. A. Ferguson E. A. Moravcsik. Universals of human language. Phonology. Stanford : Stanford University Press. 1978. P. 471–524.
4. Chela-Flores Bertha Optimizing the teaching of English suprasegmentals to Spanish speakers// *Lenguas Modernas* 2001. 28–29. P. 255–273.
5. Cruttenden A. Intonation. Cambridge : Cambridge University Press. 1986. 214 p.
6. Garcia Lecumberri M. L. Realization of Spanish and English Early Focal Accents. 1996. [Cited 20 November 2004]. Available from <http://www.phon.ucl.ac.uk/home/shl9/mluisa/mluisa.html>.
7. Hogg R. and C. B. McCully *Metrical phonology: a course-book*. Cambridge: Cambridge University Press. 1987. P. 279.
8. Ortiz-Lira H. Post-lexical accentuation and the Spanish-speaking EFL student. <http://www.hectorortiz.cl/articulos/pgb:202001.pdf>.
9. Véliz M. A contrastive study of English and Spanish post nuclear patterns. *ONOMAZEIN* 6. 2001. P. 53–68.
10. Wells J. *English Intonation: an Introduction*. Cambridge University Press. 2006. P. 286.

Статья поступила в редакцию 12 декабря 2011 г.

УДК 830(430)(092) Гофман
ББК Ш43(ГЕМ)(=432.42)*8

Л. А. Мишина

*доктор филологических наук, профессор,
Российский государственный социальный университет (г. Москва, Россия),
e-mail: futurum2006@yandex.ru*

Аббревиатуры и иероглифы сна в романе Э. Т. А. Гофмана «Эликсиры сатаны»

В статье анализируется использование Э. Т. А. Гофманом, автором романа «Эликсиры сатаны», феномена сна. Представлена авторская концепция сна, которая была сформирована под влиянием немецкого психолога и философа Г.Шуберта. Дается классификация снов и определяется их место в произведении. Сон также связан с театрализацией повествования в романе. В статье отмечается, что возможны различные классификации сновидений: по тональности, длительности, степени пророчества, фантастичности, роли в сюжете. Сновидения для Гофмана – это важнейшая форма бытия, в котором сочетается реальное и фантастическое. Это точно соответствует его концепции. Именно со сновидением Гофман сравнивает жизнь Медарда в целом, отдельные её эпизоды, мгновения, состояния.

Ключевые слова: язык сна, полусон, сон во сне, сон, обернувшийся явью, осознаваемый сон, сновидческая окраска.

L. A. Mishina

*Doctor of Philology, professor,
Russian State Social University (Moscow, Russia),
e-mail: futurum2006@yandex.ru*

Dream Abbreviations and Hieroglyphs in E. T. A. Hoffmann's Novel *The Devil's Elixir*

The article focuses on the phenomenon of dream in E. T. A. Hoffmann's novel *The Devil's Elixir*. The writer's concept of dream was formed under the influence of the German psychologist and philosopher G. Shubert. The paper classifies dreams and describes their role in the novel. Dream is associated with theatricality of narration in the novel. Various classifications of dreams are based on tonality, duration, degree of prophecy, fantasy, and their role in the plot. According to Hoffmann, dream is the most important form of existence which combines reality and fantasy. Such understanding fully corresponds with his concept. Hoffmann compares Medard's life with a dream, its separate episodes, instants, and states.

Keywords: dream language, drowsiness, dream in dream, dream turned into reality, realizable dream, dreaming color.

Роман немецкого писателя, художника, музыканта и театрального деятеля Э. Т. А. Гофмана «Эликсиры сатаны» (1815–1816) – одно из его мало исследованных произведений. Между тем мистическая история Медарда и его рода, изложенная Гофманом, даёт возможность наиболее полно выявить художественно-эстетическую концепцию автора. Одним из важнейших её феноменов является сон. Писатель максимально использует возможности сна и в содержательном, и в формальном плане [5]. Вигилии в новелле «Золотой горшок» – написанные ночью – оказываются для Гофмана удобной формой преподнесения ирреального; писатель как бы снимает с себя ответственность за достоверность происходящего и предоставляет возможность читателям самим решать, что это – явь, сон,

мечта, галлюцинация, грёза. Замысел романа «Эликсиры сатаны» непосредственно связан с феноменом сна. Автор одной из первых работ о Гофмане, изданной в Германии в 1832 г., доктор медицины О. Клинке приводит слова писателя о романе, адресованные издателю: «Бог сна вдохновил меня на этот роман...» [8, с. 104]. К гофмановской концепции сна, её источникам и воплощению в конкретных произведениях обращались немецкие филологи. Исследователи отмечают интерес Гофмана к природе сна и в связи с этим большое воздействие на писателя книг его современника, известного психолога Г. Шуберта, в частности сочинения «Символика сновидений» [3]. Выделенный нами сон, осознаваемый сном, может быть отнесён к тому типу сновидения, которое Шуберт описывает

следующим образом: «Во время сновидения и уже в том состоянии бреда, который по большей части предшествует засыпанию, кажется, что душа говорит на совсем другом языке, чем обычно» [11, с. 6]. Гофман повторяет эту фразу практически дословно в «Крайне бессвязных мыслях» устами капельмейстера Иоганнеса Крейсера: «Не столько во сне, сколько в том бредовом состоянии, которое предшествует забытию, в особенности если перед тем я долго слушал музыку, я нахожу известное соответствие между цветами, звуками и запахами» [1 с. 66]. Г. Пфотенхауэр для обозначения состояния засыпания использует термин «полусон» – *der Halbtraum* [10, с. 198].

Х. Пфотенхауэр выделяет полусон, преддверие сна как особое состояние, когда сознание ещё не совсем выключено и человек может что-то продумывать и наблюдать. По мнению Пфотенхауэра, полусон имеет собственно язычие (*die Eigensprachlichkeit*) и собственноизобразительность (*die Eigenbildlichkeit*) [10, с. 198].

Медард, вынужденный в силу обстоятельств, созданных авторской волей, постоянно скрывать своё имя и происхождение, использует сон как удобную для него форму объяснения: он, в частности, заявляет, что та или иная информация получена им во сне, точнее, в состоянии засыпания. Именно так в беседе с лейб-медиком он объясняет свою осведомленность в истории некоего монаха Медарда, дистанцируясь от него.

Состояние полусна, бреда – по определению Ф. Треттера «делириум» – связывает не просто реальность сна и объективную реальность, но мир внешний и мир внутренний. В состоянии ясного сознания человек не может воспринимать оба мира одновременно, в то время как полусон даёт возможность охватить «большие куски» и объективной, и субъективной сферы [12, с. 20].

К состоянию сна близок сон, осознаваемый сном. Концептуальное значение в романе Гофмана имеет подобный сон, увиденный Медардом, скрывающимся в доме лесника. Медард созерцает своего двойника, который будет сопровождать его на протяжении всего повествования. «Удивительным образом сон мой в самом начале сопровождался сознанием, что я сплю... но сон мой, как ни странно, не прерывался» [2, с. 90], – вспоминает Медард. В «Толковом словаре сновидений» отмечается, что «сон во сне нередко предстает кошмаром» [4, с. 1277]; он также может быть высшим

откровением [4, с. 1279]. Осознаваемый сон тоже многослоен: человек в одежде капуцина, с бородкой и тонзурой, в котором Медард узнал себя, нападает на него; поняв, что это наваждение, Медард начинает сопротивляться. Гофману интересна трансформация прозы в драму. В сцене сна он создает «мини-спектакль»: призрак зовет Медарда наверх, под самый флюгер, чтобы там побороться – а на крыше в это время филин играет свадьбу. Слова «свадебная песнь» заставляют читателя мгновенно представить веселое действие. Проснувшись, Медард видит в своей комнате приснившегося ему человека – но только с другим лицом; человек роется в вещах Медарда, обнаруживает флягу с остатками необыкновенного вина – это и есть эликсиры сатаны – и выпивает его. Таким образом, в эпизоде возникает еще одна разновидность сна – сон, обернувшийся явью.

Сон у Гофмана может быть символической параллелью реальной жизни героя. Именно такой сон видит Медард, находясь в тюремной камере. Декорации камеры удобны режиссеру Гофману для постановки различных сцен из тайной жизненной драмы Медарда: здесь внутренние голоса не заглушаются звуками внешнего мира. В пространство размером менее страницы Гофман помещает сон Медарда, в котором сфокусированы все его проблемы и особенности личности. Этот эпизод, как можно предположить, выстроен не без влияния столь почитаемого Гофманом Г. Шуберта, который в «Символике сновидений», в частности, писал: «...Эти аббревиатуры и иероглифы являются для души с определённой точки зрения более понятными, чем наш обычный язык слов. Они часто более выразительны, больше охватывают пространства и занимают меньше времени, чем последний. Его мы должны изучать, напротив, первый у нас врожденный, и душа пытается на этом собственном её языке, как только она впадает в сон или бред, выходя из обычной подчинённости своему духу и скованности со своим более грубым телом, говорить...» [11, с. 8–9].

«Аббревиатуры и иероглифы» начинаются уже во вступительной части сна: Гофман всегда точно обозначает место действия, указывает расположение предметов, описывает цветовую гамму, освещение, внешний вид и позы действующих лиц, лишь затем, как правило, вводит диалог. Прав Т. Крамер, автор монографии «Гротескное у Э. Т. А. Гофмана», утверждающий, что сон у Гофмана – это окно в некое государство, которое закрыто для ясного сознания

[7, с. 30]. «Меня ввели, – вспоминает Медард, – в длинный мрачный сводчатый зал, и я увидел там одетых в чёрные одеяния духовных лиц на высоких стульях, расставленных вдоль стен. Перед ними за столом, накрытым кроваво-красным сукном, сидел судья, а возле него доминиканец в орденском одеянии» [2, с. 149]. Каждая из деталей несёт в себе большой смысл. Сводчатый зал и люди в чёрных одеяниях представляют естественную для Медарда среду – церковную, монашескую, которая, однако, в этот момент настроена по отношению к нему оппозиционно. Обстановка судилища понятна, так как Медард виновен в преступлениях и должен понести наказание. Кроваво-красный цвет сукна и присутствие члена ордена доминиканцев, известного тесными связями с инквизицией, предвещает жестокое наказание. Сочетание красного и чёрного создаёт зловещую обстановку, угрожающую жизни Медарда. Подобным образом могут быть истолкованы и «иероглифы» основной сцены сна.

Сравнивая сны в произведениях Гофмана и Новалиса, Т. Крамер отмечает, что сны у Новалиса – это образы гармонии, идиллии, а сны у Гофмана часто напряженны, дисгармоничны [7, с. 30]. В романе Гофмана возможно выделение особого вида сна, в котором дисгармоничность достигает своего предела и превращается в гротеск. Подобные сны Т. Крамер называет одной из форм органического гротеска. Они включаются в текст, не воздействуя на стиль и форму повествования в целом, но чётко обозначая свою территорию определёнными словами [7, с. 32]. Анализируемый нами сон заключён в определённую раму: его описание подготовлено словами «Вереницей ужасающих картин развёртывалась передо мной вся моя жизнь» [2, с. 192], а заканчивается пассажем «Я просыпаюсь с криком ужаса и вот уже в безысходном отчаянии полосую себя бичом с острыми шипами – и с меня потоками льётся кровь» [2, с. 194]. Трудно определить, что воссоздает Гофман – конкретный сон Медарда или эпизоды нескольких снов, посещавших его в монастырском склепе; автор употребляет глаголы как совершенного, так и несовершенного вида – то приближая, то отдаляя происходящее.

Характеризуя язык сна, Г. Шуберт в «Символике сновидений» отмечает, что он идентичен у разных народов. Цветущие деревья, клумбы лилий, умиротворяющие зелёные поля, на которых пасутся овечки, восходящее солнце – такие картины возбуждают и в душе ирокеза, и в душе

образованного брахмана одинаковые чувства, при условии, что словесное обозначение этих предметов и явлений различно [11, с. 13]. Ужас, представший перед Медардом, абсолютен – он не требует объяснений и понятен каждому человеку независимо от этнопсихологии и культуры, в которой он сформировался. Человек перед лицом ада – таков смысл гофмановских слов «вся потеха преисподней выплеснулась наружу» [2, с. 193].

Фантазмагоричность картины, однако, не заслоняет принципа построения Гофманом образа – это сопряжение в одном объекте человеческого и иного, живого и неживого: тело Евфимии превращается в скелет, кишасший несметным числом змей; живые головы ползают «на выросших из их ушей ножках кузнечиков», появляются вороны с человеческими лицами; грудь регента превращается в скрипку, по которой он водит смычком; Белькампо предстает с отвратительным лицом ящерицы; муравей пляшет на человеческих ножках; на острове лошади восседает всадник со свиной головой. Вначале перед Медардом возникают знакомые лица, затем – анонимные. Сон крайне динамичен – в каждом предложении предстает новый образ, находящийся в свойственном только ему энергичном движении: Гермоген шумно проносится мимо, странные птицы с шумом проносятся в воздухе, сестра регента кружится в неистовом вальсе, Белькампо мчится прямо на Медарда верхом на мерзком крылатом насекомом. «Хоровод становится всё исступлённей, всё неистовой...» [2, с. 193], – пишет Гофман, стремясь акцентировать увеличение скоростей. Этому способствует и разбивка описания в тексте оригинала на множество абзацев, состоящих из трёх, двух и даже одного предложения.

Сновидения и другие различного рода переходные состояния от реальности к ирреальности были интересны Гофману не только как таковые; его, безусловно, привлекали сценические возможности этих состояний. В работе «Необыкновенные страдания директора театра» Гофман прямо сравнивает механизм сновидений и механизм актёрской игры: «Во сне, – пишет он, – мы творим незнакомых людей, которые, как двойники, с полной достоверностью вбирают в себя чьи-то, даже самые незначительные черты. Этой умственной операцией, проводимой нами в тёмном для нас самих и таинственном состоянии сна, актёр должен управлять в полном сознании...» [7, с. 401]. Полусон, сон, сон во сне, осознаваемый сон, сон, обернувшийся явью, реальные происшествя,

которые сам человек считает сном, представляют собой действия, они драматургичны; причём сущность конфликта и декорации в этих ситуациях могут быть принципиально иными, чем в театре. «Рассказываемый театр» расширяет возможности сцены, в частности, здесь можно показать видения и призраки не в виде переодетых актёров – «пространства их подчинены совсем особым законам, – писал П. Флоренский, – и не допускают координации с образами пространства повседневного» [6, с. 118].

Т. Ф. Теперик при анализе литературного сновидения предлагает использовать термин «онейротоп». «*Онейротоп*, – пишет исследовательница, – несомненно более содержательное понятие в сравнении со *сновидением*, так как в него входит как само сновидение, так и все художественные детали, которые с ним связаны»

Фантазия Гофмана в создании снов неистощима. Вдохновленный Шубертом, он может быть без преувеличения назван создателем, строителем снов – *der Traumschöpfer*. Сны, кроме названных ранее причин, привлекают Гофмана возможностью конструировать самые невероятные ситуации, не будучи связанными какими бы то ни было закономерностями – это та свобода, о которой мечтает каждый художник. В снах Гофман ставит «спектакли», не сообразуясь ни с требованиями руководства театра, ни с ожиданиями публики, ни с возможностями сцены.

Исследование теории Г. Шуберта представлено в монографии М. Троицкого «Немецкая

психология в текущем столетии», вышедшей в Москве в 1883 г. Психологию Шуберта он называет «историей души» (*Geschichte der Seele*). М. Троицкий приводит пространные цитаты из сочинения Шуберта (что ценно и сегодня, ибо его сочинения, за исключением небольших отрывков, не переведены на русский язык) и комментирует их. В частности, одна из цитат звучит так: «Все телесное было и остается только средством, органом бытия души, преддверием, символом, прообразом психического существования, космической историей человека и души. Отсюда, тело существует только для души; но в нем хранятся предварительные намеки на его психические процессы, на все душевные способности» (с. 153). Подобные идеи были, безусловно, близки Гофману.

Прав Г. Лауэр, написавший, что образ Медарда окружён неисчислимым количеством картин сна и роман в целом имеет сновидческую окраску [9, с. 133]. Возможны различные классификации сновидений: по тональности, длительности, степени пророчества, фантастичности, роли в сюжете. Сновидения для Гофмана – это важнейшая форма бытия, которая, будучи причудливым сочетанием реального и фантастического, точно соответствовала его концепции; это один из кирпичиков в фундаменте жизни, мера вещей. Именно со сновидением Гофман сравнивает жизнь Медарда в целом, отдельные её эпизоды, мгновения, состояния.

Список литературы

1. Гофман Э. Т. А. Крейсериана // Собр. соч. : в 6 т. М. : Худож. лит., 1991. Т. 1. С. 41–81.
2. Гофман Э. Т. А. Эликсиры сатаны / пер. Н. Славятинского. М. : Республика, 1992. 528 с.
3. Троицкий М. Немецкая психология в текущем столетии. М., 1883.
4. Соловьёв В. Толковый словарь сновидений. Иллюстрированная история цивилизации снов. М. : ЭКСМО, 2006.
5. Теперик Т. Ф. Литературное сновидение: терминологический аспект // Вестник МГПУ им. М. А. Шолохова. Серия «Филол. науки», 2007. № С. 37.
6. Флоренский П. А. Анализ пространственности <и времени> в художественно-изобразительных произведениях / Флоренский П. А. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. М. : Мысль, 2000. С. 115–128.
7. Cramer Th. Das Grotteske bei E. T. A. Hoffmann / Th. Cramer. München, 1966. 215 s.
8. Dr. med. O. Klink. E. T. A. Hoffmanns Leben und Werke. Vom Standpunkte eines Irrenaktes / O. Klink. Braunschweig und Leipzig, 1823. 239 s.
9. Lauer G. Hoffmanns Träume. Über den Wahrheitsanspruch erzählter Träume / G. Lauer // Traum Diskurse der Romantik. Op. cit. S. 127–138.
10. Pfothenhauer H. Geschichte an den Rändern des Traumes. Э. Т. А. Hoffmanns Poetik der Halbschlafbilder / H. Pfothenhauer // Traum Diskurse der Romantik. Berlin, N. Y. , 2005. S. 197–216.
11. Schubert G. H. von. Die Symbolik des Traumes / G. H. Schubert. Leipzig, 1862. 242 s.
12. Tretter F. Die Frage nach der Wirklichkeit bei E. T. A. Hoffmann / F. Tretter. München, 1961. 113 s.

Статья поступила в редакцию 3 октября 2011 г.

УДК 811.133.1
ББК Ш 147.11

Л. В. Разумова

*кандидат филологических наук, доцент,
Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический
университет им. Н. Г. Чернышевского (Чита, Россия),
e-mail: lina.razumova@mail.ru*

Квебекская лексикографическая традиция XVIII–XIX веков

В статье приводится обзор развития лексикографии в Квебеке в XVIII–XIX вв. на примере анализа малоизвестных в отечественной вариантологии квебекских лексикографических работ. Статья содержит общую лингвистическую характеристику данных работ, а именно описание объёма и структуры их словариков, анализ используемых методов трактовки приводимых словарных значений, регистрируемые в этих работах примеры языкового контактирования французского языка с языками автохтонного индейского населения и английским языком. Особое внимание в статье уделяется исследованию подходов, обнаруживаемых у различных квебекских авторов в описании квебекского узуса рассматриваемого периода (использование прескриптивной / дескриптивной идеологий). Автор статьи приводит также краткую характеристику социального контекста, способствовавшего написанию обсуждаемых лексикографических работ. Статья призвана дать читателю представление о становлении научной рефлексии в области языковой нормы квебекского варианта французского языка.

Ключевые слова: квебекский вариант французского языка, унифицированный узус, процессы нормализации языка, диалектизмы, процессы смыслообразования, маргинализация языка, дескриптивный/прескриптивный подход в описании языка.

L. V. Razumova

*Candidate of Philology, associate professor,
Zabaikalsky State Humanitarian Pedagogical
University named after N. G. Chernyshevsky (Chita, Russia),
e-mail: lina.razumova@mail.ru*

Quebec Lexicographical Tradition of the 18th–19th Centuries

The paper reviews the development of Quebec lexicography in the 18th–19th centuries analyzing Quebec lexicographic works which are practically unknown to Russian scientists in lexical variation studies. The article offers a general linguistic characteristic of the works, namely description of their volume and structure, analysis of the methods to present word entries, comparison of registered examples of the French language contacts with the languages of the autochthonic American Indian population and with the English language. Special attention is paid to the approaches of various Quebec authors to the description of Quebec word usage of the considered period (prescriptive/descriptive ideologies). The author of the article characterizes the social context of the discussed lexicographic works. The article outlines scientific reflection formation in the field of language norm in Quebec variant of the French language.

Keywords: Quebec variant of the French language, unified word usage, normalization language processes, dialecticisms, meaning formation processes, language marginalization, descriptive/prescriptive approaches in language description.

В середине XVIII в. язык жителей французской Канады, отличающийся уже определёнными лексическими особенностями от французского языка Франции, привлёк внимание прибывшего сюда бельгийского миссионера и священника Пьера-Филиппа Потье (P.-Ph. Potier). Между 1743 и 1758 гг. он фиксирует в своей записной книжке около тысячи незнакомых ему

слов и выражений, свойственных канадскому варианту французского языка. Приводимые в работе П.-Ф. Потье [2] лексические единицы свидетельствуют о том, что полтора столетия спустя после колонизации Канады Францией канадский узус обнаруживает много общего с узусом французского языка во Франции. Вместе с тем работа П.-Ф. Потье позволяет судить и

об осязаемых расхождениях, которые уже имеются между французским и квебекским узусом. Помимо ряда семантических неологизмов, развившихся в Квебеке на основе нормированной лексики Франции XVI в., а также её северо-западных и центральных диалектов, словарь содержит также около 30 заимствований из индейских языков, среди которых П.-Ф. Потье приводит *akokoine* (*perche qu'on penche pour y suspendre la chaudière*), *ouapou* (*provisions*), *coutaganer* (*travailler avec le couteau croche*), *micoine* (*cuillère dont se servent les Sauvages*) и др. Англицизмы представлены одним примером (*rhome*). Рукопись П.-Ф. Потье, известная под названием «*Façons de parler proverbiales, triviales, figurées des Canadiens au XVIII-e siècle*», опубликована столетие спустя (в 1904–1906 гг.) в журнале Общества французского языка в Канаде (*Société du parler français au Canada*) *Bulletin du parler français au Canada* [4,5]. Работа П.-Ф. Потье является важным свидетельством состояния квебекского узуса середины XVIII в. Последний выступает как довольно унифицированная система языковых средств. Она включает нормированные лексические единицы, регистрируемые в этот период академическими словарями Франции, а также ряд диалектизмов. Труд П.-Ф. Потье знаменует собой рождение квебекской лексикографической школы.

Разрыв в 1763 г. отношений с Францией вследствие передачи французской Канады Англии способствует появлению новых «канадицизмов» и, в частности, лексических единиц и грамматических конструкций, свидетельствующих о тесном контактировании французского и английского языка. Постепенная маргинализация квебекского варианта французского языка в обществе вызвана его негативной оценкой со стороны англоговорящей элиты, постепенно конструирующей образ ущербного квебекского французского как по отношению к английскому, так и по отношению к французскому языку Франции. Идеи деградации и «испорченности» квебекского варианта, испытывающего ассимилирующее влияние английского языка, частотны в канадском общественном дискурсе этого периода. Они побуждают франкофонных интеллектуалов Квебека к исследованию языковых качеств квебекского варианта французского языка. Таков социальный контекст написания в 1810 г. работы Жак Виге (*Jacques Viger*) «*Néologie Canadienne ou Dictionnaire des mots créés en Canada & maintenant en vogue; – des mots dont la prononciation & l'orthographe*

sont différents de la prononciation & orthographe française, quoique employés dans une acception semblable ou contraire; et mots étrangers qui se sont glissés dans notre langage» [1]. Несмотря на то, что работа публикуется впервые Обществом французского языка в Канаде лишь в 1909–1910 гг. [3], заложенные в ней идеи открыто излагаются автором в 1810 г. в ежедневной газете «*Le Canadien*» и становятся достоянием широкой общественности. Как свидетельствует название работы, она посвящена анализу неологизмов и проблеме инновационности квебекского варианта французского языка. Хотя работа не завершена автором, она является, вопреки утвердившемуся мнению, убедительным свидетельством динамичности квебекского варианта, его непрерывного развития. Этот вывод имеет важные последствия в дальнейшем осмыслении квебекского варианта французского языка современниками. Он определил, в частности, возможные подходы к описанию квебекских инноваций, чётко обозначив возможность прескриптивного или дескриптивного описания.

Учебник аббата Тома Магира (*Thomas Maguire*) «*Manuel des difficultés les plus communes de la langue française et adapté au jeune âge, et suivi d'un recueil de locutions vicieuses*» [6] выходит в свет в 1841 г. Организованный в форме словаря, он преследует цель исправления частотных узуальных «ошибок» квебекцев. Приводимые Т. Магиром примеры «ошибок» позволяют констатировать, что квебекский вариант этого периода характеризуется на всех языковых уровнях многочисленными отклонениями от языковой нормы Франции. Последняя считается автором образцом для подражания. Работа имеет выраженный прескриптивный характер. Возможность развития квебекского варианта французского языка в отрыве от языка Франции отрицается автором. Это объясняет его сдержанное отношение к инновациям квебекского варианта.

Учебник Т. Магира знаменует собой начало пуристской кампании по очищению квебекского варианта французского языка от «варваризмов», фонетических и грамматических ошибок. Прескриптивная идеология характеризует большинство лексикографических работ 40–80-х гг. XIX в. Среди них работы Ж.-Ф. Жэнгра (*Recueil des expressions vicieuses et des anglicismes les plus fréquents par un membre de la Société typographique de Québec – 1860*), Н. Карона (*Petit vocabulaire a l'usage des Canadiens-français contenant les mots dont il faut répandre l'usage et*

signalant les barbarismes qu'il faut éviter pour bien parler la langue –), Р. Рэнфрэ (Dictionnaire de nos fautes contre la langue française – 1896).

Работа известного квебекского журналиста Оскара Дюнна (Oscar Dunn) «Glossaire franco-canadien et vocabulaire de locutions vicieuses usitées au Canada» [5] выходит в свет в 1880 г. и содержит 1750 словарных статей. Она занимает особое место в квебекской лексикографии, открывая новую страницу в оценке квебекского варианта французского языка. В ряду сугубо прескриптивных работ, направленных на исправление «ошибок» квебекского варианта с целью сближения последнего с узусом Франции, дескриптивно-нормативный характер работы О. Дюнна призван выразить позицию необходимости признания квебекского варианта как отдельного. Об этом свидетельствует и новое название, которое О. Дюнн даёт этому варианту, – франко-канадский французский. Оно приводится в заглавии работы. Развиваемый в рамках работы этимологический подход трактовки семантического значения слова позволяет определить типы семантических изменений, которые происходят в лексической системе квебекского варианта французского языка. Глоссарий О. Дюнна считается по праву первой работой лексикографического характера, посвящённой квебекскому варианту французского языка.

Дескриптивный словарь Сильва Клапэна (Silva Clapin) «Dictionnaire canadien-français ou Lexique-glossaire des mots, expressions et locutions ne se trouvant pas dans les dictionnaires courants et dont l'usage appartient surtout aux Canadiens-français» [4; 7], опубликованный в 1894 г., развивает методику анализа слова О. Дюнна. Предварительное изучение работ своих предшественников, а также французских словарей того времени позволяют автору выделить

следующие типы квебекизмов: 1) архаизмы; 2) диалектизмы, свойственные различным провинциям Франции; 3) семантические неологизмы; 4) собственно квебекизмы (или инновации квебекского варианта); 5) адаптированные квебекским вариантом заимствования из индейских и английского языков; 6) неадаптированные квебекским вариантом заимствования из этих языков. Словарь С. Клапэна содержит 4 тыс. словарных статей и выступает одной из самых значительных по объёму и теоретическому осмыслению лексикографических работ XIX в. Свою гражданскую позицию С. Клапэн четко излагает во введении к словарю: автор высказывается за право квебекцев иметь собственный язык.

В заключение отметим, что значимость квебекских лексикографических работ XVIII–XIX вв., написанных неспециалистами в области языка, определяется по меньшей мере следующим: с одной стороны, они привлекли внимание к вопросам языка, способствуя появлению в начале XX в. Общества французского языка в Канаде (Société du parler français au Canada, 1902–1962), институционализированной структуры по изучению французского языка на территории Канады. С другой стороны, они выявили особенный характер квебекского узуса, определив в дальнейшем возможные подходы в его описании (дескриптивный/прескриптивный подходы), а также круг языковых проблем, решаемых лингвистами в XX в. (инновационность/консервативность квебекского варианта, проблемы языковой нормы и др.). Наконец, точность языковых наблюдений, изложенных в этих лексикографических работах, и сегодня позволяют использовать их в качестве надежных свидетельств квебекского узуса этого периода.

Список литературы

1. Blais S. Néologie canadienne de Jacques Viger. Ottawa : Les Presses de l'Université d'Ottawa, 1998. 302 p.
2. Bulletin du parler français au Canada. Québec : Université Laval, N 3, 1904–1905. P. 213–220, 252–255, 291–293.
3. Bulletin du parler français au Canada. Québec : Université Laval, N 8, 1909–1910. P. 101–103, 141–144, 183–186, 234–236, 259–263, 295–298, 339–342.
4. Clapin S. Dictionnaire canadien-français ou Lexique-glossaire des mots, expressions et locutions ne se trouvant pas dans les dictionnaires courants et dont l'usage appartient surtout aux Canadiens-français. – Montreal-Boston : Editeurs Beauchemin et fils/Clapin S., 1994. 388 p.
5. Dunn O. Glossaire franco-canadien et vocabulaire de locutions vicieuses usitées au Canada. Québec : Imprimerie A. Côté et Cie. 225 p.
6. Maguire Th. Manuel des difficultés les plus communes de la langue française et adapté au jeune âge, et suivi d'un recueil de locutions vicieuses. – Québec : Fréchette, 1841. 184 p.
7. Saint-Yves G., Poirier C. La lexicographie du français canadien de 1860 à 1930 : les conséquences d'un mythe // Cahier de lexicologie, T. 80. P. : Ed. du Minuit, 2002. P. 56–79.

Статья поступила в редакцию 7 сентября 2011 г.

УДК 81.111
ББК Ш 143.21

Н. Н. Рогозная
доктор филологических наук, профессор,
Национальный исследовательский Иркутский
государственный технический университет (г. Иркутск, Россия),
e-mail: g09@istu.edu
М. А. Козлов
аспирант, Национальный исследовательский Иркутский
государственный технический университет (Иркутск, Россия),
e-mail : meeeesha@me.com

Фоноференты англо-русского и русско-английского интерязыка

В статье описывается понятие «интерязыка» как промежуточной системы, образующейся при контактировании систем родного и изучаемого иностранного языка в условиях субординативного билингвизма, описываются его свойства. Проводится сопоставительный анализ фонологического уровня английского и русского языка, а также представлена классификация фоноферентов англо-русского и русско-английского интерязыка. Кроме того, определяется понятие первичного (родного) языка и вторичного. Установлены точные причины возникновения интерязыков и объяснена природа отклонений. В качестве иллюстративного материала используются данные, полученные из реальной ситуации языковых контактов, полученных на территории России в 2008–2010 гг. в академических условиях вузов и школ. Экспериментальные данные двух языков получены и проанализированы: русской речи англоговорящих и английской речи русских.

Ключевые слова: билингвизм, интерязык, интерференция, интерференты, фоноференты, классификация фоноферентов, англо-русский интерязык, русско-английский интерязык.

N. N. Rogoznaya
Doctor of Philology, professor,
National Research Irkutsk State Technical University
(Irkutsk, Russia), e-mail: g09@istu.edu
M. A. Kozlov
graduate student,
National Research Irkutsk State Technical University
(Irkutsk, Russia), e-mail : meeeesha@me.com

English-Russian and Russian-English Interlanguages Phonofereents

The article describes the characteristics of the notion of «interlanguage» as an intermediate system which comes into existence in the process of native and foreign language contacts in the conditions of subordinate bilingualism. The article gives a comparative analysis of the phonological levels of English and Russian, offers a phonofereents classification of English-Russian and Russian-English interlanguages and defines the notions of the first (native) and second languages. The study establishes exact reasons for interlanguages genesis and explains the nature of deviations. It employs the data received from real language contacts in Russian schools and institutes of higher education in 2008–2010. The paper analyzes the experimental data of the two languages (Russian speech of English speakers and English speech of Russian speakers).

Keywords: bilingualism, interlanguage, interference, interferents, phonofereents, classification of phonofereents, English-Russian interlanguage, Russian-English interlanguage.

«Определение языка в философии языка и в истории лингвистических учений производно от миропонимания соответствующей эпохи» [5, с. 9]. На современном этапе познания окружающей действительности преобладает синергетическая парадигма, описывающая возникновение совершенно новой системы из нескольких других систем, вступающих между собой в не-

простое взаимодействие. Когда системы вступают во взаимодействие, образующееся целое не равно сумме его частей. При переходе от неупорядоченного состояния (хаоса) к состоянию порядка все системы ведут себя одинаково. Общее для всех систем: спонтанное образование, изменения на макроскопическом уровне, возникновение новых качеств, этап самоорга-

низации. Неравновесность в системе является источником появления новой организации (порядка) [15].

Системы, вступающие во взаимодействие, представлены родным языком ($Я_1$) и изучаемым иностранным языком ($Я_2$). В результате взаимодействия языковых систем образуется третья – промежуточная система – система интерязыка, состоящая из элементов, образующихся по своим собственным законам, отсутствующих и в $Я_1$, и в $Я_2$. Остановимся на этом подробнее.

Современная лингвистическая наука выделяет 3 типа билингвизма: 1) субординативный; 2) координативный и 3) коррелятивный. В данной статье рассматриваются вопросы субординативного билингвизма, поскольку преобладающее количество билингвальных личностей является типичными его представителями. Основной характеристикой субординативного билингвизма является подчинение лингвистической системы изучаемого иностранного языка системе родного языка, то есть присутствие, по словам Л. В. Щербы, «опоры на родной язык». Такое подчинение приводит к столкновению двух лингвистических систем, а именно: к отторжению элементов вторичной лингвистической системы (вновь образующейся) родной (первичной). Она «выталкивает» чужеродные ей языковые элементы, и они не воспринимаются индивидом, что приводит к недостаточному уровню языковой компетенции изучаемого языка [13] или, как пишет об этом Л. Уайт, «неполноценности» второго языка (“incompleteness” of the second language) [19]. Таким образом, взаимодействие двух лингвистических систем в условиях субординативного билингвизма приводит, в соответствии с синергетической парадигмой, к образованию третьей лингвистической системы, называемой интерязыком.

Впервые термин «интерязык» был использован в 1972 г. в книге американского лингвиста Л. Селинкера (L. Selinker) «Interlanguage». Л. Селинкер определил интерязык как автономную индивидуальную систему со своей собственной структурой и элементами, которая образуется при изучении иностранного языка. Причём элементы, из которых состоит интерязык, в большей степени не принадлежат ни родному, ни иностранному языкам [17, с. 14]. Это означает, что образующаяся в условиях субординативного билингвизма система интерязыка присутствует в сознании каждого изучающего иностранный язык. У. Немзер утверждает, что системы интерязыков, сложившиеся в мононациональной аудитории, которая изучает один и тот же иностранный язык, подобны [9, с. 135].

В отечественной лингвистике В. Ю. Розенцвейг говорит о промежуточной системе, которая «описывает переход (переключение) от одного языка к другому» [14, с. 49] в условиях подчинённого (субординативного) билингвизма, когда образование системы изучаемого языка зависит от системы родного, в отличие от чистого (координативного) билингвизма, при котором системы родного и изучаемого языков автономно существуют в сознании индивида. Точки зрения В. Ю. Розенцвейга придерживается Н. А. Любимова, занимающаяся исследованием русско-финской интерференции [8].

А. А. Леонтьев практически подошёл к раскрытию явления интерязыка, но этот термин в его работах не встречается. «Человек, – пишет он, – не может сразу заговорить на новом языке. Он должен пройти через ступень опосредованного владения иностранным языком; опосредующим звеном здесь выступает «родная» система правил реализации программы» [6, с. 223].

Вслед за В. А. Виноградовым, Н. Н. Рогозной мы понимаем под интерязыком промежуточную лингвистическую систему, которая отражает уровень переходной компетенции изучающих иностранный язык и которая образуется в результате взаимодействия систем родного и иностранного языков [2; 12].

Н. Н. Рогозная говорит о трёх состояниях, в которых интерязык может существовать: 1) отмирание в силу невостребованности; 2) окостенение – остановка в развитии и 3) очищение от суррогатных примесей – повышение уровня языковой компетенции изучаемого языка [10, с. 123].

Каждый интерязык состоит из двух компонентов:

1) транспозитов – результатов положительного языкового переноса вследствие универсальности языковой системы;

2) интерферентов – результатов отрицательного языкового переноса.

Транспозиты, представляющие собой явления, возможно, достойные подробного рассмотрения, в данной статье не освещены, поскольку (следуя Л. С. Выготскому) «Если я, обладая некоторым умением, не знаю, что я им владею, я пользуюсь им автоматически» [8, с. 202]. Из составляющих интерязык единиц нас интересуют именно результаты отрицательного языкового переноса – интерференты, возникающие в результате межъязыковой и внутриязыковой интерференции. Так, интерференты фонологи-

ческого уровня интерязыка Рогозная предлагает называть фоноферентами, лексического – лексоферентами, синтаксического – синтоферентами и т. д., поскольку все интерференты представляют собой не хаотический набор ошибок, а организуются в систему интерязыка, состоящую в свою очередь из фонологического, лексическо-

го, синтаксического и др. уровня. Для выявления и описания фоноферентов англо-русского и русско-английского интерязыка необходимо провести сопоставительный анализ фонологического инвентаря английского и русского языка, что представлено в табл. 1 и 2.

Таблица 1

Сравнительная классификация согласных фонем русского и английского языка

Способ образования		Фрикативные	Смычные			
			Взрывные	Аффрикаты	Носовые	Боковые
Место образования						
Губно-губные			П П' Б Б'		М М'	
		w	p b		m	
Губно-зубные		Ф Ф' В В'				
		f v				
Переднеязычные	Межзубные					
		θ ð				
	Зубные	С С' З З'	Т Т' Д Д'	Ц	Н Н'	Л Л'
	Альвеолярные					
		s z	t d		n	l
	Пост-альвеолярные					
		r				
	Нёбные	Ш Ш' Ж		Ч'		Р Р'
	Нёбно-альвеолярные					
		ʃ ʒ		ʧ ʤ		
Среднеязычные		J				
		j				
Заднеязычные		Х х'	К к' г г'			
			К g		ŋ	
Фарингальные						
			h			

Примечание: над чертой расположены фонемы русского языка, под чертой – английского. Незаполненные ячейки соответствуют отсутствию фонемы в том или ином языке.

Русский язык по соотношению согласных (36) и гласных (6) фонем (ЛФШ) относится к консонантным языкам, и в нём обнаруживается огромное количество согласных в пределах одной морфемы [3, с.117]. В английском языке количество согласных (24) и гласных (20) [1; 18] примерно одинаково, и скопление более двух согласных для него нехарактерно.

Система согласных русского языка представлена 36 фонемами, для которых характерно наличие противопоставления по твердости-мягкости и глухости-звонкости.

По твердости-мягкости выделяют 12 пар: <ф>-<ф'>, <в>-<в'>, <с>-<с'>, <з>-<з'>, <п>-<п'>, <б>-<б'>, <т>-<т'>, <д>-<д'>, <м>-<м'>, <н>-<н'>, <л>-<л'>, <р>-<р'>. Фонемы <ш>, <ж> и <ц> – всегда твёрдые, а <ч'><ш'> и <ж'> – всегда мягкие. Противопоставления <к>-<к'>, <г>-<г'>, <х>-<х'> являются фонологически значимыми не по наличию или отсутствию палатализации, а по активному действующему органу [4, с. 41–42].

Твёрдые согласные, кроме основной артикуляции, характеризуются подъёмом задней части языка к мягкому нёбу (веляризация), а мягкие – подъёмом передней части языка к твёрдому нёбу (палатализация), что придаёт твёрдым согласным окраску на <ы>, а мягким – окраску на <и> [1, с. 64–65; 4, с. 31; 7, с. 17].

Английская система согласных представлена 24 фонемами. Корреляции по твёрдости-мягкости в английской системе согласных не существует, а корреляция по глухости-звонкости представляется некоторым лингвистам сомнительной [1] из-за изменчивого характера работы голосовых связок, ввиду чего данное противопоставление выделяется по принципу мускульного напряжения органов артикуляции – сильный-слабый (fortis-lenis). Глухие фонемы <п>, <т>, <к>, <ф>, <θ>, <с>, <ʃ>, <тʃ> – сильные, звонкие <б>, <д>, <г>, <в>, <ð>, <з>, <з>, <дз> – слабые.

По глухости-звонкости в русском языке выделяют 11 пар: <ф>-<в>, <ф'>-<в'>, <с>-<з>, <с'>-<з'>, <ш>-<ж>, <п>-<б>, <п'>-<б'>, <т>-<д>, <т'>-<д'>, <к>-<г>, <к'>-<г'>, причём в конце слова происходит нейтрализация этих оппозиций. Фонемы <м>, <м'>, <н>, <н'>, <л>, <л'>, <р>, <р'> – всегда звонкие, а фонемы <ш'>, <х>, <ц>, <ч'> – всегда глухие и противопоставлений по глухости-звонкости не образуют.

Русские звонкие согласные в отличие от английских являются полновзвонкими, поскольку работа голосовых связок наблюдается на всём протяжении произношения согласного [4, с. 11; 7, с. 22]. Английские согласные могут быть полновзвонкими лишь в интервокальном положении, а в инициали и финали описываются как полувзвонкие [1, с. 58].

Таблица 2

Сравнительная классификация гласных фонем русского и английского языка

Подъём \ Ряд	Передний		Средний		Задний	
	Нелаб.	Лаб.	Нелаб.	Лаб.	Нелаб.	Лаб.
Верхний	И		Ы			У
	И: ɪ					u: ʊ
Средний	Э					О
	е		з: ə			ɔ: ɒ
Нижний			А			
	æ		л		ɑ:	

Примечание: над чертой расположены фонемы русского языка, под чертой – английского. Незаполненные ячейки соответствуют отсутствию фонемы в том или ином языке.

Артикуляция гласных в отличие от согласных не так многообразна. Это объясняется беспрепятственным выходом струи воздуха из полости рта при их произнесении. Гласные отличаются друг от друга своим качеством, которое

определяется объёмом и формой резонирующих полостей. Тембр гласных «задают» различные движения языка [1; 7].

Вокализм английского языка по сравнению с русским намного богаче и разнообразнее. В ан-

глийском языке 12 монофтонгов (<i: >, <i >, <e >, <æ >, <ɜ >, <ə >, <ʌ >, <u: >, <v >, <ɔ: >, <ɒ >, <ɑ: >), 8 дифтонгов (<ɔi >, <ei >, <ai >, <əu >, <au >, <iə >, <eə >, <uə >), а также 5 трифтонгов (<eiə >, <aiə >, <ɔiə >, <əuiə >, <auə >). Трифтонги не являются отдельными фонемами, поскольку представляют собой сочетание дифтонгов с нейтральным гласным <ə > [1; 18]. Состав фонем английского языка количественно превосходит состав фонем русского, в котором насчитывается 6 фонем (<a >, <o >, <i >, <ы >, <э >, <у >).

Дифтонги английского языка относятся к нисходящим дифтонгам. Начальный элемент в таких дифтонгах более выражен, звучит более напряжённо, отчётливо и громко по сравнению с последующим и занимает почти 3/4 от длительности всего гласного звука. Сочетания гласных звуков в русском языке дифтонгами не считаются, поскольку они встречаются в основном на стыке морфем (например: выиграть, наизусть, рисует), хотя имеются случаи, когда сочетания гласных встречаются и внутри морфем (например: воин, поэт)

Учитывая артикуляторно-акустическое сходство основных аллофонов гласных, которыми признаются реализации гласных при их изолированном произнесении, 5 фонем русского языка и 8 фонем английского занимают аналогичное место в системах обоих языков и обнаруживают частичное сходство (см. табл. 2).

В обоих языках используются одни и те же дифференциальные признаки гласных: по подъёму (движения языка по вертикали), по ряду (движения языка по горизонтали) и лабиализации (участие губ). Кроме того, в фонетической системе английского существует корреляция по долготе-краткости (<i: >-<i >, <u: >-<u >, <ɔ: >-<ɒ >, <ɑ: >-<ʌ >, <ɜ: >-<ə >), которая в русской системе отсутствует.

Необходимо также упомянуть о том, что все безударные гласные русского языка подвергаются качественной и количественной редукции, степень которой зависит от их положения относительно ударного слога. В английском языке качественная редукция выражается не так ярко, как в русском: произнесение безударных гласных сводится к нейтральному <ə >. Количественная редукция зависит от качества следующей фонемы и типа слога, в котором находится гласный.

Фонемы <i >, <э >, <i: >, <i >, <e >, <æ > являются фонемами переднего ряда; <o >, <у >, <u: >, <v >, <ɔ: >, <ɒ >, <ɑ: > – заднего ряда; <a >, <ы >, <ɜ: >, <ə >, <ʌ > – среднего. По подъёму различа-

ют гласные высокого подъёма – <i >, <ы >, <у >, <i: >, <i >, <u: >, <v >; гласные среднего подъёма – <o >, <э >, <ɜ: >, <ə >, <ɔ: >, <v >, <e >; и гласные нижнего подъёма – <a >, <æ >, <ʌ >, <ɑ: >. По участию губ лабиализованными являются фонемы <o >, <у >, <u: >, <v >, <ɔ: >, <v >, остальные фонемы русского и английского языков — нелабиализованные [1, с. 72; 7, с. 24–25].

Как показал сопоставительный анализ фонологических систем английского и русского языка, эти системы во многом отличаются, и причины возникновения фоноферентов скрыты именно в различиях систем контактирующих языков: как в инвентарном наборе фонем, так и в их фонологических отношениях. Фоноференты, как уже было сказано, суть интерференты фонологического уровня и представляют собой ошибки в речи на неродном языке. В данном случае под лингвистической ошибкой мы понимаем «функциональное нарушение речевых отрезков, влекущее за собой искажённое представление об объекте познания (языка)» [11, с. 23; 12, с. 24], в данном случае фонем.

Интерес для сопоставительного исследования представляют типичные фоноференты, поскольку они носят устойчивый системный характер и присущи мононациональной аудитории, изучающей определённый иностранный язык. Что касается нетипичных фоноферентов, их появление не вытекает из различия систем контактирующих языков или внутриязыковых факторов и обусловлено рядом субъективных причин, некоторые из которых могут быть: индивидуальными особенностями функционирования коры головного мозга индивида, физическим строением речевого аппарата, выбором стратегий и тактик изучающего и обучающего, методикой презентации языкового материала и т. д.

Рассматриваемый нами корпус фоноферентов был собран:

– в ходе преподавания английского языка русским студентам негосударственного учреждения дополнительного образования (НУДО) Лингва-центра «Эй-би-си» г. Иркутска с 2007 по 2010 г. Уровень владения студентами английским языком – А2;

– во время посещения занятий по русскому языку как иностранному, проводимых в Иркутском государственном университете на международном факультете с американскими студентами в 2009 г. Уровень владения студентами русским языком – ТРКИ-1;

– во время преподавания русского языка американским студентам в Иркутском государственном техническом университете на международном факультете с 2009 по 2010 гг. Уровень владения студентами русским языком – ТРКИ-1;

– с вышеупомянутыми русскими студентами, изучающими английский язык, и американскими студентами, изучающими русский

язык был проведён эксперимент по прочтению 30 минимальных пар односложных, двусложных и многосложных слов.

Выявленные во время анализа фоноференты были расклассифицированы следующим образом:

1) фоноференты, вызванные графическим воздействием формы слова, – чтение данных слов наблюдалось по принципу «графема – фонема» или «установка – реализация», а фонетические правила игнорировались (см. табл. 3):

Таблица 3

Фоноференты, вызванные давлением со стороны графической формы слова

<i>Русско-английский интерязык</i>	<i>Англо-русский интерязык</i>
Front, half [half], playing [pleɪŋ], watch [wɒtʃ], listen [ˈlɪstən], difficult [ˈdɪfɪkəlt] или [ˈdɪfɪkəlt], fuse [ˈfjuːz] или [ˈfjuːz] (русскоязычные студенты, несмотря на знание правил чтения, произносили данные слова по принципу «как написано»)	Хорошо, один, весна (при произнесении данных слов англоязычными студентами отсутствовала качественная редукция фонем <o> и <ɔ> в безударном положении)

2) сверхдифференциация — дифференцированное выражение тех элементов системы, которые в ней выражены, унифицировано (см. табл. 4):

Таблица 4

Сверхдифференциация

<i>Русско-английский интерязык</i>	<i>Англо-русский интерязык</i>
1) палатализация согласных перед <e>, <i>, <ɪ> и дифтонгом <ju>: ten, men, Pete, music, abuse	1) аспирация русских фонем <п>, <т>, <к>, <п'>, <т'>, <к'> в инициалах: пожар, пирог, комната, кино, ты, тёмный
2) выделение второго элемента при произнесении дифтонгов <ou>, <au>, <ei>: rose, house, name	2) реализация сочетания «мягкий согласный + я, е, ё, и, ю» как «твёрдый согласный + соотв. гласный» с вкраплением <ɟ>-образного элемента между ними: знали, пять, чёрный
3) произнесение огубленного и более переднего <u> вместо нелабиализованного заднего <u>: shook, blue	3) нарушения в произнесении согласных кластеров, состоящих из двух и более элементов, находящихся в начале, середине или конце слова: превосходный, древний, тождество, вдруг
	4) перенос фонетических правил из английского языка в русский: древний, стройный, красный

3) недодифференциация – унифицированное выражение тех элементов системы Я₂, которые выражены в ней дифференцированно (см. табл. 5):

Таблица 5

Недодифференциация

<i>Русско-английский интерязык</i>	<i>Англо-русский интерязык</i>
1) отсутствие аспирации фонем <р>, <т>, <к> в начале слова: tank, cake, Pete	1) замена русских зубных фонем <т>, <д>, <н>, <л>, <т'>, <д'>, <н'>, <л'> альвеолярными английскими <т>, <д>, <п>, <л>: даю, диван, трогать, лимон
2) монофтонгизация дифтонгов <ju>, <ei>, <ou>: music, hate, rose	2) нарушение звукового оформления фонем <ш> и <ш'>, замена фонемой <ɟ>: нож, мощь
3) перенос русских фонетических правил – оглушение звонких согласных в конце слова: smog, huge, big, chairs, wanted	3) замена <р> и <р'> фонемой <ɾ>: дар, дарить
4) отсутствие регрессивной ассимиляции при произнесении консонантных кластеров (неогубленность первого элемента) и (отсутствие аффрикативности у первого элемента): quiet, twin, Eduard, train, drop, cream	4) произнесение <ɔ> вместо <æ> и <e>: man — men, bat — bet
5) отсутствие латерального и назального взрывов при произнесении сочетаний <dl>, <tl>, <dn>, <tn> и вставка фонем <e> или <ə> между согласными элементами: bottle, toddler, cotton	

4) субституция – отождествление фонем системы Я₂ со «схожими» фонемами Я₁ (см. табл. 6). Причём в результате классификации собранных фоноферентов англо-русского и русско-английского интерязыков выделилось 3 вида субституции:

а) межъязыковая – отождествление фонем изучаемого языка с «подобными» фонемами родного;

б) внутриязыковая – отождествление «неудобной» в произнесении фонемы изучаемого языка другой фонемой или комбинацией фонем изучаемого языка;

в) лакунарная – замена «неудобной» в произнесении фонемы иной фонемой родного языка.

Таблица 6

Межъязыковая субституция

<i>Русско-английский интерязык</i>	<i>Англо-русский интерязык</i>
произнесение <x> вместо <h>: hide, prehistoric	произнесение <h> вместо <x>: городских
произнесение <ц> вместо <s>: officer, process	нарушение звукового оформления фонемы <ц>, замена её на сочетание фонем <ц> + <s>: улица, царь
произнесение <ш'> вместо <ʃ>: sheep, dish, washed	замена русских фонем <ж> и <ш> английскими фонемами <ʒ> и <ʃ>: жизнь, нож, пожар, широкий, пушной
произнесение <р> вместо <ɾ>: right, paris, port, far	произнесение <ɾ> вместо <р>: рисунок, хороший;
реализация аффрикаты <Ѣ> сочетанием <д>+<ж>: george, major, page	
реализация фонемы <w> как <в> или сочетанием <уо>: don't worry, window, why	
<i>Внутриязыковая субституция</i>	
<i>Англо-русский интерязык</i>	<i>Русско-английский интерязык</i>
произнесение фонемы <ы> фонемой <и>: был, быстро, ты, цветы	реализация фонемы <ч'> сочетанием <т> + <ш'>: чистый, речь, течёт
<i>Лакунарная субституция</i>	
<i>Англо-русский интерязык</i>	<i>Русско-английский интерязык</i>
произнесение <в>, <з> или <д> вместо <ð> и <ф>, <с> или <т> вместо <θ>: this, with, thanks, bath	произнесение <о:> или <е> вместо <з:>: teacher, mother, partner

В представленной классификации субституция отличается от недодифференциации и сверхдифференциации тем, что субституция представляет собой замену одного элемента другим, в то время как недодифференциация является заменой отношений между элементами другим элементом, а сверхдифференциация, наоборот, заменой элемента отношениями элементов.

Приведённая классификация фоноферентов доказывает существование системы интерязыка, причём англо-русский и русско-английский интерязыки представлены совершенно разными фоноферентами в силу того, что русско-

английский интерязык формируется в сознании учащихся, у которых родным языком является русский, а изучаемым – английский. И наоборот, система англо-русского интерязыка формируется в сознании учащихся, у которых английский является родным языком, а русский – изучаемым.

«Правильная квалификация ошибки – залог успешной работы по её предупреждению и устранению» [16, с. 108], а описание фонологического яруса интерязыка является мощной лингвистической базой для успешного преодоления фоноферентов.

Список литературы

1. Бурая Е. А. Фонетика современного английского языка. Теоретический курс : учебник для студ. лингв. вузов и фак. / Е. А. Бурая, И. Е. Галочкина, Т. И. Шевченко. М. : Академия, 2006. 272 с.
2. Виноградов В. А. Лингвистика и обучение языку. М. : ACADEMIA, 2003. 370 с.
3. Исаченко А. Опыт типологического анализа славянских языков // Новое в лингвистике. М. : Изд-во иностр. литер., 1963. Вып. 3. С. 106–124.
4. Зубкова Л. Г. Фонетическая реализация консонантных противоположений в русском языке (в связи с постановкой русского произношения нерусским). М. : Изд-во РУДН, 1974. 112 с.

5. Зубкова Л. Г. Язык как форма. Теория и история языкознания : учеб. пособие. М. : Изд-во РУДН, 2003. 237 с.
6. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики : учебник для студ. высш. учеб. заведений. 4-е изд., испр. М. : Смысл ; Академия, 2005. 288 с.
7. Любимова Н. А. Обучение русскому произношению. Артикуляция. Постановка и коррекция русских звуков. М. : Русский язык, 1977. 192 с.
8. Любимова Н. А. Фонетический аспект общения на неродном языке. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. 156 с.
9. Немзер У. Проблемы и перспективы развития контрастивной лингвистики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV: Контрастивная лингвистика. М. : Прогресс, 1989. С. 128–143.
10. Рогозная Н. Н. Лингвистические аспекты билингвизма // Горный Алтай: проблемы билингвизма в поликультурном пространстве : сб. науч. ст. Горно-Алтайск : РИО ГАГУ, 2008. С. 121–126.
11. Рогозная Н. Н. Лингвистический атлас нарушений в русской речи иностранцев. Иркутск : Иркутская областная типография. 2001. № 1. 332 с.
12. Рогозная Н. Н. Типология лингвистической интерференции в русской речи иностранцев (на материале разноструктурных языков) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 48 с.
13. Рогозная Н. Н., Хантакова В. М. Психолингвистические основы билингвизма (пространственно-временные параметры) // Лингвистические и методические стратегии обучения иностранцев русскому языку как средству межкультурной коммуникации : междунар. семинар-совещание, проводимый в рамках IV Байкальского экон. форума (Иркутск, 21–23 сентября 2006) : материалы / науч. ред. Н. Н. Рогозная. Иркутск : Иркутск. гос. ун-т, 2006. С. 51–55.
14. Розенцвейг В. Ю. Языковые контакты. Л. : Наука, 1972. 80 с.
15. Философский энциклопедический словарь / редкол. : С. С. Аверинцев, Э. А. Араб-Оглы, Л. Ф. Ильичев [и др.]. 2-е изд. М. : Сов. энциклопедия, 1989. 815 с.
16. Цейтлин С. Н. Речевые ошибки и их предупреждение. М., 1982. 143 с.
17. Gass Susan M., Selinker L. Second Language Acquisition. /– 3rd edition. New York and London: Taylor & Francis Group, 2008. 593 p.
18. Ladefoged P. A course in phonetics. London: Harcourt Brace Johanovich Publishers, 1982. 2-d edition.
19. White Lydia. Universal Grammar and Second Language Acquisition. Amsterdam/ Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1989. 198 p.

Статья поступила в редакцию 6 декабря 2011г.

УДК 81 = 512.31
ББК 81 (Бу)

Л. Б. Бадмаева

*кандидат филологических наук, доцент, Институт монголоведения,
буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук
(г. Улан-Удэ, Россия), e-mail: lorabadm@mail.ru*

Бурятские летописи как источники для изучения бурятского языка

Статья посвящена рассмотрению бурятских летописей как источников для изучения истории развития современного бурятского языка. В работе приведены наиболее известные летописные памятники Т. Тобоева, В. Юмсунова, Ц.-Ж. Сахарова, Д.-Ж. Ломбоцэрэнова и др. Автором отмечено, что в течение всего 50 лет бурятам пришлось сменить 4 типа визуальной коммуникации: старомонгольское письмо, письменность Вагиндара, латиницу, кириллицу, что возникновение новой письменности связано с образованием нового государства. В статье обобщены результаты исследования языка бурятских летописей XIX в. Автором выявлено, что орфографические сдвиги в летописных текстах XIX в. перешли в разряд норм современного бурятского языка. Отмечено, что языковой фон бурятских летописей представляет собой промежуточный письменный вариант между классическим монгольским письменным языком и разговорной формой бурятского языка. Данный письменный вариант определён как бурятский извод старописьменного монгольского языка.

Ключевые слова: бурятские летописи, язык памятников, старописьменный монгольский язык, бурятский язык, история развития монгольских языков

L. B. Badmayeva

*Candidate of Philology, associate professor, Institute of Mongolian,
Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia),
e-mail: lorabadm@mail.ru*

Buryat Chronicles as Sources for Buryat Language Studies

This article deals with Buryat chronicles as sources for the study of the history of the modern Buryat language. The paper presents the most famous chronicles written by T. Toboev, V. Yumsunov, Ts.-Zh. Sakharov, D.-Zh. Lombotserenov, etc. The author notes that within 50 years Buryats had to change four types of visual communication: Old Mongolian writing, Vagindara writing, Latin and Cyrillic and that the origin of the new script is associated with the formation of a new state. The paper summarizes the results of the study of the language of the Buryat chronicles in the 19th century and emphasizes that the spelling changes in the texts of the chronicles of the 19th century became norms of the modern Buryat language. The linguistic background of Buryat chronicles is an intermediate written version between the classic Mongolian written language and the spoken form of the Buryat language. The author defines this written version as Old Mongolian Buryat language recension.

Keywords: Buryat chronicles, language of the Buryat chronicles, Old Mongolian, modern Buryat language, history of the Mongolian languages development.

Памятники письменной культуры бурят, созданные в XIX в. на старомонгольской письменности, остаются ещё неизученными в полной мере как в историко-источниковедческом, так и в лингвистическом плане.

Духовную и материальную культуру монгольязычных народов прежде всего связывали с кочевым образом жизни номадов, и поэтому многие аспекты их письменной культуры долгое время находились вне поля зрения исследо-

вателей. Между тем история письменности и книгопечатания монголов имеет многовековые традиции. Монголы создали самобытную кочевую цивилизацию, одним из достижений и составной частью этой цивилизации является письменность. Как отмечает Л. Чулуунбаатар, «в мировой истории нет другого такого народа, как монголы-кочевники, пользовавшиеся за свою многовековую историю более чем десятью разновидностями письменности» [19, с. 3].

Аспекты истории языка и письменности монгольских народов были предметом научных изысканий лингвистов Я. Шмидта, О. Ковалевского, К. Ф. Голстунского, Г. И. Рамстедта, Б. Лауфера, Б. Я. Владимирцова, Н. Н. Поппе, Г. Д. Санжеева, Д. Кара, F. W. Cleaves, E. Haenisch, L. Ligeti, Б. Ринчена, Ц. Дамдинсүрэнэ, Чингэлтэя, А. Лувсандэндэва, Х. Лувсанбалдана, Ц. Шагдарсүрэнэ, Ц. Б. Цыдендамбаева, И. Д. Бураева, А. А. Дарбеевой, Л. Д. Шагдарова, В. И. Рассадина, Г. Ц. Пюрбеева, Г. А. Дырхеевой, Л. В. Шулуновой, П. П. Дамбуевой, Д. Д. Санжиной, В. М. Егудуровой и др., а также историков Г. Сухбаатара, W. Heissig, X. Пэрлээ, Н. Сэр-Оджава, Ч. Далая, Ц. Шугэра, Л. Чулуунбаатара и многих др.

В эпоху Чингисхана, в начале XIII в. среди монголов получила популярность письменность, заимствованная от уйгуров. Единство территориального и культурного ареала расселения монголоязычных народов и племён даёт основание предполагать, что монгольская письменность получила распространение среди северных монгольских племён, в том числе и бурят, ещё в раннем средневековье. Возможно, некоторые монгольские племена пользовались монгольской письменностью ещё до формирования монгольской империи, так как в «Сокровенном сказании монголов» содержатся устоявшиеся лексические элементы, характерные для языка с развитой письменной культурой, например, *bičik* ‘письмо’, *debtar* ‘тетрадь’, *ča’alsun* ‘бумага’ [20, с. 116]. Изучение истории письменности народов Центральной Азии показывает, что возникновение новой письменности было связано с образованием нового государства, что это было одним из основных проявлений идеи государственного суверенитета. Так, Чингисхан, вступив на престол, провозгласил монгольскую письменность государственным языком своей империи. В связи с этим все государственные дела, официальные документы, дипломатические послания, записи бесед хана и князей с другими лицами, завещания составля-

лись на монгольском языке. В эпоху государства Их Монгол Улс много внимания уделялось развитию культуры, науки, разработке законодательных документов, созданию городов. Более того, в 1237 г. была разработана программа организации экзамена по письменности, который охватывал не только писарей. По итогам экзамена были отобраны 4030 чел., которые были приняты на государственную службу или назначены писарями. Была создана даже филологическая академия (*bičig-ün küriyelen*), в функцию которой входило составление, ведение летописей. Также в эту эпоху по приказу Угэдэя-хагана в Каракоруме были организованы монгольские школы, создан секретный архив каганата, библиотека [19, с. 14].

Таким образом, истоки зарождения письменного наследия монгольских народов, в том числе и бурят, могут быть отнесены к данному периоду, т. к., согласно «Сокровенному сказанию монголов», предки бурят – племена хори и баргуты – относились к протомонгольским и имели близкую генеалогию с правящим у монголов родом борджигинов, которые, как и хори, произошли от Алан-гоа и Бодончара.

В монголоведческой литературе существует несколько версий о времени возникновения старописьменного монгольского языка, о диалектной базе и о племени, которое заимствовало его у древних уйгуров. Одну из гипотез, связывающих заимствование уйгурской письменности с найманами и керейтами, разделяли учёные Я. Шмидт, А. М. Позднеев, Б. Я. Владимирцов, Г. Д. Санжеев, Н. Н. Поппе и др. Однако в последние годы появилась новая версия, согласно которой старомонгольская письменность впервые появилась у киданей, эту мысль поддерживают учёные Л. Лигети, Д. Кара, Чингэлтэй, Ц. Шагдар, Е. А. Кузьменков.

Монголы в условиях кочевого образа жизни сумели создать, сохранить и донести до наших дней уникальные памятники культуры монгольских народов, среди которых особое место занимают исторические хроники. Как отмечает исследователь Б. З. Базарова: «Монгольские летописи – это особое явление в системе культурного наследия монгольских народов. Поразительно, что кочевой народ, веками живший в неимоверно трудных естественно-климатических условиях, не имеющий стационарных центров, сумел создать настоящие шедевры культуры, в том числе письменные памятники. Это особые, специфические произведения, созданные в степях и пропитанные “ароматом степи”, они донесли до

нас безыскусную романтику, драматизм древних степных коллизий: жестокие межплеменные войны и умыкание невест, насильственное объединение враждующих племён и угон скота, образование и распад кочевых империй – и трогательные семейные сцены» [3, с. 5].

Летописание монгольских народов было открытой системой, с одной стороны, сохраняющей и использующей традицию, с другой – пополняющейся новыми формами, оригинальными текстами. С художественной точки зрения летописи – синтез различных жанров, поскольку летописание интегрировало различные древние источники, письменные и устные, повествовательные и документальные.

Собственно бурятские же сочинения на старомонгольской письменности стали появляться в XVIII в. в связи с консолидацией бурят в самостоятельную народность. Одной из развитых форм вербальной культуры бурят было летописание. Среди памятников старомонгольской письменности бурят летописи занимают исключительно важное место. Летописи являются не только ценными источниками исторической и культурологической информации, но и лингвистической.

Данные памятники пользовались большой популярностью среди бурятских читателей, имели хождение исключительно в рукописях, которые распространялись подвижниками-библиофилами бурятских степей. Бурятские летописи не похожи на европейские или русские летописи, даже на собственно монгольские. Характерной особенностью бурятских летописей является их синкретизм, смешение исторического и литературного жанра, стилей. К наиболее читаемым и популярным хроникам относятся следующие летописи, созданные представителями бурятской степной аристократии: Хоринская хроника «Предание о Бальжин-хатун» (1760–1770), изданная А. М. Позднеевым [16, с. 47–55]; История агинских бурят, написанная в 1863 г. главным тайшой агинских бурят Тугултур Тобоевым [12, с. 5–47]; История селенгинских бурят, написанная в 1868 г. главным тайшой селенгинских бурят Дамби-Жалцан Ломбоцэрэновым [11]; Летопись хоринских бурят, созданная в 1875 г. главой цаганского рода, шуленгой Вандан Юмсуновым [12, с. 49–172]; Летопись хори-бурят, составленная в 1887 г. помощником главного тайши хоринских бурят, зайсаном галзутского рода Шираб-Нимбу Хобитуевым (насчитывается около 30 списков данной лето-

писи) [13]; История баргузинских бурят, написанная в 1887 г. главным тайшой баргузинских бурят Цыдэб-Жаб Сахаровым [6] и др.

Следует отметить, что точных сведений о количестве бурятских летописей и об их авторах пока еще не установлено, поскольку их рукописи находятся в различных архивных фондах Улан-Удэ, Иркутска, Читы, Томска, Москвы, Санкт-Петербурга, Улан-Батора, а также в частных коллекциях [2, с. 7].

В настоящее время выявлено около 40 больших и малых бурятских летописей, из них опубликовано на современном бурятском языке 20 хроник (1992, 1998), переведено на русский язык и опубликовано 13 летописей (1869, 1900, 1940, 1995, 2011), на английском языке – 1 хроника (1959), на старописьменном монгольском языке опубликовано – 9 летописей (1935, 1999).

Изучение летописных памятников бурят и их критическое издание всё ещё остаётся одной из наиболее слабых сторон филологической и исторической наук в Бурятии. Многие памятники летописания неизвестны даже по названиям. Изданные бурятские хроники (1935, 1940, 1956, 1992, 1995, 1998, 2011) составляют лишь некоторую часть летописного наследия бурят, большая их часть всё ещё остаётся в рукописях. На данный момент переизданы две летописи: «Летопись баргузинских бурят Цыдэб-Жаба Сахарова (1887)» и «Летопись Вандана Юмсунова (1875)» – сопровождаемые транслитерацией и исследованием языка памятников¹.

Исследователи давно заметили, что духовные буддийские сочинения, заимствуемые бурятами из Монголии, переписывались без изменений, тогда как в светских произведениях наблюдались довольно заметные отклонения от классического монгольского языка. Об этом писали А. Д. Руднев, Б. Я. Владимирцов, Н. Н. Поппе и В. А. Казакевич. Это обстоятельство дало основание Б. Я. Владимирцову и его ученикам и последователям Г. Д. Санжееву и Т. А. Бертагаеву выдвинуть положение о том, что в Бурятии постепенно стал образовываться особый бурятский литературный диалект старомонгольского языка, названный Б. Я. Владимировым [5, с. 29] одним из «диалектических монгольских письменностей».

¹ Востриков А. И., Поппе Н. Н. Летопись баргузинских бурят: тексты и исследования / вступ. ст., транслитерация Л. Б. Бадмаевой. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2007. 120 с.; Бадмаева Л. Б. Летопись Вандана Юмсунова – памятник письменной культуры бурят XIX в. : иссл., текст, транслитерация, пер., коммент.». Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2007. 394 с.

В своих работах Д. Д. Доржиев идёт ещё дальше. Он считает, что это даже не диалект, а самостоятельный письменно-литературный бурятский язык. Для доказательства этого положения автор выделяет более 30 особенностей в письме, фонетике, морфологии, синтаксисе и лексике, отличающих его от классического монгольского языка [8; 9].

В 1972 г. выходит в свет известный труд Ц. Б. Цыдендамбаева «Бурятские исторические хроники и родословные» [18]. В итоге своего исследования учёный приходит к выводу, что в Бурятии пользовались монгольским письменным языком и не было выработано ни самостоятельного старобурятского языка, ни даже литературно-письменного диалекта.

Итак, по вопросу о характере старой письменности бурят исследователи пришли к диаметрально противоположным выводам. На наш взгляд, более обоснованной представляется точка зрения школы академика Б. Я. Владимирцова о монгольских письменных наречиях. В частности он отмечает: «Распространившись среди разных монгольских племён, говорящих на разных наречиях и диалектах, монгольский письменный язык начал до известной степени ассимилироваться с этими говорами. Влияние народной речи стало обнаруживаться и на правописании, потому что оно стало отражать фонетические особенности диалектов, и на морфологии, тоже менявшейся под влиянием заимствований из народных говоров, и на словаре. Классические нормы, нашедшие отражение главным образом в печатных изданиях, ничего не могли поделать со стихийным движением: письменный язык, начав шире обслуживать жизненные потребности монголов, стал приближаться к живому народному языку» [5, с. 28]. Более того, Б. Я. Владимирцов считал возможным говорить даже «об отличных друг от друга монгольских письменных наречиях, носящих на себе следы того наречия, того говора, тех традиций, среди носителей которых они возникли» [там же, с. 29].

Бурятские исторические хроники, являясь составной частью культурного наследия бурят, отражают многие стороны их общественной жизни, поэтому они заслуживают специального изучения. В эпоху тоталитарного режима данные памятники историографии Бурятии XVII–XIX вв., как и всё литературное наследие бурят на старомонгольской письменности, долгое время находились в забвении, отодвинутые на задний план, более того, многие ценные памятники были варварски уничтожены.

Старописьменный монгольский язык в течение долгого времени представлял единственную литературную форму монгольских языков. В начале XX в. Агван Доржиев попытался реформировать старомонгольское письмо с учётом диалектных особенностей бурятского языка, создав бурятскую письменность «Вагиндара». Были даже изданы книги на этой письменности. В дальнейшем реформаторская деятельность Агван Доржиева и его письменность не получили поддержки в связи с октябрьскими событиями 1917 г. В 1930 г. он был арестован и погиб в застенках НКВД.

Буряты пользовались старомонгольским письмом вплоть до 1930-х гг. XX в. В 1931 г. осуществился переход на латинский алфавит, в 1939 г. – на кириллицу. Однако до 1936 г. газеты, делопроизводство частично печатались на старомонгольском языке, который выполнял функцию книжно-письменного языка. В дальнейшем русская графическая основа бурятского языка постепенно вытеснила старомонгольскую вертикальную графику.

Как известно, язык, имеющий устную и письменную форму существования, более жизнеспособен, по сравнению как с языками бесписьменными, так и с языками, имеющими письменную форму, но утратившими устную (латынь, древнегреческий и т. п.) [10, с. 88].

Невозможно оценить роль старомонгольской письменности в культурно-историческом процессе развития бурятского этноса и цивилизационном её значении для бурятского народа. И нам представляется, что смена типов визуальной коммуникации повлекла за собой забвение старомонгольской письменности, отрицательно сказавшейся на дальнейшем развитии бурятского языка и культуры, что в результате этого процесса бурятский народ утратил доступ к уникальным памятникам по истории, медицине, языкознанию, этнографии, фольклору, литературе, философии, которые были зафиксированы на старомонгольской письменности. Бурятам в течение менее чем за 50 лет пришлось поменять четыре типа письменности: старомонгольскую письменность, письмо Вагиндара, латиницу, кириллицу. Как нам видится, новая письменность часто возникает при образовании нового государства, являясь одним из основных проявлений идеи государственного суверенитета.

Письменные памятники бурят являются важными источниками для изучения истории бурятского языка. Как показали исследования языка бурятских летописей, произведения бурятских

авторов характеризуются различными отклонениями от норм классического монгольского письменного языка. Между тем отклонения от норм классического монгольского письменного языка встречаются не только в памятниках бурятского летописания, но и в монгольских летописях, например в монгольской летописи XVIII в. «Алтан тобчи» Мэргэн гэгэна. Исследователь данного памятника П. Балданжапов отмечает: «В целом летопись “Алтан тобчи” Мэргэн гэгэна написана на классическом монгольском письменном языке. Однако в ней встречаются отклонения от норм этого языка» [4, с. 55].

Как справедливо подчёркивает в своей работе М. Н. Орловская: «Однако без лингвистического исследования и грамматического анализа самых ранних письменных текстов невозможно проследить путь развития языка от самых древних эпох до современности, а следовательно, и невозможно сравнительно-историческое изучение определённой группы языков, в данном случае монгольских и шире – алтайских» [14, с. 3].

В связи с этим материалы, содержащиеся в текстах бурятских летописей, представляют большой интерес для лексикографов, литераторов, этнографов, историков, особенно для лингвистов. Поскольку бурятские летописцы создавали свои произведения на основе лично собранных древних преданий, собственных воспоминаний, а также на основе подлинных архивных дел степных дум, дацанов, канцелярий иркутских генерал-губернаторов с указанием номера и даты соответствующего документа, бурятские летописи представляют значимость и как достоверные источники исторической информации.

Мы полагаем, что в целом языковой фон всех бурятских летописей представляет собой промежуточный письменный вариант между классическим монгольским письменным языком и разговорной формой бурятского языка. Данный письменный вариант можно определить как бурятский извод старописьменного монгольского языка. Некоторые лексемы, выявленные в языке бурятских летописей как отклонение от норм классического монгольского языка, нашли дальнейшее отражение в современном литературном бурятском языке, например, *лама* вм. стп.-монг. *blama* ‘лама’ ср. совр. бур. *лама* (буддийский монах); *сургули* вм. стп.-монг. *surγayūli* ‘школа’ ср. совр. лит. бур. *hurγuuli* id.; *kirīice*

<(русск.) кирпич> совр. лит. бур. *хирпиисэ*; *serereᠢ* <(русск.) серп> совр. лит. бур. *сеэрнэ* // *шээрнэ*; *γoluba* <(русск.) голова, глава> совр. лит. бур. *γулваа* ‘глава администрации’, например, «*Буряад Республикын Арадай Хуралай вице-спикер Ц. Батуев, хамба лама Итигэловэй тоонто Оронго нютагай γулваа Ж. Цыренжапов, ... Оловянный районой γулваа В. В. Дугарон, Могойтын районой γулваа, С. Б. Мажиев, Боржсын районной γулваа А. А. Абдукаримов ... гэшиэд эндэ суглархан арад зоншиэ энэ дэмбэрэлтэ үдэрөөр амаршалаад, зол жаргал, элүүр энхые амгалан тайбанише хүн бүхэндэ хүсэбэ*» [7, с. 21] – ‘Вице-спикер Народного Хурала Республики Бурятия Ц. Батуев, глава администрации Оронгоя – родины хамбо-ламы Итигылова Ж. Цыренжапов, глава администрации Оловянинского района В. В. Дугарон, глава администрации Могойтуйского района С. Б. Мажиев, глава администрации Борзинского района А. А. Абдукаримов и другие тепло приветствовали собравшихся с этим замечательным днем и пожелали им счастья, здоровья и благополучия’ (Перевод – Л. Б.) и т. д.

Приведённые примеры показывают, что орфографические сдвиги, воспринимаемые в XIX в. как ошибки и отклонения от норм классического старомонгольского письма, перешли в разряд норм современного бурятского языка в XX в. Правы исследователи, утверждая, что «любые ошибки достойны того, чтобы их изучали и исследовали ... ошибки и нормы – это взаимосвязанные явления одного и того же процесса. Упорядочение языковых изменений ведёт к неизменному их нарушению. В то же время неупорядоченность языковых явлений приводит к необходимости их систематизации и классификации. В конечном итоге вечная борьба между ошибкой и нормой – залог постоянного развития языка и человека» [1, с. 42].

Таким образом, бурятские летописи, язык которых представляет собой яркий пример демократизации старописьменного монгольского языка и сближения его с народно-разговорной основой бурятского языка, а также проникновение книжных элементов в народно-разговорную речь, являются значимыми памятниками письменной культуры бурят XIX в. и важными источниками для изучения истории современного бурятского языка.

Список литературы

1. Ахметова Г. Д. Языковые процессы в современной русской прозе (на рубеже XX–XXI вв.). Новосибирск : Наука, 2008. 167 с.
2. Бадмаева Л. Б. Язык бурятских летописей. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. 216 с.
3. Базарова Б. З. Монгольские летописи – памятники культуры. М. : Academia, 2006. 368 с.
4. Балданжапов П. Altan Tobči. Монгольская летопись XVIII в. Улан-Удэ, 1970. 416 с.
5. Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Л., 1929. 438 с.
6. Востриков А. И. и Поппе Н. Н. Летопись баргузинских бурят. Вып. 1. Тексты и исследования // Тр. Института востоковедения. Т. VIII. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1935. 75 с.
7. Газета «Буряад үнэн» от 25.09.2008 г.
8. Доржиев Д-Н. Д. Старобурятский язык. Улан-Удэ, 1992. 244 с.
9. Доржиев Д-Н. Д. Язык старомонгольской письменности Бурятии : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1955. 18 с.
10. Журавлев В. К. Внешние и внутренние факторы языковой эволюции. М., 1982. 332 с.
11. Летописи селенгинских бурят. Хроника убаша Дамби Джалцан Ломбоцэрэнова (1868 г.) // Тр. Института востоковедения. Т. XII. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1936. 55 с.
12. Летописи хоринских бурят. Вып. 1. Хроники Тугултур Тобоева и Вандана Юмсунова // Тр. Института востоковедения. Текст издал Н. Н. Поппе. Т. IX. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1935. 172 с.
13. Летописи хоринских бурят. Вып. 2. Хроника Шираб-Нимбо Хобитуева. Текст издал В. А. Казакевич // Тр. Института востоковедения. Т. IX. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1935. 125 с.
14. Орловская М. Н. Очерки по грамматике языка древних монгольских текстов. М. : Восточная литература, РАН, 2010. 304 с.
15. Орловская М. Н. Язык монгольских текстов XIII–XIV вв. М., 1999. 182 с.
16. Позднеев А. М. Монгольская хрестоматия для первоначального преподавания. СПб., 1900.
17. Румянцев Г. Н. Бурятские летописи как исторический источник // Тр. БКНИИ СО АН СССР. Сер. востоковедения. Вып. 3. Улан-Удэ, 1960. С. 3–15.
18. Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. 662 с.
19. Чулуунбаатар Л. Письменность монгольских народов и её культурно-историческое значение : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2000. 29 с.
20. Rachewiltz De. Igor. Index to the Secret History of the Mongols. Bloomington: Indiana University, 1972. 343 p.

Статья поступила в редакцию 25 октября 2011 г.

УДК 09
ББК 76.11

С. В. Бураева

доктор исторических наук, доцент,

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук (г. Улан-Удэ, Россия),
e-mail: ladyys@inbox.ru*

А. В. Костров

кандидат исторических наук, доцент,

*Иркутский государственный университет (г. Иркутск, Россия),
e-mail: galia.akhmetova@gmail.com*

**«Сия богодухновенная книшка писана в городи Осаки в плену»:
рукописные молитвы и обережные тексты в военном быту
забайкальских старообрядцев (нач. XX в.)**

Книга являлась не только важной частью религиозной культуры старообрядцев, но и неотъемлемым атрибутом их повседневной практики. Существенная часть книжной культуры – рукописная традиция, отражающая всю догматику древлеправославия, его канонические и неканонические компоненты. В статье рассматриваются вопросы атрибуции уникального для забайкальской книжно-рукописной традиции старообрядческого сборника начала XX столетия, составленного военнопленным. Сборник был обнаружен археографической экспедицией в 2011 г. в с. Куйтун Тарбагатайского района Республики Бурятия. Впервые у исследователей появилась возможность выявить особенности функционирования рукописной книги в военном быту старообрядчества Забайкальского региона, провести синхронное и диахронное сравнение материалов. Авторы уточняют сведения о происхождении сборника, анализируют его содержание. Смысловой «стержень» куйтунского (осакского) сборника – практическое обеспечение повседневной религиозной жизни, а также сочинения апокрифического и молитвенно-заклинательного характера, жизненно необходимые человеку, попавшему в беду. Сведения о нахождении подобных текстов и сборников в военном быту старообрядцев далеко не единичны и известны в других «старообрядческих» регионах. В результате сравнения с аналогичными находками археографов в других регионах сделан вывод о наличии в экстремальных условиях войны не только сакральной и информативно-познавательной, но и иных функций у ряда старообрядческих памятников письменности. Фактически рукописные тексты данного типа становились оберегом (амулетом).

Ключевые слова: старообрядчество, Забайкалье, книжно-рукописная традиция, рукописный сборник, апокриф, молитва, русско-японская война.

S. V. Buraeva

Doctor of History, associate professor,

*Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia),
e-mail: ladyys@inbox.ru*

A. V. Kostrov

Candidate of History, associate professor,

*Irkutsk State University (Irkutsk, Russia),
e-mail: galia.akhmetova@gmail.com.*

**Handwritten Prayers and Protective Texts in the Military Life
of Transbaikalian Old Believers (the Beginning of the 20th Century)**

The book is not only an important part of the religious culture of Old Believers, but also an inherent part of their daily practice. A significant part of literary culture is manuscript tradition that reflects the whole dogma of non-reformed Orthodox Christianity, its canonical and non-canonical components. The paper deals with the issues of attribution of a unique Trans-Baikal book and manuscript tradition of the Old Believers' manuscript of the early twentieth century compiled by a prisoner of war. This book was discovered by the 2011 archaeological expedition in the Kuytun

Village of the Tarbagatai Region in the Republic of Buryatia. For the first time researchers have an opportunity to study the functioning of a handwritten book in the military life of Old Believers in the Transbaikal Region and to compare the materials synchronically and diachronically. The authors analyze the origin of the collection and its contents. The Kuytun (Osaka) book includes prayers for everyday religious life, as well as apocryphal and incantatory writings that are vital to a person in distress. The discoveries of similar texts and collections about the military everyday life of Old Believers are not rare and they are found in other Old Believers regions. The comparison with similar archeographers' findings in other regions reveals that in the extreme conditions of war handwritten books of Old Believers perform not only sacred, informative, and cognitive functions but other functions as well. In fact, this type of handwritten texts becomes a talisman (amulet).

Keywords: Old Believers, Transbaikalie, hand-written tradition, manuscript collection, apocryphal text, prayer, Russian-Japanese War.

Изучение истории старообрядчества невозможно без освоения книжной культуры, основного «хранителя» традиций, ментальности, этических и социальных принципов существования. Книга стала не только важной частью религиозной культуры старообрядцев, но и неотъемлемым атрибутом их повседневной практики [2; 5]. В старообрядческом стихе об Иоанне Предтече говорится: «Послал Господь три дара: уж как первый дар – крест и молитву, второй дар – любовь и милостыню, третий дар – ночное моление, четвёртый – заповедь – читательную книгу» [7, с. 138]. Существенной частью книжной культуры является книжно-рукописная традиция, имеющая свои характерные черты в каждом регионе, где живут старообрядцы. Книжно-рукописная традиция отражает всю догматику древлеправославия, его канонические и неканонические компоненты.

Важным фактором, влиявшим на складывание местной книжно-рукописной традиции, было социокультурное и политическое развитие российского общества. В формировании корпуса рукописных памятников и шире – книжно-рукописной традиции, принимали участие старообрядцы разных территорий страны, в том числе такого своеобразного региона, как Забайкалье. Процесс формирования и складывания этого комплекса определялся не только его внутренними потребностями, но и во многом зависел от политики, проводимой центральными и местными властями, позиции Русской православной церкви, достижений технического прогресса и т. д.

Наиболее яркий и многогранный сегмент книжно-рукописной традиции забайкальских староверов – сборники. Они дают возможность исследователям определить наиболее интересные составителей темы, канонические и неканонические тексты их актуальность в определённый исторический момент и т. п. Ин-

тересные находки, несмотря на уже более чем полувековые академические изыскания в регионе, встречаются и сейчас.

В 2011 г. в с. Куйтун Тарбагатайского района археографической экспедицией был обнаружен рукописный старообрядческий сборник малого формата. Писцовая запись на первом листе сборника сразу же обозначила его уникальность в контексте изучения истории и культуры старообрядчества региона. Запись сообщала: «Сия светлая и богодухновенная книшка. Сию книшку писал Иоанн Тиханов, 1905 17 марта в городе Саки сидевши в плену». Впервые у исследователей появилась возможность выявить особенности функционирования рукописной книги в военном быту старообрядчества Забайкальского региона.

О несении службы забайкальскими старообрядцами в царской армии, их участии в сражениях и войнах известно не слишком широко; специально этой теме посвящены работы Ф. Ф. Болонева и В. М. Пыкина. Архивные материалы, ревизские сказки, переписи населения свидетельствуют, что с начала XIX в. семейские постоянно призывались в рекруты и служили в русских войсках [1, с. 4]. Не стала исключением русско-японская война (у семейских даже бытует несколько песен, посвящённых некоторым эпизодам этой войны) [11]. Были призваны в армию и жители Забайкальской области, в том числе крестьяне Куйтунской волости. Согласно архивным данным, среди них числился и Иван Сафонович Тиханов [1, с. 59].

Вероятно, после плена Иван Тиханов вернулся в родной Куйтун, поскольку именно там и было обнаружено уникальное свидетельство военного быта начала XX столетия. Предположительно, к нынешней владелице сборник попал от уставщика с. Куйтун Леона Власовича Афанасьева (1926 г. р.), жена которого Анна

Стефановна в девичестве была Тихоновой и вполне могла передать мужу свою семейную реликвию.

В состав куйтунского (осакского) сборника включены: «Молитва ко Господу нашему Иисусу Христу глаголемая в беде и печали», «Молитва архистратига Михайла», «Сон Пречистой Богородицы», псалом 90 «Живый в помощи Вышняго» (издавна существует обычай носить текст этого псалма в кармане на груди или на поясе в небольших иконах-складнях, поясках с текстом и т. п.; «Придите поклонимся» (из Утренних молитв), Символ веры, «Молитва честному и животворящему кресту» («на сон грядущий»), покаянный псалом 50, несколько молитв богородичного цикла: Песнь Пресвятой Богородице – «Богородице, дево, радуйся», Похвала пресвятой Богородице – «Достойно есть» и др.

Интересно, что весьма похожий по составу забайкальский рукописный сборник второй половины XIX в. был обнаружен нами в Отделе рукописей Института русского языка и литературы (Пушкинский дом). На 54 листах рукописи собраны: «Свиток Иерусалимский», «Сон Богородицы», «перечень» грехов, псалом; молитвы («на сон грядущий», «Михаилу Архангелу», «ангелу-хранителю», «от пожара», «молитва иерусалимская»); апокрифы «Хождение по мукам пресвятой Богородицы с Архангелом Михаилом»; «Молитва к пресвятой Богородице», «О 12 святых пятницах»; «Сказание об ангелах»; «Сон девятый» [4].

Совершенно очевиден, на наш взгляд, смысловой «стержень» куйтунской (осакской) подборки – практическое обеспечение повседневной религиозной жизни (начальные, утренние, вечерние и проч. молитвы), а также сочинения апокрифического и молитвенно-заклинательного характера, жизненно необходимые человеку, попавшему в беду.

Проанализируем составные части куйтунского сборника из Осаки. Наибольшее внимание в нём привлекают два апокрифических текста – «Сон Богородицы» и «Молитва Михаилу Архангелу».

«Сон Богородицы» – довольно позднее апокрифическое сочинение, вероятно польского происхождения, появившееся на Руси на рубеже XVII–XVIII вв. и вошедшее в круг чтений пасхального цикла [8]. Наибольшую популяр-

ность в Забайкалье получил с конца XVIII в. Обратим внимание на то, что исследователи книжно-рукописных традиций старообрядцев Урала и Сибири отмечают его широкое бытование в более поздний период. Так, например, в территориальных собраниях Древлехранилища лаборатории археографических исследований Уральского государственного университета Л. С. Соболева выявила 28 списков «Сна Богородицы» (как полных, так и во фрагментах) в прозаической форме и в виде духовных стихов, датируемых XIX–XX вв.; Н. Д. Зольникова также проанализировала «Сон...» и ряд других популярных среди староверов апокрифов из новосибирских собраний, указав общие черты, определявшие их бытование рядом друг с другом и проведя сравнение с изданными общерусскими и уральскими памятниками [9; 3].

Нам известно 19 различных сборников из Забайкалья второй половины XIX – начала XX вв., содержащих полностью или фрагментарно «Сон Богородицы»; в пяти случаях этот апокриф оформлен в виде небольшой по объёму самостоятельной рукописи.

Н. Ф. Сумцов выявил две основные части, составляющие данный апокриф: «1) описание самого сна и объяснение к нему Христа и 2) заговорное значение сна и объяснение того, какая польза носить его или хранить дома ...» [10]. Исследователям известно 3 редакции «Сна...», различающиеся сюжетами второй части. Забайкальские рукописи «Сна...» относятся частично к первой, но в основном – к наиболее распространённой, второй редакции. Первая часть включает в себя описание видения Богородицы – рассказ о распятии Христа, снятии Христа с креста, о его воскресении. Содержание этой части в различных рукописях достаточно близко. Вторая часть апокрифа обычно содержит своеобразный перечень «охранных» функций текста. Зачастую текст «Сна...» заканчивается формулой «замка» заговора: «Запечатали сию молитву четыре патриарха иерусалимских седми печатью и положили сию молитву во святая святых во святой соборной церкви Господней и замком замкнули и замок животворящий крест господень. Аминь», однако в куйтунском варианте «Сна» такого сюжета нет. Сравним содержание апокрифа более детально с одновременным ему списком из с. Никольское:

Сравнительная текстологическая таблица апокрифа «Сон Богородицы»

<i>Сон Богородицы</i> (НБРБ, Никольское)	<i>Сон Богородицы</i> (Осака – Куйтун)
Пресвятая владычица Богородице и присно дево Мария, Бысть во светлом граде Иерусалиме, Спала есть пресвятая богородице дево Мария. И прииде кней Господь наш Иусус Христос, спаситель всего мира	Уснула пресвятая Богородица во светем граде вифлиеме иудейстем И виде сон о сыне своем возлюбленном о Господе нашем Иусе Христе. Возбудися же от сна своего и прииде к ней Господь наш Иисус Христос Сын Божий Спаситель всего мира
И рече к ней Господь наш Иусус Христос матери своей. О мати моя возлюбленная пресвятая богородице дево Мария. Спиши или не спиши, или что	и рече ей. Аминь. Глаголю// тебе мати моя возлюбленная преблагословенная и препрославленная от всех родов пресвятая Богородица Спала еси ты во святем граде вифлиеме иудейстем И что во сне видела еси
И рече ему мати его пресвятая богородице дево Мария. О сыне мой сладчайший Господь Иусус Христос Спала есмь мати твоя пречистая Богородице дево В Виблиеме граде иудейском, в марте месяце намаялася. И видела сон предивен и чуден и грозен.	И рече ему пресвятая Богородица Сыне и Боже мой возлюбленный // и сладкий Иисусе Христосе Спала есмь в марте месяце во святем граде вифлиеме иудейстем и видела сон дивный архангела Гавриила и прочих безплотных сил
И рече ей Господь наш Иусус Христос матери своей. Мати моя возлюбленная ипреблагословенная пресвятая богородице дево Мария. Повеждь ми сон свой.	и рече еси Господь наш Иисус Христос. Аминь. Глаголю тебе мати моя пресвятая Богородица Скажи ми истину // и что во сне видела еси
И рече ему мати его пресвятая богородице дево Мария. О сыне мой возлюбленный и сладкое мое чадо, Господь Иусус Христос Не магу глаголати, дух мой унывает, утроба моя разгорается, Изречение мое помрачается и не от- верзается глаголатию	И рече ему пресвятая Богородица Сыне и Боже мой еди- нородный Очи мои предражайшия иуста моя неотверзаются Но глаголю ти правду что я видела сон странен зело и ужасен
Видех како ты Христа моего Иусуса Христа От жидов поймана и связана	Яко бы ты // Господа Бога моего у пребеззаконных жидов
и предана к понтийскому Пилату игемону	Поймана и связана и приведена к понтийскому пилату игемо му
На трёх древах распяша. На кипарисе и пегве и кедре ты Христа божественною плотию на кресте распяли	Пречистое лице твое оплеваша изаущена И по главе тростию ударена И тернов венец на святую главу твою возложиша и распята надреве // Пегве, и кедре, и кепарисе
Руце и нозе твои гвоздием ко кресту пригвоздиша,	
тернов венец на голову твою возложиша,	
отцем и желчию напоиша бысть,	иво уста твоя святяга желчия напоена.
и ребра твоя святая копием прободен бысть	И ребра твоя спасительная един от войне копием прободен
Набие изыде кровь и вода наицеление верным христианом, На спасение душам их	А абия из пречистых ребр твоих истече кровь и вода На избавление православных христианом и на спасение // Душам нашим грешным
А тело твое пречистое пало на землю, аки кора дубовая	
И всякими разными муками мучен и поруган бысть	
И тогда солнце померкло на небеси, а на земли тма бысть и луна в кровь преложися	
Небо и земля потрясеса, камень распадеса	
И церковная завеса раздраса надвое свышняго края дониже	
И благообразный Иосиф с Никодим пречистое тело твое со креста снем	Благообразный же Иосиф с Никодимом
И плащаницю чистою обвит, и во гробь нове положи	Во гробе своем новем исьсеченном Ис камене положи закрыв
И в третий день воскресе, и воскресением своим живот вечный всему миру дарова	Но в третий день воскресе из мертвых, И всему миру воскресением своим живот вечный даровал
И сошед во ад и верей железныя сотре, и Дявола связа	исыиде в преисподния земли // и врата адова сокруши и всю силу дяволю божеством своим сотре, дявола связа и всех сущих праведных из ада с собою возведе и царствие небесное тому дарова

И рукописание Адамово раздра	и раздра рукописание Адамово
и отгудо всех сущих пророк с собою изведе, И дарова вечный живот и царство небесное	
И рече к ней Господь наш Иисус Христос матери своей. О матери моя возлюбленная, пресвятая богородице дево Мария. Воистинну сон твой неложен но праведен	И рече ей Господь наш Иисус сын Божий// паситель и искупитель Свою пречистою кровию всего мира. О матери моя возлюбленная пресвятая Богородица Воистину неложен сон твой богородичень и праведен есть
Еже збудется все то надо мною Аще которой человек сон твой Богородичен В дому своем станет держать чесно и в чистоте	Аще кто сей сон твой богородичен имети будет в доме своем в чистоте то в доме // том почивает дух святыи рабом и рабыням наздравие
тому дому не прикоснет ни тать ни разбойник	и к тому дому неприкоснется ниогнь ни нода нитати ниразбойник
и никакое муровое поветрие	
и никакие злый человек и нечистый дух не прикоснет	
Тому дому здравие, душам их спасение	
И скотом их умножение, плодоносных изобилие	и скоту умножение, и во всем прибыток иземным плодом// изобилие бывает
И тот человек избавлен будет от вечныи муки	
И от дьявольскаго навождения	Аще кто [...] собою носит и к тому человеку не прикоснется дьявол,
	Низлыи человек и от острья мича скорое получитя избавление
от седмидесяти недугов	
И от трясовиц иродовых дочерей	
А кто в путь пойдет, а сон Богородичен на себе в чистоте но- сит, И тот человек избавлен будет от напрасныи смерти	
От грома и от молнии	
И бури великия	
и от восхищения	
От всяких зверей	
и от смертоносныи язвы	
и от тлитворных ветр	
от еретик	
от колдунов	
и от всех злых человек	
И никто же и никоторое зло от нечистаго посещения	
И в водах плавание тихое	И куда пойдет во всем бывает щастие и поводам тихое плавание
	Или новый дом станет ставити или// какое дело хошет начати Или в суд пойдет а сон твой богородичен при себе дер- жати будет То бывает во всем велие благополучие
Аще который человек в землю начнет семина сеить А сон Богородичен на себе в чистоте со благодарением носит, И тот человек с немалом прибытком возмет	
Аще которая жена детей не раждает, ана бы имела Сон твой Богородичен у себе в головах в чистоте, Отверзается ей плод и будет леготное рождение родит	или в коим дому жена червата будет асон твой // при себе держат тогда леготно отроча родит ихранит его Бог от всякого зла водни и внощи, и навсякий час и на всякую минуту от дьявола сквернаго
	Прошу тя Господа Бога моего за муку твою святую ко- торую ты претерпел На ради грешных и кровь свою святую пролиял Святыи Иоанн пророче и предтече крестителю Господа нашего Иисуса Христа Избави мя от всякого зла от дьявола скареднаго И сохрани мя от скорби и болезни во дни и в нощи // и в полудни и в полунощи И во всех христовых двадцати четырех часех
От напрасныи смерти избавлен будет	
И от лиха человека сохранится	

Аще которой человек сон Богородичен в страхе Божии при смерти воспомянет страшное мое волное страдание, станет прочтает или кого заставит прочесть, и тот человек избавлен будет вечныя муки	Аще кто сей сон твой Богородичин при смерти своей прочтает Или помянет или заставит кого прочтатъ или списавать От дому и до дому читать То кто// хотя имеет но себе грехов аки песку в мори и надревах листве Или звезд на небеси и при исходе души своея покается чистым покаянием грехов своих То вси ему греси отпустятся и муки вечныя избавлен // будет
И огня негасимаго и червня неусыпаемых и тмы крошешныя	И огня негасимаго и червей [неусыпаемых] и тмы крошешныя И тартара преисподняго
И божим судом и к смертному концу и в чистом покаянии И по восприяти честных даров, и пришедши ангели Божии возмут душу его и понесут на небо пред Владыку, иже есть на небеси сидяи	И ангели Господни возмут душу его И донесут до царствия небеснаго И отдадут Аврааму в рай
	Или который человек отпущение грехов // своих примет. А кто сему сну верити не станет и глаголет что ложен есть, То получит за грехи своя злую смерть и муку вечную наследует вовеки веком. Аминь
И повелити Господь ангелом душу вести в царство небесное И в неизреченную радость со всеми святыми ликовати вовеки, Со ангелы, и архангелы, херувими и серафими и шестокрылатии	
Пресвятая госпоже владычице Богородице, Спаси и помилуй раба своего (имярек) От телесныя скорби	
и от дневныя болезни	
И от нощныя черныя болезни	
Пресвятая госпоже владычице Богородице, Спаси и помилуй раба своего (имярек)	
От дванадесяти недуг	
и от трясовиц	
иродовых дочерей	
И от дивяносныя болезни	
Вера и мера сей молитве	
Взята сия молитва во святом граде Иерусалиме, У святаго и животворящаго креста Господня	
Печатали сию молитву четыре патриарха иерусалимския Седмию печатями	
И положили сию молитву во святая святых Во святей соборной церкви Господней под престолом Господним	
И замком замкнули, а замком и животворящий крест Господень	
АМИНЬ	

Эпическая часть «Сна», то есть, рассказ о виденных во сне крестных муках Христа, представлен в куйтунском тексте в сокращённом варианте, некоторые эпизоды опущены. Отсутствуют, например, упоминания о том, что Понтий Пилат перед всем народом «умыл руки», что распят Христос был между двумя разбойниками, не упоминаются имена жен-мироносиц и т. д.; заговорная часть так же более краткая. В целом, по полноте и деталям куйтунский (осакский) список при сохранении общей канвы явно уступает одновременным ему вариантам из забайкальских староверческих сел. Видимо, это было вызвано тем, что апокриф не переписывался с другого текста, а в сложных условиях плена воспроизводился на память. Составитель сборника Иван Тихонов воспроизвёл лишь наиболее важные, с его точки зрения, моменты.

Очевидно, что «Сон Богородицы» выполнял во многом охранительную и магическую функцию, и бытование его в воинской среде вполне объяснимо. Важным подтверждением вероятной системности этого явления может служить обнаруженный М. В. Рождественской в 2002 г. в Государственном архиве Швеции (г. Стокгольм) среди российских материалов, связанных с событиями Северной войны (1700–1721 гг.) бумажный свиток, озаглавленный «Сонъ пречи-

вался с другого текста, а в сложных условиях плена воспроизводился на память. Составитель сборника Иван Тихонов воспроизвёл лишь наиболее важные, с его точки зрения, моменты.

стыя Владычицы Богородицы и Приснодевы Марии» (*Riksarkivet, fond Extranea 156.3.*). Он был вложен в расправленном виде в обложку, на которой чернилами, по цвету сходными с чернилами основного текста, написана дата «1700». Свиток находился среди писем русских военнопленных, захваченных в бою под Нарвой. Стокгольмский свиток «Сна», вероятно, самый ранний из известных. М. В. Рождественская в своём диссертационном исследовании указывает, что Стокгольмский свиток отражает весьма распространённый в рукописях текст, подвергшийся какой-то правке и не всегда удачным сокращениям. Исследователь высказала предположение: если «Сон» хранился кем-то из петровских солдат, участников Нарвской битвы, то он представляет собой также оберег, в котором, как во всяком рукописном амулете, текст структурно распадается на эпическую часть – в данном случае это описание крестных мук Иисуса Христа, приснившихся Богородице в Вифлееме (в ряде списков назван Иерусалим), – и заговорную часть, выполняющую роль собственного оберега. М. В. Рождественская подчёркивает сложность вопроса о датировке Стокгольмского свитка и замечает, что поскольку на обложке стоит дата «1700», то было бы весьма заманчивым предположить, что русский солдат, взятый в плен, носил свиток с собой или на себе. В таком случае мы имеем дело с амулетом и «Сон Богородицы» выполнял магическую функцию на рубеже XVII–XVIII вв., каковая позднее была во многом утрачена и больше сохранялась в быту традиционалистских сообществ [6]. Распространение списков «Сна Богородицы» у забайкальских старообрядцев и включение его в куйтунский (осакский) сборник говорит о том, что, как и в эпоху петровских войн, в начале XX в. этот апокрифический оберег не потерял своей актуальности в старообрядческой среде.

Второй апокриф в составе сборника – Молитва Михаилу Архангелу. Исследователи считают, что апокрифы-молитвы – это фактически заговоры с типичными персонажами (Адам и Ева, Авраам, Христос, архангелы и пр.), изгоняющими нечистую силу (беса, 12 трясавиц, ведьм), направленными против болезни или опасности. Ранее в рукописных забайкальских сборниках из этой группы сочинений нами были обнаружены 2 варианта «Молитвы архангелу Михаилу», один из которых (хранящийся в ЦВРК ИМБТ СО РАН) представляет собой отдельный список малого формата, другой включён в состав уже упомянутого выше сборника из ИРЛИ. Проведём сравнительный анализ содержания этих текстов и текста из куйтунского (осакского) сборника.

Начинается Молитва обращением к Богу, затем непосредственно к архангелу. Далее молящийся перечисляет беды и напасти, от которых просит защиты. Обращает на себя внимание, что этот список довольно близок к соответствующему перечню второй части «Сна Богородицы», хотя, несомненно, он более «мужской», во многом связанный с воинскими обязанностями. Интересно, что просьба касается защиты не только от действия, но и от помыслов врагов: «О господин Великий Архангел Михайла Молитвою твоею да забудет тот человек Злую мысль уязвленную на меня...». Заканчивается обычно молитва типичной заговорной формулой: «...И запири мя и дом мой Заком животворящим крестом Навсегда и ныне и в жизнь бесконечную И во имя Отца и Сына и Святаго Духа... Аминь.» При сравнении списков «Молитвы» из куйтунского (осакского) сборника и хронологически близкого ему список из с. Михайловка Кижингинского района Бурятии становится очевидным, что в первой части молитвы расхождения текста несущественны, но вторая часть серьёзно различается. Вариант текста из куйтунского (осакского) сборника более краткий, в нём полностью отсутствует «фольклоризация» и довольно подробный список возможных вариантов ситуаций для защиты и помощи. Автор ограничивается лишь упоминанием наиболее актуальных для него в условиях плена «труса, огня, меча, напрасной смерти» и др. Интересно окончание молитвы – обещание избежать ада после смерти в случае ежедневного чтения текста.

Куйтунский (осакский) сборник в очередной раз демонстрирует нам тот факт, что апокрифы занимают особое место в старообрядческой книжности, соединяя в себе черты душеспасительного христианского сочинения с народным заговором, где «отвлечённое богословие особенно успешно адаптировалось к народному сознанию с помощью ярких, насыщенных эмоциями апокрифических образов» [3, с. 67].

Заметим, что сведения о нахождении подобных текстов и сборников в военном быту старообрядцев далеко не единичны и известны в различных «старообрядческих» регионах. Так, в ходе полевых исследований в семье потомков донских казаков-старообрядцев (полипонов) бывшей станицы Усть-Медведницкой (ныне г. Серафимович) нам показали Часовник 1857 г. Книга представляла собой достаточно обычное издание одной из старообрядческих типографий и имела хорошую сохранность (при видимых следах частого использования в прошлом). Однако при постраничном просмотре обнаружилось, что несколько страниц текста сохранились гораздо хуже, чем все остальные.

Они были пожелтевшими, потёртыми и были заметны явные следы вырывания, сгибов и более поздней вклейки). Как известно, подобное отношение к книге (вырывание и сгибание листов) для старообрядческой среды более чем нехарактерно; разрешить возникшие вопросы помог анализ текста, расположенного на этих листах, а также работа с информантами в лице потомков владельцев книги.

На вырванных когда-то, а потом опять вклеенных страницах оказались полные тексты «Символа веры» и псалма 90 «Живые в помощи». Известно, что эти молитвы (особенно последняя) считались в старообрядческой среде мощнейшими оберегами в дороге и в экстремальных ситуациях. Однако подобное отношение к этому тексту не могло санкционировать вырывание страниц из святой книги. Ибо такое действие в рамках старообрядческого мировоззрения может граничить с грехом. Тем более что существовала упоминавшаяся уже традиция переписывания священных текстов. И когда человек отправлялся в дорогу или на какие-либо другие испытания, текст можно было переписать (как часто делали крестьяне-старообрядцы), но никак не вырывать. Разрешить противоречие помогла информация, данная наследниками – современными владельцами родовой ценности. Оказалось, что это были казаки-старообрядцы, основным призванием которых была государева служба и связанное с этим участие в боевых действиях. Поэтому, когда сын уходил на войну, ему кроме медной иконки и других оберегов давали текст «Символа веры» и «Живые в помощи». А

чтобы этот текст был ещё более действенным, его «брали» из святой книги, а не переписывали. Таким образом, страницы Часовника с «обережными» молитвами были вырваны из книги и использованы как оберег казака-старообрядца в военном походе. Судя же по тому, что значительно «постаревшими» эти страницы позднее были вклеены обратно на своё место – казак вернулся домой живым.

Рукописные книги и сборники были наделены многими функциями – отправление общественного и частного богослужения, выполнение частных треб вне церкви, учебная функция т. п. Как правило, все эти богослужения совершались не из формальной необходимости, а по действительной внутренней потребности, и в течение веков оставались самой существенной частью старообрядческого менталитета.

Весь духовный уклад крестьянина-старообрядца был ближе монашескому образу жизни, хотя люди жили в деревнях, семьями. Главным стержнем такой жизни было внутреннее сосредоточение. Так, всем укладом духовной книжной жизни развивалось и формировалось личностное отношение к миру, чувство собственного достоинства, осознание своего места в жизни.

В экстремальных же условиях войны книга (рукопись) для крестьянина-старообрядца при своём служебном или четьем назначении, приобретала функцию не только сакральную, информативно-познавательную, но и «охранную», «защитную».

Список литературы

1. Болонев Ф. Ф., Пыкин В. М. Пахари и ратники Тарбагатайской и Куйтунской волостей Забайкальской области в начале XX века. Новосибирск : Книжница, 2001.
2. Бураева С. В. Рукописное наследие забайкальских старообрядцев. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. 239 с.
3. Зольникова Н. Д. «Сон Богородицы» и сопутствующие апокрифы в старообрядческой рукописной традиции конца XIX–XX вв. в собрании Института истории СО РАН // Гуманитарные науки в Сибири. 2003. № 3. С 63–68.
4. ИРЛИ, Оп. 24, № 93.
5. Костров А. В. Некоторые проблемы функционирования книги в среде старообрядцев // Альманах современной науки и образования. 2008. 6 (13). Ч. 2. Тамбов : Грамота, 2008. С. 102–104.
6. Рождественская М. В. Библиейские апокрифы в литературе и книжности Древней Руси: историко-литературное исследование. Глава IV. Ритуальная и магическая функция древнерусских библиейских апокрифов // Дис. ... д-ра филол. наук. URL : http://palomnic.org/bibl_lit/drev/rogdestvenskaya/4/.
7. Рябушинский В. П. Старообрядчество и русское религиозное чувство. М. : Иерусалим, 1994.
8. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Часть 3. СПб., 1998. С. 485–487.
9. Соболева Л. С. Апокриф «Сон Богородицы» в поздней рукописной традиции (по материалам собраний УрГУ) // Источники по истории народной культуры Севера : межвуз. сб. науч. тр. Сыктывкар, 1991. С. 65–70; Она же. Устная и рукописная традиция апокрифического сюжета «Сон Богородицы» // Устная и рукописная традиция : сб. науч. тр. Екатеринбург, 2000.
10. Сумцов Н. Ф. Очерки истории южнорусских апокрифических сказаний и песен. Киев, 1888. 161 с.
11. Элиасов Л. Е., Ярневский И. З. Фольклор семейских. Улан-Удэ, 1963.

Список сокращений

ИРЛИ – Институт русской литературы (Пушкинский Дом), г. Санкт-Петербург
 ЦВРК ИМБТ СО РАН – Центр восточных рукописей и килографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской Академии наук.

Статья поступила в редакцию 2 ноября 2011 г.

УДК 94(515)+94(571.54)+243.4
ББК 63.3(5)+63.3(2Рос.Бур)+86.35

Ц. П. Ванчикова

доктор исторических наук, профессор,

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения
Российской академии наук (Улан-Удэ, Россия), e-mail: vanchikova_ts@mail.ru*

Тибетцы в Бурятии: новый феномен¹ в этническом и культурном многообразии Республики

Эпоха глобализации и информатизации создала вызовы, на которые все религиозные конфессии ответили инновационными дискурсами, особенно это касается стран с изменившимися политическими системами, в частности стран бывшего социалистического лагеря. Буддизм в России и Бурятии также претерпел серьёзные изменения, которые характеризуются определёнными отличительными чертами. Изучение современных процессов в буддизме даёт исследователям уникальную возможность исследовать разные институты в самые сложные моменты их развития. В статье рассмотрен ряд инновационных процессов, посредством которых восстанавливался и строился современный бурятский буддизм. Наряду со многими изменениями мы можем назвать совершенно новый феномен, связанный с появлением и деятельностью тибетских монахов в Бурятии, возведением тибетцами монастырей. В статье также дан краткий обзор истории взаимоотношений между тибетскими монахами и бурятским населением.

Ключевые слова: Бурятия, тибетский буддизм, тибетский монах, тибетская диаспора, возрождение буддизма в России и Бурятии, тибетские монастыри Бурятии, социализация тибетцев.

Ts. P. Vanchikova

*Doctor of History, professor, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia),
e-mail: vanchikova_ts@mail.ru*

Tibetans in Buryatia: a New Phenomenon in Ethnic and Cultural Diversity of the Republic

The epoch of globalization and information has created challenges to which all religious denominations responded with innovative discourses. Especially it concerns the countries with changing political systems, in particular the countries of the former socialist camp. Buddhism in Russia and in Buryatia has also undergone severe changes that are characterized by several specific features. Studying contemporary Buryat Buddhism provides scholars with a unique opportunity to examine different institutions in the most difficult moments of their development. The paper covers a range of perspectives on the innovations and processes through which Buryat Buddhism has been constructed in contemporary times. It is a multi-dimensional process. Along with many changes in Buryat Buddhism the paper stresses an entirely new phenomenon connected with the emergence and activities of Tibetan monks and erection of Tibetan monasteries in Buryatia. The article also gives a brief overview of the history of relations between the Tibetan monks and the Buryat population.

Keywords: Buryatia, Tibetan Buddhism, Tibetan monk, Tibetan diaspora, revival of Buddhism in Russia and Buryatia, Tibetan monasteries in Buryatia, socialization of Tibetan monks.

Республика Бурятия отличается своим этническим и культурным многообразием, что объясняется фактом проживания на её территории разных народов, каждый из которых обладает собственной аутентичной культурой и традициями. На сегодняшний день на территории

Республики Бурятия проживают представители более 30 национальностей. Социалистическая теория создания «одной великой нации – советского народа» потерпела поражение с началом процесса демократизации, на который народы почти всех национальностей и этнических

¹ Краткий вариант статьи на английском языке опубликован в материалах конференции “Cultural diversity of nomads”. Улан-Батор, 2011. P. 99–106.

групп бывшего СССР, будь то большие или малые, отозвались инновационными дискурсами, начав поиск своих этнических корней и самоидентичности. Подобная ситуация произошла и в Бурятии. К началу 1990-х гг. в республике создавалось множество общественных этнических организаций и объединений с целью восстановления и возрождения своей этничности и ранее запрещённых этнических традиций. Всё это преобразило социальную жизнь Республики, сделав её разнообразной и многогранной. Одним из совершенно новых явлений этого периода, посредством которого строилась современная бурятская идентичность и буддизм, были связаны с тибетцами, подавляющее большинство которых представлено буддийскими монахами. В статье приводятся предварительные результаты исследования феномена тибетских монахов, осевших на территории современной Бурятии. Появление тибетцев тесно связано с процессом широкого возрождения буддизма, которое началось с 1990 г. после принятия в России «Закона о свободе вероисповедания». Буддийская церковь, как и все другие религиозные конфессии, получила помощь и содействие в постепенном возрождении монастырской религиозной деятельности и системы образования. Наряду со многими изменениями в бурятском буддизме появление тибетских монахов и тибетских храмов в Бурятии стало совершенно новым явлением и многомерным процессом.

Первые тибетцы в Бурятии. История начала взаимоотношений тибетских монахов с бурятским населением восходит к первой четверти XVII в. Поскольку подробное исследование истории предшествовавших отношений между тибетцами и бурятами не входит в цели данной статьи, что требует специального рассмотрения, нами будет дан только краткий исторический обзор. Появление первых тибетцев связано с начальным этапом распространения буддизма среди бурятского населения. Как известно, буддизм был привнесён несколькими монгольскими князьями, которые откочевали со своими соплеменниками из Монголии, поселились на бурятских землях в 1620–1760 гг. [1, с. 86] и постепенно смешались с местным населением. Они прибыли вместе со своими ламами, которые и начали проводить первые буддийские службы в войлочных юртах, поскольку ещё не было стационарных монастырей. Буряты, заинтересовавшись буддийским учением, начали получать первоначальные знания от буддийских

монахов, принимать обеты послушания и т. д. Процесс проникновения буддизма был медленным, но неуклонным. Позднее бурятские ламы сами начали отправляться в монастыри Монголии и Тибета для продолжения обучения.

Самые ранние сведения о контактах бурятского народа с тибетцами относятся к началу XVIII в. Скучную информацию об этом времени мы находим в бурятских исторических летописях. Так, в первых бурятских летописях Тугулдура Тобоева и Вандана Юмсунова мы находим данные о прибытии 150 тибетских и монгольских лам в 1712 г., бежавших в Бурятию от вооружённых конфликтов в Монголии и Тибете [4, с. 16; 5, с. 37]. Они странствовали среди разных бурятских этнических групп, в основном в приграничных районах, и распространяли буддийское учение. Некоторые из них стали первыми настоятелями первых бурятских буддийских храмов, например Агван Пунцок и Лубсан Шираб [4, с. 16; 5, с. 37–38; 2, с. 6]. В биографии бурятского хамбо-ламы Дамба-Даржа Заяева встречается упоминание о тибетских и монгольских ламах, вместе с которыми им было совершено первое богослужение: «[Дамба-Даржа Заяев] впервые совершил богослужение в войлочной юрте, собрав нескольких странствовавших тибетских, монгольских и амдоских хувараков. Этот первый хурал был проведен в год водяной мыши [1732 г.] у подножия горы, называемой Узон» [3, с. 205]. Как следует из данного отрывка, в тот период тибетские и монгольские ламы ещё не были официально признаны и не были прикреплены к той или иной местности. И только в 1741 г. часть из них была признана согласно указу, которым определялось разрешённое количество лам, получивших статус «комплектных» лам и прикреплённых к тому или иному дацану [Тобоев, с. 16; Ломбоцыренов, с. 88].

О последующем периоде, вплоть до второй половины XIX в., документальных сведений о тибетцах нами не обнаружено, хотя ясно, что отношения между тибетскими монахами и бурятами в этот период не прерывались. Об этом свидетельствуют устные предания, повествующие о визитах тибетских лам самого разного ранга в бурятские дацаны. Эти данные были зарегистрированы в 30-е гг. прошлого века Г.-Д. Нацовым [2, с. 187]. Среди них упоминается несколько лам высокого ранга из Северо-Западного Тибета [2, с. 56–58, 111, 127–129], которые способствовали на начальных этапах становлению и развитию монастырской системы образования, внедрению разных религиозных

служб в буддийских монастырях Забайкалья [2, с. 139–141] и совершали массовые и личные обряды для прихожан. На первых порах службы и обряды проводились в тайне от русской администрации

Тибетские монахи в основном были из региона Амдо, поэтому программы большинства бурятских дацанских школ создавались по программам монастырей этого региона.

Отношение к ним было неоднозначное. Бурятское население и духовенство относилось к ним с почтением, как к религиозным авторитетам. Рассказы, записанные Г.-Д. Нацовым, повествуют о богатых подношениях тибетским ламам, огромном количестве товаров, крупного рогатого скота и денег, которые жертвовали им верующие. Это свидетельствует о том, что тибетские монахи были весьма популярны среди бурятского населения и почитались ими. Что, естественно не могло не вызывать определённой озабоченности русских официальных властей их деятельностью, которые пытались взять под контроль деятельность иностранных, т. е. тибетских буддийских монахов.

Тибетские ламы приезжали по документам – билетам (удостоверениям), выдаваемым российскими консульствами в Урге или в Пекине, и проживали в основном в дацанах, проводя в них поочерёдно по несколько месяцев. Согласно имеющимся данным, можно сказать, что отношения между тибетскими монахами и бурятами были более или менее регулярными.

В свою очередь бурятские монахи и верующие совершали паломничество к святым для буддистов местам Монголии, Тибета и к концу XIX – началу XX вв. в Китай и Индию. Этот обоюдный процесс приостановился после Октябрьской революции. С конца 30-х гг. прошлого века в период религиозных репрессий буддизм официально прекратил своё существование, все монастыри были разрушены, подавляющее большинство лам арестовано и отправлено в трудовые лагеря. С этого времени верующие были лишены возможности публично исповедовать свою веру в храмах, но буддизм тайно сохранялся в повседневной семейной жизни и в традиционном сознании людей старшего поколения.

Новый этап в тибето-бурятских отношениях. В конце Великой отечественной войны и после её окончания начались некоторые послабления в государственной политике по отношению к религии. В 1945 г. было разрешено

открыть Агинский и построить Иволгинский буддийский монастырь. Хотя это не означало в целом изменения общей государственной политики в отношении религии, по крайней мере буддийской церкви было позволено существовать в качестве официально признанной религии наряду с основными российскими конфессиями. Кроме этих двух центров, где было разрешено вести службу только 20 монахам, десятки монахов, освобожденные из концлагерей, нелегально по просьбам верующих отправляли религиозные службы в деревнях почти во всех регионах Бурятии.

К 1970 г. оставалось лишь несколько лам преклонного возраста. До начала перестройки действовали только два буддийских монастыря, которые находились под строгим контролем государства. С началом демократических преобразований были приняты некоторые юридические меры для оформления конституционных прав на свободу вероисповедания. После принятия в 1990 г. М. С. Горбачевым либерального закона о свободе вероисповедания религиозная ситуация в России начала меняться. Религиозные конфессии, практически искоренённые в советское время, начали возрождаться. Это сопровождалось активным восстановлением разрушенных храмов, возрождением забытых религиозных традиций и ритуалов в повседневной жизни людей. Этот процесс был обусловлен и связан с ростом национального самосознания и с поиском этнических корней, в котором буддизм считается одной из главных фундаментальных основ национальной культуры и идентичности¹. На сегодняшний день в России зарегистрировано около 203 различных буддийских организаций, среди них 56 зарегистрированы в Бурятии.

Начало контактов с тибетцами в этот период было заложено несколькими визитами Его Святейшества Далай-ламы, первый из которых состоялся в 1979 г. Во время первого визита он обсудил с главой буддистов Бурятии проблемы возрождения буддизма, которое в значительной степени зависело от качества обучения и подготовки молодого поколения монахов. Это стало возможным начиная с 1990 и 1991 гг., когда были открыты две буддийские школы в Агинском и Иволгинском дацанах для обучения и подготовки молодых монахов, до этого на протяжении 20 лет бурятские ламы обучались в Буддийском институте при монастыре Гандантегченлин в

¹ Возрождение буддизма шло наряду с возрождением шаманизма, актуализацией всемонгольской идеи (в Монголии культура) Чингис-хана и фольклорного героя Гэсэра.

Улан-Баторе. Ещё более важный шаг в этом направлении был сделан около 20 лет назад, когда с любезного разрешения Его Святейшества Далай-ламы десятки бурятских мальчиков были отправлены в тибетские буддийские монастыри в Индии для обучения в монастырях Дхарамсалы и Гоман / Дрепунга. В настоящее время там обучаются более 50 бурятских студентов.

Для преподавания во вновь открытых буддийских школах при Иволгинском и Агинском дацане Далай-ламой были отправлены в качестве учителей несколько тибетских монахов. Эти бурятские буддийские школы позднее получили статус буддийских институтов. За эти годы число бурятских лам выросло, лучшие из них в течение нескольких лет продолжают обучение в тибетских буддийских монастырях в Индии, а затем возвращаются в Бурятию. Согласно данным, приведенным Дамбой Аюшеевым, главой Бурятской традиционной Буддийской сангхи (БТСР), во время встречи в Совете по делам религий при Правительстве Бурятии, на сегодняшний день количество лам во всех бурятских монастырях составляет около 1000.

Сегодня буддизм в Бурятии представлен практически всеми его основными школами и направлениями. Так, наряду с учением традиционной школы гелугпа начали распространяться некоторые другие школы буддизма, такие как ньингма, кагью, карма, сакья. Также весьма популярным становится тибетское эзотерическое учение дзогчен. В 1990-х гг. Бурятию посетили духовные лидеры четырёх основных тибетских буддийских школ, а также другие высокопоставленные тибетские монахи.

Традиционно тесные отношения буддистов Бурятии с буддийскими общинами Монголии и Тибета сегодня восстанавливаются, последние представлены тибетскими монахами из Индии, сыгравшими немаловажную роль в возрождении буддизма в Бурятии.

Буддисты Бурятии весьма активны при решении некоторых международных политических проблем, в частности касающихся вопроса о статусе Тибета. Такие сообщества, как «Общество друзей Тибета», «Зеленая Тара», фонд Агвана Доржиева, «Арьябала» активно участвуют в кампаниях по поддержке борьбы «тибетского народа за независимость от коммунистического Китая».

В целом, со стороны бурятского народа присутствует особо теплое отношение и интерес к тибетцам. Это имеет историческое объяснение, все тибетцы ассоциируются с именем Далай-

ламы и самим Тибетом, который рассматривается бурятскими верующими как святая земля, где обитают буддийские божества.

Тибетские монахи в современной Бурятии.

Особый интерес представляет миссионерская деятельность тибетских монахов в изгнании. С 1993 г. тибетские монахи регулярно приезжали в бурятские дацаны для преподавания разных учебных курсов буддийского учения и помогали в восстановлении некоторых религиозных обрядов и ритуалов, таких как тантрические и медитативные практики, а также практики тантры Калачакры и т. д. Более того, мы являемся свидетелями совершенно нового для Бурятии явления, связанного с процессом миграции и натурализации тибетских монахов в Бурятии и построением тибетских буддийских монастырей по тибетским канонам и управление ими тибетцами.

На этот раз это движение представлено тибетцами из Индии, в основном вторым поколением тибетских беженцев. Лидеры бурятской традиционной сангхи обеспокоены проникновением религиозных деятелей из-за рубежа, особенно тибетских эмигрантов из Индии. Тибетские монахи-беженцы довольно успешно проводят миссионерскую деятельность среди верующих, в то время как бурятские буддийские монахи не проявляют должной активности в этом аспекте, и именно поэтому, возможно, традиционная Буддийская сангха России (в лице хамбо-ламы Дамбы Аюшеева) не одобряет деятельность тибетских буддийских монахов и организаций. Об этом хамбо-лама неоднократно заявлял в средствах массовой информации и печатных изданиях¹. Скорее всего, одной из главных причин этого является наличие конкуренции с тибетскими монахами.

В начальный период после прихода в Бурятию тибетцы служили в бурятских буддийских храмах совместно с бурятскими ламами. Постепенно они приобрели своих последователей среди верующих, обросли учениками и начали занимать свою нишу, интегрируясь в общество.

Вскоре совершенно естественно возник вопрос об оформлении и утверждении их официального статуса в России. Те тибетские ламы,

¹ Например, в одном из своих интервью на вопрос о межэтнических отношениях в Бурятии он сказал: «В Улан-Удэ стало слишком много тибетских лам. Они оставили свои монастыри в Тибете и Индии, это не хорошо. Ламы не должны покидать свои монастыри» // Информполис, 26 января, 2011.

которые хотели остаться в Бурятии, начали искать способы получения гражданства России. Как известно, российское гражданство может быть получено в соответствии с Федеральным законом «О гражданстве РФ» от 31 мая 2002 г. и Указом Президента № 1325 от 14 ноября 2002 г. Получение российского гражданства довольно сложная бюрократическая процедура, как и в любой другой стране. Для того чтобы получить российский паспорт, иностранец должен прежде всего получить вид на жительство, прожить безвыездно в России в течение 5 лет, сдать экзамен по русскому языку и документально подтвердить свою финансовую состоятельность. Есть несколько исключений, позволяющих облегчить этот процесс, например, брак с гражданином России. Что касается тибетцев, то мы наблюдаем несколько способов их натурализации. Некоторые из них получили гражданство до выхода закона, когда требования были не такими строгими. Другие получили гражданство в Калмыкии, где буддизм был официально поддерживаемым президентом Кирсаном Илюмжиновым, именно поэтому процесс получения гражданства там был гораздо проще, чем в любом другом регионе России. Некоторые из тибетцев были вынуждены жениться на местных девушках для получения законных прав на пребывание в России, зачастую многие из этих браков были фиктивными. Часть из тибетцев живёт по временным документам – видам на жительство. Те тибетцы, которые имеют российский паспорт, могут свободно передвигаться по России, выезжать за рубеж, вести активную религиозную деятельность и пользоваться всеми конституционными правами россиян.

Наиболее известными из тибетских монахов, достигшими особенных успехов в России, являются Ело-ринпоче и гешэ Тинлей. Они, обладая незаурядными ораторскими и организаторскими талантами, создали свои собственные центры с обширным кругом последователей не только в Бурятии, но и по всей России.

Еши Лодой-ринпоче (сокращенное имя Ело-ринпоче) – тибетский высокопоставленный монах, один из самых ярких представителей современных тибетцев в России, имеющий наибольшее количество учеников и последователей. Еши Лодой Ринпоче считается четвёртым перерожденцем известного тибетского ламы Ело-тулку и одним из наиболее образованных современных тибетских буддийских монахов. Он поступил на философский факультет монастыря Гоман в возрасте 6 лет. В 1959 г. бежал

из Тибета в Индию. С 1959 по 1969 гг. жил в поселении Букса Дуар в Западной Бенгалии. В возрасте 20 лет принял монашеский обет от Его Святейшества Далай-ламы. С 1969 вплоть до 1991 г. жил в Дхарамсале и работал руководителем Библиотеки тибетских рукописей и архивов. В 1979 г. Еши Лодой-ринпоче получил философскую степень гешэ-лхарамбы в монастыре Гоман в Индии. В 1991 г. он был послан Далай-ламой в Монголию, где был преподавателем в буддийском университете монастыря Гандантеченлин. В 1993 г. приглашён в Бурятию для возрождения буддийского монастырского образования и буддийской религиозной традиции. Он был одним из первых тибетских учителей, которые прибыли в Бурятию и преподавали в самый трудный период восстановления монастырской образовательной системы. В 1997 г. Ело-ринпоче получил гражданство России и поселился в г. Улан-Удэ. Он построил один из крупнейших буддийских храмов в г. Улан-Удэ, который должен стать крупным центром для дальнейшего распространения буддизма в регионе. Он регулярно читает лекции и даёт различного рода посвящения и наставления для своих многочисленных учеников. Обычно его лекции публикуются или распространяются в электронных версиях, а также в качестве общей литературы по буддийской теории и практике. Он чрезвычайно популярен среди населения республики и имеет много последователей в различных регионах России, где несколько раз в год проводит массовые лекции, посвящения и т. д. Он – почётный профессор Бурятского и Кемеровского государственного университета.

Следует также упомянуть имя другого тибетского буддийского монаха – гешэ Джампа Тинлея, бывшего представителя Его Святейшества Далай-ламы в России. Он приехал в Россию впервые в апреле 1993 г., в 1998 г. получил российское гражданство. Родился в 1962 г. в Южной Индии в семье тибетских беженцев. Окончил семилетние курсы обучения в Центральном институте тибетских исследований в Сарнатхе. В 25 лет он принял монашеский обет. Владеет английским языком, достаточно хорошо изучил русский язык. В одном из своих интервью местной газете он сказал, что его главной задачей является помощь в возрождении буддизма и буддийского образования монахов, создание дхарма-центров для мирян. Благодаря прозелитскому таланту его деятельность чрезвычайно успешна. Он приобрёл много учеников по всей

России, считающими его своим гуру. Тексты его проповедей и лекций опубликованы на русском языке большими тиражами.

Судя по деятельности буддийских тибетских миссионеров в России, а также в Бурятии, мы наблюдаем появление не только большого количества верующих, но и некоторых светских объединений людей, заинтересованных в буддийском учении, объединённых одним и тем же духовным учителем. Это один из самых ярких результатов деятельности тибетских буддийских монахов в Бурятии, что также можно считать отличительной чертой этого периода.

Тибетские монастыри в Улан-Удэ. В Бурятии в настоящее время постоянно проживает более 20 тибетцев. Они служат в основном в 4 буддийских храмах, построенных тибетскими монахами. Некоторые из них служат либо в бурятских монастырях, либо в небольших религиозных центрах, организованных или ими самими, либо бурятскими монахами. Некоторые тибетские монахи арендуют дома и организуют в них небольшие храмы, например, как тибетский лама Гэндэн Гьялцен (его храм называется Гэндэнлин). Не существует строгой привязанности того или иного ламы к какому-либо определённому монастырю, некоторые из монахов свободно служат в нескольких храмах вместе с бурятскими монахами, часто ездят с религиозными целями по различным районам Бурятии и городам России. В целом же тибетцы придерживаются своей компании и общаются между собой.

Крупнейшим из тибетских дацанов является дацан региональной буддийской организации

«Тибетский культурный центр “Ринпоче Багша”», независимой религиозной организации, основанной в 2000 г. и зарегистрированной 25.01.2001. «Багша» – бурят-монгольский синоним индийского «гуру», переводимого как «учитель, наставник». Председателем центра и настоятелем дацана является Еши Лодой Ело-ринпоче¹. Согласно регистрационным документам и Уставу центра, основная цель организации заключается в сохранении и распространении классического буддийского учения и культуры традиции Гелугпа. Ело-ринпоче в 1999 г. получил благословение и разрешение Далай-ламы на возведение храма. Строительство нового храма было начато Ело-ринпоче и его учеником гешэ-лхарамба Тензин-ламой в 2000 г. в одном из красивейших предместий Улан-Удэ. Храм был построен и освящен в 2004 г. В строительстве храма финансовую помощь оказали различные организации, государственные и муниципальные учреждения, а также меценаты, многочисленные последователи и ученики Ринпоче. В этом монастыре постоянно проживает около 20 монахов, из которых 5–6 тибетцы. Центр издаёт свою газету («Мигжед»), в прошлом году им был создан веб-сайт центра [6]. Храм из года в год благоустраивается, реконструируется и расширяется. Крупнейшая в Бурятии статуя Золотого Будды была установлена в главном храме в 2004 г., в 2005 г. были возведены восемь ступ, в 2009 г. был установлен первый в России большой буддийский колокол. За короткий период времени храм Ело-ринпоче стал важным религиозным центром для многочисленных верующих и паломников.

¹ Преподобный Еши Лодой-ринпоче родился в 1943 г. в Тибете. В возрасте 3 лет он был признан 4-м перерожденцем Ело-ринпоче. В 6-летнем возрасте начал обучение в монастыре, в 7 лет принял первые монашеские обеты, в 11 лет приступил к изучению буддийской философии. В 1959 г. он бежал из Тибета (монастырь Дрепунг-Гоман) в Индию, где продолжил своё образование. В 1963 г. принял полные монашеские обеты от Далай-ламы. После окончания буддийского университета в Сарнатхе (Central University of Tibetan studies) получил почётный диплом ачарьи – специалиста высшей квалификации в области буддийской философии. Позднее он работал в библиотеке Тибетских рукописей и архивов (Library of Tibetan works and archives) в Дхарамсале. В 1979 г. получил высшую буддийскую учёную степень – гешэ-лхарамба. В 1991 г. он был послан Далай-ламой в Монголию, в 1993 г. – в Бурятию для оказания помощи в восстановлении буддизма и буддийского образования. После своего прибытия в Бурятию работал преподавателем во вновь открытом буддийском институте Даши-Чойнхорлин при Иволгинском дацане. Он был одним из первых тибетских учителей, внесшим большой вклад в возрождение буддийской образовательной системы в современной Бурятии. Начиная с 1996 г. Ело-ринпоче начал активную деятельность по распространению буддийского учения среди населения республики и за её пределами. Он стал проводить регулярные лекции по буддийской философии, разъясняя мирянам основы буддизма, проводить обряды посвящений и благословений. Постепенно вокруг него сформировался обширный круг его последователей, состоящий из людей разных национальностей, профессий, которые считают его своим наставником. В 2000 г. они зарегистрировали свой центр, назвали его «Ринпоче Багша» и начали строительство большого дацана, который стал местом, где они собираются и регулярно слушают проповеди своего учителя. В 2009 и 2010 гг. Ело-ринпоче возглавил группы паломников из Бурятии, посетившие учения Далай-ламы. У него много учеников и последователей во многих городах России и зарубежом. Все его лекции издаются в виде книг, отдельными изданиями. Им написано 7 книг и ряд статей, переведённых на русский язык.

Ещё один крупный монастырь был построен гешэ Джампа Тинлеем¹, который также имеет одну из самых многочисленных общин учеников. Они построили храм в Улан-Удэ и строят Всероссийский Байкальский ритрит-центр недалеко от озера Байкал. В Улан-Удэ он работает в тесном сотрудничестве с буддийским центром Зеленой Тары².

Довольно популярны среди верующих тибетские медицинские центры, например, буддийский медицинский храм или центр, именуемый «Сориг ойлин». Эта религиозная община была основана в 2004 г. Ямпил-ламой (Ямпил Дондуп Ганпэл Джигме). В 2006 г. эта группа построила новое большое здание для центра, которое служит также в качестве буддийского храма. В нём постоянно пребывает от 3 до 5 тибетцев.

Все тибетские храмы работают автономно, большинство из них имеет собственный приход и прихожан, любой человек может свободно посещать и обращаться в тибетские дацаны и к их монахам. В особых случаях, например в праздники тибетского нового года, все тибетские ламы приходят в храм Ело-ринпоче с поздравлениями по этому случаю, принимают участие в религиозных новогодних службах. Кроме того, тибетцы собираются во время других

больших религиозных церемоний в храме Ело-ринпоче. Духовный авторитет Ело-ринпоче для всех тибетцев является довольно высоким.

Подводя итоги, следует отметить несколько причин успешной деятельности тибетцев в Бурятии.

1. Главная причина успеха плодотворной деятельности и ассимиляции тибетцев в Бурятии, в отличие от их миссионерской деятельности на Западе, заключается в том, что буддизм в Бурятии, несмотря на десятилетия атеистического преследования, был живой традицией, сохранённой народом, в особенности старшим поколением. Особенно буддизм стал востребован в начале процесса перестройки, когда он был одной из движущих сил роста этнического самосознания бурят, что также значительно способствовало их миссии.

2. Более всего тибетские монахи были востребованы для восстановления нарушенных линий буддийской традиции передачи знаний от учителя к ученику, на начальном этапе они сыграли значительную роль в реставрации бурятской буддийской образовательной системы. Они также участвовали в возрождении многих религиозных монастырских церемоний и ритуалов.

3. Тибетцы на протяжении более полувекового периода жизни в иммиграции и проживания в чужой языковой и этнической среде не только получили опыт выживания, но также усовершенствовали методы проповедования и миссионерской деятельности, соответствующие современным требованиям времени. Они успешно адаптировали сложные аспекты буддийского учения, представив их в простой и легко доступной для усвоения верующими форме, что способствовало росту интереса к буддизму, не могло не привлечь к ним последователей и явилось также одной из причин того, что они сумели довольно быстро организовать круг своих последователей и верующих в Бурятии.

4. Зачастую между многими тибетскими учителями и их последователями нет глухого языкового барьера, часть тибетских лам знает английский и их лекции переводятся на русский язык. Более того, тибетские ламы, которые поселились в Бурятии, успешно освоили бурятский и русский язык, на котором общаются с верующими, объясняют значения основных понятий буддийского учения.

¹ Гешэ Джампа-Тинлей родился в 1962 г. в Южной Индии в семье тибетских беженцев. После окончания Центрального института буддийских исследований в Сарнатхе (Central University of Tibetan studies) получил учёную степень шастри, в 1994 г. защитил степень гешэ – доктора буддийской философии. В 25 лет принял монашеские обеты. В 1993 г. был послан Далай-ламой в Россию его представителем. С этого времени вся его жизнь теснейшим образом связана с Россией и Бурятией, возрождением и распространением буддизма. Благодаря своей активной миссионерской деятельности у него появилось много последователей и учеников по всей России. Он основатель нескольких дхарма-центров (Московский буддийский центр ламы Дзонкапы, Чженреси-центр в Элисте, Манжушри-центр в Кызыле, Тара-центр в Омске, Атиша-центр в Иркутске, Майтрея-центр в Новосибирске, Тушита-центр в Уфе, и т.д.). Все его лекции издаются большими тиражами. В 2004 г. он снял свой монашеский сан, женился, но продолжает свою проповедническую деятельность. Им построен дацан, в котором служат 3-4 тибетских монаха. Подробно см.: [7].

² «Зеленая Тара» - независимая буддийская религиозная организация, зарегистрированная в Улан-Удэ в 1999 г. Её основателем и руководителем является Гецелма Тензин Чойдрон (в миру И. С. Урбанаева), доктор философских наук, главный научный сотрудник ИМБТ СО РАН. Эта организация была создана по инициативе Гешэ Джампа Тинлея.

5. Тибетцы, буддийские монахи и миряне, успешно социализировались в современном бурятском обществе, адаптировали себя и свои монастыри к требованиям времени, особенно если принять во внимание тот факт, что ранее они жили в уединённых монастырях Индии и их жизнь полностью отличалась от жизни современной России и Бурятии в том числе. Они

быстро приспособились к современным реалиям и к совершенно иной структуре чуждого им мира и внесли свой вклад в формирование социально-культурного разнообразия республики. Интеграция тибетской диаспоры в России в целом оказалась успешной, и этот процесс ещё продолжается.

Список литературы

1. Ломбоцыренов Дамби-Жалсан. История селенгинских монгол-бурят // Бурятские летописи / сост. : Ц. П. Ванчикова, Ш. Б. Чимитдоржиев, М. В. Аюшеева. Улан-Удэ : Республиканская типография, 2011. С. 82–104.
2. Нацов Г.-Д. Материалы по ламаизму в Бурятии. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ, 1998. 186 с.
3. Путевые заметки // Бурятские летописи / сост. : Ц. П. Ванчикова, Ш. Б. Чимитдоржиев, М. В. Аюшеева. Улан-Удэ : Республиканская типография, 2011. С. 205–207.
4. Тобоев Тугулдур. Прошлая история хоринских и агинских бурят // Бурятские летописи / сост. : Ц. П. Ванчикова, Ш. Б. Чимитдоржиев, М. В. Аюшеева. Улан-Удэ : Республиканская типография, 2011. С. 8–31.
5. Юмсунов Вандан. История происхождения 11 хоринских родов // Бурятские летописи / сост. : Ц. П. Ванчикова, Ш. Б. Чимитдоржиев, М. В. Аюшеева. Улан-Удэ : Республиканская типография, 2011. С. 32–81.
6. URL : <http://elo-rinpoche.ru/>.
7. URL : <http://www.geshe.ru/>.

Статья поступила в редакцию 10 октября 2011 г.

УДК 94(517)»08/11» + 94(510).03/04
ББК ТЗ(5Мон) + (5Кит)

С. А. Васютин

*кандидат исторических наук, доцент,
Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, Россия),
e-mail: vasutin@history.kemsu.ru*

Трансформация элит Уйгурского каганата и империи Ляо: сравнительный анализ

Уйгурский каганат и империя Ляо были наиболее сложными социально-экономическими и политическими образованиями, созданными номадами в Центральной Азии в период раннего средневековья. В статье анализируется эволюция и структура элитарных слоёв данных имперских объединений. Сравнение состава привилегированных страт, изучение закрытых клановых групп и каналов попадания в высшие слои позволило выявить особенности элитарных слоёв уйгурской и киданьской империй. В Уйгурском каганате и империи Ляо в связи с получением значительных ресурсов от земледельцев, городского населения, торговли отчётливо проявилась тенденция к усложнению состава и функций элиты, но результаты данных изменений отличались. У уйгуров не произошло полного обособления высшей знати, оставшейся открытой даже для выходцев из иноэтничной среды. В Ляо к XI в. вокруг клана Елюй возникла замкнутая группа имперской знати, обладавшая наследственным статусом. Постоянно растущая служилая знать киданей, связанная с управлением в северной администрации, наоборот, оставалась открытой, так как клановые связи, удачная военная и административная деятельность, образование способствовали продвижению по служебной лестнице. В то же время в рассматриваемых обществах численный рост элиты вёл к внутреннему напряжению, конфликтам, усобицам, что наряду с внешней угрозой и другими факторами обусловило в конечном итоге падение Уйгурского каганата и киданьской империи Ляо.

Ключевые слова: Уйгурский каганат, Ляо, элиты в кочевых империях, эволюция и состав элит, имперская знать и бюрократия, замкнутые клановые и социальные группы, страты не кочевого происхождения.

S. A. Vasyutin

*Candidate of History, associate professor,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia),
e-mail: vasutin@history.kemsu.ru*

Transformation of the Uyghur Khaganate Elite and the Liao Empire: A Comparative Analysis

The Uyghur Khaganate and Liao Empire were the most complex social, economic and political formations created by nomads in Central Asia during the period of the early Middle Ages. The article presents an analysis of the evolution and structure of the elite strata in these imperial formations. The comparison of the composition of the privileged strata and research on closed clan groups and ways of penetrating into the elite strata reveal the peculiarities of the Uyghur and Khitan empires elite strata. In the Uyghur Khaganate and Liao Empire due to large resources received from tillers, citizens and commerce the composition and functions of the elites became more complicated but the results of these changes were different. The Uyghur elite didn't completely segregated and remained open even to descendants from other ethnic groups. In the Liao, by the 11th century the Yuli clan became the centre of a closed group of imperial elite with the right to succession. On the contrary, constantly expanding Khitan noblemen elite connected with Northern administration was open since clan connections, successful military and administrative activities and education contributed to the promotion in the hierarchy of positions. At the same time in these societies the growing number of elite members led to internal tensions, conflicts, intestine wars which along with the external threat and other factors caused the decline of the Uyghur Khaganate and the Khitan Empire of Liao.

Keywords: Uyghur Khaganate, Liao, elites in nomadic empire, evolution and composition of elites, imperial nobility and bureaucracy, closed clans and social groups, non-nomadic origin strata.

Уйгурский каганат и империя Ляо – наиболее сложные общественно-политические объединения центральноазиатских кочевников I тыс. н. э. В данных политиях произошли зна-

чимые изменения в общественной структуре, постепенно оформился новый статус и функции элит. Данная статья, подготовленная при поддержке гранта РГНФ–Монголия, 2011–2013,

№ 11–21–03001 а/Моп «История киданьской империи Ляо», ориентирована на выявление основных направлений трансформации элитных слоев Уйгурского каганата и империи Ляо, изменений в их составе и сравнение данных процессов с целью раскрытия особенностей эволюции элиты в сложных кочевых и кочевых обществах.

Уйгурский каганат. Изначально элита уйгуров включала клан кагана, его военно-аристократическое и служилое окружение, наиболее знатные роды и глав племён. Так, в Терхинской надписи Элетмиш Бильге-кагана упоминаются шестьдесят внутренних сановников. Из них в тексте непосредственно фигурирует глава внутренних буюруков, девять великих буюруков (начальники над 500, 1000 и 5000 воинов), тегины, сыновья хана, бага-тарканы, начальники гвардии [12, с. 42]. К элитной группе можно отнести и представителей центральной власти в племенах (например, над чиками были поставлены тутук, ышбары и тарханы [16, с. 41]).

Однако с развитием Уйгурского каганата состав и характер элиты изменился. Необходимо подчеркнуть, что одной из самых ярких черт в истории Уйгурского каганата была урбанизация. Во второй половине VIII – начале IX вв. в каганате сложилась иерархия городских центров: столичный город Хара-балгас – «областные» административные центры – провинциальные города и военные крепости. Благодаря наличию в степи значительного количества согдийцев и китайцев в каганате также возникла сеть аграрных поселений, особенно рядом с крупными городскими центрами [11, с. 94–95; 5, с. 151; 19, с. 191; 14, с. 333–334 и др.]. Уйгуры перестали зависеть от поставок сельскохозяйственной продукции из Китая, а в качестве «даров» из Поднебесной предпочитали шёлк (в конце VIII в. до 100 тыс., а в IX в. – до 500 тыс. кусков шёлка) или монету (до 200 тыс. связок монет) [2, с. 313, 322, 323, 333; 1, с. 46; 9, с. 110 и др.]. Китайский шёлк и монеты обеспечивали активное участие Уйгурского каганата в международной торговле, тем более что основная ветвь Великого шелкового пути стала пролегать через монгольские степи, так как Тибет к концу VIII в. захватил важнейший участок шёлкового пути «от Ичжоу до Ганьсуского коридора» и блокировал на данном направлении развитие транзитного обмена товарами [15, с. 380].

Согдийские колонисты в Монголии имели устойчивые связи с торговцами из Китая, Восточного Туркестана, Семиречья, Арабского ха-

лифата. В каганат стекались товары с его северных и восточных окраин (пушнина, металлы, скот и др.). На всём протяжении «уйгурского пути» – от Турфана до Орду-балыка, по свидетельству Тамим ибн Бахра, существовали поселения с рынками [1, с. 46]. Особенно славилась своими рынками столица каганата. Поступавшие из Китая престижные товары шли на удовлетворение запросов кагана и его окружения, раздавались племенным лидерам в обмен на их лояльность верховному правителю.

Решающим фактором трансформации элиты стало возникновение в каганате одной из форм раннего государства. Уйгурская знать составила основу центрального и провинциального аппарата управления. С развитием городов появилось городское управление и иерархия городских чиновников (глава города, сборщики налогов, судьи и т. д.). В провинциях значительно выросло количество фискальных и военных чиновников [17, с. 113–114, коммент. 164, 165, 166]. Кроме того, в состав власти имущих, если судить по примеру «министра» Ань Юнь-хэ [17, с. 26], вошли и представители согдийской диаспоры. Уйгурская знать (военно-аристократическое окружение кагана и высшее имперское чиновничество) в отличие от типичной аристократии кочевых империй жила не только за счёт получения «даров» из Китая и продажи шёлка, но и за счёт регулярных фискальных поборов. Поощряя развитие торговли, ремесла, земледелия, уйгуры собирали налоги и пошлины. Особенно доходными были многочисленные рынки на территории империи.

Структура уйгурской элиты соответствовала политической иерархии. На высшей ступени стоял каган и его ближайшее окружение, далее шла кочевая аристократия и столичное чиновничество. В состав имперской и городской бюрократии могли входить не только уйгуры и представители других кочевых племен, но и согдийцы, а также выходцы из Китая. Своё влияние сохранили главы племен не уйгурского происхождения. Нижнюю ступень составляли провинциальные чиновники (тутки, тарханы и др.).

Для кочевой аристократии из-за особенностей кочевой экономики всегда было трудно закрепить свой привилегированный статус (богатство у кочевников нестабильно). Именно принадлежность к числу управленцев империи позволяла знати укреплять свои социально-экономические позиции. Получение и сохранение богатства было возможно только в имперских городах. Имперская знать в то же время оставалась кочевой аристократией, владевшей

большими стадами, но рост экономических ресурсов такой знати происходил за счёт доходов государства и торговли шёлком. Сочетая городской образ жизни и выезд на кочевья, высшая уйгурская знать не могла оформиться в отдельную социальную группу, не связанную с рядовыми кочевниками. Показательно, что после разгрома каганата кыргызами представители уйгурской элиты мигрировали вместе со своими племенами и кланами [17, с. 26–31].

К элитным слоям относилось высшее ма-нихейское духовенство и наиболее богатые и связанные с продажей шёлка согдийские купцы (здесь важна их приближённость к кагану и уйгурской знати, от которой согдийские купцы получали шёлк на продажу). Согдийцы, как сообщается в китайских источниках, «преумножали свои товары», зарабатывали на транзитной торговле, контроле отдельных сфер торговли в Уйгурии, Китае, Восточном Туркестане, в других странах и регионах.

По сложности социальной организации каганат достиг возможного в условиях монгольских степей предела. Но, несмотря на появление нескольких привилегированных групп, сословно-классовая структура в Уйгурском каганате не сложилась. Прежде всего, это объясняется коротким с точки зрения исторических процессов периодом существования Уйгурской державы. Очевидно, что политическая интеграция в кочевых обществах (в данном случае в Уйгурском каганате) опережала процессы социальной дифференциации. Потенциально элита в каганате могла приобрести сословный статус. Однако события, связанные с падением Уйгурского каганата, показали, что сложные общественные структуры в степи были неустойчивыми и дискретными. Перепроизводство элиты вело к росту внутренних противоречий и конфликтам, что было наряду с голодом, падежом скота, вторжением кыргызов одной из причин краха каганата.

Империя Ляо. Создание империи Ляо в X в. венчает социально-политическую и культурную эволюцию кочевников Центральной Азии периода раннего средневековья. Среди всех существовавших в восточном ареале евразийских степей в V–XI вв. кочевых политий именно киданями была основана самая сложная по своей структуре империя, включавшая к тому же численно преобладавшее земледельческое население.

Следует отметить, что в доимперский период элиту киданей составляли племенные вожди «восьми кочевий» [18, с. 154, 157, 163, 171, 172–173, 186] и другие представители знатных кланов. В начале X в. в ходе интенсивных завоеваний киданями во главе с Елюй Абаоцзи племен си, шивей, нойчжэней (чжурчженей),

тюрков возникла своего рода региональная держава. Этот успех был закреплён в 916 г. провозглашением Абаоцзи императором (храмовый титул Тай-цзу). Походы в Центральную Монголию, рейды по северо-восточным провинциям Китая и захват в 926 г. государства Бохай окончательно укрепили военно-политические позиции киданей. При Абаоцзи в киданьских владениях развернулась культурная интеграция кочевого и оседлого населения, в дальнейшем существенно повлиявшая на элитарные слои киданей. Китайцы учили киданей «организации официальных учреждений», постройке «городов, обнесённых внутренними и внешними стенами», «дворцов и домов», созданию торговых местечек для поселения китайцев» [7, с. 43; 18, с. 176]. У киданей «постепенно стала развиваться письменность и законы» [18, с. 173]. В окружении Абаоцзи было немало китайцев, причём некоторые из них занимали весьма высокие должности.

В правление среднего сына Абаоцзи Дэгуана (Тай-цзун, 926–947) кидани в 936 г. разгромили Позднюю Тан и по договору с марионеточным правительством Поздней Цзинь получили ряд китайских областей (Синньчжоу, Учжоу, Юньчжоу, Инчжоу, Шочжоу и др.), а также право на ежегодную дань в 300 тыс. кусков шёлка» [18, с. 180, 198]. Киданям поступал не только шёлк, но и золото, знаки достоинства, дворцовые одежды и мн. др. В 947 г. были захвачены все цзиньские земли и провозглашена империя Великая Ляо.

По существу, именно при Дэгуане были заложены основы дуальной организации власти в империи. Северная администрация управляла киданями, подчинёнными кочевыми и оседлыми народами, в том числе довольно многочисленным китайским населением, обосновавшимся в родовых землях киданей. Создавая северную администрацию, Дэгуан назначил вождей кочевий и «переводчиков» (по всей видимости, чиновников для управления некиданьским населением) [18, с. 204]. Южная администрация появилась в связи с необходимостью осуществлять власть над захваченными китайскими областями. Её создание Дэгуаном преследовало, можно сказать, утилитарные цели – «собрать в Поднебесной деньги и шёлк для награждения войск» [18, с. 204]. Киданьский император в бывшей цзиньской столице лично назначал высших чиновников и губернаторов, в чьи задачи входило управление территориями с китайским населением [18, с. 202–204; 7, с. 88–92]. Он также рассылал киданей для «выколачивания фуража», «травы и хлеба», но позднее оценил данный эксперимент негативно, передав эти полномочия местной китайской администрации. В дальнейшем она превратилась в постоянно

действующую систему управления китайскими провинциями в ляоской империи. Причём за исключением высших должностей, которые занимались представителями правящего рода Елюй, все остальные бюрократические посты в южной администрации получали китайцы [13, с. 181–182, 187–188]. Таким образом к середине X в. завершилась наиболее активная фаза создания полиэтничной империи Ляо.

Дэгуан, участвуя во многих придворных церемониях, довольно быстро утомился от бюрократических хлопот: «В своём государстве я находил радость в охоте и мясе, а с тех пор, как прибыл в Срединное государство, никогда не испытывал в сердце удовольствия» [18, с. 204–205]. Это свидетельствует о том, что император и киданьская знать ещё не обладали характерным для бюрократии сознанием и психологическими установками.

Император Уюй (Ши-цзун, 947–951) активно привлекал китайцев к управлению, в земли киданей ехали учёные, здесь расцвело китайское ремесло. В землях северной администрации китайское население довольно органично вписалось в киданьскую этносоциальную среду, и в связи с этим можно говорить о начале формирования в киданьских городах локальных групп кочевников-оседлого сообщества [4, с. 112].

Однако короткое правление Уюя обозначило и назревающий в империи Ляо кризис, характерными чертами которого были: 1) утрата коллективной сплоченности (асабии по Ибн Хальдуну), перепроизводство элиты, междоусобицы и т. д.; 2) доходы элиты за счёт даней и налогов настолько значительны, что они не видят необходимости в продолжении войн, набегов, захватов, а это исключает возможность получения дополнительных ресурсов для рядовых кочевников; 3) раскол элиты по вопросу политики в отношении китайцев и способам их эксплуатации; часть киданьской элиты, видевшей масштабы китайского влияния, боится утраты собственной кочевой идентичности [4, с. 112–113].

Симптомом раскола элиты было столкновение Уюя в самом начале своего правления с вдовствующей императрицей Шулюй (супругой Абаоцзи). Можно предположить, что вокруг Шулюй сложилась ортодоксальная киданьская «партия», а сама Шулюй олицетворяла традиционный взгляд кочевников на земледельцев. Она упрекала Дэгуана в том, что он стремился завоевать Поднебесную, подчеркивая, что тот не сможет «владеть ей» и «в дальнейшем непременно возникнут беды» [18, с. 208]. Несмотря на победу Уюя, сторонники взглядов Шулюй явно преобладали: когда в 951 г. Уюй собрал вождей кочевий и призвал их к вторжению в Китай, все

племенные лидеры отказались идти в поход (!). Попытка императора «принудить» вождей к походу закончилась заговором и убийством Уюя [18, с. 208–209; 7, с. 103].

Кризисное состояние киданьской элиты, отказ от военно-политических установок Абаоцзи и Дэгуана стали особенно очевидны в правление сына Дэгуана Шулюя (Му-цзуна, 951–968) и сына Уюя Сяня (Цзин-цзу, 968–982). Киданьская знать, получив различные придворные должности в северной администрации, получала огромные доходы за счёт фискальных поборов империи Ляо и дистанционной эксплуатации китайских царств (откупы, дары и пр.) и не видела необходимости в дальнейших завоеваниях. Вполне соответствовало этим настроениям и поведение императоров Шулюя и Сяня. Они не ходили в походы, не осуществляли личного командования армией, не занимались «государственными делами». Функции центрального управления были возложены на придворных «киданьских и китайских сановников» [7, с. 112]. Шулюй проводил время в основном окружении евнухов, любил охоту и вино, пил всю ночь до утра, а днём постоянно спал, в связи с чем кидани называли его «спящим правителем» [18, с. 209; 7, с. 105; 8, с. 75–79]. Император Сянь имел склонность к вину и женщинам», отличался слабым здоровьем и даже не мог сам сесть на лошадь. На аудиенциях императора представляла его жена [7, с. 114, 119–120]. Показательно отношение киданьских правителей к поражениям от китайцев и утрате территорий: когда император Поздней Чжоу Ши-цзун захватил три киданьские заставы и несколько областей, Шулюй сказал соотечественникам: «Это ханьские земли, к чему нам сожалеть, что они вернулись к ханьцам?» [18, с. 210]. Такая модель поведения киданьских правителей прямо противоречила представлениям о славном и доблестном кочевом правителе. Кризис ценностных установок элиты отражал процессы, характерные для всех крупных политических кочевников. В соответствии с циклами власти кочевников Ибн Хальдуна утрата асабии и междоусобицы приходится на 3–4 поколение правителей. Как правило, к третьему поколению правителей отчётливо проявляется процесс перепроизводства элиты (существенный рост из-за полигамии числа потомков верховного лидера и его родственников), что порождает конкуренцию за власть и ресурсы и вызывает открытые конфликты. Подобные явления прослеживаются в истории кочевых империй Центральной Азии у хунну, жуань-жуаней, тюрков, уйгуров, монголов [13, с. 139–141, 302–304; 3, с. 21–26 и др.]. Однако первый цикл эволюции элиты у киданей не закончился крахом их государства.

Причин, благодаря которым империя Ляо смогла преодолеть кризис, было несколько. Во-первых, относительно благоприятная внешнеполитическая ситуация: у соседей киданьской империи в середине X в. не оказалось сил для разгрома и завоевания Ляо. Во-вторых, важным ресурсом стабильности империи Ляо и её дальнейшего расцвета было наличие в составе государства многочисленного земледельческого населения. В-третьих, нельзя не упомянуть харизматичного императора Шэн-цзуна (982–1031), сумевшего консолидировать ляоское общество и обеспечить своей политикой процветание империи [4, с. 113].

Административно-бюрократическая система империи при Шэн-цзуне получила новый импульс. Для более качественного отбора чиновников в состав южной администрации в 988 г. была восстановлена система экзаменов. Шэн-цзун, стремившийся к более эффективному управлению киданьскими владениями, активно привлекал китайцев в северную администрацию. Киданьская аристократия и бюрократия так же получала образование. Начался период обширного заимствования китайского опыта в управлении, правовой сфере, культуре. В социальном отношении перенесение китайских традиций на управленческую практику северной администрации (создание государственного сектора, налоги, рост числа должностей) существенным образом отразилось на положении рядовых кочевников (в кочевой среде имперской метрополии шли процессы оседания номадов, рос госсектор за счёт конфискации племенных земель, номады сгонялись с пастбищ и родовых территорий, солдат пограничной службы заставляли обрабатывать поля и выращивать зерно и т. д. [20, р. 193–195; 137, с. 184, 186; 6, с. 113 и др.]).

«Китаизированная» элита киданей добавляла к своему привилегированному положению различные придворные должности, обладание земельными ресурсами, участие в распределении государственных доходов, иную, не связанную с кочевым образом жизни, модель поведения. Таким образом, наметился разрыв между ценностями рядовых кочевников и киданьской аристократии.

Ведущую роль в элитарной среде играл император. Он распоряжался огромными ресурсами империи (в кладовых хранились редкие и драгоценные вещи; государственные стада насчитывали не менее миллиона голов; налоги, дани, поступления от Сунн и т. д.). В окружении киданьских императоров было несколько тысяч военных и гражданских чиновников, офицеры и гвардия, дворцовая прислуга, «дворцовые женщины», евнухи и т. д. Особенно многочисленным был штат служащих в пяти столичных городах. Император вместе с частью своего

окружения переезжал из столицы в столицу, осуществляя контроль за представителями администрации. Также высокие позиции в элите занимала наследственная знать двух кланов Елюй и Сяо (клан императрицы). Клан Елюй делился на «пять подразделений» (к ним относилась семья императора) и «шесть подразделений», управлявшиеся великими князьями (да ванами). Прямые потомки Абаоцзи, а также потомки его двух дядей и братьев образовывали четыре ведущих линиджа. Представители этих кланов являлись крупнейшими собственниками в стране и занимали большую часть наиболее важных военных и гражданских постов в администрации империи [13, с. 180; 10, с. 8].

Представители клана императора и клана императрицы не могли вступать в браки с представителями других племен киданей. В 1019 г. членам четырёх самых знатных линиджей клана Елюй было запрещено жениться на выходцах из младших линиджей императорского рода. В 1029 г. два ведущих линиджа клана Сяо и линиджи «пяти» и «шести» подразделений были объявлены «благородными родами нации» [13, с. 181–182]. Таким образом, доступ в высшие слои киданьской знати был закрыт и она обладала сословно-клановой замкнутостью.

Ниже стояли вожди киданьских племен, представители других аристократических родов и императорская служилая знать как киданьского, так и китайского происхождения. Для них так же был характерен высокий имущественный статус, но стабильные доходы гарантировались только нахождением на государственной службе. Государственная служба требовала определенной квалификации. Благодаря военной службе и образованию оставались каналы социальной мобильности. Но люди незнатного происхождения могли попасть лишь в низшие слои элиты. К ним можно причислить и представителей китайской провинциальной администрации.

В дальнейшем китаизация элиты, её превращение в замкнутые группы и бюрократизация привели к новому кризису империи Ляо в конце XI – начале XII вв. В начале XII в. явное ослабление сплочённости элитных слоев, внутренние противоречия, нежелание киданьских воинов воевать стали главной причиной поражений от чжурчженей [10, с. 16–21]. В конечном итоге второй цикл эволюции элиты закончился полным крахом империи. Бежавшие вместе Елюй Даши на запад кидани смогли создать новое государство – Западное Ляо, просуществовавшее около столетия (третий цикл по Ибн Хальдуну).

Выводы. В Уйгурском каганате отчетливо проявилась тенденция к усложнению общественной структуры, однако полного обособле-

ния знати, в состав которой вошли и наиболее успешные согдийские купцы, не произошло. Это объясняется скоротечностью существования каганата, в рамках которого сословная знать просто не успела оформиться (в кочевой среде по-прежнему доминировали клановые связи), а элита Уйгурской империи уже к 830-м гг. вступила в фазу внутренних конфликтов и противоречий. Наряду с природными катаклизмами и голодом это позволило кыргызам сравнительно легко разгромить каганат.

В империи Ляо сформировалась более сложная общественная структура. К XI в. у киданей возникла сословная китаизированная знать (главным сословным критерием была принадлежность к императорскому клану Елюй и высшему имперскому чиновничеству). Она обладала наследственным статусом и сословной замкнутостью. Служилая знать киданей, связанная с управлением в северной администрации и участвовавшая в разделе ресурсов империи, сложилась во многом за счёт эксплуатации оседлого населения и не могла быть окончательно замкнута для кочевников, так как сохраняли своё значение такие каналы социальной мобильности, как военная служба, клановые связи, образование, управленческие таланты. Вместе с тем по

образу жизни и социально-правовому статусу киданьская элита далеко ушла от традиционного быта престижных слоев кочевого населения.

В развитии кочевых обществ существовал своеобразный непреодолимый «порог» социального усложнения. В Уйгурском каганате тенденция к формированию привилегированного сословия и численный рост полиэтничной элиты вызвали «перегрев» общества, внутренние конфликты, которые облегчили победу кыргызов над уйгурами. В империи Ляо завоевание территорий с земледельцами, регулярные фискальные поборы с китайских и других оседлых поданных и «дары» китайских царств создали условия для устойчивого обогащения элиты. Киданьская аристократия занимала высшие государственные посты, распоряжалась государственными ресурсами, обладала замкнутостью. Тем самым элита в Ляо обладала более устойчивым положением, что позволило ей пережить кризис третьей четверти X в. и сохранить империю более чем на столетний период. В Ляо, в отличие от Уйгурского каганата, происходило зарождение сословных групп. Но даже в этом имперском образовании кочевников элита не смогла трансформироваться в закрытое господствующее сословие.

Список литературы

1. Асадов Ф. М. Арабские источники о тюрках в раннее средневековье. Баку : Элм, 1993. 204 с.
2. Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М. ; Л. : АН СССР, 1950. Т. I. 397 с.
3. Васютин С. А. Основные модели организации власти у кочевников Центральной Азии периода раннего средневековья (в свете теории многолинейности) // Восток. 2010. № 4. С. 20–34.
4. Васютин С. А. Проблемы формирования кочевно-оседлого общества в империи Ляо // Вестник Бурятского гос. ун-та. 2011. Вып. 7. История. С. 110–115.
5. Данилов С. В. Города в кочевых обществах Центральной Азии. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. 202 с.
6. Дробышев Ю. И. Политика киданей в Центральной Азии // Общество и государство в Китае: XL науч. конф. (Ученые записки отдела Китая ИВ РАН. Вып. 2). М. : Институт востоковедения, 2010. С. 108–122.
7. Е Лун-ли. История государства киданей (Цидань го чжи) / пер. с кит., введ., коммент. и прилож. В. С. Таскина. М. : Наука. Гл. ред. вост. лит., 1979. 607 с.
8. История Железной империи. Новосибирск : ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2007. 178 с.
9. Камалов А. К. Древние уйгуры VIII–IX вв. Алматы: Наш мир, 2001. 216 с.
10. Киданьский город Чинтолгой-балгас / Н. Н. Крадин, А. Л. Ивлиев, А. Очир, С. А. Васютин [и др.]. М. : Восточная литература. РАН, 2011. 173 с.
11. Киселев С. В. Древние города Монголии // Советская археология. 1957. № 2. С. 91–101.
12. Кляшторный С. Г. Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. СПб. : Петербургское Востоковедение, 2010. 328 с.
13. Крадин Н. Н. Кочевники Евразии. Алматы : Дайк-пресс, 2007. 416 с.
14. Крадин Н. Н. Урбанизационные процессы в кочевых империях монгольских степей // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. Кн. 3. С. 330–346.
15. Лубо-Лесниченко Е. И. Великий шёлковый путь // Восточный Туркестан в древности и раннем Средневековье: очерки истории. М. : Наука. Гл. ред. вост. лит., 1988. С. 352–391.
16. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М. ; Л.: АН СССР, 1959. 447 с.
17. Малявкин А. Г. Материалы по истории уйгуров в IX–XII вв. Новосибирск : Наука. Сиб. отд., 1974. 210 с.
18. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху / введ., пер. и коммент. В. С. Таскина. М. : Наука. Гл. ред. вост. лит., 1984. 486 с.
19. Цэвээндорж Д., Баяр Д., Цэрэндагва Я., Очирхуяг Ц. Археология Монголии. Улаанбаатар: Institut archaeologic ASM, 2008. 239 с.
20. Wittfogel K. A., Feng Chia-sheng. History of Chinese Society. Liao (907–1115). Philadelphia: American Philosophical Society, 1949. 752 p.

Статья поступила в редакцию 12 декабря 2011 г.

УДК 94
ББК 63.3

С. Г. Жамбалова

*доктор исторических наук, доцент,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения
Российской академии наук (г. Улан-Удэ, Россия),
e-mail: zhambalovas@yandex.ru*

**Кочевой образ жизни в современном мире:
проблемы традиционализма и модернизации**

В статье на основе анализа достоверных источников исследован кочевой образ жизни в современном мире через призму традиционализма и модернизации на примере монголов Монголии (Монгол улс), Автономного района Внутренняя Монголия Китая (АРВМ), в состав которых зачислены также шэнэжэнские буряты, и буряты России. Здесь намечены тенденции в этнических процессах, протекающих в среде монгольязычных кочевников, проживающих в трёх государствах, переходящих из индустриального в постиндустриальное, в двух из которых, в России и Китае, длительное время дисперсно с оседлыми народами. Экономическая, политическая, социальная специфика контактной зоны в разной мере влияла на дальнейшие адаптационные процессы в мире кочевников. В начале второго десятилетия XXI в. обнаруживаются три модели адаптации монголов к современному миру. Дальнейшее их развитие в весьма далёкой перспективе может просматриваться в виде двух векторов: одна линия – длительное сохранение компонентов кочевого образа жизни в модернизированном обществе, вторая – постепенный переход к европеизированному (американизированному) образу жизни. Известно, что дольше всего сохраняются элементы сакрального свойства, иногда даже при полной замене традиционной системы жизнеобеспечения инновациями. Современные монголы Монголии и АРВМ в большой степени сохраняют традиционную культуру жизнеобеспечения, которая уходит из повседневной жизни бурят России. Сохранению кочевого образа жизни в успешно модернизирующемся монгольском мире способствует традиционализм с его идеализацией и абсолютизацией традиции, которая имеет практическое значение и сочетается с высокоразвитой экологической культурой, направленной на бережное отношение человека к окружающей среде. Налицо факт масштабного существования в XXI в. кочевничества, он успешно сохраняется в одних пределах (Монголия, Китай), но постепенно утрачивается в других (Россия).

Ключевые слова: кочевники, скотоводы, монгольязычные народы, Центральная Азия, образ жизни, традиционализм, модернизация, современность.

S. G. Zhambalova

*Doctor of History, associate professor,
Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia),
e-mail: zhambalovas@yandex.ru*

**Nomadism in the Contemporary World:
Problems of Traditionalism and Modernization**

The article is an answer to A. J. Toynbee's challenge that states the dying of "nomadic civilization." The article is written on the basis of field data and observations made in China, Mongolia and Russia and on the basis of literary and visual sources. It traces the tendencies of ethnic processes in the Mongol speaking nomads environment of the above mentioned three states. Nomads of China, Mongolia and Russia have been passing from industrial to post-industrial society. At the same time nomads of Russia and China for a long time lived with sedentary peoples. Economic, political and social specificity of the contact zone to varying degrees have influenced nomadism. At the beginning of the second decade of the 21st century there are three models of adaptation of Mongolian people to the contemporary world. Their further development in the long-term perspective is viewed in the form of two vectors: retention of nomadism components in contemporary society and gradual transition to Europeanized (Americanized) way of life. The elements of sacred property are preserved longer, even in case of the complete replacement of traditional life-support systems with innovations. The present-day Mongolian people of Mongolia and of the Inner Mongolia Autonomous Region of China largely preserve the traditional culture of life support, which has been departing from the daily life of Buryat people living in Russia. Traditionalism with its idealization and absolutization of tradition, which is practically important, is combined with the highly developed ecological culture aimed at people's caring attitude to the environment, contributes to the preservation of nomadism in the successfully modernized Mongolian world. In fact, we witness the existence of the 21st century nomadism that successfully survives in some areas (Mongolia, China), but gradually disappears in others (Russia).

Keywords: nomads, cattle-breeders, Mongol speaking peoples, Central Asia, way of life, traditionalism, modernization, modernity.

В первой половине XX в. А. Дж. Тойнби довольно образно писал: «Кочевой образ жизни был обречён в Евразии на гибель с того момента в XVII столетии, когда две оседлые империи – Московская и Маньчжурская – протянули свои щупальца по Евразийской степи в различные стороны света» [21, с. 335]. Далее он продолжает, имея в виду кочевников других континентов: «Сегодня западная цивилизация, распространившая свои щупальца по всей поверхности земного шара, завершает истребление кочевников во всех других их древних владениях» [21, с. 336]. Как показало время, исследователь был отчасти прав – кочевой образ жизни, оказавшись в тесном контакте с земледельческой культурой, в определённой степени трансформировался и даже кое-где совсем исчез. В целом же он ошибся – не смог предвидеть запас прочности данного хозяйственно-культурного типа, глубину традиционализма, заложенного в номадах.

В ответ на вызов учёного в последнее время появляются работы, объективно, на достоверных источниках изучающие специфику кочевого мира, в том числе его историю, культуру, состояние и место в современном мире. Исследователи пытаются доказать несостоятельность теории выдающегося историка XX в. относительно «кочевого цивилизации», в их числе Н. Л. Жуковская, А. С. Железняков, Н. В. Абаев и др. [11; 10; 1]. Автор данной статьи разделяет эту принципиальную позицию и пытается внести свою скромную лепту в развитие проблемы.

Цель настоящей статьи – изучение проблем кочевого образа жизни в современном мире через призму традиционализма и модернизации на примере монголоязычных народов, кочевников-скотоводов Центральной Азии: монголов Монголии (*Монгол улс*), Автономного района Внутренняя Монголия Китая (АРВМ), в состав которых зачислены также шэнэжэнские буряты и буряты России.

Основанием для написания статьи послужили полевые материалы, записанные в АРВМ у этнофоров, личностей, владеющих уникальными сведениями о традиционной культуре своего народа: в 2002 г. у монгола Сухэ Батора [9], в 2003 г. у шэнэжэнского буряты Соктын Жамсо [8]. Кроме того, в основе статьи полевые наблюдения, состоявшиеся в АРВМ в течение года, начиная с августа 2002, и в Монголии во время нескольких кратковременных пребываний. В работе использованы литературные и визуаль-

ные источники, в том числе некоторые данные, взятые из документального фильма Л. Мади, Э. и Т. Бланшар «Кочевники Монголии», показанного по каналу «Культура» 25 марта 2011 г.

Следует сразу оговориться, что этнография бурят известна российскому читателю, поэтому представлена в минимальном объёме, а из-за ограниченного объёма публикации конкретные полевые материалы из АРВМ почти не приводятся, но являются надёжным фундаментом некоторых гипотез статьи. Тем более, они опубликованы и доступны для широкого пользования.

Указанные источники – достоверные свидетельства, они позволяют с уверенностью констатировать факт довольно масштабного существования в современном мире кочевого образа жизни. Также они показывают единство и многоликость монгольского мира, который постепенно утрачивается в одних пределах, но успешно сохраняется в других. Утрата основополагающих составляющих традиционной культуры кочевников-скотоводов сухих степей, его хозяйственно-культурного типа с тремя основными подсистемами культуры жизнеобеспечения – жилище и поселения, одежда, пища – асинхронна. Верхняя граница данных бурятской этнографии по «живой» традиционной культуре народа – с большой натяжкой первая половина XX в., в то время как у многих монголов АРВМ и Монголии – это современные реалии. В России бурятоведы по крупицам, часто на основе реминисценций составляют картины былых времен, реконструируют то, что во многих случаях в АРВМ и Монголии факты современной повседневности [8; 9].

В настоящее время в мире, по одним данным, около 10 млн монголов. Почти двадцать монголоязычных народов расселены компактными группами в Азии и Европе: в Монголии – халх-монголы, ойраты, дархаты, урянхайцы, хамниганы, буряты; в КНР – монголы Внутренней Монголии, дагуры, дунсяне, монгоры, баоань; в Афганистане – моголы; в России – буряты и калмыки [20, с. 11]. По другим, устным источникам, записанным мной на одной из конференций в 2010 г., монголов 8,5 млн: в Китае 4,8 млн чел.; в Монголии – 2,6 млн чел.; в России – бурят 315 тыс. чел., калмыков – 96 тыс. чел.; в европейских и американских государствах проживает 150 тыс. чел, большая часть которых калмыки – около 74 тыс. чел. В статье приводятся иногда другие цифры, например, что в Монголии в настоящее время 2,8 млн чел. Эти свидетельства этнодемографических процессов в некоторой степени условны, но в целом

дают общее представление о том, что монголы в начале XXI в. составляют немалую часть населения мира и занимают довольно обширные пространства ойкумены.

Более того, Википедия уточняет и несколько расширяет приведённые данные. В наши дни кроме перечисленных существуют другие этносы и этнографические группы монгольского происхождения, осознающие свою принадлежность и не ассимилированные соседними народами. Относительно крупные монгольские группы имеются в Республике Кыргызстан, в Турции и Афганистане. К этому можно добавить наличие относительно малочисленных диаспор монгольского происхождения в американских (США, Канада – Квебек); европейских (Франция, Германия, Болгария, Бельгия, Испания, Польша, Чехия) и даже в африканских странах, возможно, и в Австралии [18].

В данной статье речь идёт лишь о тенденциях, об этнических процессах в среде монголоязычных кочевников, проживающих в трёх странах, в двух из которых, в России и Китае, длительное время дисперсно с оседлыми пашенными земледельцами, в государствах, переходящих из индустриального в постиндустриальное. Экономическая, политическая, социальная специфика контактной зоны в разной мере влияла на дальнейшие адаптационные процессы в мире кочевников. В начале второго десятилетия XXI в. обнаруживаются три модели адаптации монголов к современному модернизированному миру. Дальнейшее их развитие в весьма далёкой перспективе может просматриваться в виде двух векторов: одна линия – длительное сохранение компонентов кочевого образа жизни в модернизированном обществе, вторая – постепенный переход к европеизированному (американизированному) образу жизни. Известно, что дольше всего сохраняются элементы сакрального свойства, иногда даже при полной замене традиционной системы жизнеобеспечения инновациями.

Огромная историография номадизма глубоко и серьёзно рассмотрена в работах Н. Н. Крадина [13]. Для рассмотрения особенностей кочевого образа жизни необходимо остановиться на дефиниции «образ жизни», разработанной этнологами ещё в советское время, как наиболее близкой нашему пониманию проблемы. В данном случае имеются в виду статьи Э. С. Маркаряна и Г. Е. Маркова [16; 17].

Развитие человеческого общества часто рассматривается как следствие качественно особой разновидности адаптивных процессов (адаптивно-адаптирующих), которые в конечном счёте привели к становлению локальных

исторических типов в развитии культуры человечества. Гуманитарные науки выступают с позиций защиты каждой цивилизации и допускают их некоторую эквивалентность, «ибо они относительно по отношению к особой конфигурации условий и проблем, характерных для особых сред обитания человеческих коллективов и тех средств освоения этих сред, которые задаются массивами культурных традиций, присутствующих данным коллективам» [16, с. 28].

При характеристике образа жизни, по мнению Г. Е. Маркова, велико значение этнографических данных, хотя этнические аспекты не могут характеризовать ни образ жизни в целом, ни закономерности его развития [17, с. 246]. Высшим уровнем образа жизни он считает тип жизнедеятельности, который всегда соответствует определённому способу производства. Образ жизни является следствием исторически сложившихся традиций, в числе которых историческая судьба народов, условия среды обитания как части производительных сил, известная специфика менталитета и др. [17, с. 251, 254].

А. С. Железняков предлагает принципиально новое, научно обоснованное рассмотрение роли кочевого монгольского общества в мировой истории. Со слов Н. В. Абаева, «<...> он не просто критикует предшествующих “цивилизационщиков” (как правило, вполне справедливо и аргументировано), но и творчески перерабатывает классические схемы, которые он тоже использует» [1]. А. С. Железняков отмечает, что, несмотря на «сдвиг в сторону некоторой почтительности к историческому творчеству кочевников, к признанию их, пусть не совсем развитой, но всё-таки частью всемирно-исторического процесса», по-прежнему недооценивается вклад кочевников в социально-классовое наполнение истории, в развитие форм государственности, историческое предназначение их существования [10, с. 98].

Несмотря на то, что А. Дж. Тойнби отказал кочевой цивилизации в праве выступать отдельным субъектом истории, нельзя не отметить, что им не раз высказывалась вполне объективная высокая оценка кочевничества. Он пишет: «Жизнь кочевника, в самом деле, представляет собой триумф человеческой ловкости. <...> Чтобы в любое время обеспечить своему скоту пропитание из природной растительности голой и скупой степи, он должен очень тщательно приспосабливать свою жизнь и передвижение к сезонному графику. Фактически *tour de force* кочевого образа жизни требует весьма высокого уровня характера и поведения...» [21, с. 332–333].

Возникнув в конце неолита, номадизм постепенно начал исчезать в XX в. по мере того, как расширялись городские центры и власти на-

чали регулировать и постепенно ликвидировать кочевой образ жизни. Однако в XXI в. часть номадов, в том числе монголы Монголии и АРВМ, несмотря на то, что вполне успешно вписались в модернизирующийся глобальный мир, в силу собственного традиционализма, а также из-за относительной внешней и внутренней изоляции, продолжают вести во многом традиционный образ жизни. Конечно, по большому счёту это только фрагменты, пусть довольно крупные, былого средневекового номадизма.

Из жизни монголов давно ушла древняя социальная иерархия, принцип создания средневековых военных формирований, грандиозные охоты, многие символические культурные ценности, а вместе с ними и соответствующий образ жизни. Выветрился и дух войны, бывший одним из важных компонентов бытия средневековья, в том числе у кочевников. Такая картина характерна для всей ойкумены. Несмотря на ужасные войны XX – начала XXI вв., на планете преобладает пацифизм: мирное дипломатическое решение вопросов в новой и новейшей истории приходит на смену средневековью, эпохе войн и завоеваний.

При всей моей профессиональной ориентированности на традиционализм нельзя не согласиться с А. С. Железняковым, который верно отмечает: «Настало время признать, что в монгольской цивилизации аккумулирован опыт кочевой и оседлой цивилизации, что она не чужда городской культуре, социальному прогрессу, государственности» [10, с. 101]. Принципиально важным для правильного понимания данной статьи, в первую очередь представителями исследуемых монгольских этносов и субэтносов, является следующая констатация: я согласна с отстаиваемым А. С. Железняковым положением – нельзя современное государство, Монголию, соотносить с кочевой цивилизацией; это всё равно, что и все другие цивилизации низводить до уровня, характерного для эпохи первого разделения труда [10, с. 102]. Современная Монголия – это модернизирующееся государство, но имеющее свой взгляд на соотношение модернизации и традиционализма.

17 октября 2011 Эрика Марат, молодой американский эксперт по Центральной Азии, родившаяся в Бишкеке, опубликовала статью «Демократия: почему у Монголии получилось. Островок свободы в океане “несвободных стран”», в которой рассматривает феномен Монголии. В связи с визитами в 2011 г. в Монголию канцлера Германии А. Меркель и вице-президента США Джо Байдена она задает вопрос: «Как стране с населением 2,8 миллиона человек, из которых треть жителей ведёт кочевнический образ жизни,

занимаясь скотоводством, удалось привлечь столь широкое внимание международного сообщества?» [15] Ответ она находит на «карте свободы в мире», составленной американской организацией *Freedom House*, где страна отмечена зелёным цветом, как островок свободного мира, расположенный в океане стран, входящих в категорию «несвободных» [15]. Понятно, что в Монголии не всё так оптимистично, поэтому здесь также уделяется место некоторым проблемам, существующим в современном монгольском обществе.

Богатая событиями история Монголии с XVII в. до настоящего времени, включающая этап жизни в Цинской империи, освободительное движение и 100 лет в условиях самостоятельного государственного формирования, где большую часть, около 70 лет, заняли реформации социалистической истории, внесла определённые трансформации в образ жизни монголов. Монголия как суверенное государство числится в современном реестре стран постсоветского пространства, довольно болезненно вставших на рельсы демократизма и свободных рыночных отношений. За последние десятилетия Монголия вышла из зоны политического влияния СССР незадолго до прекращения его существования и совершила комплексный переход к демократическому государству с рыночной экономикой. Несмотря на объективные трудности, неизбежно сопровождающие периоды модернизации, уже сейчас можно констатировать, что демократия в Монголии состоялась, в отличие от целого ряда стран Азии и Африки [5, с. 123]. Страна борется за выживание в глобальном мире в условиях ускоряющегося времени и лишена каких-либо гео-этнополитических амбиций.

Совершенно верно пишет И. Б. Гармаева о монгольской цивилизации на пороге XXI в.: «Находясь в географическом соприкосновении с тремя великими цивилизациями – русско-православной на севере, сино-конфуцианской на юге, среднеазиатско-мусульманской на западе – Монголия смогла сохранить традиционный и почти нигде уже на планете не встречающийся кочевой уклад. Эта страна с многовековой историей, знавшей периоды небывалых пассионарных взлетов и глубоких упадков...» [5, с. 123]. Сегодня монголам, насколько это возможно в условиях номадизма, при желании доступны многие современные технические, технологические и коммуникационные достижения.

Территория Монголии богата природными запасами меди, молибдена, золота, урана, свинца, цинка, цеолита и др. Здесь выявлены колоссальные запасы угля и имеются перспективы выявления значительных запасов нефти. В послед-

нее время добыча угля, меди и золота стала интенсивно развивающейся отраслью в экономике страны, привлекающей пристальное внимание инвесторов [2, с. 325]. Правительством страны определены пути её развития, стратегические задачи до 2021 г., которые проведут в жизнь комплексную политику национального развития на втором этапе социально-экономического развития и независимости [2, с. 327].

Думается, что модернизация Монголии не погубит номадический образ жизни аратов, а будет способствовать его укреплению и качественному росту, так как высшей целью монгольского общества является уважение и гордость своей национальной историей и культурой, образованность, достижение счастливой жизни в своей стране [2, с. 327].

Авторы документального фильма «Кочевники Монголии», кочевавшие с номадами в течение четырёх месяцев, отмечают, что за годы советской власти пастухи утратили навыки номадизма: запрещалось кочевать за пределами административного района. Монголам пришлось многому учиться заново, чему способствовало знание природно-климатических условий края. В настоящее время они кочуют до 10 раз в год. Более подвижны араты, перевозящие грузы на верблюдах или повозках, в которые запряжены волы или яки. Они достигают плодородных мест весной на Хангае, а на зимовку уходят в Гоби, где происходит встреча родственников – они расселяются довольно плотно на близком расстоянии. В тяжёлые 1990-е гг. значительно, почти в 4 раза, сократилось поголовье верблюдов (забивали на мясо), теперь они вынуждены кочевать на грузовиках, на которых невозможно добраться до хороших пастбищ. В это время многие продали скот и свой скарб и переехали в города, в основном в Улан-Батор, который широкой полосой опоясывают юрты.

Монголия постсоветского времени за довольно короткий срок добилась больших преобразований в социальной сфере. Эти реформы обладают рядом общих и отличительных черт по сравнению с другими бывшими социалистическими странами, в том числе с Россией и странами СНГ. Важно, что особенностью этих процессов является сложное, противоречивое и динамичное переплетение традиционных и современных видов хозяйственной деятельности и образа жизни населения, в том числе оседлого и кочевого, элементов традиционной кочевой и современной постиндустриальной цивилизации [7, с. 60]. Монголия уникальна, по утверждению И. Б. Гармаевой, с которой я вполне солидарна, не только успехами последних десятилетий на демократическом поприще, а, прежде всего,

стремлением сохранить уникальный облик, потому что одним из главных вызовов современности в скором времени будет такая модель глобализации, которая бы сохранила многообразие мира [5, с. 123–124].

Авторы Йоханнесбургского меморандума считают, что если все страны Земли будут развиваться по индустриальной модели, по «западному» стандарту жизни, то произойдёт катастрофа. Особо ценным представляется для определённой части населения планеты развитие по традиционным моделям. Поэтому основная проблема стран с переходной экономикой, в т. ч. экс-коммунистических стран, – выбор пути, одновременно ведущего и к защите природы, и к защите бедных. При этом бедные – это вовсе не те нуждающиеся, которые ждут, когда им дадут пищу. Это граждане, которые испытывают ограничения в виде недостатка политических и финансовых прав, зарплаты и политических рычагов. Ключевым моментом преодоления бедности является предоставление им возможности иметь достойную жизнь здесь и сейчас. В противном случае большинству сельского населения, вероятно, придётся испытать массовое вытеснение с маленьких ферм, потерю средств к существованию и насильственную миграцию в города [12, сс. 18, 19, 22].

Как видно, сохранение кочевого образа жизни у монголов во многом зависит от финансовой стабильности государства и требует довольно серьёзных бюджетных вложений. В противном случае может произойти неконтролируемая миграция степняков в города. Выше указывалось, что эта проблема уже существует. Следует добавить, что образованная амбициозная молодёжь мигрирует в крупные города других государств (Китай, Япония, США и др.), а араты, покидая кочевья в поисках работы, чаще всего оказываются в Улан-Баторе. При этом заложниками взрослой неустроенной жизни нередко становятся дети, будущее страны. В монгольском документальном фильме (он показан в рамках одного из международных мероприятий монгольской стороной по телевидению Бурятии) повествуется об энергичном и жизнерадостном мальчике 9 лет, за гроши работающем извозчиком в Улан-Баторе. После уроков он на конной телеге доставляет с рынка крупногабаритные вещи по адресам по запруженным машинами городским улицам. В поисках лучшей доли вся его семья перебралась в город.

По данным В. В. Грайворонского, в 2000 г. в Монголии было 421,4 тыс. животноводов и 191,5 тыс. их семей, т.е. по прикидкам исследователя, около 80% населения проживало в сельской местности. Эта часть граждан страны зани-

малась кочевым животноводством и вела кочевой или полукочевой образ жизни. В это число также входили другие категории сельского населения – земледельцы, механизаторы, сельская интеллигенция и др. [6, с. 250]. Бесспорно, эта малая часть населения также занимается скотоводством. Налицо высокий процент народа, сохраняющего в начале XXI в. кочевой образ жизни, что само по себе уникально. Это интересно, прежде всего, с точки зрения экологии современной жизни, которая, по мнению многих, находится в критическом состоянии. Есть мнение, что Монголия подошла к открытию новой эры в своей кочевой цивилизации, органично восприняв достижения научно-технического прогресса и вплета их в ткань экологического образа жизни [5, с. 124].

В современном мире особенно остро стоит проблема сохранения традиционной культуры и среды обитания как этноэкологических рефугиумов, убежищ, которые должны иметь статус охраняемых природных территорий, где любая деятельность, не относящаяся к традиционным формам природопользования, запрещается или сводится к минимуму. Сохранение этих участков антропобиосферы является важным условием поддержания разнообразных путей развития человечества во всех природных нишах ойкумены [19, с. 88]. Одним из государств, где возможно безболезненное решение данной проблемы без ущерба общей модернизации страны, могла бы стать Монголия.

По данным С. И. Брука, которые, возможно, устарели, но тем не менее выявляют общую тенденцию развития полиэтничного китайского общества, Внутренняя Монголия и Северо-Восток, являющиеся родиной монгольских и тунгусо-маньчжурских народов, в 1981 г. на 90% были заселены китайцами, хотя китайская колонизация этих районов приобрела большой размах лишь в последней четверти XIX в. С конца 1950-х гг. с целью скорейшей ассимиляции национальностей, а также в военных целях начинается массовое переселение китайцев в окраинные районы [3, с. 462]. По данным Википедии, в 2004 г. в АРВМ проживало около 23,84 млн чел., в том числе 49 национальностей, совокупно составляющих всего лишь около одной пятой её жителей. Одним из них на собственной земле стали монголы. Основное население в настоящее время – китайцы (*хань*). Согласно переписи 2000 г., в АРВМ монголов 3995, 349, что составляет 17,13 % от общего числа населения [4].

В. В. Грайворонский отмечает: когда идёт речь о сельском населении АРВМ КНР конца XX в., то оказывается, что по численности

и этническому составу в нём преобладали не монголы-животноводы, а китайские крестьяне-земледельцы. В 1999 г. численность монголов АРВМ КНР составляла 3,57 млн чел., или немногим более 15% от общей численности населения автономного района (23, 6 млн чел.) [6, с. 251]. Далее он приводит следующие интересные данные. Абсолютное большинство монголов, проживающих во Внутренней Монголии, занято в традиционном виде хозяйственной деятельности – животноводстве. В конце 1990-х гг. во Внутренней Монголии насчитывалось 420 тыс. семей животноводов, или в 2 с лишним раза больше, чем в Монголии. В период 1978–1999 гг. поголовье скота в АРВМ выросло с 10,3 млн голов до 74,4 млн, или более чем в 7 раз, что «свидетельствует о впечатляющих успехах в развитии этой традиционной нестабильной консервативной области» [6, с. 251]. При этом он не акцентирует, а это важно для данной статьи, что в большинстве случаев речь идёт не о стойловом животноводстве, а кочевом или полукочевом скотоводстве [6, с. 251]. Это подтверждают мои полевые наблюдения и полевые материалы 2002–2003 гг.

Во время работы в Китае я наблюдала, что монголы в АРВМ проживают как компактными группами, так и дисперсно с китайцами. Поэтому побывала в непохожих местах: там, где живут только монголы; монголы и китайцы; китайцы и монголы. Для страны характерна различная степень ассимиляции монголов преобладающим народом *хань*. Её глубина коррелируется длительностью и близостью проживания и процессами трансформации, которые происходят в повседневной жизни, как под влиянием экзогенной культуры китайцев, так и по причине общемировой глобализации и модернизации. Процесс усугубляется тем, что ассимиляция происходит в пределах одной расы.

В то же время следует отметить уникальный феномен Китая: удивительное сосуществование в современной повседневности модернизации и традиционализма. Последнее проявляется в сохранении ядра традиционной культуры национальностей страны, в т. ч. например тюркоязычных казахов, киргизов, уйгуров, а также монголов, утраченного в пределах других территорий расселения народов. В самом начале 1990-х гг. я видела в центральном музее Алматы растерянных казахов, репатриантов из Китая, которые подобно индейцам в Америке показывали свой сохранившийся кочевнический быт казахам СССР. Многие из них тогда выражали желание вернуться в Китай – современный Казахстан был им непонятен. Известно, что казахи Монголии также не стремятся к репатриации.

При самом поверхностном изучении монголов Китая, по моим наблюдениям, можно выделить три условные группы, сформировавшиеся в результате длительных этнических процессов: кочевники-скотоводы, сохранившие традиционный образ жизни, язык, обычаи, обряды, религию, насколько это возможно в начале XXI в.; оседлые земледельцы с этническим самосознанием монголов и китаизированным монгольским языком; монголы, формально сохраняющую данную этническую принадлежность для пользования льготами нацменьшинств, которые в Китае довольно существенны.

Один из критериев данной типологии – соотношение знания родного и китайского языков: первая группа не знает или плохо знает китайский; вторая лучше владеет китайским; третья монгольского языка не знает. Группа шэнхэнских бурят, зачисленных монголами, относится к первой группе. Недостаточно владея монгольским, они говорят на бурятском языке, что затрудняет их социализацию за границами диаспоры. Многие представители монгольской молодежи АРВМ предпочитают дальнейшую социализацию в японской среде – они утверждают, что японский язык дается им намного легче китайского. Некоторые шэнхэнские буряты возвращаются на родину, в Бурятию или Забайкальский край. Известно, что китайское правительство поощряет миграцию и упрощает правила выезда из страны, поэтому миграционные потоки и китайские диаспоры, а также монгольские, во многих странах увеличиваются с каждым годом [14, с. 100, 99].

Важно, что для монголов АРВМ языком общения в повседневной жизни в начале XXI в. остаётся монгольский язык в его устной и письменной форме (старомонгольская письменность). Жители Монголии лучше знают современный письменный монгольский язык на кириллице, хотя всемерно стремятся возродить для общего пользования вертикальное монгольское письмо.

В жизни кочевников Монголии много проблем социально-экономического характера. Это особенно заметно при сравнительном анализе изменений уровня жизни аратов АРВМ и Монголии, «принадлежащих одному монгольскому этносу, но проживающих в двух соседних независимых суверенных государствах, в условиях различных политических систем и путей реформирования бывшей социалистической системы в рыночную <...>» [6, с. 250], с 1978 по 2000 гг.

Исследователь приходит к следующим выводам: за исследуемый период выросли реальные доходы, улучшилась структура расходов, повысился жизненный уровень аратов. В Китае

аграрные социально-экономические преобразования носили более эволюционный планомерный характер, поэтому величина среднедушевых денежных доходов животноводов АРВМ почти в два раза превышает показатели Монголии. Несмотря на существенные положительные сдвиги в улучшении материального благосостояния животноводов в обеих странах, основная масса этих сельских тружеников живет на грани или ниже международной условной черты бедности – одного доллара на человека в день [6, с. 258–259]. Учитывая стремительный рост ВВП Китая, думается, этот разрыв будет расти.

Что касается бедности, нужно иметь в виду, что скотоводы-кочевники Монголии и АРВМ ведут почти натуральный тип хозяйства, закупая в магазинах, это показано в документальном фильме «Кочевники Монголии», из продуктов питания в основном муку, сахар, соль и сладости. Голод пока не грозит монголам. Зато, как показано в фильме, существуют экологические проблемы, обусловленные нарушением баланса в видовом составе скота.

Резкий рост поголовья коз с кашемировым тонким шелковистым пухом – из-за его рентабельности: 1 кг, который можно собрать с двух коз, стоит 30 тыс. тугриков – угрожает степной экосистеме. В отличие от овец и других домашних животных степей Центральной Азии, козы выдёргивают траву с корнем, что, со слов авторов фильма и их информантов, способствует быстрому опустыниванию степи – 10% в год. Кочевники замечают, что меняется климат, земля опустынивается – всё это приводит к уменьшению поголовья скота. Один арат говорит в фильме, что из-за всех этих проблем и желания молодежи более лёгкой жизни кочевничество продержится еще лет 30, а затем, наверно, появятся фермы и конюшни.

Не знаю, насколько прав информант. Возникает вопрос, поглотит ли модернизация традиции монгольского кочевого образа жизни в течение ещё одного поколения? Найти правильный ответ трудно. Считаю необходимым привести цитату из работы А. С. Железнякова: «Сохранение монокультурного характера сельского хозяйства Монголии не является отрицанием прогресса, оно лишь определяет её положение в качестве специфического экологического и демографического анклава в центре Азии со своим собственным вектором технического и цивилизационного развития и в конечном итоге выступает условием выживания монгольского народа, его самобытной культуры и уникальной окружающей среды» [10, с. 102]. На мой взгляд,

такое обоснование номадизма в модернизирующемся глобальном мире создаёт позитивный прогноз уникальному феномену XXI в.

Анализ довольно широкого круга источников позволяет прийти к следующим выводам. Современные монголы Монголии и АРВМ безусловно в большой степени сохраняют традиционную культуру жизнеобеспечения, которая уходит из повседневной жизни бурят России. Сохранению кочевого образа жизни в модерни-

зирующемся монгольском мире способствует традиционализм с его идеализацией и абсолютизацией традиции, которая имеет практическое значение и сочетается с высокоразвитой экологической культурой, направленной на бережное отношение человека к окружающей среде. Налицо факт масштабного существования в XXI в. номадизма, он успешно сохраняется в одних пределах (Монголия, Китай), но постепенно утрачивается в других (Россия).

Список литературы

1. Абаев Н. В. Рецензия на: А. С. Железняков. Монгольский полис политического устройства мира. М. : Институт социологии РАН, 2009. 272 с. // Научные исследования Тувы. 2009. № 3: [электронный информационный журнал]. URL : <http://www.tuva.asia>.
2. Бадарч Б. Новые просторы экономического развития Монголии и их связи с сибирским потенциалом // Сибирь в изменяющемся мире. История и современность: материалы всерос. науч.-теор. конф. Иркутск: Изд-во Вост. Сиб. гос. акад. образ., 2010. С. 322–327.
3. Брук С. И. Население мира. Этнодемографический справочник. М. : Наука, 1981. 880 с.
4. Внутренняя Монголия [Электронная энциклопедия]. URL : www.ru.wikipedia.org/wiki.
5. Гармаева И. Б. Монгольская цивилизация на пороге XXI в. // Диаспоры в современном мире: материалы междунар. круглого стола. Улан-Удэ (15 октября 2007 г.); Хулун-Буйр (13 декабря 2007 г.). Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. С. 120–126.
6. Грайворонский В. В. Сравнительный анализ изменений в уровне жизни животноводов Монголии и Автономного района Внутренняя Монголия /КНР/ в 1978–2000 гг. // Mongolica, 2005. Vol. 16 (37). С. 249–260.
7. Грайворонский В. В. Реформы в социальной сфере Монголии (1990–2005 гг.) // Summaries of Congress papers. Ulan-Bator, 2006. С. 60.
8. Жамбалова С. Г. Рассказ шэнэхэнского бурята Соктын Жамсо // Диаспоры в современном мире: материалы междунар. круглого стола. Улан-Удэ (15 октября 2007 г.); Хулун-Буйр (13 декабря 2007 г.). Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. С. 241–249.
9. Жамбалова С. Г. Сюжеты единства и многоликости монгольского мира // Глобализация и монгольский мир. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. С. 348–355.
10. Железняков А. С. Монгольский полюс политического устройства мира. М. : Ин-т социологии РАН, 2009. 272 с.
11. Жуковская Н. Л. Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика : учеб. пособие. М. : Вост. лит., 2002. 247 с.
12. Йоханнесбургский меморандум. Справедливость в хрупком мире. Меморандум ко Всемирному саммиту по устойчивому развитию. Фонд им. Генриха Бёлля. М., 2002. 86 с.
13. Крадин Н. Н. Кочевые общества (Проблемы формационной характеристики). Владивосток: Дальнаука, 1992. 240 с.
14. Ларин А. Г. Круглый стол в ПДВ. Меняющийся Китай в меняющемся мире // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 1. С. 46 – 123.
15. Марат Э. Демократия: почему у Монголии получилось. Островок свободы в океане «несвободных стран» [электронная газета]. URL : www.voanews.com/russian/news/Mongolia-democracy-2011-10-17-131993988.html.
16. Маркарян Э. С. Соотношение формационных и локальных исторических типов культуры // Этнографические исследования развития культуры. М. : Наука, 1985. С. 7 – 30.
17. Марков Г. Е. Структура и исторические типы образа жизни // Этнографические исследования развития культуры. М. : Наука, 1985. С. 244–261.
18. Монголия [Электронная энциклопедия]. URL : www.ru.wikipedia.org/wiki.
19. Мурашко О. А. Этноэкологический рефугиум: концепция сохранения традиционной культуры и среды обитания коренных народов Севера // Этнографическое обозрение. 1988. № 5. С. 83–94.
20. Нимаев Д. Д. Бурятские диаспоры // Диаспоры в современном мире: материалы междунар. круглого стола. Улан-Удэ (15 октября 2007 г.); Хулун-Буйр (13 декабря 2007 г.). Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. С. 9–20.
21. Тойнби А. Дж. Исследование истории: Возникновение, рост и распад цивилизаций. М. : АСТ МОСКВА, 2009. 670 с.

Статья поступила в редакцию 12 декабря 2011 г.

УДК 398.21
ББК: Т 52(25) – 514

Л. Ц. Малзурова

*кандидат филологических наук, доцент,
Бурятский государственный университет (г. Улан-Удэ, Россия),
e-mail: Lubov-malzurov@mail.ru*

Функции бурятских легенд и преданий

В статье определяются функции бурятских легенд и преданий. Оба жанра выполняют информативную функцию, которая осуществляется в процессе коммуникативного акта через передачу информации в непосредственном общении рассказчика и слушателя. Легенда чаще информирует о событиях сакрального характера, а предание связано с мирской жизнью. Легенде присуща дидактическая функция, выражающаяся в предостережении от поступков, выходящих за рамки общепринятой народом нормы. Перформативная функция легенды заключена в такой направленности, как «конструирование реальности», что означает: легенда, отражая действительность, не остаётся равнодушной к ней, она её домысливает, проводит различные операции с целью убедить слушателя в правдивости рассказываемого. Данные функции легенд и преданий становятся жанроопределяющими признаками.

Ключевые слова: функция, рассказчик, коммуникация, информация, чудо, событие.

L. Ts. Malzurova

*Candidate of Philology, associate professor,
Buryat State University (Ulan-Ude, Russia),
e-mail: Lubov-malzurov@mail.ru*

Functions of Buryat Legends and Traditions

The article defines the functions of Buryat legends and traditions. Both genres perform an informative function which is carried out during the act of communication through information transfer in direct dialogue between the story-teller and the listener. Legends often inform of the events of sacred character, traditions are connected with the worldly life. Legends perform a didactic function expressed in the caution from the acts that go beyond the generally accepted norms of the people. The performative function of the legend is connected with “reality designing”, i.e. the legend, reflecting the reality, doesn't remain indifferent to it; the legend invents it, carries out various operations in order to convince the listener of the truth telling. These functions of legends and traditions become genre-defining signs.

Keywords: function, narrator, communication, information, miracle, event.

Как известно, одним из жанровых признаков легенд и преданий считается выполняемая ими функция. Необходимым условием формирования жанра В. П. Аникин считает «осознание общей целевой установки, существующей у произведений сходного типа...» [1, с. 103].

Путилов к жанрообразующим признакам относит содержание, поэтику, бытовое назначение (функциональные связи), формы исполнения, музыкальный строй и связи с другими видами искусства [9, с. 172].

Важным для изучения функциональных назначений легенд и преданий видится вывод К. В. Чистова о том, что в рассматриваемых произведениях «преобладает информационная функция; вымысел имеет не нарочитый и эстетический, а бессознательно-коллективный характер» [11, с. 25].

По К. В. Чистову: «<...> функция предопределяет выбор тематики, круг идей и вслед за этим тип героев, принципы построения сюжета, отбора и сочетания определённых художественных средств и т. п.» [12, с. 48]. Исходя из данной позиции, учёный констатирует разделение устных народных произведений на группы с «отчётливо выраженной эстетической функцией» и с «внеэстетической функцией». Легенды и предания, которые не воспринимают как художественные ни сами рассказчики, ни слушатели, относятся к прозаическим произведениям последней группы.

Рассматривая фольклорный текст под коммуникативным углом зрения, К. В. Чистов расширил понятие «коммуникативный акт», включая в данный процесс и коммуникативные ожидания:

«...жанр – это не только определённые правила запоминания и воспроизведения текста, но и не менее определённые коммуникативные ожидания и готовность понять текст в соответствии с этими ожиданиями» [13, с. 161].

Коммуникативный процесс передачи информации рассказчиком слушателю будет эффективным в случае, если он удовлетворяет взаимные запросы: исполнитель ищет в собеседнике среду, готовую понять, воспринять в нужном русле передаваемую информацию, а слушатель настраивает себя на получение ожидаемой информации.

Бытование легенд и преданий напрямую связано с коммуникативным актом, что подразумевает передачу информации в непосредственном общении рассказчика и слушателя. К верному замечанию И. А. Голованова: «Коммуникативная значимость легенд связана с передачей в них сакральной информации» [3, с. 22] – следует добавить: информация зачастую бывает связана с религиозными сюжетами. Поэтому всё сообщаемое легендой принимается аудиторией на уровне святости, непререкаемости, неоспоримости, поскольку издревле связано с богом и является непреходящей ценностью. Так, осуществляется процесс доказывания достоверности излагаемого в легенде. При этом в большинстве легенд превалирует присутствие чудесного, сверхъестественного, не умаляющего достоверное. Это связано с явлениями, действиями, совершаемыми религиозными, культовыми деятелями.

И. А. Голованов отмечает о коммуникативной функции преданий следующее, хотя, на наш взгляд, сказанное в полной мере может быть отнесено и к легендам: «Важнейшая коммуникативная функция преданий – удовлетворять познавательные потребности человека. Предания воспроизводятся при трансляции информации от поколения к поколению, от местного жителя к приезжему или в коммуникации местных жителей, когда требуется дать уточнение, продемонстрировать осведомлённость в знании каких-либо фактов местной истории» [3, с. 23].

Важность информативной функции подчёркивает и Э. В. Померанцева: «В несказочной прозе, независимо от того, имеет ли рассказ дидактический, морализующий, патриотический характер, приоритет имеет познавательный момент. Это прежде всего сообщение, т. е. семантическая информация» [7, с. 76].

Народное повествование, будь то легенда или предание, в основе своей несёт информа-

цию, легенда чаще информирует о событиях сакрального характера, а предание связано с мирской жизнью. Поскольку бытование данных жанров напрямую связано с коммуникативным процессом, огромная роль в определении функции жанров принадлежит рассказчику. В силу предпочтения эстетической функции повествования он может делать основной упор именно на неё, отодвигая на задний план функцию информативную. В случае важности информации о событии ли, местности ли, об исторических ли лицах рассказчик отдаёт предпочтение информативной функции. При этом немаловажную роль в акцентировании внимания слушателей на той или иной функции играют также средства передачи информации, умение пользоваться «средствами жеста, мимики, интонации» [7, с. 77], мастерство рассказчика, жизненный опыт. Функция фольклорного произведения может зависеть и «от местной традиции, от индивидуальной трактовки сюжета рассказчиком, от характера воспринимающей среды» [7, с. 78].

Анализ бурятских легенд и преданий позволяет утверждать, что в данных повествованиях чаще встречается информация об истории села, местности, региона, т. е. местного характера, история генеалогического характера: о происхождении родов, племен, информация, содержащая объяснение образования тех или иных местностей, гор, рек, сел. Н. А. Криничная отмечает: «Функциональным назначением интересующего нас жанра является повествование о событиях и героях «малой» истории, независимо от значимости, которую они имеют с самого начала или приобретают с течением времени» [4, с. 10].

По всей обширной территории Бурятии бытуют местные легенды, предания о людях, zapomнившихся народу своими деяниями, борцах, ставших известными своей силой. Так, легенда о Мочи распространена в Джиде: *Мочи гэжэ нэрэтэй, бэе ехэ томотой, хүсэ шадал ехэтэй баатар хүн Цагаатайн намагта 1800 оной эхэр ажаһуудаг байгаа. Тэрэнэй ажалша гээшэнь аргагүй. Мочи ганса моритой хүн байжа, нэгэ тэ тэрэнээ тэргэдэ хүллэжэ, түлэндэ гараба. Ой ошоожо, морёо модонһоо уяад, өөрөө- бэээрээ түлээ шэрээжэ асараад, тэргэдээ ашажа, гэр тээшээ бусажа ябахадань, моринишь эсэжэ, тэргэтэй ашаагаа даахаяа болиходонь, Мочи сухалдажа, морео гараараа хабиргыень ёбороод абахадань, моринойнь архан илзаржа, шалбаршаба. Тишхэдэнь Мочи: «Э-э, энэм ишхэдээ үхэшөө ха юм», – гээд, морёо мулталжа, тэргынгээ хойноһоо уяад, өөрөө тэргэдээ*

орожо,зудхэжэ, түлээгээ гэртээ асархан юм гэлсэдэг [6] (В начале 1800 г. в селе Цагатуй жил Мочи, человек крупного телосложения, огромной силы, трудолюбивый. Имел единственную лошадь. Однажды он отправился в лес за дровами на своей лошади. Привязав лошадь к дереву, Мочи начал грузить дрова на телегу. На обратном пути Мочи, увидев, как лошадь еле передвигает ногами под тяжестью груза, распряг её, а сам встал на её место. Так и привез телегу с дровами).

В предании подчёркивается трудолюбие Мочи, его отношение к единственному помощнику – коню и проявленное милосердие – впрягшись вместо коня, Мочи доставляет домой телегу с дровами. Здесь проявилась и сила его, во много раз превосходившая лошадиную силу, и человеческое сострадание к животному.

В повествовании время выступает предельно сжатым, так как повествуется об одном событии. И это событие отражает местную историю. В произведении точно указано время, место события: 1800 год, село Цагатуй.

«Предание как целостное фольклорное произведение локализовано в определённых временных рамках и пространственных границах. Здесь мы имеем дело с прозаическим повествованием, созданным по горячим следам какого-либо события и имеющего целью сообщить нечто интересное о достоверном историческом факте» [10, с. 16].

Даже если повествование информационного характера, оно не лишено эстетической направленности, а произведение с явно выраженной эстетической функцией в основе своей имеет информацию о чем-то. В силу этого необходимо отметить, что в повествовании обязательно доминирует одна из функций, которая позволяет причислять произведение к тому или иному жанру. «Доминантная функция, определяющая структуру произведения, является наиболее достоверным признаком рода устной прозы. В зависимости от неё сообщения, совпадающие по сюжету, могут относиться к разным жанрам и даже родам прозы. Естественно, что окончательная классификация конкретных произведений устной прозы может быть проведена лишь на основании учёта совокупности признаков» [7, с. 81].

Э. В. Померанцева, конкретизируя выполнение легендами и преданиями определённых функций, обозначила следующее: «Предание стремится прежде всего сообщить факт, его основная функция познавательная. Особенность эта явно выступает в историческом предании,

но заметна и в этимологических и других его видах. Легенда же, сообщая необыкновенный факт, стремится поучать, идеализируя своих героев, призывая подражать им, она утверждает их святость, подвижничество или героизм. Основная её функция – дидактическая» [8, с. 173].

Учёным отмечено, что каждый из этих жанров имеет свой круг тем, сюжетов, свою систему образов, но их объединяет установка на правду, независимо от характера их содержания.

Выполнение легендой дидактической функции чётко прослеживается на примере легенды о Борискином озере, содержание которого приведено Л. Е. Элиасовым в книге «Байкальские легенды и предания»: «Тут, недалеко от Кырена, есть одно озеро, которое зовется Борискиным. Название этого озера произошло так: жил тут давным-давно один бурят по имени Бориска. Характер у него был неуживчивый, не мог он жить ни с русскими, ни с бурятами. Вот всю жизнь кочевал он из деревни в улус, из улуса – снова в деревню. Пока был молодой, всё ещё шло ладно, но под старость он совсем разорился и стал нищим. Надоело ему, видать, шляться, вот он и решил поселиться около озера. Одному человеку житье худое. Пожил Бориска около озера немного и умер. Тут же его похоронили, а озеро Борискиным назвали. И теперь ещё старые люди говорят: если с народом жить не можешь, то кочуй на Борискино озеро, там тебе без людей и жизнь недолга» [2, с. 98].

Данная легенда равно популярна среди бурятского и русского народа, населяющего ныне Тункинский район Республики Бурятия, благодаря выполнению дидактической функции, которая заключена в предостережении человека от подобного Борискиному поведения по отношению к людям. Принятая в народе норма взаимоотношений не допускает пренебрежения к другим, исключения взаимозависимости друг от друга в условиях совместного проживания. В основу данного повествования положена поучительность одинокого прозябания Бориски, и не исключительность данного поведения, а типичность исхода подобного случая определяет актуальность произведения, становится одним из условий активного бытования его в современной среде жителей Тунки.

А. П. Липатова, исследовавшая механизмы текстообразования местных легенд, определила функцию легенды как перформативную. К выводу о перформативности функции легенды А. П. Липатова приходит в результате рассмотрения учения о речевых актах, которое осно-

ывается на замечании Джона Остина по поводу особого рода высказываний: «перформативах», представляющих собой соотношение: «произнесённое высказывание и есть произведенное действие». Исследователь проецирует данное положение на сферу фольклористики: ввиду сложившегося мнения о том, что все повествования что-то «утверждают» или «описывают», им приписывалась информативная функция. Данное положение претерпевает изменения в виду обнаружения и третьего варианта: «конструирование реальности», что означает: легенда, отражая действительность, не остаётся равнодушной к ней, она её домысливает, проводит различные операции с целью убедить слушателя в правдивости рассказываемого. Поскольку повествуемое в легенде «невероятно», но происходило на самом деле, мы согласны с позицией А. П. Липатовой, считающей: «С одной стороны, легенда – это то, во что верят. С другой стороны, легенда сродни слуху, сплетне, выдумке» [5, с. 69].

Легенда в первую очередь информирует слушателя о событиях, явлениях, происшествиях, глубоко запомнившихся народу, сыгравших определённую роль в истории, также поучает, как не надо или надо поступать, предостерегает от опрометчивых поступков.

«Легенда находится в сложных взаимоотношениях с реальностью – она оказывает определённое давление на неё: она её достраивает <...>, преобразует, трансформирует. Функция “конструирования реальности” (или, как назвал К. В. Чистов, социально-утопическая функция) – специфическая функция легенды. Данная особенность выделяет легенду из ряда других разновидностей фольклорной прозы» – отмечает А. П. Липатова [5, с. 77].

Утрату легендой перформативной функции и переход произведения из статуса легенды в статус предания отмечаем на примере повествований о Шумакских источниках. Рассказ об открытии Шумакских источников имеет множество вариантов. Лечебные свойства Шумакских источников настолько эффективны, что больные и немощные обретают здоровье. По одному из них, знаменитые источники были открыты охотником по имени Шумак. Он ранил на охоте оленя и начал преследовать. После продолжительного преследования охотник увидел, как раненое животное, повалившись в грязь, уже исцелённое, выходит оттуда. Это место заинтересовало Шумака, он исследовал

его вдоль и поперёк и убедился в целебности вод. Так были открыты знаменитые источники Шумак.

Другой вариант повествует об охотнике из племени сойот, который, преследуя раненого оленя, настигает его в узкой горной долине. Охотника, ожидавшего увидеть обессиленное животное, поразил вид здорового, исцелённого оленя, поднимающегося из грязи. Он заинтересовался свойствами грязи, впоследствии и источниками, расположенными поблизости [15, с. 20].

Изначально рассказ этот был легендой, основу которой составляло «чудо» – открытие никем ранее не замечаемого свойства родника, впоследствии, утратив «перформативную» функцию, превратился в предание. Событие, описываемое в обоих вариантах, расценивается как «невероятное, случайное, фантастическое». Случай исцеления раненого животного вызвал удивление первооткрывателей, возможность выздоровления допускалась, но казалась невероятной за столь короткий промежуток времени и на глазах изумлённого преследователя. Таким образом, событие, описываемое в данных вариантах одной легенды, расценивается как не типичное, выходящее за рамки норм объяснения природных явлений. Тайна причины произошедшего кроется в обоих случаях в чудодейственных свойствах источника.

Основное содержание рассказа не потеряло актуальности, но, перестав быть событием, данное открытие – «чудо», «невероятность», «фантастика» – превращается в «историю», и повествование переходит из легенды в предание. Молва о чудодейственном источнике рождает всё новые легенды о действии целебной силы данного объекта. Легенда, поскольку ей присуща функция воздействия на реальность, т. е., по Липатовой, «конструирование реальности», с помощью изустной передачи слушателям информации о чудесных исцелениях от различных недугов, привлекает множество жаждущих выздоровления.

Новые легенды рождаются по горячим следам случаев выздоровления, согласно характеристике К. В. Чистова: «социально-утопические легенды не только предсказывают будущее, но и призывают к действию. Отсюда – особо активная связь с социальной действительностью» [14, с. 336], в силу имеющегося потенциала воздействия на действительность, «призывают к действию», т. е. интересуют народ в лечении от болезней с помощью целебного источника Шумак, пропагандируют его лечебные свойства.

Пример превращения легенды о Шумакских источниках в предание доказывает ещё и верность понятия о функции, как «категории видоизменяющейся, постоянно варьирующейся» [7, с. 81]. В данном случае информация о «чуде», которое изначально составляло основу рассказа, и в силу того, что различными путями и средствами пыталось быть объясненным, постепенно потеряла актуальность, хотя популярность самого явления «чуда» ещё сохраняется. С потерей актуальности доминирующая в легенде перформативная функция уступает место информативной функции, которая заключается в констатации факта лечебных свойств Шумакских источников. Так, обеспечивается изменение модальности невероятности (невероятно,

но люди исцелились, благодаря чудодейственным силам источника), присущей легенде, на модальность вероятности (целебность источника подтверждается выздоровлением множества людей от различных недугов), которая характерна преданию.

Итак, бурятские легенды и предания объединяет выполнение информативной функции; легендам же, кроме информативной, присуща дидактическая и перформативная функция, которая является одним из жанроопределяющих признаков. Функциональное назначение данных повествований обеспечивается через коммуникативный акт, в который вовлекается рассказчик и аудитория слушателей.

Список литературы

1. Аникин В. П. Теория фольклора : курс лекций. 2-е изд., доп. М. : КДУ, 2004. 432 с.
2. Борискино озеро // Байкальские легенды и предания. Фольклорные записки, предисл., коммент. Л. Е. Элиасова. 2-е доп. и перераб. изд. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1984. 256 с.
3. Голованов И. А. Константы фольклорного сознания в устной народной прозе Урала (XX–XXI вв.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 25 с.
4. Криничная Н. А. О жанровой специфике русской народной исторической прозы и проблемах её изучения // Русская народная историческая проза: вопросы генезиса и структуры. Л. : Наука, 1987. 227 с.
5. Липатова А. П. Местные легенды: механизмы текстообразования : дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2008. 280 с.
6. Мочи. (Записано от Н. Ц. Балдановой, 1954 г. р., жителя с. Цагатуй Джидинского района Республики Бурятия, 2000. Архив Л. Ц. Малзуровой).
7. Померанцева Э. В. Соотношение эстетической и информационной функции в разных жанрах устной прозы // Проблемы фольклора. М. : Наука, 1975. 229 с.
8. Померанцева Э. В. Устная сказочная проза. Рассказы о мифических существах и их жанровые особенности // Русская устная проза. М. : Просвещение, 1985. 381 с.
9. Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. In: *memoria* Б. Н. Путилов; Рос. акад. наук. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). СПб. : Петерб. Востоковедение, 2003. 457 с.
10. Тулохонов М. И. Бурятские исторические предания // Поэтика жанров бурятского фольклора. Улан-Удэ, 1982. 109 с.
11. Чистов К. В. Прозаические жанры в системе фольклора // Прозаические жанры в системе фольклора народов СССР. Минск, 1974. 223 с.
12. Чистов К. В. К вопросу о принципах классификации жанров устной народной прозы // Чистов К. В. Фольклор. Текст. Традиция : сб. ст. М. : ОГИ, 2005. 272 с.
13. Чистов К. В. Поэтика славянского фольклорного текста. Коммуникативный аспект // Чистов К. В. Фольклор. Текст. Традиция : сб. ст. М. : ОГИ, 2005. 272 с.
14. Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М. : Наука, 1967. 341 с.
15. Шумак – источник жизни / сост. : Л. Т. Санданова. Улан-Удэ, 1999. 45 с.

Статья поступила в редакцию 22 октября 2011 г.

УДК 294.3
ББК 86.35 + 60.54(55Тайвань)

О. С. Ринчинов

*кандидат физико-математических наук,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения
Российской академии наук (г. Улан-Удэ, Россия),
e-mail: o.rinchin@gmail.com*

Буддизм на Тайване: предпосылки модернизации и её основные результаты

Тайвань (Китайская республика) является одним из наиболее высокоразвитых государств Азии, добившихся несомненных успехов как в экономической и культурной, так и социально-политической сферах. Интересно, что специфика его модернизации заключается в усилении религиозного фактора в общественной жизни после жёсткого регулирования в отношении религии в период диктатуры Чан Кайши. В статье показано современное состояние буддизма на Тайване, характеризующееся усилением его роли и значения в жизни общества в годы демократизации (с 1980-х гг. по настоящее время). Рассмотрены исторические и доктринальные предпосылки модернизации буддизма на Тайване. Сделан вывод о важности доктрины «гуманистического буддизма» в становлении нынешних буддийских организаций. Анализ специфики деятельности современных религиозных организаций на Тайване осуществлен на примере буддийской ассоциации Фагушань.

Ключевые слова: Тайвань, модернизация, гуманистический буддизм, Фагушань, буддийское образование, благотворительность, социальная инклюзивность, община мирян.

O. S. Rinchinov

*Candidate of Physics and Mathematics,
Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences, (Ulan-Ude, Russia),
e-mail: o.rinchin@gmail.com*

Buddhism in Taiwan: Preconditions for Modernization and Its Main Results

Taiwan (Republic of China) is one of the most highly developed countries in Asia. This country has achieved undoubted success in economic and cultural, as well as social and political fields. The phenomenon of Taiwanese modernization is connected with the strengthening of the religious factor in society after a period of highly regulated religious life under the dictatorship of Chiang Kai-shek. This paper describes the current state of Buddhism in Taiwan with its increasing role and importance in social life during the age of democratization (from the 1980s to present) and discusses the historical and doctrinal background of Buddhist modernization in Taiwan. The author concludes that the doctrine of "humanistic Buddhism" has had a great impact on the formation of contemporary Buddhist schools and analyzes the specificity of modern religious organizations in Taiwan on the example of the Dharma Drum Mountain Buddhist Association.

Keywords: Taiwan, modernization, humanistic Buddhism, Dharma Drum Mountain, Buddhist education, welfare, social inclusiveness, laity.

Модернизация, провозглашаемая основным лейтмотивом развития России и стран постсоветского пространства на ближайшие десятилетия, является многообразным процессом, затрагивающим все сферы функционирования современного общества. Поскольку конечной целью модернизации является создание условий материального и духовного благополучия общества и человека, одной из важнейших в этой связи является задача гармонизации вну-

треннего мира человека и быстро меняющейся социальной среды, что в немалой степени затрагивает и духовно-религиозную сферу.

В этом отношении модернизация часто связывается с секуляризацией общества, в результате которой большинство населения отходит от религии и принимает некоторую секулярную универсалистскую идеологию. Такое явление действительно наблюдается во многих странах мира, прошедших через этот этап общественного развития. Вместе с тем можно наблюдать случаи, ког-

да модернизация, наоборот, ведёт к возрастанию роли религиозной сферы в общественной жизни. Ярким примером этого является Тайвань, который в 1970–1990-е гг. показал беспрецедентный рост религиозного фактора в жизни общества. Более того, религиозные институты в современном тайваньском обществе, сами прошедшие этап глубокого реформирования, являются важным проводником модернизационных ценностей.

Тайвань, несмотря на свой неопределённый политический статус, на сегодняшний день является одной из наиболее развитых стран мира. При населении около 23 млн чел. (50-е место в мире по численности); по объёму экономики он занимает 25-е место в мире, по объёму внешне-торговой деятельности – 17-е, по золотовалютным резервам – 4-е. Тайвань является вторым по объёму производителем в сфере информационных технологий и телекоммуникаций. Тайваньские производители (ODM) обеспечивают более 80 % мирового производства портативных компьютеров, 65 % – интегральных микросхем;

они являются лидерами в сфере производства ЖК-панелей и другой высокотехнологичной продукции [1].

При этом Тайваню удалось создать общество без явных резких социальных противоречий. Коэффициент Джини, характеризующий расслоение общества по располагаемым доходам, имеет текущее значение 33, что является средним для высокоразвитых стран (для сравнения, в Швеции – 23, Германии и Франции – 28, Японии – 38, России – 42, США – 45) [6].

По индексу человеческого развития, вычисляемому правительством Тайваня по методике ООН¹, страна заняла в 2010 г. 18-е место в мире, войдя в группу с «очень высоким человеческим развитием» (Россия в том же году заняла 65 место). Этот индекс учитывает следующие параметры: ожидаемая продолжительность жизни, уровень образования и уровень доходов (ВВП на душу населения) [5]. Показателен сравнительный анализ рейтингов стран по разным индексам, приведённый в таблице.

Таблица

Название индекса	Рейтинг		Всего стран в рейтинге
	Тайвань	Россия	
Индекс процветания Института Легатум	22	63	110
Средняя удовлетворенность жизнью	55	74	110
ВВП на душу населения	20	40	110
Индекс глобальной конкурентоспособности ВЭФ	13	63	139
Индекс экономической свободы Heritage/WSJ	27	143	179
Индекс восприятия коррупции TI	37	146	180
Глобальный индекс миролюбия Vision of Humanity	35	143	149

Вышеприведённые данные экономического и социального развития показывают, что Тайвань, в целом, успешно решил задачи модернизации, создав достаточно гармоничное и процветающее общество. Тем примечательнее то, что фоном для становления этого высокоразвитого общества являлся значительный рост религиозного фактора. Если в 1960-х гг., при правлении авторитарного режима Чан Кайши, тайваньское общество характеризовалось высоким официальным уровнем секулярности, то в настоящее время к приверженцам той или иной религии относит себя большинство тайваньцев. Среди всех религиозных направлений особое место занимает буддизм.

Буддизм является наиболее массовой религиозной деноминацией на Тайване. Согласно правительственным данным 2005 г., 35,1% населения островного государства являлись его при-

верженцами [10, раздел 22 «Религия»]. Особенно интересна динамика развития религиозной ситуации, которая характеризуется значительным ростом буддийской общины в количественном и качественном отношении, наблюдаемым с началом демократизации тайваньского общества в 1970-х гг.: выросло число верующих, количество культовых сооружений, образовательных и культурно-просветительских учреждений, активизировалась издательская деятельность. Позитивное влияние на этот процесс оказала отмена военного положения в 1987 г. и принятие новых, плюралистических норм гражданского регулирования в 1989 г. Количество храмов выросло с 1669 в 1989 г. до 2227 в 2004 г. В том же году

¹ Поскольку Тайвань (Китайская республика) не является государством, признанным ООН, официально этот индекс для него не рассчитывается.

под патронажем буддийских организаций функционировало 6 университетов и колледжей, 5 госпиталей, 13 социальных центров, множество других благотворительных учреждений [7, с. 146].

В немалой степени возросший авторитет буддизма связан с появлением харизматичных духовных лидеров нового поколения и растущей ориентации буддийских организаций на решение социальных и общегуманитарных проблем в русле концепции гуманистического буддизма, активно развиваемой на Тайване [9, с. 4]. Главной притягательной силой буддизма в современном тайваньском обществе является то, что буддийским организациям удалось предложить эффективные решения многих проблем, характерных для трансформирующихся обществ, и построить фундаментальную основу для созидательной деятельности на благо общества.

Переход от традиционного к модернизированному обществу, коренная трансформация социальной среды в ходе этого процесса неизбежно порождает ряд социальных, культурных, этико-психологических проблем, от эффективного решения которых обществом в конечном счете и зависит успех модернизации.

В социально-культурном и этическом аспекте модернизация утверждает примат личностного начала, прав человека, универсального принципа равенства. Конфликт этих новых ценностных ориентаций с ценностями традиционного общества служит источником определённой дисгармонизации общественных отношений и дезориентации человеческой личности в новых условиях.

Задача общественных институтов, призванных формировать ценностную систему общества, среди которых религиозные занимают достаточно важное место, на этапе перехода заключается в том, чтобы адаптировать модернизационные ценности к их более полному восприятию обществом, обеспечить их преемственность по отношению к традиционным. Буддийским организациям на Тайване, опираясь на буддийское учение, удалось достаточно успешно реализовать свой модернизационный проект и найти ответы на широкий ряд самых актуальных проблем общества. Для этого существовал целый ряд предпосылок как исторического, так и доктринального плана.

Буддизм на Тайване имеет непростую историю. Активное проникновение китайской культуры на Тайвань началось во второй половине XVII в., когда на остров устремились жители

материковых приморских провинций Фуцзянь и Гуандун. Переселенцы принесли и свою культуру, важное место в которой играл буддизм. В конце XIX в. Тайвань был аннексирован и стал колонией Японии. В период колонизации (1895–1945 гг.) японские буддийские секты методично распространяли свои учения, строили храмы. Тем не менее китайские материковые школы преуспели в учреждении собственных линий на Тайване. Их пример воодушевлял тайваньские буддийские организации более широко участвовать в издании и распространении религиозной литературы, учреждении школ и предоставлении социальных услуг [8].

В 1949 г. Гоминьдан потерпел поражение в гражданской войне с Коммунистической партией Китая и был вынужден эвакуироваться на Тайвань, перенеся туда политическую систему буржуазной Китайской республики. Вместе с беженцами из материкового Китая на остров прибыло и некоторое число буддийских монахов, в основном из Шанхая, провинций Цзянсу и Фуцзянь.

Под руководством Чан Кайши Гоминьдан представлял из себя партию ленинского типа, чья политическая программа была выстроена на принципах однопартийности и тотального партийного контроля на всех уровнях – от государственного управления до идеологии [2, с. 10]. На Тайване при полном господстве Гоминьдана был установлен режим военного положения, который продолжался почти 40 лет – до 1987 г.

В начальный период религиозная жизнь подвергалась существенным ограничениям и жёстко регулировалась. В 1952 г. были учреждены централизованные организации, которые должны были стать проводниками политики Гоминьдана во всех сферах, включая религиозную. Для буддистов такой монопольной организацией стала Буддийская Ассоциация Республики Китая (БАРК). Одним из сильных инструментов управления стало то, что только БАРК могла легально посвящать в сан новообращенных и лишать сана в случае «отступничества». Активно действовали спецслужбы, ограничивая и пресекая нежелательную активность религиозных деятелей. В религиозных организациях создавались партийные ячейки.

Сам Чан Кайши под влиянием своей супруги Сун Мэйлин исповедовал христианство, принадлежал протестантской методистской церкви; он связывал надежды на модернизацию тайваньского общества с распространением идеологии и социальных практик христианства.

В его правление поддерживалась сеть учреждений образования и здравоохранения христианского толка, различные благотворительные организации. Действие законодательства, жёстко регулирующего религиозную деятельность, не распространялось на христианские деноминации. Несмотря на поддержку правящего режима, эта религия не получила большого распространения на Тайване, его придерживается не более 5 % населения. При этом, на наш взгляд, многие принципы и практики «социальной инклюзивности» христианства в его тайваньской интерпретации во многом были переняты поздними буддийскими организациями.

Начало либерализации государственной политики в отношении буддизма было связано с тем, что в противовес «культурной революции» в КНР, нанесшей непоправимый удар по культурному наследию и религиозным традициям Китая, Гоминьдан в 1967 г. инициировал на Тайване движение «Китайского культурного Ренессанса». Поскольку буддизм в этих условиях стал рассматриваться как часть национального культурного наследия, появились благоприятные условия для появления организаций, развивающих традиционные ценности в русле идеологии гуманистического буддизма, таких как Фогуаншань и Цыцзи. Их главной опорой стала прослойка буддистов-мирян, принадлежащих растущему среднему классу и ранее неохотно сотрудничавших с проправительственной и традиционалистской БАРК. Новые организации, созданные последователями идей видных реформаторов Тайсюя и Иньшуня, отдавали больше места в своей структуре мирянам, поскольку само их существование сильно зависело от лояльности мирской общины. Будучи, с одной стороны, в определённой оппозиции к авторитарной власти и её органу БАРК, а с другой, – придерживаясь курса на «социальную инклюзивность», они постепенно завоевывали всё больший моральный авторитет среди населения. Под эгидой буддийских организаций развивались благотворительные и просветительские программы.

В 1987 г. сын и преемник Чан Кайши президент Цзян Цзинго отменил военное положение. К этому времени тенденция либерализации внутренней политики, наметившаяся еще в 1960-х гг., уже имела необратимую силу. В 1986 г. был положен конец монополии Гоминьдана в политической сфере – была создана оппозиционная Демократическая прогрессивная партия, многие функционеры которой подвергались ре-

прессиям при чанкайшистском режиме. В 1989 г. было принято новое либеральное гражданское законодательство, согласно которому была разрешена свободная регистрация и функционирование религиозных объединений [7, с. 144]. В период после 1989 г. влияние и общественная значимость буддийских организаций неуклонно росла. Главенствующей доктринальной основой стал гуманистический буддизм.

«Гуманистический» характер современного китайского буддизма проистекает из махаянистской доктрины спасения «всех живых существ». Авторами гуманистической концепции в китайском буддизме считаются досточтимый Тайсюй (1890–1947) и его ученик преподобный Иньшунь (1908–2005). Первый, пытаясь в 1920-х гг. реформировать буддизм постимперской эпохи в Китае, по новому осмыслил теологическую доктрину «Чистой Земли», основной в китайской буддийской традиции. Вместо начётничества, мистических обрядово-ритуальных практик, направленных на обретение нового рождения в Западном раю Амиتابхи, он постулировал необходимость «построения Чистой Земли в этом мире», подразумевая под этим усилия верующего по улучшению социальной среды вокруг себя [9, с. 3–4]. Ему приписывается и само происхождение термина «гуманистический буддизм» – 人間佛教 (*rénjiān fójiào*, буквально – «буддизм для людей»).

Тайсюй выработал трехступенчатую стратегию модернизации буддизма в соответствии с этим базовым принципом: 1) создание буддийских центров на строгом следовании правилам винаи для сангхи как основных проводников учения; 2) широкое вовлечение мирян в социальную активность на принципах «пути бодхисатвы»; 3) развитие сети образовательных учреждений для монахов и мирян с целью повышения общего уровня образования и схоластической подготовки.

Его учеником и последователем, принесшим принципы и практики гуманистического буддизма на Тайвань, был преподобный Иньшунь, прибывший на остров в 1952 г. из Гонконга. В первые годы его пребывания на Тайване идеи социального равенства, которые он проповедовал, встретили настороженное внимание чанкайшистов, подозревавших Мастера в пропаганде коммунизма и сотрудничестве с КПК. Подозрительность режима достигла такой остроты, что Иньшунь был даже подвергнут тюремному заключению. Несмотря на репрессивную политику властей в его отношении, его идеи ока-

зали большое влияние на прогрессивную часть буддийской общины острова [9, с. 4]. Позже взгляды и принципы Иньшуня легли в основу нескольких буддийских организаций, включая крупнейшие Фогуаншань и Цыцзи.

Ещё одним учеником досточтимого Тайсюя, утвердившимся на Тайване, был преподобный Дунчу (1908–1977). Он учредил ряд религиозно-образовательных институтов, ставших предтечей другой крупной школы тайваньского буддизма, Фагушань. Таким образом, с точки зрения линий преемственности все современные крупнейшие школы тайваньского буддизма имеют корни в материковом Китае.

Гуманистическая теология активно обсуждает применение буддийских принципов в семейных отношениях, деловой жизни, здравоохранении, отношении к окружающей природной среде и т. д. Развитие гуманистической концепции послужило установлению связей между церковными структурами и мирянами, более глубоких, чем существовавшие ранее, поскольку религиозные практики больше не ограничиваются чтением текстов, ритуалами, медитацией, но включают также благотворительность, поддержание хороших семейных отношений и следование деловой этике. Гуманистический буддизм положительно относится к современным технологиям, науке, секулярному образованию, разделяет идеалы свободы и равенства, выступает за межрелигиозный диалог. Принципы гуманистического буддизма когерентны запросам современного тайваньского общества в духовной, психологической сфере с учётом его возросших материальных ресурсов и высокого образовательного уровня. Буддисты гуманистической традиции выделяют следующие основные характерные черты своего вероучения [12]:

1. Гуманизм: сострадательность и этическая ответственность.

2. Упор на повседневной жизни: отношение к житейской активности как к духовной практике. Применение буддийских принципов в каждом аспекте деятельности.

3. Альтруизм: забота и интерес о каждом человеке.

4. Жизнерадостность.

5. Своевременность: учение Будды имеет вневременную ценность и является для человечества всегда актуальное руководство в жизни.

6. Универсальность: стремление спасти всех существ без исключения.

Современные буддийские организации на Тайване обладают несколькими общими черта-

ми. Они широко развивают структуры для мирян, привлекают значительные финансовые ресурсы, интенсивно используют медийные ресурсы – книги, журналы, видео, веб-сайты. [3, с. 5].

Они поддерживают демифологизированные традиционные китайские этические традиции, например, сыновнюю почтительность, как символические выражения ответа на вызовы современной жизни. Некоторые члены буддийских организаций описывают свою веру как «нерелигиозную», она воспринимается ими как процесс духовного развития, позволяющий осознать, как применять буддийские практики в широком контексте общественного бытия человека.

Ныне на Тайване функционируют «четыре великие» школы китайского буддизма: Фогуаншань, Цыцзи, Чжунтайшань и Фагушань. Все они были созданы духовными преемниками Тайсюя и его учеников – Иншуня и Дунчу, во многом на сходных доктринальных и организационных принципах. К настоящему времени они сложились в своеобразные религиозные корпорации, консолидирующие вокруг относительно немногочисленного монашества мощные трансконтинентальные общины мирян. Их базовые приходы разделены по географическому принципу: юг, восток, центр и север острова соответственно. Буддийские организации существуют за счёт частных и корпоративных пожертвований, обширной издательской и образовательной деятельности, литургической и ритуальной активности.

Буддийская ассоциация Фагушань (法鼓山, досл. перевод «Гора барабана дхармы»), далее – ФГШ) является ярким образцом буддийской модернизации на Тайване. Её штаб-квартира, представляющая собой грандиозный монастырско-образовательный комплекс, открытый в 2005 г., располагается в одноимённом горном массиве в окрестностях города Цзиншань, в 50 км к северо-востоку от метрополии Тайбэй.

Основателем ФГШ в 1989 г. явился преподобный Шэньянь (1930–2009), преемник двух основных линий передачи (школ) чань-буддизма, цаодун и линьцзи. Благодаря усилиям Мастера, активной миссионерской деятельности и литературному творчеству, созданная им организация стала заметным явлением не только религиозной, но и социально-политической и культурной жизни островного государства. ФГШ имеет отделения во всех крупных городах Тайваня, международные штаб-квартиры располагаются в США, Канаде, Австралии, Сингапуре, Малайзии, Таиланде. Общество активно

содействует налаживанию межкитайского диалога по обеим сторонам Тайваньского пролива, реализует крупные социальные программы, исходя из своего основополагающего принципа «защиты духовной среды».

Организационно ФГШ является преемником нескольких организаций, созданных на Тайване учителем преподобного Шэньяня, досточтимым Дунчу (1908–1977): в культурно-просветительском аспекте – Китайского института буддийской культуры (СНВС, основан в 1955 г.); в религиозном – монастыря Нунчань (основан в 1975 г.), изначально располагавшихся с Тайбэе и его пригороде Бэйтоу. Дочерним научно-образовательным учреждением по отношению к СНВС, а затем обществу Фагушань являлся Китайский институт буддологических исследований (СНВС, основан в 1985 г.), известный своей деятельностью по созданию буддологических электронных ресурсов.

Главными этическими принципами ФГШ провозглашено: 1) возвышение гуманности и построение Чистой земли на Земле; 2) отдача себя на пользу всех; 3) возвращение к изначальному замыслу Будды и работа над очищением мира; 4) продвижение всестороннего образования и расширение любящей заботы для всех.

Основополагающим в деятельности ФГШ является принцип «защиты духовной среды», который включает в себя четыре направления деятельности: 1) «защита духовной среды» – религиозные практики, направленные на очищение и концентрацию ума; 2) «защита социальной среды» – воспитание межличностной гармонии; 3) «защита окружающей среды» – поощрение самодостаточного и простого, естественного образа жизни; 4) «защита природной среды» – предотвращения загрязнения и разрушения природной среды обитания.

В рамках этих направлений ФГШ организует религиозные мероприятия, в которых наряду с монашеской общиной принимают участие и миряне: медитационные ретриты, чтения канонических текстов, паломничества. Организация проводит разнообразные образовательные курсы, ранжированные по возрасту слушателей, длительности, тематике. Например, она организывает летние экологические лагеря для подростков и юношества. Специализированное подразделение занято выпуском печатной и аудиовизуальной продукции, тематика варьируется от духовной самопомощи до повседневных буддийских практик. Большими тиражами издаются сочинения Мастера Шэньяня, включающие более 100 книг.

Среди благотворительных проектов необходимо упомянуть помощь жертвам природных катастроф (землетрясения на Тайване 1999 г., большого азиатского цунами 2004 г., землетрясения в Японии 2011 г. и т. д.): службы психологической поддержки, разнообразные социальные программы для них, включая гранты детям из пострадавших семей на завершение образования. Традиционной является программа зимней помощи малообеспеченным семьям, которая была начата преп. Дунчу ещё в 1950-е гг.: в её рамках предоставляется топливо, продукты, теплая одежда.

Развитию академического образования и исследовательской деятельности в сфере буддологии ФГШ прилагает, пожалуй, наибольшие усилия среди всех остальных буддийских организаций Тайваня. Эту традицию заложил ещё преподобный Дунчу, который начал издавать буддологический журнал «Человечность» (*Rensheng*, 人生) и учредил СНВС.

В 1990 г. ФГШ организовало первую на Тайване международную буддологическую конференцию, ныне ставшую традиционной. Она проводится раз в 4 года и стала с той поры авторитетным научным форумом.

В 2007 г., в соответствии с принятыми в 2006 г. новыми законодательными актами, Министерство образования Тайваня осуществило государственную аккредитацию СНВС, который был преобразован в Буддийский колледж «Барабан дхармы» (法鼓佛教學院, далее – DDBC от *англ.* Dharma Drum Buddhist College) – первое на Тайване буддийское образовательное учреждение, дающее высшее духовное и светское образование в полном соответствии с государственными образовательными стандартами [15]. Помимо непосредственно организации учебных занятий DDBC прилагает значительные усилия для информационного обеспечения образовательного процесса, культурно-просветительской деятельности как в своих стенах, так и в интересах монашеской общины ФГШ и тайваньского общества в целом.

В настоящее время библиотека DDBC позиционируется как одно из крупнейших в мире собраний источников для изучения буддизма. По состоянию на начало 2011 г. фонды библиотеки насчитывают 70 тыс. книг, в том числе более 50 собраний буддийских канонических сочинений на китайском, тибетском, маньчжурском, санскрите, пали, японском, английском, тайском, бирманском, кхмерском, дайском

и т. д.; ведётся подписка на 550 периодических изданий буддологического и смежных направлений [4].

Большое внимание ФГШ уделяет развитию буддийского экуменического движения. Ещё в 1997 г. преподобный Шэньян и Его Святейшество Далай-лама XIV провели публичный диспут в Нью-Йорке, обсудив историю китайского и тибетского буддизма, их доктринальную специфику и место в жизни общества. ФГШ организовывает специальные образовательные курсы для тибетских студентов-монахов, усиленно занимается оцифровкой канонических произведений на тибетском языке, созданием других электронных ресурсов. Например, известный американский тибетолог Джеффри Хопкинс передал в DDBC для обработки и представления мировому сообществу свой тибетский мультимедийный архив. Этот архив располагает устными комментариями Далай-ламы XIV и 24 других известных лам старшего поколения, получивших образование в Тибете в 1940–50-х гг., по буддийской философии, истории Тибета, медицине и т. д. [14].

Таким образом, в процессе глубоких социально-экономических и политических трансформаций на Тайване буддийским организациям островного государства удалось преумножить свое значение в современном обществе. Это было достигнуто за счёт глубоких реформ доктринальной и организационной основы, осуществления действенного поворота к поиску ответов на самые острые проблемы общества и человека в быстро меняющемся мире. Залогом дальнейшего процветания буддизма на Тайване является надежный фундамент в виде мощной образовательной системы, направленной на обучение и воспитание как монахов, так и мирян. Авторитет буддизма в тайваньском обществе зиждется на высоком моральном статусе монашества, его высокой образовательной и гуманитарной подготовке. Ещё одной характерной чертой буддийских школ Тайваня является их нацеленность на активное сотрудничество с академическим сообществом, что позволяет религиозным организациям осуществлять критический анализ своей деятельности, более активно и глубоко реагировать на запросы общества.

Список литературы

1. Economy // Taiwan Yearbook 2010. Taipei: 2010. P. 104.
2. Kuo, Cheng-tian. Religion and Democracy in Taiwan. NY: State University of New York, 2008. 164 p.
3. Laliberté, André. The politics of Buddhist Organizations in Taiwan: 1989–2003. Safeguarding the faith, building a pure land, helping the poor. London and New York, Routledge Curzon, 2004. 178 p.
4. Library and Information Center / Dharma Drum Buddhist College [Online]. URL : <http://www.ddbc.edu.tw/en/library/>.
5. List of countries by Human Development Index / From Wikipedia, the free encyclopedia. [Online]. URL : http://en.wikipedia.org/wiki/List_of_countries_by_Human_Development_Index.
6. List of countries by income equality / From Wikipedia, the free encyclopedia [Online]. URL : http://en.wikipedia.org/wiki/List_of_countries_by_income_equality.
7. Lu, Yunfeng. Deregulation and religious market in Taiwan: a research note / Yunfeng Lu, Byron Johnson, Rodney Stark // The Sociological quarterly, 49 (2008). P. 139–153.
8. Major religions // Taiwan Government entry point. [Online]. URL : <http://www.taiwan.gov.tw/ct.asp?xItem=27563&ctNode=1925&mp=1001>.
9. Schak, David. Taiwan's Socially Engaged Buddhist Groups / David Schak and Hsin-Huang Michael Hsiao // China perspectives [Online], 59 | may – june 2005, Online since 01 June 2008. URL : <http://chinaperspectives.revues.org/2803>.
10. Taiwan Yearbook 2006. Taipei : The Government Information Office, 2006. 576 p.
11. The 2010 Legatum Prosperity Index – Russia / The Legatum Institute. URL : <http://www.prosperity.com/country.aspx?id=RS> свободный. Загл. с экрана.
12. The 2010 Legatum Prosperity Index – Taiwan / The Legatum Institute. URL : <http://www.prosperity.com/country.aspx?id=TW> свободный. Загл. с экрана.
13. The Fundamental Concepts of Humanistic Buddhism / by Ven. Master Hsing Yun. URL : <http://www.blia.org/english/publications/booklet/pages/15.htm>.
14. The Hopkins Tibetan Treasures Research Archive Website. [Online]. URL : <http://haa.chibs.edu.tw/info.php>.
15. United States Bureau of Democracy, Human Rights and Labor. Republic of China: International Religious Freedom Report 2007.

Статья поступила в редакцию 15 ноября 2011 г.

УДК 391/393 (571.54)
ББК 63.5 (2P54)

А. С. Суворова
аспирант, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук
(г. Улан-Удэ, Россия), e-mail: aryunasuvorova@mail.ru

Представления о душе в погребальной обрядности бурят

Анализ литературных материалов и полевых данных позволяет утверждать, что погребальная обрядность бурят-буддистов сформировалась на основе традиционного мировоззрения и буддийской практики. В представлениях бурят-буддистов о душе, жизненной силе, судьбе души после смерти выделяется несколько пластов, они далеко неоднородны и включают в себя различные по времени возникновения религиозные элементы шаманизма и буддизма. Исходя из веры бурят-буддистов о перерождении души в одном из шести миров Сансары, весь цикл погребальных обрядов у них направлен на накопление благодеяний для улучшения кармы умершего, от которой зависит будущее место перерождения его души. Вместе с тем у бурят существует представление об отрицательном влиянии со стороны усопшего на оставшихся в живых родственников. Поэтому в погребальной обрядности буряты соблюдают предохранительные обряды, верят в различные приметы и поверья.

Ключевые слова: душа, загробная жизнь, погребальные обряды, буряты-буддисты, перерождение, благодеяние, приметы.

A. S. Suvorova
graduate student, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian
Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia),
e-mail: aryunasuvorova@mail.ru

Representations of the Soul in Buryat Funeral Rituals

The analysis of literary materials and field data suggests that funeral ceremonialism of Buryat Buddhists was generated on the basis of the traditional outlook and Buddhist practice. In the representations of Buryat Buddhists about the soul, vital force, the fate of the soul after death there are several layers that are far from being homogeneous; they include different religious elements of Shamanism and Buddhism. Concerning the belief of Buryat Buddhists in the rebirth of the soul of the dead in one of the six realms of Sansara, the whole cycle of funeral ceremonies is performed to accumulate good deeds for improving the karma of the deceased on which the future place of the regeneration of his soul depends. At the same time, Buryats believe that there exist negative effects of the deceased on the surviving relatives. Therefore, in funeral rituals Buryats observe protective ceremonies and believe in various signs and marks.

Keywords: soul, afterlife, funeral ceremonies, Buryat Buddhists, reincarnation, good deeds, distinctive marks (signs).

Данная статья посвящается рассмотрению комплекса религиозно-мифологических воззрений бурят-буддистов о душе, её судьбе после смерти, которые лежат в основе погребального обряда этноса. Несмотря на солидную разработанность в этнографической литературе представлений бурят о душе [1; 12; 9; 5; 6; 16], думается, что можно ввести в научный оборот новые данные, собранные во время экспедиционной полевой работы в 2010–2011 гг. преимущественно в Кижингинском районе Республики Бурятия (РБ) у кижингинских бурят, дополненные некоторыми полевыми сведениями бурят Джидинского района РБ.

В Кижингинском районе проживают две большие группы бурят: хори-буряты и выходцы из Кабанского района РБ, которых местное население называет *хударинцами*. Часть кабанских бурят, начиная с 1808 г., стала переселяться в пределы Кижингинского района, массовое переселение состоялось после провала Саганской степи в Байкале в 1881 г. В 1887–1888 гг. более двадцати семей переселились в с. Чесан, через некоторое время мигранты основали село Загустай [2, с. 7]. Приведённые материалы переселенцев интересны тем, что они выявляют

пережитки традиционного мировоззрения шаманистов в этнической группе, большая часть которых исповедует буддизм.

Погребальный обряд позволяет реконструировать мировоззренческие представления. По мнению К. М. Герасимовой, характер похоронного комплекса зависит от степени сохранности веры в существование души и её загробной жизни, веры в реальное бытие сверхъестественных существ. Буддийский похоронный обряд она рассматривает как сложнейшую систему колдовских действий, связанных с одновременными представлениями о душе, жизни, смерти, загробном мире [4, с. 112–122].

По традиционным представлениям бурят, с жизнью человека связаны такие категории, как жизненная сила (*сулдэ*), душа-дыхание (*амин*), душа-тень (*хунэһэн*). Когда наступает смерть, человек в первую очередь теряет *сулдэ*, затем дыхание (*амин*) и наконец, от тела отделяется душа (*хунэһэн*). И. Подгорбунский определяет *хунэһэн* следующим образом: «Сунэсун похожа на бэйе (тело), причём она также материальна, как бэйе, но материя её очень тонка, её не видно, она не оставляет следа на пепле, не шуршит листьями, когда ходит по лесу» [12, с. 19].

Г. Р. Галданова считает, что на основе понятий *сулдэ*, *амин*, *хунэһэн* возникло представление о наличии у человека трёх видов души: хорошей, средней, плохой. После смерти *сулдэ* становится гением-хранителем семьи и рода, именно *сулдэ* является хорошей душой, так как она участвует в кругообороте жизнь – смерть – жизнь. *Сулдэ* человека или любого другого существа после окончания жизни «возвращается» в ту природу, откуда оно пришло, от её наличия зависит рождение человека и животных. Категории *амин* и *хунэһэн* навсегда остаются связанными с миром умерших: плохая душа остаётся сторожить кости, средняя отправляется в мир ушедших, становится *бохолдоем* [3, с. 43].

В погребальном обряде буддистов, очевидно, сохраняется трансформированное представление о средней и хорошей душе *хунэһэн* и *сулдэ*. Исчезновение *сулдэ*, как полагали, не вызывает смерти человека сразу же. Без *сулдэ* человек может прожить ещё достаточно долго, но его жизнь осуществляется не в полном смысле этого слова. Для того чтобы вернуть *сулдэ*, по словам информантов, нужно произвести обряд воздвижения коня-ветра (*хиш мори хиидхэхэ*).

По словам информантов Джидинского района, у человека существуют три души. Первая после смерти остаётся с телом, всё время на-

ходится возле тела. Вторая душа является главной, перерождающейся. Третья душа становится духом-ветром (*хиш*), смотрит за своими родственниками [ПМА, Ц.-Е. С. Улзытуева].

В. П. Дьяконова считает, что представления тувинцев-буддистов о наличии у человека нескольких душ несут в себе добуддийские воззрения, прежде всего представление о выходе особой души через нос во время сна человека. Она предполагает, что местоположение особой души в носу человека вызвано отождествлением её с дыханием (*тын*) [7, с. 91]. Близкие данному наблюдению материалы выявляются у бурят. У кижингинских бурят существует поверье, что человека нельзя будить резко, потому что его душа может выскочить из тела, обычно через нос и блуждать по лицу человека, пытаясь войти обратно. При этом нос она воспринимает как огромную гору.

Похороны на бурятском языке обозначают словом «*буян*», что переводится как «благоденствие». Действительно, весь цикл погребальных обрядов бурят-буддистов направлен на накопление добродетели умершего с целью улучшения его кармы. По их убеждению, смерти не нужно бояться, так как смерть является ключевым моментом, дающим возможность очистить сознание человека от неблагодатной кармы и реализовать его положительные потенциалы. Информанты верят, что душа усопшего может переродиться в одном из шести миров Сансары (*Сансарын хурдэ*), поэтому основная цель погребальных обрядов состоит в направлении сознания усопшего человека на благое перерождение.

Поминальная трапеза способствует улучшению кармы усопшего. В 1930-е гг. на похоронах буряты угощали детей и кормили собак с целью накопления добродетели умершего [ПМА, Г. Д. Бадмаева]. В настоящее время на поминальный стол ставят разные блюда, в т. ч. и мясные: тефтели, колбасные изделия и т. д., это уже вошло в обычай. В то же время информанты считают нежелательным употребление мясной еды на поминальной трапезе. Особенно когда ради этого забивается животное, которое впоследствии используется в пище. Известно, что буддизм осуждает убийство живых существ. Считается, что всякий раз, когда покойному в жертву приносится животное, умершим, не способным избежать последствий кармы, овладевает страх. Он умоляет живых не делать этого, но те его не слышат. Это может вызвать у него приступ гнева, в то время как он всячески должен

избегать проявления этого чувства. В мире Бардо гнев подобен тяжкой ноше, которая увлечет покойника в низшие миры ада [17, с. 111].

После поминальной трапезы гостям раздают подарки в виде чая, платков, денег, достоинство которых зависит от благосостояния семьи (10, 50, 100 руб.), с просьбой упоминать усопшего в своих молитвах для лучшего перерождения.

В погребальной обрядности хударинцев с. Загустай Кижингинского района при наблюдающейся в целом общности с основной массой населения имеются некоторые особенности. Например, покойнику в гроб кладут сигареты, спички, украшения и т. д. Следующий после погребения день называется «днём печени» (*эльһэнээ удэр*). В этот день в доме усопшего для друзей и знакомых проводят поминальную трапезу – угощение бараньей печенью. Сотрапезники молятся Богу, просят для умершего хорошего перерождения. На девятый день после погребения, родственники накрывают на стол любимую пищу усопшего. По пояснению информантов, на девятый день душа усопшего обязательно возвращается домой проведать своих родственников [ПМА, В. П. Хушинов].

Как видим, в данном случае, с одной стороны, проявляются элементы добуддийских представлений (забивается животное для провода поминальной трапезы), а с другой – они верят в перерождение души, что соответствует буддийской традиции.

Мы располагаем свидетельством о погребальных обрядах хударинцев, имевших место в 1930-х гг. с. Загустай. Информант пересказал запомнившиеся ему воспоминания своей бабушки. Хударинцы, возвращаясь с кладбища домой, привязывали к тележке бревно или полено, чтобы прочертить на земле дорожку, по которой душа умершего могла бы вернуться домой, погостить, поесть и уйти обратно. А до этого на кладбище родственники говорили захороненному: «Приходи домой, захаживай» (*гэртээ ерээрээ, ерэжэ байгаарай*) [ПМА, М. Н. Бархалеев].

Аналогичную историю в 2011 г. привёл информант из Джидинского района. В с. Верхний Торей жила семья Шоболовых, выходцы из Предбайкалья, так называемые западные буряты. В 1954 г. в семье произошло горе, умер муж. Перед погребением его жена сказала покойнику, чтобы через семь дней он вернулся домой, она будет ждать. В указанный день она приготовила еду, накрыла на стол и ждала. Затем она рассказывала соседям, что почувствовала его присутствие [ПМА, Б. Ч. Дамбаев].

Некоторые буряты, особенно со слабым здоровьем, стараются не посещать похороны, опасаясь неблагоприятного воздействия. Как у шаманистов, так и у буддистов существует представление о том, что душа покойника может унести счастье из дома, из семьи. Исходя из этого, в их погребальной обрядности существуют предохранительные обряды. С идеями защиты живых от возможного отрицательного влияния со стороны усопшего связаны различные приметы и поверья. Плохая примета, когда человек умирает с открытым ртом или глазами – это сулит несчастье оставшимся родственникам. Я. С. Смолев писал: «Буряты очень боятся, если у покойника остались открытые глаза и рот, это означает, что пасть смерти не закрыта» [14, с. 134]. В таких случаях у буддистов рот заклеивали листком бумаги с нарисованной крестообразной ваджрой, глаза зашивали нитками. Предбайкальские буряты считают, что если у покойника глаза останутся открытыми, значит к чьей-либо смерти, если рот остается открытым – к падежу скота [15, с. 41].

Предохранительный характер носит обряд *даллага абаха*, совершаемый перед погребением, когда близкие родственники три раза обходят тело усопшего по солнцу (*нара зуб*) с белой пищей и хадаками в руках, восклицая «*ахрай, ахрай*». Он совершается для того, чтобы счастье и достаток не ушли из дома вместе с усопшим и чтобы уходящий в иной мир никого не забрал с собой [ПМА, С. О. Доржитаров].

Информанты подчёркивают, что люди, выезжающие на кладбище, обязательно должны ехать впереди машины с гробом. В то время как, например, у христиан погребальная процессия движется в другом порядке. Особый порядок движения кортежа у бурят определён представлением о том, что, пропуская вперед покойника, «можно последовать за ним». На обратном пути с кладбища домой едут быстро, не оглядываясь назад, «если же кто оглядывался, того, по мнению бурят, покойник возьмёт с собою, т. е. верили, что такой человек скоро умрёт» [15, с. 224].

По возвращении с кладбища участники погребального обряда в обязательном порядке проходят обряд ритуального очищения: умывают руки святой водой – аршаном, очищаются окуриванием благовония (*санзай*). Судя по всему, все эти ритуальные действия были направлены на устранение возможных негативных последствий из-за контакта с умершим. Использование освящённой воды в данном обряде, вероятно, связано с тем, что она как переходная субстанция

способствует успокоению, снятию печали и очищению. Культурное значение воды, дающей забвение (успокоение), в народном сознании связано с представлением об излечении от всех бед и несчастий. Вода смывает прошлое, даёт забвение, излечивает от тоски и горя, от испуга и болезни, даёт красоту и здоровье [8, с. 199].

Буряты-буддисты обращают большое внимание на день недели, в который умер человек, так как, по их поверью, если человек умер в пятницу – это хорошая примета для оставшихся в живых родственников. Если человек умер в субботу или воскресенье, т. е. в нехороший день смерти, то существует опасность, что умерший может унести за собой живых [ПМА, П. Н. Содномов].

Душу живого человека, которую усопший может унести за собой, буряты обозначают словом «*дахуул*», буквальный перевод этого слова означает «идти следом» (*дахаха*). Помимо дня недели, *дахуул* зависит от возраста и причин смерти человека. Возможно, *дахуулы* воспринимались бурятами несколько иначе. Согласно Н. Н. Агапитову и М. Н. Хангалову, *дахуулами* называют души умерших людей: бедных мужчин, девиц и молодых замужних женщин, которые вредят детям, причиняя им нездоровье и иногда смерть. В каждом улусе существовал свой *дахуул*, составляющий некоторым образом принадлежность естественного рода, улуса, а не семьи [1, с. 65].

В случае обнаружения у умершего *дахуулов* лама проводит специальный обряд «исправления» (*захал*) и делает фигурки животных из муки (*дурсэ*) в таком количестве, сколько выявлено *дахуулов*, их одевают, лама читает над ними определённые молитвы и после обряда выносит их из дома.

По рассказам информантов, в марте 2011 г. в с. Могсохон Кижингинского района РБ окончил жизнь самоубийством юноша 15–16 лет. Он умер в воскресенье, т. е. в плохой день смерти и ламы обнаружили у него 9 *дахуулов*. Спустя месяц после его смерти в том же селе умер ещё один юноша таким же способом, несмотря на то, что погребальные обряды для обоих были проведены в соответствии со всеми ритуальными правилами. Через некоторое время в селе начали происходить странные явления. Летом 2011 г. ещё один юноша пытался свести счёты с жизнью самоубийством. К счастью, его сестра вовремя оказалась дома и успела вытащить брата из петли и спасти ему жизнь. Рассказывают, что в какой-то момент после спасения брата ей привиделся образ черной женщины (*хара*

хамган), которая будто бы крикнула ей: «Зачем ты это сделала, зачем ты его спасла? Он был уже почти наш». По мнению информантов, обычный человек может увидеть духа или призрака только в том случае, если его душа ослабевает и находится в состоянии шока или сильного испуга.

После этого случая многим людям, в основном молодого возраста, начали сниться кошмары, они стали бояться вечером ходить по улицам. У старшеклассников, по словам информантов, начались видения, одни видели черную женщину, другие оборотня – существо с головой волка, одетого в бурятскую шубу (*дэгэл*). Жители села попросили лам Кижингинского дацана отслужить специальный молебен. Посчитав это недостаточным, пригласили Ринпоче–багша, который вместе с кижингинскими и тибетскими ламами-жодчи провел молебен «*Жэнсэрэг*» для подавления злых духов, окруживших село [ПМА, Л. Н. Данзанова, Г. Д. Дамдинжапова]. Узнав о прибытии высокого гостя, в село Могсохон приехали миряне со всего Кижингинского района.

Многие жители с. Могсохон и информанты из других сел Кижингинского района верят, что видения молодых людей не вымысел и не галлюцинации, а реальность. Интересны варианты интерпретации данного явления. Одни предполагают, что первый настоятель Чесанского дацана, живший в первой половине XIX в. забирает себе молодых и здоровых парней для строительства дацана в ином мире [ПМА, Л. Б. Цымженова].

Жительница с. Загустай рассказала о мнении одного ламы о том, что причиной смерти молодых людей является совершение очень распространенного среди современных бурят шаманского обряда «*Угай тахиха*». Якобы во время этого обряда духи предков пробуждаются и забирают их к себе [ПМА, Ц. Ж. Жамьянова]. В этом варианте интерпретации можно усмотреть соперничество буддизма с шаманизмом.

Третий вариант причин череды самоубийств информанты видят в карме села. По их представлению, существует не только отдельная человеческая, индивидуальная карма, но и коллективная карма. По мнению некоторых местных жителей, могсохонцы чем-то сильно не угодили хозяину местности. Буряты-буддисты считают, что те злые духи, которые являлись молодым людям, были когда-то обычными людьми, но после смерти они по какой-то причине не переродились. Если душа усопшего не находит своего перерождения она год за годом становится всё злее, превращаясь в злого духа.

Вера в перерождение души обнаруживается в обычае бурят иногда ставить метку из сажи на теле умершего для того, чтобы в будущем выявить переродившегося человека, в случае рождения ребенка с таким же пятном. Метка ставится на теле покойного сразу после смерти. При этом верят, если умерший переродится в девочку, то метка будет спереди и на нижней части тела, на ноге или колени. У мальчиков отметка выходит на спине и верхней части тела, там, где ее ставят [ПМА, Ц.-Е. С. Улзытуева].

Обычай ставить на теле метку был зафиксирован и у бурят-шаманистов [6, с. 119]. По воззрениям бурят-шаманистов, душа умершего может переродиться только в каком-нибудь родственнике. В этом можно усмотреть реликт культа предков, родовой общности, семейно-родовых связей. Как видно, по представлениям бурят-шаманистов, у буддистов душа перерождается в зависимости от накопленной ею кармы, не только у родственников и соплеменников.

По мнению К. М. Герасимовой, теоретики-буддисты изменили основные социальные культуры традиционных верований, подчинили их функции своему влиянию, нацелившись на комплекс похоронных и поминальных обрядов, потому что он непосредственно связан с культом

предков, который в свою очередь был обусловлен идейными устоями родового общественного уклада. Если по буддийским понятиям ребёнок может появиться в любой семье, он не является порождением данного отца и матери. Тем самым аннулируется анимистическая основа генеалогического единства родовых поколений, т. е. девальвируются идейные устои родового общественного уклада [5, с. 138]. Справедливо замечание Н. Л. Жуковской о том, что типологическое сходство отдельных представлений шаманства и буддизма содействовало выработке синкретических шаманско-буддийских форм культа, сближая обе эти религиозные системы [9, с. 171].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что комплекс представлений бурят-буддистов о душе, загробной жизни представляет собой сложный синтез шаманистского и буддийского мировоззрения. Исходя из этих воззрений, похоронно-поминальная обрядность бурят-буддистов включает в себя составляющие стороны: стремление оградить живых от возможного негативного влияния со стороны умершего и улучшение кармы души покойного с тем, чтобы она нашла благополучное перерождение.

Список литературы

1. Агапитов Н. Н., Хангалов М. Н. Шаманство у бурят Иркутской губернии // ИВСОРГО. 1883. 169 с.
2. Балдандоржийн П. Край наш Кижингинский / Д. Г. Баяртуев, Г. С. Сангадиев. Кижинга, 1995. 31 с.
3. Галданова Г. Р. Доламаистские верования бурят. Новосибирск : Наука, 1987. 106 с.
4. Герасимова К. М. Ламаистский похоронный обряд в Бурятии // Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей. Становление новых обычаев, обрядов и традиций у народов Сибири. Улан-Удэ, 1969. Вып. 2. С. 112–122.
5. Герасимова К. М. Обряды защиты жизни в буддизме Центральной Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. 138 с.
6. Гырgeeва К. А. Представления бурят-шаманистов о смерти и загробной жизни // Исследования молодых ученых: межвузовский сб. Улан-Удэ: Изд. полиграфич. комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2009. Вып. 12. С. 109–124.
7. Дьяконова В. П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л. : Наука, 1975. 163 с.
8. Еремина В. И. Историко-этнографические истоки мотива «вода-горе» // Фольклор и этнография у этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Л., 1984. С. 195–204.
9. Ешеев Р. Буддийский религиозный обряд // Угай зам. 2005. февраль (№ 12).
10. Жуковская Н. Л. Ламаизм и ранние формы религии. М. : Наука, 1977. 199 с.
11. Подгорбунский И. Идеи бурят-шаманистов о душе, смерти, загробной жизни и загробном мире // ИВСОРГО. 1891. Т. 25, № 1. С. 18–33.
12. Смолев Я. С. Три табангутских рода селенгинских бурят: Этнографический очерк // Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела императорского Русского географического общества. 1898. Т. 1, Вып. 3. С. 79 – 136.
13. Хангалов М. Н. Собрание соч. : в 3т. Улан-Удэ : Республиканская тип., 2004. Т. 3. 312 с.
14. Цыденова Д. Ц. Представления агинских бурят о жизни и смерти (конец XIX – начало XXI в.). Новосибирск, 2009. 194 с.
15. Юнг К.-Г. Тибетская книга мертвых. М. : Двойная звезда, 1995. 224 с.

Статья поступила в редакцию 12 декабря 2011 г.

УДК 811.512.31
ББК 82.64.2

Д. Ш. Харанутова
кандидат филологических наук, доцент,
Бурятский государственный университет (г. Улан-Удэ, Россия),
e-mail: dkharanutova@mail.ru

Внутренняя форма слова как источник национально-культурной информации (на материале бурятского языка)¹

В статье на примере бурятских производных слов, обозначающих руководящее лицо, исследуется связь содержательной стороны номинаций с их внутренней формой, понимаемой как выраженный мотивировочный признак, лежащий в истоках образования дериватов. В ходе анализа внутренней формы слов данной тематической группы, отражающей характер логико-семантических процессов при деривации, выявляется специфика образования указанных дериватов. В основе их создания лежит образ, обусловленный горизонтальным видением мира, связанный с представлением кочевых народов о руководителе, как о человеке, находящемся впереди и ведущем за собой людей. В работе отмечается, что не во всех анализируемых дериватах данный мотивировочный признак заложен в слове, являющемся вершиной гнезда, но он обязательно формируется у мотивирующего глагола, от которого образуется субстантивированное причастие со значением руководящего лица. Представленное описание деривационных связей слов исследуемой тематической группы позволяет обобщить положение, что мотивировочный признак – не элемент собственно значения слова, а устойчивая ассоциация; следовательно, в основу мотивировочного признака кладутся прототипические образы, означивание которых определяется экстралингвистическими причинами.

Ключевые слова: внутренняя форма слова, деривационные отношения, мотивированность, мотивировочный признак.

D. S. Kharanutova
Candidate of Philology, associate professor,
Buryat State University (Ulan-Ude, Russia),
e-mail: dkharanutova@mail.ru

The Internal Form of the Word as a Source of National and Cultural Information (on the Materials of the Buryat Language)

The article deals with Buryat derivative words designating the supervising person and examines how the content of nominations is connected with their internal form which is understood as a distinct motivational sign which lies in the origins of the formation of derivatives. The analysis of the internal form of the words in this thematic group (that reflects the nature of the logical-semantic processes in derivation) reveals the specificity of the formation of these derivatives. The heart of their creation is the image caused by a horizontal vision of the world connected with nomads' representations about the leader as a person who is ahead of other people and who leads them. The paper notes that not in all analyzed derivatives the given motivational sign is incorporated in the word which is at the top of the entry, but it is necessarily formed in the motivating verb which forms the substantivized participle with the meaning of a supervising person. The presented description of derivational connections of the words in this thematic group suggests that the motivational sign is not the actual meaning of the word element but a stable association, hence, the basis of the motivational sign is formed by prototypical images defined by the extra-linguistic factors.

Keywords: internal word form, derivational relations, motivation, motivational feature.

В рамках теории деривации специфика языкового мышления тесно связана с понятием внутренней формы слова, понимаемой как выраженный мотивировочный признак, лежащий в

истоках образования слова. На основе мотивировочных признаков строятся, как известно, мотивационные отношения слов. Специфичность таких отношений, особенно в области полисемии,

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 10-04-00585 а/Г)

заключается в том, что признаки, на которых они базируются, «не являются ни дифференциальными семантическими признаками слов, ни вообще конструктивными элементами значений. Это не элементы собственно значения слова, а устойчивые ассоциации, связанные с представлением о явлении, которое обозначает слово» [8, с. 193].

Рассмотрим в этом аспекте мотивировочные признаки бурятских лексем со значением руководящего лица, начальника: *түрүүлэгшэ* `председатель`, *хүтэлбэрлэгшэ* `руководитель`, *хүтэлэгшэ* `вождь, вожак`, *ахалагша* `главарь, вожак`, *удамарша* `вожак, атаман`, *ударидагша* `вождь, руководитель, вожак`, *дахуулагша* `главарь, вожак`, *толгойлогшо* `главарь`¹.

Модель образования этих лексем одна: глагол движения → причастие, затем субстантивация причастия. Из вышеперечисленных слов наибольшей частотностью употребления в этой функции выделяется *түрүүлэгшэ* `председатель`² [7, с. 269], служит для обозначения высшего руководства республики, лиц, облечённых государственной властью: *Правительствын Түрүүлэгшэ* `Председатель правительства`, *Арадай Хуралай Түрүүлэгшэ* `Председатель Народного Хурала` и т. д.³

Изначально слово *түрүүлэгшэ*, видимо, имело значение *человек, находящийся впереди войска, предводитель*, о чём свидетельствует деривационная цепочка *түрүү* → *түрүүлхэ* → *түрүүлэгшэ*, отражающая процесс рождения деривата. Исходное слово цепочки *түрүү*: 1. первый, головной, передовой, находится впереди; 2. 1) голова (напр., колонны); 2) глава; 3) изголовье, являющееся вершиной лексико-словообразовательного гнезда, развивает две мотивационные линии. Первая связана с семой *нахождения впереди кого-л. или чего-л.* (пространственное видение); вторая обозначает какой-то временной отрезок «ранее, впервые» (в переносном значении). Первая мотивационная линия имеет продолжение в производном

түрүүлхэ `быть (или приходиться) первым; быть во главе; опережать`, далее образуется причастие *түрүүлэгшэ* (*хүн*), где реализуется тот же мотивировочный признак, заданный вершиной гнезда. При субстантивации дериват *түрүүлэгшэ* вбирает в себя значение «лица», сема «быть первым, быть впереди» актуализируется, расширяется, новое значение (переносное) «человек, ведущий за собой людей, предводитель, руководитель» закрепляется. Мотивировочный признак и значение слова – понятия разноплановые, но лексема *түрүүлэгшэ* иллюстрирует совпадение собственно значения слова с внутренней формой.

Что касается деривата *хүтэлбэрлэгшэ* `руководитель`, мотивированного глаголом *хүтэлхэ* `вести на поводу (напр. лошадь), вести (или водить) за руку; 2. Вести, руководить` и *ударидагша* `вождь, руководитель, лидер`, мотивированного глаголом *ударидаха* `руководить, вести за собой` [7, с. 287], – цепочка преобразования семантики мотивирующего происходит по тому же сценарию, как у слова *түрүүлэгшэ*. Мотивировочный признак в данных дериватах заложен в вершинном слове, что подтверждает метафорический перенос, наблюдаемый в семной цепочке этого слова.

При образовании деривата *дахуулагша* наблюдается несколько иная картина. Слово *дахаха*, возглавляющее цепочку *дахаха* → *дахуулха* → *дахуулагша*, имеет значение `следовать за кем-л., сопутствовать кому-л., сопровождать кого-л.`. Изменение значения наблюдается в его производном *дахуулха* `побуд. 1. Вести за собой, идти во главе, руководить; 2. Брать с собой; 3. Покорять, подчинять`, затем сема *вести кого-то за собой* получает развитие у интересующего нас деривата *дахуулагша* `главарь, вожак` [6, с. 180].

В акте номинации выделяется и актуализируется признак, значимый для языкового сознания бурят, характерный для кочевых народов – «вести за собой мог тот, кто находился впереди». Не во всех анализируемых дериватах этот образ, основанный на горизонтальном видении мира, заложен в слове, являющемся вершиной гнезда, но он обязательно формируется у мотивирующего глагола, от которого образуется субстантивированное причастие со значением руководящего лица. Именно данный мотивировочный признак, развившийся в результате метафорического переноса, выступает в качестве мотива и основания для создания номинации.

На примере слов исследуемой тематической группы мы видим, что мотивировочный признак – не элемент собственно значения слова, а средоточие этимологической памяти слова, «метка» первоначального концептуального осмысления его, хранитель изначального представления о нём [3, с. 247]. Внутренние

¹ Выборка составлена из Русско-бурятского словаря под ред. Л. Д. Шагдарова, Н. А. Очирова // Шагдаров Л. Д., Очиров Н. А. Русско-бурятский словарь. Улан-Удэ: «Буряад үнэн», 2008. 904 с. В данном словаре приводятся указанные толкования, хотя толгойлогшо, дахуулагша, ахалагша функционирует в бурятском языке не только в значении главарь, но и обозначают главу, человека, главного в каком-либо деле, руководителя. Слово «главарь» чаще употребляется для названия лица, правящего в криминальной сфере.

² Далее примеры и толкования слов в данной работе извлечены из Бурятско-русского словаря в 2 т. См.: Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь. Т. 1. А-Н. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2006; Т. 2. О-Я. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2008.

³ Поскольку семантика *түрүүлэгшэ* шире значения «председатель», так как обозначает должности людей, находящихся во главе любого предприятия, указывает на административные функции лица, представляется, что более точным будет толкование «руководитель».

формы вышеприведённых слов переплетены с ассоциацией, связанной с представлением кочевых народов о руководящем человеке, как о человеке, находящемся впереди и ведущем за собой людей. Приводимые в качестве примера компоненты значения слова (семы) подтверждают связь содержательной стороны производных номинаций с внутренней формой слов данной тематической группы.

Необходимо отметить, что бурятское представление о руководстве тесно связано со значением старшинства. Показательно в этом смысле образование деривата *ахалагша* `1. *Апр.* старший, главный; старший; 2. Старший *суц.*; начальник`, – изначально обращённого своей внутренней формой к идее старшинства, заданного вершиной лексико-словообразовательного гнезда *аха* `1. Старший брат; 2. *Прил.* старший`. Бурятский язык находит внутреннее соответствие между понятиями старшинства и руководства, наглядно выраженное в образованном от *аха* глаголе *ахалха* `быть старшим над кем-л., начальствовать`, где значение «начальствовать» развилось на основе первого. В данном лексико-словообразовательном гнезде присутствуют и другие дериваты, где к признаку старшинства добавляется дополнительная сема «руководящий»: ср. *ахалагшад* `собр. начальство; 2. Верховод, главарь; 3. *Ист.* староста`, *ахамад захирагша* `главнокомандующий`, *ахалалга* `руководство, главенство`, *ахадаха* `быть старшим, иметь старшинство (или первенство), начальствовать`.

Представляется, что в этих лексемах также обнаруживается глубинный признак «быть впереди, вести за собой других». Думается, что между внутренней формой данных слов существует ассоциативная связь с пространственным горизонтальным видением, ведь старший мудрее, главнее, он должен быть во главе рода, находиться впереди войска, вести за собой людей. Толкования дериватов подтверждают достоверность данного суждения, например, *ахамад захирагша* `главнокомандующий`, *ахадаха* `быть старшим, иметь старшинство (или первенство)`.

Нетрудно заметить, что образ, лежащий в основе морфологического строения *удамаршан* `вожак, атаман *перен.*; затайщик, застрельщик; 2. Кормчий *перен.*`, – не совпадает с существующим в сознании носителей языка кочевых народов мотивировочным признаком. Образование деривата *удамаршан* связано деривационно и мотивационно с лексемой *удам* `редко корень, происхождение, род; наследственность`, являющегося вершиной гнезда. Лексема *удам* является мотивирующим для глагола *удамдаха* `верховодить`, от которого образуются *удамаршан* `вожак, атаман`, *удамарша* `предводитель, во-

жак`. В данном примере базовая ассоциативная связь, существующая между признаком и предметом, в наибольшей степени его выражающем, взаимодействует (но не отождествляется) с существующими в национальном сознании параллельными ассоциациями. Хранимая в памяти ассоциация «руководить людьми может тот, кто впереди и ведёт за собой людей» позволяет языку найти внутреннее соответствие между понятиями «возглавлять» и «вести за собой». В Кратком толковом словаре бурятского языка даётся толкование *удамарша* как «*туруулэн бэ-шэнээ дахуулжа ябадаг хүн*», т. е. это человек, находящийся впереди остальных, ведущий за собой людей [2, с. 112].

Заметим, толкования бурятских слов, образующих лексико-семантическую группу слов, обозначающих руководящее лицо, даются посредством русских слов с основой *голова* (имеется в виду *глава, главенствовать* и т. д.). В русском языке слово *голова*, кстати, употребляемое в старославянском варианте *глава*, обозначает человека, руководящего той или иной группой людей: *глава страны, глава поселка, глава администрации* и т. д. В речи носителей бурятского языка можно услышать «гулба» или «гулваа» (фонетический вариант заимствованного русского слова *голова*). Что касается мотивировочного признака адаптированного слова, заимствованные слова, как правило, не обладают им, так как не дают полного представления о словообразовательном процессе. Итак, толкования слов исследуемой тематической группы и употребление заимствованного «гулба» или «гулваа» обусловлены влиянием русского языка на бурятский язык.

Необходимо отметить, что образование слова *толгойлогшо* `1. 1) глава (семьи и т. п.); 2) главарь; 2. Возглавляющий, главенствующий` не связано с влиянием русского языка, так как концепт «голова» – один из универсальных концептов «наивной анатомии», представленных в любом языке. Как отмечает Ю. Д. Апресян, голова представляет вершину иерархии органов, так как в ней локализуется мышление, интеллектуальная деятельность человека и, следовательно, именно ей принадлежит ведущая роль в организации поведения человека [1, с. 42–43]. Верховное положение головы в пространстве переосмысливается в разных языках сходным образом (бурятский – не исключение) – этот признак переносится на другие предметы: *сэсэгэй толгой* `цветок`; *хадаһанай толгой* `головка (или шляпка) гвоздя`; *ханьин толгой* `верхние концы решетчатых стенок юрты`; *эрхиин толгой* `самый крупный шарик в чётке`. Безусловно, это «результат антропоцентрического взгляда

на мир, приписывающего топологические свойства человека и частей тела неживым предметам и явлениям» [4, с. 253].

Об этом свидетельствует и семный ряд слова *толгой*: I. 1) в прямом и переносном голова; 2) парн. к *амин*; 3) глава, хозяин, руководитель; 4) вершина чего-л., реже верховье реки; 5) *перен.* о предметах, чем-л. напоминающих голову; II. *Апр.* употребл. как единица счета; III. В паратаксите части и целого, парн. к *уьэн, шэхэн*. Если ряд толкований принять за семный ряд переосмысления, то можно увидеть, что в качестве семантической основы номинации в данном случае лежат факты метафорического и метонимического переноса. В связи с этим небезынтересно отметить, что переносные значения метафорического характера у слова *толгой* обусловлены актуализацией двух сем: «круглое» и пространственное видение «верх» и «вперед», при этом пространственные ориентиры переплетаются и своеобразно преломляются; например, в словарной статье лексемы *толгой* подаётся пример *онгосын толгой* `нос лодки (или судна)`.

Данный концепт расширяется за счёт включения в него разнообразных сфер, в которых *голова* представляет организующее, руководящее начало в семье, на предприятии, в государстве. В связи с этим в лексико-словообразовательном гнезде с вершиной *толгой* присутствуют дериваты со значением руководства: кодериваты (слова, имеющие одно производящее) *толгойлогшо, толгойлолго* `возглавление`, *толгойлуулах* `побуд. ставить во главе`. Их производящее *толгойлхо* – многозначное слово: 1. Находиться во главе; главенствовать; возглавлять, руководить; 2. Вершить *обл. сомоо толгойлхо* `вершить стог`; 3. Быть главарем; 4. Направляться; 5. *Каб.* высовывать голову из воды (о нерпе). Следует отметить, в конфигурации значений слова *толгойлхо* наряду с семой «верх» представлена сема «вперед»: в семной цепочке данного деривата

четвёртое значение «направляться». Пространственная сема проиллюстрирована примером *хонид баруун тээшээ толгойлбо* `овцы направились направо (если человек по отношению к ним стоит лицом на юг)`. Думается, в лексеме *толгойлогшо* также выражено внутреннее соответствие между вертикальным видением «возглавлять» и горизонтальным «быть впереди».

Приведённый языковой материал свидетельствует о том, что существуют закономерности при номинации слов одной тематической группы и не всегда мотивировочный признак входит в значение мотивирующего слова. В бурятском языке при обозначении руководящего лица мотивировочная основа представляет семантический перенос на основании горизонтального видения мира, обусловленный, очевидно, кочевым образом жизни монгольских народов, наиболее актуальным признаком для наименования лица – руководителя, является *положение впереди*, которое позволяет вести за собой людей. В случае с дериватами *ахалагша, удамаршан* и *толгойлогшо* сема старшинства и пространственного (более высокого) положения преломляется с горизонтальным видением: *тот, кто старше, кто стоит во главе рода, он – впереди, ведёт за собой остальных*. Представляется, что в сознании носителя бурятского языка существует устойчивая ассоциативная соотнесённость с признаком, связанным с представлением наших предков о руководителе, вожаке.

Таким образом, небольшой фрагмент языкового сознания носителя бурятского языка доказывает положение, что означивание реалий в бурятском языке определяется экстралингвистическими факторами. В основу мотивировочного признака кладутся прототипические образы, причина возникновения которых лежит в образе жизни человека, в его деятельности и связанных с ними отношениях.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка // Избранные труды. Т. 1. М. : Восточная литература, Школа «Языки русской культуры», 1995. 472 с.
2. Краткий толковый словарь бурятского языка. Улан-Удэ : Бурятское кн. изд-во, 1992. 176 с.
3. Манакин В. Н. Сопоставительная лексикология. Киев: Знания, 2004. 326 с.
4. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имён: семантика и сочетаемость. М. : Русские словари, 2000. 416 с.
5. Шагдаров Л. Д., Очиров Н. А. Русско-бурятский словарь. Улан-Удэ : Буряад үнэн, 2008. 904 с.
6. Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь. Т. 1. А-Н. Улан-Удэ : Республиканская типография, 2006. 636 с.
7. Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь. Т. 2. О-Я. Улан-Удэ : Республиканская типография, 2008. 708 с.
8. Шмелёв Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М. : Наука, 1973. 280 с.

Статья поступила в редакцию 23 ноября 2011 г.

УДК 811=512.36

ББК 81(Монг.)

Л. Д. Шагдаров

доктор филологических наук, профессор,

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения
Российской академии наук (г. Улан-Удэ, Россия), e-mail: lorabadm@mail.ru; imbt@burinfo.ru*

Л. Б. Бадмаева

кандидат филологических наук, доцент,

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения
Российской академии наук (г. Улан-Удэ, Россия), e-mail: lorabadm@mail.ru*

Изучение языка письменных памятников в Бурятии

Статья посвящена проблеме изучения языка письменного наследия бурят на старомонгольском языке. Дан краткий обзор истории изучения вопроса. Старописьменные памятники бурят представлены историческими, дидактическими, медицинскими, философскими, филологическими, лексикографическими, юридическими, буддийскими, мемуарными сочинениями, среди которых особое место принадлежит летописям. В статье подчеркнута, что старомонгольский язык сыграл важную роль в становлении языка средневековой науки в Бурятии. Авторами выявлено, что широкое изучение и издание бурятских летописей было начато усилиями монголистов Н. Н. Поппе, А. И. Вострикова, В. А. Казакевича в первой половине XX в. Вместе с тем замечено, что издано много переводных текстов со старомонгольского на бурятский и русский языки, но эти переводы не изучены и накопленный опыт не обобщён. В связи с этим в конце прошлого столетия было начато изучение языка и стиля бурятских летописей. Результаты исследований опубликованы в монографиях и научных статьях. Авторами отмечено, что освоение памятников письменной культуры бурят является одним из важных аспектов языковой политики в Республике Бурятия.

Ключевые слова: старописьменный монгольский язык, памятники письменной культуры, бурятские летописи, язык письменных памятников.

L. D. Shagdarov

Doctor of Philology, professor,

*Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch,
Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia),
e-mail: lorabadm@mail.ru; imbt@burinfo.ru*

L. B. Badmaeva

Candidate of Philology, associate professor,

*Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia),
e-mail: lorabadm@mail.ru*

The Study of the Language of Written Monuments in Buryatia

The article is devoted to the study of the language of written heritage of the Buryats in the Old Mongolian language. It presents a brief review of the history of studying the issue. Buryat old written monuments are historical, didactic, medical, philosophical, philological, lexicographic, legal, Buddhist, memoirs writings, among them chronicles are of special importance. The article underlines that the Old Mongolian language played an important role in the language of medieval science in Buryatia. The authors consider that a broad study and publication of Buryat chronicles began thanks to the efforts of such Mongolists as N. N. Poppe, A. I. Vostrikov and V. A. Kazakevich in the first half of the 20th century. At the same time the paper highlights that there were many publications of the texts translated from Old Mongolian into Buryat and Russian, but these translations were not studied and generalized. At the end of the last century, the study of the language and style of Buryat annals began. The results of this study were generalized in monographs and scientific articles. The authors note that the study of Buryat written culture is an important aspect of the language policy in the Republic of Buryatia.

Keywords: Old Mongolian language, monuments of written culture, Buryat chronicles, the language of written records.

В дореволюционной Бурятии старомонгольский язык использовался, прежде всего, наряду с тибетским языком в качестве языка религи-

озных буддийских сочинений с конца XVII в., когда среди забайкальских бурят начала распространяться буддийская религия. В 1741 г. указом

Российской императрицы Елизаветы Петровны буддизм в Бурятии был официально признан в статусе государственной религии в России. С тех пор начинается строительство дацанов и дуганов. Во времена маньчжурских правителей, которые понимали большую роль религии в усмирении и покорении беспокойных монгольских кочевников, были созданы печатные дворы в Пекине в XVIII в., затем они появились у чархаров в Южной Монголии, у халхасцев в Северной Монголии, у бурят в самой северной части монгольского мира и в других местах.

Старописьменный монгольский язык в течение долгого времени был общемонгольским литературным языком, обслуживающим нужды собственно монголов, а также ойратских и бурятских племен. В настоящее время им активно пользуются как письменным литературным языком только во Внутренней Монголии Китая.

Мирянэ тибетским языком не владели. Всё, что им было адресовано, выпускалось на старомонгольском языке. За весь период издательской деятельности бурятских дацанов было опубликовано около 300 текстов на старомонгольском языке. Религиозные сочинения на этом языке в большинстве своём представляли переводы с тибетского языка, характеризующиеся схоластическо-метафизическим содержанием и малопонятным языком вследствие дословного перевода и обилия малопонятных слов и терминов.

Кроме того, старомонгольский язык использовался в Бурятии, как и в Монголии, в качестве языка средневековой науки. В бурятских дацанах издавались переводные и оригинальные труды по философии и логике, по языкознанию и поэзии, по медицине и прикладным наукам, по астрономии и географии. Для перевода и написания научных сочинений в лексикографических трудах была разработана специальная терминология.

Авторами таких сочинений, как правило, выступали ламы. В результате обучения бурятских мальчиков в дацанах и заграничных монастырях среди бурят появилась прослойка духовной интеллигенции.

На старописьменном монгольском языке записывались улигеры, песни и другие произведения устного народного творчества, делались переводы художественных произведений с русского языка, создавались произведения дидактического характера.

После вхождения Бурятии в состав Российского государства старописьменный язык у байкальских бурят использовался и для ведения

делопроизводства. В уцелевших архивах Хоринской, Селенгинской, Агинской и Баргузинской степной думы сохранился значительный фонд материалов по истории хозяйства и управления бурят, написанных на старомонгольском языке.

Кроме деловых писем (отношений, рапортов, уведомлений, донесений, предписаний, челобитных, жалоб, прошений и т. д.), на старописьменном языке составлялись постановления *сугланов* и официальные сборники обычного права, т. е. степные законы. Так, известны «Согласно принятое положение о правилах бурятского податного народа» (1749 г.), Хоринские уложения 1763, 1781, 1808, 1823 гг., Селенгинские уложения 1775, 1823 гг. и другие юридические руководства.

Вместе с тем среди светских сочинений, написанных на старописьменном языке до революции в Бурятии, выделяются летописи и исторические сочинения разных жанров (записки, мемуары, генеалогии и т. д.). Они, являясь наиболее крупными светскими произведениями, представляют собой не только ценные источники исторической и культурологической информации, но и значимые оригинальные литературные памятники. С литературно-художественной точки зрения, в летописях отразился не только историко-летописный жанр, но и другие письменные и устные, повествовательные и фольклорные жанры старописьменного монгольского языка.

Известный историк Г. Н. Румянцев отмечал, что «буряты в течение одного столетия создали богатую историческую литературу, главным образом летописного характера. В своём творчестве бурятские авторы испытывали двойное влияние: с одной стороны, оказала воздействие старинная традиция монгольской историографии, в основном двух хроник, имевших в Бурятии большую известность – Саган Сэцэна и Алтан Тобчи; с другой стороны, знакомство с русской литературой отразилось на более критическом отношении к источникам. Восприняв форму и композицию монгольских летописей, бурятские историографы стараются подтвердить сообщаемые ими факты ссылками на соответствующий документ, с большой педантичностью указывая дату и номер документа. Последнее придавало бурятским хроникам наукообразный характер» [10, с. 13].

Бурятские летописи появились в конце XVIII в., но наиболее крупные из них – во второй половине XIX в.: история хоринских бурят Тугултур Тобоева (1863), Вандана Юмсунова (1875), Шираб-Нимбу Хобитуева (1887), «Исто-

рия селенгинских бурят» Дамби-Жалцан Ломбоцэрэнова (1868), история баргузинских бурят Цыдэб-Жаб Сахарова (1869) и др.

Бурятские летописи имели довольно широкое распространение. Так, например, известно более 30 рукописных списков хроники Ш.-Н. Хобитуева. Следует отметить, что летописи почти не издавались ксилографическим способом, а распространялись в рукописном виде.

До революции издавались лишь отдельные бурятские летописи. В частности, в 1869 г. в «Иркутских губернских ведомостях» был издан труд Николая Цыван-Жаба Сахарова «Об инородцах, обитающих в Баргузинском округе, Забайкальской области»; в 1900 г. А. М. Позднеев в своей «Монгольской хрестоматии» опубликовал «Предание о Бальжин хатуне»; в 1905 г. издан труд Агвана Доржиева о происхождении бурят.

Помимо известных читателям летописей Т. Тобоева, В. Юмсунова, Ш.-Н. Хобитуева, Д.-Ж. Ломбоцэрэнова, Ц.-Ж. Сахарова и других авторов, существуют и неизвестные хроники, хранящиеся в семейных архивах. Например, в архиве Д. З. Зандановой хранится рукопись анонимной хоринской летописи, доведённой до 1903 г.

Широкое изучение и издание бурятских летописей началось в 30-х гг. прошлого века в Институте востоковедения АН СССР благодаря усилиям известных монголистов Н. Н. Поппе и А. И. Вострикова. В 1935 г. ими была издана в Ленинграде «Летопись баргузинских бурят»; на старомонгольском языке были изданы летописи Т. Тобоева, В. Юмсунова, Ш.-Н. Хобитуева (издал В. А. Казакевич); в 1936 г. – на старомонгольском языке «История селенгинских монголо-бурят» Д.-Ж. Ломбоцэрэнова (издал Н. Н. Поппе). В 1940 г. проф. Н. Н. Поппе издал книгу на русском языке «Летописи хоринских бурят», куда вошли в переводе ученого на русский язык летописи Т. Тобоева, В. Юмсунова. После войны некоторые летописи были изданы Г. Н. Румянцевым, З. Тагаровым.

В послевоенные годы началось изучение языка бурятских летописей бурятоведами Д. Д. Доржиевым, Ц. Б. Цыдендамбаевым. В это же время Б. Д. Цыбиковым были изданы памятники обычного права хоринских и селенгинских бурят в оригинале и в переводе на русский язык.

Благодаря инициативе и усилиям доктора ист. наук Ш. Б. Чимитдоржиева в 1992 г. было издано 9 бурятских летописей в переводе на бурятский язык. К этой работе были привле-

чены сотрудники Бурятского института общественных наук (Р. Е. Пубаев, Ц.-А. Н. Дугарнимаев, Л. Д. Шагдаров, Б. З. Базарова, Г. Н. Очирова, Ц. П. Ванчикова, Х. Ж. Гармаева, Л. Б. Бадмаева).

В 1995 г. на русском языке было опубликовано 9 летописей в книге «Бурятские летописи» (составители Ш. Б. Чимитдоржиев, Ц. П. Ванчикова). В 2011 г. эта работа была переиздана с добавлением ещё 8 письменных памятников, переведённых Ц. П. Ванчиковой и М. В. Аюшевой.

В настоящее время выявлено более 40 больших и малых бурятских летописей, из них опубликовано на современном бурятском языке 20 хроник, переведено на русский язык и опубликовано 14 летописей, на английском языке – 1 хроника, на старописьменном монгольском языке опубликовано – 9 летописей. Изданные бурятские хроники составляют лишь некоторую часть летописного наследия бурят, большая их часть всё ещё остаётся в рукописях.

В переводе на бурятский и русский языки доктором филол. наук Ц.-А. Дугарнимаевым издано буддийское сочинение дорамбы Анинского дацана Э.-Х. Галшиева «Зерцало мудрости»; в транслитерации знаками бурятского алфавита изданы буддийские сочинения «Доржо Жодбо», «Найман гэгээн»; на бурятском языке – «Ульгэрэй далай», «Алтан гэрэл», «Субашид» Гунга-Жалцана и др.

Несмотря на то, что издано довольно много переводных текстов со старомонгольского на бурятский и русский язык, эти переводы не изучаются, накопленный положительный опыт не обобщается, не вскрываются недостатки.

С целью преодоления этого пробела в бурятском языкознании в 80-х гг. прошлого века было начато изучение языка и стиля бурятских летописей, а также вопросов их перевода на бурятский и русский языки. Результаты исследований опубликованы в монографиях и научных статьях [1, 2, 3, 4, 6, 11].

Готовится к изданию «История селенгинских монголо-бурят» Д.-Ж. Ломбоцэрэнова: старомонгольский оригинал, научная транслитерация на латинском алфавите, переложение на бурятский язык и перевод на русский язык, а также опыт исследования языка и стиля этого сочинения, и вопросов его перевода на бурятский и русский язык.

В летописи Д.-Ж. Ломбоцэрэнова показано, что в XVII в. в Монголии происходили беспрерывные междоусобные войны между монгольскими князьками и военные действия

против маньчжуров. В этих условиях усиливается миграционное движение из Монголии в Забайкалье.

Беженцы оседали главным образом в бассейне реки Селенги, куда стали прибывать и представители западно-бурятских родов из-за Байкала. Происходило интенсивное взаимодействие между разнородными монголоязычными группами. В результате чего начался процесс образования единого этноса – бурятского народа, значительную часть которого составляла этно-территориальная группа – селенгинские буряты, состоящая из разных племенных групп.

Постепенное закрытие границ между Россией и маньчжурской империей, начиная с Буринского трактата 1728 г., привело к оседанию пришлого населения на занятых им землях, в частности в бассейне реки Селенги.

Предки селенгинских бурят принесли из Монголии буддийскую религию, старописьменный язык и традицию летописания. Впервые в Бурятии они начали писать свои летописи с конца 1820-х гг., и в это время большую лепту внёс Д.-Ж. Ломбоцэрэнов, будучи главным тайшой селенгинских бурят в 1822–1836 гг. Кроме данной летописи его перу принадлежат ещё две работы.

Труд Ломбоцэрэнова весьма удобен для характеристики языковых особенностей, ибо легко распадается на отдельные темы. Каждая тема раскрывается путём использования такой речевой единицы, как сверхфразовое единство (СФЕ), состоящее обычно из нескольких предложений, объединённых одной темой и имеющих законченный смысл. При этом нами осуществлялся комплексный анализ СФЕ, т. е. описывались синтаксические, морфологические и лексические особенности, а также выявляются написания, отклоняющиеся от норм классического монгольского языка.

Комплексный подход позволяет выделять тонкие смысловые нюансы и обнаружить довольно многочисленные погрешности в представленных переводах на бурятский и русский языки.

Таким образом, летописание у кочевых народов представляет собой уникальное явление, поэтому заслуживает приоритетного места в изучении истории культуры монголоязычных народов. Нам представляется, что исследование памятников письменной культуры бурят является одним из важных аспектов языковой политики в Республике Бурятия в плане возрождения национального самосознания этноса и расширения общественных функций бурятского языка.

Список литературы

1. Бадмаева Л. Б. Бурятский летописный текст и вопросы его перевода на русский язык // Вопросы филологии. М. 2010. № 2 (35). С. 57–64.
2. Бадмаева Л. Б. Летопись Вандана Юмсунова – памятник письменной культуры бурят XIX в. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2007. 394 с.
3. Бадмаева Л. Б. Язык бурятских летописей. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. 215 с.
4. Бадмаева Л. Б., Базарова Д. В., Лубсанова Н. Г., Хобракова И. Д., Лященко А. И. История бурятской книги. [Электронный ресурс] Справочно-библиографический CD / науч. ред. Л. Б. Бадмаева; дизайн и мастеринг: Б. Г. Цырендыльков; Нац. библиотека Респ. Бурятия. Электрон. дан. Улан-Удэ, 2009. 2 электрон. опт. диска (CD-ROM).
5. Бадмаева Л. Б., Шагдаров Л. Д. Особенности текстовой организации бурятских летописных текстов // Языки и письменные источники монгольских народов. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. С. 99–106.
6. Балсунаев Ц. О. Язык памятника «Улигер-ун далай»: дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2001.
7. Бурятские летописи. Второе, доп. изд. / сост. Ц. П. Ванчикова, Ш. Б. Чимитдоржиев, М. В. Аюшеева. Улан-Удэ : Республиканская типография, 2011. 224 с.
8. Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л., 1929. 438 с.
9. Востриков А. И. и Поппе Н. Н. Летопись баргузинских бурят. Тексты и исследования / Вступ. ст., транслитерация, коммент. Л. Б. Бадмаевой. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2007. 120 с.
10. Румянцев Г. Н. Бурятские летописи как исторический источник // Тр. БКНИИ СО АН СССР. Сер. Востоковедения. Вып. 3. Улан-Удэ, 1960. С. 3–15.
11. Шагдаров Л. Д. Проблемы перевода буддийских текстов со старомонгольского языка на современный бурятский и русский // Языки и письменные источники монгольских народов. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. С. 66–71.
12. Бурядай түүхэ бэшэгүүд / сост. Ш. Б. Чимиторжиев. Улан-Удэ, 1992. 240 н.

Статья поступила в редакцию 18 ноября 2011 г.

УДК 373.2
ББК 370

М. Н. Ахметова

*доктор педагогических наук, профессор,
Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический
университет им. Н.Г. Чернышевского (г. Чита, Россия),
e-mail: galia.akhmetova@gmail.com*

Системно-образная функция метафоры как способа объединения понятийных сфер, принцип миромоделирования

В статье раскрывается значение метафоричности в осмыслении гуманитарного диалога с окружающим миром в условиях метапредметного подхода. Метафора в современном дискурсивном гуманитарном диалоге, в том числе педагогическом, является основой «живого» знания в освоении окружающего мира. Метафора как «живое знание» рассматривается в качестве системы универсальных «склеивающих» стратегий образовательных ситуаций. Реализация функций метафоры предполагает образовательное пространство как поле идей «живого» знания, открытое свободное пространство творческих действий как универсальных. В метафорическом определении такое пространство обозначено «рамкой» мировосприятия, «регулятором» взаимоотношений человека с миром. Доказывается значимость «выращивания» в образовательном пространстве личного знания при постижении метапредметности эмоциональных текстов-размышлений и проблемно-эвристических заданий, метафоричных по форме. Метафоричность нашей речи приближает человека к постижению законов жизни и самодвижения.

Ключевые слова: метафоричность науки, метапредметность, эмоционально-образные ситуации.

M. N. Akhmetova

*Doctor of Pedagogy, professor,
Zabaikalsky State Humanitarian Pedagogical
University named after N. G. Chernyshevsky (Chita, Russia),
e-mail: galia.akhmetova@gmail.com*

The System and Image Function of Metaphor as a Means to Associate Conceptual Spheres: World-Modelling Principle

The article reveals the importance of metaphor in the understanding of the humanitarian dialogue with the outside world in a meta-objectivity approach. Metaphor in the modern discursive humanitarian dialogue, including the pedagogical one, is the basis of “live” knowledge in the perception of the world. Metaphor as “live knowledge” is a system of universal “sticking together” strategies of educational situations. The implementation of metaphor functions involves educational space as a field of ideas of “live” knowledge, open free space of creative universal actions. In the metaphorical definition this space is marked by a “framework” of world perception, a “regulator” of man’s relationships with the world. The paper emphasizes the importance of “cultivating” personal knowledge in educational space while comprehending meta-objectivity of emotional texts-reflections and problem-heuristic tasks which are metaphoric in their form. Metaphorical nature of our speech brings man closer to the comprehension of the laws of life and self-development.

Keywords: metaphorical nature of science, meta-objectivity, emotional image situations.

Метафора в современном дискурсивном гуманитарном диалоге, в том числе педагогическом, является основой «живого» знания в освоении окружающего мира. В условиях

метапредметного подхода это система универсальных «склеивающих» стратегий образовательных ситуаций: а) метафоричность представлений в ракурсе метапредметности позво-

ляет воспринимать мир как целостный с его ценностями и мировоззренческими целями; б) метафоричный дискурсивный гуманитарный диалог на основе метапоэтического текста создаёт условия для решения комплекса проблем – интеллектуальных, духовных, эмоциональных; в) метафоричность метапредметного подхода – способ объединения понятийных сфер, при котором традиционная система междисциплинарных связей выходит на уровень системно-образных метапредметных решений полисубъектов как творческих индивидуальностей, системной организации целенаправленного научного поиска проблем самого человека, его организующего начала в собственном развитии; г) системно-образная функция метафоры в дискурсивном гуманитарном диалоге способствует созданию условий открытости человека общественным явлениям. Метапредметность такого диалога формирует внутреннюю готовность к поиску новых ресурсов личностного становления человека через обретение высших духовных ценностей.

Реализация названных функций метафоры предполагает образовательное пространство как возможностное поле идей «живого» знания, открытое свободное пространство творческих действий как универсальных. В метафорическом определении такое пространство обозначено «рамкой» мировосприятия, «регулятором» взаимоотношений человека с миром. Это пространство делает и человека открытым всем общественным воздействиям, порождает его внутреннюю готовность принятия этих воздействий с тем, чтобы самореализоваться в них. Между тем образовательное пространство традиционно заполняется разными технологическими подходами, безусловно значимыми, но порою не взаимосвязанными, решающими определённый круг проблем. Так, ассоциативные модели обучения предполагают восприятие обучающимися элементов объекта или явления и их группировку, связывание этих элементов с уже имеющимися представлениями, осмысливание этих связей на основе образно-эмоционального, системного подхода [1, с. 112–123]. Фреймовые технологические модели используются для представления эмоционально-образных ситуаций в образовательной практике. В лингвистике фрейм определяется как когнитивная структура в феноменологическом поле человека, которая основана на вероятностном знании о типических ситуа-

циях и связанных с этим знанием ожиданиях по поводу свойств и отношений реальных или гипотетических объектов, то есть это некая схема ситуации (или классных стереотипных ситуаций), отражённая в сознании участников коммуникации [11, с. 266].

Сгруппировать современное множество технологий оказалось задачей сложной, хотя такие попытки имеют место, так как в сегодняшней педагогической науке количество технологий кратно возросло [12]. Необходимостью становится способ объединения понятийных сфер, метапредметный подход как универсальная «склеивающая» стратегия образовательных ситуаций, позволяющая представить структуру личности в единстве её интеллектуальной и эмоциональной сферы. Это технология гуманизма и гражданственности (Л. И. Новикова). Изучение анализируемых проблем в этом контексте привело к возникновению «концепции места», которая включает в себя идеи самоценности человека, свободы, обострённой чуткости к восприятию мира в его образах и метапредметных ситуациях воображения, ассоциативного мышления, умеющего преобразовать типографские знаки, оттиснутые на бумаге, в образы, лица, деревья, улицы, звуки, как считают исследователи. Концепция «места» включает свойства окружающего образовательного пространства. Такое пространство имеет уникальные культуросообразные целевые ориентиры, систему ценностей, формируемых образной функцией метафоры как способа миромоделирования. И поскольку всякое знание личностно, то образовательное пространство включает личное пространство каждого. Опыт показывает важность в реализации метапредметного подхода эмпирических текстов, носящих характер эссе, метафоричных, с возможными размытыми смысловыми очертаниями, сквозь которые пробивается очень мощная в эвристическом отношении мысль. Ещё В. И. Вернадский в своё время говорил о том, что наука не является логическим построением и познать научную истину только логикой нельзя, а лишь жизнью, действием [2]. Итак, проблемы должны быть жизненно важными, а личностное знание может «выращиваться» в образовательном пространстве, насыщенном эмоциональными текстами-размышлениями и проблемными заданиями, метафорическими по форме. Рождается переживание как свидетельство личностного смысла деятельности,

«приостанавливается» на мгновение поток активности обучающегося с тем, чтобы он мог «взмотреться в сложившиеся у него жизненные ценности <...>, найти себя в них или, может быть, пересмотреть их» [6, с. 57]. Поскольку одной из составляющих мышления является, по мысли В. В. Налимова, коммуникация человека с самим собой, когда человек в условиях рефлексии на дискретном языке задаёт вопрос самому себе, своему спонтанно протекающему мыслительному процессу, в образовательном пространстве, в условиях любых технологий ведущим звеном оказывается образовательная ситуация. Она позволяет получить ответ, анализируя его на логическом уровне. И если ответ не удовлетворяет, человек ставит следующий видоизменённый вопрос [9, с. 65]. Именно в ситуации «схватывается» целостное «живое» знание, объединяются понятийные сферы.

Быть научным, как считает В. В. Налимов, – значит быть метафоричным, свободным, создавать плодотворные метафоры, возбуждающие воображение и тем самым расширяющие взаимодействие человека с миром. Именно поэтому с развитием науки увеличивается степень метафоричности её гипотез [10, с. 21, 96]. Выстраивать смысл – значит эмоционально, системно-образно открывать пути в жизнь и в себя самого. Образовательная ситуация – это пространство реализации метапредметного подхода, где возможно поле идей, креативных действий, объединения понятий и рождения новых, где мировоззренческие проблемы обретают личностный смысл, где понимание метапредметного текста становится ответом на жизненно важные вопросы. Его эзотерическое толкование – «это поиск таких тайных смыслов», которые приходят «к человеку как озарение, а дискурсивное логическое рассуждение отменяется» [5, с. 315]. Коммуникативное поведение, говорит В. И. Карасик, ситуативно определяет границы креативности индивида. Единица коммуникативного поведения – это символически выраженное переживание отношения участников общения к миру, партнёру и себе. Другими словами, по нашему мнению, эта ситуация соотносима с «личным пространством» человека, его «нишей», как говорят синергетики. Коммуникативное общение многомерно, реализует воздействие и информационный обмен, является самопрезентацией [там же, с. 264–269]. По мысли психологов, именно эмоция есть оценка конкретной ситуации и

одновременно побуждение к достижению потребности. Метафоры, как замечает В. В. Налимов, в науке присутствуют на каждом шагу, и мы даже не замечаем их [10, с. 96]. Отсюда принципиальная метафоричность, постоянное цитирование поэтов, которые угадали о сущности человеческого бытия больше, чем точно установили психологи: человек узнаёт себя, вглядываясь «в строки, как в морщины задумчивости» (Г. А. Цукерман, В. П. Зинченко) [4, с. 31]. Наверное, вдохновение бродит по миру, перевоплощая истины в цветок, песок, ветви ивы, как заметил писатель Г. Иванов. «Что есть творчество? Крик отчаянья // И предчувствие мастерства, // в глубинном глухом молчании // Вызревающие слова...» (Л. Ф. Усяченков). Именно поэтому интерпретация определяется как функция, обеспечивающая встречу с неожиданностью и вырабатывающая отношение к ней в условиях метапредметности. Метафора становится принципом миромоделирования, способом определения понятийной сферы многих наук. Так, философия, в описании А. Белого, есть живая страна, преисполненная невыразимых ландшафтов. Клубится, искрится мир философского поиска, по многим параметрам не совпадая с ледяной строгостью физических законов или математических выкладок. «От философов ждут, что они чаще будут спускаться с ледяных вершин абстракции в гущу пульсирующей, бьющейся противоречивой повседневности, насущных житейских проблем <...>. Правомерно <...> требование к философу обычных людей, которое звучит так: «Помоги нам жить сегодня и сейчас, покажи, в чём ценность жизни, есть ли в ней смысл» [3, с. 4–13]. Системно-образная функция метафоры, как можно заметить, представляет существенное понимание, мыслящее мировоззрение, ценностные смыслы. Метафоричность способствует взаимодействию с миром, «питает» научные гипотезы. Что такое «человек»? Это пирамида, – отвечает А. Маслоу, – пирамида потребностей биологических в основании и духовных на вершине [8]. Что такое «становление человека»? «Это некое беспокорство и как бы вечная тревога, всегда бурлящий поток», – отвечает А. Ф. Лосев [7]. Это процесс, пока что незавершенная форма, единство бытия и небытия, возникновения и уничтожения, ведущее к результату. Процесс зарождения возможностей и превращение одной из них в действительность [там же, с. 436].

Действительно, это «поток», «текущая река изменений», «соцветие возможностей», – добавляет К. Роджерс. Не случайно науку называют «драмой идей», а метапредметный «знак» – местом встречи человека и мира.

Таким образом, метафоры значимы в любой науке, мы используем их на каждом шагу, интуитивно, хотя именно метафоричность нашей речи приближает человека к постижению законов жизни и самодвижения.

Список литературы

1. Айсмонтас Б. Б. Теория обучения : схемы и тексты. М. : Владос-пресс, 2002. 175 с.
2. Вернадский В. И. Открытия и судьбы. М.: Современник, 1993. 173 с.
3. Давыдович В. Судьба философии на уровне тысячелетий // Alma mater. Вестник высшей школы. 2003. № 3. С. 4–13.
4. Зинченко В. П. Живое знание: Психологическая педагогика. 2 изд., испр. и доп. Самара : Самарский Дом Печати, 1988. 296 с.
5. Карасик В. И. Языковые ключи. М. : Гнозис, 2009. 406 с.
6. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М. : Политиздат, 1975. 302 с.
7. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М. : Политиздат, 1991. 524 с.
8. Маслоу А. Дальние пределы человеческой личности. СПб. : Евразия, 1999. 432 с.
9. Налимов В. В. Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков // Магистр. 1996. С. 64–70.
10. Налимов В. В. В поисках иных смыслов. М. : Прогресс, 1993. 260 с.
11. Олешков М. Ю. Фрейм и информация: когнитивный аспект // Когнитивная лингвистика: новые парадигмы и новые решения : сб. ст. / отв. ред. М. В. Пименова. М. : ИЯ РАН, 2011. 896 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 15).
12. Чернилевский Д. В. Дидактические технологии в высшей школе. М. : Юнити-дана, 2002. 437 с.

Статья поступила в редакцию 1 ноября 2011 г.

УДК 304.2+81'44
ББК (Ш) 81

О. В. Бакина

*кандидат филологических наук,
Учебно-методический центр повышения квалификации
работников культуры и искусства (г. Киров, Россия),
e-mail: olgabakina@mail.ru*

Трансформация концепта «духовность»: от кризиса культурной идентификации к интериоризации ценностей национальной культуры

В статье рассматривается современная проблематика концепта духовности, обретения дискурсивных признаков текстами духовно-нравственного содержания. В современный период возникновения всё больших культурных идентификаций и группировок процесс восстановления в национальной концептосфере исконного значения концепта духовности, а значит установления духовной взаимосвязи человека со своим народом на основе базовых понятий, интериоризации ценностей национальной культуры, видится особенно важным.

Ключевые слова: концепт, дискурс, культурная идентификация, духовность, концептосфера.

O. V. Bakina

*Candidate of Philology,
Training Centre for Improving Qualification
of Culture and Art Employees (Kirov, Russia),
e-mail: olgabakina@mail.ru*

“Spirituality” Concept Transformation: From Cultural Identification Crisis to National Culture Values Interiorization

The article deals with modern problems of spirituality concept and discovering discursive signs in spiritual and moral texts. In modern times, the emergence of more and more cultural identities and groupings signifies the importance of the process of restoring the primordial meaning of spirituality concept in the national concept sphere and establishing a spiritual relationship between man and his people on the basis of primary concepts and interiorization of national culture values.

Keywords: concept, discourse, cultural identification, spirituality, concept sphere.

Многообразие дефиниций духовности и нравственности, претерпевающих значительные изменения под влиянием смены ценностных парадигм, в период кризиса культурной идентификации приобретают ещё более размытые значения и требуют изучения. Внимание исследователей привлекают проблемы воспроизведения ценностей российской культуры в медиатексте [4; 7], обретения дискурсивных признаков текстами духовно-нравственного содержания [7; 9; 10; 11] и собственно проблемы современного звучания концепта духовности [3; 4; 7; 8]. Концепт, будучи «мысленным образованием, которое замещает в процессе мысли неопределённое множество предметов одного и того же рода» [1, с. 4], является «единицей когнитивного уровня, следовательно, он вбирает в себя всё, что принадлежит природе понятия и значения. Но концепт – это и факт культуры,

следовательно, он вбирает в себя всё, что делает его таковым: исходная форма (этимология), аксиологическая оценка, ассоциации, абстракции... Человек мыслит концептами, которые суть квинтэссенция индивидуальных речемыслительных актов. Концепты конденсируют коллективное сознание, выступая в качестве дискретной единицы, которая хранится в национальной памяти носителей языка в вербально обозначенном виде» [3].

Рассматриваемая ныне ситуация говорит о концепте не только как о языковом, но и лингвокультурологическом явлении. Не вызывает сомнений тезис челябинского учёного И. В. Гостевой о том, что «русская языковая картина, в дореволюционный период гармонично совмещавшая в себе религиозную и светскую части (границы которых были размыты, соответствующие фрагменты налагались друг на друга),

была сознательно «расколота» в советский период, религиозная часть на долгое время, образно выражаясь, ушла в небытие для атеистического советского сознания. В XX в. преемственность поколений была нарушена длительной эпохой гонений на религию. В русском языке значительный пласт лексики, рефлектирующий традиционные духовные ценности, был отодвинут на периферию (лексика православной веры), истинный смысл многих слов этической сферы был забыт либо искажен. Произошла трансформация ценностного содержания духовно-нравственных концептов и структуры исследуемого поля» [4, с. 191–192].

Действительно, в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля 1863–1866 гг. слово «духовный» даётся в следующем значении: «бесплотный, нетелесный, из одного духа и души состоящий; всё относящееся к Богу, церкви, вере; всё относимое к душе человека, все умственные и нравственные силы его, ум и воля», а далее только производные: «духовник», «духовенство», «духословие» [5, с. 503–504]... «Нравственный» трактуется В. И. Далем как «духовный, душевный» [6, с. 558], а «воспитывать – заботиться о вещественных и нравственных потребностях малолетнего, до возраста его» [5, с. 249]. Следовательно, часто используемое ныне понятие «духовно-нравственное воспитание» должно бы звучать как «духовно-духовная» или «духовно-душевная забота о малолетнем»... Однако «Словарь русского языка», изданный Академией наук СССР в 1981 г., смело переключает понятие «духа» с «бестелесного», «бесплотного» на «психические способности, сознание, мышление; моральную силу человека, коллектива», а слово «духовный» на «прилагательное к «дух»; связанный с внутренним, нравственным миром человека; связанный с религией, церковью, относящийся к ним» [12, с. 455].

Учитывая, что «концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека» [8, с. 4], можно предположить, что современный концепт духовности разнолик, не идентифицирован с концептосферой национального языка, имеет индивидуальный либо групповой характер в соответствии с существующими мировоззренческими взглядами.

В воссоздании целостного содержания духовных концептов активно участвуют различные социальные институты, в том числе учреждения культуры, и, прежде всего, библиотеки, ведущие большую просветительскую работу. Так, тре-

тий год в рамках Свято-Трифоновских образовательных чтений в г. Кирове (Вятке) проходят семинары для руководителей и специалистов общедоступных муниципальных библиотек по духовно-нравственному воспитанию и организации работы со святоотеческим наследием. Однако проведенное анкетирование участников семинара показало, что просвещение библиотекарей не менее актуально, чем просвещение читателей. На вопрос «Что значит, по-Вашему, для современников Евангелие, труды святых отцов Церкви?» 91 % опрошенных ответили: «Для них это – историческая ценность», а вопрос «Понятны ли, актуальны ли для Вас тексты Евангелия, трудов святых отцов Церкви?» разделил аудиторию ровно на три группы: «да», «нет», «не читала» – по 33,3 %. На взгляд сотрудников библиотек, для восстановления утраченных значений духовности необходимо ввести факультативы соответствующей тематики в общеобразовательных школах (58,3 %), возрождать семейные традиции (8,3 %), настоятелям церквей активнее сотрудничать с библиотеками (35,4 %). Эти данные подтверждаются итогами социологического исследования, проведенного Кировской областной универсальной научной библиотекой им. А. И. Герцена и миссионерско-образовательным отделом Вятской епархии среди муниципальных библиотечных систем области. Для актуализации современных концептов «духовности», «нравственности» библиотеки остро нуждаются в методической помощи (списках православной литературы, рекомендациях по её использованию и комплектованию фондов), помощи со стороны духовенства в проведении просветительских мероприятий. Одной из главных задач по совершенствованию своей просветительской работы библиотекари называют также создание отдельного каталога православных печатных периодических изданий, который бы выполнял роль методических рекомендаций, типологизируя издания по темам, обращённости к конкретной аудитории, принадлежности к учреждению и другим признакам, дающим возможность отличить «православное издание от иного». Думается, что рассматриваемая ситуация типична, проблемы, выявленные в ходе исследования, характерны и для других регионов России, поскольку «в последнее время в библиотечной прессе всё чаще появляются статьи о работе библиотекарей с православной литературой. И это не случайно. Содержательный аспект этой литературы, основанный на вековых истинно русских духовно-нравственных традициях, способствуют моральному возрождению общества» [2].

Акцентуация на содержательном аспекте книг и периодических печатных изданий далеко не случайна, ведь «религиозный дискурс является одним из важнейших компонентов деятельности человека, поскольку вербально реализует весьма существенную его потребность – потребность в вере как концепте ценностной ориентации внутри пространства бытия» [11, с. 311]; более того – находит отражение в аксиосфере медиатекста, подразумевающего «некое целостное, единое виртуальное пространство, аккумулирующее систему духовно-нравственных ценностей (которые репрезентирует, формулирует и пропагандирует в обществе институт СМИ) и обладающее определённой совокупностью жанровых, семантических и структурных компонентов» [7, с. 21].

Априори признавая язык за системообразующий элемент мышления и содержания жизни человека, следует признавать, что и содержательный аспект книг, периодики должен обладать тем религиозным дискурсом, который будет интересовать, волновать читателя, делая его активным соучастником познавательного процесса. Опираясь на определение дискурса, как «текста с актуализированным содержанием, которое воплощено в материализованной структуре, в конкретной текстовой единице, вполне правомерно ставить вопрос о том, лю-

бой ли текст может обретать соответствующую дополнительную семантику и становиться дискурсом» [10, с. 109].

Справедливо утверждение Б. Я. Мисонжников [10], что под воздействием каких-либо удивительных факторов затухающий, энтропийный текст вдруг оживает и актуализируется. Однако гораздо чаще происходит наоборот: текст – особенно публицистический – порождается, изначально строится именно как дискурс, поскольку авторы хотят, используя дискурсный потенциал с наибольшей полнотой, получить максимум материальных, культурных и прочих предпочтений, а затем, с течением времени и с изменением ситуации, текст теряет значение, семантически «остывает».

Следовательно, можно предположить, что именно потому так нуждаются библиотеки в православных периодических изданиях (в частности, журналах), что именно они актуализируют тексты, наиболее полно выполняют катехизаторскую функцию, способствуя тем самым восстановлению в национальной концептосфере исконного значения концепта «духовности». В наше время всё более дифференцирующегося общества, возникновения всё больших идентификаций и группировок данный процесс установления духовной взаимосвязи человека со своим народом на основе базовых понятий, интериоризации ценностей национальной культуры видится особенно важным.

Список литературы

1. Аскольдов-Алексеев С. А. Концепт и слово // Рус. речь. Новая серия. Вып. II. Л., 1928. С. 28–44. Цит. по : Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Серия литературы и языка. Том 52. 1993. № 1. С. 3–9.
2. Бесстремьянная Ю. Православные книги в потоке новых поступлений в Российской государственной библиотеке. URL : <http://www.pravoslavie.ru>.
3. Вардзелашвили Ж. А. Концепт как лингвистическая категория – «конструктивная сущность». URL : <http://vjanetta.narod.ru>.
4. Гостева И. В. Динамика лингвокультурного поля «духовность» в русской языковой картине мира (1981–2008 гг.) / дис. канд. филолог. Наук. Челябинск : Челябинский гос. пед. ун-т, 2009.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т. 1.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т. 2.
7. Ерофеева И. В. Аксиология медитекста в российской культуре (репрезентация ценностей в журналистике начала XXI в.) : автореф. дис. ... доктора филолог. наук. СПб. : Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2010. 47 с.
8. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 52. 1993. № 1. С. 3–9.
9. Мисонжников Б. Я. Метафизический концепт: credo ut intelligam // Культурный процесс и медиасфера. СПб., 2006. С. 3–5.
10. Мисонжников Б. Я. Публицистический дискурс: генезис, идентификация, типология // Теория журналистики: статус научных и учебных дисциплин / ред.-сост. М. Н. Ким. СПб. : Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2010. С. 107–141.
11. Олянич А. В. Презентационная теория дискурса. М. : Гнозис, 2007. 407 с.
12. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981. Т. 1. 736 с.

Статья поступила в редакцию 21 ноября 2011 г.

УДК: 811.161.1:659.117.3

ББК: Ш100.3

И. И. Бакланова

кандидат филологических наук, доцент,

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (г. Москва, Россия)

e-mail: ibaklanova@yandex.ru

Образ адресата рекламного текста с точки зрения постулатов речевого общения Г. П. Грайса (категория качества)

В статье описаны особенности имплицитного отражения в рекламных текстах информации о том, для каких типов адресатов они предназначены. Это отражение тесно связано с постулатами речевого общения Г. П. Грайса и, в частности, с постулатами категории Качества. Различные виды аргументированных рекламных текстов ориентированы на разные типы неосведомленных адресатов, тогда как неаргументированные рекламные тексты рассчитаны на адресатов, целенаправленно ищущих определённые товары или услуги. Нередко аргументация в рекламных текстах, рассчитанных на не ищущего определённый товар адресата, подменяется психологическим воздействием на него.

Ключевые слова: реклама, образ адресата, постулаты категории Качества, имплицитная информация.

I. I. Baklanova

Candidate of Philology, associate professor,

Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russia),

e-mail: ibaklanova@yandex.ru

Advertising Text Addressee's Image from a Perspective of Gricean Maxims (Maxim of Quality)

The article deals with the features of implicit information about the expected addressee of advertising texts. This information is closely connected with the conversational maxims of H. P. Grice and in particular with the maxim of Quality. Various types of well-reasoned advertising texts focus on different types of not informed recipients, while advertising texts without argumentation are addressed to targeted recipients seeking for certain goods or services. Reasoning in texts targeted to a consumer not seeking for a specific product is often replaced by the psychological impact on him.

Keywords: advertisement, addressee's image, maxim of Quality, implicit information.

Вопрос о том, каким образом в тексте отражается личность адресата, на которую рассчитывал автор, пока ещё изучен мало и преимущественно на материале художественной литературы [1; 4; 5; 6; 9]. Вместе с тем образ предполагаемого адресата находит отражение и в нехудожественных текстах, например рекламных, мемуарных [2] и научных [3].

Как показывают наблюдения, важным инструментом для реконструкции образа адресата нехудожественного текста являются постулаты речевого общения, описанные Г. П. Грайсом [7]. Это постулаты категории Количества, Качества, Отношения и Способа. Г. П. Грайс считал, что подсознательная осведомлённость говорящего и слушающего о постулатах даёт им широкие возможности для передачи информации в имплицитной форме. Однако наблюдения Г. П. Грайса можно расширить. Предполагая, что постулаты речевого общения в тексте соблюдены, исследователь может вывести информацию о том, на какого адресата данный текст был рассчитан [8].

Цель данной статьи: опираясь на постулат категории Качества, определить, каким образом из текстов рекламы может быть почерпнута информация об их предполагаемых адресатах.

Постулаты категории Качества определяются высказываниями «Старайся, чтобы твоё высказывание было истинным», «Не говори того, что ты считаешь ложным» и «Не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований». Из содержания постулатов категории Качества вытекает, что автор передаёт адресату достоверную информацию. Поэтому источником сведений об образе адресата является наличие или отсутствие аргументации, подтверждающей достоверность передаваемой информации.

На этом основании можно утверждать, что текст с аргументацией, содержащей информацию о преимуществах рекламируемого товара, ориентирован на неосведомлённого и недоверчивого адресата, однако ищущего информацию о товаре. Эти тексты рассчитаны на то, чтобы предвосхитить желания адресата и во что бы то

ни стало убедить его воспользоваться рекламируемой продукцией. Такие тексты можно встретить как в специализированных и развлекательных печатных изданиях, так и в радиопрограммах. Например:

«Переезды. *Приезжаем через 2 часа. Сборка-разборка, упаковка мебели, утилизация старой мебели.* 510–97–64. *Самые низкие цены у нас! Звоните! Все работники гражд. РФ, русские»* (Газета «Экстра М». Выпуск «Север». № 13 (851) 11 апреля 2009 года).

Данный текст содержит аргументы, на основании которых адресат, желающий переехать, должен воспользоваться именно этим рекламным предложением: во-первых, *приезжают через 2 часа*; во-вторых, помимо переезда помогают в *сборке-разборке и упаковке* перевозимой мебели и *утилизации старой мебели*; в-третьих, именно у них *самые низкие цены*. Из сказанного следует, что адресат этой рекламы, по всей видимости, хочет переехать быстро и недорого, но в то же время не очень хорошо представляет, как упаковать перевозимую мебель и как избавиться от старой. Четвёртым аргументом является сообщение о том, что *все работники гражд. РФ, русские*, из чего вытекает, что адресат данной рекламы входит в круг тех современных россиян, которые страдают ксенофобией и хотят иметь дело только с гражданами Российской Федерации, причём русскими по национальности.

Неаргументированная рекламная информация рассчитана на осведомлённого адресата, ищущего сведения о товаре и знающего, чего он хочет. Как правило, информация в таких рекламных текстах содержится в виде номинализованных конструкций, что достаточно адресату, который может выяснить непосредственно с рекламодателем все детали по телефону. Рекламные тексты подобного рода можно встретить в специализированных печатных изданиях. Например:

«Такси “Столица”. Легковые и грузовые перевозки. 310–2329. 8–926–512–22–13» (Газета «ТЕЛЕпрограмма». № 28 (436) 19–25 июля 2010 года.).

Как видно, в этом тексте содержится название фирмы, сообщение о возможности перевозок и телефоны, из чего следует, что адресат ищет информацию о перевозках, знает, что именно ему нужно, и поэтому все интересующие детали может выяснить по телефону.

Кроме того, нередко в рекламном тексте аргументы подменяются прямым воздействием на адресата, вследствие которого адресат принимает решение воспользоваться рекламным предложением. Рассмотрим основные типы таких текстов и их адресатов.

Побуждение осуществляют тексты, которые оказывают воздействие на адресата приказом, советом, приглашением и т. п. в виде побудительных высказываний, например: *Звоните! Спешите! Покупайте! Приезжай! Успейте! Приходите! Заходите! Обращайтесь! Спрашивайте! Не опоздайте! Купи!* и т. п. Рекламный текст с такими глаголами рассчитан на адресата, не ищущего рекламных предложений, но зависящего от чужой воли и подверженного психологическому воздействию. Например:

А. «Мужской голос. В день рождения гипермаркетов ОБИ все цены – подарок! *Приходите и покупайте* по специальным ценам всё, что нужно!

ОБИ. Ремонт. Дача. Выгодно!

Акция действительна до 12 ноября 2009 года. Подробности на сайте obi.ru» (Реклама на радиостанции «Эхо Москвы», 2009).

Б. «Мужской голос. ОБИ представляет: открытый показ! Дверь за 639 рублей!

Смотрите на премьере ОБИ “Филион” и во всех гипермаркетах ОБИ города! Цена действительно до 19 июня 2010 года» (Реклама на радиостанции «Эхо Москвы», 2010).

В. «Мужской голос. Дорога к новой жизни начинается с гипермаркета ОБИ! Поэтому по дороге домой или на дачу *заезжайте* к нам! Мы работаем для Вас круглосуточно!

Лёгкий путь – это ОБИ!» (Реклама на радиостанции «Эхо Москвы», 2010).

Как видно, в каждом из трёх текстов рекламы гипермаркетов ОБИ присутствует глагол в форме повелительного наклонения: *Приходите и покупайте! Смотрите! Заезжайте!* Таким образом, серия рекламных сообщений оставляет в сознании адресата главное: меня зовут, мне предлагают, почему бы не заехать посмотреть и, может быть, купить? На основании сказанного можно предположить, что адресат текста не ищет специально данной информации, но подвержен психологическому воздействию, любит шоппинг и располагает свободным временем, чтобы посетить магазин из простого любопытства.

Обещание льгот осуществляют тексты, которые оказывают воздействие на адресата сообщениями об ограничении цены товара, например: *С уценкой! Скидки до 60%! Всего за 1000 рублей! Дёшево!* и т. п. Такая реклама рассчитана на импульсивного и азартного адресата, стремящегося к выгоде и не задумывающегося о качестве товара, на который снизили цену. Например:

«*С уценкой!!! 15–60% На гарантии! Большой выбор!* Холодильники, плиты, стиральные машины. Тел. (495) 775–91–49 (Строгино)» (Газета «Экстра М». Выпуск «Север». № 13 (851) 11 апреля 2009 года).

Аргументами того, почему надо покупать холодильники, плиты и стиральные машины по этому объявлению, являются сообщения *Суценок!!! 15–60% На гарантии! Большой выбор!* Из этого следует, что адресат текста экономен, импульсивен, азартен, не любит упускать свою выгоду и легко поддается влиянию.

Указание сроков продажи оказывает воздействие на адресата сообщениями о возможности воспользоваться рекламным предложением только в определенные сроки, например: *Только сейчас! Только до 6 апреля! Со 2-го по 7-е...* и т. п. Подобные рекламные тексты рассчитаны на небогатого, но практичного и азартного адресата, для которого важно воспользоваться льготой и успеть совершить покупку в установленные сроки. Например:

«Мужской голос. “Аэрофлот” проводит акцию “Два билета в бизнес-классе по цене одного”. Продажа билетов с 7 октября по 12 ноября. Предложение действительно на собственных рейсах “Аэрофлота” и на рейсах дочерних компаний.

Самый лучший бизнес – вдвоём! Подробности на сайте www.aeroflot.ru» (Реклама на радиостанции «Эхо Москвы», 2009).

Из текста следует, что его адресат воспользуется предложением не тогда, когда захочет, а в заданные рекламой сроки. На этом основании можно предположить, что для адресата важны азарт и выгода.

Воздействие на эмоции адресата осуществляется словами и предложениями, вызывающими у адресата картины воображения, например: *Представьте...; Вы это заслужили; Мне ничего не стоит* и т. п. Таким образом аргументом для адресата становятся эмоции и чувства, с которыми он воспринимает предлагаемую ситуацию. Адресат такой рекламы импульсивен, но уверен в себе и привык в оценке происходящего полагаться на себя. Обратимся к примерам.

«Турция? Я это заслужила» (Реклама в московском метро, 2009).

В данном тексте аргументом в пользу отдыха в Турции является не глагол *заслужила*, а не включённый в текст перечень заслуг, который может привести любая женщина, читающая эту рекламу и невольно ставящая себя на место я: заслужила, потому что красива, потому что работала, училась, воспитывала детей, вела хозяйство, боролась с невзгодами и т. д. После прочтения рекламного текста у адресата, который раньше не собирался в Турцию, может возникнуть мысль о посещении этой страны. Из этого следует, что адресат данной рекламы, скорее всего, импульсивная, со вниманием относящаяся к себе женщина, легко меняющая планы и ориентирующаяся на свои чувства.

«Мужской голос. *Представьте:* в центре “Золотой петушок” *Ваш ребёнок* поёт, танцует, играет и рисует на каждом занятии. Профессиональные музыканты, балетмейстеры, режиссёры и художники ждут детей от двух с половиной до семи лет на комплексный курс эстетического развития. Школьники 8–15 лет приглашаются на музыкальное, изобразительное и театральное отделение.

Телефоны: 625–51–49 и 628–65–77.

Проезд до станции “Красные ворота” или “Чистые пруды”» (Реклама на радиостанции «Эхо Москвы», 2009).

Слово *представьте*, которым начинается данный текст, в сопровождении словосочетания *Ваш ребёнок* подталкивает слушателя к формулировке скрытого аргумента рекламного текста. Любой родитель, слыша этот текст, невольно представляет своего ребёнка увлечённо играющим, танцующим или поющим, что и является для родителя сильной аргументацией. На основании сказанного можно предположить, что адресат обладает хорошо развитым воображением, заботлив, любит своих детей и стремится создать им интересную жизнь, но в то же время он, видимо, импульсивен и поддаётся манипуляции.

«Первый мужской голос. *Мне ничего не стоит* построить команду, общаясь за 0 рублей внутри коллектива.

Новый корпоративный тариф от “Мегафона” “Коллективный”. Безлимитные звонки и SMS внутри коллектива за 0 рублей.

Подробности по номеру 5–0–2–2–0–0–0 [пять-ноль-два-два-ноль-ноль-ноль].

Второй мужской голос. А насколько вообще выгодна корпоративная связь? О новых корпоративных предложениях говорим в прямом эфире “Эха” с руководителем сектора управления корпоративным рынком Борисом Акбашевым. В четверг, в 12.08.

Первый мужской голос. “Мегафон” — будущее зависит от тебя!» (Реклама на радиостанции «Эхо Москвы», 2009).

Слова *мне ничего не стоит* подсказывают слушателю формулировку главного аргумента рекламы: любой организатор, слыша этот текст, начинает верить, что ему действительно ничего не стоит построить команду, общаясь за 0 рублей внутри коллектива, а следовательно, предлагаемый тариф ему подходит. Из этого следует, что адресат текста имеет организаторские способности, уверен в себе, обладает хорошо развитым воображением и имеет широкий круг общения, но в то же время импульсивен и поддаётся манипуляции.

Аргументирующая инсценировка представляет собой текст, воздействующий на эмоции адресата с помощью примера, инсценирующую

шего состояние человека, воспользовавшегося рекламным предложением. Такая реклама рассчитана скорее всего на эмоционального и отчасти завистливого адресата, привыкшего следовать своим желаниям. Например:

«Женский голос. *Ой! Туфли красные на каблуке! Беру! И босоножки! И вот эти милые ботильончики! Платье с пайетками! Беру, беру, беру! И вот это с вырезом, как раз к тем красным туфлям! И сумочка в тон!*

Мужской голос. Летняя распродажа в “Меге” с 1 июля по 15 августа!

Женский голос. *Ах! Какой миленький браслетик!*

Мужской голос. Распродажа в “Меге”! Хочется больше всего!

Ищите специальные предложения от модных брендов на megamall.ru» (Реклама на радиостанции «Эхо Москвы», 2010).

Аргументом в пользу распродажи в торговом центре «Мега» являются восклицания молодой женщины, испытывающей повышенно радостные чувства от шоппинга. Такая форма позволяет адресату, особенно женщине, понять, как она будет себя чувствовать, если займётся в указанный срок шоппингом в «Меге». Из сказанного следует, что адресатом данной рекламы является, скорее всего, завистливая, любящая делать покупки женщина, которая, узнав, как другие покупают, не может устоять перед искушением примерить разные модели одежды, подобрать к платью сумочку и туфли и т. д.

Помимо сказанного следует отметить, что рекламные тексты, как правило, совмещают в себе сразу все типы воздействия на адресата. Например:

«Первый мужской голос. Я, посёлок таунхаусов “Маленькая Шотландия” на Ленинградке, *больше не продаюсь с рассрочкой на 10 лет. Кто успел, тот и молодец! А кто не успел...*

Второй мужской голос. *Торопитесь!* До 10-го октября меня ещё можно купить с рассрочкой на 5 лет под 15% годовых в рублях. *Звоните* в корпорацию “Инком” 363–32–33 и *успевайте* меня покупать. *Успевайте!*

Женский голос. Корпорация “Инком”. 363–32–33. 363–32–33. (Реклама на радиостанции «Эхо Москвы», 2010).

Как видно, в данном тексте сочетаются почти все перечисленные виды воздействия на адресата. Во-первых, сообщение о том, что посёлок *больше не продаётся с рассрочкой на 10 лет*, но что *до 10 октября его ещё можно купить с рассрочкой на 5 лет под 15% годовых в рублях*, сначала пробуждающее в адресате сожаление об упущенной возможности, а потом разгорающийся на этом фоне азарт от осознания того, что не всё упущено.

Во-вторых, прямые призывы к покупке: *Торопитесь! Звоните! Успевайте меня покупать! Успевайте!* – оказывающие психологическое давление на адресата.

В-третьих, призывы дополняются сопоставлением *Кто успел, тот и молодец! А кто не успел...*, последнюю фразу которого адресат может завершить по своему усмотрению, например: *тот неудачник, тот не лидер, тот бедняк, тому не жить в престижных домах* и т. п., что будет для него одним из самых сильных аргументов: скорее всего, адресат не захочет быть неудачником.

На основании сказанного можно предположить, что адресат этого текста не уверен в себе и легко поддаётся психологическому воздействию, но в то же время амбициозен и стремится к получению выгоды.

Таким образом, с помощью постулатов категории Качества можно выявлять в рекламных текстах имплицитное отражение образа предполагаемого адресата, как уверенного в себе, так и подверженного психологическому воздействию.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // «Известия АН СССР». Сер. литературы и языка. 1981. № 4. С. 356–367.
2. Бакланова И. И. Образ адресата нехудожественного текста на примере мемуаров // Русский язык в школе. 2009. № 5. С. 71–75.
3. Бакланова И. И. Языковые особенности учебных и научных текстов с точки зрения постулатов Грайса // II Междунар. конф. «Русский язык и литература в международном образовательном пространстве: современное состояние и перспективы». (Гранада, 8–10 сент. 2010 г.). Гранада, 2010. С. 35–40.
4. Бахтин М. М. Язык в художественной литературе // Бахтин М. М. Собр. соч. : в 7 т. М. : Русские словари, 1996. Т. 5. С. 287–297.
5. Виноградов В. В. О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 1971. 240 с.
6. Виноградов В. В. Стиль «Пиковой дамы» // Виноградов В. В. О языке художественной прозы. М. : Наука, 1980. С. 176–239.
7. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М. : Прогресс, 1985. С. 217–238.
8. Федосюк М. Ю. Соблюдают ли русские постулаты речевого общения Грайса? // Язык. Культура. Общение : сб. науч. тр. в честь юбилея заслуженного профессора МГУ им. М. В. Ломоносова С. Г. Тер-Минасовой. М. : Гнозис, 2008. 540 с.
9. Шмид В. Нарратология. М. : Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

Статья поступила в редакцию 8 декабря 2011 г.

УДК 811.511.12
ББК 81

В. Б. Бакула
аспирант, Мурманский государственный гуманитарный университет
(г. Мурманск, Россия), e-mail: museum-vs@yandex.ru

Лексика крестильного обряда кильдинского диалекта саамского языка

Статья посвящена лексике духовной культуры саамов Кольского полуострова, которая до сих пор не являлась предметом системного анализа лингвистов. Работа представляет собой первый опыт лексико-семантического и грамматического анализа крестильной лексики кильдинского диалекта саамского языка. В составе данной тематической группы на основе семантической близости терминов можно выделить следующие лексико-семантические группы: названия ребенка; названия лиц, связанных с обрядом крещения ребёнка; названия атрибутов, связанных с крещением ребёнка; названия действий, связанных с крещением ребёнка. В результате полевых практик удалось собрать лексический материал, не зафиксированный в современных словарях саамского языка.

Ключевые слова: кильдинский диалект саамского языка, лексика духовной культуры, лексико-семантические группы, обряд крещения.

V. B. Bakula
graduate student, Murmansk State Humanities University (Murmansk, Russia),
e-mail: museum-vs@yandex.ru

Christening Ceremony Vocabulary in Kildin Dialect of the Sámi Language

The article examines spiritual culture lexicon of the Sami of the Kola Peninsula which has not been the subject of systematic linguistic analysis yet. This work is the first semantic and grammatical analysis of christening ceremony vocabulary in Kildin dialect of the Sámi language. On the basis of semantic affinity of the terms, the study distinguishes the following lexical-semantic groups: names of the child; names of the persons connected with the ceremony of christening a child; names of the attributes connected with christening a child; names of the actions connected with christening a child. During field practices the author of this paper collected lexical materials which had not been registered in modern dictionaries of the Sámi language.

Keywords: Kildin dialect of the Sámi language, spiritual culture vocabulary, lexical-semantic groups, christening ceremony

Обычаи и обряды, наряду с верованиями, относятся к духовной культуре народа, неотъемлемым компонентом которой является обрядовая лексика. Обряд крещения относится к церковным обрядам и связан с христианизацией саамов Кольского полуострова, которая произошла окончательно только в XVI в., хотя о контактах русских с саамами известно с конца XII в. Длительное общение саамов с русским населением подготовило почву для перехода их к христианству [14, с. 42]. Как отмечает этнограф Н. Н. Волков, христианскими обрядами сопровождалась обряды жизненного цикла: рождение ребёнка, вступление в брак и похороны [3, с. 72]. Важным вопросом первого периода появления ребёнка в семье был вопрос о его крещении [3, с. 309].

Описание саамского обряда крещения в той или иной мере встречается в работах Н. Н. Ха-

рузина [15, с. 178–206, 256–258.], Т. В. Лукьянченко [10, с. 108–117], И. Шеффера [16, с. 109]. Однако лексика крестильного обряда кильдинского диалекта саамского языка практически не представлена в данных этнографических работах, она до сих пор не являлась предметом системного анализа лингвистов. В XX в. вследствие общественно-политических событий лексика религиозного характера табуировалась, со временем стала переходить в пассивный словарный состав языка, используя в основном во фразеологизмах и афоризмах [13, с. 8], поэтому лексика обряда крещения недостаточно зафиксирована в современных саамских словарях. В этой связи первоочередной задачей является фиксация и анализ данного пласта лексики.

Объектом исследования явились материалы, собранные в ходе полевых исследований автором статьи; материалы «Словаря саамско-

русского и русско-саамского» Г. М. Керта [8], «Саамско-русского словаря» под ред. Р. Д. Курруч [2], «Словаря кольских и колтта диалектов саамского языка» Т. И. Итконена [17], а также материалы этнографических и исторических исследований [3; 10; 14; 15; 16]. Предмет исследования – лексика крестильного обряда.

Информантами в полевых исследованиях, предоставившими основной корпус крестильной лексики в кильдинском диалекте саамского языка, явилась жительница с. Ловозера Антонова Александра Андреевна (1932 г. р.) – носитель кильдинского диалекта саамского языка [1], и Новохатько Анна Ефимовна (1927 г. р.) – носитель кильдинского диалекта саамского языка [11]. Работа представляет собой первый опыт лексико-семантического и лексико-грамматического анализа лексики крестильного обряда кильдинского диалекта саамского языка.

В составе крестильной лексики на основе семантической близости терминов можно выделить следующие лексико-семантические группы: названия ребёнка; названия лиц, связанных с обрядом крещения ребёнка; названия атрибутов, связанных с крещением ребёнка; названия действий, связанных с крещением ребёнка. В основу распределения по лексико-семантическим группам легли наиболее общие дифференциальные признаки: «ритуальное действие», «участие в обряде» и «использование в обрядовой ситуации» [12, с. 194].

Определяющим компонентом в тематической группе «Крестильная лексика» является существительное *рысст* – «крест» [2, с. 306; 1; 11], *ris̄t*, *ris̄t* – «крест» Кильдин. погост [17, с. 442]. По данным информанта №1, в кильдинском диалекте имеется название крестильного обряда – *рысстмушии*, ср. *ristmus* – «крещение» в Кильдинском погосте [17, с. 443]. В других современных словарях саамского языка данная лексема не зафиксирована. Данная лексема производная, образована от существительного *рысст* – «крест» при помощи продуктивного суффикса –*мушии*, с помощью которого в саамском языке образуются имена со значением названия действия. Суффикс –*мушии* может образовывать имя практически от любого глагола [9, с. 86].

Существительное *рысст* является производящей основой в лексико-семантической группе слов «Названия действий, связанных с обрядом крещения ребёнка» для однословных лексем, образованных при помощи транспонирующих (образующих глаголы от имён существительных) суффиксов: суффикса –*э*, который одно-

временно является и показателем инфинитива: *рысстэ* – «крестить кого-что» [1], «рел. 1. Крестить кого-что, 2. Креститься (делать рукой знак креста)» [2, с. 306; 1], *ristэ* – «крестить» [17, с. 443]; суффикса –*нэдт*, который является комбинацией рефлексивного суффикса –*эдт* и первичного суффикса –*н* и придаёт глаголу значение рефлексивности действия: *рыстнэдтэ* – «креститься (совершать обряд крещения)» [1], «рел. 1. Креститься (делать рукой знак креста) 2. Креститься (совершать обряд крещения)» [2, с. 306], *ristnetted* (refl.) [17, с. 443]; суффикса –*х*, который передает видовые отношения: *рыстхэ* – «рел. окрестить кого» [2, с. 306; 1], *ristxas* – «окрестить» [17, с. 443] (ср. *рысстэ* – «крестить»).

По данным информанта № 1, для обращения к Богу существует глагол *молдэдтэ* – «молиться», не зафиксированный в современных словарях саамского языка и в словаре Т. Итконена. Суффикс –*дэдт* – рефлексивный суффикс в комбинации с первичным суффиксом. Лексема *молдэдтмушии*, образованная от глагола *молдэдтэ* при помощи суффикса –*мушии* со значением названия действия, является существительным, обозначающим процесс совершения таинства молитвы и переводится как «моление» и «молитва».

Во время крещения, как известно, ребёнку давалось имя, которое обычно выбиралось по святым, то есть ребёнка называли именем того святого, на день которого приходилось его рождение или крещение. В кильдинском диалекте саамского языка существует несколько лексем для обозначения имянаречения: *коаһче*, *кодчнэ*, *аннѳтэ* нэм, *ва̄льтэ* нэм. Глаголы *коаһче* и *кодчнэ* отличаются оттенками значения протекания действий, которые вносят саамские словообразовательные суффиксы. Суффикс –*ч* выражает длительность, постоянство действия: *коаһче* – «1. Звать, вызывать, подзывать кого; 2. Звать, называть кого-что. *Ко̄ххт то̄ н коадчетѳ?* – Как тебя зовут? *Парнатѳ тоаййв коадчетѳ ро̄дэ нэ̄ мме.* – Детей часто называют именами родственников» [2, с. 115; 1]. Суффикс –*н* выражает периодичность действия: *кодчнэ* – «1. Звать, вызывать, подзывать кого (постоянно, иногда, бывало); 2. Звать, называть кого (постоянно, иногда, бывало). *Ми н ти ррсэьт парнатѳ пай кодчнэтѳ ро̄дэ нэ̄ мме.* – В нашей семье детей всегда называют именами родственников» [2, с. 115; 1]. Кроме того, по замечанию информанта № 1, глагол *коаһче* обозначает действие, протекающее сейчас, глагол *кодчнэ* – действие, протекающее когда-то.

Имянаречение могло обозначаться и синонимичными словосочетаниями: *анн̄ьтэ нэм* и *ва̄льтэ нэм*. *Анн̄ьтэ нэм* – «дать имя кому, назвать кого» [2, с. 219], «назвать именем» [1]. *Ва̄льтэ нэм* – «назвать именем» [1], букв. «брать имя» (ср. *ва̄льтэ* – «брать/взять кого-то» [2, с. 35]). В глаголах можно выделить «один из древнейших финно-угорских суффиксов, имеющих параллели почти по всем финно-угорским языкам», – это каузативный суффикс *-m* [5, с. 164]: «дать имя», «назвать именем». В словосочетаниях связь между компонентами выражена синтетически, то есть формами словоизменения. Словосочетания образованы по модели «глагол+имя существительное в аккумулятиве», синтаксическая связь – управление, обозначают направленное действие, переходящее на объект («дать имя», «брать/взять имя»).

В лексико-семантическую группу «Названия участников обряда крещения» в кильдинском диалекте входят следующие слова: *кум, кума* – «кум, кума» [1; 11]; в словарях саамского языка не зафиксированы. Данная лексема – «чистое» заимствование [4, с. 118] из русского языка. *Е̄нн̄ь* – «мать» [2, с. 80; 1; 11] и *аджь* – «отец» [2, с. 20; 1; 11] (ср. *рысть-очим, рысть-ейча* – «крестный отец» [15, с. 310]). *Рыст е̄нн̄ь* – фр. «крестная мать» [2, с. 306; 1; 11] (ср. *рысть-янна* – «крестная мать» [15, с. 310]). *Рыст аджь* – «крестный отец» [2, с. 306; 1; 11] (ср. *rist-aīj* – «крестный отец» [17, с. 442]). *Рыст нӣййт* – «крестная дочь» [1]. *Рыст алльк* – «крестный сын» (ср. *rist-allgg (Кильдин)* – «крестный сын» [17, с. 442]). По замечанию Г. М. Керта, данные двусловные лексемы представляют собой «либо словосочетания, либо сложные слова» [7, с. 168]. Они передают собой родственные отношения, образованы соположением имён существительных и входят в группу словосочетаний, связь между компонентами которых не выражена морфемами или служебными словами [7, с. 267]. Для наименования священника в кильдинском диалекте используются лексемы *поahn* – «поп» [2, с. 259] и *лушшэй* – «служащий» [1] (ср. *рыстэдтэм пыдрт лушшэй* – «служащий церкви»). Лексема *лушшэй* представляет собой форму активного причастия незаконченного действия на *-эй* от глагола *лушшэ* – «служить, нести службу» [2, с. 169]). По замечанию Г. М. Керта, «во всех диалектах наблюдается переход этих причастий в имена прилагательные и существительные» [7, с. 206]. Лексема *поahn* – «поп» – заимствование из русского языка с незначительной фонетической адаптацией.

Христианский обряд крещения в церкви проходил по канонам православия. Во время совершения обряда крещения священник освящал воду в купели, читал молитву, а затем окунал ребёнка в воду. Непременными атрибутами при этом являлись *рыст* – «крест» [2, с. 306; 1; 11], которым священник крестил младенца, *тувас* – «свеча» [1; 2, с. 359; 8, с. 96] – однословные производные лексемы. Крестный отец дарил крестнику телёнка – *рыст ажь паррьн* – «подарок отца» [1] (букв. «крестного отца сын»), приплод от которого являлся собственностью ребёнка. Связь между компонентами в данном словосочетании выражена соположением «имя существительное в номинативе + имя существительное» и подтверждает замечание Г. М. Керта о том, что «в саамском языке слабо представлена категория прилагательных, выражающих признак предмета через отношение этого предмета к другим предметам и явлениям. Признак предмета, выражающий его отношение к другим предметам и явлениям, в саамском языке передаётся главным образом порядком слов – соположением имён существительных. Слова, выражающие отношение, всегда стоят в препозиции к определяемому имени» [7, с. 166]. Обычай дарения крестнику телёнка оленя, по данным информантов, сохранился до сегодняшнего дня, правда, соблюдается редко, потому что мало кто имеет сегодня оленей.

Младенца трижды окунали в купель – *пуйххыц* [1]. Данное значение у этой лексемы встречается только по данным информанта № 1, в современных саамских словарях значение этого слова – «бочка» [8, с. 76; 2, с. 270; 17, с. 404]. Поскольку обряд крещения у саамов мог происходить не только в церкви, но и дома, то для омовения использовались, вероятно, любые приспособления, в которых можно было окунуть и омыть ребёнка: *пуйххыц* – «бочка» [17, с. 76; 2, с. 270]; *ве̄шишьк на̄ххьп* – «медная чашка, миска» [17, с. 62, 274; 1; 2, с. 205]; *та̄сс* – «таз, лохань, лоханка» [2, с. 205; 1; 11; 17, с. 574] – однословные производные лексемы; *та̄сс* является фонетически адаптированным заимствованием из русского языка. Лексема *нэ̄ссэм* – «ванна, корыто» [8, с. 78; 1; 17, с. 358] представляет собой отглагольное имя действия, образованное при помощи суффикса – *эм* от глагола *нэ̄ссэ* – «1. Мыть/вымыть, помыть, отмывать/отмыть, умыть/умыть кого-то» [2, с. 281].

Наполняемость лексико-тематических групп крестильной лексики говорит о том, что этот

пласт лексики духовной культуры сохранился в кильдинском диалекте саамского языка. Обогащение лексико-тематической группы крестильной лексики происходило путём внутренних средств [5, с. 163] и путём заимствований. На примере этой группы слов можно видеть, как проявляется способность саамского глагола «передавать тончайшие оттенки протекания действия как в количественном, так и в качественном отношении» при помощи словообразовательных суффиксов. Поскольку саамский глагол в своей лексической форме не имеет значения законченности и незаконченности действия, словообразовательные суффиксы передают оттенки протекания действия как в количественном, так и в качественном отношении [6, с. 97].

В тематической группе «Лексика крестильного обряда» присутствуют как однословные лексемы (непроизводные и производные, образованные суффиксальным способом), так и словосочетания с выраженной формами словоизменения связью и с невыраженной морфемами или служебными словами связью (соположением).

Язык саамов Кольского полуострова относится к постепенно угасающим языкам. Вместе с языком, как одним из хранителей духовной культуры саамов, мы можем утратить и знания об этой культуре. Изучение лексики духовной культуры способствует реконструкции языковой картины данного языкового коллектива, что может помочь в решении проблемы этнической идентичности саамов, их национальному возрождению.

Список литературы

1. Антонова Александра Андреевна (1932 г. р.) – носитель кильдинского диалекта саамского языка, информант № 1, жительница с. Ловозеро, Мурманская обл.
2. Афанасьева Н. Е. Саамско-русский словарь / Н. Е. Афанасьева, Р. Д. Куруч, Е. И. Мечкина, А. А. Антонова [и др.]. М. : Рус. яз., 1985. 568 с.
3. Волков Н. Н. Российские саамы. Историко-этнографические очерки. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук. Саамский Институт, 1996. № 1.
4. Гвоздарев Ю. А. Современный русский язык. Лексикология и фразеология. Ростов н/Д : МарТ, 2008. 352 с.
5. Керт Г. М. Некоторые особенности лексики саамских диалектов Кольского полуострова // Труды по финно-угроведению. 1975. № 1. С. 159–166.
6. Керт Г. М. О глагольных словообразовательных суффиксах в кильдинском диалекте саамского языка // Сов. финно-угроведение, 1987. № 2. С. 93–100.
7. Керт Г. М. Саамский язык. Л. : Наука, Ленинградское отд-ние, 1971. 355 с.
8. Керт Г. М. Словарь саамско-русский и русско-саамский: пособие для уч-ся нач. шк. Л. : Просвещение, Ленингр. отд-ние, 1986. 247 с.
9. Керт Г. М. Словообразование имён в саамском языке // Прибалтийско-финское языкознание. Вопросы лексикологии и грамматики. Петрозаводск : Карельский фил. АН СССР. Институт языка, литературы и истории, 1988. С. 84–91.
10. Лукьянченко Т. В. Семья и обряды жизненного цикла // Прибалтийско-финские народы России. Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М. : Наука, 2003. С. 108–117.
11. Новохатько А. Е. (1927 г. р.) – носитель кильдинского диалекта саамского языка, информант № 2, жительница п. Ревда, Мурманская обл.
12. Таратынова Н. Ю. Лексика свадебного обряда (по материалам псковских говоров): дис. ... канд. филол. наук. Псков, 2007. 291 с.
13. Толстова Г. А. Старообрядческая конфессиональная лексика в письменной речи Агафьи Лыковой : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2007. 29 с.
14. Ушаков И. Ф. Избранные произведения : в 3 т. Т. 1 : Кольская земля. Мурманск : Мурм. кн. изд-во, 1997. 647 с.
15. Харузин Н. Н. Русские Лопари (Очерки прошлого и современного быта). М., Высочайше утвержденное товарищество скоропечатни А. А. Левенсонь, 1890. 472 с.
16. Шеффер И. Лаппония // Историко-краеведческий эколого-информационный альманах «Живая Арктика». Апатиты. 2008. №1. 132 с.
17. Itkonen T. I. Koltan-ja kuolanlapin sanakirja. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen seura, 1958. 803.

Статья поступила в редакцию 1 ноября 2011 г.

УДК 808.2
ББК 81.411.2-5

А. С. Бойчук
аспирант, Волгоградский государственный социально-педагогический
университет (г. Волгоград, Россия),
e-mail: alexa-bs@mail.ru

Гастрономическая метафора как показатель социокультурных отношений в среде носителей русского языка

В статье анализируются проблемы, связанные с определением статуса гастрономических метафор; последние рассматриваются как показатель изменений, произошедших в социокультурной сфере. Исследуется роль гастрономической метафоры в процессе создания «портрета эпохи» в тексте художественного произведения, в связи с чем затронут вопрос о значимых чертах идиостиля А. П. Чехова. Приводятся примеры характеристики современного состояния общества с помощью данного типа метафор.

Ключевые слова: гастрономическая метафора, мотивационная система, социокультурный фактор, идиостиль, общество потребления.

A. S. Boychuk
graduate student, Volgograd State Social and Pedagogical
University (Volgograd, Russia),
e-mail: alexa-bs@mail.ru

Gastronomic Metaphor as Socio-Cultural Relations Indicator Among Russian Speakers

The paper analyzes the problems associated with the definition of the status of gastronomic metaphors which are considered as indicators of changes in a socio-cultural aspect. The author investigates the role of gastro-metaphors in the process of creating a "portrait of the era" in literary texts and therefore, refers to the significant features of A. P. Chekhov's idiosyncrasy. The study illustrates the current state of society described with this type of metaphors.

Keywords: gastronomic metaphor, motivational system, socio-cultural factor, idiosyncrasy, consumer society.

В исследованиях, посвящённых такому значимому аспекту человеческого состояния, как питание, неоднократно встречаются упоминания той немаловажной роли, которую играет пища в процессе становления индивидуума, установления связи с обществом, с культурой. Так, известный французский учёный, структуралист-антрополог К. Леви-Стросс пишет: «Удовлетворяя потребности тела, кулинарное искусство обеспечивает необходимое сочленение между природой и культурой. Возникшее из двух сфер, оно отражает эту двойственность во всех своих проявлениях <...>. Кулинария является языком, непроизвольно отражающим устройство данного общества или, по крайней мере, выявляющим противоречия, в которых общество не отдаёт себе отчёта [5, с. 372, 377].»

В трудах В. В. Похлёбкина, одного из наиболее авторитетных специалистов в области таких специфических дисциплин, как гастрономи-

ческая история, семиотика кухни, кулинарная антропология, также постулируется мысль о тесной взаимосвязи набора продуктов питания и способов их обработки «с представлением личности о себе и своем месте во вселенной и обществе» [2, с. 222].

Значимым последствием использования в качестве объекта сравнения, лежащего в основе метафоры, объектов и явлений из тематической сферы «Гастрономия» является зависимость процессов возникновения и функционирования гастрономических метафор от социокультурных и исторических факторов.

Гастрономические метафоры составляют мотивационную систему, т. е. группу разнородных по значению метафор, внутренняя форма которых относится к одной тематической сфере, включающей номинации пищи, её вкусовых качеств и способов её приготовления.

Представленное исследование гастрономических метафор строится преимущественно на языковом материале произведений А. П. Чехова. Он был выбран как писатель, чьё творчество отражает наиболее актуальные тенденции в жизни общества соответствующего исторического периода (для чего активно используются гастрометафоры). Сопоставление полученного таким образом портрета чеховской эпохи с представлениями носителей русского языка о современности (начало XXI в.), выраженными в образной форме, даёт основания говорить об изменениях, произошедших в социокультурной сфере.

Если рассматривать гастрономическую метафору как идиостилевую черту определённого писателя, необходимо выявить связь между использованием данных образных выражений и целевой установкой автора.

Идиостиль, который понимается как «совокупность языковых и стилистико-текстовых особенностей, свойственных речи писателя, учёного, публициста и отдельных носителей данного языка» [4, с. 95], неизбежно отражает мировоззренческую установку автора, его взгляд на значимые исторические события, характеристику эпохи.

Обратившись к творчеству А. П. Чехова, мы, прежде всего, должны вспомнить особенности повествовательной манеры автора. Исследователи говорят о подробнейшей детализации в изображении обыденного течения жизни в произведениях А. П. Чехова. Описание бытовых подробностей вместе со стремлением к изображению «пошлости пошлого человека» создаёт предпосылки к активному использованию гастрономических метафор, которые, как правило, антропоцентричны, тесно связаны с чувственным восприятием окружающей действительности. Они либо обладают предметным значением, указывая на конкретные реалии материального мира (*общественный пирог, карамель народной литературы* и т. п.), либо физиологичны (когда перенос основан на детальном описании приёма пищи и сопутствующих состояниях человека).

Следует отметить также тот факт, что использование мотивационной системы, связанной с областью гастрономии, призвано оказать, прежде всего, экспрессивное воздействие (эстетическое отходит на второй план, несмотря на то, что речь идёт о художественном тексте). При этом актуальными оказываются преимущественно отрицательные коннотации. Вспомним

здесь о наблюдении Г. Н. Складневской, обратившей внимание на асимметричность системы оценок в рамках семантической сферы «Человек» (в которую как составляющая входит и сфера «Гастрономия»): мелиоративные оценки представлены скупо и фрагментарно, пейоративные чрезвычайно разнообразны [6, с. 120].

Сплошная выборка гастрометафор из полного собрания сочинений А. П. Чехова выявила 606 случаев употребления таких оборотов. Мы можем предположить, что активное функционирование метафор изучаемого типа в текстах произведений писателя обусловлено совокупностью факторов. Большое значение приобретает стремление автора отразить «контекст эпохи», оценить состояние общества опосредованно, через ассоциативные ряды и аллюзии, которые создаются путём обращения к тематической сфере «Гастрономия».

Характерной особенностью идиостиля А. П. Чехова можно считать использование обозначений вкусовых метафор для изображения *характера, эмоционального состояния человека и внешнего выражения эмоций на лице и в голосе*. Это значение для метафор данной группы является исходным, закреплённым в узусе на протяжении долгих лет. Создание таких метафор отвечает особенностям человеческого мышления, стремящегося привести к осознанию абстрактного (и особенно психических состояний человека) при помощи конкретного.

В произведениях А. П. Чехова частотное упоминание неприятного вкуса связано с творческой установкой на изображение людей определённого типа и склада характера, которых породила «эпоха безвременья», «отсутствия обшей идеи» в русском обществе:

Наука и техника переживают теперь великое время, для нашего же брата это время рыхлае, кислое, скучное, сами мы кислы и скучны, умеем рождать только гуттаперчевых мальчиков [8, т.12, с. 272].

Характеризация персонажей у А. П. Чехова нередко происходит через обращение к таким семантическим признакам, как «сладость» (с компонентом значения 'избыточность'), «приторность» и «кислота».

Показателем внутреннего состояния человека, особенностей его характера выступает *сладкое* лицо, глаза, улыбка. Активно используются писателем производные от данного слова прилагательные с суффиксами субъективной оценки (*сладенький*), а также форма превосходной степени (*сладчайший*). Посредством этого соз-

даётся эффект чрезмерности, навязчивости, что порождает ироническое отношение к описываемому объекту:

Лицо по-прежнему доброе, сантиментальное, сладенькое (8, т.10, с. 366).

От А. П. Чехова идёт тенденция, когда приторно-нежная, умильная «сладость» в обращении людей друг с другом проявляется там, где затрагивается тема чинопочитания, преклонения «маленького человека» перед вышестоящими:

С лица его летом течёт патока, в холодное же время сыплется сахарный песок [...]. Почтительности учился по письмовнику Курганова, откуда с усердием, достойным иного применения, выштудировал все существующие на свете чин-чинапочитания [Слово дано в авторском варианте] *и сладости: «почтительнейшие, покорнейшие, ваше превосходительство, беру на себя смелость» и проч.* [8, т. 4, с. 391].

«Кислота» есть особенность внутреннего склада современного писателю образованного человека. Это сочетание в нём непривлекательных черт, среди которых и безыдейность, и неспособность к активному действию:

Зачем изображают одних слабых, кислых и грешных, и каждый, советуя брать только сильных, здоровых, интересных, разумеет само себя [8, т.11, с. 391].

Метафоры со словом *кислый* там, где речь идёт не об абстрактных категориях бытия, характеристике эпохи, а о конкретной личности, используются в значении *‘скучный, унылый’*. Внутреннее состояние описывается в основном через внешние характеристики: лицо, голос:

Лицо его точно дверью прищемлено или мокрой тряпкой побито. Оно кисло и жалко; глядя на него, хочется пить «Лучинушку» и ныть [8, т. 2, с. 120].

Примечательно, что для А. П. Чехова прилагательное *кислый* – прежде всего определение склада характера: если можно так выразиться, содержание «кислоты» в организме его героев неизменно. Для современного писателя метафора, основанная на обращении к кислому вкусу, описывает сиюминутные эмоции, настроение:

В Иване Исаевиче она открывала всё новые и новые достоинства, но скисала каждый раз от его «пинджаков» и «тубареток» [7, с. 118].

Описанная тенденция может быть связана с изменением в понимании ключевых характеристик эпохи со стороны носителей языка. Современному человеку ближе модель «сладкой жизни». Если в произведениях А. П. Чехова доми-

нантой определённого исторического периода называется скука, то мы живём в «интересные времена», «эпоху перемен».

А. П. Чехов стал тем, кто ввёл в активное узуальное употребление множество слов и выражений (разговорных с точки зрения стилиевой дифференциации), способствующих формированию экспрессивной оценки высказывания: *кислятина, кислолицый, раскисляющий, Кисляй (Кисляевич), кисляк* (к этой группе также относится окказиональная гастрометафора *мантифолия на укусе*, используемая в значении *‘нудно и долго, но с большой долей патетики говорить о чём-либо’*):

Я сам баба, тряпка, Кисляй Кисляич и потому терпеть не могу кислоты. Не люблю мелких чувств! [8, т. 7. с. 346].

Итак, характер используемых писателем метафор во многом связан с настроениями в обществе, актуальными для той эпохи (называемой также «эпохой безвременья»). Возникают параллели с нашим временем, когда активное использование гастрономических метафор связано с вхождением в узуальное употребление такого термина, как «общество потребления». Данное понятие используется для характеристики состояния сегодняшнего общества как в научных исследованиях (труды Э. Фромма, Г. Дебора, В. И. Ильина, В. П. Руднева и др.), так и в сознании большинства членов социума.

Гастрометафоры оказались весьма удобны для отображения изменений в ценностной шкале носителей языка. Для «общества потребления» характерно снижение планки духовных потребностей, приравнивание их в ценностном отношении к потребностям материального плана. К последним относится потребность в пище. Вследствие этого актуальной становится следующая метафорическая модель: сопоставление какого-либо культурного объекта с продуктом питания или блюдом. При этом «культурный продукт» (книга, фильм, музыкальное произведение) оценивается как нечто заведомо невысокой ценности, утверждается принадлежность его к массовой культуре:

Коктейль вышел на славу: здесь и добрый доктор Гильотен, и «Семнадцать мгновений весны», и даже «Ирония судьбы»... вот только зачем читателю переваривать сию щедро сдобренную казарменным юмором стряпню, давиться остывшим фастфудом или тухлыми котлетами (жур. «Мир фантастики». Т. 44. № 4. 2007. С. 30).

Примечательно, что у А. П. Чехова мы находим немало подобных оценочных высказываний, использующих гастрономические и касающиеся современных писателю явления культурного плана:

1. Начинил он свою картину всякой всячиной. Тут у него и голые женщины, и пещеры, и добывание огня через трение, и первый номер «Сына отечества», и охота на мамонта, и бригадирский чин... Да простит ему Аллах эту мутную кашу! [8, т.4. с. 362].

2. Но таких страшилищ (я говорю о романах, какими угощают теперь публику наши московские бумагопожиратели вроде Злых духов, Домино всех цветов и проч.) ещё никогда не было [8, т. 4. с. 390].

Характерной особенностью идиостиля А. П. Чехова может считаться своеобразное применение метафор, связанных с наименованиями напитков. Как и «вкусовые» метафоры, они тесно связаны с областью передачи человеческих эмоций и чувств: «Эмоции уподобляются текущему телу, некоторому неспецифицированному по составу жидкому веществу, горькому или сладкому, благотворному или вредоносному (яду, отраве), которое человек может пить и изливать» [1, с. 390].

Для русской культуры характерным является разделение напитков на две большие группы: утоляющие жажду (прохладительные, безалкогольные) и горячительные, возбуждающие (алкогольные). Это противопоставление отражено в творчестве А. П. Чехова через придание «алкогольным» метафорам положительного аксиологического статуса. Для писателя характерно представлять некие качественные характеристики текста, содержательную глубину, эффект

воздействия на читателя и т. п. как алкогольную составляющую напитка. Литература, оцениваемая как низкокачественная, лишённая «спирта», «алкоголя», приравнивается к «сладкому лимонаду». Найденные нами в текстах произведений А. П. Чехова выражения носят преимущественно окказиональный характер. При этом актуальность приобретает метафорическая модель: *Культурный объект / Напиток*, сходная с распространённой в современном социуме моделью: *Культурный объект / Блюдо*:

Вы горький пьяница, а я угостил Вас сладким лимонадом, и Вы, отдавая должное лимонаду, справедливо замечаете, что в нём нет спирта. В наших произведениях нет именно алкоголя, который бы пьянил и поработал, и это Вы хорошо даёте понять [...]. Скажите по совести, кто из моих сверстников, т. е. людей в возрасте 30–45 лет дал миру хотя бы одну каплю алкоголя. Разве Короленко, Надсон и все нынешние драматурги не лимонад? [8, т.12, с. 272].

Проведённый анализ позволяет говорить о том, что использование гастрономических метафор в текстах произведений А. П. Чехова являлось значимой особенностью его идиостиля. Появление того или иного образного выражения было обусловлено творческой задачей писателя, которая, в свою очередь, формировалась с учётом социокультурной проблематики, актуальной для того исторического периода. При помощи гастрономической метафоры, таким образом, создавался «портрет эпохи». Перспективным направлением исследования представляется использование указанного типа метафор для характеристики современного состояния языка с учётом социокультурных показателей.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1998. 896 с.
2. Генис А. А. Хлеб и зрелище: О кулинарной прозе Вильяма Похлебкина // Звезда. СПб. 2000. № 1. С. 220–224.
3. Ильин В. И. Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность // Мир России. 2005. Т. XIV. № 2. С. 3 – 40.
4. Котюрова М. П. Идиостиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М. : Флинта: Наука, 2003. С. 95–99.
5. Леви-Стросс К. Мифология. Т. 3. Происхождение застольных обычаев. СПб. : Университетская книга, 2000. 464 с.
6. Складаревская Г. Н. Метафора в системе языка. СПб., 2004. 166 с.
7. Улицкая Л. Медя и её дети. М. : Эксмо, 2004. 464 с.
8. Чехов А. П. Собрание сочинений : в 12 т. М. : Правда. 1985.

Статья поступила в редакцию 3 октября 2011 г.

УДК 821(4).09
ББК 83.3(4)

А. Б. Бушев
доктор филологических наук, профессор,
филиал ГОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный
инженерно-экономический университет» в городе Твери (г. Тверь, Россия),
e-mail: alex.bouchev@list.ru

Проблема экфрасиса

Работа посвящена актуальной проблеме интерпретации произведения искусства – вербальному тексту о невербальном феномене искусства (экфрасис). Продемонстрирована система интерпретации актуального искусства и экфрасис творчества Сурикова. Показана многослойность понимания произведения – это и соотнесение с традицией, и сюжетика, и национальная особенность, и техника и колоризм, и наивное восприятие, и интерпретация творческого пути мастера. Акцентированы виды дискурсов интерпретации, роль риторизации арт-образования.

Ключевые слова: экфрасис, интерпретация, дискурс, понимание, художественность, актуальное искусство.

A. B. Bushev
Doctor of Philology, professor, Saint-Petersburg State
University of Economics and Engineering, Tver Branch (Tver, Russia),
e-mail: alex.bouchev@list.ru

The Problem of Ecphrasis

The paper tackles the actual problem of verbal interpretation of artistic works – a verbal text about a non-verbal art phenomenon (ecphrasis). The study focuses on the interpretation system of contemporary arts and ecphrasis of Surikov's works. The multilayered interpretation of a work of art correlates with traditions, plots, national characteristics, style, technique, color, naïve comprehension, and artistic biography of the creator. The study accentuates different kinds of interpretation discourses and the role of rhetoric in arts comprehension.

Keywords: ecphrasis, interpretation, discourse, comprehension, artistic phenomenon, contemporary arts.

В актуальной проблеме интерпретации произведения искусства особняком стоит **вербальный текст о невербальном феномене искусства (экфрасис)**. Иными словами, нас интересует то, как мы понимаем и интерпретируем в словах живопись и музыку. Существует традиция академического понимания искусства, искусствоведческий дискурс, дискурс художественной критики, дискурс арт-журналистики, наивный дискурс и образовательный дискурс в области понимания и интерпретации явлений мировой художественной культуры.

Понимание и интерпретация многослойны – играет свою роль сюжетика, традиция художественного стиля (перед нами античность, ренессанс, классицизм, барокко, рококо, романтизм, реализм, беспредметничество, импрессионизм, дадаизм, фовизм, сюрреализм и т. д.). Важно собственное впечатление и соотнесение с тради-

цией, роль текстов в произведениях и заглавиях работ, сюжетика и смыслы. Скажем, Гейнсборо, Стаббс, Рейнольдс, Констебль воплощают в своих произведениях смысл «английскость» (immortalized the quintessential Englishness, countryside and gentry). До сих пор удивительно живуч биографизм в интерпретации произведений (violent lifestyle of Caravaggio или история разорения Рембрандта, история сумасшествия Ван Гога, краски Прованса и Сезанн).

Возьмём «Завтрак на траве» – необъяснима загадка столь знакомого всем сюжета картины. А каков смысл? А почему нравится? А какое впечатление от произведения? А какая техника? Что понятно? Так, мы приступаем к процессу художественной вербальной интерпретации произведения, подчас неотрефлексированному.

Сам **искусствоведческий дискурс** возник относительно недавно, хотя феномен эстетиче-

ской рецепции и рефлексия над ним был известен ещё в античности. В наше время в контекст искусства вернулись книги Врангеля, Курбатова, Дживилегова, Трубецкого, Алпатова, Грабаря, Гнедича, Бенуа, Трубецкого, Вагнера, Виппера, Федорова-Давыдова, Молевой, Бычкова, Лазарева, Муратова, Лихачева, Стернина, Сарбьянова, Суздалева. Появились западные книги по всемирной истории живописи, они подчас лучше «Библиотеки памятников мирового искусства» (Мутер, Вельфин). Прекрасен язык старых книг, на этих образцах можно учиться научно-художественной прозе. Художественность несколько не вредит научности. Кто из сегодняшних искусствоведов говорит вот так: «Перенесенная из госпиталя Санта Мария Нуова в Уффици его фреска “Голгофа” страшна не только страданием Распятого, но и душевной бурей предстоящих. Плач Богородицы слышится здесь как ужасающий вопль». Или запоминающиеся слова М. В. Алпатова: «русское Успение – многоустая похвала Богородице». Это то, что отличает этот образ в нашей национальной традиции.

Искусству интерпретации помогает *риторика* [2]. Риторика – классическая наука о целесообразном и уместном слове, имеющая корни ещё в античности. Кстати, мало кто из студентов читал «Риторику» Аристотеля, знает о том, кто был первый профессор римской риторики, или, скажем, кто преподавал риторику питомцам Царскосельского лицея, в котором учился Пушкин. В нашей стране работает Российская риторическая ассоциация. Ее сайт адресован профессионалам риторики – преподавателям, юристам, политикам, журналистам и всем, чья деятельность профессионально связана с публичной речью. Из появившихся в печати за последнее десятилетия можно рекомендовать читателю книги Ю. В. Рождественского, А. А. Волкова, В. И. Аннушкина. Классики предупреждают, что освоение искусства слова невозможно без владения литературным языком, без систематического образования – знания богословии, истории, философии, права, художественной литературы. В противном случае искусство слова становится пустословием. Искусство всякого слова рождается в практике – об этом должны помнить будущие публицисты, писатели, юристы, государственные деятели, проповедники.

Важна подготовленность к рецепции произведений. Ко встрече с искусством важно быть подготовленным – знать имена, традиции, ме-

тоды, понимать место того или иного феномена в историческом движении искусства. Художественный опыт личности – один из источников интерпретации. Соотнесение осваиваемого образа с опытом суть рефлексия над ним. Как приобретается культурный опыт? Он-то и составляет бесценный «загар» личности. К восприятию и интерпретации произведений искусства должна подводить собственная работа. Полезны музейные мероприятия, вернисажи, ночи музеев, арт-перформансы, походы на выставки, в музеи и «насмотренность». Возьмем прекрасные выставки, состоявшиеся в Москве за последний год – это и «Сокровища музеев Будапешта», и Пикассо из Парижского музея, это и выставка экспрессиониста Марко Ротко, и выставка «100 лет перформансу» в Гараже, и выставка современного французского искусства из собрания центра Помпиду RES PUBLICA, и выставка вхутемасовца Александра Лабаса, и выставка современного нью-йоркского художника Ричарда Хэмлтона. На интересных экспозициях были представлены Петр Кончаловский, Зинаида Серебрякова... А какие новые интересные художественные площадки – и Московский музей современного искусства, и Государственный центр современного искусства, и центр современной культуры «Гараж», и «Арт-стрелка», и «Винзавод», и московский дом фотографии.

Художественный опыт формирует представление о классике современности: представлены в новейших течениях на Крымском валу оказались Инфанте, Кабаков, Соков, Косолапов, Пригов, Мироненко, Шабуров, Мизин и даже Кулик.

Новые художественные площадки нового экспериментального искусства обсуждаются в журналах «Артхроника», «Ди», «Третьяковская галерея», имеют представительства в Интернете, обсуждаются в блогах. Учёными сегодня активно обсуждается информатизация и интернетизация, анализируются подходы к созданию в России эффективной информационно-образовательной среды, раскрывается проблематика электронных ресурсов образования, формирования и функционирования виртуальных сообществ в России. На повестку дня ставится уже не только и не столько факт внедрения новых информтехнологий, а их эффективное использование в различных сферах жизни общества, в педагогике. В самом деле – каковы они, технологии интернет-арт-образования? Насколько они призваны заменить и заменяют традиционные технологии? Как меняется сам

субъект образования в связи с современной экранной культурной? Каковы прогнозы в отношении глобального информационного общества? Всемирная паутина соединила поверх национальных барьеров тысячи информационных сетей и миллионы компьютеров. Сама глобализация стала возможной только с развитием технологий обработки, хранения, поиска и передачи информации. Интернет превращается на наших глазах в гипернет – гипермедийную инфокоммуникационную инфраструктуру становления качественно нового мира, определяющей характеристикой которого является универсализация принципов международных взаимодействий в различных сферах человеческого общежития – и прежде всего, в экономике, политике, праве, науке, образовании, культуре и социальной сфере. Благодаря «всемирной паутине» ноосфера из философской абстракции становится реальностью повседневной жизни. В науке сегодня Интернет превратился в органичную сферу научно-образовательного процесса, вне которой уже невозможно представить существование науки и функционирование системы образования, профессиональное развитие исследователей и преподавателей. Создаются электронные университеты, академии, школы, обучающие порталы, конференции и т. д. Обсуждается, насколько процессы глобализации способствуют размыванию этнических границ, исчезновению языков и культур малочисленных народов, например, насколько Интернет подавляет национальные культуры и способствует их поглощению мировой, точнее американской, культурой или, наоборот, расширяет духовное многообразие человечества, позволяет заявить о себе и «открыться» культурам малочисленных этносов, оживляет культурный обмен.

Так, особенно ярко в последние годы заявляет о себе *актуальное искусство*, концептуализм. За последние годы актуальное искусство получает особую рефлексию и в культурологии и искусствоведении. К этой рефлексии приближается и философская и социологическая рефлексия визуального (например, во французской семиотике, в группе петербургских философов центра «Медиафилософии», в серии книг «НЛО» и др.).

Местом осмысления актуального искусства кроме художественных институций стал и Интернет. В Интернете представлены нашумевшие проекты последних лет. Сайт центра современной культуры «Гараж» позволяет найти ссылки на проходившие культурные проекты недавнего времени и сегодняшнего дня (например, выстав-

ку И. и Э. Кабаковых, проект «Русская утопия и футурология» и т. д.). Сайт позволяет проследить само формирование центров современной культуры путём редевелоппента промышленных объектов (аналогично «Красному Октябрю», «Винзаводу»). О создании арт-кластеров для креативных индустрий говорят культурологи, ссылаясь на позитивные примеры в постиндустриальных городах Европы (изменившийся облик Лилля, Ливерпуля, Манчестера и т. д.).

В сети Интернет представлена информация о галереях «Винзавода», о наиболее значимых выставках. Показателен сам интерес публики, порой весьма в художественном отношении продвинутой, к феномену фотографии, видеоарта, инсталляций. Большую работу по популяризации современного искусства проводит ГЦСИ. Информация о коллекциях и мероприятиях также представлена в сети. Показательно проведение большой лекционной работы, позволяющей не только видеть, но и понимать увиденное, соотносить с тенденциями искусства последних десятилетий. Хороший сайт с демонстрацией каталога произведений галереи и раздражающим текстом создан для первого частного музея современного искусства art4.ru. Показательна деятельность отдела современных течений Третьяковской галереи. Есть и прекрасный блог сотрудников отдела с массой иллюстраций. В деятельности, курируемой этой художественной институцией, необходимо выделить внимание к соцарту (проекты «Соцарт», «Сообщники», «Русский поп-арт») – в движении от Комара и Меламида до Виноградова и Дубосарского. Показателен интерес к гибриднему креолизированному тексту художественного произведения (Э. Булатов со стихами Вс. Некрасова), исследованию социальной ментальности (И. Кабаков). Другим направлением, вызывающим рефлексию, является московская абстракция и её динамика. Одинокий и жалкий абстракционист с горячечными видениями и непомерными социальными амбициями путешествует по альбомам Кабакова, часто мелькает в творчестве Комара и Меламида, Герловиных – Сокова, а затем переходит в работы Альберта, «мухоморов» и «медгерменевтов».

Культурегерская работа О. Свбловой по представлению языка современной и исторической фотографии в рамках фотобиенале и биенале современного искусства общеизвестна – она получила освещение в современной прессе. Эта институция познакомила Россию с творчеством Хорста, Картье-Брессона, Ньютона, Мун, Юфер, воссоздала интерес к истории фотографии (бр. Булла, Родченко, Бальтерманц). Первые фе-

стивали удовлетворили визуальный голод россиян – на год-два предварили появление десятков хорошо изданных журналов. Характерно создание видеокolleции. Показательны и проведения Фотобиенале Русского музея (СПб., 2009) и деятельное внимание к собранию современного и актуального искусства в Русском музее. Существует сайт московского музея современного искусства, и, прежде всего, той части коллекции, которая находится на Петровке. Интересное здание – особняк Шубина – также перепрофилировано из особняка крупного промышленника, использовавшегося под гимназические классы (арт-объекты экспонируются в иной среде). В экспозиции, посвящённой десятилетию музея, это нашло интересное решение.

В музейной жизни участвуют и такие классические музеи, как Русский музей, Музей образительных искусств имени Пушкина. Выставки «Россия и Италия», «Россия- Польша», выставки импрессионистов, Модильяни, Пикассо, Шагала, Леже, Кандинского, Краснопевцева, Зверева, Экстер, Малевича показывают контекст художественной культуры Нового времени.

Из журналов, помогающих понять современное искусство, отметим «Арт-хронику», «Фотодело» и «Фотовидео».

Современные формы – видеоарт, соцарт, арт-объекты, инсталляции, арт-перформансы, фотографии и т. д. – отличает желание кураторов вписать русское искусство в традиции русского авангарда, всего течения русской и европейской живописи и изучать его в связи с арт-рынком.

Новые имена творцов искусства последней четверти двадцатого века присутствуют в прекрасной книге И. Кабакова, в книге Н. Молевой об Э. Белюгине, в авторефлексии художников. Показательно внимание и изучение метапоэтики – представлений художников о творчестве, самих художественных манифестов. Осмысляется то, что вошло в русское искусство в конце двадцатого и в первое десятилетие двадцать первого века, то, что появилось в галереях (Булатов, Кулик, Кабаков, Бугаев-Африка, Нахова, Виноградов и Дубосарский, Врубель и Тимофеева, Салахова). Осмысляется и то, что уже стало историей (Краснопевцев, Рабин, Новиков, Зверев).

Показательно, что на этом фоне не затерялись, а по-новому зазвучали замечательные художественные новаторы двадцатого века – Лентулов, Машков, Кончаловский, Кузнецов, Фальк, Ларионова, Гончарова, Попова...

Важно направление в искусстве, эпоха, традиция [1]. Возьмем к примеру, контекст реалистического искусства девятнадцатого века, к ко-

торому нас готовила советская школа, более того, которое было официально утверждено властями и признано в качестве образцов. Суриков – мастер исторической живописи. Экфрасисом является книга о нём, названная «Дар бесценный». Этими словами назвала свою известную книгу о деде его известная внучка поэтесса и мемуарист Н. П. Кончаловская. Три года читала она его дневники, просмотрела все газеты за его жизнь в Ленинской библиотеке (тогда было газет мало), посетила родину художника Красноярск, прошла его путями по Сибири, проехала его дорогами по Франции и Италии, вспомнила свои встречи с ним – и написала романтическую быль о деде. Замечательна и другая книга о Сурикове – написанная молодым поэтом Максимилианом Волошиным в результате бесед с живописцем. Старый художник сказал тогда поэту: «Сам я записывать не умею. Думал, так моя жизнь и пропадёт вместе со мной. А тут всё-таки кое-что останется». В этой книге звучит голос самого художника, неспешно вспоминающего Сибирь, обстановку детства, Енисей, охоту, культ предков, морозы, чахотку, прощёное воскресенье в своей семье. Здесь – истоки его таланта, его впечатлений, его исторической прозорливости. Ученику Сурикову запомнились проходившие в Красноярске публично телесные наказания, битьё, казни. Здесь приковывал его внимание трагизм действия, о котором он скажет так: *«Чёрный эшафот, красная рубаха. Красота. И преступники так относились – сделал, значит расплачиваться надо. И сила какая была у людей : сто плетей выдерживали, не крикнув. И ужаса никакого не было»*. Здесь гимназистом читал он свои первые книги – «Потерянный рай» Мильтона (сейчас его знает редкий не только что школьник, а студент), Пушкина, Лермонтова. А история была совсем рядом. В Сибирь культуру принесли декабристы. Их запомнит Суриков, одного из декабристов будет сопровождать на Кавказ его дядя... Сам Суриков увидит в Красноярске знаменитого ссыльного Петрашевского-Бутаевича. Он увидит в церкви политических, в его впечатлительной юношеской памяти отпечатается, как во время ектеньи, когда поминали Николая I, Давыдов и Бобрищев-Пушкин демонстративно уходили из церкви... Запомнит он на сибирской земле стариков, сарафаниц-старух, казаков. Это поможет ему в его исторической живописи, всемирно известных сюжетах о Ермаке, боярыне Морозовой, Меньшикове, стрельцах, Суворове. Великолепно опишет Суриков свою работу над картиной о стрелецкой казни: *«Кровью кругом пахнет. Каждую ночь во сне казни видел...»* Прекрасные ре-

продукции вновь заставляют вспомнить суриковские сюжеты – будь то забаву («Взятие снежного городка»), будь то личность (Ермак, Морозова, Суворов, Разин), будь то психология русской толпы, знакомая нам по Достоевскому и Толстому. Рядом в книгах, репродукциях, письмах, сюжетах пройдёт перед нашим взором жизнь самого Сурикова – недолгий период, когда он пытался стать чиновником в Красноярске, работа в храме Христа Спасителя, ученичество в Академии художеств. Вот молодой Суриков, рисующий фальконетовского Петра под лунным светом и живущий на Васильевском острове, вот его отчёты из поездки по Европе с женой-француженкой, впечатления из путешествия по Сибири... Стоит полистать книги и подумать, откуда он, этот дар бесценный.

Художественная семиотика изображаемого особенно важна, когда налицо обращённость к текстам культуры. Возьмем *библейские сюжеты в искусстве*. На фундаменте Библии стоит европейская культура. Это – один из возможных путей для необходимого разговора о христианстве в средней школе. Вспомним сюжеты мировой живописи: бегство в Египет, призвание апостола Матфея, распятие апостола Павла, обращение Павла, усекновение головы Иоанна Крестителя, усение Марии, Лот с дочерьми, отдых на пути в Египет, святое семейство, омовление ног, освобождение апостола Петра из темницы, избивание младенцев, возвращение блудного сына, Моисей, иссекающий воду из скал, имя Иисуса во славе, пир Ирода, пир Авессалома, оплакивание Христа, Рождество, кающаяся Мария Магдалина, обручение святой Екатерины, бичевание святого Иеронима ангелами, снятие с креста, поклонение пастухов, посещение богородицы родителями Иоанна Крестителя, коронование терновым венцом, суд Соломона, Христос в Эммаусе, милосердный самаритянин, Христос и грешница, Лот, покидающий Содом, три креста, обрезание Христа, Христос перед народом, отречение апостола Павла, Христос у Марфы и Марии, шествие на Голгофу, принесение во храм, св. Иероним, явление ангела св. Иосифу, положение во гроб, жертвоприношение Авраама, Моисей, разбивающий скрижали, со-

творение мира, сошествие Святого Духа, Троица, изгнание из рая, ад, моление о чаше, исцеление бесноватого, страшный суд, Иаков и Исав, предательство Иуды, поцелуй Иуды, брак в Канне, сон Иосифа, обручение Святой Екатерины, Иоанн Креститель в пустыне, усение Марии, страсти Христовы, Христос перед Анной, Второе отречение Петра, Христос перед Пилатом, ночное благовестие пастухам, введение во храм, встреча Иоакима и Анны, рождество Марии, казнь святого Георгия, св. Варвара, встреча царя Соломона и царицы Савской, история Иосифа, евангелист Лука, Вознесение Марии, мученичество святого Лаврентия, святой Себастьян, грехопадение, Иоанн Богослов, Юдифь.

Для заинтересованной аудитории показательно движение от современного искусства к изучению выразительности классического наследия и к античности, к Возрождению, к иконе и т. д. Работая со студентами, мы констатируем, что они подчас знают крайне мало. Спросите современного студента, какие из итальянских гениев Возрождения творили в Венеции – и вы не получите исчерпывающего ответа. Спросите про отечественное искусство восемнадцатого века или о том, какова сюжетика европейского искусства Возрождения и нового времени, какие имена представляют итальянский авангард, какие главные собрания искусства США, в чём значимость немецкого экспрессионизма и Э. Нольде и т. д. – на эти элементарные вопросы студенты не могут ответить. Курс истории искусства должен заключаться в последовательном изучении движения художественных методов против фрагментарности. В отношении изучения литературы о важности исторического подхода писал Е. Эткинд. Показательно желание изучать модерн и конструктивизм в архитектуре, современную архитектуру. Рефлексии подвергается даже то, что представляется конъюнктурным – изучение искусства тоталитарной Германии, Италии, соцреализма и сурового стиля в СССР и т. д. Без их знания не продвинуться и к их пониманию.

Понимание – это и соотнесение с традицией, и сюжетика, и национальная особенность, и техника и колоризм, и наивное восприятие, и интерпретация творческого пути мастера.

Список литературы

1. Лянин В. А. «...Святое вечности зерно» // Каталог выставки «Русское искусство из собраний музеев центральной России». М., 2000. С. 11–24.
2. Рождественский Ю. В. Теория риторики. М.: Добросвет, 1997. 600 с.

Статья поступила в редакцию 23 сентября 2011 г.

УДК 811.161.1 (571.54)

ББК 81.2 (2 Рос. Бур.)

В. М. Егодурова

*доктор филологических наук, профессор,
Бурятский государственный университет (г. Улан-Удэ, Россия),
e-mail: evictoria-52@rambler.ru*

**И всё-таки русский язык ...
(факторы выбора языка коммуникации в полиэтнической Бурятии)**

Статья посвящена изучению факторов выбора языка коммуникации в полиэтнической Бурятии. Определяются двуязычные и одноязычные индивиды, условия появления билингвов. Рассматриваются ситуационные условия выбора русского или бурятского языка билингвами, смешение языков в их речи. Прослеживается способность билингвов легко переходить в речи с русского языка на бурятский, с бурятского языка на русский и объясняются причины такого речевого поведения. Анализируются экстралингвистические, социо- и психолингвистические, лингвистические причины предпочтения выбора русского языка для коммуникации билингвами. Выявлена проблема расхождения знания языка индивидом с его этнической принадлежностью. В работе показано, что русский язык выступал и продолжает выступать интегратором этносов, проживающих в России и тем самым способствует укреплению государственности.

Ключевые слова: билингвы, русскоязычные буряты, выбор русского языка для коммуникации, экстралингвистические факторы, лингвистические факторы.

V. M. Egodurova

*Doctor of Philology, professor,
Buryat State University (Ulan-Ude, Russia),
e-mail: evictoria-52@rambler.ru*

**And yet the Russian Language ...
(Language Choice Factors to Communicate in Multiethnic Buryatia)**

The article focuses on the factors determining the language of communication in multiethnic Buryatia. The author describes bilingual and monolingual individuals, conditions providing bilingual communication, situational factors in choosing the Russian or the Buryat language by bilinguals, and language interference in their speech. Bilinguals have an ability to easily switch in their speech from Russian to Buryat and from Buryat to Russian. The author explains the reasons for such mixed-speech behavior and analyzes extra-linguistic, psycholinguistic, socio-linguistic preferences in the choice of the Russian language for bilingual communication. There is a conflict between the individual's language knowledge and his ethnicity. The author shows that the Russian language has always served as an integrator for ethnic groups living in Russia and thus it contributes to statehood strengthening.

Keywords: bilinguals, Russian Buryats, choice of the Russian language for communication, extra-linguistic factors, linguistic factors.

Процесс глобализации в нашей стране начался, на наш взгляд, с образования Союза Советских социалистических республик. Провозглашение тезиса о полном слиянии языков и культур народов СССР, глубокая интеграция во всех сферах деятельности республик привела к нивелировке и появлению как двуязычной языковой личности, имеющей совершенно особый склад билингвального языкового сознания, так и русскоязычных бурят. Двуязычными в Бурятии являются, как правило буряты, поэтому

сложившийся к сегодняшнему времени в республике тип двуязычия носит название бурятско-русское двуязычие.

Билингвов, по нашим наблюдениям, можно разделить по уровню (лучше или хуже) владения русским или бурятским языком. Наши наблюдения за речевым поведением билингвов позволяют отметить, что их мировосприятие состоит из нескольких слоёв – индивидуально-генетического, этнического, национального, российского, мирового, глобального. Выбор языка коммуникации билингвами ситуативно

обусловлен. Общение на работе, в официально-деловой обстановке, получение сведений о политических, культурных событиях в жизни республики, страны, мира независимо от степени владения двумя языками осуществляется на русском языке, поскольку требует восприятия, осмысления и переработки значительного объема информации, выражаемой в масштабе страны на русском языке. Дома, в бытовой обстановке общение происходит как на русском, так и на бурятском языке, языковое сознание перерабатывает при этом близкую, локальную информацию. Бурятский язык оттеснен в сферу разговорно-бытового общения.

Можно наблюдать, как двуязычные буряты при общении друг с другом легко переходят с русского языка на бурятский в самых различных ситуациях, в том числе на работе и в официально-деловой обстановке. В одних случаях это происходит неосознанно, в других осознанно, чтобы сузить расстояние (пространство) между собеседниками и тем самым придать доверительный характер беседе, подчеркнуть близость отношений с собеседником. Способность легко переходить с одного языка на другой характеризует билингвальное языковое сознание, но происходит это обычно в разговорном стиле речи.

В речи билингов при их общении всё более распространённым становится также явление смешения русского и бурятского языков. Это проявляется в следующих чертах: вкраплении бурятских слов в русскую речь двуязычных бурят (*тишгээд* – итак, *нээрэ* – правда), употреблении русских слов с бурятскими словообразовательными элементами (*звонилхо* – звонить, *участвовалха* – участвовать); иногда целые предложения состоят из таких слов (*Манай кошка стол дээрэһээ прыгнулдээд молокогоо разливадлай.* – Наша кошка прыгнула со стола и разлила молоко). Подобные предложения произносятся с характерной для бурятского языка интонацией. Такой гибридный (смешанный) язык буряты-билингвы используют при общении друг с другом наряду с русским или бурятским языком. Поскольку большинство русских, проживающих в Бурятии, является монолингвами, такой язык, несущий на себе характеристики двух систем, им также непонятен, как и бурятский язык. Возможно, стремление сохранить бурятский язык в условиях тесного функционального контактирования русского и бурятского языка выражается тенденцией индивидов к образованию гибридного (пиджин – бурятско-русского)

языка, который наряду с русским находит всё большее распространение в региональном употреблении и потому требует изучения.

Как показывают наблюдения, современные двуязычные буряты всё больше обращаются к русскому языку во всех сферах жизнедеятельности, в том числе и при общении друг с другом. При анализе предпочтения в выборе языка коммуникации билингвами с учётом психологических и социальных факторов речевой деятельности, по нашему мнению, можно отметить следующие условия. К экстралингвистическим факторам относится необходимость индивида быть включённым в цивилизационные процессы в стремительно изменяющемся мире. Границы мира человека расширились, взаимосвязанность его с окружающим миром значительно возросла, ускоряются все жизненные процессы, поэтому условия существования человека диктуют ему избирать наиболее экономный, рациональный, наименее энергозатратный способ связи со средой обитания и наиболее приспособленный к его жизненным нуждам язык для быстрого реагирования и участия в происходящих на Земле событиях.

К социо- и психолингвистическим факторам выбора чаще русского, а не бурятского языка в качестве средства коммуникации относится, по-видимому, внутренняя оценка билингвами коммуникативной мощности русского языка. В настоящее время в Бурятии сложилась неравновесная (дисгармоничная) языковая ситуация, характеризующаяся преобладанием русского языка над бурятским как по демографической, так и по коммуникативной распространённости. При определении статуса языковой личности, проживающей в республике в оппозиции: одноязычие – двуязычие (многоязычие), как показывают исследования учёных [3], в основном одноязычие выступает как русскоязычие, а двуязычие – в сочетании русского и бурятского языка. Причём к русскоязычным монолингвам относятся не только русские, но и большинство бурят. Это свидетельствует о том, что есть тенденция всё большего расхождения знания языка индивидом с его этнической принадлежностью.

К одному из главных лингвистических факторов выбора русского языка для коммуникации, на наш взгляд, относится следующий. Бурятский язык по своему звуковому составу относится к числу вокалистических. Количество гласных, в составе которых к тому же имеются долгие и дифтонгоидные, в нём значительно превышает количество согласных. Бурятское

слово имеет музыкальное ударение. Вследствие этих признаков бурятская речь звучит напевно, мелодично, в определённой степени протяжно, замедленно, в отличие от русской. Звуковая организация бурятского языка такова, что не располагает к быстроте речи. При убыстрении темпа речи велика вероятность её нечёткого акустического восприятия слушающими. Например: *Ханда наадахая гараад, хоёр-гурбан час үнгэрһэн хойно гэртээ ердэг байба (Н. Цынгуев)*. – Ханда уходила играть и через два-три часа возвращалась. *Моридни дологгоно соо бэлиэжэ байба (Ульгэр)*. – Кони мои паслись в зарослях боярышника.

Русский язык относится к числу консонантных, количество согласных в нём преобладает над гласными. Согласные прочно держат слово, поэтому их артикуляционные и акустические свойства отличаются чёткостью. К тому же русское слово имеет силовое ударение. Названные признаки делают даже быструю русскую речь звучащей вполне ясно и чётко. Говорящий порусски человек, на наш взгляд, может легко менять темп речи без потери её акустического восприятия. Это свойство звучащей русской речи в век больших скоростей имеет большое преимущество.

К лингвистическим факторам относится также высокая степень информационной ценности русского языка. Это язык, имеющий богатый словарный фонд и терминологию по всем отраслям науки и техники, развитую систему функциональных стилей, удовлетворяющих языковые потребности не только русских, но и людей других национальностей как в России, так и за её пределами. Между тем, как справедливо отметил Г. А. Дырхеева о бурятском языке, «... нарушения в языковой политике привели к раз-

рыву между функционально-структурной ограниченностью родного языка и высоким уровнем развития его носителей» [2, с. 17].

Несомненно то, что процесс двуязычия – это закономерный процесс в условиях существования современного индивида в поликультурном многомерном пространстве. Для овладения всеми запасами знаний, накопленных человечеством, недостаточно знать только свой родной национальный язык. Русский язык, как один из широко используемых языков коммуникации в РФ, занимает в Бурятии достойное место. Довольно высокий уровень владения большей части бурят русским языком является несомненным достижением всей образовательной системы в республике [3]. Однако появление бурят, не владеющих родным языком, в то же время свидетельствует о серьёзной проблеме – проблеме соотношения языка индивида и его национальности в историческом развитии и исторической перспективе.

Несколько лет назад, в начальный период смены социального строя в нашей стране, для обсуждения гражданами на государственном уровне была вынесена проблема определения национальной идеи, которая бы объединила все народы в единую созидательную силу. Оказалось, сформулировать эту идею непросто. Между тем надо признать, что в советский период русский язык как язык межнационального общения сыграл решающую роль в консолидации народов, проживающих в Союзе Советских социалистических республик. Русский язык выступал и продолжает выступать интегратором этносов, говорящих на нём, использующих его в качестве средства коммуникации между собой. Несомненно, общение на одном языке ведёт к лучшему пониманию между народами России и тем самым способствует укреплению государственности.

Список литературы

1. Дырхеева Г. А. Бурятский язык в условиях двуязычия: проблемы функционирования и перспективы развития. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. 190 с.
2. Дырхеева Г. А. Современное состояние бурятского языка и меры его сохранения и совершенствования // Социолингвистические исследования в Бурятии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. 1992. С. 16–24.
3. Социолингвистические исследования в Бурятии. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН. 1992. 132 с.

Статья поступила в редакцию 20 декабря 2011 г.

УДК 81.42
ББК 81.2Р

Т. А. Рычкова

*аспирант, Мурманский государственный гуманитарный университет
(г. Мурманск, Россия), e-mail: roosteek@yandex.ru*

Культурно-коннотированные словосочетания, называющие ритуальные действия

В статье рассмотрены словосочетания, называющие ритуальные действия типа *присесть на дорожку, пить до дна, ловить халяву*. Необходимость исследования данных единиц обусловлена их особым положением в русском языке: с одной стороны, они представляют собой лингвистические единицы, обладающие определёнными грамматическими и семантическими особенностями, с другой – являются лингвокультурным феноменом, отражающим культурно детерминированные представления носителя языка об обозначаемых ситуациях ритуального действия. Целью данной статьи ставилось определение лингвокультурологической специфики рассматриваемых словосочетаний. Основу лингвокультурологического потенциала изучаемых единиц составляет культурная коннотация, отражающая отношение носителя языка к предмету номинации и условия существования (временные, географические, экономические, культурные) данного явления в соответствующей лингвокультуре и маркирующая денотативно-сигнификативный и коннотативный компоненты значения. Для выявления культурной коннотации в работе использовался интроспективный метод и приём контекстуального анализа, позволяющий оценить лингвокультурологический потенциал единицы с позиций носителя языка. Кроме того, культурная коннотация рассматриваемых словосочетаний выявлялась с опорой на выводы учёных, относящих изучаемые выражения к национально-уникальным. В статье определена сфера локализации лингвокультурологического потенциала в значении рассматриваемых структур и сделан вывод о том, что культурная коннотация может проявляться в значении одной из составляющих словосочетание лексем, мотивируя при этом семантику целого словосочетания, или существовать только в значении целого выражения, если значения входящих в него слов являются несвободными фразеологически связанными или если они не мотивируют семантику целого выражения.

Ключевые слова: культурно-коннотированные словосочетания, ритуальные действия, культурная коннотация, сопоставительный метод, интроспективный метод.

Т. А. Rychkova

*graduate student, Murmansk State Humanitarian University
(Murmansk, Russia), e-mail: roosteek@yandex.ru*

Cultural Connotative Phrases Naming Ritual Acts

The author of the article considers such word combinations naming ritual actions as *to sit down on a path, to drink to the bottom, to catch freebie*. The necessity to study these units is caused by their special position in Russian: on the one hand, they represent linguistic units possessing certain grammatical and semantic features; on the other hand, they are linguocultural phenomena that reflect culturally determined native speakers' representations about designated situations of ritual action. The purpose of this article is to define the linguocultural specificity of the word combinations under study. The basis of the linguocultural potential of the studied units is a cultural connotation that reflects the relation of the native speaker to the subject of the nomination and the existence conditions (temporal, geographical, economic, cultural) of the given phenomena in corresponding linguoculture, and marks the denotative, significative and connotative components of the meaning. In this work, the introspective method and the method of contextual analysis are used to reveal cultural connotations and estimate the linguocultural potential of the units from the native speaker's point of view. In addition, the cultural connotation of the word combinations under study is brought to light based on the conclusions of the scientists who consider these expressions nationally unique. The article defines the localization sphere of the linguocultural potential in the meaning of the examined structures. The author concludes that the cultural connotation can be manifested in the meaning of one of the lexemes that form the word combination while motivating the semantics of the whole word combination, or it can exist only in the meaning of the whole expression if the meanings of its constituent words are not free, phraseologically connected or if they don't motivate the semantics of the whole expression.

Keywords: cultural connotative word combinations, ritual acts, cultural connotation, comparative method, introspective method.

Цель статьи – рассмотреть лингвокультурную специфику словосочетаний, называющих ритуальные действия. Впервые необходимость исследования таких единиц отмечает О. Н. Иванничева, рассматривая в своей диссертации единицы типа *присесть на дорожку, выпить на посошок / на дорожку, красить яйца*. По мнению автора, национальная специфичность денотата данных словосочетаний не вызывает сомнения, так как они «называют» народные приметы, связанные с вербальным поведением [8, с. 135]. Данные единицы являются культурно-коннотированными (термин принадлежит В. П. Беркову), так как в семантике данных единиц отражаются особенности национальной культуры той общности, с которой они связаны, поскольку они обозначают факты и явления истории и культуры данного народа [там же, с. 135].

Ср. пример: *Были тосты «за Победу», «за Сталина», «за СССР», «за Норвегию», «за Черчилля» (Рузвельт незадолго перед этим умер), «за короля Хокона», «за Даля», «за Щербакова» – это уже восемь тостов, и все лишь стоя и по русскому обычаю: «ней до дна» – для переводчика не делалось исключения* [Дьяконов И. М. Книга воспоминаний]¹.

Значение выражения *пить до дна* не только отражает ситуацию распития спиртных напитков, но и включает в себя национально-культурную информацию: гость, желающий оказать уважение хозяину, должен был выпивать алкогольный напиток без остатка (ср. пословицы «Кто не выпил до дна – не пожелал добра», «Не допиваешь, так недолюбливаешь»).

На основании определения культурно-коннотированных единиц, приведённых в диссертации О. Н. Иванничевой, как слов с денотативным и коннотативным культурным компонентом лексического значения, обозначающих безэквивалентные элементы культуры [см. 8, с. 125], в данной статье под культурно-коннотированным словосочетаниями будут пониматься словосочетания, обладающие культурной коннотацией, маркирующей денотативный и коннотативный компоненты значения.

Термин **культурная коннотация** был введен в 1993 г. В. Н. Телия [15] и впоследствии использовался в работах В. В. Воробьева, Ю. П. Вышенской, О. И. Быковой, В. А. Масловой, О. А. Корнилова, Ю. Н. Исаева и др. Со-

держание культурной коннотации проявляется в различных кодах культуры: в наименованиях культурных «вещей» и концептов, прескрипциях народной мудрости, в различного рода языковых стереотипах, эталонах, символах, а также в прецедентных феноменах. Культурная коннотация проявляется при рефлексивно-бессознательном или осознанном соотнесении значения с теми «кодами» культуры, которые известны говорящему и, в идеале, слушающему. Знание культурного «кода» помогает не только адекватно воспринять информацию, но и подтвердить принадлежность реципиента к той лингвокультурной среде, в которой эти «коды» создавались [15, с. 222]. Таким образом, коннотация является звеном, соединяющим знаки и концепты культуры, и в то же время инструментом для изучения их взаимодействия.

В качестве основных признаков культурной коннотации выделяют:

1) специфичность отношения носителей языка к предмету номинации;

2) детерминированность объективными (географическими, экономическими) условиями существования народа, его культурой;

3) имплицитность, в силу которой этот вид коннотации проявляется только в интерпретационном поле концептов, представленном соответствующими лексемами [1, с. 35]. Следует отметить, что в данной работе имплицитность не рассматривается в качестве признака национально-культурной коннотации, так как среди исследуемых единиц представлены примеры с эксплицитной коннотацией, например, *пить чай по-русски, кланяться по-русски* и т. п., где национально-культурная специфика актуализирована лексемой «по-русски».

В связи с изложенным, под **культурной коннотацией** в данной статье понимается *культурно-носительный компонент значения языковой единицы, отражающий отношение носителя языка к предмету номинации и условия существования (временные, географические, экономические, культурные) данного явления в соответствующей лингвокультуре*.

Для определения наличия культурной коннотированности у исследуемых единиц, автором используются два подхода: сопоставительный и интроспективный. *Сопоставительный подход* применяется, когда национально-культурная специфика единицы языка определяется относительно эквивалентной единицы другого языка. *Интроспективный подход* связан с представлениями самих носителей языка о нацио-

¹ Здесь и далее примеры из художественной литературы приводятся из : URL : <http://www.ruscorpora.ru>.

нальной маркированности тех или иных единиц вне сопоставления с другими языками, он предполагает обращение к интуиции представителя лингвокультуры, характеризующего некоторые явления как «свои и только свои», то есть сугубо национальные [7, с. 48–49].

В соответствии с *сопоставительным подходом* национально-коннотированными считаются те единицы, которые отсутствуют в других языках. Определение единиц как национально-специфичных происходит на основании исследований, в которых сравниваются единицы из разных языков и делается вывод об уникальности или универсальности соответствующей единицы. К примеру, Т. Г. Иванова при исследовании студенческого обычая, зафиксированного в выражении *ловить халяву*, давала задание студентам провести опрос сверстников из стран ближнего и дальнего зарубежья. «Предварительные данные о региональном распространении обряда ловли Халявы позволяют утверждать, что этот ритуал известен на территории всей России и, отчасти, ближнего зарубежья. Во всяком случае, в студенческих работах называлась Украина, Белоруссия, Литва. Студенты связывались также со своими сверстниками в Финляндии, Швеции и США, от которых по поводу Халявы получили отрицательный ответ. Американским студентам образ (или типологически близкий персонаж), по-видимому, абсолютно неизвестен» [9, с. 39]. Таким образом, словосочетание *ловить халяву* обладает культурной коннотацией, характерной преимущественно для русской лингвокультуры.

При интроспективном подходе этническая принадлежность исследуемых словосочетаний определяется несколькими способами. Во-первых, на культурную маркированность указывают сами носители языка в контексте, ср. пример:

*Я видела, как на площади у Амура моряк обнимал пехотинца, как **троекратно** по-русскому обычаю **целовалась** старая мать с танкистами, как седобородый старик с двумя медалями на груди – участник далеких, давно минувших войн, попал в объятия девушек, как статный артиллерист подхватил курносого мальчонку и поднял его на руках в вышину, и как на почтамте, где принимают телеграммы, люди, волнуясь, спешили сообщить во все концы страны одно и то же: «Поздравляем с победой!»... [Шестакова Ю. А. Победа!].*

В приведённом примере выражение *троекратно целоваться* сопровождается словами «у

русских есть обычай», подтверждающими принадлежность русской культуре самого ритуального действия и, соответственно, его вербально-го обозначения.

Во-вторых, характеристика «по-русски» может быть включена в сам состав словосочетания. Например, выражение *кланяться по-русски* приводится в словаре В. И. Даля с пояснением «наклоном головы, не шаркая и не приседая» [6, т. III, с. 324].

В-третьих, принадлежность к определённому лингвокультурному сообществу может подтверждаться специальными научными исследованиями. Ср. пример из работы В. К. Байбурина «Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов».

На Севере России «размывание рук» (любопытно, что этот термин в литературном языке стал медицинским) сочеталось с послеродовой баней... Происходил он в разные сроки (и до крещения и после него) и отличался многими локальными особенностями. Общая схема примерно такова. Повитуха готовит «непочатую» воду, куда добавляется иорданская вода, конопляное семя, ягоды калины, хмель, зерно овса и другие злаки. Роженица становится правой ногой на топор (если родился мальчик) или на гребень (прялку) – если девочка. Бабка сливает воду роженице, а та старается подхватить ее рукой и выпить, а попадающиеся семена и ягоды – разжевать. Затем роженица сливает воду на руки повитухе. Нередко при этом они приносят взаимные извинения друг другу. Размывают руки и все присутствовавшие при родах женщины. Заканчивается этот обряд неизменно тем, что повитуху одаривают за помощь при родах, как правило, полотном [2, с. 89].

Название работы В. К. Байбурина («Анализ восточнославянских обрядов») ограничивает область существования описываемых обрядов, а, следовательно, и их наименований, поэтому приведенные в данной работе номинации ритуальных действий могут рассматриваться как обладающие национально-культурной коннотацией.

Кроме того, культурно-коннотированными являются те словосочетания, называющие ритуальные действия, чья культурная коннотация детерминирована историческими условиями нашей страны. В первую очередь, это относится к словосочетаниям, номинирующим ритуалы советского времени: *ездить на картошку*, *слушать ночью Би-би-си* и. п. В некоторых случаях сама обозначаемая ситуация не являлась этни-

чески маркированной, но обладала специфическими ассоциациями и представлениями на уровне культурной коннотации, как, например, выражения *вступить в партию, исключить из партии* и др.

В зависимости от степени связности значения культурно-коннотированным может быть значение целого выражения или значение одной из составляющих его лексем. В первом случае слова, составляющие данное выражение, обладают фразеологически связанным значением¹ или словосочетание обладает идиоматичным единым значением, не определяющимся значениями его отдельных компонентов. Примером культурно-коннотированного словосочетания, чьи компоненты имеют фразеологически связанное значение, является выражение *обмывать попку*. Глагол *обмывать* является многозначным, состоящим из свободных и несвободных значений: 1) вымыть со всех сторон, кругом (*обмыть рану*); 2) выстирать всё необходимое для кого-либо, для многих; обстирать; 3) отметить выпивкой какое-либо событие (*обмыть попку*) [13, т. II, с. 548].

В соответствии с приведённой словарной дефиницией в словосочетании *обмывать попку* глагол *обмывать* употребляется в 3-м несвободном значении, которое актуализируется только со словами определённой тематической группы, относящейся к области покупок или наград. При этом словосочетание *обмывать попку* обладает национально-культурной маркированностью, ср. пример:

Не забыл ли господин Мур русский обычай обмывать попку? С большим удовольствием, Гарри Мур будет рад [Боссарт А. Повести Зайцева].

В приведённом примере национальная специфика подчёркивается выражением «русский обычай», очевидно, противопоставленным иностранному имени «Мур».

Таким образом, национально-культурная коннотация выражения *обмывать попку* может проявиться только в значении целого словосочетания из-за фразеологической связанности значения слова, обладающего этой коннотацией.

Примером идиоматического выражения, чьё значение не складывается из смыслов входящих в него компонентов, служит словосочетание *ловить халяву* (перед экзаменом), обозначающее серию особых ритуальных действий, совершае-

мых русскими студентами (реже студентами стран ближнего зарубежья) накануне экзамена для получения хорошей оценки.

К действиям, призванным вызвать необходимое и желаемое событие, можно отнести трясение кошельком с деньгами на полную луну, ловлю «халявы», складывание конспектов под подушку в ночь перед экзаменом и пр. [Саенко Ю. В. Суеверия современных студентов].

Значения слов *халява* и *ловить*, представленные в словарях, не составляют значения целого выражения. Например, словарь даёт одно значение слова «халява» («о чём-либо дармовом, бесплатном» [14, с. 420]), – и девять – «ловить» («стараться схватить, подхватить то, что летит, падает, брошено; захватывать живьём каких-либо животных посредством особых приспособлений; искать, выслеживать кого-либо, чтобы задержать, арестовать; стараться застать, повидать кого-либо где-либо, встретиться с кем-либо с какой-либо целью; прибегать к разным уловкам, ухищрениям, стараться женить кого-либо на себе или на ком-либо; стараться не упустить что-либо, воспользоваться чем-либо, доставляющим радость, удовольствие и т. п., но быстро исчезающим, проходящим; воспринимать, различать (об органах зрения, слуха); уличать, избличать кого-либо в чём-либо; настраивая радиоприёмник, получать, принимать радиопередачи» [14, с. 502]).

Данные значения не мотивируют значение словосочетания *ловить халяву*, обозначающее ситуацию ритуального действия для получения хорошей оценки на экзамене. Следовательно, значение данного выражения является идиоматичным и национально-культурная коннотация (включающая информацию о способе и условиях проведения данного ритуала) маркирует значение только целой единицы.

В том случае, если национально-культурная коннотация целого выражения связана с национально-культурной коннотацией входящих в него лексем, можно говорить о присутствии в данном словосочетании опорных лексических единиц, представляющих собой своеобразный содержательный «центр» выражения. Они повторяются и сохраняются неизменными в вариантах состава тех исследуемых словосочетаний, которые допускают ограниченную замену компонентов. Эти лексемы служат отправной точкой в создании словосочетания, «вехами», «отличающими те очертания, которые должен принять процесс разворачивания словесной ткани, которые служат источником ассоциативных им-

¹ См. известную классификацию В. В. Виноградова типов лексического значения слова [4, с. 140–161].

пульсов» [5, с. 193] и являются носителями той культурно-исторической или мифологической информации, которая во многом обусловила появление на свет определённого ритуального действия. Подобные единицы, как правило, относят к словам-концептам – вербальным обозначениям ментальных образований, содержащих языковые и культурные знания, представления, оценки [10, с. 164]. Их также называют «ключевыми словами культуры» (А. Вежицкая), «константами» (Ю. С. Степанов), «логоэпистемами» (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров), «лингвокультуремами» (В. В. Воробьев), «лингвокультурными концептами» (З. Д. Попова, И. А. Стернин), коннотативной или фоновой лексикой (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров) или, относительно к предметам и явлениям, – лакунами (Ю. А. Сорокин, И. Ю. Марковина) и «безэквивалентными языковыми единицами» (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров).

В том случае, если слова-концепты обогащены традиционными мифологическими представлениями (что особенно характерно для фольклора), они обозначаются как «сгустки» традиционного мотива» или «традиционные слова» [12, с. 104]. Эти языковые единицы отражают архетипические, древнейшие знания о мире и выражаются в базовых оппозициях культуры, имеющих универсальный характер.

Независимо от названия и частных особенностей каждой из указанных языковых единиц, все они представляют собой двойственные знаки, относящиеся к области как языка, так и культуры. Такие слова могут рассматриваться как вместилище фоновых знаний, то есть знаний, хранящихся в сознании говорящих [3, с. 67].

Примерами подобных культурно обогащённых единиц, несущих основную смысловую нагрузку в высказывании, может служить слово *очередь* в составе словосочетаний *стоять в очереди*, *записываться в очередь*.

В словарях приводится определение *очереди* без указания на наличие национально-культурной коннотации; например, в словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой приводятся такие значения: «*порядок в следовании кого-чего-нибудь, чье-нибудь место в таком порядке*», а также «*люди, расположившиеся один за другим для получения или совершения чего-нибудь в последовательном порядке*». Данные дефиниции универсальны и не отражают культурно-коннотированных признаков лексемы *очередь*, отличающих её значение от значения эквивалентов слова *очередь* в других лингвокультурах [11, с. 495].

Но помимо основного значения у каждой этнокультуры имеется своё представление о

внешнем виде и порядке ритуальных действий, совершаемых в очереди. Например, англичанин намного острее, чем представители других наций, воспринимает попытку пройти вне очереди, считая её глубоким оскорблением, но при этом никогда не остановит нарушителя и позволяет последнему добиться своего [16].

Словосочетания *стоять в очереди*, *записываться в очередь*, соответственно, также обладают национально-культурной спецификой, которая обусловлена культурной коннотацией значения лексемы *очередь*. Несмотря на то, что, например, словосочетание *стоять в очереди* является устойчивым выражением (в МАСе оно даётся с пометой, указывающей на отнесенность к фразеологии [13, т. II, с. 733], что подразумевает наличие единого значения), семантика лексического компонента *очередь* обуславливает значение целого выражения и мотивирует его национально-культурную коннотацию. Поэтому выражения *стоять в очереди* (*быть на очереди*) и *записаться в очередь* обладают сходной историко-культурной маркированностью, обусловленной особым для русского человека представлением *очереди* и сценария поведения в ней.

Ср. пример:

*Минтай предназначался для собак, их имелось две. Миттель-шнауцер Микки, сопровождающий нас и здесь, в Америке, и южно-русская овчарка Лакки, размером с телка, чья гарантированная породой лютость при моём попустительстве обернулась безответной кротостью нрава. Микки, от горшка два вершка, Лакки обижал, еду отнимал, хотя мог бы целиком уместиться в Лаккиной пасти, вместе со всей своей наглостью. Разбирательства собачьих взаимоотношений стали лейтмотивом в наших семейных разговорах. И как-то, **стоя в очереди** за минтаем – ну а как же, что ж тогда добывалось без очередей! – муж и я, верно, забывшись, клички наших любимцев произносили излишне громко, внятно. Старушка, стоящая впереди, вдруг обернулась и вперилась ненавистно как во врагов народа: так вы это покупаете для собак?! Шу-шу, к позорному их столбу, как бикфордов инур, вспыхнуло в очереди. Еле ноги унесли. [Кожевникова Н. Ну кто ж не хотел открыть собственное дело?!].*

С помощью текстового окружения («*что ж тогда добывалось без очередей*») в значении словосочетания *стоять в очереди* реализуется характерная для советского периода культурная информация, согласно которой в очередях необходимо было «добывать» всё, даже самые обычные дешёвые вещи вроде минтая. Количество продукта было ограничено, что провоцировало

необходимость контроля порядка его реализации самой очередью, обычно с помощью известных выражений «больше двух в одни руки не давать» или, как в данном примере, путём отстранения от раздачи не остро нуждающихся в товаре, по мнению очереди, покупателей.

Ср. пример: *Я бегала, записывалась на гарнитур, стояла в очереди* [Петрушевская Л. С. Такая девочка, совесть мира].

В значении выражения *записываться в очередь* отражены похожие культурно-коннотированные представления: для приобретения крупных дорогостоящих товаров (мебели, машины, квартиры) также необходимо было отстоять огромные очереди, но осуществлялась эта очередь виртуально, по записи и длилась несколько месяцев или даже лет.

Носителями национально-культурной коннотации в выражениях *стоять в очереди* и *записываться в очередь* является слово *очередь*, благодаря которой разные словосочетания имеют похожую культурную коннотацию.

Культурная коннотация может маркировать значение целого словосочетания или значение

одной из составляющих его лексем, представляющей значимую в культурном плане единицу (концепт, лингвокультуре́му и т. п.).

Итак, культурно-коннотированные словосочетания, называющие ритуальные действия, обладают культурной коннотацией. Наличие данной коннотации у исследуемых единиц определяется с помощью сопоставительного и интроспективного подхода, с опорой на контекстуальную интерпретацию самих носителей языка, данные истории, ограничивающие время и территорию употребления данных единиц, а также выводы ученых, относящих изучаемые выражения к национально-уникальным. Культурная коннотация может проявляться в значении одной из составляющих словосочетание лексем, мотивируя при этом семантику целого словосочетания, или существовать только в значении целого выражения, если значения входящих в него слов являются несвободными фразеологически связанными или если они не мотивируют семантику целого выражения.

Список литературы

1. Абыякая О. В. Мифологическая лексика русского языка в лингвокультурологическом аспекте и принципы её лексикографического описания : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2004. 195 с.
2. Байбурун А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб. : Наука, 1993. 240 с.
3. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. М. : Индрик, 2005. 1040 с.
4. Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М. : Наука, 1977. 312 с.
5. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Русский язык, 1989–1991. 2716 с.
7. Добровольский Д. О. Национально-культурная специфика во фразеологии // Вопросы языкознания. 1998. № 6. С. 48–58.
8. Иванищева О. Н. Лексикографирование культуры в двуязычном словаре : дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2005. 410 с.
9. Иванова Т. Г. «Халява, ловись!» (современный студенческий фольклор) // Живая старина. 2004. № 3. С. 38–40.
10. Митрофанова О. И. Понятие концепта и его эволюции на примере концепта «вера» // II Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность (Казань, 11–13 декабря 2003 г.): тр. и материалы : в 2 т. / под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2003. С. 163–165.
11. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М. : Азбуковник, 1997. 944 с.
12. Садова Т. С. Народная примета как текст: Лингвистический аспект. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2003. 212 с.
13. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М. : Русский язык, 1981–1984. 2963 с.
14. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2002. 1536 с.
15. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспект. М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
16. Фокс К. Наблюдая за англичанами. Скрытые правила поведения. М. : Рипол Классик, 2008. URL : <http://iikebooks.ru/20837-foks-kejt-nablyudaya-za-anglichanami-skrytye.html>, свободный.
17. Электронная информационно-справочная система Национального корпуса русского языка Института русского языка имени В. В. Виноградова РАН. URL : <http://www.ruscorgora.ru>, свободный.

Статья поступила в редакцию 1 ноября 2011 г.

УДК 800.1 (082)
ББК 81.2

Д. Д. Санжина
доктор филологических наук, профессор,
Бурятский государственный университет (г. Улан-Удэ, Россия),
e-mail: dsanzhina@yandex.ru

Язык и культура

Статья посвящена освещению современных подходов на проблему взаимодействия языка и культуры. Показано, что язык является одним из важнейших элементов культуры любого народа, что он является важнейшим фактором сохранения этнического самосознания. Неразрывное единство национального языка и национальной культуры обретает в жизни народа многообразные воплощения. Языковые же факты и феномены культуры не поддаются строгому разграничению, потому что изменения, происходящие в сфере культуры, отражаются в языке, а языковые эволюции в свою очередь стимулируют ход культурных процессов. На конкретных языковых материалах бурятского языка показано, что культура, представляя собой наивысший семиотический уровень, принадлежит в равной степени как к миру языка, так и к миру действительной жизни людей; проявление своеобразия национальной бурятской культуры рассматривается на примере тропообразования – метафоры.

Ключевые слова: национальный, культура, язык, феномен, текст, метафора, взаимодействие, семиотика.

D. D. Sanzhina
Doctor of Philology, professor,
Buryat State University (Ulan-Ude, Russia),
e-mail: dsanzhina@yandex.ru

Language and Culture

The paper covers modern approaches to the problem of interaction between language and culture. It shows that language is one of the most important elements of the culture of any nation, that it is an important factor in the preservation of ethnic identity. The indissoluble unity of the national language and national culture takes multiple incarnations in people's lives. Linguistic facts and cultural phenomena can not be strictly differentiated, because cultural changes are reflected in the language. Language evolutions, in turn, stimulate cultural processes. The author uses specific language materials of the Buryat language and shows that culture, representing its highest semiotic level belongs to the world of language as well as to the world of real life. The study involves the manifestations of national Buryat culture illustrated by such tropes as metaphors.

Keywords: national, culture, language, phenomenon, text, metaphor, interaction, semiotics.

Семиотическая методология лингвистики, успешно разработанная в прошлом (XX) веке, позволяет использовать одни и те же инструменты анализа в исследовании не только языка, но и культуры. Известно, что современная лингвистика вовлекла в сферу своих исследований текст. И это также сближает её с культурологией, ибо текст, как и культура, есть произведение, нечто сконструированное, специально созданное человеком. Таким образом, внутри самой лингвистики назвали условия, позволяющие заново ставить и по-новому решать проблему взаимоотношения языка и культуры. В этой связи в настоящее время мы имеем возможность проложить достаточно надёжный путь от язы-

ка к культуре и увидеть в последней феномен, без рассмотрения которого сам язык не может быть осмыслен глубоко и полно. Обращение к культуре закономерно, оно принесёт известную пользу для познания определённой стороны духовной деятельности человека и необходимо лингвистике для её внутреннего развития, для осмысления или переосмысления собственного объекта исследования – языка.

Язык же является одним из важнейших элементов культуры любого народа. Язык является исключительно важным фактором сохранения этнического самосознания. Неразрывное единство национального языка и национальной культуры обретает в жизни народа многооб-

разные воплощения. Факты языка и феномены культуры не поддаются строгому разграничению, потому что изменения, происходящие в сфере культуры, отражаются в языке, а языковые эволюции в свою очередь стимулируют ход культурных процессов.

Многогранность и глубина проблемы взаимодействия языка и культуры позволяет находить новые аспекты её изучения, в частности в связи с проблемой творческого начала в языке и особенностей его проявления в национальных языках. Большой интерес в этом отношении, как яркое проявление своеобразия национальной культуры, вызывает тропообразование, в частности появление метафоры в языке.

Наиболее полно диалектика понятий «национальный язык» и «национальная культура», основательно изученная Вильгельмом фон Гумбольдтом, раскрывается в связи с общепило-софской проблемой соотношения мышления и языка. По образному выражению Гумбольдта: «мир, в котором мы живём, есть ... именно тот мир, в который нас помещает язык, на котором мы говорим» [3, с. 109].

Складывающаяся в процессе развития национальной культуры система понятий отражает присущее данной нации восприятие действительности и выражает его в языке. При этом, чем сильнее воздействие национальной культуры на язык, тем богаче и специфичнее развитие последнего; с другой стороны, от богатства языка зависит глубина и полнота выражения им национальной самобытности. Наиболее гибко и нетрадиционно выразить особое мировидение позволяют метафоры, образованные в процессе функционирования элементов риторического поля, с которым связано представление о творческом начале языка. Процесс тропообразования не хаотичен: с одной стороны, он обусловлен принципиальными особенностями строя самого языка, с другой – своеобразием национального мировидения, что вместе налагает ограничение на многообразие способов тропообразования, в частности метафор, и определяет их специфику в том или ином языке.

Современные исследования метафоры основываются на фундаментальной идее, идущей ещё от Аристотеля, – идее метафорического переноса. Так, по мнению Аристотеля, метафора – это имя, перенесённое с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид. Детализация этой идеи – что и как переносится – лежит в основе многочисленных подходов современных исследователей к метафоре. Результаты совре-

менных исследований [1; 2; 5; 6; 8; 4 и др.] позволяют предположить, что метафора активно участвует в формировании личностной модели мира, играет крайне важную роль в интеграции вербальной и чувственно-образной системы человека, а также является ключевым элементом категоризации языка, мышления и восприятия.

Вместе с тем «метафора в наши дни представляется гораздо более сложным и важным явлением, чем это казалось ранее», – пишет В. В. Петров в обзорной статье, посвящённой разработкам современных исследователей относительно метафоры [8, с. 135]. Несмотря на огромное количество трудов, ещё очень многое в метафоре остаётся неясным и неизвестным. Так, по мнению В. В. Петрова: «в результате более чем тридцатилетнего активного изучения метафоры мы имеем значительное число несоизмеримых и соперничающих между собой подходов. Они различаются как своими «до-теоретическими» базами данных, так и конечными целями. Нельзя сказать, что теперь мы хорошо понимаем, что такое метафора. Скорее, мы гораздо сильнее сознаём глубину и фундаментальность этой проблемы... В общем, в этой золотой жиле – метафоре – осталось ещё много самородков и самые крупные ещё не найдены» [8, с. 145].

По мнению учёного: «сейчас более оправданно говорить о метафоре не только как о языковом, но скорее как о концептуальном феномене. Этот вывод кажется ещё более обоснованным, если помнить, что репрезентация метафоры существует на двух принципиально различных уровнях – пропозициональном и образно-ассоциативном» [8, с. 145].

Итак, посредством метафорического переноса названий человеком познаётся окружающая действительность, создаётся образ мира, который, как известно, меняется от одной культуры к другой и, вследствие этого, не существует двух абсолютно тождественных этнолингвокультур, и нет двух абсолютно тождественных образов мира. Поскольку в основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных моделей, сознание человека всегда этнически обусловлено. Метафоризации обычно подвергаются широко известные, функционально наиболее употребительные слова – это имена существительные, глаголы. В большей степени метафоризации подвергаются конкретные существительные – имена естественных родов, реалий и их частей, а также имена ре-

ляционного значения, создающие метафорические перифразы (үрөөһэн бөөрэ «неразлучный друг; ~ не разлей вода», букв. «одна из (пары) почек»). Среди признаков слов – это прилагательные, обозначающие физические качества (хатуу хүн «твёрдый, волевой, жёсткий человек; перен. скупой человек»), описательные глаголы (тэнгэри сэлмэбэ «небо прояснилось»).

Метафора является одним из основных источников многозначности. Главным критерием полисемии, как известно, принято считать наличие семантической связи между значениями слова. Если такая связь утрачивается, слово распадается на омонимы – разные слова. Однако чаще массовой и стандартной как для словарных толкований, так и для лингвистических описаний является ситуация, когда разные значения многозначного слова не имеют никаких общих признаков (компонентов) и предстают как «список», перечень автономных единиц. Неправдоподобным является предположение, что человек хранит в памяти десятки (или сотни) тысяч совершенно не связанных друг с другом значений (и оперативно извлекает их по мере необходимости). «Списочный» подход оставляет за рамками лингвистического рассмотрения и проблему механизма образования новых значений, а они постоянно появляются. Причина самого существования полисемии в естественном языке – когнитивная, считают современные исследователи. Полисемия – это одно из основных средств концептуализации нового опыта. Когнитивный подход к описанию полисемии предполагает не инвентаризацию и классификацию существующих значений, а выявление общих закономерностей работы самого механизма их образования. Это позволит не только восстановить связи между значениями и представить их как единую систему, но и уточнить представления о том, как происходит «языковое расширение», как используются выделяемые из исходных значений когнитивные схемы для концептуализации нового опыта.

Один из важных аспектов функционирования языка – семантическая деривация, т. е. «производство» значений: новые значения постоянно появляются – значит, существует механизм их образования. И хотя все значения разные (поскольку они соответствуют разным внеязыковым реалиям), невозможно себе представить, чтобы каждое значение создавалось по совершенно уникальной «технологии», – это противоречило бы и принципу простоты, и принципу экономии – и, наконец, просто здра-

вому смыслу. Более естественно предположить, что существует определённое (обозримое) количество стратегий семантической деривации и типов (моделей) значений. При таком подходе производные значения должны рассматриваться не как «склад» или закрытый «список» уникальных единиц, а как материал для реконструкции общих правил и закономерностей их «производства», как продукты работы некоторого механизма, по которым мы можем судить об устройстве и принципах функционирования самого этого механизма.

Наибольший интерес для изучения механизмов семантической деривации представляет сравнительно небольшой круг наиболее освоенных, «основных» для человека ситуаций и объектов, куда входят основные типы положения в пространстве (байха «стоять», хууха «сидеть», хэбтэхэ «лежать»); основные типы движения (ябаха «ходить, идти», ошохо «идти», гүйхэ «бежать» и т. д.); основные способы перемещения объекта (абаха «брать», табиха «ставить», хаяха «бросать», татаха «тянуть», асарха «приносить, приводить»); основные способы преобразования объекта и воздействия на объект (хэхэ «делать», отолхо «резать», сохихо «бить», галдаха «жечь», эбдэхэ «ломать» и т. п.) и другие «основные» жизненные ситуации – состояния, отношения, признаки. Именно эти слова «основного фонда» являются наиболее многозначными, что имеет когнитивное объяснение.

Вообще, сам факт существования полисемии есть главное доказательство когнитивной природы этого явления. Полисемия является следствием того, что для обозначения новых предметов, явлений и ситуаций, входящих в сферу опыта, человек не изобретает новых знаков, а использует уже существующие, приспособивая их для выполнения новых функций. Человек понимает новое, неосвоенное через освоенное и известное, извлекая из исходных значений определённые семантические модели и распространяя их, точнее, «подводя» под них новые элементы опыта.

Значение – это возможность, возможность как идентифицировать исходную ситуацию, так и осмыслить новые ситуации. С другой стороны, значение – это ограничение, оно не рассчитано на что угодно, ограничен и круг исходных объектов и ситуаций, которые оно «обслуживает», и возможности его модификации и распространения на новые объекты или ситуации. Слово имеет определённый семантический потенциал, задающий логику его семантического

развития. Реализация этого потенциала приводит к образованию семантической парадигмы слова – системы производных значений определённых типов.

Главным источником полисемии, как известно, является метафора. Наиболее древними, уходящими в глубины языкового сознания, являются антропоморфные метафорические наименования, так как именно тело составляет для человека самое первое и наиболее очевидное проявление его, которое (тело) представляет собой наиболее реальное и вместе с тем очевидное отличие человека от других объектов, дающее основание идентификации себя как «Я» и в целом самое первое доказательство его бытия. Не случайно тело принимается за образец для внутренней репрезентации, с одной стороны, души человека (она видится внешне подобно телу), а с другой – всего материального мира, в котором человек живёт.

Новые номинации в языке образуются, как правило, путём переосмысления общеупотребительной лексики. В языковой картине мира монголоязычных народов широко используются в переносно-метафорическом значении слова, связанные с названиями частей тела. В частности, здесь очень продуктивна лексема аман (бур.), амн (калм.), ам (монг.), в прямом значении – это «рот, уста, губы; пасть, зев (у животных); клюв (у птицы)», в переносном значении: «1) слово, язык, речь; 2) едок, иждивенец; 3) парн. к названиям частей лица и самого лица; 4) по знач. определяемого переводится разными словами для обозначения предметов, напоминающих рот, или похожих на него, или относящиеся к нему». В БРС отмечено около 50 примеров употребления данного слова в переносном значении: хадын аман «горный проход» (букв. «горы рот»), эдихэ аман «дармоед» (букв. «кушать рот»), ама хахалха «начинать говорить первым, выступать первым (на собрании)» (букв. «рот разорвать») и др.

Базисную основу общеупотребительной лексики в монгольских языках составляет также номадная лексика. Наибольшую продуктивность в создании новых названий имеет лексико-тематическая группа слов, связанных с конем. Данный лексический пласт как объект анализа очень выразительно отражает этнокультурную специфику монгольских народов, ибо весь многовековой уклад жизни степняка-кочевника в прошлом был тесно связан с лошадей. Конь – морин (бур., монг.), мөрн (калм.), является одним из первых домашних животных

наших предков, он был известен уже в эпоху неолита. О древности данной лексемы в монгольских языках свидетельствует использование её в метафорическом значении, например: 1) в ботанических и зоологических названиях мөрн шарлжн (калм.), морин шарилж (монг.) «полюнь однолетняя горькая»; мөрн хатхач (калм.), морин хад (монг.) «крыжовник»; морин шиш (монг.) «конские бобы»; морин хараасгай (бур.), морин хараацай (монг.) «стриж»; морин хулгана (бур.), мөрн хулһн (калм.) «полевая мышь»; морин шоргоолж (монг.) «крупный муравей; лесной чёрный муравей; термит» и др.; 2) для обозначения огромных размеров чего-л.: морин самса (бур.), морин цамц (монг.) уст. «рубашка, платье (букв. лошадь рубашка)»; морин үльгэр (бур.), морин үлгэр (монг.) «большая былина», морин шэл (бур.), мөрн шил (кал.) «бутыл, четверть (уст.)».

Также древность слова «морин» подтверждается существованием многочисленных устойчивых выражений (поговорок, в которых ключевой является данная лексема: мориной хайниие унаад мэдэхэ (бур.) «доброту коня, оседлав, узнаёшь»; морины сайныг унаж мэддэг, хүний сайныг ханилж мэддэг (монг.) «качество коня познаётся в езде, качество человека – в дружбе»; бэлгийн морины шүд татдаггүй «дарённому коню в зубы не смотрят»; мөр унсна хөөн, элжн унулх (калм.) «посадить на осла после лошади; ≈ менять кукушку на ястреба» и др.

Глаголы, характеризующие физические действия, движения, совершаемые человеком, являются наиболее ранними, такие глаголы обычно многозначны. Например, абаха (бур.), аваха (монг.) авх (калм.) в прямом значении: 1) «брать, взять», имеет переносное значение; 2) «получать», 3) «принимать», 4) «доставать, добывать», 5) «снимать», 6) «убирать», 7) «стричь», 8) «покупать», 9) «хвататься», 10) «наживать», 11) «жениться»; 12) выступает в функции вспомогательного глагола; мэдэлдээ абаха «брать в своё ведение, забирать власть»; бариха (бур.), барих (монг.), бэрх (калм.); прямое значение 1) «держать, хватать, ловить, поймать»; переносное 2) «удерживать», 3) «иметь, содержать, управлять, ставить, строить», 4) «преподносить, подавать», 5) «управлять контролировать придерживать», 6) «держать себя в руках, брать себя в руки», 7) «хоронить участвовать в похоронах»; 8) часто употребляется в роли второго компонента парного глагола: гэр бариха «строить дом», нойр бариха «спать почивать» (букв

«сон держать»), эдээ бариха «есть, кушать» (букв. «пищу держать») бэлгийн морины шүд татдаггүй (монг.) «зубы подаренного коня не тянут» и др.

Одним из факторов, определяющих значение слова, как и его потенциальную многозначность, является его внутренняя форма; причем как её содержание, так и степень актуальности зависят от разных факторов, в том числе от индивидуального когнитивного стиля. При этом, с точки зрения роли в языковом сознании и влияния на реальное функционирование слова, внутренняя форма, возникшая в результате народной этимологии, ничем не отличается от «настоящей» внутренней формы, соответствующей реальной этимологии. Этот вывод основывается не только и не столько на использовании языка в его поэтической функции, сколько на том факте, что реальное историческое развитие часто опирается на вторичные сближения этимологически неродственных элементов.

Изучение взаимодействия культуры и языка также предполагает обращение к группам слов, мотивированным областью знания, которая их объединяет. К ключевым терминам метаязыка культуры относятся такие понятия, как причина, время, долг, истина, судьба, порядок, ложь, искренность, добро, зло, красота и др. Эти культурные концепции не просто существуют в любом языке. Они актуальны для каждого человека.

В рамках логического анализа языка становится возможным их лингвистический анализ. Национальная специфика компонентов духовной культуры, безусловно, не исчерпывается теми чертами, которые обусловлены языковым

способом её выражения. Однако компонент духовной культуры – язык занимает в ней особое место. В контексте сказанного вырисовываются контуры развития бурятской лингвистики с точки зрения концептуального анализа языка. Перед исследователями бурятского / монгольских языков встаёт глобальная задача: изучить национальные особенности языковых способов выражения восприятия действительности.

Сила языка, как средства общения и воздействия на формирование личности, в настоящее время особенно возрастает. Современные процессы демократизации оказывают благотворное влияние на подъём национального самосознания, способствуют новому осмыслению истории своего народа, его культуры, традиций, обычаев, проблем национального языка. И это не случайно. Ведь в языке заключён дух этноса, отражено его национальное сознание. В языке отражается и философия народа, пройденный им социальный путь, его история и культура. В этом смысле язык следует рассматривать как уникальное средство воспитания человека.

Язык, как инструмент, используется для передачи интеллектуальных знаний, морально-этических норм, эстетических ценностей народа. Изучение родного языка в таком ракурсе, т. е. во взаимосвязи с философией, историей, литературой, культурой, представляется, будет более эффективно способствовать сохранению и сбережению национального языка и культуры. И долг каждого поколения заключается в том, чтобы развивать и преумножать духовные ценности своего народа, передавать их следующему поколению.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Языковая метафора // Лингвистика и поэтика. М. : Наука, 1979.
2. Бессонова О. М. Очерк сравнительной теории метафоры // Новое знание. Новосибирск, 1987.
3. Кёрнер Э. Ф. К. Вильгельм фон Гумбольдт и этнолингвистика в Северной Америке от Боаса (1894) до Хаймса (1961) // ВЯ. 1992. № 1. С. 105–113.
4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём // Язык и моделирование социального взаимодействия. М. : Наука, 1987.
5. Метафора в языке и тексте. М. : Наука, 1988. 176 с.
6. Петров В. В. Научные метафоры: природа и механизм функционирования // Философские основания научной теории. Новосибирск : Наука, 1985.
7. Петров В. В. Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу // ВЯ. 1990. № 3. С. 135–146.
8. Хахалова С. А. Метафора в аспектах языка, мышления и культуры. Иркутск : Изд-во ИГЛУ, 1998. 249 с.

Статья поступила в редакцию 26 ноября 2011 г.

УДК 025.47
ББК : 78.372.151.1.

Н. В. Эйльбарт

*доктор исторических наук, профессор,
Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет
им. Н. Г. Чернышевского (г. Чита, Россия),
e-mail: ejlbart@mail.ru*

Нерчинские купцы Бутины в воспоминаниях Б. Дыбовского

В статье рассмотрен фрагмент мемуарного наследия польского политического ссыльного, врача и зоолога Бенедикта Дыбовского («Дневник доктора Бенедикта Дыбовского») – значимый исторический источник для реконструкции истории Забайкалья. Б. Дыбовский – учёный с мировым именем, впервые в истории науки описавший десятки видов забайкальской фауны, первооткрыватель богатейшего животного мира Байкала, оставил также мемуары, в которых ярко описаны личности выдающихся забайкальцев – современников автора. В статье в нашем переводе на русский язык впервые представлен отрывок мемуаров Дыбовского, рассказывающий о его визите в Нерчинск в 1867 г. и подробно характеризующий семью купцов Бутиных – талантливых коммерсантов и меценатов науки и культуры второй половины XIX в., их роль в экономическом развитии Нерчинска и Забайкалья в целом.

Ключевые слова: Бенедикт Дыбовский, Михаил Дмитриевич Бутин, нерчинское купечество, польские политические ссыльные, ученые, мемуары, меценаты, Забайкалье в XIX в.

N. V. Eylbart

*Doctor of History, professor,
Zabaikalsky State Humanitarian Pedagogical University
named after N. G. Chernyshevsky (Chita, Russia),
e-mail: ejlbart@mail.ru*

Nerchynsk Merchants Butins in B. Dybowski's Memories

The study focuses on a fragment from the memoirs of Benedikt Dybowski, a Polish political exile, doctor and zoologist. *Doctor Benedikt Dybowski's Diary* is a significant historical source for reconstructing the history of Transbaikalia. B. Dybowski is a world famous scientist, who was the first to describe dozens of species of Transbaikalian fauna, and the first to discover the richest fauna of Baikal. Dybowski wrote memoirs where he portrayed outstanding Transbaikalian persons – his contemporaries. For the first time the author of the article presents the fragment of Dybowski's memoirs in her own translation into Russian, telling about his visit to Nerchinsk in 1867. The fragment describes the Butins family of merchants in detail. They were talented businessmen and patrons of science and culture in the second half of the 19th century and played an important role in the economic development of Nerchinsk and Transbaikalia as a whole.

Keywords: Benedikt Dybowski, Michail Dmitrievich Butin, Nerchinsk merchantry, Polish political exile, scientists, memoirs, patrons, 19th century Transbaikalia.

125-летию Нерчинского музея им. М. Д. Бутина посвящается

Польское мемуарно-очерковое наследие, посвящённое Забайкалью XIX – начала XX вв., до сего времени представляется недостаточно освоенным отечественными исследователями, несмотря на то, что является, по сути своей, уникальным историческим источником, «живыми красками» рисующим жизнь нашего региона в указанный период. К тому же данные труды, изданные на польском языке в Европе, были переведены на русский язык лишь фрагментарно.

Среди мемуаров, посвящённых Забайкалью XIX в., особо стоит отметить воспоминания Агатона Гиллера, Юлиана Талько-Грынцевича и Бенедикта Дыбовского. В настоящей статье мы рассмотрим ранее не публиковавшийся на русском языке фрагмент воспоминаний польского политического ссыльного Бенедикта Дыбовского (1833–1930), посвящённый культурной столице Забайкалья Нерчинску и его меценатам – купцам Бутиным и Зензиновым.

Бенедикт Дыбовский – польский врач и зоолог, прославивший своё имя как первооткрыватель десятков видов представителей фауны Восточной Сибири, Дальнего Востока и Камчатки. На забайкальскую каторгу он попадает как участник польского восстания в марте 1865 г., но вскоре, замеченный властями, освобождается от каторжных работ и привлекается военным губернатором Забайкальской области Н. П. Дитмаром к участию в реализации проекта «забайкальского Карлсбада» – развитию бальнеолечения на дарасунских минеральных водах. [2]. В то время дарасунские минеральные воды находились в частных руках и принадлежали нерчинским купцам братьям Бутиным, являвшимся не только талантливыми коммерсантами, но и меценатами просвещения, науки и культуры. Знакомство Бенедикта Дыбовского и Михаила Дмитриевича Бутина (1835–1907) произошло в 1867 г. и было вызвано печальным поводом – смертельной болезнью жены последнего, Софьи Бутиной (урожденной Зензиновой), к которой польский ссыльный был приглашён в качестве врача. Софья Бутина занималась широкой благотворительностью, в её честь основанная в Нерчинске на средства Бутиных женская гимназия получила название Софийской [1]. Дыбовский посвятил этому визиту в Нерчинск несколько страниц в своих воспоминаниях («Дневник доктора Дыбовского, начатый в 1862 г., до 1878 г.». Он не только описал образ жизни богатейших забайкальских предпринимателей, но и дал чёткую оценочную характеристику их роли в истории и развитии края, а также показал отношение к ним простых нерчуган. Поскольку данный отрывок не публиковался на русском языке, считаем целесообразным привести его здесь полностью (в нашем переводе).

«Через несколько дней Бутин прислал лошадей с просьбой, чтобы я прибыл к его больной жене¹. Он писал Буйвиду, что надеется на то, что я не откажу в своём приезде. Я приехал и остановился перед настоящим дворцом. Во всей Восточной Сибири не было такого прекрасного жилого здания, а также так дорого мебелированных салонов, столовой, концертного зала, где стоял большой орган, игравший на многочисленных валах всё то, что было прекрасного в музыке, исполняемой оркестром на концертных сценах. Внизу, соединенный с первым этажом дворца, был устроен так называемый зимний

сад с фонтаном. Прекрасные, относительно крупные пальмы и другие тропические растения, густо расставленные группами, окружали салон, украшенный белыми мраморными статуями. При главном салоне стояли небольшие боковые группы растений или тихие беседки, всё это образовывало очаровательное целое. Невиданная более нигде роскошь, как широкая и длинная Сибирь, господствовала тут безраздельно. В тот момент, когда я прибыл, я застал всех в этом дворце погружённых в глубокую печаль. Моя знакомая акушерка из Читы и вторая, из Нерчинска, встретили меня и рассказали, что кровотечение постоянно продолжается, это «*Placenta praevia*»², а поскольку больная не соглашается на удаление плода, то спасения нет. Я спросил, почему не тампонировали, они сказали, что больная не соглашается на это. Мы вошли в комнату, где лежала несчастная женщина. Я нашел ее мертвенно бледной, с посиневшими губами, широко открытые глаза как будто выскочили из орбит. Она была в ясном сознании, говорила тихо, обрывочными фразами; при ней в отчаянии находился муж, он с отсутствующим видом сидел в кресле, глаза его были красными, лицо орошено слезами, он сдерживался от рыданий, всматриваясь в супругу, казалось, он не видит и не слышит того, что делается вокруг.

После приветствия я объявил, что для остановки кровотечения необходимо заложить тампон, это пройдет безболезненно – прошу разрешения на эту необходимость. Она сразу же согласилась; мы с акушерками приготовили материал – я вымочил его в воде с раствором квасцов и при помощи *speculum*³ заложил плотный и большой тампон. При имевших место обстоятельствах всякая другая помощь была невозможна. Для употребления я рекомендовал легко подслащенный чай с ромом, и если больная захочет, посоветовал питье пахты.

В комнате больной было жарко, я устал и для освежения вышел на крыльцо, ведущее в обширный внутренний двор. Я раскурил трубку и глубоко задумался. Группа молодых людей приблизилась ко мне, это было вечером, почти в ночных сумерках. Один из них спросил: «Будет ли больная жить?». Застигнутый врасплох, я ответил не думая: «Я сделал что мог и что умел, я никогда не теряю надежды». После этих слов молодой человек схватил меня за руку и начал целовать, громко рыдая, другие его товари-

¹ Дыбовский в это время гостил на золотых приисках полковника И. М. Буйвида близ почтовой станции Размахниной.

² «Низкая плацента», при которой естественное родоразрешение невозможно.

³ Гинекологическое зеркало.

щи начали плакать; глубоко потрясённый этой сценой, я расчувствовался сам, молодые люди ушли. Я думал о том, что если бы обладал той чудесной силой вылечивать больных по собственной воле, то смог бы продлить жизнь той, которую так горячо любят люди.

Моя знакомая акушерка из Читы, выполнявшая в этом доме роль хозяйки, пригласила на чай. Слуги были элегантно одеты, чайный сервиз изящен, кроме меня никого не было. Разговор не клеился. ... С чаем я употребил порошок хинина¹, это лекарство имел при себе всегда, затем мы пошли к больной; на свежезастланной постели не было следов крови, застали мужа больной в неизменной позиции, которую он не менял ни во время осмотра, ни теперь, так как был в как бы отсутствующем состоянии. От ужина я отказался, прося, чтобы мог как можно скорее отдохнуть, потому что чувствую себя очень уставшим. Меня проводили в элегантный апартамент. Резная кровать, застланная темно-красным атласным одеялом, подушки и думки с вышивкой. На столе, покрытом разукрашенной салфеткой, лампа с абажуром с цветными видами, тщательно нарисованными; прекрасно переплетенные альбомы, тут же иллюстрированные журналы, сшитые в тома: «*Journal pour rire*», «*Kladderadatsch*», английский иллюстрированный еженедельник и т. д. На письменном столе, поставленном боком к окну – чернильница, бумага, конверты, пепельница и сигары в коробках.

Лакей, проводивший меня в комнату, поставил приспособление для снятия обуви, молча показал на дверь в уборную, поднял покрывало над умывальной и спросил, придти ли ему за сапогами, я ответил, что мои сапоги из замши и не нуждаются в чистке, попрощался, желая доброй ночи, и остался один со своими грустными мыслями. Здесь уже не могло быть речи о здоровье и жизни пациентки – конец мог наступить каждую минуту. Её смерть все восприняли болезненно, потому что это была особа редкой доброты, по её инициативе появились все благотворительные начинания в Нерчинске, школы, призрение и т. д. Вся её семья Зензиновых отличалась альтруизмом, любовью к людям, смерть такой особы была большой потерей для края. Её супруг

¹ В то время хинин широко использовался при любой лихорадке.

² «*Journal pour rire*» – иллюстрированный французский юмористический журнал, издаваемый в 1848–1855 гг.; «*Kladderadatsch*» – иллюстрированный немецкий сатирический журнал, издаваемый в Берлине в 1848–1944 гг.

также необычный человек, тогда как другие сибирские богачи – Пермикины, Сибиряковы, Базановы использовали свои богатства только в эгоистических целях, то его дела освещала какая-то благородная альтруистическая идея. Он полюбил свой родной Нерчинский край и хотел его развития, мечтая о его величии и значении. Он обладал необычайными умственными способностями, самоучка, достиг такого уровня образованности, какой редко встречается в России. Эстет по натуре, он наслаждался прекрасным окружением, Нерчинск застраивался по подсказкам Бутина, он образцово обустроил свою ферму, его дворец в Нерчинске роскошен, свидетельствуя об аристократических вкусах, рождённых на весьма демократической почве.

Позднее я узнал [Михаила] Дмитри[евича] Бутина ближе, по моей просьбе он приказал отлить на своём железоделательном заводе памятник для славного натуралиста Вильгельма Стеллера³. Согласно плану и модели, предоставленными архитектором и скульптором Тамулевичем⁴ из Иркутска, он сделал это как пожертвование, безо всякого вознаграждения, и к тому же на собственные средства доставил памятник во Владивосток.

Я долго не мог уснуть, выпил еще один порошок хинина, зажёл душистую сигару американского производства, не смея дымом своей трубки осквернить помещение, освящённое роскошью. Лихорадочное состояние не отступало, я отбросил атлас в сторону, снял сапоги и в одежде рухнул на кровать с пружинным матрацем. В комнате было очень жарко, я должен был встать, раздеться; я уснул очень поздно, пробудился на рассвете, зажёл лампу и с нетерпением ждал известий, которые мне обещала акушерка. Уже днём постучали в дверь, лакей объявил, что госпожа акушерка желает со мной видиться, я вышел, она рассказала, что они по очереди находились при больной, кровотечение прекратилось, больная очень слаба, не хочет ничего пить... Супруга, [М.] Д. Бутина, должны были силой увести от кровати больной, он был в полубессознательном состоянии. Отец больной,

³ Стеллер Георг-Вильгельм (1709–1746) – немецкий естествоиспытатель, участник Второй Камчатской экспедиции, первый европейский исследователь природы Камчатки. По инициативе Б. Дыбовского в Петропавловске-Камчатском ему был установлен памятник.

⁴ Тамулевич Ян – польский политический ссыльный, архитектор и скульптор. Жил и работал в Иркутске. Являлся автором проекта польского неоготического костела Успения Девы Марии в Иркутске.

её брат и доктор Михайловский¹, родственник Бутиных, заботятся о нём. Умиравшая просила, чтобы все собрались, желая попрощаться. Целая толпа заполнила комнату, я присутствовал при прощании, отчаяние мужа и всего окружения было так глубоко и так бурно выражено, что никто не мог при виде этого остаться равнодушным, я пережил ужасные минуты. Она умерла в полном сознании, угасла в присутствии рыдающего окружения.

Я просил, чтобы акушерка, распоряжавшаяся здесь в эти минуты, позаботилась о лошадях, дабы я мог уехать тотчас же. Я вернулся на золотые прииски Буйвида поздним вечером, удалился в свою комнату, попросил чаю, с которым выпил хинин, и лёг спать; лишь после спокойной ночи ко мне вернулось равновесие. Наутро после завтрака меня расспрашивали о подробностях, я отвечал коротко, что не был наблюда-

телем, но вместе скорбел о смерти этой святой женщины, утрата тяжка, потому и скорбь о ней велика. Умерла не мать семейства, а королева Нерчинского края. Такой титул принадлежит ей по праву». [3, s. 269–272].

Воспоминания Б. Дыбовского о Бутиных интересны не только с фактической, но и с оценочной точки зрения. Они привносят дополнительные штрихи к портрету неординарных забайкальских коммерсантов и меценатов и важны для сегодняшнего переосмысления их роли в истории нашего региона. Этот исторический источник, в котором в общих чертах реконструирован образ нерчинского дворца Бутиных, значим для создания современной музейной экспозиции Нерчинского краеведческого музея, который с 2003 г. располагается в его стенах, посвящённой первым хозяевам и строителям здания.

Список литературы

1. Афанасьев П. Ю. Золото Приамурья. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2006. С. 35–56
2. Эйльбарт Н. В. Портреты исследователей Забайкалья. М. : Наука, 2006. С. 9–66.
3. Dybowski B. Pamiętnik dra Benedykta Dybowskiego od roku 1862 zaczawszy do roku 1878. Lwow, 1930. S. 269–272.

Статья поступила в редакцию 30 ноября 2011 г.

¹ Скорее всего, имеется в виду Иван Павлович Михайловский, позже работавший в Кяхте и Иркутске.

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК. 070.15
ББК Ч 612.3

А. А. Антонов-Овсенко
кандидат исторических наук,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(г. Москва, Россия), e-mail: antonov-ovseenko@mail.ru

Периодическая печать и июльское восстание 1917 г. в Петрограде

В статье рассматриваются итоги организованного большевиками вооружённого выступления резервных военных частей в июле 1917 г. в Петрограде. Газетная кампания, начавшаяся с «разоблачения» большевиков как германских шпионов, была организована в качестве ответной меры на фактически предпринятую в ходе восстания попытку государственного переворота. В этой кампании Временное правительство использовало газеты в качестве инструмента воздействия на своих политических оппонентов в лице большевиков и одновременно как объекты воздействия на тех же оппонентов путём создания помех в выпуске их печатных изданий.

Ключевые слова: газеты, восстание, большевики, Временное правительство.

A. A. Antonov-Ovseenko
Candidate of History, Moscow State University
named after M. V. Lomonosov (Moscow, Russia),
e-mail: antonov-ovseenko@mail.ru

Periodical Press and the July 1917 Uprising in Petrograd

The article reviews the outcomes of the Bolsheviks organized armed uprising of reserve military units in July 1917 in Petrograd (now St. Petersburg). The newspaper campaign, which began with “revelations” of the Bolsheviks as German spies, was organized in response to the coup attempt undertaken in the course of the uprising. In this campaign, the Provisional Government used the newspapers as a tool against its political opponents, the Bolsheviks, and at the same time as a means to exert pressure on the opponents by interfering with the release of their publications.

Keywords: newspapers, uprising, Bolsheviks, Provisional Government.

В начале июля в Петрограде состоялось вооруженное выступление ряда военных частей, находившихся в резерве в Петроградском гарнизоне, но ввиду военного времени полностью вооруженных и пустивших в ход это оружие в столкновениях с силами Временного правительства, в частности с отрядом посланных к Таврическому дворцу казаков. В результате этих столкновений погибли не только военные с обеих сторон, но и мирные граждане. И, несмотря на то, что следствие по делу 3–5 июля, которое проводил прокурор Петроградской судебной палаты, так и не было окончено (а подозреваемые – 72 большевика, в том числе Л. Д. Троцкий, были выпущены из «Крестов» на свободу), даже и отрывочные сведения об этих событиях,

опубликованные в прессе, позволяли сделать определённые выводы об их организационном источнике. Так, из номера газеты «Новая Жизнь» от 22 июля (4 августа) ещё тогда можно было узнать буквально следующее: «...3 июля к восстанию присоединился 1-й пулемётный полк. Руководителем этого выступления был прапорщик Семашко. Он... в апреле должен был отправиться с пулеметной ротой на фронт, но самовольно не исполнил этого распоряжения и продолжал являться в полк, где... образовал «коллектив большевиков»... Полк направился к Таврическому дворцу, где к нему обратились с речами Зиновьев и Троцкий. Последний, приветствуя вооружённое выступление, заявил, что завоевание уже сделано, так как рабочая секция

С. Р. и С. Д. согласилась на то, чтобы вся власть была сосредоточена в Совете Р. и С. Д.» [12]. К июльскому выступлению присоединились, – об этом также сообщали газеты, – и военные части из Кронштадта.

Таким образом, сведения эти позволяют с очевидностью утверждать, что организационные источники июльского выступления находились именно в большевистском штабе в доме Кшесинской и в большевистской фракции Петросовета в Таврическом дворце. Кроме того, с учётом заявления Троцкого, в ходе июльского выступления была предпринята попытка государственного переворота. В итоге июльское выступление обнаружило Временное правительство и большевиков в качестве двух главных политических центров организационно-политического противостояния.

Газеты как субъект и средство воздействия. Первой реакцией Временного правительства стал запрет на проведение демонстраций, но, разумеется, ограничиться только этой мерой правительство не могло. Последовали более решительные действия, тем более, что, как это будет видно далее, предназначенная для формирования антибольшевистских настроений в обществе аргументация концентрировалась в правительстве загодя. Выступление же 3–4 июля стало удобным поводом для того, чтобы запустить в действие давно готовый механизм.

Как известно, начало антибольшевистской кампании положила публикация газеты «Живое слово» в номере от 5 июля под набранным крупным шрифтом заголовком «Ленин, Ганецкий и К° – шпионы!» следующего содержания: «При письме от 16 мая 1917 года за № 3719 начальник штаба Верховного Главнокомандующего препроводил Военному Министру протокол допроса от 28 апреля сего года прапорщика 16 Сибирского стр. полка Ермоленко. Из показаний, данных им начальнику разведывательного отделения штаба Верховного Главнокомандующего, устанавливается следующее. Он переброшен 25 апреля сего года к нам в тыл на фронт 6-й армии для агитации в пользу скорейшего заключения сепаратного мира с Германией. Поручение это Ермоленко принял по настоянию товарищей. Офицеры Германского Генерального штаба Шидицкий и Люберс ему сообщили, что такого же рода агитацию ведёт в России агент Германского Генерального штаба и председатель Украинской секции «союза освобождения Украины» А. Скоропись-Иолтуховский и Ленин. Ленину поручено стремиться всеми силами к подрыву доверия русского народа к Временному правительству. Деньги на агитацию получают через

некоего Свендсона, служащего в Стокгольме при Германском посольстве. Деньги и инструкции пересылаются через доверенных лиц. Согласно только что поступившим сведениям, такими доверенными лицами являются в Стокгольме: большевик Яков Фюрстенберг, известный более под фамилией Ганецкий, и Парвус (доктор Гельфанд). В Петрограде: большевик, присяжный поверенный М. Ю. Козловский, родственница Ганецкого – Суменсон, занимающаяся совместно с Ганецким спекуляциями, и другие. Козловский является главным получателем немецких денег, переводимых из Берлина через «Дисконто-Гезельшафт» на Стокгольм «Виа-Банк», а оттуда на Сибирский банк в Петрограде, где в настоящее время на его счету имеется свыше 2.000.000 р. Военной цензурой установлен непрерывный обмен телеграммами политического и денежного характера между германскими агентами и большевистскими лидерами. По распоряжению Временного правительства были выключены вчера телефоны во всех большевистских организациях, в типографиях, занятых большевиками, и в частных квартирах большевиков. Ввиду угрозы большевиков захватить телефонную станцию, на Морскую улицу к помещению, занимаемому телефонной станцией, был послан бронированный автомобиль. По полученным сведениям, большевики готовили нападение на контрразведывательные отделения Генерального штаба. К помещению, занимаемому отделением, был выслан бронированный автомобиль» [10].

Для Временного правительства приведенная публикация стала прекрасным оправданием для любых мероприятий, направленных на ограничение активности большевиков как «немецких шпионов». А поскольку в ночь с 4 на 5 июля, когда в типографии «Живого Слова» осуществлялся набор и печать этого сообщения, Временное правительство ещё не было полностью уверено в ликвидации угрозы государственного переворота, то публикация эта оказывалась очень кстати и для начала ещё более решительных действий.

Газеты как объект воздействия. Ещё более решительные действия со стороны Временного правительства были предприняты в тот же день, 5 июля, и оказались направленными против центрального печатного органа большевиков – газеты «Правда». События в редакции этой газеты, приобретшие форму погрома, были подробно описаны на следующий день, 6 июля, в «Известиях»: «Вчера в 5 час. утра в ред. «Правды» явился смешанный отряд солдат, юнкеров и инвалидов и арестовал находившегося здесь ре-

дктора – выпускающего К. С. Еремеева, сотрудника Гельверна¹ и несколько человек служащих в конторе и редакции. Находившийся в помещении редакции караульный отряд 6-го саперного батальона был обезоружен и под конвоем явившихся солдат вместе с арестованными отведён в штаб Петроградского главнокомандующего. Здесь задержанные были допрошены в присутствии министра юстиции... Вернувшиеся в редакцию К. С. Еремеев и тов. Гельверн нашли две комнаты, в которых помещается редакция, запертыми, а ключи – у представителя «Сельского Вестника», который помещается в одной с «Правдой» квартире... Двери были отперты, и в помещении редакции и конторы обнаружен полный разгром...» [1]. Безусловно, погром в редакции, по замыслу, должен был привести и действительно привел к затруднениям в восстановлении регулярного выпуска газеты.

Будущий глава правительства А. Ф. Керенский, который возглавил его после отставки кн. Львова 11 июля, в разгар июльского выступления находился с инспекцией на фронте в качестве военного и морского министра и впоследствии в своих воспоминаниях отрицал причастность правительства к погрому в редакции «Правды». Однако лукавство Керенского выдаёт приведённый пассаж из статьи в «Известиях» о том, что задержанные сотрудники газеты «были допрошены в присутствии министра юстиции».

Одновременно продолжалась и активная кампания на страницах «Живого Слова»: первая страница следующего же номера этого издания от 6 июля буквально переполнена заметками, выдержанными в тоне гневного обличения не только шпионов-большевиков, но и их фактических пособников, каковых газета усматривала и во Временном правительстве – за то, что оно не обнародовало сведения о предательстве большевиков раньше (правительство, таким образом, подталкивали к ещё более решительным действиям), и в Совете – за то, что «не хочет признавать безусловной истинности этого сообщения». Со своей стороны и со стороны «революционной России», газета выдвигала следующие требования: «1) Ленин и его приспешники должны быть немедленно арестованы; 2) “Правда”, “Солдатская правда”, “Волна” и им подобные газеты, издающиеся на немецкие деньги, должны быть немедленно закрыты...» [8] и т. п.

Публикации «Живого слова» были подхвачены и другими изданиями. Так, «Русское сло-

¹ Фамилия «Гельверн» на микрофильме с данной страницей газеты «Известия» неразборчива (микрофильм на хранении в Газетном фонде Российской государственной публичной библиотеки – Москва, округ Химки).

во» в № 152 от 6 июля фактически повторяет «Живое слово» в публикации письма Алексинского и Панкратова и в публикации содержания письма начальника штаба главнокомандующего А. И. Деникина военному министру А. Ф. Керенскому от 16 мая 1917 года за № 3719. Кадетская «Речь» 7 июля также в точности повторяет и заявление Алексинского и Панкратова, и текст протокола допроса прапорщика Ермоленко, и прочие «сведения» [2].

Физическое воздействие как результат газетных публикаций. «Новая жизнь» в номере от 6 июля сообщает об агрессивном отношении к большевикам в дни, наступившие сразу за чередой «разоблачительных» публикаций: «Члены Исполнительного Комитета Каменев и Либер по дороге в штаб округа за получением пропуска для автомобиля были задержаны солдатами Преображенского полка. Арестованные были препровождены к ген. Половцеву... Видя намерения штаба освободить задержанных, находившиеся офицеры и солдаты запротестовали и заявили, что если Каменев и Зиновьев появятся на улице, то с ними расправятся, солдат удалось убедить, что Зиновьева здесь нет и что за Зиновьева они принимают Либеру... Каменев же остался в штабе округа до того момента, пока не успокоятся солдаты, охраняющие штаб» [14]. Опубликованные в этой заметке подробности, касающиеся личности Зиновьева, важны среди прочего и тем, что вместе с Лениным в plombированном вагоне из Германии следовал, – о чем, видимо, в то время было широко известно, – именно Зиновьев, то есть его вместе с Лениным общественное мнение ассоциировало с предательством интересов родины.

«Новая Жизнь» в номере от 8 июля подтверждает, что подобные происшествия с большевиками в те дни не были ни случайными, ни единичными: «Уже второй день в Таврический дворец поступает ряд сообщений об эксцессах толпы и солдат против отдельных большевиков. Сообщают, что в некоторых районах толпа врывается даже в трамвай и ищет «ленинцев». Представители большевиков в Таврическом дворце то и дело обращаются к заступничеству Центрального Исполнительного Комитета» [14].

Официальные меры. Следующим шагом, предпринятым Временным правительством против большевиков, стало постановление от 8 июля о запрете распространения на фронте большевистских газет «Правда», «Солдатская правда» и «Окопная правда» [3, с. 67], а затем принятое 12 июля (на следующий день после отставки кн. Львова и назначения на пост министра-председателя Керенского) решение –

«в виде временной меры военному министру и управляющему Министерством внутренних дел закрывать повременные издания, призывающие к неповиновению распоряжениям военных властей и к неисполнению воинского долга и содержащие призывы к насилию и гражданской войне» [4, с. 85]. К этому моменту большевистские издания на фронте вкупе с реальными тяготами затянувшейся войны уже исполнили своё предназначение в деле распропагандирования армии. Тем не менее, по определённому самим Временным правительством уведомительному порядку выпуска периодической печати, закрытые газеты располагали возможностью свободного выпуска под любым другим, угодным редакции названием, каковую возможность активно использовали не только большевики: таким образом официальные запоздалые запретительные меры Временного правительства практически ничего не решали, хотя и выглядели устрашающе.

После того как была разгромлена редакция большевистской «Правды» (на подготовку к выпуску нового издания требовалось время), место главной партийной газеты фактически заняла горьковская «Новая жизнь», предоставившая свои страницы для политической защиты большевиков. Именно в «Новой жизни» № 71 от 11 (24) июля на с. 3 было опубликовано известное «Письмо в редакцию» за подписью Н. Ленина, Г. Зиновьева и Ю. Каменева и другие обращения большевиков.

Неудивительно поэтому, что следующие шаги Временного правительства в антибольшевистской кампании оказались направленными именно против газеты «Новая жизнь». Для начала «Новую жизнь» просто закрыли, о чём сообщило «Русское слово» в номере от 3 сентября: «По распоряжению военного генерал-губернатора Пальчинского закрыты большевистские газеты: “Новая жизнь” и “Рабочий”». Сегодня вместо закрытой «Новой жизни» вышла «Свободная жизнь» [13] (через некоторое время газете, очевидно, удалось возобновить выход под своим изначальным названием). Затем в постановлении № 147 от 4 августа Временное правительство, во-первых, признавало одну из статей газеты (впрочем, не указав ни даты её публикации, ни заголовка статьи) «закрывающей в себе оскорбления по адресу правительственных властей некоторых союзных с Россией государств», и, во-вторых, поручало «министру юстиции разработать законопроект, направленный к прекращению появления в печати оскорбительных для союзных держав и их дипломатических представителей заметок и статей» [5, с. 229], то есть тем самым готовило

почву для ограничения свободы печати в масштабе куда большем, нежели одна только редакция газеты «Новая Жизнь».

Кроме того, начавшиеся 5 июля в редакции «Правды» погромы продолжились через месяц в редакции газеты «Солдат и рабочий», каковой случай описан подробно в газете «День» от 11 августа: «Вчера около 5 час. утра в типографию “Народ и труд”, помещающуюся в доме № 42 по Гороховой ул., совместно с комиссаром 3-го Спасского подрайона и нарядом милиции прибыл чиновник особых поручений при начальнике милиции З. О. Кельсон и, предъявив ордер военного и морского министра на закрытие печатавшейся в этой типографии большевистской газеты “Солдат и рабочий”, распорядился приостановить печатание очередного номера. Так как в типографии адрес редактора газеты Марчука не был никому известен, а управляющий типографией находился в отъезде, то формальность по вручению ордера была произведена Кельсоном вне типографии. З. О. Кельсон на автомобиле отправился в квартиру помощника управляющего типографией Лызлова, проживающего в доме № 52 по Суворовскому пр., где и отобрал от него соответствующую расписку в прочтении ордера, после этого в типографии стереотип набора был расплавлен, напечатанные уже номера конфискованы, а для наблюдения за тем, чтобы набор, с которого был сделан стереотип, был разобран, в типографии оставлен небольшой наряд милиции» [7].

Оставим рассуждения о достоверности сообщенных «Живым словом» и подхваченных другими изданиями сведений о причастности большевиков к шпионажу в пользу Германии (сведения эти требуют отдельного рассмотрения). Тем более, что удивительная точность повторов публикаций в разных изданиях, как это стало известно впоследствии, была вызвана отнюдь не перепечаткой информации газетами друг у друга, начиная с «Живого слова», а её поступлением в разные издания из одного источника – Бюро печати при Временном правительстве. Кроме того, протокол допроса прапорщика Ермоленко существовал в правительстве в течение нескольких месяцев до того, как был пущен в ход. Всё это говорит об очевидной сфабрикованности газетной кампании против большевиков, предпринятой, однако, в качестве ответной меры на попытку свержения законно избранного Временного правительства.

Развёрнутая в газетах кампания по дискредитации большевиков сопровождалась масштабной акцией по их физической изоляции: видные вожди большевиков – такие как Троцкий и

Луначарский, и десятки партийных активистов немедленно после июльских событий были заключены в «Кресты»; как следует из сообщения, опубликованного в «Новой Жизни» 2(15) августа, Лев Троцкий содержался в тюрьме «без предъявления какого бы то ни было обвинения» с начала июля в списке из 72 человек, среди которых также числились: «Дыбенко – пред. Центр. Ком. Балт. Фл., арестованный вместе с адм. Вердерским; матрос Кануников, Овсеенко (Антонов), Романов, Кутнер» [11] и др. Даже адмирал Д. Н. Вердеревский, будущий морской министр во Временном правительстве (фамилия которого в оригинале ошибочно напечатана как «Вердерский»), находился в заключении вместе с большевиками – за то, что будучи в период июльских событий начальником штаба Балтийского флота, отказался выполнить приказ помощника морского министра Б. П. Дудорова направить в Петроград четыре эсминца для поддержки Временного правительства, которое тогда, собственно, и пыталось свергнуть большевики.

Поскольку никаких обвинений заключенным в «Крестах» предъявлено не было, становится очевидным, что настоящей причиной физической изоляции большевиков стало не обвинение в шпионаже, а события 3–5 июля, в ходе которых была предпринята попытка государственного переворота. По замыслу организаторов антибольшевистской кампании эта попытка как раз и состоялась во исполнение большевиками шпионского задания германского генштаба, и потому оба дела – о событиях 3–5 июля и «дело» о шпионаже – были в дальнейшем объединены юридическими инстанциями в одно, что подтверждается следующей публикацией в «Новой жизни» от 30 июля (12 августа):

«Как сообщают, к Каменеву предъявляется обвинение по 51, 100 и 108 ст. угол. улож. Дело Каменева будет объединено в одно общее дело “о событиях 3–5 июля”... Ввиду того значения, которое придаётся процессу большевиков, в настоящее время за следствием наблюдает, кроме прокурора палаты Н. С. Каринского, и товарищ министра юстиции В. Я. Вальц, которому почти ежедневно делаются доклады о ходе следствия... Лица, стоящие близко к следствию, продолжают утверждать, что в настоящее время будто уже окончательно выяснилось, что вооружённое восстание 3–5 июля было организовано немецкими агентами с целью сорвать все подготовки наших военных властей к наступлению на фронте» [9].

Одной из характерных черт антибольшевистской кампании стало то, что газеты со стороны Временного правительства использовались в качестве традиционных средств воздействия на общественное мнение, как в случае с публикацией в газете «Живое Слово» от 5 июля. С другой стороны – также со стороны Временного правительства, газеты использовались в качестве объектов воздействия – с целью лишения политических противников, в данном случае большевиков, возможности защищаться способами, аналогичными использовавшимся при нападении, – как в случаях с погромами в редакции «Правды» 5 июля, типографии газеты «Рабочий и солдат», постановлениями о запрете распространения на фронте большевистских изданий и мерами против газеты «Новая жизнь». Таким образом, пресса фактически в руках Временного правительства превратилась в средство сведения политических счётов.

Список литературы

1. В редакции «Правды» // Известия. 1917. № 110 от 6 июля.
2. Дело Ленина и Ко // «Речь». 1917. № 157 от 7 июля.
3. Додонов Б. Ф. – ответственный редактор, Гринько Е. Д., Лавинская О. В. – составители. Архив новейшей истории России. Журналы заседаний Временного правительства. Т. 3. Июль-август 1917 г. М. РОССПЭН. 2001. С. 67.
4. Додонов Б. Ф. – ответственный редактор, Гринько Е. Д., Лавинская О. В. – составители. Архив новейшей истории России. Журналы заседаний Временного правительства. Т. 3. Июль-август 1917 г. М. РОССПЭН. 2001. С. 85.
5. Додонов Б. Ф. – ответственный редактор, Гринько Е. Д., Лавинская О. В. – составители. Архив новейшей истории России. Журналы заседаний Временного правительства. Т. 3. Июль-август 1917 г. М. РОССПЭН. 2001. С. 229.
6. Задержание Каменева и Либера // Новая Жизнь. 1917. № 67 от 6 июля.
7. Закрытие большевистской газеты // День. 1917. № 133 от 11 августа.
8. Кровь на совести молчавших! Время действовать, а не рассуждать! // Живое слово. 1917. № 52 (405) от 6 июля.
9. К делу Каменева, Ленина и др. // Новая жизнь. 1917. № 88 от 30 июля (12 августа).
10. Ленин, Ганецкий и Ко – шпионы! // Живое слово. 1917. № 51 (404) от 5 июля.
11. Политические в Крестах // Новая жизнь. 1917. № 90 от 2(15) августа.
12. Расследование событий 3–5 июля. От прокурора Петроградской судебной палаты // Новая жизнь. 1917. № 81 от 22 июля (4 августа).
13. Репрессии. Закрытие большевистских газет // Русское слово. 1917. № 202 от 3 сентября.
14. Эксцессы против большевиков // Новая Жизнь. 1917. № 69 от 8 июля.

Статья поступила в редакцию 15 ноября 2011 г.

УДК 808.2:070.4
ББК 81.2 Рус-5

Ван Сюй

*аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
(г. Санкт-Петербург, Россия),
e-mail: wangxu2008@mail.ru*

Народ и культура Китая в российской прессе

В статье даётся анализ текстов СМИ, которые формируют у российского читателя образ Китая. Описываются способы номинации лица, характерные для российской прессы, производится сопоставление со способами номинации, принятыми в текстах китайских СМИ. Описываются приёмы представления в печатном тексте культуры КНР. В поле зрения исследователя находятся материалы, в которых рассказывается о музыкальном, сценическом искусстве КНР; в частности, большое внимание уделено китайской опере. Исследуются также тексты, представляющие российскому читателю художественную литературу КНР. Особое внимание уделено боевым искусствам, которые являются важной составной частью китайского образа жизни. Анализируется отражение в российских СМИ бытовой жизни человека. Знакомство российского читателя с культурой КНР является чрезвычайно важным для успешного развития полноценных дружеских отношений между двумя странами.

Ключевые слова: российские СМИ, образ Китая, номинации лица, газетный жанр, тип издания.

Wang Xu

*graduate student, St. Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia),
e-mail: wangxu2008@mail.ru*

The People and Culture of China in the Russian Press

This article provides an analysis of mass media texts that form the image of China for Russian readers. It describes the methods of nominating persons that are characteristic for the Russian press and compares them with the methods of nomination which are used in Chinese mass media texts. It dwells upon the ways of representing Chinese culture in printed texts about Chinese music and performing arts with a particular emphasis on Chinese opera. The author reviews texts about Chinese literature and pays special attention to mass media texts about martial arts that are an essential part of Chinese life. This article analyses how everyday life is represented in the Russian mass media. The familiarity of Russian readers with Chinese culture is extremely important for the successful development of friendly relations between the two countries.

Keywords: Russian mass media, the image of China, nomination of a person, newspaper genre, type of publication.

На страницах российских СМИ наиболее часто обсуждается тема экономического развития КНР. Тема китайской культуры нередко отходит на второй план. Между тем россияне интересуются сотрудничеством и взаимоотношениями между Китаем и Россией, осмысленные не только на официально-экономическом, но и на бытовом уровне. Кто-то стремится перенести элементы китайского жизненного опыта на российскую почву, а кто-то, напротив, настороженно относится к культуре, совершенно отличной от российской. Именно поэтому вопрос, что представляет собой жизнь человека в Китае и насколько российский народ знаком с его культурой, часто возникает в российской печати.

Формирование позитивного образа страны на международной арене является приоритетной задачей как для России, так и для Китая. Нашим странам необходимо сформировать нужный имидж и обеспечить его информационную поддержку для сохранения своих позиций в международной политической системе и для успешного взаимодействия в различных сложных ситуациях [1, с. 7]. Образ Китая и китайского гражданина в российской прессе во многом обусловлен теми представлениями о нём, которые сформированы СМИ. Познакомимся с тем, как китайская культура, искусство, образ жизни представлены в различных средствах массовой информации России.

Такой стране, как Китай, внимание в российских и советских СМИ уделялось постоянно, однако доля этого внимания менялась в различные периоды межгосударственных отношений. В последние годы вместе с развитием политического, экономического и межкультурного сотрудничества интерес СМИ к соседнему государству существенно вырос. Однако до сих пор на страницах российской прессы публикуется в основном новостной информационный материал о современной жизни Китая.

Описание же бытовой жизни китайского гражданина в российских средствах массовой информации встречается редко. Оно, как правило, сосредоточено не в массовых общественно-политических изданиях, а в изданиях культурно-просветительской проблематики. Так, одним из основных источников страноведческой информации о Китае является, например, журнал «Вокруг света». В нём в больших обзорных материалах представлены различные сферы жизни Китая: архитектура, музыка, жизнь людей в небольших городах и сельской местности. На основе таких публикаций у российских читателей складывается образ страны чужой, далёкой от них страны. В них же мы можем познакомиться с самим китайским народом.

Способы номинации лица. Исторически сложилось так, что в китайской культуре общество и нация ставятся над конкретным человеком. Именно поэтому одной из особенностей публикаций о КНР является редкое указание имён собственных обычных граждан. Это важный момент, поскольку по этой причине у российских читателей не создаётся представления о конкретном человеке. Герои материалов чаще называются по профессии, должности, роду занятий, возрасту, по особенностям внешности и поведению человека:

Уйгуры начинают говорить и петь одновременно, а как только научатся ходить, тут же пускаются в пляс;

От смущения я стала пунцовой (что, в общем-то, неплохо, потому что полагала, что разучилась краснеть), но служащие отеля только разводили руками: они никак не желали понять, что путешествующей паре могут понадобиться две комнаты;

Лечение с помощью терапевтического цигуна происходит так: пациент сидит на стуле в расслабленном состоянии, а врач, находящийся у него за спиной, начинает «давать ему энергию» через важную акупунктурную точку на затылке;

Мастера цигуна могут определить местонахождение большого органа, исходя из ощущений в ладонях;

Официант плеснул спирту в миску и тщательно промыл желчные пузыри;

Старший официант на ломаном английском пояснил, что подобное представление устраивают только для наиболее уважаемых гостей;

Они (повара) — тоже мастера высшей квалификации;

Пекинские мастера и сейчас делают глиняные игрушки.

Такого рода примеры для российского читателя, казалось бы, являются обычными, потому что в них речь идёт о представителе профессии. Однако эта «обычность» по отношению к жителям Китая мотивируется им иначе, чем жителем самого Китая.

Попадают в поле зрения СМИ и представители различных субкультур, такие как опероманы, игроки в бильярд:

... пляю XXI века по-прежнему время от времени собираются в общественных местах, которые они называют пляофанами. В нем (в пляофане) — жизнь пляю;

Пока и в самом деле слегка обезумевший Лев Ильич мечется между торговыми рядами, я рассматриваю играющих в бильярд людей (бильярд в Китае — национальный вид спорта!).

Иногда в текстах герои повествования называются не по имени, а по их национальности, полу, внешности:

Подходит невысокий уйгур — невысокий настолько, что при моих отнюдь не модельных 165 см едва дотягивает мне до плеча;

Девушки — со множеством мелких косичек, замужние женщины — с парой толстых кос за плечами;

Крупный пухлощекий молодой человек с умным внимательным взглядом за линзами маленьких очков, видимо, долго не решался заговорить с нами.

В текстах, рассказывающих о жизни Китая, необходимо обратить внимание на номинации, в основу которых кладется возрастная характеристика человека. Такая важная для китайских СМИ характеристика человека, как возраст, в российских СМИ, как правило, менее информативна по сравнению с китайскими. Обычно при указании возраста или возрастной группы в российских СМИ информация об образе жизни, опыте и других аналогичных особенностях возрастной группы не актуализирована. Но эта ха-

характеристика воспринимается особенно информативной в китайской культуре и прессе. Как правило, в Китае указание на возраст человека подчёркивает жизненный опыт и целый ряд жизненных приоритетов. Например, считается, что молодёжь обычно ведёт себя эмоционально и легкомысленно, при этом молодые люди более амбициозны и не теряют любопытства к новому. Взрослые люди, как правило, более спокойны и обладают большим жизненным опытом, чем молодые люди. Именно на эти особенности обращает внимание указание на возраст. По этой причине при описании бытовой жизни жители Китая не называются по имени, а определяются по принадлежности к той или иной возрастной группе:

В просторном классе всего четыре человека: пожилой учитель и трое студентов;

Из учебных материалов – нотные тетради, музыкальный инструмент эрху в руках старика да магнитофон;

В кашгарской мечети Ид Ках недавно закончился намаз, но старики не спешат расходиться по домам: храм и базар во многом заменяют местным жителям газеты и телевизор;

Тут нам вежливо поклонился молодой человек в белой курточке и поставил на пол две миски;

Старикам, чтобы они не переселялись в город к детям, выплачивают надбавку к пенсии. Для того чтобы сфотографировать старушку на улице, надо отдать 50 долларов;

Дети относятся к занятиям очень серьёзно. На уроке от доски никто глаз не посмеет отвести. Ведь учитель в Китае – это полубог;

Знания в китайской школе оценивают не цифрами, как это принято у нас, а иероглифами: плохо, удовлетворительно, хорошо... Тот, который означает «хорошо», состоит из двух частей-символов: женщина и ребёнок;

Девочки и мальчики получают абсолютно одинаковые, рассчитанные на крепкую мужскую силу и стать, нагрузки;

Хозяин лавки лениво ищет клиентов, а мальчик работает: в Синьцзяне полагают, что дети с младых ногтей должны учиться ремеслам;

Ма Миньцуйюань играет её – глазами, мимикой, строго определёнными, освящёнными традицией жестами. Ученики вновь копируют, теперь движения.

В целом, на основании приведенных в тексте разнообразных характеристик мы можем и представить облик человека, и, возможно, сде-

лать предположение о существовании каких-то черт характера, жизненных ценностей, других личностных качеств, присущих жителям КНР.

Музыка и сценическое искусство. Особо важное значение имеет освещение в прессе отдельных сфер культурной жизни страны. Достаточно важной и значимой частью жизни китайского общества является музыкальная сфера, которая наряду с другими сферами жизни китайского общества присутствует в материалах российской прессы. На страницах газет она представлена такими номинациями субъектов деятельности, как *несколько поколений музыкальных деятелей Китая, местные мастера Китая, современный оркестр народных инструментов, ансамбль китайской народной музыки.* Эти номинации сопровождаются достаточно информационными качественными характеристиками, которые занимают в структуре предложения синтаксические позиции определения и сказуемого:

Из него местные мастера Китая делают незатейливые музыкальные инструменты с нежнейшим звуком, отдалённо напоминающим птичье щебетанье;

Современный оркестр народных инструментов обычно состоит из 30 и более исполнителей. В состав оркестра входит четыре группы музыкальных инструментов – духовые, ударные, щипковые и струнные. Духовая, щипковая и струнная группы в свою очередь имеют инструменты высокого, среднего и низкого регистров. Поэтому комплексный оркестр народных инструментов обладает богатой палитрой звуковых красок, великолепным звуковым эффектом, приближенной к симфоническому оркестру выразительностью.

Особенно интересной для российского читателя является традиционная китайская музыка и древнекитайская народная музыка. Подобного рода информация существенно обогащает знания читателя о культуре Китая:

Характерные черты древнекитайской народной музыки – богатство и своеобразие мелодики; быстрые переходы из высокого регистра в низкий и наоборот; использование фальцета; своеобразный метро-ритм; продуманная, применяемая с большим мастерством структура: девятитактовое строение периода, вариантное повторение мелодии, дальнейшее развитие первоначального мелодического образа в заключительной фразе;

В китайской музыке господствует одностольная мелодика, встречающаяся иногда

многоголосие представляет собой «вариантно-подголосочную» полифонию, в которой второй и третий голос воспроизводит обороты основной мелодии, лишь незначительно варьируя её.

Принципиально важно обратить внимание на то, что музыкальная культура подаётся российскому читателю не изолированно, а вписывается в общий контекст духовного мира Китая:

Одной из важных особенностей китайской музыки является неразделимое единство поэтического текста и музыки, а также связь музыки с жестом и пляской, взаимосвязь вокальной музыки с фонетикой народной речи.

Со страниц российской прессы читатель узнаёт о существовании конкретных произведений искусства:

Для всей страны на целых десять лет «многообразия» художественных впечатлений свелось к такому вот куцему набору (кроме вышеописанного — ещё балеты «Красноармейский женский отряд» и «Седая девушка» да музыкальная симфония по мотивам того же «Шацзябана»);

За рубежом симфонию «Лянчжу» впервые исполнил в 1960 году Симфонический оркестр Московского радио, а дирижировал оркестром только что окончивший учёбу в СССР китайский музыкант Цао Пэн;

Китайское музыкальное и театральное искусство берёт начало с исполнения народных песен из «Книги песен» («Шицзин»).

На страницах журнала «Вокруг света» читатели могут познакомиться с таким необычным для европейского читателя жанром китайского искусства, как пекинская опера:

Традиционная пекинская опера представляет собой один из видов синтеза театрального искусства. Её основными выразительными средствами является пение (исполнение арий), речитатив (мелодичные монологи или диалоги), игра (телодвижения с элементами танца) и бой (приёмы рукопашного боя и акробатики). Театральное представление включает в себя литературный текст, музыку, живопись и актёрское исполнение, достигая гармоничного единства.

Театральная сфера вообще достаточно широко развита в Китае. Из прессы читатели узнают о том, что китайских зрителей, кроме постановок китайских авторов интересуют спектакли европейских авторов, и прежде всего русская драматургия. Речь идёт о таких постановках, как «А зори здесь тихие», «Как закалялась сталь»,

чеховские «Чайка» и «Три сестры». Надо отметить, что в Китае особенно актуальны и популярны героические темы [4].

Художественная литература. Героическая тема популярна и в литературе. Так, в российской периодике нашла отражение и возникшая в Китае дискуссия о романе «Как закалялась сталь» и повести «А зори здесь тихие»: «Роман Николая Островского **“Как закалялась сталь”** не потерял актуальности для китайских читателей. Такое мнение высказала главный редактор китайского журнала «Литература и искусство России» Ся Чжунсянь. <...> Редакция нашего журнала в 1998 году начала дискуссию вокруг романа Островского, чтобы ещё раз оценить советскую литературу, рассмотреть творчество писателей, увидеть соотношение между литературой и политикой. И мне кажется, что роман **«Как закалялась сталь»** не потерял своего значения для нашего времени», — сказала Ся Чжунсянь» [2, с. 3].

Разумеется, на страницах российской печати находит своё отражение не только русская переводная литература, популярная в Китае, но и национальная китайская. В частности, российская пресса писала о творчестве таких китайских писателей, как Ба Цзинь (роман «Семья»), Мао Дунь (роман «Радуга» и рассказ «Деревенская трилогия»), Лу Синь, которому принадлежат два сборника новелл «Нахань» (Крик) и «Пан-хуан» (Блуждания), а также шесть сборников этюдов, стихотворений в прозе и писем, с преимущественно публицистическим уклоном. Благодаря прессе российскому читателю известны также имена **Лао Шэ** (роман «Даминху»), **Го Можо** (сборники «Гимн новому Китаю», «Пусть расцветают все цветы»), пьеса «Тигровый знак».

Произведения китайских писателей, информация о которых появляется на страницах российских СМИ, дополняют представление читателей о китайской культуре и расширяют образ Китая. В то же время следует заметить, что речь о китайских писателях на страницах прессы заходит не часто и отдельные упоминания не дают полного представления о литературе Китая.

Боевые искусства. Важной частью культуры Китая являются боевые искусства, которые в связи с развитием культурного обмена между Россией и КНР в последние годы стали более знакомы российским читателям. Знакомство расширилось в том числе и благодаря тому, что эта тема представлена в СМИ. Особое внимание в прессе уделяется таким экзотическим для российских читателей видам боевых искусств, как *кунг-фу* и *ишу*.

В российской прессе встречаются две формы написания данного вида искусства на русском языке: *кунг-фу* и *кунфу*, являющиеся отражением различных вариантов произношения этих слов в различных диалектах китайского языка.

Кунг-фу и *ушу* – это фактически одно и то же. *Ушу* дословно означает «боевые искусства», а *гунфу* («кунгфу», «кунфу» – неправильная транскрипция) означает «мастерство». В Китае это слово употребляется и по отношению к кулачному искусству, и по отношению к талантливому музыканту, повару и т. д. Произношение *кунгфу* пришло к нам вместе с американскими переводами старых гонконгских боевиков, где говорят именно «кунгфу». Это общепринятое произношение распространено на юге Китая в кантонском диалекте.

Очень показательна в плане намерения автора познакомить читателя с боевыми искусствами Китая публикация Кирилла Мазура «Притяжение Шаолиня» (Вокруг света, 1989, 23 сентября):

...акробатика и кунфу идут на ура — они действительно впечатляют;

В Пекине, скажем, между собой конкурируют два шоу боевых искусств: «Легенда кунфу» и «Шаолиньские воины». Среди участников — не только выпускники школ этих самых боевых искусств (например, при знаменитом Шаолиньском монастыре), но и дипломированные оперные артисты;

У Бинси, которому сейчас 59 лет, за плечами солидный опыт. Заниматься ушу он начал, когда ему исполнилось шестнадцать. В то время Ли Бинси страдал серьёзным заболеванием лёгких. Он выбрал тайцзи-цюань (одна из разновидностей ушу) и через три года одолел свой недуг.

Рассказ о боевых искусствах обычно даётся на широком культурно-историческом фоне, поскольку занятия боевыми искусствами предполагают активное вторжение в сферу нравственности, этики:

В VI веке в монастыре появился очередной индийский монах под китайским именем Ца Му, который за святость, религиозное рвение и безграничную преданность «тайцзи-цюань» был прозван Бодитхармой. Благодаря его усилиям уже существовавшая система обогатилась целым комплексом приёмов по мгновенному превращению «внутренней энергии» в физическую и стала, собственно, тем, что теперь известно как «кунфу».

Гимнастика «цигун» и мифология «Инь и Ян». В Китае с древнейших времен существовала самобытная традиция физической гимнастики, сочетающаяся с терапевтическими процедурами. Особенность этой традиции в том, что она была нацелена на улучшение физического состояния человека, на обеспечение свободы жизненной энергии в организме, на максимально полное раскрытие его свойств и способностей. Китайская гимнастика **цигун** – это тесная связь между физическим и духовным началом человека. Поэтому гимнастика в Китае – это целостные комплексы, которые должны развивать функциональные системы организма в их тесном единстве [3, с. 350].

Познакомиться с **цигун** российские читатели могут на страницах российской прессы, где упоминания о цигун достаточно многочисленны:

Многие врачи, в том числе приверженцы западной школы, рекомендуют больным иглоукалывание, фитотерапию или гимнастику цигун;

Для его регенерации, что напрямую связано с восстановлением эмоционального равновесия, устранения психологического и физического напряжения и запуска внутренних механизмов оздоровления организма человека, как раз и используется гимнастика цигун;

Основы гимнастики цигун стали преподавать за несколько часов целым стадионам учеников. И вскоре сложно было найти китайца, который не сказал бы, что он «умеет цигун»;

Цигун – одна из древнейших оздоровительных методик Востока, обеспечивающая укрепление и восстановление здоровья человека, его долголетие и активный образ жизни;

Непосредственная задача практики оздоровительной гимнастики цигун состоит в пробуждении дремлющего в человеческом теле механизма самовосстановления, посредством которого естественным образом восстанавливается здоровье позвоночника, органов, всех систем организма и улучшается общее состояние здоровья человека.

В китайской культуре *Ци* обозначает жизненную энергию, *Гун* – практическое мастерство, процесс работы. Термин *цигун* ввел врач Тяньшаньского санатория Лю Гуйчжэнь, у слова сформировался новый смысл – *яньшэнфа* – принципы взращивания жизни.

Вместе с распространением китайской культуры цигун в сферу внимания российских СМИ попала концепция китайского мифа *Инь и Ян*:

Определение инь и ян поразительно близко к современному представлению о природе все-

ленной и современным научным теориям. Интересно, что многие физики черпали свои идеи из бездонного колодца восточной мудрости – недаром Нильс Бор после посвящения в рыцари выбрал для своего герба знак «инь – ян» как символ гармонии между древними восточными и современными западными науками;

Инь и Ян представляют собой две фундаментальные силы, которые создают вселенную и приводят её в гармонию путём своего взаимодействия. Эти две противоположные, конфликтующие силы присутствуют в каждом действии. Они символизируют две противоположные энергии, которые, видоизменяясь и взаимодействуя, представляют собой динамику мира. Этот символ говорит о том, что реальность состоит из взаимодействия противоположностей и противоположных принципов;

Инь и Ян зависят друг от друга, создают постоянное движение, поднимаясь и опускаясь, как волны, и поддерживают взаимную гармонию. Как мужчина и женщина являются партнерами в танце, в любви и жизни, инь и ян не только противоположны, но и гармонично дополняют друг друга.

Цигун, инь-ян – это важный элемент китайской мифологии, знание о котором существенно дополняет понимание культуры Китая.

Проведённый нами анализ показал, что национальный колорит, присущий культуре Китая, нашёл отражение в российских СМИ и позволил существенно дополнить образ страны, который формируется в сознании российского читателя. Знание культуры других стран является чрезвычайно важным в жизни современного успешного, образованного человека. В создании образа другой страны средства массовой информации играют важную роль.

Список литературы

1. Бондарева Л. В. Государство и СМИ в условиях возрастающей коммерциализации журналистики // Государственное управление в XXI веке: проблемы и решения в странах Центральной и Восточной Европы : материалы 13-й Ежегодной конференции Сети институтов и школ государственного управления Центральной и Восточной Европы (NISPAcee). М. : Полиграф сервис, 2005. С. 6–11.
2. Кошеленко П. «А зори здесь тихие» пустили на мыло // «ТВС-анонс». 2007. 20 мая.
3. Малявина В. В. Китайская цивилизация. М. : Астрель, 2000. С. 350–355.
4. Морковская Л. Маски Пекинской оперы // Вокруг света. 2006. № 8. С. 55–57.

Статья поступила в редакцию 29 декабря 2011 г.

УДК 811 + 002. 703.0
ББК 80 + 76.120.8

И. В. Ерофеева

доктор филологических наук, доцент,
Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический
университет имени Н. Г. Чернышевского (г. Чита, Россия)
e-mail: irina-jour@yandex.ru

Современный медиатекст в когнитивных пространствах «творчества» и «креатива»: аксиология конфликта

Междисциплинарный подход и интерпретативный семантический анализ контекстов, в которых представлена модель медиаторчества, позволяют автору статьи сформулировать необходимость творческого потенциала в информационном обществе, основные медиатехнологии, а также черты создателя – творца и субъекта креатива. На основе лингвокультурологического подхода и концептуального анализа более 200 печатных и ТВ-текстов выделены когнитивные составляющие концептуализированных схем *творчества* и *креатива*. Устойчивыми структурами, репрезентирующими концепт *творчество*, является: смысл, движение от старого к новому, ценности, культура. Когнитивное поле *креатива* составляет: технология, неординарная форма медиапродукта, эффективность воздействия. Различие признаков составляющих обуславливает в метатексте СМИ доминирующий полярный коннотативный ореол указанных моделей: сугубо положительный (*творчество*) и нейтральный или отрицательный (*креатив*). Автор статьи утверждает, что дифференциация когнитивных полей демонстрирует определённый ценностный выбор и профессиональную культуру коммуникатора.

Ключевые слова: медиатекст, творчество, креатив, концепт, ценности культуры, репрезентация.

I. V. Erofeeva

Doctor of Philology, associate professor,
Zabaikalsky State Humanitarian Pedagogical University
named after N. G. Chernyshevsky (Chita, Russia),
e-mail: irina-jour@yandex.ru

Modern Mediatext in Cognitive Spheres of «Creation» and «Creativity»: Axiology of Conflict

The interdisciplinary approach and interpretative semantic analysis of contexts in which a model of mediacreation is represented make it possible for the author to determine the necessity of the creative potential in informative society, main mediatechnologies and also the features of a creator – the author and the subject of creativity. Due to the linguo-cultural approach and conceptual analysis of more than 200 printed and TV texts cognitive components of conceptualized schemes of *creation* and *creativity* are distinguished. The stable structures representing the concept *creation* are as follows: meaning, motion from the old to the new, values, culture. The cognitive sphere of *creativity* includes technology, non ordinary form of a mediaproduct, impact effectiveness. The difference of characteristic components in metatexts of mass media causes dominating polar connotation aureole of the models mentioned: strictly positive (*creation*) and neutral or negative (*creativity*). The author of the article concludes that the differentiation of cognitive spheres shows us a definite value choice and professional culture of the communicator.

Keywords: mediatext, creation, creativity, concept, values of culture, representation

Тезис о том, что журналистика является творчеством, есть аксиома, и сказанное, казалось бы, не претендует на аргументы и доказательства. Тем не менее конструкт «творчество» вбирает перечень корневых атрибутов и свойств, отсутствие которых ставит под сомнение сам факт творения и наличие творца – автора.

В информационном обществе активно ведутся научные и иные типы массовых дискуссий о творческом потенциале современного человека, способного противостоять «мёртвому шаблону» и искусственному, обезличенному хаосу бытия. Именно творческий человек олицетворяет живую субстанцию мира, его неиз-

бывшую энергию и многовекторную динамику существования – естественного движения вперёд в различных сферах жизнеустройства – профессиональной, социально-экономической, духовной. Для создателя современного медиапроизведения творческий потенциал – ещё и залог профессионального успеха и состоятельности. Качество продукта массмедиа сегодня измеряется насыщенной формулой: «технологичность + креативность + функциональность».

В рыночных условиях медиатекст является товаром, привлекательность которого непосредственно связана со способностями автора упаковывать фактуру в необычный и яркий формат, распадающийся на множество творческих составляющих: оригинальный заголовок, увлекательная композиция, неординарный монтаж, необычная архитектура и т. д. Одновременно медиапроизведение немислимо без использования информационных технологий как в обычном режиме профессиональной деятельности, так и в ситуации информационно-психологических войн. Основная черта эффективного информационного оружия – асимметричность – нестандартность, не шаблонность, явно выраженная формально-содержательная новизна, так как только асимметричный вызов вниманию потребителя способен достичь своей цели.

В своеобразном и свободном тезаурусе современного человека лексема «творчество» часто сопутствует или заменяется словом «креатив». Последняя вербализация нешаблонных действий становится всё более и более популярной. Однако когнитивные поля «творчества» и «креатива» принципиально разнятся, обуславливая сущность, эстетическое, а также духовно-нравственное содержание медиатекста и процесса деятельности коммуникатора.

В данной статье мы опираемся на контент-анализ более 200 печатных, интернет- и ТВ-текстов¹. Междисциплинарное видение проблемы (лингвокультурология, когнитивная лингвистика, психология творчества, теория текста, социальная философия) позволяет выявить коммуникативно-функциональный аспект медиатекста, как продукта творчества, с точки зрения заключенной в нём аксиологической информации, в результате текст предстает как совокупность экстра- и интратекстуальных признаков. В исследовании используется интерпретативный семантический анализ контекстов, в

которых представлена модель медиаторчества. Основопологающим методом в процессе выявления ядерных элементов когнитивных моделей «творчества» и «креатива» является метод лингвокультурологического анализа, основанный на неразрывном единстве языка и культуры. Характеристика концептуализированной сферы указанных моделей осуществляется ресурсами концептуального анализа.

На первом этапе важно определить семантическое/ информативное поле конструкторов «творчество» и «креатив». В советской науке за понятием «творчество» была закреплена дефиниция «создание общественно значимых материальных и духовных ценностей» [2, с. 5] (аналогично в толковом словаре: «создание новых по замыслу культурных или материальных ценностей») [4, с. 780]. В результате творческое мышление – основной ментальный двигатель творческого процесса – определяется как мышление, связанное с созданием или открытием человеком принципиально нового субъективного знания (продукта), с генерацией собственных оригинальных идей, с новообразованиями в познавательной деятельности. Данные новообразования непосредственно касаются мотивации, целей, оценок и смыслов. Творческое мышление полярно противопоставлено репродуктивному, в процессе использования которого применяются готовые знания и умения.

«Creative» с английского переводится как «творческий», «create» – создавать, творить, порождать. Тем не менее разница когнитивных сфер указанных конструкторов очевидна. Креативность есть способность реагировать на необходимость в новых подходах и новых продуктах [8, с. 331]. Креатив скреплён знаниями определённых профтехнологий, он реализуется в склонности личности творчески и нестандартно решать профессиональные задачи, создавать продукт, соответствующий определённым критериям: формальной пригодности, эстетической, экологической целесообразности. Креатив технологичен по своей сути и организации, он встроен в прагматику вопроса о творчестве, когда смысловые контекстные составляющие процесса не имеют принципиального значения, важен эффективный результат. Креатив представляет собой продуктивное воспроизводство оригинальных идей на потоке. Не случайно в толковых словарях английского языка, который и является родным чревом данного слова, креатив имеет второе дополнительное значение: «вызывать чувство, производить впечатление, оказывать влияние».

¹ Контент-анализ осуществлён совместно со студентами 3–4 курсов отделения журналистики ЗабГГПУ.

Напротив, в концептуализированной схеме «творчества» доминирует сущность процесса, непрерывное движение от старого к новому, что и составляет неизменную природу творческого акта. В этом смысле творчество – категория философии, этики, культуры и психологии, отражающая важнейший смысл человеческой деятельности.

Идеологической модальностью *творчества* является изменение и расширение ранее сложившейся обыденной картины мира (ср. известная фраза А. Эйнштейна: «Вы не можете решить проблему, используя тот же тип мышления, который породил данную проблему»). Этимологическая структура слова отсылает нас к лексемам *Творец, творение, творить, создавать, созидать, создавать/ Создатель/ делатель, производить, рождать*. Творчество есть способ мировосприятия, формирующая деятельность духа, отражение вечного процесса божественного/ трансцендентного творения. Его катализатором становится *вдохновение* – душевный порыв (*дыхание*) личности, его телом – материей является смысловая плотность процесса деятельности, что и обуславливает сугубо положительный коннотативный ореол паремий русского языка о творчестве: Добро творить – себя веселить; Знай, кому добро творить и кого благодарить; Всяк правду ищет, да не всяк её творит; Что ни творится над нами – всё по грехам нашим; Мир сотворили и нас-то не спросили; И козявка Божье творенье; Отец – мой творец, мать – кормилица; Творить суд и правду; Древо добрые плоды творит и др. В современной речи остались некоторые устаревшие выражения, подчёркивающие сему «обогащения бытия»: *творить милостынню, творить память по кому-либо, волю творю*.

В теории журналистики к исконной интерпретации категории «творчества» близка дефиниция В. Ф. Олешко: «феноменальное свойство человека чутко улавливать потенциальные смыслы мира и претворять их в реальность с помощью собственного потенциала, особых умений и средств» [5, с. 23]. В тайных лабиринтах творчества автор открывает глубины внутреннего мира, с помощью определённого инструментария вычерчивает мозаику смыслов человеческого бытия. И тогда медиатекст становится не просто зеркалом реальности, а оригинальной формой самопрезентации автора, в рамках которой ценностная дифференциация фактов является сущностным моментом отсчета в протекании творческого процесса. Проверенные алгоритмы и выверенные механизмы действия, возможные в профессиональном креативе, плохо встраиваются в канву понимания феномена творчества. Так Г. Л. Тульчинский противопоставляет труд и

творчество, потому как труд – не есть ценность, а творчество – единовременный акт богоподобного творения «вдруг», «из ничего», что сродни настоящему чуду [9].

Языковая личность создателя медиапроизведения имманентно ощущает различные когнитивные признаки двух моделей. Диапазон интерпретации конструктов в информационном пространстве простерся от сугубо положительного психоэстетического фона (как правило, ассоциируемого с *творчеством*) до отрицательного модуса (ассоциируемого с *креативом*).

Ассоциативно-семантическую сеть развертывания концепта «творчество» в массмедиа представляют следующие микромоделли: талант/ мастерство – созидание – яркость/ неповторимость – сопричастность/ равнодушие – любовь – красота – гармония – культура – ответственность – духовность – жизнь/ судьба – семья (Выборка 2010–2012 гг.: Аргументы Недели. Комсомольская правда. Российская газета).

Немаловажное значение имеет тот факт, что слово *креатив* лишено русского корня, а значит, ослаблена его ментальная близость русскому человеку и осознанность восприятия. Поэтому отчасти закономерно, что лексико-семантические поля ассоциатов «креатива» отличает либо нейтральная экспрессия, либо отрицательный коннотативный ореол: выборы – примитив – цинизм – доход/ деньги – недоверие – технология – преступление. Соответственно признаковые составляющие указанной модели: экстремальный – рекламный – партийный/ коммунистический – криминальный – столичный – родительский (с негативной оценкой) и др. (Выборка 2010–2012 гг.: Аргументы Недели. Комсомольская правда. Российская газета).

Сфера совпадений смысловых схем двух моделей (*творчество* и *креатив*) аккумулируется вокруг характеристики личности, участвующей в деле создания нечто нового. К непреложным составляющим личностного начала автора медиатекста в психологии творчества относят: комбинаторное мышление; умение видеть проблему даже в знакомых ситуациях; абстрактное мышление; разносторонность, вариативность мышления; гибкость, оригинальность мышления; умение видеть варианты решения проблемы, конкретность мышления. Реализация указанных качеств в процессе написания медиатекста преобразуется в скрипт – сценарий развертывания концептуализированной схемы либо *творчества*, либо *креатива*.

Популярная игровая сущность медиатекста связана с комбинаторным мышлением – способностью к множественной перегруппировке идей и связей, с умением комбинировать ранние спо-

события решения проблемы в новый способ, что позволяет, например, *творческому* работнику массовой коммуникации, опираясь на обычную, известную фактуру, создавать ассиметричные (с элементами новизны, неожиданности) тексты, выстраивать ассоциативные параллели между разными событиями и проблемами, утяжеляя канву повествования глубоким смысловым «подводным течением».

В пространстве постмодерного дискурса СМИ этот же тип мышления объединяет разрозненные (ризоматические) контексты, не связанные общей идеей, не скрепленные смысловым центром. Полученные в результате использования данных алгоритмов тексты привлекают аудиторию яркими ассоциациями, они смешны и забавны: например, «Рубите капусту! Это единственная валюта, которая не девальвируется... Если зелёная “капуста” – доллар – радует нас да и весь мир всё меньше, то родная белокочанная только крепчает. И чем больше вы её запасете на зиму – тем здоровее будете» (О полезных свойствах капусты. АиФ, 2011, № 40). Именно технология *креатива* позволяет конструировать «общество спектакля» (Г. Дебор), в котором серьёзные социальные проблемы тонут и растворяются в громких и впечатляющих шоу («Пусть говорят», «Прямой эфир», «Программа максимум», «Русские сенсации» и др.).

Зрелищные, необычные – игровые параметры медийного дискурса обусловлены также умением автора фиксировать творческую проблему даже в знакомых стандартных условиях. Восприимчивость ко всему новому и необычному – детская открытость восприятия автора – гарантирует неизбежную череду информационных поводов, новых тем, свежую медиатопику. В результате даже набившая оскомину фактура выглядит привлекательно: например, «Конкурс обещаний. Чем партии собираются увлечь электорат... “АиФ” выбрал из предвыборных программ четырех думских партий характерные и яркие обещания» (АиФ. 2011. № 39).

Игра – не просто основной атрибут постмодерна, она востребованный и привлекательный элемент массовой культуры, подчиняющий себе не только вербальный уровень информационного пространства, но и возможности иконолического текста. В общем объёме собранных нами материалов, демонстрирующих креативные решения в медиатексте, весомо преобладали видео- и фото- / коллажные решения, выстроенные на визуальном конфликте, противопоставлении и гиперболизации.

Идея «весь мир – театр» была сформулирована ещё в античности. Декорум мира и распределение ролей в нём волновали математика

Пифагора и римского философа Сенеку. В литературе идея нашла своё яркое воплощение сначала в пьесах Кальдерона, а потом Шекспира. Но театральность бытия не была принята христианством, согласно которому только Бог поручает человеку роль в этом мире, и человек обязан её хорошо исполнить [подробнее см.: 7, с. 948–974]. Информационная сфера, в силу своей виртуальной сущности, – плодотворная почва для апробирования игровых алгоритмов осмысления реальности, но объём передаваемой информации в данном случае образуется не за счёт смыслов, идей и ценностей, а за счёт использования креативных технологий, позволяющих развернуть яркую, экспрессивную и не шаблонную картинку бытия («Инструкция по применению», «Поле чудес», «Комеди Клуб», «Секс с Анфисой Чеховой» и др.). Свобода самореализации автора в подобных условиях относительна, субъект *креатива* склонен не столько к искреннему диалогу, сколько к целенаправленному созданию искусственного образа коммуникатора, перерастающего в полноценный имидж или замирающего на уровне нескольких стереотипных черт.

Преимущественно в творческом процессе реализует себя абстрактное мышление – умение усложнять информацию, постигая её суть. Способность предусматривает абстрагирование от реалий действительности, создание схем, отражающих жизнь в её важнейших параметрах, что позволяет обнаружить пружины и неявные стороны социальных и иных механизмов жизнеустройства. Данный тип мышления ярко проявляет себя в аналитической журналистике.

Но отдельные технологии постмодерна также сопутствуют абстрактному мышлению – например, интертекстуальность. Сегодня она становится стратегическим принципом в написании медиапроизведения. Как в печатных, так и в электронных СМИ с успехом используются вкрапления из известных, популярных в народе текстов фольклорного, художественного, кинематографического, мультипликационного форматов. Интертекстуальность рождает цитатное письмо, которое, по определению С. И. Сметаниной, есть «интеллектуальная, эмоционально-оценочная, формальная переработка «чужого», осмысленного и освоенного в системе культуры» [6, с. 108–109]. Частый повтор технологии несколько не умаляет креативность её реализации: «Охота на жильца» (Российская газета. 2011. № 22); «Дети капитана с “грантом” (Московский Комсомолец. 2011. 28 сентября); «Арбуз под химией... Китаец спит, арбуз растёт» (АиФ. 2010. 29 июня); «Кому на Руси сидеть хорошо. Если есть деньги, то пребывание за решёткой может

стать лучшими годами жизни» (Российская газета. 2011. 20 октября); «Быт или не быт. Читатели “РГ” делятся секретами уборки квартиры» (Российская газета. 2010. 3 ноября).

Следует признать, цитатное письмо активизирует культурную память, периферические знания и представления человека, и само по себе, без авторской детализации, значительно расширяет смысловое поле высказывания. Если же создатель медиатекста обрамляет интертекстуальность рассуждением и анализом, плоды его творчества обретают смысловую целостность и увлекательную идейную канву. Так, журналист программы «Сегодня» на основе сопоставления русских и немецких поговорок, ведёт рассказ об эксперименте в немецкой школе, в которой не изучают чистописание и не добиваются от учеников красивых букв: «По-русски про такое говорят: “пишет как курица лапой”. По-немецки звучит еще хлеще: “как свинья копытом”... Прописи были последним пережитком эпохи, в которой ещё не стучали по клавиатуре, а выводили изящную вязь с неперменной красной строкой и ажурными прописными. Пока в России мама мыла раму, в Германии Лиза искала Пиппо. Больше не ищет» (В эпоху Twitter дети разучились писать. НТВ. Сегодня. 2011. 28 сентября).

Творчество также немислимо без разносторонности мышления – это умение фиксировать взаимосвязь между элементами структуры, способность видеть в проблеме как можно больше сторон и связей. Указанный тип мыслительных операций позволяет автору объективировать ситуации, явления и проблемы на разных уровнях (экономическом, экологическом, социальном, законодательном и др.). Возможен как лёгкий вариант реализации, близкий к концептуализированной сфере *креатива* (например, «Драки малышей могут принести им пользу. Детство с кулаками». Российская газета, 2011, 3 февраля; «Перезагрузка курса? АиФ начинает сбор предложений для кандидата № 1 – на пост президента». АиФ), так и продуктивный результат инсайта, более релевантный творчеству.

Материал «Познер всё в дом» (Банзай. 2009. октябрь) написан в жанре зарисовки о человеке, с которым автор не встречался. Текст соткан из маленьких историй о жизни героя. Отправной точкой рассказа становятся хранящиеся в коробке с именем Познера вещи: деревянная фигурка жирафа, засушенный лист, англо-русский разговорник. В другой публикации «Война на двоих. Почему полезно дружить с ветеранами» (Российская газета. 2011. 23 июня) Елена Яковлева ожидаемую шаблонную портретную зарисовку о ветеране войны трансформирует в эссе «о благочестивом паломничестве внутрь

человеческой судьбы», в рассказ о профессиональных тонкостях интервью, когда идёшь не за очерком, а «чтобы лишний раз прикоснуться к единственной драгоценности времени – человеческой судьбе». Скрипт, репрезентирующий концепт «судьба», в пространстве медиатекста лишён традиционной канвы, фреймы данной концептуализированной схемы вербализируются вольно и легко: «многогранная любовь», «духовное/культурное восхождение», «трагедия подвига» и др.

Следующая совокупность черт личностного потенциала творца или технолога способна разворачиваться в диаметрально бинарных пространствах – это умение отказаться от типичной точки зрения и принять другую (гибкость мышления), а также стремление игнорировать шаблон или групповое мнение (оригинальность мышления). Распахнутость и открытость русской культуры провоцирует непреклонный интерес нашего соотечественника к иным ценностям, форматом, идеям (философия индивидуализма, блага и пользы, утилитарная нравственность, идея необходимой агрессии и др.). Одновременно игровая парадигма мышления разворачивается в рамках востребованной национальной философии, берущей свои истоки в смеховой культуре (Святки, Масленица). Масленица медиатекста демонстрирует весёлую относительность предметов, увлекательную сюжетную канву, обилие масок и лиц, анархическую силу вольного языка, участие в шумном беспорядке жизни, где стёрты границы между добром и злом, своим и чужим. В креативном царстве Масленицы разграничение нормы и не нормы, подлинного и ложного, красоты и безобразия теряет свою чёткость: «ПедофилФак», «ЛДПР-овцы» и др. (Вечорка, 2011); «Проблема бабла и зла» (Мужской журнал GQ, 24 февраля, 2011) – интервью с обилием низовой лексики. Отсутствие и попираание именно творческой свободы в профессиональной сфере массмедиа опускает текстовое пространство до уровня чистой физиологии. Процесс создания нового сублимирует в «оргию творчества», подробно очерченную в работах Фрейда (Фройда), убеждённого в том, что именно сексуальный и агрессивный инстинкт человека породил живопись, литературу и искусство в целом.

На одном из семинаров в аудитории будущих журналистов, студентов второго курса, был задан пушкинский вопрос: «совместимы ли гений и злодейство», является ли результатом творчества медиатекст, например, отрицательно воздействующий на психологический и духовный мир аудитории, а значит, написанный с нарушением профессиональных критериев, в

частности «Этического кодекса журналиста». Обсуждение получилось бурным, но только три человека из 18 присутствующих робко озвучили мысль о неотъемлемой связи аксиологии и сущности творческого процесса. *Творение* синонимично глаголу *созидание*, этимология понятия категорически не приемлет сему «разрушения». Возможно, конструктивным решением данной дилеммы является использование слова-амебы (лексемы, лишенной русского корня) – *креатив*. И тогда денотативный конфликт исчерпан, так как *креатив* подразумевает свойство творческой личности, а также сугубо технологичность действия, его процессуальность и впечатляющий итог – некий парадоксальный алгоритм решения проблемы.

Доминанты *креатива* и *творчества* находятся на разных сторонах целевых баррикад, что порождает различные приоритеты в процессе создания нового. Что важнее: духовный смысл или материальная форма, движение в сфере культуры или впечатляющий рейтинг (ср.: *по/двиг* или *со/блазн* – известно, что зло статично). Новое в *творческом* движении произрастает из почвы традиционного, аккумулирующего архетипы, смыслы, ценности. Данная закономерность и формирует рамки интереса, внимания ко всему новому, которое человек, ориентируясь на инстинкт самосохранения, воспринимает только в определённых дозах.

Подведем итоги. Концептуализированные сферы «творчества» и «креатива» выстроены с помощью специфических фрейм и микромотивов (*творчество*: смысл, движение от старого к новому, ценности, культура; *креатив*: технология, неординарная форма медиапродукта, эффективность воздействия), следовательно, они обладают различными по модусу коннотатив-

ными ореолами. Фиксация проблемы и её разрешение образует композиционную структуру указанных когнитивных моделей, но умение видеть варианты решения проблемы, альтернативные подходы к его поиску на основе движения от исконного к новому демонстрирует исключительно талант творца и открывает тайны творчества. Подобная вариативность мышления автора позволяет реализовывать социотерапевтическую функцию медиатекста, под которой мы подразумеваем создание оптимальных информационно-психологических условий для активизации ментальных представлений и ценностей родной культуры и, соответственно, здорового, социально активного образа жизни потребителя медиапродукта.

Специфика работы в сфере рыночных масс-медиа способствует больше креативу, нежели творчеству. Вечное рабочее состояние, нехватка времени, давление конкуренции, оперативность информирования тормозят, а порой и исключают творческий процесс. «Тот, кто имеет мало времени, не может себе позволить выводить идеи на длительные прогулки», – заметил Матиас Нельке [3, с. 35]. Тем не менее конструирование нечто оригинального, нетривиального, неординарного не обязательно должно шокировать публику и преобразовывать вкус аудитории. Самобытное авторское начало вправе проявлять себя в творческом воспроизводстве культурных ценностей, архетипических представлений и национальных смыслов в медиапроизведении, облик которого находится в безграничной власти творца. И здесь становится очевидным, что именно свобода выбора – одно из ключевых звеньев процесса создания нового в СМИ, позиционирующее профессиональную культуру и ценностные приоритеты автора медиатекста.

Список литературы

1. Грановская Р. М. Творчество и конфликт в зеркале психологии. СПб. : Речь, 2006. 416 с.
2. Лук А. Н. Психология творчества. М. : Наука, 1978. 230 с.
3. Матиас Нельке. Техники креативности. М. : Омега, 2007. 120 с.
4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / Российская АН.; Российский фонд культуры. 3-е изд., стер. М. : АЗЪ, 1996. 928 с.
5. Олешко В. Ф. Журналистика как творчество. М. РИП-Холдинг, 2003. 240 с.
6. Сметанина С. И. Медиатекст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века). СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 2002. 383 с.
7. Степанов Ю. С. Константы : словарь русской культуры: изд. 3-е, испр. и доп. М. : Академический проект, 2004. 992 с.
8. Степанов С. С. Популярная психологическая энциклопедия. М. : Эксмо, 2005. 672 с.
9. Тульчинский Г. Л. Бизнес в России: проблема социального признания и уважения. М. : Вершина, 2005.

Статья поступила в редакцию 5 декабря 2011 г.

УДК 316.77; 070
ББК Ч 612.4(2)3

С. Г. Корконосенко

доктор политических наук, профессор,

Санкт-Петербургский государственный университет (г. С.-Петербург, Россия),

e-mail: sk401@mail.ru

**Журналистика сетевых СМИ:
смена исследовательских парадигм или продолжение традиций?**

В статье рассматриваются исследовательские подходы к журналистике, которая развивается в сетевых изданиях. Автор считает, что описание технологических характеристик Интернета, которым всё ещё уделяется преимущественное внимание в литературе, не несёт в себе научной новизны и они должны приниматься по умолчанию как данность. Центральная проблема для науки заключается в том, происходит ли в сетях радикальное изменение самой журналистики (и, соответственно, исследовательских подходов к ней), или на новом материале воспроизводятся традиционные для теории журналистики проблемы. В статье приводятся некоторые примеры того, как «вечная» проблематика проецируется на технологическую реальность современного медиаполиса.

Ключевые слова: сетевые СМИ, медиаполис, теория журналистики, научная парадигма, терминология.

S. G. Korkonosenko

Doctor of Political Sciences, professor,

St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia),

e-mail: sk401@mail.ru

**Journalism in Net Media:
Changing Research Paradigms or Maintaining Traditions?**

The article deals with research approaches to journalism that is developing in net editions. The author argues that the descriptions of the Internet technological characteristics, which are still given priority attention in literature, lack any scientific novelty, and should be accepted as an obvious reality. The central problem for science is to find out if there are any radical changes of journalism in the Net (and, accordingly, research approaches to it) or if traditional issues of the journalism theory are reproduced on a new material base. The article contains some examples of how “eternal” problems are projected on a technological reality of the modern mediapolis.

Keywords: net media, mediapolis, journalism theory, scientific paradigm, terminology.

Без сетевых СМИ уже невозможно представить себе медиасистему – сегодня и тем более в будущем. По данным comScore на декабрь 2010, месячная аудитория русскоязычных СМИ во всем мире превышает 40 млн. Около 25 млн из них – пользователи из России, около 12 млн – из Европы [11]. Яркая статистика, естественно, характерна не для одной лишь России. В 2010 г. почти 2 млрд человек – одна четверть мирового населения – пользовались Интернетом [17, р. 3], причём в развитых странах доля пользователей заметно приближается к целой единице.

За колоссальными цифровыми показателями скрываются новые привычки, взгляды, реакции на мир, которые всё глубже проникают в повседневную действительность населения планеты. На основе наблюдений такого рода в

литературе делаются выводы о переменах поистине цивилизационно-бытийного порядка: «...в цифровом веке люди не только *используют* медиа; мы *живём* в медиа. Исследования путей использования людьми (новых) медиа... приводят к единому заключению: мы неизменно всё больше используем медиа... и растёт та часть медиадиагностики людей, которая представляет собой производство, а не потребление...». Соответственно, в аналитическом контексте рождаются понятия и термины, претендующие на самые широкие и значимые обобщения: «Наш современный мир – это то, что Силверстоун... характеризует как “медиаполис” [Silverstone, Roger. *Media and Morality: on the Rise of the Mediapolis. Cambridge: Polity Press, 2007. 215 p.*]... два связанных между собой явления, которые до не-

которой степени являются базовыми характеристиками современного состояния человека в “медиаполисе” Силверстоуна: во-первых, понятие медиатеатральности как совокупности действий, стратегий и тактик, норм и ценностей, которые вместе с технологией определяют выпуск продуктов индустрии культуры... Во-вторых, понимание медиатеатральности как диапазона действий и социальных стандартов, которые растущему числу людей – и большинству подростков – предлагаются в контексте современной цифровой культуры...» [17, р. 23–24].

На этом социально-культурном фоне (**медиаполис, жизнь в медиа**) изучение сетевых СМИ и журналистики в них представляется относительно узким исследовательским направлением. Оно обязано обновляться, подчиняясь бескомпромиссной логике перемен в макросреде. Нельзя, однако, не признать, что в целом уровень научного осмысления статуса и практики сетевых СМИ заметно отстал от их развития в реальности. Не только в учебных работах, но и в гораздо более солидных трудах внимание концентрируется на таких качествах сетей, как дигитализация, мультимедийность, конвергентность, интерактивность, оперативность и пр. [см., напр.: 4], будто бы здесь скрывается элемент научной новизны. На самом деле это всего лишь исходные параметры технических и организационных возможностей, открывающихся любому пользователю Интернета. На констатацию их наличия или доказательство их преимуществ совсем не нужно тратить интеллектуальную энергию – достаточно ограничиться ссылками на учебно-методические пособия по основам компьютерной грамотности.

Приметы диверсификации исследовательских интересов год от года проступают отчетливее и чаще. Правда, в материалах международных семинаров почти с ритуальной обязательностью встречаются такие примерно названия докладов: *Digital media: still specific?* («Цифровые медиа: все еще нечто особенное?»). Однако, в отличие от совсем недавних лет, в них улавливается не столько убежденность авторов в оригинальности темы, сколько как минимум дань новому трафарету и как максимум – ирония по отношению к тем, кто всё еще мнит себя первопроходцем. Не исключено, что через короткое время полюса внимания поменяются и уже нынешние традиционные медиа будут оцениваться как нечто особенное на фоне господствующей цифровой реальности. К этому выводу склоняет знакомство с программами научных дискуссий.

Характерный пример – международная конференция *Diversity of Journalisms* («Разнообразие журналистики»), прошедшая в испанском Университете Наварры в июле 2011 года. Из 83 заявленных на ней тем 33 несли в своих формулировках те или иные апелляции к цифровым технологиям, он-лайн вещанию и т. п. Пропорции были бы ещё более впечатляющими, если бы мы учли содержание докладов, а не только их названия. Заметим, что конференция проходила под эгидой секции журналистики Европейской ассоциации коммуникационных исследований и преподавания (ECREA), и, соответственно, областью изучения явилась именно журналистика, а не ее ресурсное обеспечение. Вот некоторые темы-вопросы, показывающие, как дробно дифференцируется исследовательское поле: комментарии к он-лайн новостям, медиакомпания и их адаптация к радикально новым технологиям, медиа и журналистика в твиттере, исследование разнообразия он-лайн новостей, растущее влияние видео в жанрах он-лайн новостей, традиция и новация в он-лайн журналистских жанрах... [16].

Полезный вклад в понимание ситуации с сетевыми СМИ вносят авторы и составители сборников, предлагающих детализированное описание отдельных сторон практики он-лайн редакций. Из таких работ составила уже немалая библиотека, причём в некоторых регионах страны над этой тематикой работают особенно настойчиво и последовательно: отметим, например, инициативу авторских коллективов в Воронеже, Москве, Ростове н/Д, Тольятти и др. Естественно, что в статейных публикациях аккумулируются не только факты, но и обобщения, гипотезы, прогнозы. Так, один из энтузиастов исследования журналистики электронных сетей А. И. Акопов резюмирует свои наблюдения следующим образом: «Мир вступил в новую эпоху... войдя в общество потребления, человек полностью теряет способность творить... Ему всё даётся в готовом виде... Печально, но в строительстве общества потребления большой, если не решающий вклад внесли журналисты. В этих условиях средства массовой информации должны выработать новую стратегию своего бытования в мировом сообществе, стремительно изменяющемся под напором высоких технологий» [1, с. 21]. Однако жанровая природа сборников всё же не предполагает целостности анализа сложных и многомерных явлений. Эту работу призваны выполнять монографические публикации, которые в России появляются всё

чаще [2; 5; 7; 8; 9]. Есть чрезвычайно полезные для практики (в том числе учебной) антологии переводных работ и интервью с зарубежными и отечественными специалистами, раскрывающие опыт освоения мультимедийных и конвергентных ресурсов СМИ [10]. Однако они по большей части освещают технологические аспекты производства, с эпизодическим и фрагментарным обращением к тенденциям развития всей медиасистемы. Может быть, ещё важнее то, что на обочине исследовательского интереса остаются качественные сдвиги в поведении и образе жизни людей, которые тем не менее уже произошли и будут усиливаться в дальнейшем, независимо от степени интереса к ним со стороны исследователей. Призывы к решительной переориентации научной мысли в этом направлении всё настойчивее звучат в публикациях по вопросам «жизни в медиа»: «Фактически в этих условиях придётся с чистого листа заниматься теоретическим осмыслением данных и результатов исследований медиапроизводства по всему полю взаимодействия людей с медиа и через медиа, вместо того чтобы выделять какую-либо одну группу, даже если это штатные работники... медиаорганизаций...» [15, p. 24].

К подобным призывам стоит прислушаться. Правда, серьёзные сомнения вызывают заявления об осмыслении с «чистого листа». Как нам представляется, прорыв линии проблемного «фронта» необходим и возможен уже в ближайшее время. Но одновременно приходит мысль о том, что он произойдет не на том участке, где кажется более всего ожидаемым, – не в зоне отрицания предыдущего знания о журналистике, а как раз там, где он кажется наименее вероятным. Почему бы, не боясь обвинений в консерватизме, не подойти к проблемам сетевой журналистики с позиций развития тех традиций, которые столетиями складывались в изучении журналистики и медиасферы? Прямолинейное отрицание предшествующего исследовательского опыта до сих пор не оправдывало себя в истории науки и культуры; в благополучном случае оно приводило к формированию новой ветви развития, которая прививалась к «стволу» и только усиливала его ветвистость.

Думается, что альтернативные прогнозы развития сетевых СМИ и журналистики искусственно создают межпарадигмальный конфликт. По одну сторону «барьера» расположились те, кто успел уверовать в революционно-разрушительную мощь цифровых технологий, по другую – поборники чистоты классической

журналистики. Именно так, без полутонов, была сформулирована тема дискуссии (одной из множества подобных) в Лондоне 2 мая 2008 года: «Новые медиа убивают журналистику». Вопросительные знаки, поставленные в тезисах анонса, мало способствовали смягчению полемической остроты: «Уничтожают ли новые СМИ ответственность и стандарты, заменяя их неосведомленным мнением и громкими выкриками юзеров? Или это – развитие журналистики, ломающей барьеры, которые ранее ограничивали поток информации и суживали диапазон дискуссий?» [18].

Есть, однако, и другие подходы к проблеме, отмеченные диалектичностью мышления, причём особенно отраднo, что их предлагают профессиональные «интернетчики». Среди них специалист по конвергентной журналистике и мультимедиа Оксана Силантьева. Вот её взгляд на предмет споров: «Сейчас паника чем вызвана? Журналисты пришли в Интернет со своими стандартами и публикациями. Но в газете очень тяжело отследить обратную связь с читателем: дочитал он статью, не дочитал... А в Интернете тебе прямо в глаза бьет статистика: твою статью прочитали три человека. И начинается ломка, ааа, меня никто не читает!.. Вообще, все эти крики о конце... Блогеры убьют журналистику! Да поймите, это разные информационные потоки. Вот блогер, у него изначально другая цель, он пишет о том, что интересно ему, с той регулярностью, которая интересна ему. А журналисты пишут о том, что интересно аудитории, с той периодичностью, которая интересна потребителю» [3].

Если бы стояла задача выразить сказанное выше в форме краткого девиза для журналистов, он, вероятно, звучал бы так: «Сохраняйтесь, меняясь» – или даже ещё решительнее: «Меняйтесь, чтобы сохраниться». Суждения о вытеснении журналистики блогосферой или иными продуктами сетевого общения представляются слишком поспешными и однолинейными, чтобы отражать всю глубину и сложность происходящих метаморфоз. Но и слепое упорствование в хранении заветов старины глубокой, игнорирование самоочевидных перемен ничуть не более конструктивно. При этом, как мы уже отметили выше, технологические новации и прорывы скорее и чаще становятся предметом описания и обсуждения, тогда как наследованию коренных проблем, сопровождающих прессу на всём протяжении её истории, уделяется далеко и далеко недостаточное внимание. Между тем

фактов такого «перетекания» вечных вопросов накопилось немало. Они, порознь и в совокупности, свидетельствуют о том, что пришло время переносить на «территорию» сетевых СМИ общую проблематику, сложившуюся в исследовании журналистики. Обозначим некоторые из таких **проблемных узлов**.

К примеру, глобальное по масштабу исследование выявило возрастающее беспокойство правозащитников по поводу того, что тенденции в области законодательства и регулирования могут привести к ограничению свободы высказывания онлайн. Эта обеспокоенность подогревается сообщениями об аресте блогеров, фильтрации содержания и отключении пользователей [17, р. 3]. Здесь мы видим, как на новом материале воспроизводится целый комплекс ключевых проблем социально-политического анализа прессы: её отношения с официальными властями, соотношение свободы и правового регулирования, «качество» цензурного режима и др.

В свою очередь широкие горизонты открываются для продолжения исследований в области социологии журналистики и социальной психологии журналистики. Одним из главных объектов их интереса могли бы стать социальные сети, формируемые вокруг СМИ и иных цифровых медиа. По умолчанию принято считать, что эта новая форма гражданских сообществ уже заняла своё прочное место в социальной жизни и даже в значительной степени компенсировала слабость «реальных» связей. Однако опыты их непредвзятого контент-аналитического изучения показывают, что «качество социальных медиа как нового публичного пространства в Рунете можно признать очень низким. Определяющим является то, что это пространство жестким образом привязано к интернет-СМИ и повестке дня, устанавливаемой ими... Более того, формирование публичного пространства жёстко ограничено технологически... <...> Цель данной практики – коммуникация ради коммуникации, построение новой сопричастности к цифровому сообществу посредством новых цифровых платформ социальных медиа» [14]. Возможно, приведённые заключения не до конца достоверны или нуждаются в дополнительном обосновании. Но именно об этом мы и ведём разговор – о сопоставлении данных, их соотнесении с теми положениями, которые уже стали рабочим материалом в социологии журналистики, включая концептуальное понимание роли общественности в редакционных и социальных процессах.

Из практики сетевых СМИ отчётливо проиступает также тематика профессионализма сотрудников, лежащая по большей части в русле филологических исследований прессы. Есть надежные свидетельства противоречий между неудержимым ростом количества новых проектов и их ничтожной популярностью, в сравнении с группой крупнейших агентств. 80 % новостного потока генерируется всего 20 % крупных изданий. Соответственно, по данным счётчика LiveInternet.ru, аудитория большинства онлайн-СМИ сравнительно невелика, и читатели новостей в Интернете получают информацию преимущественно из узкого круга изданий [11]. Вряд ли будет ошибкой утверждение, что наиболее квалифицированные кадры собраны в изданиях-лидерах, тогда как гигантская масса тех, кто формально относится к журналистам, обладает в лучшем случае начатками квалификации.

Упоминание о гигантской массе вовсе не надо считать преувеличением. Технический прогресс распахнул врата СМИ перед всеми желающими, в том числе перед людьми, не прошедшими производственной или академической выучки. По оценкам ЮНЕСКО, в середине 2000-х в России насчитывалось 102 тыс. газетных журналистов, по этому показателю наша страна занимала первое место в мире. Для сравнения: в Китае второе место – 84 тыс., в США – 54 тыс. И это при том, что население Китая в 10 раз больше, чем у нас, а доходы американских печатных СМИ от рекламы превышают российские показатели приблизительно в 20 раз. То есть ни с демографической, ни с экономической точки зрения первенство России не находит обоснования [6].

Кажущееся изобилие (точнее – избыточность) информационного меню и авторских предложений, а также понижение уровня квалификации сотрудников неизбежно сопровождается деформацией профессиональных стандартов. Уже несколько лет назад эта проблема во весь рост встала из статистических замеров. Так, по данным, полученным Webscan Technologies в ходе исследования, не менее 38 % новостей являются дословными перепечатками с других ресурсов. При этом новости со 100 самых цитируемых онлайн-ресурсов Рунета за одно полугодие были вторично размещены примерно на 18,5 тыс. площадок [13]. Не было в истории прессы периодов, когда непропорциональное заимствование совершалось бы в таких объёмах, так беззащитно и с такой лёгкостью в техническом отношении. Соответственно, наряду с раз-

личного рода институциональными вопросами обостряются проблемы этики и саморегулирования в журналистской корпорации.

Экспансия сетевых СМИ порождает целый реестр задач для терминологических поисков. До сих пор новые обозначения входили в профессиональную лексику главным образом стихийно, перекочёвывая из языка программистов или провайдеров, которые в свою очередь пользовались кальками с английских техницизмов. Естественно, что такая практика не предполагала смысловой точности и определенности названий и жаргонная приблизительность стала перерастать в языковую норму. Так, на волне речевого анархизма получили легитимацию бессодержательные скороспелки вроде «новых медиа», «электронных СМИ» и т. п. Причём неуместное вольномыслие встречается не только в российской литературе, но и в зарубежной, включая словари. Между тем в литературе используется термин «сетевые СМИ» как прочно обоснованный с точки зрения технологии создания и распространения продукции и способа её получения аудиторией.

По счастью, вопрос решился на официальном уровне и как раз в пользу словосочетания «сетевые издания». Сначала Пленум Верховного суда РФ своим постановлением ввёл в нормативный оборот это название, а вскоре его узаконила Государственная дума, приняв поправки к Закону «О средствах массовой информации». Заодно были сняты недоразумения, связанные с отнесением к СМИ любой и всякой интернет-продукции. Чтобы официально считаться средством массовой информации, сайт должен пройти государственную регистрацию, и только тогда его сотрудники обретают статус, права и обязанности журналистов [12]. Закон не принуждает к регистрации, но даёт такую возможность. Сегодня нет правовой базы для включения в состав СМИ (и в корпус журналистов) блогосферы и крайне неудачно поименованной «гражданской журналистики». Последнее название, разумеется, родилось за рубежом

(*civil journalism*) и тут же, опять-таки разумеется, без попыток критического осмысления было подхвачено в России, хотя, по существу, за ним стоит всего лишь житейский обмен сообщениями через информационно-коммуникационные каналы.

Вместе с тем ссылками на официальные документы все терминологические и типологические вопросы не решаются, их вал нарастает, и он требует незамедлительного включения усилий исследователей с классической подготовкой. Ответственная работа – можно сказать миссия – ложится на плечи специалистов в области языка СМИ. От их позиции будет зависеть признание сетевого новояза нормой, которую пассивно регистрирует наука и тем самым утверждает её в правах гражданства, или её отрицание в пользу высокой речевой культуры, составляющей достояние человечества. Сказанное в полной мере относится и к изучению визуальной культуры, онлайн-дизайна. Здесь также есть опасность отринуть высокие эстетические критерии, удовлетвовавшись простейшими технологическими решениями. Об этой тяге к лукавой простоте сегодня с тревогой говорят творчески ориентированные профессионалы мультимедийной журналистики. «Кто сказал, что новостной сайт – это лента новостей посередине с рекламой по бокам? – выражает свое недоумение Оксана Силантьева. – Этот стереотип заложили скандинавские и американские газеты, которые думали, что именно так будет удобно. Но это не обязательно копировать» [3].

Как видим, спектр направлений журналистского исследования сетевых СМИ широк и богат оттенками. Он фактически полностью охватывает ту проблематику, которая сформировалась в русле теории журналистики, и одновременно дополняет её новыми темами, нетрадиционной постановкой вопросов и способами интерпретации данных. По всей видимости, только в этом синтезе классики и модернизационных тенденций наука найдёт возможности своего развития синхронно с динамикой медиасферы.

Список литературы

1. Акопов А. И. Средства массовой информации во времени и пространстве: тенденции развития и трансформации // Журналистика электронных сетей. Вып. 3 / под ред. А. И. Акопова. Воронеж : Факультет журналистики ВГУ, 2010.
2. Амзин А. Новостная интернет-журналистика. М. : Аспект Пресс, 2011. 144 с.
3. Бажкенова Г. Оксана Силантьева: журналистика, как человеческая деятельность, не умрет никогда // Новый репортер.org. 2011. 26 ноября. URL : <http://newreporter.org/2011/06/07/oksana-silanteva-zhurnalistika-kak-chelovecheskaya-deyatelnost-ne-umret-nikогда/> (дата обращения : 27.11.11).

4. Беляев А. А. Специфика интернет-версии как сетевого СМИ // Современные проблемы журналистской науки : ежегод. сб. науч. ст. / сост. В. В. Тулупов. Воронеж : Факультет журналистики ВГУ, 2011. С. 3–21.
5. Журналистика и конвергенция: почему и как традиционные СМИ превращаются в мультимедийные / под ред. А. Г. Качкаевой. М. : Фонд «Фокус-Медиа», 2010. 200 с.
6. Иванов И. Вон из профессии! URL : <http://mediapedia.ru/2011/07/26/von-iz-professii/#more-1905> (дата обращения : 27.11.11).
7. Интернет-СМИ : теория и практика / под ред. М. М. Лукиной. М. : Аспект Пресс, 2010. 348 с.
8. Калмыков А. А., Коханова Л. А. Интернет-журналистика. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2005. 383 с.
9. Кихтан В. В. Интернет-медиаобразование в эпоху общества знаний. Ростов н/Д : Ростов. гос. эконом. ун-т, 2011. 183 с.
10. Медиаконвергенция и мультимедийная журналистика / сост. С. Д. Балмаева. Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2010.
11. Медиафера Рунета. Сентябрь 2010 – Январь 2011. URL : http://company.yandex.ru/facts/researches/yandex_on_internet_media_spring_2011.xml (дата обращения : 26.03.11).
12. О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»: Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 15 июня 2010 г. // Российская газета. 2010. 18 июня.
13. Объем новостного контента в русскоязычном Интернете увеличивается в два раза быстрее, чем растёт его аудитория. 01.08.2008. URL : <http://spbit.ru/news/n51699> (дата обращения : 26.03.11).
14. Панченко Е. Интеграция интернет-СМИ и социальных сетей в Рунете: Новая публичная сфера или пространство контроля? // Digital Icons: Studies in Russian, Eurasian and Central European New Media. 2011. № 5. С. 87–118. URL : <http://www.digitalicons.org/issue05/egor-panchenko> (дата обращения : 27.06.11).
15. Deuze, Mark. The Media Logic of Media Work // Journal of Media Sociology. 2009. Vol. 1, Number 2. Winter/Spring. P. 22–40.
16. Diversity of Journalisms. Proceedings of ECREA/CICOM Conference, Pamplona, 4–5 July 2011 / Ramón Salaverría (ed.). Pamplona (Spain): University of Navarra, 2011. URL : <http://sections.ecrea.eu/JS/pamplona2011.pdf> (дата обращения : 27.11.11).
17. Dutton, W. H., Dopatka, A., Hills, M., and others. Freedom of Connection – Freedom of Expression: The Changing Legal and Regulatory Ecology Shaping the Internet. Oxford, 2010. 104 p.
18. New Media is Killing Journalism. URL : <http://upcoming.yahoo.com/event/500637/LONDON/London/World-Press-Freedom-Day-Debate-New-Media-is-Killing-Journalism/Frontline-Club> (дата обращения : 27.07.11).

Статья поступила в редакцию 28 ноября 2011 г.

УДК 808.1
ББК 83.3(2)

Е. В. Наумова
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
технологии и дизайна, Северо-Западный институт печати
(г. Санкт-Петербург, Россия), e-mail: katerina316@yandex.ru

**Ленотделение издательства «Советский писатель»
накануне и в первые месяцы Великой Отечественной войны**

В статье проанализирована деятельность ленинградского отделения издательства «Советский писатель» в 1941 г., когда основной задачей всех издательств стал выпуск книг оборонного значения. В течение первых месяцев войны отделение подготовило около тридцати изданий, многие из которых сегодня являются библиографической редкостью. После сентября 1941 г. издательство в Ленинграде фактически не функционировало, так как в результате прямого попадания бомбы помещение редакции было разрушено.

Ключевые слова: Ленотделение издательства «Советский писатель», организация редакционно-издательского процесса, Великая Отечественная война, книги оборонного значения

Е. V. Naumova
graduate student, St. Petersburg State University
of Technology and Design, Northwest Institute of the Print,
(St. Petersburg, Russia),
e-mail: katerina316@yandex.ru

**Leningrad Publishing House *Soviet Writer* on the Eve and During the First Months
of the Great Patriotic War**

The article analyzes the activities of the Leningrad Branch of the Publishing House *Soviet Writer* in 1941, when publishing defense books was a primary goal for all publishers. During the first months of the war the Leningrad Branch prepared and issued about thirty books, many of which are rarities now. In fact, after September 1941 the Leningrad publishing house did not function as a result of a direct bomb hit that had destroyed the editorial office.

Keywords: Leningrad Branch of Soviet Writer, editing and publishing process organization, the Great Patriotic War, defense books.

1941 год должен был стать для ленинградской редакции «Советского писателя» рекордным по количеству планируемых к печати книг: в проекте тематического плана стояло 40 названий, в резерве было указано 24 рукописи [5, л. 3–4]. Пожалуй, самыми значительными, но не реализованными проектами были собрания сочинений М. Зощенко и Ю. Тынянова — первые тома собраний стояли в тематическом плане. Ожидалась рукопись А. Н. Лескова о жизни и творчестве отца — Н. С. Лескова. Об истории этой рукописи рассказал в своих воспоминаниях А. Н. Узилевский [7, с. 29–32]. В резерве значились произведения А. Н. Толстого «Пётр I» (договорные отношения по которому были начаты еще в 1934 г., но так и не завершились выпуском книги) и «Хождение по мукам» (заклЮчительная часть трилогии вышла в конце 1941 г.).

Учитывая рост количества планируемых к печати книг, руководство издательства приступило к расширению редакционного аппарата:

в штатное расписание, помимо должностей главного редактора, редактора-организатора, заведующего редакцией и заведующего отделом «Библиотеки поэта» были введены должности художника-консультанта, старшего техреда и старшего корректора [8, л. 1]. Довоенный архив издательства содержит документы, отражающие прохождение рукописей в производстве [3; 4]. И хотя протоколы и стенограммы редакционных советов практически не сохранились, отдельные выписки из них находятся в личных делах авторов по первому кварталу 1941 г. Из них мы узнаём, какие мотивировки, помимо традиционных, служили поводом для принятия решения об издании рукописи в канун Великой Отечественной войны. Например, выписка из рукописи Б. Лихарева «Записки сапёра» (о войне с белофиннами) свидетельствует: «рукопись принять... считать необходимым срочно выпустить в свет, принимая во внимание её большое

оборонное значение (курсив наш. — Е. Н.)). О романе А. Зонина «Адмирал Нахимов» говорится: «считать необходимым издание книги в объёме 15 л. Ввиду того, что вариант книги был издан Военгизом для закрытого распространения, и ввиду того, что представленная автором книга подвергнута коренной переработке, возбудить ходатайство перед центральным издательством о разрешении издания книги Зонина, *имеющей большое оборонное значение* (курсив наш. — Е. Н.))» [1, л. 36].

За первые пять неполных месяцев 1941 г. отделение успело выпустить 32 издания, более половины из них входили в годовой план. Начавшаяся война перестроила всю работу издательства. А. Узилевский рассказывает: «Ушли на фронт сотрудники издательства, способные носить оружие. Первым был призван Николай Брыкин; выполнять директорские обязанности по совместительству стал Павел Федорович Герасимов, известный тогда в писательском и издательском мире директор Ленинградского отделения Гослитиздата. При тусклом свете коптилок продолжали работу корректоры, техреды, выпускающие, производственной деятельностью руководил хорошо знавший издательское и типографское дело Г. Драгунский. Главный редактор Александр Михайлович Семенов был единственным редакционным работником» [7, с. 32–33].

За первые месяцы войны отделение подготовило 19 книг, большая часть которых – малообъёмные и малоформатные издания о героизме советских воинов. «Написать художественное произведение в малом объёме было не просто, но это диктовалось обстоятельствами военного времени. Боец должен был успеть прочитать такую книжечку за короткое время относительного затишья на фронте» [7, с. 33]. Отметим, со ссылкой на А. Узилевского, что серия этих книг была инициирована В. К. Кетлинской – первым секретарём Союза писателей Ленинграда. Она же в числе первых написала для серии очерк «Скорость». Короткие очерки и рассказы летом 1941 г. были подготовлены В. Кавериным («Салют» и «Трое»), И. Краттом («Партизаны» и «Шестой хейнкель»). В соавторстве был написан рассказ «Разъезд 105» детскими писательницами Д. Л. Бродской (погибла в блокаду в 1942 г.) и А. Г. Голубевой. В примечании на начальной полосе этих изданий можно встретить слова о том, что всё рассказанное на страницах книги произошло в реальной жизни: например, рассказ В. Каверина «Трое» основан на подлинных фактах, приведённых в газете «Красный флот»

от 8 июля 1941 г., в основу рассказа И. Кратта «Партизаны» лёг действительный случай, отражённый в сводках советского информбюро.

П. Лукницкий записал в своём военном дневнике 4 сентября 1941 г.: «Мы, корреспонденты ТАСС, ждём направления в части и фронтовых пропусков. Но заниматься нами сейчас, конечно, некому. Что ж!.. Дела у меня хватает и здесь, в самом Ленинграде! Как бойцы нуждаются в винтовках, так газеты и издательства ждут от писателей действенного оружия – слова... За последние дни написал для “Советского писателя” пять рассказов и немало статей для газет» [2, с. 39]. Сборник рассказов П. Лукницкого «Друзья» был напечатан уже в сентябре.

Два издания для серии подготовил Н. Никитин в соавторстве со Вс. Лебедевым – «Удар Брусилова» и «Чапаев на германском фронте». Вскоре соавторы выпустили книги «Как Ворошилов встретил немцев и как Щорс их проводил» (Л.: Детгиз, 1941) и «Как в 1916 году русские войска прорвали австро-германский фронт» (Л.: Политуправление лен. фронта, 1942).

Историческая тема первых военных книг не ограничивалась событиями Гражданской войны. «Советский писатель» выпустил в свет книги, говорившие о героизме и патриотизме наших предков: С. Хмельницкий «Ярославич», Е. Федоров «Повесть о храброй и героической партизанке Василисе» о войне 1812 г. Интересно, что последнее произведение было опубликовано в сборнике Е. Федорова «Уральские повести», вышедшем в «Советском писателе» пятью месяцами ранее, где оно называлось «Повесть о злоключениях первого русского золотоискателя». В послевоенном сборнике автора (Л.: Сов. писатель, 1946) к повести вернулось довоенное название. Были переизданы партизанские рассказы Л. Канторовича, сборник которого вышел в январе 1941 г., а сам автор героически погиб в самом начале войны – 30 июня.

В первые месяцы войны Ленотделение выпустило два коллективных сборника под единым названием «Родина зовет», в которых были опубликованы произведения А. Ахматовой, М. Зощенко, В. Каверина, М. Слонимского, В. Кетлинской, И. Кратта, А. Беляева, Б. Лавренёва и других ленинградских писателей и поэтов.

Произведения, связанные с войной, были созданы и литературоведами: И. А. Груздев подготовил очерк «Максим Горький о фашизме», Б. В. Казанский, «не писавший до этого времени художественных произведений, в короткий срок написал книжечку “Счетовод Протасьев – рассказ артиллериста”» [7, с. 34].

В журнале «Звезда» (№ 9, 1941) была опубликована подробная рецензия на книги Ленотделения «Советского писателя», вышедшие в первые месяцы войны. Прозвучавшая в рецензии оценка этих изданий выявляет их несовершенство. В книгах видны следы спешки: материалы поверхностны и недостаточно значительны, тексты стилистически небрежны. «Выпуская серию оборонных, патриотических брошюр, – писал рецензент, – необходимо или отобрать то лучшее, что появилось в это время в периодической печати, или дать наиболее художественно полноценные произведения, в которых злободневные боевые эпизоды нашли бы свое углублённое художественное выражение. Судя по первым выпускам таких книжек, вышедших в издательстве “Советский писатель”, эта задача ещё далеко не разрешена, и материал, появляющийся в периодической печати, часто гораздо актуальнее и значительнее, чем те книжки, которые вышли в свет» [6]. Надежде, выраженной в рецензии: «Перечисленные здесь книжки – только начало большой и важной работы издательства по созданию оборонной литературы» [6], к сожалению, не суждено было сбыться.

Издательство продолжило бы и дальше выпускать книги, но в одну из сильных бомбежек 22 сентября 1941 г. на территории Гостиного двора, где все довоенные годы размещалось отделение «Советского писателя», разорвалась бомба, здание рухнуло. П. Лукницкий писал в своем дневнике (запись от 27 сентября 1941 г.): «Разрушено издательство “Советский писатель”, убиты давние мои знакомые (только за день до этого в последний раз я разговаривал с ними): Таисия Александровна, редактор Татьяна Евсеевна [Т. Е. Гуревич, литературный секретарь Ю. Тынянова], корректорша, старший бухгалтер — всего восемь сотрудников издательства. Двое тяжело ранены. Директор издательства А. М. Семенов, извлеченный из-под обломков через семь-восемь часов, тяжело ранен в лицо» [2, с. 76]. Несколько расходится с этой дневниковой записью свидетельство А. Узилевского:

«Под обломками оказались многие сотрудники, пять из них были заживо погребены; погибло много рукописей и корректур. С того дня до конца войны ленинградское отделение издательства прекратило свою деятельность...» [7, с. 35].

Последний документ военного времени, сохранившийся в архиве, — объяснительная записка от 28 марта 1942 г. в Бюро заборных продкарточек Куйбышевского района, в которой отмечается, что штатное расписание на 1942 г. не утверждено «ввиду выезда Правления из Москвы», но в прилагаемой справке называются фактические сотрудники Ленотделения на 1 апреля 1942 г.: директор П. Ф. Герасимов, главный редактор А. М. Семенов, редактор «Библиотеки поэта» А. Г. Островский, зав. производством Г. Б. Драгунский, его заместитель, главный бухгалтер и курьер.

В военные 1942–1945 гг. рукописи ленинградских авторов, выходившие под маркой «Советского писателя», печатались, в основном, в Москве. Среди них две книги О. Берггольц, написанные в блокадном городе: «Ленинградская тетрадь» (1942) и «Ленинград» (1944), куда вошли «Ленинградская поэма» и «Февральский дневник». В 1943 г. был напечатан сборник рассказов В. Каверина «Мы стали другими», повесть Н. Раковской «Мальчик из Ленинграда» и сборник М. Слонимского «Председатель горсовета». В Москве вышел и посмертный сборник избранных стихов Ю. Инге «Вахтенный журнал» (поэт погиб в самом начале войны). Некоторые издания «Советского писателя» готовились к печати в Ташкенте и Казани. Так, книга Н. Тихонова «Ленинградские рассказы и стихи» вышла в Ташкенте в 1942 г.

Деятельность Ленинградского отделения издательства «Советский писатель» была возобновлена летом 1945 г. Сначала представительство издательства отслеживало печать московских изданий, а с 1946 г. составляло и собственный тематический план, осуществляя необходимую редакционно-издательскую подготовку книг ленинградских литераторов.

Список литературы

1. Дело автора П. П. Евстафьева // ЦГАЛИ СПб. Ф. 344. Оп. 1. Д. 63. 47 л.
2. Лукницкий П. Сквозь всю блокаду. Л. : Лениздат, 1988. 720 с.
3. Оперативные отчеты о выполнении плана отделением за январь-июнь 1941 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 344. Оп. 1. Д. 56. 28 л.
4. Планы сдачи рукописей в производство на II кв. 1941 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 344. Оп. 1. Д. 55. 3 л.
5. Проект тематического плана отделения на 1941 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 344. Оп. 1. Д. 54. 4 л.
6. Степанов Н. Оборонные книги издательства «Советский писатель» // Звезда. 1941. № 9. С. 97.
7. Узилевский А. Дом книги : записки издателя. Л. : Советский писатель, 1990. 544 с.
8. Штатное расписание и смета административно-управленческих расходов на 1941 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 344. Оп. 1. Д. 94. 18 л.

Статья поступила в редакцию 22 ноября 2011 г.

УДК 379.823 + 271.2 + 070(470)
ББК Ч632.1 + Э372:Ч632.1

Н. В. Романовская
преподаватель кафедры средств массовой информации,
Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск, Россия),
e-mail: NRO@inbox.ru

**«Когда телевизор во благо»:
опыт формирования общественного православного телевидения в России**

Организация епархиями Русской православной церкви собственных средств массовой информации предоставляет им дополнительную возможность осуществления миссионерской, катехизаторской, просветительской, образовательной и иной деятельности. Функционирующие в нашей стране с 2005 г. православные общественные телеканалы способствуют нравственному оздоровлению общества в целом и корректировке морально-этических установок современного телевизионного сообщества, поскольку являются оплотом нравственности, образцом культуры поведения и общения с аудиторией. Общественное православное телевидение представляет интерес ещё и потому, что ориентируется не исключительно на верующих христиан, но и светскую аудиторию. В этом заключается актуальность данной научной работы. Цель исследования – выявление специфических особенностей становления и развития отечественного общественного православного телевидения. Для достижения поставленной цели в работе изучены основные этапы становления первого в России общественного православного телеканала «Союз», проанализирована программная политика данной телекомпании, выявлены тенденции развития российского православного телевидения в целом. В ходе исследования также была сформулирована концепция вещания телеканала «Союз» и обобщены основные проблемы, с которыми сталкивается данная телекомпания в процессе своей деятельности. Результаты исследования могут представлять интерес для исследователей истории телевизионной журналистики Урала; научная работа также будет интересна журналистам практикам, работающим в православных средствах массовой информации.

Ключевые слова: общественный православный телеканал, духовно-нравственный контент, интернет-пространство, светская и воцерковленная аудитория.

N. V. Romanovskaya
teacher, Mass Media Department,
South Ural State University (Chelyabinsk, Russia),
e-mail: NRO@inbox.ru

**“When TV is for Good”:
the Experience of Forming Public Orthodox Television in Russia**

The Russian Orthodox Church dioceses' organization of their own mass media gives them an additional opportunity of missionary, catechizing, enlightening, educational and other activities. Functioning in our country since 2005 and being the stronghold of morality and pattern of cultural behavior and dialogue with the audience, public Orthodox TV channels contribute to the moral improvement of society as a whole and correlate the ethical systems of modern television community. Public orthodox telecasting is of interest because it focuses not only on Christian believers, but also a secular audience. This fact proves the relevance of the given research. The research objective is to reveal specific features of the formation and development of Russian public Orthodox telecasting. To achieve this goal the study examines the basic stages of the formation of the first Russian public Orthodox TV channel “Soyuz”, analyses the policy of the given broadcasting company and reveals the general tendencies of the development of the Russian Orthodox television. The study also discusses the broadcasting concept of the TV channel “Souyz” and summarizes the main problems this broadcasting company faces in the course of its activity. The results of this research may present interest to researchers of the history of the Ural television journalism and to journalists working in the Orthodox mass media.

Keywords: public Orthodox TV channel, spiritual and moral content, web space, secular and church-going audience.

Первые передачи религиозной тематики появились в эфире российских светских телеканалов в начале 90-х гг. XX в. В качестве ведущих выступали священники, богословы, выпускники семинарий, светские журналисты. Появилась немыс-

лимая ранее возможность церковного миссионерства и просвещения. Во многом именно благодаря телевидению – правда, не без некоторых политических издержек, быстро менялось отношение общества к верующим соотечественникам.

История православного телеканала «Союз». В настоящее время сразу две конфессиональные телекомпании спорят за звание первого в России общественного православного телеканала – «Спас» (г. Москва) и «Союз» (г. Екатеринбург). Официально телеканал «Спас» начал свое вещание 28 июля 2005 года, в то время как православная телекомпания «Союз» была образована 13 января 2005 года. Но дело не только во временных приоритетах. За годы своего существования екатеринбургская тележурналистика сумела наладить полноценное православное вещание, заняв прочные позиции среди современных конфессиональных СМИ.

Телекомпания «Союз» была организована по благословению правящего архиепископа Екатеринбургского и Верхотурского Викентия на базе созданной в мае 2003 года телестудии Екатеринбургской епархии и приобретенного епархией в январе 2005 года ООО «Телекомпания «Союз»», вещающей на 21 ТВК г. Первоуральска Свердловской области. В рамках реорганизации ООО «Телекомпания «Союз»» свидетельство о регистрации СМИ, лицензия на вещание и лицензия на услуги связи были переоформлены с Общества с ограниченной ответственностью на Екатеринбургскую епархию, которая и является единственным учредителем телеканала «Союз» (новое руководство решило не менять название канала). В настоящее время телекомпания входит в структуру епархиального Информационно-издательского отдела и все 65 сотрудников «Союза» состоят в штате Екатеринбургской епархии.

С 31 января 2005 года на телеканале «Союз», ранее имевшем только 40 мин. в сутки собственного эфирного времени и ретранслировавшем программы «НТВ», полностью сменилась сетка вещания: компания перешла на ежедневное 17-часовое вещание, в котором 7 ч эфира было выделено православным программам, а 10 – познавательным и просветительским проектам, ориентированным на светскую аудиторию. Уже с 1 июня 2005 года телеканал «Союз» перешёл на круглосуточное вещание, обеспечивая православными программами собственного производства и программами других епархий 100 % эфирного времени. Так началось формирование первого в России православного телевидения, строящего свою работу на христианских нравственных ценностях.

Телеканал «Союз» динамично развивался, расширялась и территория его вещания. «Союз» стал первым конфессиональным СМИ, полу-

чившим лицензию на эфирное вещание в городе «миллионнике» Екатеринбурге. Вскоре телеканал вырос из городского и областного сначала до общероссийского: если в июне 2008 года вещание осуществлялось в 126 населенных пунктах 47 субъектов федерации России, то в апреле 2009 – в 288 городах 55 субъектов, в июле 2009 – в 353 городах 58 регионов, а в феврале 2010 – уже в 728 городах 73 областей, краев и республик [3]. В 2010 г. «Союз» вышел и на международный уровень: спутниковое вещание телекомпании сегодня охватывает территорию России, стран СНГ, Европы, Скандинавии, Ближнего Востока, Северной Африки и Северной Америки, а также ряд островов Карибского бассейна. В планах телеканала – продолжение развития спутникового вещания уже на Южную Америку, Австралию и Азию. А пока в этих и других странах канал «Союз» можно смотреть в сети Интернет: <http://media.tv-soyuz.ru>, сайты: <http://www.livestream.com/tvsoyuz>, <http://rutube.ru/tv/tvsoyuz.html>, <http://mymoetv.blogspot.com/2011/08/blog-post.html/>.

Структура вещания телеканала «Союз». «Союз» позиционирует себя как православный некоммерческий канал, в эфире которого отсутствуют какие бы то ни было виды рекламы. Такова принципиальная позиция руководства. Компания существует только за счёт доходов епархиальной типографии и пожертвований частных лиц и организаций.

Что касается содержательной модели эфира, то «Союз» представляет собой общественный православный телеканал, где 60 % вещания посвящено общественной тематике, а 40 % – православной (примечательно, что телеканал «Спас» придерживается такого же процентного соотношения). В этом состоит уникальность российского православного телевидения в контексте мирового религиозного вещания, где практически сто процентов эфирного времени отведено богослужениям и проповедям. В эфире «Союза» исключительно религиозные программы не составляют большинства, значительная часть передач посвящена общественно значимой тематике. По словам руководителя информационно-издательского отдела Екатеринбургской епархии игумена Димитрия: «Это телевидение воспитывающее, наставляющее, назидательное, образовательное». [1].

Информационная (новостная) составляющая телеканала представлена 18 проектами. Выпуском значительной части занимаются епархии православной церкви регионов России

и ближнего зарубежья. Среди программ производства екатеринбургской редакции основной считается часовая новостная программа «Новости телекомпании «Союз», выходящая в прямом эфире 4 раза в день с понедельника по пятницу, повтор в записи – со вторника по субботу в 00:00. В структуру программы входит порядка 17–20 сюжетов православных корреспондентов. Стремление к информатизации эфира достигается не только за счёт данной новостной программы, но и благодаря визуальным средствам: телекомпанией «Союз» были введены две бегущие строки. Одна из них напоминает реквизиты для пожертвований на нужды телекомпании, другая, сугубо информационная, предоставляет зрителям оперативную информацию о событиях христианского мира.

В сетке вещания телеканала присутствует и *аналитическая* составляющая. В общей сложности 12 программ. В их основе – обсуждение служителями церкви социальных проблем. Так, в еженедельной передаче «Комментарий недели» отец Всеволод Чаплин даёт православную оценку происходящих в обществе и мире событий (чрезвычайные происшествия, общественные выступления, социальные нововведения). Владыка Викентий, в свою очередь, в прямом эфире отвечает на вопросы телезрителей (воспитание детей, новые паспорта, ИНН и др.); программа «Беседа с батюшкой» также помогает людям найти ответы на вопросы о духовной жизни (борьба человека с грехом, отношение к чудесам), беспризорничество и другие остро социальные проблемы становятся темами для обсуждения авторов и гостей программы «В день седьмой». Таким образом, посредством данных телепроектов церковь демонстрирует свою социальную причастность к событиям и проблемам социального нерелигиозного происхождения.

Наиболее стремительно развивается *кинодокументалистика*. В эфире телеканала транслируется сразу несколько документальных фильмов: о Святых Царственных Страстотерпцах, «Первосвятитель» (памяти Патриарха Алексия II), документальный цикл об истории Екатеринбургской епархии, фильм-история о принесении в Екатеринбург частицы мощей небесной покровительницы столицы Урала «Путь святой Екатерины» и «Земное воплощение идеала» – размышление о святой великомученице Екатерине; «Храм-на-Крови. История святыни» – история возникновения одноименного храма Екатеринбурга; «Колокола покаяния. Благовест» – об истории появления колоколов

на Храме-на-Крови; фильм «Аксиос!», подготовленный к 20-летию архиерейской хиротонии архиепископа Викентия Екатеринбургского и Верхотурского; документальный фильм «Благодатный огонь. Дорога к чуду» и др.

Просветительские и образовательные программы также представлены в эфире «Союза». Это и исторический цикл «Русь православная», и лекции богословов: преподавателя библейских миссионерских курсов К. В. Корепанова; автора книги «Тайна русского слова» В. Д. Ирзабекова; профессора Московской духовной академии и семинарии А. И. Осипова. Следует отметить, что достаточно много времени (три ежедневных блока) в эфирной сетке телеканала «Союз» отводится *передачам для детей*, которые способствуют гармоничному развитию подрастающего поколения на основе духовных ценностей (например, программа для детей «Шишкин лес», «В гостях у Дуняши», «Купелька»).

Тема *культуры и искусства* также присутствует в программной сетке «Союза». Это, прежде всего, передачи о музыке и радиоконцерты: «Слушай» – концерт протодиакона Екатеринбургской епархии Андрея Мезюхи; концерт Жанны Бичевской; сводный тематический концерт «Не в силе Бог, но в правде!», посвящённый 90-летию мученической кончины Святых Царственных Страстотерпцев; передача «Песнопения для души» и др. Следует отметить, что телеканал не только транслирует выступления прославленных исполнителей романсов, народной, духовной и популярной музыки, но и узнает их мнение о нравственном состоянии современной эстрады. Поддержку зрителей находят и *художественные* проекты. Вместе с автором программы «Творческая мастерская» Еленой Рыжковой телезрители могут познакомиться с уральскими художниками, посетить музеи; «Литературный квартал» – программа об уральских литераторах; передача «Творческие встречи» и «Чистый образ» – встречи с теми, чья жизнь неразрывно связана с православной верой.

Наиболее рельефно концепцию телеканала «Союз» отражают *социальные* проекты. Передача «Скорая социальная помощь» рассказывает о проблемах нуждающихся (стариков, инвалидов, больных детей и др.). После программы зрители могут оказать как материальную помощь (денежный перевод) героям программы, так и внести иной посильный вклад в судьбу человека, которому необходима и моральная поддержка (телефонные звонки зрителей с пожеланиями, воодушевляющие слова, бескорыстная помощь

по хозяйству). За семь лет вещания более трехсот человек обратились за помощью к авторам программы «Скорая социальная помощь», на их призыв откликнулись тысячи неравнодушных. С 2011 г. «Скорая социальная помощь» сотрудничает с благотворительным фондом «Предание». Благодаря этому стало ещё больше людей, желающих помочь героям программы. Или «Первая натура» – авторская телепрограмма В. В. Боровских, создателя и руководителя Центра реабилитации наркозависимых в городе Полевском. Ведущий вместе со зрителями рассуждает о сути греховных страстей и желаний, раскрывает тему несовершенства в современном мире, говорит об истинном призвании человека. Подобную направленность имеет и программа «Трезвение», освещающая деятельность реабилитационного центра «Выбор» и общества трезвости «Под покровом преподобного Серафима Вырицкого». Телепередача «Доброго вам здоровья!» также представляет собой социальный проект. Темами выпусков становятся различные заболевания, советы по уходу за больными. Таким образом, благодаря данным проектам у телеаудитории вырабатывается ощущение сопричастности каждого ко всем, усиливаются общие для социума ценности. Всё это становится доминантой эфира телеканала «Союз».

Несмотря на разнообразие проектов и обилие общественно значимых тем, канал «Союз» можно условно назвать и *телецерковью*. Каждый день утренние и вечерние молитвы для зрителей читает клирик Екатеринбургской епархии иеромонах Флавиан (Матвеев). В православный телеэфир включаются и другие, присущие только церковной традиции жанры: проповедь (программы «Первосвятитель», «Читаем Евангелие вместе с Церковью», «Читаем Ветхий Завет», «Живое слово», «Духовные размышления», «Слово владыки Евтихия», «Встречи со священником»); богослужебные (еженедельные прямые трансляции богослужений из храмов Екатеринбургa). В общей сложности 29 телепроектов. По сути, они тоже представляют собой социальный проект, поскольку предназначены, в первую очередь, для тех, кто по старости, болезни, инвалидности прикован к постели и не может посещать храм. Но в то же время программа может представлять интерес и для светских зрителей, которые не находят времени прийти храм или не посещают службы по иным причинам (незнание обрядовой стороны богос-

лужения, правил поведения в храме). Трансляции богослужений помогают таким зрителям переступить через внутренние «ограничители» (стеснительность, страх), так они имеют возможность в полной мере насладиться эстетикой церковной службы и проникнуться духовным содержанием богослужения. Стоит отметить в этом ключе и профессиональную работу видеооператоров телеканала «Союз». Как правило, при съёмке в храме они отказываются от крупных планов, яркого света, большого количества аппаратуры и ограничиваются небольшим составом присутствующего в храме технического персонала. Всё это делается, чтобы не отвлекать и не смущать молящихся. Такие передачи отличаются камерностью трансляции и корректностью по отношению к прихожанам.

Таким образом, большинство передач телекомпании «Союз», безусловно являясь православными в своей основе, носит просветительский, познавательный, культурный, исторический, краеведческий, воспитательный характер. Рассматриваемый православный телеканал предлагает уникальный по сравнению со светским телевидением духовно-нравственный контент: отсутствуют политические, экономические, криминальные и подобные темы; внимание акцентируется на социальных проблемах и культурно-историческом пласте жизни России; в телеэфире демонстрируются созидательные примеры христианского образа жизни. Исходя из этого, сотрудниками телеканала был выбран и девиз: «Когда телевизор во благо».

«Союз», по нашему мнению, выгодно отличается и стремление к консолидации епархий православной церкви на основе телевизионного творчества. Включение в эфир материалов, выходящих под патронажем почти семидесяти епархий Русской православной церкви, а также православной церкви Украины, Белоруссии, Польши, позволяет говорить об их особом творческом единстве. К тому же это и дополнительная возможность для епархий увеличить перечень каналов трансляции собственного медиапродукта, поскольку для каждой из них выделено бесплатное время в сетке вещания телеканала «Союза», также передачи размещаются на видеопортале компании. Важным данное сотрудничество представляется и для зрителей, поскольку реализуется проект всестороннего информирования граждан России и русскоязычного населения зарубежных стран о

событиях, происходящих в разных территориальных областях нашей страны (Рязань, Ставрополь, Липецк, Челябинск, Ханты-Мансийск, Нижневартовск, Барнаул, Краснодар, Хабаровск, Улан-Удэ, Чита, Благовещенск, Бердянск, Кемерово) и соседних государств (активно освещается православная жизнь Белоруссии, Украины, Польши и др.). Однако при таком творческом взаимодействии возникает и ряд трудностей. Во-первых, наблюдается различное качество подготовки телематериалов. Это касается как технической части (разное аппаратное оснащение, финансовые возможности), так и творческой (проблемы с видеорядом, сухость подачи материала). Последняя напрямую связана и с относительной ограниченностью информационных поводов. Как правило, епархии православной церкви осуществляют подготовку для телеэфира сюжетов, связанных с богослужениями, праздниками и мероприятиями церковно-общественного значения. В связи с этим сюжеты выходят с однотипным видеорядом и похожей текстовой информацией. На практике большинство епархий не имеет возможности регулярно освещать события, связанные только со своей епархией или приходом, что позволило бы придать смысловую неповторимость и эксклюзивность их материалам. Для этого необходима серьёзная организационная работа, серьёзные финансовые вложения и поиск квалифицированных журналистских кадров. Представляется, что помочь в решении данной проблемы может организация так называемых корпунктов на местах. Первым шагом в этом направлении можно считать открытие телеканалом «Союз» собственных корреспондентских пунктов в Центральном и Северо-Западном федеральном округе. 28 мая 2010 года был осуществлён первый эфир корпункта, находящегося на территории Андреевского монастыря города Москвы. В начале 2011 г. была организована работа второго корпункта, расположенного в помещениях Духовного центра, действующего при Свято-Троицкой Александро-Невской Лавре (г. Санкт-Петербург). Такая работа «на местах» коллектива «Союза» помогает качественно и разносторонне освещать деятельность РПЦ данных регионов. За время их работы в эфире телеканала стало больше новостных сюжетов о событиях православной жизни Москвы и Санкт-Петербурга, увеличился удельный вес

прямых эфиров с московским и петербургским духовенством, подробно освещается и деятельность Святейшего Патриарха.

Тенденции развития телеканала «Союз». Телеканал «Союз» с момента своей организации отличается активное освоение современных трендов развития массмедиа. Один из них – конвергентность¹ средств массовой информации, в данном случае епархиальных. Рассматриваемая телекомпания представляет собой творческую и техническую базу для разноплановой работы сформировавшегося коллектива, адаптирующего несколько программ телеканала «Союз» («Церковный календарь», «Архипастырь», «У книжной полки», «Беседа с гостями в студии», «Беседы с батюшкой») для издания их в текстовом варианте в епархиальной «Православной газете», а также для трансляции в эфире радиостанции «Воскресение». Всё активнее телекомпания заявляет о себе в интернет-пространстве. Современные телекоммуникационные системы позволяют расширить зону своего влияния и увеличить число каналов распространения религиозного контента. Благодаря этому миссионерскую деятельность возможно осуществлять уже и за пределами церковных организаций. В качестве примера приведём официальный сайт телеканала «Союз». В его структуре присутствует не только хроника событий, связанных с телеканалом – от значимых визитов Преосвященства, интервью с авторами телепрограмм, до отчета о закупках технического оборудования для организации съемочного процесса, фотоотчёта о проходящих ремонтных работах. Располагает интернет-сайт и регулярно обновляемым архивом телепрограмм, который предоставляет пользователям глобальной сети возможность «отложенного телепросмотра», многократности воспроизведения. Это значительно повышает эффективность православного медиапродукта, поскольку происходит более целостное донесение информации до аудитории. Для религиозного телевидения это особенно значимо, поскольку

¹ Конвергенция (от лат. converge – приближаюсь, схожусь) – термин, принятый в естественных и общественно-политических науках для обозначения процессов схождения, взаимоуподобления. В медиаэкономике используется для обозначения интеграции информационных и коммуникационных технологических платформ (компьютеров, телевизоров, телефонов), а также передаваемых ими содержательных (информационных) продуктов (Варганова Е. Л. Медиаэкономика зарубежных стран. М.: Аспект Пресс, 2003. С. 286).

ку в отличие от светского на церковном телеканале акцент смещается с видеоряда на звучащее слово, речь, произнесённую в эфире. Зрительный ряд становится уже не столь важным, «картинка» может быть достаточно однообразной, в отличие от аудионаполнения и вербальной плоскости. Содержание речевого акта, звуковой контент христианской веры (колокольный звон, церковная музыка, молитвенное пение) выходит на первый план, приобретая особое индивидуальное значение. Сливаясь воедино, всё это создаёт уникальный по своей значимости телематериал, в основе которого особый нравственный подтекст, глубинный смысл. Поэтому и невозможно использовать православное телевидение как фоновое СМИ, при просмотре и прослушивании программ необходима высокая концентрация внимания.

Какие ещё возможности предоставляет Интернет для конфессионального телевидения? Сами служители церкви открыто призывают епархии для выполнения своей миссионерской задачи использовать возможности популярных в настоящее время социальных сетей, например vkontakte. Созданная сотрудниками телеканала «Союз» группа, расположенная по адресу http://vkontakte.ru/tvsoyuz_ru, насчитывает уже 11 710 участников. Так, компания привлекает внимание молодежи как основной категории пользователей данной сети к духовно-нравственному компоненту православного вещания. Это достаточно нестандартный для церкви способ донести информацию о телеканале, проанонсировать передачи, пообщаться с аудиторией посредством схемы «вопрос-ответ», обсудить и прокомментировать позицию церкви и редакции по тому или иному вопросу. Благодаря этому происходит активное включение зрителей в процесс организации эфира. Сотрудники «Союза» создают соответствующие темы для обсуждения, среди которых «Нововведения на телеканале “Союз”, “Плюсы и минусы в работе канала”» и т. д. Участники группы активно включаются в процесс обсуждения: составляют своеобразный рейтинг любимых православных телепрограмм, предлагают варианты по улучшению выходящих в эфире «Союза» программ; в то же время указывают авторам на фактические, орфографические ошибки в бегущей строке, орфоэпические и иные неточности в речи ведущих. Следует отметить, что авторский коллектив «Союза» реагирует на замечания и оперативно исправляет допущенные ошибки.

Таким образом, участники социальной сети формируют собой своеобразную фокус-группу, которую модераторы могут использовать для различных социологических исследований: определение информационных и тематических предпочтений своих зрителей и отслеживание реакции светской аудитории на транслируемые в эфире «Союза» и размещённые в социальной сети программы.

Проблемы отечественного православного телевидения. Главной тенденцией развития мирового православного телевидения и канала «Союз» в частности, является стремление привлечь к просмотру светского зрителя, посредством чего решается проблема «специфической аудитории» религиозного телевидения. Такой аудиторный охват позволяет корректировать нравственные установки современной светской телеаудитории, влиять на иерархию их духовно-нравственных ценностей. Поэтому «Союз» может претендовать на звание светско-конфессионального телеканала. Но в то же время такая ориентированность влечёт за собой целый ряд проблем. Во-первых, сложность и относительная закрытость религиозной тематики. Тема веры сугубо личная, интимная и даже сакральная. Сегодня в России слишком мало людей, готовых к разговору о вере и церкви. Поэтому религиозное вещание значительно отличается по содержанию от светского. Сама природа телевидения (в особенности светского) публична, демонстративна, внешне экспрессивна, поэтому и отторгает всё, что связано с церковью. Как следствие, православные телепрограммы продолжают быть инородными на светском телевидении. Поэтому телеканалы, религиозные в своей основе, можно расценивать как альтернативу светского телевидения.

Во-вторых, на православном ТВ нет качественной и всесторонней дискуссии о злободневных проблемах церковной жизни. Церковь не готова сегодня обсуждать внутреннее состояние своих дел, и, более того, не многие журналисты предпочитают открыто говорить о проблемах внутрицерковной жизни. Поэтому происходит смещение акцентов: нет упоминания и обсуждения проблем церкви, а в центре внимания оказываются проблемы социальные, которые охотно обсуждают как церковнослужители, так и светские деятели культуры и искусств, науки и других сфер жизни общества. Что, нельзя не отметить, также вызывает интерес аудитории.

Следующей проблемой конфессиональной журналистики, адресованной светской аудитории, является особенность восприятия современным человеком церковно-славянской лексики. Незнание церковной терминологии становится серьёзным препятствием для осознания истинного смысла, содержательного наполнения православных телетекстов. Более того, ряд понятий, используемых церковнослужителями, для современного человека, как правило, является примером семантически противоположного значения. Некоторые слова и выражения воспринимаются с негативной смысловой окраской. Например, общепринятое сочетание «раб Божий» раньше понималось как «работник», «соратник Бога». В настоящее время подобное сокращение слова «работник» приобрело для неосведомленных в вопросах веры уничижительно-оскорбительную окраску. О том, что церковнославянский язык надо сделать понятным для прихожан, ещё в XVIII в. говорил Святитель Феофан Затворник: «наши богослужбные песнопения все назидательны, глубокомысленны и возвышенны. В них вся наука богословская. Между тем большая часть из сих песнопений непонятна совсем. А это лишает наши церковные книги плода, который они могли бы производить». Поэтому в настоящее время при подготовке журналистами материалов религиозной тематики остро встает вопрос адаптации сложной для восприятия современным человеком церковной лексики. Расширение аудиторных границ заставляет авторов отходить от использования трудных для восприятия слов, заменяя их эквивалентами либо из церковнославянского языка, либо из современного русского литературного языка. При этом важно помнить о сохранении единства стиля и формы, а также преемственности традиции богослужбного текста. В то же время православное телевидение выгодно отличается от светского культура речи авторов и выступающих, их манера поведения и общения в телеэфире. Священнослужители – образец эрудированности, грамотности, корректности, уважительного отношения к людям. Это особенно значимо, поскольку уровень общения на ТВ серьёзно влияет на зрительские установки, ведущие программ воспринимаются аудиторией эталонно. Но при этом остаётся важной и невербальная составляющая. Служители церкви, участвующие в телепроизводстве в качестве ведущих или экспертов, по-прежнему скованны и зажаты перед телекамерой, эмо-

ционально скупы. А «картинка» православных программ порой отличается однообразностью и статичностью.

Из проблем, с которыми ещё приходится сталкиваться православному телеканалу «Союз», следует назвать и «кадровый голод». Крайне мало сегодня специалистов в области журналистики, заинтересованных в работе на телеканале подобной направленности. Ввиду отсутствия профессиональных навыков и умений уже работающих на «Союзе» людей в эфире могут наблюдаться серьёзные ошибки. Например, несоблюдение модератором временного регламента дискуссионной программы, как следствие, происходит временной дисбаланс выступлений участвующих в программе людей. Нередко можно наблюдать и открытое перебивание ведущими речи героев, что также является недопустимым. Также в эфире православного телеканала наблюдаются длинноты, связанные как с внушительной продолжительностью программ (даже выпуск новостей занимает час эфирного времени), так и с незнанием журналистской теории и практики, и с особенностями тематики, требующей вдумчивого религиозного общения без спешки и суесть.

Находится православное телевидение сегодня и в затруднительном финансово-экономическом положении. Существовая исключительно на пожертвования зрителей, не привлекая в эфире какие бы то ни было виды рекламы, православный телеканал «Союз» достаточно ограничен в своих творческих и технических возможностях. Однако нельзя не отметить повышение качества производимых программ, связанного, прежде всего, с наработкой опыта телепроизводства, а не с улучшением финансового положения телеканала.

Конечно, все перечисленные недоработки можно объяснить финансовым дефицитом, отсутствием у творческого коллектива профильного образования, специальных знаний и умений. Но всё-таки первопричиной описанных сложностей следует считать уникальность православного телевидения как такового. Отсутствие исторических примеров, ориентиров в области православного телевидения позволяет говорить об автономности и уникальности пути развития каждого православного телеканала. Создавались они все на постсоветском пространстве, когда были утрачены традиции печатной православной журналистики; не сформировались к этому времени в силу объективных причин и

примеры создания религиозного аудиовизуального контента. Поэтому в качестве главных достижений телеканала «Союз» мы видим формирование традиций православной тележурналистики как явления, оформление особого направления журналистской деятельности, поднятие религиозного телевидения на новый качественно высокий уровень, а также стремление распространить основы православия среди мирового сообщества. За 7 лет существования канала был сделан серьёзный прорыв в области

православного телевидения, были заложены основы не только православного телевидения Урала, но и всей страны. Существовая исключительно на пожертвования, «Союз» не только смог обеспечить непрерывное круглосуточное вещание, но и вышел за пределы города, области и Уральского региона, предоставляя созданное на основе православной традиции различное проблемно-тематическое содержание значительной части мирового религиозного и светского телесообщества.

Список литературы

1. Байбаков Д. Задача православного телевидения – помочь человеку обрести Христа. URL : <http://orthodox.etel.ru/2007/11/baibakov.html/> (дата обращения : 16.09.2011).
2. Варганова Е. Л. Медиаэкономика зарубежных стран. М. : Аспект Пресс, 2003. 334 с.
3. Телеканал «Союз» расширил территорию своего вещания. URL : <http://www.patriarchia.ru/db/text/1297056.html/> (дата обращения : 12.10.2011).

Статья поступила в редакцию 4 декабря 2011 г.

УДК 37.016:81
ББК Ч 426.132

С. М. Бабушкин

*доктор педагогических наук, профессор,
Бурятский государственный университет (г. Улан-Удэ, Россия),
e-mail: nsantonova@yandex.ru*

Уровень владения русской речью учащихся старших классов бурятской школы

В статье раскрывается уровень владения русской речью учащимися старших классов бурятской школы. При этом автор основное внимание обращает на объём диалога и монолога нерусских школьников, выполняющих задания на неродном языке. При этом выявлено довольно свободное владение диалогическими и монологическими формами русской речи детьми национальной школы. Вместе с тем при внимательном анализе коммуникативных способностей учащихся, выявляется сравнительно много недочётов в области детской речи бурят на русском языке. Автор считает полезным обучение в интернациональных коллективах, где русские и бурятские дети могли общаться и во внеурочное время. Такие условия для совместного общения детей в полной мере представлены в классах и школах, где совместно учатся дети разных национальностей.

Ключевые слова: монолог, диалог, учащиеся, язык, русский, бурятский.

S. M. Babushkin

*Doctor of Pedagogy, professor,
Buryat State University (Ulan-Ude, Russia),
e-mail: nsantonova@yandex.ru*

Buryat High School Students' Proficiency in the Russian Language

The article examines the level of Buryat high school students' proficiency in the Russian language. The author of the article pays much attention to the number of words used in dialogues and monologues by non-Russian learners performing tasks in their non-mother tongue. The study reveals that children of the ethnic school have a fluent command of dialogue and monologue forms of the Russian speech. However, the detailed analysis of the learners' communicative skills finds out that Buryat children's variant of Russian is characterized by numerous mistakes. The author suggests teaching Russian and Buryat children in international communities where they can freely communicate with each other out of class. Suchlike conditions for collaborative communication of children are presented in classes and schools for children of different nationalities.

Keywords: monologue, dialogue, students, language, Russian, Buryat.

Специалисты отмечают, что «изучение уровня владения русскими школьниками – одна из важных проблем социолого-лингвистического исследования русского языка как средства межнационального общения, так как именно уровень владения является показателем взаимодействия школы, социальной среды, семьи, функционирования русского языка в той или иной республике, результатом взаимодействия контактирующих

русского и родного языка учащихся» [1, с. 31]. В свете этой мысли мы изучали диалогическую устную, монологическую устную и письменную речь учащихся 9–11-х классов и выпускников национальных школ, поступивших в вузы г. Улан-Удэ в первый год их студенческой жизни. Общая оценка такова: закончившие национальную школу по уровню владения русской речью находятся на заметно низкой ступени по сравнению с бурята-

ми, которые обучались в русских школах. Но все выпускники бурятских школ свободно владеют русским языком, могут общаться на этом языке в устной и письменной форме, владеют диалогической и монологической формой, хотя интерферирующее влияние родного языка заметно. Мы согласны с утверждением А. А. Дарбеевой о том, что «III ступень бурятско-русского двуязычия соответствует четвёртой ступени азербайджанско-русского, литовско-русского и эстонско-русского двуязычия» [4, с. 311]. Однако известно, что четвёртая ступень владения русским языком представляет собой уровень, определяемый программой по русскому языку для национальных вузов, но не совершенное владение русским языком. Исследователи двуязычия (А. Н. Баскаков – азербайджанско-русского; В. Ю. Михальченко – литовско-русского; И. А. Селицкая – эстонско-русского) указали на многочисленные нарушения норм русского языка студентами вузов, чья речь оценивается как четвёртая ступень национально-русского двуязычия. А. А. Дарбеева так же далека от мысли идеализировать достижения учащихся 10-х классов бурятских школ в области владения русской речью. Это особенно справедливо, если лингвистику рассматривают «не просто как систему знаков в самой себе и для себя...» [2, с. 14].

Перейдём к более конкретной характеристике русской речи выпускников бурятской школы 1990–2000-х гг. В целом, среди выпускников увеличилось число хорошо говорящих по-русски. Причин много, и среди них главная – дальнейшая интернационализация всех сторон жизни республики. Увеличивается количество населённых пунктов со смешанным по национальному составу населением, и как следствие этого – смешанный состав школьников, что играет важную роль при овладении учениками-бурятами русской речью.

Успехи бурятских школьников в области владения русской речью – это результат целенаправленной работы педагогических коллективов национальных школ по развитию речи, воспитанию уважения и любви к русскому языку. На протяжении 80-летней истории бурятской школы учителя-предметники неустанно прививали учащимся любовь к русскому языку, к русской литературе и русскому народу.

Названные и другие факторы (например, семья) способствуют тому, что отдельные выпускники национальных школ по уровню владения русской речью в диалоге приближаются к тем бурятам, которые все годы обучались в русских классах и для кого русский язык стал функционально первым. Во многих национальных школах есть учащиеся, говорящие почти без акцента, их речь мало отличается от речи их русских

сверстников. В диалогах старшеклассников школ и первокурсников улан-удэнских вузов мы часто не обнаруживали ошибок лексического, фонетического или грамматического характера.

Отметив несомненные успехи бурятской школы в области развития русской речи, обратим основное внимание на имеющиеся недостатки и вытекающие отсюда задачи. Многочисленные сравнения диалогов между учениками и студентами-бурятами национальных групп, с одной стороны, и русскими учащимися и студентами – с другой, позволяют выявить особенности русской речи бурят. Прежде всего – объём диалогов у бурят всё-таки меньше, чем у их русских сверстников. Это замечено не только в диалогах, составленных специально по нашим заданиям, но и в беседах самих учащихся.

Мы старались учесть в ходе эксперимента по изучению диалога следующие требования: а) широкий выбор предлагаемых ситуаций (тем) общения; б) рациональный подбор партнёров по диалогу; в) создание высокого психологического настроя у испытуемых; г) самостоятельность в работе каждой пары учащихся; д) надёжная фиксация речи.

Полученные материалы позволяют говорить о высоком уровне диалога примерно у 20 % учащихся 10–11-х классов бурятских школ. К высокому уровню мы относили такой диалог, в котором есть продуктивная коммуникация, т. е. инициативу в разговоре берут на себя попеременно оба собеседника; нарушения ритма коммуникации отсутствуют; нет длиннот и пауз обдумывания; активно используются синтаксически неразвернутые реплики: иногда может проявляться незначительная лексическая и грамматическая интерференция, допустима также незначительная фонетическая интерференция. Это определение высокого уровня диалога позволяет нам относить к этому уровню и те диалоги, которые не достигли качества разговора русских сверстников. Нами замечено, что в естественной ситуации, когда не было специально организованного наблюдения, выпускники школ довольно свободно разговаривали между собой на русском языке. Это наблюдали на переменах или на внеклассных мероприятиях, а также во внешкольных ситуациях. Школьники или студенты первых курсов свободно общаются с русскими сверстниками. Именно при диалоге с русскими или бурятами, родной язык которых русский, учащиеся национальных классов в полной мере раскрывали свои возможности. В этих ситуациях бурятам приходится прилагать все силы, чтобы полнее выразить свои мысли и быть хорошо понятыми собеседниками.

Но в естественных ситуациях школьники бурятских классов разговаривают между собой по-русски значительно реже, чем на бурятском. В разговоре на русском между собой они часто употребляют бурятские слова и целые выражения. В естественных ситуациях нам доводилось сравнительно редко фиксировать диалог на русском языке между старшеклассниками, не говоря уже о школьниках младших классов. Поэтому мы предлагали десятиклассникам и студентам 1-го курса, окончившим национальные школы, определённые темы и давали 2–5 мин на подготовку основных направлений диалога. Несмотря на такую подготовительную работу, лишь пятая часть опрошенных составила диалог, оцениваемый высшим баллом, который предполагает полное соответствие диалога ситуации (теме); смысловую законченность диалога; использование различных структурно-семантических типов; взаимосвязь и взаимообусловленность реплик-стимулов и реплик-реакций; правильную синтаксическую и интонационную оформленность реплик.

Средним уровнем можно оценивать диалог примерно 35 % учащихся 11 классов и студентов 1 курса, участвовавших в эксперименте. Особенно заметна была здесь частично продуктивная коммуникация, когда инициатива в диалоге принадлежит одному лицу, а второй коммуникант поддерживает его слабо; незначительные нарушения ритма коммуникации также давали нежелательные и необусловленные логикой разговора паузы; наблюдалась грамматическая и фонетическая интерференция.

Мы считаем, что уровень диалогов около 45 % старшеклассников низок. В этой группе немало школьников, которые, чувствуя слабую речевую подготовку, вообще отказывались от участия в эксперименте. А если и соглашались, то их диалог состоял из 6–10 реплик, после чего они прекращали разговор на выбранную тему.

Вместе с тем мы неоднократно наблюдали, как эти же ученики вполне свободно разговаривают с помощью коротких реплик с русскими учениками и учителями; в необходимых им случаях выпускники вступали в диалог и без подготовки. Но здесь они допускали нарушения в области орфоэпии, грамматики и лексики; были неоправданно длинные паузы, дети затруднялись в точном и полном выражении своих мыслей.

Итак, характеризуя диалогическую речь выпускников бурятских школ, надо сказать, что все они могут вести беседу на русском языке. Но качество диалога нередко оставляет желать лучшего: встречаются частые нарушения ритма коммуникации (паузы), сильная грамматическая, фонетическая и лексическая интерференция; за-

труднения в подборе нужных слов из-за бедности словарного запаса. И, наконец, слабо владеющая диалогом группа, конечно, пассивна в разговоре. Эти ученики спрашивают о самом необходимом, дают краткие ответы на поставленные вопросы. В Бурятии мало средних школ, где педагогический коллектив состоял бы из одних бурят. Поэтому и вне урока общение между учеником-бурятом и русским учителем идёт на русском языке, и оба понимают друг друга в полной мере, несмотря на несовершенство речи ученика.

Если диалогическая речь учащихся-бурят бытует в основном в устной форме и при её фиксации мы испытывали определённые трудности, то монологическую речь мы целенаправленно изучаем более 20 лет в устной и письменной формах. В устной форме она проявляется на каждом уроке в ответах учащихся. В бурятских школах нелингвистические предметы часто преподают учителя, незнающие бурятского языка, и дети на их уроках совершенно не прибегают к помощи родного языка.

На уроках истории, географии, математики и т. д. мы слышим вполне свободную русскую речь. Если встречаются затруднения при ответах, учителя не делают снисхождения из-за того, что ученик отвечал не на родном языке: причину затруднений ищут лишь в слабом знании фактического материала. Так оцениваются ответы не только в 9–11-х, но уже в 5–8-х классах. Учителя считают, что в 1–4-х классах дети должны достаточно хорошо овладеть русским языком, чтобы отвечать по всем предметам на русском языке. В основном бурятская школа этого добивается; уже в 5-м классе ученики-буряты, отвечая даже учителю бурятской национальности, прибегают к родному языку в исключительных случаях. Но всё же это не означает, что ученики не только 5–8-х, но и 9–11-х классов не испытывают затруднений при выражении мыслей на русском языке. Не означает и того, что при затруднениях учащиеся могут прибегнуть к помощи родного языка, наоборот, ставится задача всемерно развивать русскую речь учеников-бурят. Проблема развития русской речи даже в условиях школьного урока стоит достаточно остро. При общем увеличении числа учеников-бурят, обучающихся в смешанных по национальному составу классах и сравнительно хорошо владеющих русским языком, значительным остаётся число учащихся бурятских школ, расположенных в однородных по национальному составу селах. Несмотря на очевидные положительные моменты, нельзя сказать, что их устная речь изменилась коренным образом в лучшую сторону за последние 15–20 лет. Об этом мы говорим на основе сравнения сегодняшних данных с теми,

что выявлены в 60–80-е гг. ведущими методами Бурятии В. Д. Кудрявцевым, И. В. Баранниковым, М. Н. Мангадаевым и другими.

Так, мы неоднократно предлагали студентам 1-го курса БГУ создавать тексты на знакомые темы. На первом курсе отделения русско-бурятской филологии (ОРБФ) Бурятского государственного университета, где учились выпускники бурятских школ не только республики, но и двух округов, было дано задание рассказать о своей школе. Из 25 человек четверо отказались отвечать, пять человек произнесли примерно 70–75 слов и перестали говорить, хотя у них был ещё запас времени, шесть студентов сказали за пять минут всего 75–90 слов, причём их рассказ сопровождался частыми паузами; семь студентов составили рассказ в 90–110 слов, и лишь в ответах троих мы насчитали от 120 до 170 слов. В их рассказах микротем было больше, и они были развёрнутыми. Это общая тенденция, но она не исключает таких случаев, когда в рассказах количество микротем небольшое (4–5), но они достаточно развёрнуты. Анализ устной монологической речи выпускников бурятских школ, поступивших на ОРБФ, свидетельствует о том, что многие из них в достаточной мере не владеют русской устной речью. Тот факт, что из опрошенных 25 человек лишь трое за 5 мин могли сказать от 120 до 170 слов, говорит о том, что в целом в бурятской школе с развитием устной русской речи дела обстоят не совсем нормально. Наши наблюдения в течение 10 лет за выпускниками бурятских школ, поступивших на ОРБФ, показывают, что не более 20–30% первокурсников спонтанно составляют устную монологическую речь, достаточно полно раскрывающую предложенную преподавателем тему.

К абитуриентам, поставившим цель стать учителями-филологами, необходимо предъявлять более высокие требования, особенно к устной русской речи. Нами обследована устная русская речь закончивших бурятскую школу и на других отделениях, факультетах БГУ. В 1995–2011 гг. примерно 100 выпускникам бурятских школ, обучающимся на первых курсах нефилологических факультетов, в сентябре-октябре ежегодно давалось задание рассказать устно в течение 5 мин на знакомую тему: о школе, селе, колхозе и т. д. По русскому языку и литературе они в основном имели оценки «три», «четыре» и очень редко «пять». Из опрошенных около 30 % сумели составить связный рассказ на 5 мин. Если же студент делал во время рассказа паузу, превышающую одну минуту, мы прерывали эксперимент и вызывали следующего. На подготовку им давалось до 10 мин, но без записей на бумагу. Примерно 40 % студентов

первокурсников через 2 мин, за которые успевали сказать 50–70 слов, останавливались (т. е. пауза превышала минуту); остальные 30 % наговорили текст лишь на 3–4 мин из 75–110 слов. Таким образом, примерно 70 % выпускников бурятских школ даже после короткой подготовки не смогли составить полноценного рассказа, что свидетельствует о больших недостатках в развитии устной речи в условиях национальной школы. Кроме того, во всех устных ответах имелись те или иные ошибки орфоэпического, грамматического, стилистического и лексического характера.

В школе они в основном рассказывали по прочитанному, и в этом виде развития речи путём многократных тренировок у них выработались определённые навыки. А вот в составлении собственных устных текстов без предварительного письменного варианта старшеклассники и выпускники бурятских школ испытывают трудности. Здесь они заметно отстают от бурят, обучавшихся в русских школах и даже в параллельных со смешанным по национальному составу классах. Наши наблюдения за студентами ОРБФ показывают, что они очень редко выступают на общефакультетских собраниях. Публичные выступления на русском языке даются им с большим трудом. Из сказанного следует, что перед бурятской национальной школой стоит сложная задача – поднять на качественно новый уровень устную русскую речь учащихся-бурят. И необходимо эту работу начинать с повышения речевой культуры будущих учителей.

Коснёмся письменной русской речи учащихся-бурят. О ней много написано почти всеми исследователями методики преподавания русского языка в бурятской школе [5, с. 56–87].

По данным М. Н. Магадаева [3, с. 116] в середине 50-х гг. ученик 11-го класса бурятской школы писал за 45 мин в среднем 125 слов. Десятиклассники русской школы Бурятии написали за 45 мин в среднем 216 слов. Таким образом, объём сочинения среднего ученика-бурята примерно в два раза меньше, чем пишут выпускники русских школ. Чтобы поднять на более высокую ступень уровень владения русской речью учащихся национальных школ, необходимо улучшить подготовку учителей-языковедов. Желательно, чтобы в старших классах бурятской школы преподавали русский язык и литературу учителя, для которых русский язык являлся бы родным или функционально первым. На уроках нужно более целенаправленно решать проблему развития речи за счёт сокращения теоретического материала. Большую роль в развитии русской речи играют лингвистические дисциплины, так как их преподавание в части бурятских школ

ведётся на русском языке с 1-го класса. Проблема развития русской речи бурят на уроках лингвистических дисциплин мало исследована.

И конечно же, необходимо активнее использовать для развития русской речи детей-бурят все внеурочные и внешкольные факторы. Здесь на первом месте стоят активные мероприятия для детей русских и бурятских классов школ.

В уровне владения русской речью бурятами есть большие различия у учащихся города и деревни. Изучая эту проблему в школах городов и поселков городского типа, мы пришли к выводу, что в данном случае речь надо вести не о бурятско-русском, а русско-бурятском двуязычии, так как функционально первым, в большинстве случаев родным языком, для городских детей бурят является русский. Бурятскому языку учатся или одновременно с русским, или после того, как дети начнут говорить по-русски, чаще всего со второго класса обучения.

Примерно половина бурятского населения проживает в городах и поселках городского типа. В Улан-Удэ все буряты школьного возраста хорошо владеют русским языком, он является для них функционально первым. Около 80 % школьников бурят русский называют родным языком. Одной из причин этого стало то, что в городе отсутствуют детские сады с бурятским языком обучения и воспитания. Дошкольники, посещающие эти учреждения, говорят в основном по-русски. Часть детей одновременно обучается бурятскому языку в семье. Но для немногих городских детей, которые владеют бурятским, этот язык является функционально вторым, на котором они общаются лишь в кругу близких родственников. Нами проведено анкетирование в школах Улан-Удэ с целью выяснения того, сколько учащихся бурят и в какой степени знают бурятский язык, а их знания, умения и навыки по русскому языку проверялись в ходе посещения уроков по разным предметам, так как во всех школах города языком обучения является русский.

По результатам анкет оказалось, что меньшее количество детей знает бурятский язык в Железнодорожном и Советском районах, несколько лучше обстоит дело в Октябрьском

районе. Это, видимо, связано с тем, что в последние десятилетия город растёт в основном за счёт этого района, куда переселяются выходцы из села, и потому владение бурятским распространено несколько шире.

Сравнение уровня владения устной и письменной русской речью детей-бурят и детей русской национальности в Улан-Удэ, в школах городов Гусиноозерск, Кяхта, Бабушкин, Северобайкальск и посёлков Каменск, Селенгинск, Усть-Баргузин и др. не дало заметных различий. Здесь нет национальных школ и классов, буряты и русские учатся вместе по программам русских школ, поэтому буряты за короткое время овладевают русским языком в той же мере, что и русские. К тому же в названных городах и посёлках из-за отсутствия дошкольных учреждений на бурятском языке родным языком большинства детей стал русский язык. Молодых родителей, многие из которых сами не знают бурятского языка, вполне удовлетворяет такое положение, но люди старшего возраста призывают к тому, чтобы дети всё-таки в домашних условиях овладевали бурятским языком, что не всегда реализуется.

Анкетирование, проведённое в 2006 г. в школе № 51 Железнодорожного района города Улан-Удэ, где в 1983–1984 учебном году первыми в городе начали обучение бурятскому языку учеников начальных классов, за истекшие 20 с лишним лет не дали заметные положительные результаты.

В четвёртых-десятых классах этой школы учатся более 600 чел., из них 139 бурят. Такое соотношение характерно и в целом для всего населения республики: буряты примерно составляют одну четвертую часть от всех жителей, по переписи 2002 г. Если в республике по переписи 1989 г. бурятским владели более 80 % населения, то в школе № 51 бурятским владеет чуть более 20 %.

Таким образом, идёт неуклонное снижение в городах и поселках числа бурят, знающих язык своей нации; а в деревне сохраняется другая проблема – лучше обучать детей-бурят русскому языку.

Список литературы

1. Изучение функционирования русского языка и уровня владения русской речью учащихся союзных республик : метод. реком. / Г. В. Кузьмина [и др.]. М. : АПН СССР, 1986.
2. Кашкин В. Б. Основы теории коммуникации. М. : Восток-Запад. Изд. 3, доп. и перераб. 247 с.
3. Мангадаев М. Н. Основы методики развития русской речи учащихся IV–VIII классов бурятской школы. Улан-Удэ, 1983. С. 84.
4. Развитие национально-русского двуязычия. М., 1976. 386 с.
5. Сажинов Ж. С. Методика преподавания русского языка в V–IX классах бурятской школы. Улан-Удэ, 1990. 208 с.

Статья поступила в редакцию 28 ноября 2011 г.

УДК 378.001.
ББК 74.04

М. Г. Балыхин

*кандидат экономических наук,
Московский государственный университет технологий и дизайна
(г. Москва, Россия), e-mail: balykhinatm@mail.ru.*

Подготовка бакалавров-магистров в системе непрерывного профессионального образования как социально-историческая и педагогическая проблема

В статье рассматривается система, содержание, формы непрерывного профессионального образования России на ступенях бакалавриат – магистратура в контексте общемирового и исторического опыта. Делается вывод о том, что двухступенчатая модель раскрывает большие возможности междисциплинарной и разным видам профессиональной подготовки. Автор показывает, что двухступенчатая модель раскрывает большие возможности междисциплинарной (на стыке дисциплин и наук) подготовки, и это даёт возможность эффективно комбинировать на уровне бакалавриата – магистратуры разные виды профессиональной подготовки. Создание двухступенчатой модели в российском образовании сопровождается введением целого ряда новшеств в практику преподавания на всех направлениях.

Ключевые слова: непрерывное профессиональное образование, бакалавриат, магистратура, принципы, организационные формы, содержание непрерывного образования.

M. G. Balykhin

*Candidate of Economics,
Moscow State University of Technologies and Design (Moscow, Russia),
e-mail: balykhinatm@mail.ru.*

The Bachelor-Master System of Continuing Vocational Training as a Socio-historical and Pedagogical Problem

The article deals with the system, content and forms of Russian continuing vocational training leading to a Bachelor's or Master's degree in the context of world historical experience. The author of the article concludes that the two-stage education system offers great opportunities for interdisciplinary and other kinds of professional (vocational) training, opportunities for effective combination of various kinds of vocational training at the level of the Bachelor-Master System. Creating a two-stage model of the Russian education is accompanied by the introduction of a number of innovations in teaching practice in all areas.

Keywords: continuing vocational training, bachelor's degree, master's degree, principles, organizational forms, content of continuing education.

Системообразующие факторы непрерывного профессионального образования. На уровне целеполагания – это постоянное профессионально-творческое обновление, развитие и совершенствование специалиста как личности. Тем не менее, понятие непрерывности образования не соотносится только с субъектом и отнюдь не означает, что специалист учится постоянно, без длинных перерывов во времени. Понятие «непрерывность» связывается нами с образовательными процессами, которые обладают признаками преемственности, и с организационной структурой высшего профессионального образования, представляющей собой взаимосвязь ряда образовательных ступеней, создающих в совокупности пространство

образовательных программ и услуг. Только в такой совокупности непрерывность образования обеспечивает возможность многомерного движения личности в конкретном профессиональном поле. Системообразующим фактором непрерывного профессионального образования выступает, несомненно, его целостность, под которой нами понимается не механическое приращение элементов, а глубокая интеграция всех подсистем, уровней, структур и образовательных процессов.

Не всегда и не всеми признавалась необходимость непрерывности образования: до сих пор имеют место рассуждения об образовании на всю жизнь, о «конечности» профессионального образования, т. е. такой его организации,

при которой знания и умения, полученные в высшей школе, сохраняют свою ценность на протяжении всей жизни. Современные условия развития общества отмечают эти догматические суждения. Непрерывность образования – это аксиома, но главное, что связывается эта аксиома не столько с организационными формами, сколько с содержанием профессионального образования.

Непрерывное образование строится, как и любая система, соотносясь с рядом основополагающих принципов, детально очерченных А. М. Новиковым в исследовании «Профессиональное образование в России: перспективы развития».

Так, **принцип многоуровневости** предполагает наличие ряда уровней и ступеней профессионального образования: бакалавриат – магистратура – аспирантура – курсы (факультеты) повышения квалификации.

Принцип дополнительности (взаимодополнительности) касается точек соприкосновения базового, повышенного и последиplomного профессионального образования. Как бы хорошо ни была организована подготовка будущего специалиста, он начинает себя в профессии только как потенциальный специалист; требуются специальные программы, которые бы учитывали практические, производственные нужды в процессе его подготовки в стенах высшей школы и брали на себя миссию доучивания, адаптации начинающего работника (эта проблема решается через создание школ – начинающего учёного, молодого специалиста, молодого методиста, начинающего лектора и т. д.).

Высокая мотивированность таких программ зависит обычно от учёта потребностей будущих специалистов и от согласованности подобных программ поддержки с программами университетского образования. К примеру, в зарубежном опыте сложилась самостоятельная концепция **менторинга** (наставничества), исследующая и воплощающая в практику проблему адаптации человека в профессии.

Принцип мобильности (маневренности) подразумевает получение новых знаний, новой информации о профессиональных технологиях в быстроменяющихся социально-экономических условиях. Он также связан с уточнением специалистом своего профессионального выбора.

Принцип преемственности означает, что «выход» из одной образовательной программы должен «состыковываться» с «входом» в последующую. Такое согласование разумнее обеспе-

чить через стандартизацию профессиональных образовательных программ путём выявления единых целей всей системы непрерывного профессионального образования и частных задач отдельных его звеньев.

Принцип интеграции, с одной стороны, связан с созданием единого профессионального образовательного пространства, согласованного через стандарты, программы профессиональной подготовки специалистов конкретного направления. С другой – тенденция к усложнению характера деятельности современного специалиста ставит проблему: а) синтеза знаний, получаемых на разных этапах обучения; б) выделения системы ближайших, ближних и дальних профессиональных целей и в) их распределения между разными уровнями профессионального образования. В-третьих, принцип интеграции означает необходимость создания базовых структур постдипломной подготовки, предназначенных для специализации и повышения квалификации в профессии.

Двухступенчатая модель обучения «бакалавриат – магистратура»: исторический контекст. Содержание высшего образования впервые чётко оформилось в период античности. Уже в государствах Древнего Востока, т. е. в раннеклассовом обществе, велось особое обучение для лиц, готовящих себя к деятельности на высших ступенях социальной иерархии.

Платоном впервые выделяются разные ступени обучения – элементарная, средняя, высшая. Древнегреческий идеал образования признавал достойными только предметы, способствующие духовному совершенствованию человека. В связи с этим основой обучения был признан канон «круга знаний», или «энциклопедий», позже в Древнем Риме получивший название семи искусств. После овладения этим каноном остальное обучение сосредотачивалось на специальной подготовке по философии (мнение Платона), по риторике (мнение Сократа), на выработке ориентаций по предметам и выработке способностей к самостоятельному суждению (мнение Аристотеля).

Важнейшим этапом в формировании образовательных ступеней стало возникновение первых университетов как корпораций учёных нескольких специальностей и школяров, избравших для будущей профессиональной деятельности богословский, медицинский или юридический факультет. Средневековые университеты унаследовали организацию обучения, сложившуюся ещё во времена античности,

когда прообразом высших учебных заведений были философские школы, преподавание в которых ориентировалось на осмысление известной совокупности теоретических знаний, а формой занятий были лекции (чтение книг определённого автора и их комментариев с целью усвоения скрытого смысла), квестии (разновидность лекции – публичное изложение через рассмотрение вариантов ответов на поставленный вопрос), беседа и диспут, нацеленные на развитие самостоятельного мышления.

Университеты оценивались высоко. Их называли «Рекой, питающей мир», «Хранителем ключей от Христианства», «Старшей дочерью короля». Метафоры делали своё дело, умножая значение университетов в средневековой культуре и системе ступенчатого образования. Университеты желали происходить от легендарных королей, утверждали, что Парижский университет основал Карл Великий, Кембриджский – король Артур, Оксфордский – Альфред Великий.

Среди студентов в средневековом университете можно было встретить как подростков, так и убелённых сединами старцев. Обучение чаще начиналось с 15 лет. На теологическом факультете, где обучение длилось от 1–2 до 15 лет, последовательно обретались степени «курсора» (бакалавра-репетитора), «библикуса» (комментирующего Библию), сентенциария (допущенного преподавать по книге «сентенции» Петра Ломбардского, в которой согласовывались мнения авторитетов по спорным вопросам богословия), бакалавра формата (участвующего во всех диспутах), лиценциата (обладателя права преподавать повсюду) и, наконец, степень доктора богословия, означавшая наивысшую компетентность.

Принципы и формы преподавания во многих университетах Западной Европы были схожи. Утром читались курсорные лекции: преподаватель зачитывал текст книги, затем выделял основную проблему и разбивал её на подвопросы. На вечерних лекциях другие преподаватели растолковывали, повторяли утреннюю тему, либо останавливались на специальных вопросах. Умение выделять вопросы (*questio*) считалось важнейшим. Ежедневно проводились ординарные диспуты. Событием, привлекавшим много публики, были диспуты – кводлибеты (спор о чём угодно, в том числе о злободневных политических вопросах).

Очень торжественно проходило присвоение степени бакалавра (детерминация). К примеру,

в Пражском университете кандидату, одетому в студенческий плащ и сидящему среди студентов, его наставник-промотор предлагал сюжет для толкования – софизм. Отвечать по заранее сделанным записям запрещалось. После правильных ответов студенту выдавалась одежда бакалавра (у каждого факультета была одежда особой формы и цвета). Переодевшись, он занимал место среди бакалавров, затем снова демонстрировал свои знания и определял квестию. Затем выслушивалась оценочная речь промотора об учебных успехах и качествах бакалавра. Для получения более высоких степеней кандидату нужно было вести многочасовые диспуты, давать пробные уроки, читать лекции-проповеди (это была процедура нескольких дней) [см.: «От глиняной таблички – к университету»].

Важнейшими этапами в развитии высшего образования стали: в XVII в. – научный подъём, приведший к созданию классической науки нового времени; в XVIII в. – усиление практических начал в содержании образования, влияние идей В. Гумбольдта на факультетскую организацию образования, на связь науки и практики: возрождение интереса к классическому образованию; в XIX в. – интерес к естественной проблематике и к этическим, социальным аспектам образования (это нашло отражение в иерархии факультетов, ведущее место среди них стал занимать философский, где изучались и исследовались проблемы многих гуманитарных наук).

Двухступенчатая модель обучения «бакалавриат – магистратура»: современное содержание и особенности. Во многих вузах России с начала 90-х гг. началась структурная перестройка, предусматривающая введение многоуровневой системы высшего профессионального образования. Первый уровень (4 года обучения) обеспечивает базовое высшее образование и заканчивается присвоением степени бакалавра по направлению подготовки.

Бакалавр (от лат. *baccalaureus*, первоначально *bacca laureatus*, *увенчанный лаврою*) – преподаватель православной духовной семинарии (Этимологический словарь русского языка М. Фасмера). В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля [т.1] бакалавр – это человек, получивший бакалаврство, т. е. первую учёную степень в иноземных университетах; в наших духовных академиях – адъюнкт-профессор.

Второй уровень продолжительностью 1,5–2 года обучения – в зависимости от

специальности – обеспечивает профессиональную подготовку к конкретной специальности и заканчивается присвоением степени магистра. Третий и четвёртый уровень высшего профессионального образования продолжительностью соответственно 3 и 2 года обеспечивает научно-педагогическую и научно-исследовательскую подготовку и завершается выполнением и защитой диссертационной работы с присуждением степени кандидата или доктора наук.

Значительное влияние на перестройку структуры и направления деятельности российских вузов, с одной стороны, оказала американская модель университетского образования, сложившаяся ко второй половине XIX в. (такое влияние является свидетельством движения национальных образовательных систем к универсализации и интеграции).

Основную часть общеобразовательной, общенаучной подготовки студенты США получают в академических колледжах, университетах – с преимущественно теоретическим обучением в течение 3–5 лет. По окончании академического колледжа студенты обретают первую учёную степень бакалавра, которая даёт право на занятие профессиональной деятельностью и на дальнейшее обучение в университетах до получения степеней магистра и доктора. Если же профиль обучения в вузе носит не собственно научный, а практический характер, то по окончании второй ступени выдаётся диплом по специализации.

В Великобритании в самостоятельных отраслевых колледжах срок обучения составляет 3–4 года. После этого выпускник должен отработать определённое время (около двух лет) по избранной специальности и пройти аттестацию в профессиональном обществе. Подготовка к соисканию учёных степеней (магистра) осуществляется в системе последующего двухгодичного образования.

Во Франции распространена образовательная система, сочетающая университеты и специализированные вузы, среди которых выделяется группа высших школ. В вузы принимаются выпускники общеобразовательных средних школ, имеющие диплом бакалавра. Курс обучения в вузе составляет 4–6 лет, делится на три цикла: подготовительный (до двух лет), общий (с зачислением по конкурсу, обучение длится 3–4 года и заканчивается присуждением учёной степени лицензиата и получением сертификата и государственного диплома «общих научных

знаний») и специализированный цикл, который длится 1–2 года и заканчивается итоговым экзаменом и получением диплома высшего научного образования. Последний даёт право на продолжение образования до получения в дальнейшем диплома «углублённых знаний по определённой специальности», а также степени доктора по специальности.

Уровень бакалавра в российском вузе предполагает усвоение обязательного минимума фундаментальных и общепрофессиональных дисциплин, наличие знаний по естественнонаучным, гуманитарным и общепрофессиональным дисциплинам, а также предусматривает стадию специализации, ориентированную на обучение начальным исследовательским навыкам [4, с. 13–29].

Программа же специализированной подготовки магистра имеет две примерно равные по объёму составляющие: образовательную и исследовательскую. Образовательная часть программы включает – в зависимости от направления – дополнительное изучение дисциплин, ориентированных на углублённое понимание профессиональных проблем, изучение исторических и философских аспектов определённой области знаний, объединённых в циклы дисциплин направления, и специальных дисциплин. Содержание научно-исследовательской части магистерской подготовки определяется индивидуальным планом работы студента.

Отличие магистерской подготовки от подготовки бакалаврской обнаруживается в методах обучения, в интенсивности учебного процесса, в необходимости применять полученные знания и умения к решению конкретных научных проблем, когда творческие умения и навыки становятся преобладающими.

Интересным и новаторским в программах подготовки магистров можно считать предложение о создании междисциплинарной коммуникативной среды, о расширении междисциплинарного образовательного пространства. Такой подход требует развития новых форм организации учебного процесса, совершенствования механизмов взаимодействия различных кафедр и факультетов. Это, в свою очередь, отражает особенности развития российской и мировой науки, образования, техники, культуры и позволяет следовать национальной образовательной традиции, предпочитающей глубокое научное знание, которое (знание) сочетает в себе фунда-

ментальность с высоким уровнем квалифицированных навыков и умений в конкретной области профессиональной деятельности.

Создание двухступенчатой модели в российском образовании сопровождается введением целого ряда новшеств в практику преподавания на всех направлениях. К ним можно отнести:

- использование методов активного обучения;
- повышение интенсивности изучения базовых и специальных дисциплин;
- чтение альтернативных курсов по одним и тем же дисциплинам (завершающий год обучения в бакалавриате и в период магистерской подготовки);

– введение курсов по выбору (III–IV годы обучения);

– введение промежуточного контроля знаний и умений;

– организацию дополнительных образовательных программ за пределами учебного плана;

– введение в значительных объёмах научно-педагогических и научно-исследовательских практик и др.

Двухступенчатая модель раскрывает большие возможности междисциплинарной (на стыке дисциплин и наук) подготовки, даёт возможность эффективно комбинировать на уровне бакалавриата – магистратуры разные виды профессиональной подготовки.

Список литературы

1. Балыхин М. Г. Стратегические и образовательные ориентиры России на международном рынке образовательных услуг // Вестник Российской экономической академии им. Г. В. Плеханова. 2009. № 2 (26). С. 9–13.
2. Балыхина Т. М. Структура и содержание российского филологического образования. Методологические проблемы обучения русскому языку: науч. изд. М. : Изд-во МГУП, 2010. 400 с.
3. От глиняной таблички к университету. Образовательные системы Востока и Запада в эпоху Древности и Средневековья : учеб. пособие для вузов по направлениям «Культурология» и «Педагогика» / под общ. ред. Т. Н. Матулис. М. : Изд-во РУДН, 1998. 531 с.
4. Сенашенко В. С. Состояние и перспективы развития магистратуры в России // Российская магистратура на рубеже веков. М. : Изд-во РУДН, 1999. С. 13–29.

Статья поступила в редакцию 16 ноября 2011 г.

УДК 482
ББК Ш 141.2–96

Т. М. Бальхина

*доктор педагогических наук, профессор, академик МАНПО,
Российский университет дружбы народов (г. Москва, Россия),
e-mail: balykhinatm@mail.ru*

Профессионально-риторическая компетенция преподавателя РКИ: дискурс-анализ с позиций инноваций в университетском образовании

В статье рассматриваются основные стратегии и тактики педагогического взаимодействия, особенности лингводидактического дискурса в контексте современных требований к преподавателю высшей школы, обучающих русскому языку как языку, на котором иностранец получает образование и будущую специальность. Автор показывает в статье, как в процессе овладения русским языком динамика формирования опыта предопределяется общими установками, способами воздействия на учащегося личности преподавателя. На личностном уровне взаимодействия реализуется нравственный потенциал общения, учебная информация перестаёт быть просто тем или иным научным фактом – она одухотворяется личностными, мировоззренческими установками педагога, ориентирована на понимание, на содержательную и эмоциональную обратную связь. Учащийся открыт для педагогического воздействия, поскольку он как личность реализует себя в коллективе. Общение – это такая практическая деятельность, в которой находит проявление познавательная активность учащегося по отношению к предметным знаниям и по отношению к участникам общения – преподавателю и ученикам.

Ключевые слова: профессионально-риторическая компетенция преподавателя высшей школы, методика обучения русскому языку как иностранному, лингводидактический дискурс.

T. M. Balykhina

*Doctor of Pedagogy, professor, IASPE academician,
Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russia),
e-mail: balykhinatm@mail.ru*

Professional and Rhetorical Competence of a Teacher of Russian as a Foreign Language: a Discourse Analysis in Terms of Innovations in University Education

The paper considers basic strategies and tactics for pedagogical interaction and specific features of a linguodidactic discourse in terms of modern requirements to teachers working in higher education and teaching Russian as a language in which foreign students get their education and future qualifications. The author emphasizes that in the process of mastering the Russian language, the dynamics of experience formation is predetermined by general instructions and the ways of influencing a student by the teacher's personality. At the level of personal interaction, communicants realize the moral component of communication; educational information ceases to be just a scientific fact but acquires some personal and world view attitudes of the teacher, focuses on understanding, content and emotional feedback. The student is open to pedagogical influence since he/she realizes himself/ herself in the group. Communication is a practical activity by means of which students demonstrate their cognitive activity regarding subject knowledge and the participants of the dialogue – the teacher and the pupils.

Keywords: university teacher's professional and rhetorical competence, methods of teaching Russian as a foreign language, linguodidactic discourse.

По словам Д. Хаймса (1972), одного из первых применившего дискурс-аналитический подход к исследованию педагогической речи, прогресс в изучении лингводидактического дискурса – это прогресс лингвистической теории в целом. Самой простой для анализа ситуацией педагогического общения считают такую, при которой педагог на уроке «учит», осуществляя максимальный контроль за организацией и ходом педагогического дискурса.

При исследовании лингводидактического дискурса (в дальнейшем – ЛДД) мы старались как можно полнее учесть все контекстно-ситуативные факторы педагогического общения.

Основными понятиями ЛДД являются, на наш взгляд, те же концепты, что и в общей теории дискурс-анализа: речевой акт, речевая ситуация, речевое событие, стратегия, тактика и пр.

Максимальной единицей ЛДД следует считать дискурс урока. **Основная единица** ЛДД – так называемый «цикл» – законченная последовательность чередующихся речевых шагов учащегося и педагога, организующая их взаимодействие в процессе совместной учебно-речевой деятельности.

Надеемся, что на основе такого рода описаний речевого поведения могут быть разработаны пути его оптимизации, созданы научно обо-

снованные рекомендации, которые очерчивают круг профессионально-риторической компетенции педагога – преподавателя русского языка как иностранного.

Рассмотрим подробнее некоторые теоретические вопросы основополагающего для нашей работы понятия «дискурса». Известно, что введение понятия **дискурса** явилось реакцией на изучение атомарного синтаксиса изолированного предложения внутри связного текста в генеративной грамматике. В анализе дискурса выделяется два подхода, понимаемых как оппозиция статики и динамики, процесса и его результата, – формальный и функциональный (справедливо отметить, что, являясь крайними точками на шкале различных пониманий языка, они (подходы) редко используются в чистом виде). Формальный подход к дискурсу проявляется там, где исследователи максимально абстрагируются от социально-культурологического контекста, от ситуации и жанра высказывания [3, с. 307]. Функциональный подход соотносит категорию дискурса с коммуникацией, общением, позволяет изучать реальные типы своеобразных высказываний, где отражена сложная иерархия различных категорий, необходимых как для его (дискурса) порождения, так и восприятия.

Исследование дискурса в цикле дисциплин антропологической парадигмы и интеграция этого понятия в метаязык социологии, этнолингвистики, психологии позволяет обозначить следующие его черты:

– дискурс есть социальный феномен, в основе которого лежат этические ценности (мнение Дж. Вико, М. М. Бахтина);

– дискурс представляет собой особый, ограниченный фрагмент ментального мира, его определяет личность говорящего, речевая ситуация, особенности социальной группы, национальная культура (Ю. С. Степанов, Н. Д. Арутюнова, Е. С. Кубрякова, В. Н. Телия);

– дискурс рассматривается как взаимодействие (интеракция) между говорящим и слушающим, то есть как диалог, интерпретация которого выходит далеко за рамки буквального понимания высказывания (А. А. Мейер, М. Бубер, М. М. Бахтин);

– дискурс полифункционален, пронизан иерархическими функциями, но нередко в общении доминирует одна, наиболее актуальная в данном речевом контексте.

Среди наиболее значимых функций отмечается **иллокутивная**. Она «нацелена» на внутренние «последствия» речевого акта. В зависимости от социальной цели – установление речевого контакта предполагает реализацию одного или нескольких типов иллокутивных функций: конкуренции (пересказ, вопрос, просьба); совпадения (приглаше-

ние, благодарность, приветствие); сотрудничества (сообщение, объявление, инструкция); конфликта (угроза, обвинение, упрёк) [4, с. 407].

Прагматическая функция характеризуется стремлением говорящего ясно выразить цель высказывания, а также направлять, контролировать и соотносить деятельность людей между собой в контексте реальной ситуации [6].

Фатическая функция (термин Б. Малиновского) служит средством для установления контакта между собеседниками и не содержит, как например прагматическая, ясно выраженной цели или «руководства к действию».

Межличностная функция позволяет устанавливать и поддерживать социальные отношения; с её помощью выделяются социальные группы, а индивид идентифицируется и утверждается в своём статусе [5].

Перлокутивная функция ориентирована на выяснение «последствий» речевого акта. Если иллокутивная функция реализуется посредством структурирования элементов содержания в тексте, то перлокутивная – реализуется как отношения между текстом и речевой ситуацией [8, с. 104].

Символическая функция, по Леви-Стросу, воздействует на индивидуальный выбор образов, который «возник в результате личной внутренней истории индивида. Этот репертуар образов отличает данного индивида от всех остальных» [6].

Оценочная функция помогает понять не только замысел говорящего с точки зрения содержания, авторского мнения и намерения, но также оценить направленность этого замысла, его полезность [6].

Экспрессивная функция, по В. Н. Телия, отражает отношение «субъекта речи к элементам внешнего или внутреннего мира человека, вызываемого в нём при их обозначении, (...) субъективная модальность как бы наслаивается на объективное содержание языковых единиц» [7, с. 308].

Поскольку в процессе лингводидактического учебно-научного общения преподаватель РКИ не столько передаёт информацию, сколько стремится сделать свои намерения понятными для учащихся, мотивировать и стимулировать их речевую деятельность, постольку в речи преподавателя русского языка может быть задействовано одновременно несколько функций дискурса (синкретизм функций) при доминирующей роли, как правило, прагматически-утилитарной.

Преподавателю РКИ важно овладеть умением выстраивать лингводидактический дискурс, ориентируясь на его доминирующую функцию. Вместе с тем речевая деятельность преподавателя призвана строиться таким образом, чтобы

иностраный учащийся смог постичь сложный и тонкий сплав функций – «ауру» лингводидактического дискурса, которая сопровождает общение, в том числе педагогическое, в конкретной национальной образовательной культуре.

Лингводидактический дискурс диалогичен по своей природе, он мультиканален, обладает многокодовостью. Интеракция между говорящим (преподавателем) и слушающим (учащимся) может быть явной, открытой и латентной, скрытой, предполагающей вторичную интерпретацию высказывания. В задачу преподавателя-русиста – особенно при работе на начальных этапах обучения – входит умение подстроиться к «узусу» адресата речи с целью устранения возможных коммуникативных, вербальных помех, затрудняющих общение. Это так называемое прагматическое «усреднение» речи.

Лингводидактический дискурс направлен (с позиции преподавателя РКИ) на усиление открытой интеракции, то есть на активизацию коммуникативного участия адресата – учащегося.

Педагог осуществляет свою речевую деятельность так, чтобы трансформировать однонаправленный поток информации на адекватное её восприятие учащимися, при этом участники лингводидактического дискурса (преподаватель – учащийся) находятся в «нервных условиях».

Характеризующей чертой лингводидактического дискурса в группах, начинающих изучать русский язык, является **гиперкорректность**, исключающая непринуждённость речи. Напротив, лингводидактический дискурс приобретает «раскрываемость», стремится к усилению импровизационного начала в группах, где обучаются люди, уже владеющие в той или иной степени русским языком.

Вместе с тем активная речевая интеракция в рамках учебного занятия может стать причиной проникновения и даже «вторжения» в лингводидактический дискурс элементов разговорной стихии, порой неуместных в конкретной учебной ситуации или запрещённых образовательной традицией:

– деминутивов (существительных, прилагательных и наречий со сниженной оценочной функцией (*тетрадошка, газетка, звоночек, хошоенький, немножечко* и др.);

– так называемых «слуховых» ошибок (*тэт-на-тэт*, вместо *тэт-а-тэт*; *полюс*, вместо *полис* и др.);

– «сгущения» информации, использования экономных номинативных способов, таких как универбализация и тесно примыкающая к ней деривация (*купите тетради в «Купчихе»* (имеется в виду магазин); *Публичка (библиотека)* и др., в том числе нарушения в склонении сложных числительных);

– усиления экспрессивно окрашенной речи (*Вы меня даже очень сильно огорчили; дико, безумно извиняюсь* и др.).

Это позволяет предположить, что лингвистическая, культурная идентичность преподавателя РКИ, как языковой личности, не может восприниматься и изучаться в статике. Преподаватель на основе опыта критического знания переживает, усваивает новые социально-культурные, лингводидактические реальности, вводит их в свой язык, в свою деятельность.

Лингводидактический дискурс, который творится, в частности, преподавателем-русистом, имеет специфические черты, обусловленные нормами профессионального сообщества, в котором действует преподаватель; в то же время он стремится к динамичности, развитию в широком временном культурно-образовательном пространстве; в определённой степени на его развертывание влияет избранный или избранные преподавателем стиль / стили педагогического взаимодействия.

Стили педагогического общения преподавателя-русиста с учащимися – категория социально и нравственно насыщенная. Она воплощает в себе социально-этические установки общества и педагога как его представителя. В. А. Кан-Каликом и Н. Д. Никандровым выделяются следующие типичные стили педагогического общения, суть которых отражается в их наименованиях: общение совместной увлечённости познавательной деятельностью; общение дружеского расположения; общение с чётко выраженной дистанцией; общение-заигрывание; общение-устрашение. Поясним характерные черты указанных выше стилей общения.

Противоположность **авторитарного и демократического стили общения** – кажущаяся, объединяет их многое. И прежде всего – отсутствие подлинного интереса к учащимся, стремление сократить затраты энергии и времени на установление творческого контакта. Это выбор наименьшего сопротивления, кажущейся возможности быстро добиться результата.

В случае «авторитарного» стили общения результативность, по мнению многих исследователей, вполне вероятна. Отмечено, что стереотип «авторитарного» поведения имеет тенденцию увеличиваться со стажем работы; что часто это стиль преподавателей, хорошо знающих свой предмет, и потому информационно-коммуникативная ущербность такого общения не столь очевидна.

Авторитарный преподаватель работает в расчёте на «усреднённого» студента, не считая нужным учитывать его индивидуальные особенности. Дисциплинарное воздействие на студентов здесь доминирует. Преподаватель

использует разные методы словесного воздействия: утверждение, уточнение, напоминание, ответ, аргумент, разъяснение и т. п. Он использует упрёк, осуждение, насмешку, угрозу, запрет. Естественно, такое общение наносит моральный ущерб личности учащегося. Отклонение от «среднего» поведения воспринимается жёстко: активный студент – «бунтарь», неактивный – «лентяй». У такого преподавателя априори негативные установки. Его оценки студентов крайне субъективны и полярны. Общение со студентами сугубо формальное; беспристрастность переходит в бесстрастность. В некоторых случаях причиной авторитарных действий преподавателя РКИ может оказаться и сочетание наличия слабого контингента студентов с желанием преподавателя добиться результата.

В качестве разновидности авторитарного стиля педагогического общения, рассматривается стиль, обозначенный как **«общение с чётко выраженной дистанцией»**. Смысл данной модели общения заключается в том, что между педагогом и учащимися в качестве невидимого ограничителя во взаимоотношениях выступает **дистанция**, которую педагог устанавливает между собой и группой. Такими ограничителями может служить: подчёркивание педагогом своего превосходства над учащимися; преобладание стремления сообщить информацию, а не обучить; отсутствие желания к сотрудничеству, утверждение ситуации безусловной подчинённости учащихся; снисходительно-покровительственное отношение к обучаемым, мешающее организовать «взрослое» взаимодействие.

В процессе такого общения возникает психологический барьер, который сковывает действия обучаемых, препятствует свободному проявлению их творческого самовыражения. Издержки такого общения очевидны: отсутствует межличностный контакт между педагогом и учащимися, налицо слабая обратная связь, психологический дискомфорт учащегося; как следствие, нелюбовь к предмету, а в воспитательном отношении – воспроизведение ущербных образцов поведения.

Следует отметить, что строгость не является проявлением авторитарного стиля общения. Строгость и сдержанность могут быть личными качествами преподавателя-русиста. И учащиеся охотно выполняют его требования, если чувствуют интерес к совместной работе.

В основе **общения-заигрывания**, при котором преподаватель стремится нравиться, «снятая» между собой и обучаемыми необходимую дистанцию, лежит всё то же равнодушие к учащимся, боязнь душевных затрат. Учащиеся довольно быстро понимают преимущества своего

положения в ситуации, когда нарушена дистанция, необходимая для учебного взаимодействия. В этом случае попытки преподавателя использовать средства других стилей общения становятся бесполезными.

Подлинно демократический характер отношений между преподавателем и обучаемыми складывается в рамках стилей: **общения дружеского расположения, общения совместной увлечённости познавательной деятельностью**. В индивидуальном стиле педагогического общения могут преобладать признаки того или другого, но обязательно взаимодействуя и взаимообогащаясь. Принцип сотворчества – стержнеобразующий принцип этих стилей.

Преподаватель, исповедующий демократический стиль, стремится учесть индивидуальные особенности студентов. Организующее воздействие на студентов доминирует над дисциплинарным. В оценках студентов обнаруживается больше разнообразия (потому и объективности), в контактах – инициативы, стремление уйти от чисто формального общения к личностному. Характеризовать студенческую группу в целом такой преподаватель, как правило, отказывается, поскольку видит в каждом студенте индивидуальность. Установлению демократического стиля способствует инициирование речевой деятельности студентов, а также внеаудиторное общение. Уважение к учащимся проявляется лишь в диалогическом общении с ними.

И стиль дружеской расположенности, и стиль совместной увлечённости познавательной деятельностью эффективен только в том случае, если речевая форма учебного общения будет не только коммуникативно, но и методически целесообразной, выявляющей все достоинства индивидуальной речевой манеры и педагога и учащегося.

Овладение основами профессионально-педагогического общения происходит на индивидуально-творческом уровне. Все компоненты профессионально-педагогического общения своеобразно и неповторимо проявляются в деятельности каждого преподавателя РКИ.

Важнейшей задачей начинающего специалиста является поиск индивидуального стиля общения. Для достижения желаемого результата необходимо, во-первых, изучить свои личные особенности; во-вторых, установить недостатки в личностном общении; в-третьих, работать над преодолением стеснительности, скованности, негативных наслоений в стиле общения; в-четвёртых, овладевать элементами педагогического общения на основе собственных индивидуальных особенностей; в-пятых, овладевать

технологией педагогического общения в соответствии со сложившимся стилем педагогического общения и, наконец, помнить, что реальная педагогическая деятельность общения на занятиях по русскому языку как иностранному предполагает индивидуальный стиль общения.

Наряду с высшими ценностями педагогического общения (принцип гуманизации обучения, повседневное «сотворчество» педагога и учащегося, учение с увлечением) исследователи называют **«уровень необходимости»**: самое бесспорное условие профессии – умение быть объективным, руководствоваться существующими нормативами и коммуникативной целесообразностью любого действия. Между этими двумя полюсами и располагается весь спектр требований к профессии преподавателя РКИ.

Основная коммуникативная стратегия, с помощью которой реализуются эти требования, получила название **стратегии сотрудничества**, сотрудничества заинтересованного, творческого, коммуникативно целесообразного. Эмоциональная атмосфера познавательно-практической деятельности как сотрудничества призвана обеспечить равновесие между личностью и средой, равновесие внутри самой личности (удовлетворение личных потребностей учащегося). Общением обеспечивается взаимосвязь личного и социального. Именно на занятиях по русскому языку как иностранному, в процессе лингводидактического общения учащийся обретает определённый социальный опыт.

Социальный опыт – не синоним опыта жизненного. Это, прежде всего, сумма научного знания, культурных и духовных ценностей. В процессе овладения русским языком динамика формирования опыта предопределяется общими установками, способами воздействия на учащегося личности преподавателя. На личностном уровне взаимодействия реализуется нравственный потенциал общения, учебная информация

перестаёт быть просто тем или иным научным фактом – она одухотворяется личностными, мировоззренческими установками педагога, ориентирована на понимание, на содержательную и эмоциональную обратную связь. И учащийся открыт для педагогического воздействия, поскольку он как личность реализует себя в коллективе. Общение – та практическая деятельность, в которой находит проявление познавательная активность учащегося по отношению к предметным знаниям и по отношению к участникам общения – преподавателю и ученикам.

Атмосфера доверительного общения, когда учащиеся испытывают радость от общения друг с другом и с преподавателем, чувство уважения к себе и потребность в изучении русского языка, зависит от способностей преподавателя, в частности умения:

- стимулировать процесс взаимодействия;
- предупреждать конфликты, создавать в процессе обучения атмосферу доброжелательного отношения между всеми участниками общения;
- правильно прогнозировать содержание и ритм занятия как речевого события;
- адресовать свою речь всей учебной группе и каждому учащемуся в отдельности;
- активизировать группу в целом и каждого учащегося в отдельности;
- реализовывать «равенство» участников общения;
- открыто верить в возможности учащегося («педагогический оптимизм»);
- быть внимательным к речи, к фразе, к тексту, слову. Слово создаёт речевую форму знания, слово – инструмент воздействия;
- быть личностью. Личность учащегося формируется личностным отношением преподавателя и к нему, и к учебному предмету: сила духовного потенциала русского языка предопределяется «самой личностью преподавателя».

Список литературы

1. Бальхина Т. М. Коммуникативный портрет преподавателя-русиста. Профессионально-педагогическая речь как лингводидактический дискурс. М. : Изд-во РУДН, 2006. 238 с.
2. Кан-Калик В. А., Никандров Н. Д. Педагогическое творчество. М. : Педагогика, 1990. 140 с.
3. Кибрик А. А., Плунгян В. А. Функционализм и дискурсивно ориентированные исследования // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. М.: Изд-во МГУ, 1997. С. 307–323.
4. Малеева В. Е. Диалог как основа межкультурной коммуникации: о четырех типах диалога // Актуальные проблемы литературоведения, лингвистики и методики преподавания литературы и русского языка. М. : Изд-во МПГУ, 2003. С. 406–411.
5. Рождественский Ю. В. Лекции по общему языкознанию. М. : Добросвет, 2000. 344 с.
6. Степанов Ю. С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века : сб. ст. М. : Изд-во РГГУ, 1995. 432 с.
7. Телия В. Н. Семантика связанных значений слов и их сочетаемости // Аспекты семантических исследований. М. : Наука, 1980. С. 250–320.
8. Leech G. N. Principles of pragmatics. London, New York, 1983. 250 p.

Статья поступила в редакцию 26 ноября 2011 г.

УДК 372.881.161.1
ББК 74

Т. М. Иванова

*кандидат педагогических наук, доцент,
Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет
им. Н. Г. Чернышевского (г. Чита, Россия),
e-mail: ivanovaTchita@mail.ru*

К вопросу о системном подходе в методике преподавания русского языка как иностранного (на примере русской лексики)

В статье автор пытается рассмотреть роль системного подхода в методике преподавания русского языка как иностранного, где в рамках этой дисциплины понятие система (системность) является одной из базисных категорий и трактуется как совокупность основных компонентов учебного процесса, определяющих отбор учебного материала для занятий, форм и способов его подачи на уроке. Также в статье рассматриваются некоторые проблемы и особенности работы над русской лексикой на занятиях по русскому языку в иностранной аудитории.

Ключевые слова: система, системность, системный подход, учебный процесс, формы, методы, лексика, формирование, русский язык как иностранный.

Т. М. Ivanova

*Candidate of Pedagogy, associate professor,
Zabaikalsky State Humanitarian Pedagogical University
named after N. G. Chernyshevsky (Chita, Russia),
e-mail: ivanovaTchita@mail.ru.*

System Approach to the Methods of Teaching Russian as a Foreign Language (on the Example of the Russian Language Lexis)

The author studies the role of the system approach to the methods of teaching Russian as a foreign language. In this discipline, the term *system* (*systematicity*) is one of the basic categories treated as a set of basic components of the educational process, determining the selection of teaching materials, forms and methods of presenting them in class. The article examines some of the problems and peculiarities of teaching the Russian language lexis to foreign students.

Keywords: system, systematicity, system approach, educational process, forms, methods, lexis, formation, Russian as a foreign language.

В настоящее время совершенствование процесса обучения русскому языку студентов-иностранцев в российских вузах приобретает особую значимость и актуальность, т. к. главной задачей обучения студентов является подготовка к учебно-научному или учебно-профессиональному общению. В рамках мировых интеграционных тенденций в сфере высшего образования произошли изменения во всех взглядах на сущность языкового образования и на его роль в развитии индивидуальности. Изменились взгляды и на иностранный язык как учебную дисциплину. По мнению учёных, иностранный язык – это прежде всего образовательная дисциплина, и необходимо разрабатывать технологии обучения иностранному языку. Интегративные тенденции всё больше находят

отражение в методических концепциях, а интегративные знания – это обобщённые знания из совокупности учебных дисциплин, обладающих общностью понятийного аппарата, образующих целостную систему и имеющих междисциплинарную структуру.

За годы, прошедшие с момента появления первых иностранных учащихся (конец 40 – начало 50-х гг. XX в.) и до сегодняшнего дня, направление «русский язык как иностранный» стало мощной филологической областью науки, важной и богатой областью дидактики. Накопленный опыт описаний и практической работы, включающий преподавание русского языка как иностранного, позволил сформулировать важнейшие положения методики преподавания русского языка в иноязычной аудитории. Русский

язык – ведущая составляющая образования и путь к познанию мира. Как учебный предмет и уникальная культура, русский язык даёт инструменты познания мира и разнообразный опыт: знаниевый опыт, практический, опыт творческой деятельности и опыт эмоционально-ценностных ориентаций. Русский язык, его высокая роль, достаточное владение им является условием самоопределения и самореализации. Как канал общения русский язык продуктивен для личности в любых коммуникативных условиях. Владение русским языком (даже только родным русским и русским как неродным в русской среде) в силу богатства его системы позволяет творчески подойти к тому, что язык интерпретируется как продукт (результат) общения [4, с 13].

Современное обучение русскоязычной речевой деятельности, в том числе обучение русской лексики, строится на принципах дидактики, среди которых важна системность и систематичность, научность, сознательность, творческая активность обучаемых. Система языкового образования – сложноорганизованный объект исследования, который по своей структуре представляет несколько взаимосвязанных и взаимообусловленных относительно автономных подсистем единой языковой макросистемы. Различные «срезы» этого объекта составляют определённую картину целого. К числу наиболее важных «срезов», характеризующих совокупность системы, относятся образовательные процессы по неродным языкам, протекающие на различных этапах обучения в разных видах общеобразовательных учреждений [2, с. 94]. Учебный предмет «русский язык как иностранный» нацеливает студентов не столько на владение суммой знаний о языке, сколько на овладение коммуникативной деятельностью на русском (иностранном) языке, поэтому для него особенно актуален принцип системности. Системность трактуется как внутренне организованная совокупность различных элементов (единиц) языка, связанных устойчивыми отношениями, свойственными данному языку и определяющими построение речевых высказываний [1, с. 412].

Принцип системности призван обобщить языковые единицы, привести их в порядок, придать им стройность, определить закономерности функционирования языковых единиц различных уровней. Принцип системности реализуется в нескольких направлениях: применительно к объекту усвоения – русскому языку – он смыкается с принципом лингвистической системно-

сти и научности; применительно к построению системы работы предусматривает упорядоченность различных элементов процесса обучения: целей, содержания, приёмов и способов преподавания и обучения; применительно к конкретному языковому материалу – лексическому – определяет его комплексно-коммуникативную организацию, поэтому очевидно, что для современной методики преподавания русского языка необходимо определение методологических основ, среди которых особенно занимает такая категория, как подход. Подход в лингвистике чаще всего трактуется как общая теоретико-практическая позиция, определяющая стратегию и принципы обучения; тактику, методы и приёмы обучения. В качестве основных направлений в филологии определяют: личностно ориентированный, деятельностный, дискурсивный, когнитивно-коммуникативный, системный, текстоцентрический и т. д. Возникновение системного подхода, т. е. метода научного познания, в основе которого лежит рассмотрение объектов как систем, относится к XIX и началу XX в. Создание общей теории систем и разработку системного подхода как способа раскрытия внутренних связей той или иной совокупности явлений связывают с именем американского учёного австрийского происхождения Л. Фон Бергаланфи, который выдвинул и обосновал программу построения общей теории систем, оказавшую влияние на последующее развитие науки в разных областях знаний.

Понятие системы широко используется в смежных с методикой дисциплинах (лингвистике, педагогике, психологии и др.). В области педагогических наук системный подход используется с 60-х гг. XX в. С позиции системного подхода в методике преподавания русского языка принято выделять следующие компоненты системы обучения: подходы к обучению, цели и задачи, содержание, процесс, принципы, методы, средства, организационные формы обучения. В рамках этой дисциплины понятие системы обучения является одной из базисных категорий и трактуется как совокупность основных компонентов учебного процесса, определяющих отбор учебного материала для занятий, форм и способы его подачи на уроке, методы и средства обучения. Система (от греч. *systema* целое, составленное из частей соединение) представляет собой совокупность элементов, которые находятся в определённых отношениях и связях между собой и образуют некую целостность и единство [10, с. 234]. Идея системной орга-

низации языка была развита представителями структурного направления в лингвистике, ставившими перед собой задачу выделения и классификации единиц языка, а также установления общих типов отношений между ними. Одним из первых лингвистов, положивших в основу языка понимание системных отношений между входящими в его состав элементами, был родоначальник структурной лингвистики в Европе, шведский языковед Ф. де Сосюр, который писал: «Язык есть система, элементы которой образуют целое, а значимость одного элемента протекает только из одновременного наличия прочих» [13, с. 123]. Большинство существующих определений языка сводится к его пониманию как системы; служащий целям хранения и обмена информацией, каждый элемент системы языка существует не изолированно и рассматривается исходя из его роли в составе общей языковой системы. Современное представление о системе языка включает ряд взаимосвязанных понятий – уровни языка, единицы языка, парадигматические и синтагматические отношения, форма и функция и т. д. [1, с. 452]. Системное описание русского языка предпринималось неоднократно, где авторы стремились реализовать столь важный для практической работы принцип. Так, еще в 60-е гг. прошлого столетия была создана и до сих пор используется в учебном процессе книга И. М. Пулькиной, Е. Б. Захавы-Некрасовой [8], системно описывающая русскую грамматику со структурно-семантических позиций. С функциональных позиций описан русский язык в книге под общей редакцией Н. А. Метс [9].

Понятие лексика связывается с совокупностью слов русского языка как наименований предметов, явлений, действий, признаков; кроме того, лексикой мы называем определённые пласты словарного состава языка (стилистически нейтральная лексика, книжная лексика и др.). Под лексикой понимается также язык произведений и их авторов (лексика романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» и другие). Лексика русского языка представляет систему взаимосвязанных и взаимообусловленных единиц одного уровня. Однако признание «системности» лексики долгое время встречало ряд возражений. Впервые понятие лексика как система ввёл Г. О. Винокур, он подходил к лексике как к системе, принципиально отличной от других единств языка, обладающих значением [10, с. 11]. А. А. Реформатский, характеризуя словарный состав языка, обращает внимание на то, что лексика, как и любой другой язык

языковой структуры, представляет собой систему [12, с. 131]. Он же отмечает, что именно в лексике установить систему наиболее трудно, потому что если факты грамматики и фонетики (количество падежей в склонении, количество глагольных форм, количество типов предложений и т. п.) ограничены и исчислимы, то «факты» словаря «неисчислимы и крайне пёстры» [там же, с. 139]. Всё это, по его мнению, зависит от того, что лексика – наиболее конкретный сектор языка, «...а чем менее формальна абстракция, тем труднее понять её как систему». Несмотря на это, А. А. Реформатский делает вывод: лексика – это всё же система. Д. Э. Розенталь, рассматривая лексическую систему русского языка, так определил парадигматические отношения – «системные отношения в группах слов, объединяемых общностью признаков; считает, что парадигматические связи слов лежат в основе лексической системы любого языка [11, с. 9]. Таким образом, лексика – сложная система, являющаяся частью общезыковой системы. Основным, наиболее важным показателем системности лексического уровня являются прагматические отношения в разных группах, объединяемых общностью признаков. Разновидностью системных связей является степень лексической сочетаемости слов друг с другом, т. е. отношения синтагматические, оба эти типа системных отношений тесно связаны между собой и образуют в целом сложную лексико-семантическую систему.

Не претендуя охватить всё разнообразие сложившихся в этой области методики задач, рассмотрим некоторые проблемы и особенности работы над русской лексикой, являющейся одной из основ формирования и развития коммуникативно-речевых умений студентов-иностранцев. Основная цель работы над лексикой русского языка как иностранного состоит в формировании лексических навыков, включающих понимание слова и особенностей его сочетаемости в речи, безошибочное использование слова в речи в соответствии с темой и ситуацией общения, умение использовать лексику для осуществления как продуктивной речи (говорения, письма), так и рецептивной (чтения, аудирования); принято разграничивать продуктивные и рецептивные лексические навыки. Под продуктивными понимаются навыки правильного словообразования и словоупотребления в соответствии с ситуациями общения и целями коммуникации. Рецептивные навыки связаны с узнаванием и пониманием лексических единиц в звучащей речи, в тексте.

Обучение любому языку как иностранному имеет свои особенности, отличающие его от обучения родному языку. На начальном этапе обучения, когда только формируется новая языковая личность, возможен подход «от формы к функции». Так, при изучении предложно-падежной системы русского языка первоначально закладываются ключевые значения падежей: именительный падеж как падеж, называющий активного деятеля (субъекта действия), винительный падеж как падеж прямого объекта, дательный падеж в значении адресата действия и т. п. При изучении видовременной системы формируются основные значения настоящего, будущего, прошедшего времени и такие видовые значения, как значение процессуальности, результативности и др. С другой стороны, уже на начальном этапе обучения начинается формирование семантического пространства языка и функционально-семантических категорий, т. е. осуществляется подход «от функции к форме». В системе функциональных средств есть несколько возможностей выразить приблизительно одно и то же значение, например, значение «долженствование» может быть выражено в русском языке следующими средствами: Я должен (Мне надо, необходимо, нужно, следует) это сделать, – поэтому на начальном этапе обучения учащийся должен уметь выразить значение «долженствование» хотя бы одним способом, а на продвинутом этапе овладеть полным набором средств, а также понять, что и как функционирует в речи.

Методика обучения лексике представляет собой обширный раздел методики преподавания русского языка как иностранного. Русская лексика является наиболее открытым и, по существу, беспредельным ярусом языковой системы, лексика русского языка оказывается трудоёмкой для усвоения иностранными студентами. Значительные трудности обусловлены, прежде всего, большим объёмом словарного состава русского языка и его сложной лексико-грамматической организацией. При обучении русскому языку как иностранному необходимо преподавателю учитывать многие факторы: объём человеческой памяти, особенности национальной культуры, интенсивность обучения языку и целевую направленность процесса овладения иностранным языком. Опираясь на данные исследования и практический опыт, методисты создали серию лексических минимумов, в которые (в зависимости от этапа обучения и уровня владения иностранным учащимся русским языком) вклю-

чили необходимое для каждого уровня количество слов: от 760 слов на элементарном уровне, до 12000 слов и более – на высоком (III, IV) уровне владения языком. Одним из принципов поэтапного (уровневого) обучения лексики является концентричность в подаче лексического материала. Группы изучаемых слов могут быть представлены в лексических минимумах. Лексический минимум – это совокупность словарных единиц (слов), которые усваивает учащийся за определённый промежуток времени. Создание лексических минимумов осуществляется путём минимизации лексической системы в учебных целях. На начальном этапе обучения русской лексике важно сформировать в сознании учащихся модель изучаемой языковой системы. На продвинутом этапе обучения приобретаются минимумы, необходимые для формирования умений пользоваться языком – для овладения языком будущей профессии, для делового, разговорного общения и т. д. Создание минимумов может проходить в несколько этапов: отбор слов с ориентацией на изучаемый материал, на отбор слов с ориентацией на тексты учебных пособий, выделение активной (общеупотребительной) лексики, указание на модель слова, на его сочетаемостные возможности. Поскольку слова в языке существуют не изолированно одно от другого и связаны различными отношениями, лексика рассматривается как система лексических единиц. Отсюда в задачи освоения лексики включается не только и не столько запоминание большого количества отдельных слов, сколько их усвоение в системных связях с другими словами и в конкретных значениях. Значение слова является информацией о его содержательной стороне, которой необходимо обладать, чтобы правильно употреблять лексическую единицу в речи и безошибочно узнавать её при восприятии чужой речи.

Увеличение словарного запаса учащихся сопровождается обобщением и систематизацией лексических единиц с учётом их деривационных связей и отношений. В отечественной дериватологии словообразовательное гнездо наряду со словообразовательным типом призвано в качестве основной системообразующей единицы словообразовательного уровня языка. Если общим элементом для всех производных слов того или иного словообразовательного типа является формант, то для другого объединения производных слов – словообразовательных гнёзд – на первый план выступает корневая общность. «Бинарное строение производного

слова формирует два направления в изучении словообразования: аффиксальное и корневое (гнездовое)...» [14]. При корневом подходе на первое место выдвигаются словообразовательные возможности именно этого корня. Словообразовательная структура и значение русских производных слов, неоднородный характер смысловых приращений вызывает у иностранных студентов вполне объяснимые затруднения, поскольку любой дериват в их сознании соотносится прежде всего с семантикой корневой морфемы. В этой связи методически правильным будет презентация производного слова в окружении его «родственников», на фоне словообразовательного гнезда. Здесь важным способом является способ толкования мотивированного слова путём отсылки к слову производящему. Например, при толковании слова *проголосовать* важно сказать *отдать свой голос, а не участвовать в выборах*. В слове *преподаватель* следует подчеркнуть связь с однокоренным словом *дать – человек, дающий знания*. Сложное слово *недоброжелательный* становится простым и понятным студенту-иностранцу при его соотнесении с производящими – *тот, кто не желает добра*. Данный приём значительно облегчит освоение словаря, а также будет способствовать формированию цельного взгляда на язык как систему. Если проследить «прохождение» слова по пути его усвоения, но не снизу вверх, а сверху вниз, т. е. начиная с высшей ступени – свободного употребления слова в речи – и кончая низшей ступенью – первичным знакомством с ним, можно без особого труда увидеть довольно строгую схему методической системы обучения иноязычному слову [5, с. 48]. Условия же эффективного восприятия и использование языкового материала зависят от учёта мотивационных и информационных сторон человеческой деятельности. Для прочного запоминания, для развития навыков словоупотребления нужны новые контексты, поэтому на начальном этапе грамматические конструкции следует наполнять новой лексикой или лексикой известной, но в новом контексте. Необходимо предусмотреть, чтобы слова повторялись не в одной, а во всех наиболее употребительных формах, применялись в разных речевых сферах, в разных темах. Чаше всего лексическая работа соотносится с работой над текстом, и текст считается основным средством обучения и формирования словаря студента-иностранца. При этом до чтения текста организуется работа

над новыми словами, где обязательно обращается внимание на лексическое и грамматическое толкование слова, а далее продолжается закрепление новых слов в составлении словосочетаний, предложений и употреблении этих слов в изучаемом тексте. После чтения текста новые слова активизируются в послетекстовых упражнениях. Как было уже сказано, ведение новой лексики организуется таким способом, чтобы студенты-иностранцы осознали все основные характеристики данного нового слова, чтобы правильно услышали его звуковой состав, наличие «трудных» звуков, ударения, могли также выполнить упражнения, где бы использовались новые слова. Этап закрепления и активизации лексического материала связывается с выработкой навыков и умений быстро и правильно использовать новые слова в речи. Среди лексических упражнений, применяемых на этапе закрепления, возможны: упражнения, вырабатывающие навыки называния предметов; упражнения, закрепляющие знания и формирующие навыки сочетания слов друг с другом; упражнения, вырабатывающие умения понимать и употреблять новую лексику в составе предложений в устной и письменной речи. Важно уделять на занятиях время для обучения умениям пользоваться словарями, опираясь на ассоциации с родным языком. Организуя работу при изучении новой лексики, при закреплении слов, преподавателю необходимо соблюдать принципы системности и систематичности.

Таким образом, организуя работу над лексическим аспектом речевой деятельности, задача преподавателя состоит в том, чтобы не только выбрать наиболее эффективный арсенал способов при работе над русской лексикой, но и организовать их в стройную обучающую систему. В настоящее время не существует исчерпывающего описания русского языка как стройной и продуманной системы выражения всех значений системы, отвечающей требованиям преподавания. Однако на практике большинство методистов прибегает к сочетанию различных подходов. Странники такой методики понимают, что студенты-иностранцы не всегда усваивают те или иные разделы русского языка, что студентам дополнительно нужна большая самоподготовка при изучении неродного языка и создание условий для интерактивного использования языка. Некоторые специалисты полагают, что эту задачу также можно решать и с помощью постоянной тренировки «сверхзаучивания». Воспри-

имчивость студентов-иностранцев к обучению русского языка во многом также зависит и «от их возраста, личностных характеристик, образовательного уровня и т. д.» [7]. Успешность применения системного подхода при изучении лексики русского языка студентами-иностранцами,

наш взгляд, является одним из необходимых подходов в формировании умений правильно и быстро ориентироваться в условиях общения, что является для иностранцев формой и способом получения информации, повышающей мотивацию обучения русскому языку.

Список литературы

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. 688 с.
2. Балыхина Т. М., Игнатъева О. П. Словарь терминов и понятий лингводидактической теории ошибки. М.: Изд-во РУДН, 2006. 121 с.
3. Булыгина Т. В., Крылов С. А. Система языковая // Большой энциклопедический словарь. Языкознание. М. : 1998. 293 с.
4. Дейкина А. Д. Преподавание русского языка в школе и вузе в контексте межкультурной коммуникации: материалы междунар. науч.-практ. конф. М. : МПГУ ; Ярославль : РЕМДЕР, 2010. 516 с.
5. Колесникова А. Ф. Проблемы обучения русской лексике. М. : Рус. яз. 1977. 92 с.
6. Левицкий Ю. А. Общее языкознание: учеб. пособие. Изд. 4-е. М. : ЛИБРОКОМ, 2009. 266 с.
7. Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка. Страсбург, 2001; Русская версия. МГЛУ, 2003. 8 с.
8. Пулькина И. М., Захава-Некрасова Е. Б. Учебник русского языка для студентов-иностранцев. Изд. 6-е. М. : Дрофа, 2003. 608 с.
9. Практическая грамматика русского языка для зарубежных преподавателей-русистов / под ред. Н. А. Метс. М., 1985. 240 с.
10. Покровский М. М. Избранные труды по языкознанию. М., 1959.
11. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов : пособие для учителя. 3-е изд., испр., и доп. М. : Просвещение, 1985. 284 с.
12. Реформатский А. А. Введение в языкознание. 4-е изд. Просвещение. 2001. 536 с.
13. Соломник А. Б. Язык как знаковая система. Изд. 2-е. М. : ЛИБРОКОМ, 2010. 224 с.
14. Ширшов И. А. Теоретические проблемы гнездования. М. : Прометей, 1999. 236 с.
15. Щукин А. Н. Методика преподавания русского языка как иностранного : учеб. пособие для вузов. М. : Высш. шк., 2003. 334 с.

Статья поступила в редакцию 5 декабря 2011 г.

УДК 378.147:233.1
ББК 74.58 + 66.5 (2 Рос)

Н. С. Кузнецова

аспирант, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского; Дальневосточный государственный аграрный университет (г. Благовещенск, Россия), e-mail: kyz1108@yandex.ru

Транскультурное обучение как способ формирования толерантности иностранных студентов, изучающих русский язык

В статье затрагивается проблема транскультурного обучения иностранных студентов. Анализ содержания понятия «транскультура» позволил выделить основные составляющие транскультуры. Выделены общие особенности транскультуры и особенности транскультуры, реализующиеся в мировоззрении индивида, постигающего транскультурную парадигму. В работе определена цель и основной принцип транскультурного образования, а также рассмотрены особенности транскультурного обучения в процессе преподавания русского языка как иностранного. Построение и использование модели транскультурного обучения в практике преподавания русского языка как иностранного позволяет формировать толерантную языковую личность, что является главной задачей транскультурного обучения.

Ключевые слова: транскультура, «чужая» – «своя» культура, транскультурное обучение, толерантность, русский язык как иностранный, языковая личность, межкультурная коммуникация.

N. S. Kuznetsova

graduate student, Zabaikalsky State Humanitarian Pedagogical University named after N. G. Chernyshevsky; Far Eastern State Agrarian University (Blagoveshchensk, Russia), e-mail: kyz1108@yandex.ru

Transcultural Teaching as a Method of Tolerance Formation of Foreign Students Studying the Russian Language

The article deals with the problem of transcultural teaching of foreign students. The content analysis of the concept “transculture” reveals its basic components: general features of transculture and the features realized through the worldview of a person who studies the transcultural paradigm. This article determines the aim and the basic principle of transcultural education and specifies some features of transcultural education in the course of teaching Russian as a foreign language. Constructing and using the model of transcultural teaching of Russian as a foreign language contribute to the creation of a tolerant personality that is the main task of transcultural education.

Keywords: transculture, “foreign” – “own” culture, transcultural teaching, tolerance, Russian as a foreign language, language identity, intercultural communication.

В последнее время в научной литературе широко обсуждаются вопросы, связанные с изменением походов к обучению в вузах, в связи с чем становится актуальным поиск путей становления системы транскультурного обучения иностранных студентов, изучающих русский язык, так как используемые ранее способы передачи знаний перестают удовлетворять современным требованиям, предъявляемым к результатам обучения.

Рассматривая вопросы, касающиеся использования транскультурного обучения, необходимо определиться с содержанием понятия «транскультура». Опираясь на справочную литературу, удалось установить следующее: транс (лат. *trans* – через) – первая часть сложных слов, обозначающая: 1) движение через какое-нибудь пространство (обозначенное второй частью); 2) расположение за какими-нибудь пределами (обозначенными второй частью). Следовательно, с точки зрения лингвистики, транскультура дословно может пониматься, с одной стороны, как некое движение через культуру; с другой стороны, транскультура – это нахождение за

пределами одной культуры. Таким образом, с позиций лингвистики, транскультурное образование можно понимать как образование через культуру, а также образование, выходящее за пределы одной культуры.

В научной литературе понятие транскультура рассматривается намного шире. Особое значение при анализе понятия «транскультура» имеют работы М. Н. Эпштейна. В целом ряде работ этого учёного затрагивается проблема содержания понятия «транскультура». В общих чертах транскультуру можно определить как «область «вне-находимости» по отношению ко всем наличным культурам, свобода каждого человека жить на границах или за границами своей «врожденной» культуры» [6, с. 631]. По мнению М. Н. Эпштейна транскультура – это новый вид искусства, объединяющий все остальные. Расширяя понимание транскультуры, можно считать, что «транскультура – культура, осознающая целостность всех своих дисциплинарных составляющих (научных, художественных, политических, религиозных) и творящая себя сознательно в формах этой

целостности. Интегральное самосознание необходимо культуре, представляющей огромный и всё более разнородный агрегат наук, искусств, традиций, профессий и конфессий. Почему сфера творчества может быть наука или искусство, политика или философия, но не культура как таковая? Транскультура есть культура, творимая не внутри отдельных своих областей, а непосредственно в формах самой культуры, в поле взаимодействия разных её составляющих» [6, с. 627]. Здесь также следует добавить, что транскультура есть творчество в жанре и объёме культуры как целого. Обобщая существующие высказывания относительно транскультуры, можно выделить следующие её особенности:

1. Транскультура – это новая сфера культурного развития за границами сложившихся культур.

2. Транскультура – это иная модель развития культуры, состоящая в том, что возникает свобода от собственной культуры, в которой родился и был воспитан.

Анализируя работы М. Н. Эпштейна, М. В. Тлостановой, Н. С. Кирабаева, А. И. Мальковской, И. А. Ушановой, удалось выявить ряд особенностей транскультуры. Эти особенности должны реализоваться в системе мировоззрения индивида, постигающего транскультурную парадигму.

1. Транскультура выступает как новая структура знания глобального мировидения.

2. Транскультура представляется как динамический институциональный процесс проникновения в «тело» другой культуры.

3. Транскультурация связана со сменой мест обитания и «завоеванием места» в социальном пространстве другого общества [4, с. 3–4].

4. Транскультура связана с культурной глобализацией и, таким образом, с формированием и взаимодействием транскультурных форм жизни и коммуникации, стереотипов, сфер ответственности, представлений групп и индивидов о себе и других [5, с. 63].

5. Транскультурное творчество пользуется палитрой всех культур. Одна и та же реальность по-разному символизируется разными культурами, и элементы той или иной культуры дополнительно расцветаются, многообразно варьируются в пространстве транскультуры [6, с. 632].

6. Концепция транскультуры предполагает открытость и взаимную вовлеченность. Действует принцип интерференции, «рассеивания» символических значений одной культуры в поле других культур [6, с. 629].

7. Транскультурация творит собственное противоречивое пространство социальности и публичности на легитимной и нелегитимной основе [4, с. 4].

Рассматривая транскультуру с позиции её внедрения в образовательный процесс, можно

считать, что цель транскультурного образования – воспитание особого мировоззрения, в рамках которого иная культура, иная традиция, цивилизация рассматриваются не как препятствие, нуждающееся к приведению к общему знаменателю (чаще всего – своему), а как вполне самостоятельный субъект или явление с собственными диспозициями и характеристиками, с которыми надо вступать в диалог, в эгалитарное интеллектуальное и культурное взаимодействие. Основной принцип транскультурной модели образования – не просто увидеть иное и понять, что оно не равно в правах, но и попытаться восстановить эти права, дать ему голос, услышать его, сформировать такой мир, в котором возможно множество миров [3, с. 30].

Процесс обучения иностранных студентов русскому языку как иностранному, построенный на основе транскультурного обучения предполагает не просто передачу материала по фонетике, лексике, грамматике русского языка, а такое введение лингвистического материала, которое способствовало бы не только формированию языковой личности, но и личности толерантной по отношению к «чужой» культуре. Такое видение процесса обучения приводит к тому, что на занятиях по русскому языку как иностранному процесс передачи знаний, нацеленный на формирование языковой личности, строится на основе использования различных элементов, отражающих культуру России. На первом этапе подобное обучение должно привести к формированию толерантности, а впоследствии и к полному принятию культуры другой страны, в данном случае культуры России. Следовательно, если рассматривать транскультуру применительно к системе обучения иностранных студентов, то с этой позиции можно было бы выделить ряд особенностей:

1. Знание «родной» культуры даёт возможность сопоставлять свой опыт с новыми данными о «чужой» культуре. Освоение человеком своей родной культуры осуществляется одновременно как на сознательном, так и бессознательном уровне. В первом случае это происходит через образование и воспитание, а во втором – процесс освоения человеком своей культуры происходит стихийно, под влиянием различных житейских ситуаций и обстоятельств. Освоение «чужой» культуры происходит преимущественно на сознательном уровне [1, с. 253]. Погружение студентов-иностранцев в культуру России и Китая на занятиях по русскому языку как иностранному позволяет иностранным студентам толерантно отнестись к чужой культуре. Образование иностранных студентов строится как процесс жизнедеятельности студента, обретение им нового культурного опыта. Содержание обра-

зования – знание русского языка через культуру, выражается через знания, способы мышления, чувства и поведение, овладение опытом социального общения и личностно значимыми культурными (созидательными) видами деятельности, проникающими во все сферы бытия и сознания.

3. Принятие культуры России иностранными учащимися на основе знания русского языка как иностранного способствует не только личностному росту, но и повышению коммуникативной активности.

4. Развитие способности к межкультурному общению предполагает не только развитие у обучаемого способности, позволяющей ему соотносить свою культуру с культурой другой страны, но также знание и понимание как сходств, так и различий между культурами, национальных стереотипов, представлений друг о друге, ситуаций, вызванных межкультурными различиями [1, с. 252].

Что же можно понимать, исходя из вышесказанного, под формированием толерантной языковой личности иностранного студента и толерантностью в целом? Толерантность – это комплекс личных качеств, подлежащих целенаправленному формированию в ходе процессов обучения, воспитания и самовоспитания, состоящий в высоком уровне знаний, умений и навыков уважительного отношения к «другому» в ходе культурного взаимодействия и общения; владение нравственными принципами и приёмами межкультурного общения; способность видеть в «другом» полноценную, равнодостоиную личность, способность к целостному восприятию «другой» культуры с пониманием её отличительных характеристик как проявлений её индивидуальности; готовность к диалогу культур посредством изучаемого языка.

В процессе формирования толерантной языковой личности основное значение будет иметь овладение русским языком как иностранным. Более того, русский язык как иностранный на-

чинает выступать как элемент межкультурной коммуникации, которую можно определить как комплексно-речевую взаимосвязь и взаимоотношение, в процессе которого люди, принадлежащие к разным национальным общностям, обмениваются опытом, духовными ценностями, мыслями. Культура такого общения зависит от общего уровня обучающихся, от их умения воспринимать и соблюдать общечеловеческие нравственные нормы.

Организационный процесс формирования толерантной личности средствами межкультурной коммуникации включает: определение общей цели и конкретных задач; ознакомление студентов в процессе обучения языку с системой научных знаний о человеке, об отношениях, о других культурах; развитие позитивного опыта культуры общения и др. На занятиях по русскому языку как иностранному с иностранными студентами Дальневосточного государственного аграрного университета используются различные типы заданий: задания, позволяющие студентам самостоятельно осуществлять поиск правильного ответа; задания, связанные с решением проблемных ситуаций; задания, направленные на восприятие «чужой» культуры и сопоставление её со «своей» культурой.

Таким образом, транскультурное обучение позволяет сформировать толерантную языковую личность. Личность каждого иностранного студента является субъектом и объектом межкультурных отношений и вносит свою крупицу в сокровищницу мирового опыта; каждая личность в той или иной степени является участником свободного политического, культурного диалога, овладение которым способствует ментальной совместимости людей, уважению, принятию и пониманию различных культур, являющихся условиями движения человечества к духовной интеграции, уважительному отношению к языкам, традициям и культуре других народов, формированию культуры мира [2, с. 114].

Список литературы

1. Белоусова Е. И. Ценностные ориентации иностранных студентов и духовный потенциал русской культуры // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. № 11. С. 251–254.
2. Игнатова И. Б. Формирование межкультурной толерантности у студентов-иностранцев // Успехи современного естествознания. 2008. № 6. С. 113–114.
3. Кирабаев Н. С., Тлостанова М. В. Модели современного гуманитарного образования // Высшее образование в России. 2009. № 1. С. 24–32.
4. Мальковская А. И. Глобализация и транскультурный вызов незападного мира // Социологические исследования. 2005. № 12. С. 3–13.
5. Ушанова И. А. Глобализация и мультикультурализм: пути развития // Вестник Новгородского государственного университета. 2004. № 27. С. 61–65.
6. Эпштейн М. Н. Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. – М. : Новое литературное обозрение, 2004. 864 с.

Статья поступила в редакцию 25 ноября 2011 г.

УДК 482
ББК Ш 141.2–96

Чжао Юйцзян

кандидат педагогических наук,

Пекинский государственный педагогический университет (г. Пекин, КНР),

e-mail: yuluo@mail.ru

Пути преодоления лексических ошибок в речи китайских учащихся

В статье затрагиваются вопросы, касающиеся путей преодоления лексических ошибок, которые допускают китайские учащиеся в русской речи. Делается вывод о том, что анализ, классификация специфических ошибок, допускаемых китайскими учащимися в устной и письменной речи, необходимы при решении проблемы связи обучения русской лексике с культурой мышления и культурой речи. Автор приходит к выводу, что анализ ошибок предстаёт в качестве особого вида работы над языком. Не вызывает сомнений необходимость объяснения того, что осталось непонятым, неусвоенным. В статье доказывается, что проанализировать ошибку на всех уровнях – лексическом, семантическом, грамматическом, фонетическом – это значит добиться ясности в языковом восприятии ученика и тем самым помочь ему в овладении иноязычным лексическим материалом.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, лексические ошибки, анализ, классификация, китайские учащиеся.

Zhao Yujiang

Candidate of Pedagogy,

Beijing State Pedagogical University (Beijing, People's Republic of China),

e-mail: yuluo@mail.ru

Ways to Avoid Lexical Mistakes in the Speech of Chinese Students

The article analyzes the ways which help Chinese students to avoid lexical mistakes when they speak Russian. The analysis and classification of mistakes made by Chinese students in their written and oral speech are necessary to solve the problem of connecting the teaching of Russian lexis with the culture of thinking and the speech culture. The author of the article concludes that the analysis of mistakes is a special kind of language work. There is no doubt that it is necessary to explain everything that remains obscure and unclear. The author proves that analyzing lexical, semantic, grammatical, phonetic mistakes means achieving clarity in students' comprehension of Russian and helping them to learn the foreign language lexical material.

Keywords: Russian as a foreign language, lexical mistakes, analysis, classification, Chinese students.

Методика обучения лексике, являющейся, по мнению Т. М. Балыхиной, «одной из основ формирования и развития коммуникативно-речевых умений иностранного учащегося», – один из основных разделов методики преподавания русского языка как иностранного. Наиболее важные проблемы и особенности работы над лексикой возникают в связи с необходимостью постоянного пополнения лексического запаса учащихся с учётом выхода в активную коммуникацию. При этом особое значение приобретает фиксация, систематизация, учёт в педагогическом процессе многочисленных случаев неправильного словоупотребления, допускаемых китайскими учащимися. Их своевременный анализ позволяет определить трудные для вос-

приятия моменты, в случае необходимости повторить или более детально изложить тот или иной лексический материал.

Прежде чем остановиться непосредственно на лексических ошибках в речи китайских учащихся, обратимся к отдельным методическим аспектам изучения лексики. Объём изучаемого материала в данном разделе позволяет представить само понятие **лексика**, отличающееся глубиной содержания и многозначностью. Во-первых, лексикой является вся совокупность слов русского языка, включающая наименования предметов, явлений, действий, признаков. Во-вторых, лексика обозначает определённые пласты словарного состава языка, например:

стилистически нейтральная лексика, книжная лексика. К тому же под лексикой понимается язык тех или иных произведений и их авторов.

Исторически в методике преподавания русского языка как иностранного (РКИ) работу над лексикой принято делить на два периода, существенно отличающихся друг от друга. Если на ранних этапах становления методики РКИ внимание практиков и теоретиков было направлено на вопросы адекватной представленности в учебном процессе фонетики и грамматики, а дифференцированный подход к лексике отсутствовал, то к настоящему времени практический курс обучения лексике сформировался в отдельное направление. Время между этими двумя периодами характеризуется методическими поисками по исследованию продуктивности, частотности, употребительности русских слов в речи, по выработке определённой позиции в вопросах возникновения лексических ошибок, представляющих собой часть проблемы соотношения и оценки правильного и неправильного в речи иностранных учащихся, изучающих русский язык.

Критический подход к данным проблемам способствовал становлению методически обоснованного деления лексики на **активную** (активный словарь, активный словарный запас), употребляемую учащимся в речи, и **пассивную**, узнаваемую и понимаемую при чтении, аудировании. При этом практика работы доказала, что **словарный запас** обладает способностью увеличиваться за счёт **потенциального словаря**, в который входят слова, о значении которых можно догадаться по словообразовательным элементам, по контексту.

В современной методике РКИ **основной целью работы над лексикой** является **формирование лексических навыков**, включающих следующие компоненты:

- понимание слова и особенностей его сочетаемости в речи;
- безошибочное использование слова в речи в соответствии с темой и ситуацией общения.

В связи с этим принято разграничивать **продуктивные и рецептивные лексические навыки**. Под продуктивными имеется в виду правильное словоупотребление в соответствии с ситуациями общения и целями коммуникации. В основе рецептивных навыков находится узнавание и понимание лексических единиц в звучащей речи, в письменном тексте.

На сегодня в сфере преподавания лексики остаётся ряд трудностей, позволивших выделить:

- проблемы, связанные с открытостью лексического состава русского языка;

- проблему минимизации лексики в учебных целях;

- проблему взаимосвязи слов в системе русского языка;

- проблему учёта родного языка учащихся при обучении русской лексике и проблему соотношения русских слов со словами родного языка учащихся или языка-посредника;

- психологические проблемы обучения иностранцев русской лексике;

- проблему системности в обучении лексике;

- проблему связи обучения русской лексике с культурой мышления и культурой речи.

Решение названных проблем немыслимо без внимательного и скрупулёзного анализа ошибок, возникающих в процессе коммуникации, способных осложнить, нарушить и даже разрушить её естественное протекание.

Особое значение в профилактике появления и предупреждения ошибок приобретает **проблема учёта родного языка учащихся при обучении русской лексике и проблема соотношения русских слов со словами родного языка учащихся, языка-посредника**. Работая над лексикой, необходимо иметь в виду, что есть слова, лексические значения которых являются **межъязыковыми**, например: *социальный*; **эквивалентными**, например: *семья, родственники*; **переводимыми**, например: *солнце, вода, природа*, а есть **безэквивалентные**, или такие, содержательная сторона которых несопоставима с иноязычным лексическим понятием, например: *уйти не солоно хлебавши*. Однако обращаться к родному языку учащихся следует только по мере необходимости, так как при избыточных сопоставлениях в результате «перекрёстной корреляции информации» неизбежно смешение и путаница близких форм, из-за которых появляются многочисленные ошибки типа: *я нет здесь; ничто не изменилось; в этой неделе; я получил большие успехи*. Аналогичные ошибки часто наблюдаются в речи китайских учащихся. Избежать ошибкообразующих факторов помогает решение **проблемы системности в обучении лексике**. Чаще всего лексическая работа сопровождает работу над текстом, так как именно текст считается основным средством обучения и формирования навыков, умений, словаря учащегося. Существенно уменьшить опасность появления ошибок помогает введение и первоначальное закрепление новых слов **до чтения текста**. При чтении текста происходит дальнейшее осознание смысловой наполняемости только что усвоенных слов, реализованной в контексте. По мере необходимости даётся дополнительная ин-

формация об их значении и употреблении. После чтения текста новые слова активизируются и закрепляются в послетекстовых заданиях.

Введение новой лексики с целью последующего безошибочного использования организуется с учётом воспринимающей способности учащихся так, чтобы они:

- услышали слово, восприняли его звуковой состав, отметили наличие «трудных» звуков, ударения;

- увидели слово, усвоили особенности его написания;

- узнали и осознали морфологические характеристики и лексическое значение единиц;

- могли пронаблюдать новую лексическую единицу в сочетании с другими словами, в составе предложения, проанализировали сочетаемостные возможности и нормы употребления лексической единицы в речи;

- произнесли, прочитали, написали новые слова, выполнили упражнения, где использовали бы полученные сведения об этих словах.

Анализ специфических ошибок китайских учащихся необходим при решении **проблемы связи обучения русской лексике с культурой мышления и культурой речи**. Обучение русскому языку немыслимо без активного введения в учебный процесс культурно значимых элементов, призванных помочь китайским учащимся адаптироваться в чужеродной для них среде общения. В противном случае даже при хорошем знании лексики незнание принятого и узуального в речи может привести к ошибкам, способствующим нарушению контакта.

Лексические ошибки, по определению энциклопедического словаря-справочника «Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты», заключаются в нарушении точности, ясности, логичности словоупотребления и связаны с семантикой русского слова. Китайские учащиеся должны знать, что в русском языке есть лексическая сочетаемость, однозначные слова, многозначные слова – слова с прямым и переносным значением, синонимы, омонимы, антонимы, паронимы. Соответственно ошибочным будет являться: употребление слова в несвойственном ему значении (употребление слова без учёта его семантики), нарушение норм лексической сочетаемости, расширение и сужение значения слова, неразличение (смешение) паронимов, ошибки в употреблении омонимов, антонимов, синонимов, не устраненная контекстом многозначность (неснятая полисемия) и некоторые другие. Остановимся более подробно на разновидностях лексических ошибок.

С нарушением точности и ясности речи связано **неоправданное употребление эвфемизмов** (слов, смягчающих резкость высказывания) при описании негативных явлений. Эвфемистичность речи можно объяснить стремлением автора притупить критическую остроту фразы. Однако неточность речи в подобных случаях нередко искажает смысл высказывания и даже способна придать речи комическое звучание, например: *В результате атаки у мотоциклиста то, что ниже пояса, переломано.*

Провоцирует ошибки **неправильный выбор слова**. Он делает речь, во-первых, неточной, например: *Несмотря на приличный боковой ветер, корабль плыл без остановки.* Вместо слова «приличный» лучше употребить прилагательное «сильный». Приличный – «пристойный», «подобающий», «уместный». Во-вторых, неправильный выбор слова может изменить значение высказывания, например: Прошу извинить за **привлечение** вам неудобства (вместо **причинение**). В таких случаях можно говорить об использовании слова без учёта его семантики или об употреблении слова в несвойственном ему значении.

В результате **смешения (неразличения) родовых и видовых понятий** какое-либо понятие может быть расширено или сужено, то есть речь идёт либо о расширении значения, либо о его сужении. В таком случае речь теряет соответствие требованиям логичности и точности. Часто в речи, особенно детской, словом «железо» обозначают «любой металл», тогда как «железо» – один из множества существующих металлов. Употребление родового понятия вместо видового (расширение значения) приводит к утрате конкретности высказывания, например: *Я готовлю обед в железной сковороде.*

Неразличение (смешение) паронимов в речи также относится к неправильному словоупотреблению, например: *В таких случаях я обычно **взглядываю** в «Философский словарь».* Глагол «**взглянуть**» обычно имеет при себе дополнение с предлогом «на» (взглянуть на кого-нибудь или на что-нибудь), а глагол «**заглянуть**» (быстро или украдкой посмотреть куда-нибудь, взглянуть с целью узнать, выяснить что-нибудь), который необходимо употребить в представленном предложении, имеет дополнение с предлогом «в».

Путаница в употреблении омонимичных слов также относится к неправильному словоупотреблению, например: *Мы решили **оставить** именно этот вариант ответа.* Из контекста неясно, что же было решено: отклонить вариант или, наоборот, принять его.

Лексической ошибкой является **неправильный выбор контрастного слова при противопоставлении**, например: *Я люблю не только солнечную погоду, но и ветреную*. Слова «солнечную» и «ветреную» не составляют антонимической пары. Для слова «солнечную» антонимом является слово «пасмурную», а для слова «ветреную» – «тихую».

При неправильном словоупотреблении могут возникнуть **ошибки в выборе синонима**, например: *Имя писателя Льва Николаевича Толстого знакомо во многих странах мира*. Вместо слова «известно» в предложении ошибочно употреблён его синоним «знакомо».

Ошибки может породить **не устранённая контекстом многозначность**, например: *За короткий срок он смог проявить себя как человек грамотный*. Слово «грамотный» имеет два значения: 1) «умеющий читать и писать, образованный»; 2) «обладающий специальными знаниями в какой-либо области». В представленном примере многозначность не устранена контекстом, непонятно, в каком значении употреблено слово «грамотный».

Ошибки, связанные с неправильным словоупотреблением, порождают неясность высказывания, искажают смысл, дают повод для двойной интерпретации всего текста, а иногда приводят к абсурдности.

Мы остановимся на **нарушении лексической сочетаемости**. Это разновидность лексических ошибок, которая заключается в нарушении говорящим правил соединения слов в словосочетание в соответствии с их значением. Лексическая сочетаемость определяется семантикой слова, его эмоционально-экспрессивной окраской, принадлежностью к тому или иному стилю речи.

Ограничения лексической сочетаемости часто объясняются наличием в языке разных лексико-семантических вариантов одного и того же слова. Например: слово «глубокий» в значении «имеющий большую глубину, находящийся на большой глубине» обладает большими воз-

можностями лексической сочетаемости (глубокая река, колодец, яма и т. д.). Однако это же слово в значении «достигший предела, полный» сочетается с ограниченным количеством существительных (глубокая осень, зима, ночь, покой, тишина, старость и т. д.). При этом ошибочными являются сочетания *глубокое лето, глубокое утро, глубокая зрелость*. Аналогичная ошибка допущена в словосочетании *сильно рекомендую* вместо *настоятельно рекомендую*.

Мы считаем, что наиболее широкое поле для ошибок обусловлено сложной лексико-грамматической природой данной части речи, связанной со специфическими особенностями его видовременной и залоговой системы, соотносящейся со словообразовательной системой. К числу наиболее трудных для усвоения можно отнести лексико-семантическую группу глаголов «пользования» (пользоваться, использовать, применять, употреблять). Неразличение семантики перечисленных глаголов может привести к ошибкам словоупотребления, например: *Я использую* (вместо пользуюсь) *транспортом*. Другая группа глаголов (получить, добиться, приобрести, достигнуть). Непонимание семантики перечисленных глаголов может привести к ошибкам словоупотребления, например: *Он получил* (вместо достиг или добился) *больших успехов в учебе*. Частотны ошибки также среди наречий, особенно со значением «тщательности»: *тщательно, внимательно, аккуратно, старательно, подробно, детально, скрупулёзно*, например: *Вечером я подробно* (вместо внимательно, аккуратно, старательно) *делаю домашнее задание*.

Таким образом, анализ ошибок предстаёт в качестве особого вида работы над языком. Не вызывает сомнений необходимость объяснения того, что осталось непонятым, неувоенным. Проанализировать ошибку на всех уровнях – лексическом, семантическом, грамматическом, фонетическом – значит добиться ясности в языковом восприятии ученика и тем самым помочь ему в овладении иноязычным лексическим материалом.

Список литературы

1. Балыхина Т. М., Игнатъева О. П. Лингводидактическая теория ошибки и пути преодоления ошибок в речи иностранных учащихся : учеб. пособие. М. : Изд-во РУДН, 2006. 195 с.
2. Балыхина Т. М. О системности русской лексики и о системе в обучении лексике // Традиции и новации в профессиональной деятельности преподавателя русского языка как иностранного : учебная монография / под общ. ред. С. А. Хаврониной, Т. М. Балыхиной. М. : Изд-во РУДН, 2002. С. 150–162.
3. Воронова Л. В. Классификация ошибок в письменной речи иностранца, изучающего русский язык // Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания : материалы VIII науч.-практ. конфер. молодых учёных (РУДН, 28 апреля 2006 года). М. : Флинта: Наука, 2006. С. 97–103.

Статья поступила в редакцию 5 декабря 2011 г.

**ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ,
ПУБЛИКУЕМЫМ В НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ
«Ученые записки ЗабГГПУ им. Н. Г. Чернышевского»**

Редакция принимает **не опубликованные ранее** материалы объемом до 1 п. л. (40 000 знаков с пробелами), выполненные в жанрах:

<i>Жанр</i>	<i>Минимальный объём</i>
статья (<i>теоретического и эмпирического характера, содержащая основные научные результаты, полученные автором</i>)	0, 5 п. л. (<i>20 000 знаков</i>)
научные сообщения, доклады	0, 3 п. л. (<i>12 000 знаков</i>)
научные обзоры, рецензии	0,2 п. л. (<i>8 000 знаков</i>)

В редакцию НЕОБХОДИМО ПРЕДСТАВИТЬ:

Печатный и электронный вариант статьи на CD и других носителях. В имени файла и на электронном носителе указывается фамилия автора и название статьи. Печатный вариант статьи обязателен (белая бумага, формат А 4). Распечатка рукописи должна быть полностью идентична электронному варианту.

Договор на оказание услуг – в 2 экземплярах.

Рецензия на статью – внешний отзыв, заверенный печатью.

Отзыв научного руководителя с указанием новизны и достоверности исследования, *если автор статьи – аспирант, соискатель ученой степени кандидата наук.*

Личная карточка автора – сведения об авторе /авторах.

СТРУКТУРА СТАТЬИ, ПРЕДСТАВЛЯЕМОЙ В РЕДКОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА

Отрасль науки (рубрика журнала)

Код: УДК и ББК

Инициалы, фамилия автора приводятся на русском и английском языках. Количество соавторов в статье может быть не более 4.

Город

Страна

Название статьи приводится на русском и английском языках строчными буквами (не заглавными).

Аннотация (объём – от 100 до 200 слов) – на русском и английском языках. Текст аннотации должен включать основные результаты статьи. Аннотация не должна содержать каких-либо ссылок.

Ключевые слова или словосочетания (5–7) отделяются друг от друга запятой. Приводятся на русском и английском языках.

Основной текст статьи с внутритекстовыми ссылками на цитируемые источники.

Список литературы даётся в алфавитном порядке, со сквозной нумерацией. Если в список входит литература на иностранных языках, она следует за литературой на русском языке.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Общие требования: формат А 4, ориентация книжная.

Параметры страницы: верхнее и нижнее – 2; левое и правое – 2,5. Шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал полуторный. Отступ первой строки – 1,25. Текст без переносов, выравнивание по ширине.

При использовании дополнительных шрифтов при наборе статьи **ОБЯЗАТЕЛЬНО** представить их в редакцию.

Статья должна быть со сквозной нумерацией. *На последней странице указывается*, что «статья публикуется впервые», ставится дата и подпись.

Рабочие языки: русский и английский.

Библиография оформляется согласно ГОСТу Р. 7.0.5 – 2008. Для каждого источника обязательно указывается изд-во, общее количество страниц или номера страниц интересующего материала источника.

В тексте **ссылки** приводятся в квадратных скобках с указанием порядкового номера и страницы: [1, с. 25]. Несколько источников отделяются друг от друга точкой с запятой [1; 3; 4].

Комментарии и пояснения даются в виде концевых сносок (в конце текста). Маркер сноски – арабская цифра, нумерация сплошная.

Особенности набора слов, цифр, формул, единиц измерения:

Слова на латинице набираются курсивом.

Единицы измерения отбиваются от символов и цифр, к которым они относятся.

Делать чёткое различие О (буквы) и 0 (ноль), 1 (единицу) и I (римскую единицу или букву «и») и т. д. Необходимо различать дефис (-) и тире (–).

Не следует заменять букву «ё» на «е».

Таблицы оформляются в формате Word, должны быть озаглавлены и иметь сквозную нумерацию в пределах статьи, обозначаемую арабскими цифрами (например, таблица 1), в тексте ссылки нужно писать сокращенно (табл. 1). Содержание таблиц не должно дублировать текст. Слова в таблицах должны быть написаны полностью, верно должны быть расставлены переносы. В ячейке таблицы в конце предложения точка не ставится.

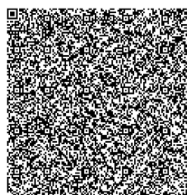
Черно-белые рисунки (графики, диаграммы – формат Excell, схемы, карты, фотографии) со сквозной нумерацией (арабскими цифрами) и везде обозначаются сокращенно (например: рис. 1). Представляются в формате jpg (разрешение не менее 300 т/д) отдельными файлами с указанием его порядкового номера, фамилии автора/ авторов и названия статьи. Размер рисунка 170x240 мм. Все детали рисунка при его уменьшении должны хорошо различаться. Все подрисовочные подписи прилагаются отдельным списком в конце статьи.

Объём рисунков не должен превышать ¼ объёма статьи.

Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

Материалы публикуются в авторской редакции. За точность содержания цитат и ссылок ответственность несут авторы.

Пакет документов, необходимый для опубликования материалов, **отсылается по адресу:** 672007, г. Чита, ул. Бабушкина, 129, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского, для «Объединённой редакционной коллегии научных журналов ЗабГГПУ».

Редактор Т. Р. Шевчук

Верстка М. Р. Коптеловой

Дизайн обложки М. Р. Коптеловой

Managing editor T. R. Shevchuk

Make-up M.R. Koptelova

Cover design M.R. Koptelova

Подписано в печать 15.05.2012
Формат 60×84¹/₈. Бумага офсетная.
Гарнитура «Times New Roman».
Способ печати оперативный.
Усл. печ. л. 16,3. Уч.-изд. л. 35,1.
Заказ № 06612. Тираж 1000 экз.

Забайкальский государственный
гуманитарно-педагогический
университет им. Н. Г. Чернышевского
672007, г. Чита, ул. Бабушкина, 129

Signed to print 15.05.2012
Format 60 × 84 1/8. Offset paper
Headset «Times New Roman»
Operative printing
Conv. quires 16.3. Ed.-print quires. 35.1.
Order № 06612. Circulation 1000 copies.

Zabaikalsky State
Humanitarian Pedagogical University
named after N.G. Chernyshevsky
672007, Chita, 129 Babushkin St.